

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Экономические и социальные перемены

№ 6 (154)

ноябрь — декабрь 2019

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ,
СЕКСУАЛЬНОСТЬ

СОЦИОЛОГИЯ
МОЛОДЕЖИ

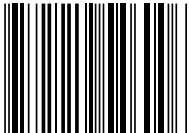

СОЦИАЛЬНАЯ
ДИАГНОСТИКА

ГОСУДАРСТВО
И ОБЩЕСТВО

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

M77

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
генеральный директор ВЦИОМ, кандидат политических наук,
профессор НИУ ВШЭ

Заместитель главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Ответственный редактор:

Кулешова Анна Викторовна —
кандидат социологических наук, член российской
Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) (Россия)

M77 Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2019. — № 6 (154). — 529 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

ISSN 2219-5467

© АО «Всероссийский центр изучения общественного мнения», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ С ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ

А. Б. Белоусов, В. В. Федоров

Эра типичных советских и постсоветских директоров в политике подходит к концу. Интервью 4

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

И. В. Катерный

Концептуализация социальной онтологии постгуманизма:
социологические импликации 13

А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова

«Искусственный интеллект», «онлайн-культура»,
«искусственная социальность»: определение понятий 35

Р. Е. Гергилов

Процессуальная социология о проблемах цивилизации 48

А. А. Космарский, В. В. Картавцев, Н. Ю. Подорванюк, М. М. Боде

Трайбы и прозрачность: перспективы цифровых механизмов
самоорганизации в российской науке 65

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Ю. Н. Корешникова

Развитие критического мышления в современном российском обществе:
что дает университет? 91

И. А. Щеглова

Can Student Engagement in Extracurricular Activities Facilitate
the Development of Their Soft Skills? 111

П. Л. Глухих, Д. В. Шкурин, Л. В. Воронина

Оценка социокультурных детерминант развития
предпринимательской культуры молодежи 122

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: ноябрь — декабрь 2019 152

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг

Общественные советы при органах исполнительной власти:
эксперты, контролеры или мирские челобитчики? 180

А. И. Шаблинский

Общественное мнение и политическое участие:
возвращаясь к работам Дж. Брайса 202

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

Е. В. Хахалкина, Г. В. Грошева

Проблемы укрепления идентичности ЕС и оценка Евробарометра
как инструмента для ее «замера» 220

О. В. Синявская, А. А. Червякова, Д. Е. Карева

Помогающие и счастливые? Влияние социальной активности на счастье
людей старше 50 лет в европейских странах 237

В. В. Уткина, С. А. Гаспарян

Ограничения при приеме на государственную гражданскую службу в РФ
для молодых женщин (на основе эксперимента)..... 259

Ю. П. Захарова, А. И. Любимова

Благополучие и неблагополучие семьи и ребенка в нарративах специалистов
по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних
Санкт-Петербурга 280

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

*О. В. Кубряк, Н. Г. Багдасарьян, М. Ю. Герасименко, В. Н. Краснов, Е. В. Кулябина,
Д. Г. Подвойский, С. А. Трущелёв*

О критичности врача: междисциплинарный подход 295

СОЦИОЛОГИЯ ИНВАЛИДНОСТИ

Н. Хакумура

Расширение трудоустройства и усилия по повышению долгосрочной
занятости инвалидов в Японии..... 314

О. А. Александрова, Е. В. Кочкина, Ю. С. Ненахова

Легко ли инвалиду найти работу в Москве? 328

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

М. Г. Пугачева

Игорь Кон: «То, чем занимался я, этим никто другой не занимался» 351

В. В. Костенко

Интерсекциональность в количественных социальных науках: эссе 382

И. В. Ломакин

Чайлдфри или добровольно бездетные? К переопределению
концептуального поля исследований не-родительства в России 394

<i>Е. Д. Чеманкова</i> Создание гендера женщинами-полицейскими	437
<i>А. А. Порецкова, Д. В. Сальникова</i> Гендерные различия как фактор взаимосвязи цен и их восприятия населением.....	452

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

<i>О. Г. Исупова</i> Кому нужен мой ребенок. Рец. на кн.: Шадрина А. Дорогие дети. Сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2017.....	467
<i>И. В. Ломакин</i> Сожалея о материнстве. Рец. на кн.: Donath O. Regretting Motherhood: A Study. Berkeley, CA: North Atlantic Books, 2017.....	473

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИССЛЕДОВАНИЕ

<i>Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова, А. С. Андреева</i> Расселение мигрантов в глобальных городах и его детерминанты: Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении. Часть I.....	479
<i>Н. Н. Седова</i> Жизненный успех молодежи — от Москвы до самых до окраин	505

ИНТЕРВЬЮ С ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.01

Правильная ссылка на статью:

Белоусов А. Б., Федоров В. В. Эра типичных советских и постсоветских директоров в политике подходит к концу. Интервью // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 4—12. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.01>.

For citation:

Belousov A. B., Fedorov V. V. (2019) Era of typical Soviet and post-Soviet directors is coming to an end. Interview. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 4—12. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.01>.

А. Б. Белоусов, В. В. Федоров ЭРА ТИПИЧНЫХ СОВЕТСКИХ И ПОСТСОВЕТСКИХ ДИРЕКТОРОВ В ПОЛИТИКЕ ПОДХОДИТ К КОНЦУ. ИНТЕРВЬЮ

ЭРА ТИПИЧНЫХ СОВЕТСКИХ И ПОСТСОВЕТСКИХ ДИРЕКТОРОВ В ПОЛИТИКЕ ПОДХОДИТ К КОНЦУ. ИНТЕРВЬЮ

ERA OF TYPICAL SOVIET AND POST-SOVIET DIRECTORS IS COMING TO AN END. INTERVIEW

БЕЛОУСОВ Александр Борисович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: ektb@ya.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0082-909X>

*Alexandr B. BELOUSOV*¹ — *Cand. Sci. (Pol. Sci.), Senior Researcher*
E-MAIL: ektb@ya.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0082-909X>

ФЕДОРОВ Валерий Валерьевич — кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ, член ESOMAR, главный редактор журнала «Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены», Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия
E-MAIL: fedorov@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0002-0749-4475>

*Valeriy V. FEDOROV*² — *Cand. Sci. (Pol. Sci.), Director General of the Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), member of ESOMAR, Chief Editor of Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*
E-MAIL: fedorov@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0002-0749-4475>

¹ Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

² Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Moscow, Russia

Аннотация. В январе 2019 года Лаборатория социально-политических коммуникаций Института философии и права УрО РАН опубликовала в СМИ доклад о ситуации на выборах губернатора Челябинской области. В докладе делался прогноз о вероятном снятии действующего губернатора Бориса Дубровского. Спустя несколько месяцев Дубровский добровольно сложил с себя полномочия губернатора, а Владимир Путин назначил и. о. губернатора Алексея Текслера

За последние годы доклад стал, возможно, единственным исследованием, выполненным в жанре публичной экспертизы, в котором содержался прогноз развития ситуации в регионе. Однако за пределами Урала исследование осталось неизвестным. Главный редактор журнала «Мониторинг общественного мнения» решил поговорить с автором доклада обо всем, что сопровождало его подготовку и публикацию. В первую очередь интересовали потребности в публичной экспертизе, ценности прогностических исследований, проблемы региональных экспертных сообществ и то, какую пользу челябинский кейс может принести в масштабах России.

Ключевые слова: выборы губернатора, Челябинская область, экспертный опрос, публичная экспертиза, прогноз рисков

Abstract. In January 2019, the Laboratory of Socio-Political Communications of the Institute of Philosophy and Law (Ural Branch of RAS) published a report on the situation in the gubernatorial elections in the Chelyabinsk region. The report made a forecast of a probable resignation of Boris Dubrovsky, the sitting governor. A few months later Dubrovsky resigned his office voluntarily, and President Vladimir Putin appointed Alexei Texler acting governor.

In recent years, the report perhaps has become the only study representing public expertise which described how the situation in the region could develop. However, little was known about the study outside the Urals. The Chief Editor of the “Monitoring of Public Opinion” decided to talk to the author of the report about how the report was prepared. The interview was mainly focused on a need for public expertise, the value of prognostic research, the problems of regional expert communities and the benefits of the Chelyabinsk case for Russia in general.

Keywords: election of the governor, Chelyabinsk region, expert survey, public examination, risk forecast

— Александр, мы знаем, что Вы проводили экспертное исследование по губернаторским выборам в Челябинской области, но не знаем его деталей. Что это за исследование и зачем Вы его проводили?

— Мы провели стандартное исследование из серии 27 экспертных интервью с политологами, депутатами и представителями СМИ, подготовили доклад и опубликовали его в СМИ. Формально — ничего необычного.

— Если в нем не было ничего необычного, в чем же был тогда смысл?

— Смысл был в том, что сегодня подобных исследований с актуальными данными и выводами в открытом доступе нет. Наше вскрыло весьма плачевную ситуацию в политике Челябинской области и поэтому вызвало живой интерес. Было более десяти публикаций в СМИ, а личных запросов от экспертов в социальных сетях — под сотню. Вот такой парадокс: общественный запрос есть, а исследований нет.

— И правда странно: запрос на политические исследования есть, но никто из ученых ими не занимается...

— Это настоящая беда. Такие исследования не принято считать научными, для науки они маргинальны. В серьезные научные журналы с таким кейсовым материалом не попадешь: для них нужно сделать с десяток подобных исследований, обобщить данные и т. д. Пока ты все это делаешь, актуальность утрачивается. Вот сейчас, когда мы обсуждаем прошедшее исследование, уже избран новый губернатор — Алексей Текслер. Подобное исследование интересно месяц-два, затем политическая ситуация меняется, и оно из политического превращается в историческое. Может быть, сегодня уже отменили муниципальный фильтр или день голосования перенесли на март, а за время выборной кампании кого-то из кандидатов могли снять с гонки, такое, увы, не исключено. Поэтому мы делали исследование не для науки, а для реальных субъектов политики — от Челябинска до Москвы. И изначально заявляли всем, кто принимал в нем участие, что результаты будут опубликованы в СМИ, которые сразу же проявили интерес.

Что касается научных исследований, да, они интересны, когда обобщают массив данных и показывают тенденции. Но есть два но. Во-первых, они выполняются постфактум, и про выборы 2019 г. мы узнаем в лучшем случае в середине 2020 г. Они не прогностические, не работают в режиме показа тенденций и рисков в режиме онлайн. Во-вторых, кейс-стади в чем-то более информативны, чем обобщенные исследования. Например, Екатерина Шульман отмечала, что из 16 губернаторов, которые пошли на выборы в этом году, только три просидели на своих местах дольше, чем 11 месяцев. Эта статистика показывает методы управления губернаторскими выборами в 2019 г. А вот почему 13 губернаторов не досидели, она сказать не может. Наше исследование показывает на примере Дубровского, как губернаторы подвели себя под снятие накануне кампании.

— Но, наверное, в реальной политике подобных исследований — масса. Есть же полпредства, разные другие институты, выполняющие функцию политического мониторинга и контроля.

— Все есть: институты, мониторинг, исследования. Нет одного — публичности, открытого доступа к данным, которые делаются не для политических манипуляций, а для всестороннего анализа. Аналитички летают по вертикали власти, словно птицы, но на волю их не выпускают. А политические наблюдатели, выпадающие из властного контура, смотрят на этот «черный ящик», в котором принимаются решения, и гадают: что же там происходит? Внутри контура — избыток информации и борьба за формирование оценки у политического руководства, снаружи — ее дефицит и совершенная безынициативность экспертного сообщества, неоправданная робость, если можно так выразиться. Ситуация, очевидно, требует корректировки, потому что дисбаланс между закрытым характером принятия решений

и запросом на их публичное обсуждение не может быть вечным. Вдруг кто-то захочет сделать на этом политическую стратегию и масштабирует ее, что тогда?

— Вы кого-то хотите обвинить в трусости?

— Я никого не обвиняю, но хорошо знаю, что происходит в региональных экспертных сообществах. Большинство местных экспертов попадают в зависимость от региональных властей, этот пусть довольно короткий. Где-то это вынужденная зависимость, а где-то эксперты сами же ее и продуцируют. Чаще всего их деятельность ограничена одним регионом, возможности для политического маневра минимальны. Другой вопрос, кто в этом виноват: они сами? Власти? Ситуация? Вот поэтому никого не хочется ни в чем обвинять. Как бы то ни было, челябинские эксперты, несмотря на очевидность запроса, такого исследования не провели и, похоже, провести не могли. Экспертам со стороны нечего терять, поэтому внешняя экспертиза показывает свою эффективность, причем не вертикальная, когда приезжают люди из Москвы с какими-то своими интересами, а горизонтальная, когда ей занимаются не столичные, а региональные эксперты. Я считаю это очень важным, чтобы эксперты из соседних регионов приезжали друг к другу, проводили исследования, обменивались опытом: это дает серьезный толчок к взаимному развитию. Не может одна столица служить хабом распределения экспертной информации — нам нужно несколько таких распределительных центров по всей стране, и мне бы хотелось, чтобы Екатеринбург стал одним из них.

— Как челябинские коллеги отреагировали на исследование?

— Во-первых, я хотел бы поблагодарить всех экспертов, которые приняли участие в исследовании. Они живо реагировали, проявляли неподдельный интерес, делились самой ценной и конфиденциальной информацией. Без них этого исследования не было бы. Те, кто не принимал участие, реагировали довольно живо. Интересовались, критиковали, местами заявляли о том, что не нашли для себя ничего нового, в общем, вели себя так, как и должны себя вести эксперты в подобной ситуации. Надеюсь, мы их пробудили от «экспертной спячки», что было одной из наших целей: не просто показать пример публичной экспертизы, но и дать толчок к созданию среды, которая бы сама подобную экспертизу проводила и воспроизводила. Сейчас появился один доклад, затем, глядишь, второй, а с третьим производство докладов встало бы на поток.

— Почему губернаторские выборы? И почему Челябинская область? Чем она интересна для России?

— Часто губернаторские выборы — единственное, что интересует местные элиты, и не только местные, которые способны серьезно мобилизоваться в период их проведения. На них идет самый большой отклик. Челябинская область интересна как типичный промышленный регион с типичным промышленным областным центром, в котором все начиналось «за здравие», а кончилось «за упокой». Парадоксальным образом типичный представитель промышленных элит — один из директоров Магнитки — не справился с регионом, что было понятно уже на стадии исследования. Челябинск и весь регион внезапно оказались «не заводом», и требуют совсем иных управленческих навыков. Можно сказать, это эра типичных советских и постсоветских директоров в политике подходит к концу, их авторитета и компетенций уже не хватает, чтобы справляться с управлением регионом.

А современный регион представляет собой нечто большее, чем совокупность производственных отношений, включая все возможные надстройки.

— **Отставка Дубровского была ожидаемой или скорее неожиданной?**

— Политическая драматургия в России всегда выстроена таким образом, что даже вполне ожидаемое решение всегда преподносится как неожиданное, повышая его политическую стоимость. Если кремлевские решения будут предсказуемыми, это даст повод региональным элитам начать играть в принуждение к их принятию, что будет ослаблять вертикальное устройство власти. Подчеркиваю, речь идет о стилистике принятия решений, а не о самих решениях. Поэтому принятие решения по Дубровскому затягивалось, все было покрыто завесой таинственности, за которой шла борьба, ведь у губернатора Челябинской области были весьма могущественные покровители. Дубровскому выдавали ордена, он несколько раз ездил в Москву, слухи о его отставке ходили с декабря 2018 г. В общем, все как обычно, с той лишь разницей, что все понимали — шанс не переназначиться у челябинского губернатора имеется.

Что же касается критериев принятия решения, то провальность политики Дубровского была очевидна всем, кто имел возможность оценивать ситуацию неангажированно. По большинству губернаторов «под снятие» ситуация ясна заранее. Отличить плохого губернатора от хорошего не такая уж сложная экспертная задача.

— **Было ли назначение Текслера столь же ожидаемым?**

— Нет, назначение Текслера было куда менее ожидаемым, чем снятие Дубровского. Никто эту фамилию в регионе не называл. Впрочем, так обстоят дела и с большинством губернаторов, которых назначают взамен тех, кого «ушли» досрочно. Процедура снятия более предсказуема, поскольку предполагает всего два варианта решения: либо снимут, либо нет. Процедура назначения куда более вариативна, вот почему эксперты редко берутся предсказывать назначения. Впрочем, и снятия они тоже берутся предсказывать неохотно, предпочитая составлять рейтинги губернаторов, где те, кто, по их мнению, может лишиться своего кресла, оказываются в нижней части. Но сами по себе рейтинги — совсем не прогнозы, а прогностические уловки.

— **Давайте перейдем к результатам. Что интересного Вам удалось выяснить?**

— Местные эксперты в один голос заявляли, что ничего нового они из доклада не узнали. Так оно и было. Что было новым — систематизация факторов риска, формирование единой картины. Главным фактором риска был Челябинск, с ним у Дубровского ничего не вышло. За рамками исследования остался вывод, к которому мы пришли в ходе исследования: в настоящее время востребованы «губернаторы-урбанисты».

— **Что такое «губернатор-урбанист»?**

— Губернатору, и прежде всего губернатору с мощным, ярким региональным центром, миллионником, в первую очередь нужно быть популярным в своей столице. При этом популярным нужно быть не только у своего традиционного электората — лояльного к власти, но и у «продвинутых» городских слоев — среднего класса, активистов, общественников, блогеров. Именно они могут создать больше всего проблем губернатору, сегодня они реальные «могильщики» власти. Городские активисты и съели Дубровского своим протестом. Мегаполис является визитной

карточкой региона, здесь сосредотачиваются все информационные потоки, отсюда и повышенные риски возникающих проблем. Кто контролирует город, тот контролирует все. Политический проект внесистемной оппозиции состоит в том, чтобы нарастить влияние в российских миллионниках. С другой стороны, областная столица — визитная карточка региона. Можно иметь на заднем дворе огромный хламник, но обращать внимание будут всегда на «фасад». В особенности важно это для тех губернаторов, которые мечтают о возвращении в Москву. Они делают мегапроекты в столице региона, на которые можно приглашать федеральных гостей, а остальным занимаются по остаточному принципу. В регионах происходит расхождение между областным центром и городами с населением 50—100 тысяч, и оно довольно заметное, разница в качестве жизни между ними такая же, как между Москвой и другими регионами, и она все увеличивается. Мы копим большой потенциал проблем за пределами мегаполисов. Но такая урбанистическая стратегия для губернаторов вполне успешна. Правда, для ее реализации нужно обладать целым рядом компетенций: от понимания современных технологий благоустройства городов до умения выстраивать диалог с теми, кто обычно занимается критикой власти. У Дубровского не хватило не только компетенций, у него не было даже базового понимания глубины проблемы. Кадровый эксперимент с назначением губернатора из второго города региона — в данном случае Магнитогорска — провалился.

— Может, губернатор из «второго города» провалился только в Челябинской области, а в других регионах, наоборот, имел оглушительный успех?

— Кокорин, выходец из Шадринска, в соседней Курганской области тоже провалился. А вот Кобылкин из Тарко-Сале и кресла губернатора Ямала пересел в министерское кресло. Но Тарко-Сале — особый случай, в этом районе добывают чуть ли не половину всего газа на Ямале, и поэтому корпоративная культура на довольно высоком уровне. Тем не менее факт остается фактом: из трех регионов в двух эксперимент провалился.

— Давайте вернемся к Дубровскому. Неужели плохого управления Челябинском оказалось достаточно, чтобы уволить его? И, кстати, в чем оно заключалось?

— Дубровский назначил мэром Челябинска своего доверенного человека из Магнитогорска еще в то время, когда считал, что у него все идет хорошо. Это решение не понравилось никому в Челябинске. Были проблемы с выполнением элементарных функций — уборкой улиц. Осенью 2018 г. случился «мусорный коллапс», когда мусор не вывозился из города целый месяц. Не решались проблемы с экологией, из-за чего люди просто уезжают из Челябинска. Но самое главное — не было видно развития города. Соседний Екатеринбург развивается семимильными шагами, развитие других уральских мегаполисов — Перми и Тюмени — тоже идет на хорошем уровне. Челябинск на этом фоне просто потерялся, и люди это видели. Они чувствовали, что у них воруют будущее. Этого они простить Дубровскому не могли, а он и не старался что-то исправить — с публичной сферой у него тоже были проблемы, роль публичного политика ему не подошла.

— Так почему же Дубровского уволили накануне выборов? Он их проигрывал?

— Выборы бы Дубровский, скорее всего, выиграл, но тем способом, который был совершенно неприемлем — засушенная, администрированная кампания

с отсутствием реальных конкурентов. Любой сильный конкурент — и он поплыл бы, а может, было бы достаточно и не самого сильного конкурента-техника. В следующем 2020 г. — выборы в Законодательное собрание области, еще через год — Государственная дума. Проводить их при непопулярном Дубровском было бы весьма непросто, а если бы он решил возглавить партию — обычно главы регионов считают это способом увеличения своего аппаратного веса, — это грозило обернуться провалом. Электоральные показатели при Дубровском падали: в 2016 г. «Единая Россия» набрала почти на 10% меньше, чем в 2011. И самое главное: проблемы в регионе не решались, а, наоборот, копились, и перевыборы Дубровского в такой ситуации могли лишь способствовать их накоплению. Таким образом, решение проблем перекадывалось на плечи федеральных администраторов, и ответственность за переназначение губернатора, кстати, тоже. Кремль на себя эту ответственность и риски брать не хотел, что довольно логично.

— Давайте отвлечемся от конкретной Челябинской области. Что в ней было универсального для всей страны? И можно ли транслировать выводы на другие регионы?

— Лев Толстой в «Анне Карениной» писал, что каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Мне кажется, так же и с губернаторами: путь в политическое небытие у каждого свой собственный. Между тем ряд типичных рисков Челябинск показывает. Первый мы уже обозначили — риски мегаполисов, в которых сосредоточена протестная активность. Добавлю только одно: если губернатор ставит своего мэра, он и несет за него ответственность. Второй риск — слабая публичная позиция губернаторов. На фоне роста протестных настроений каждый губернатор должен самостоятельно зарабатывать свой рейтинг. Назначение Путина и губернаторское кресло этого рейтинга не дают. Третий риск: медовый месяц заканчивается — и чем дальше, тем быстрее. Окно возможностей для закрепления в регионе становится все короче. На четвертом году срока ситуация становится совсем иной, но не все это понимают. Четвертый риск: нельзя замалчивать существующие проблемы. Протестное поле расширяется, губернаторы должны учиться заходить на протестную повестку и с ней работать. Лакировать негатив и перекрывать его позитивной повесткой будет получаться все меньше. Уже весной-летом политтехнологи, которые работали на губернаторских выборах, выявили практически во всех регионах запрос на обновление, и пусть это уже не наша заслуга, но этот запрос вписывается в ту картину, которую мы выявили.

— Со стороны может показаться, что исследование — это набор кейсов, которые могут быть по-разному интерпретированы. Они не объединены центральной гипотезой. Это принципиальная позиция, насколько она фундирована?

— Если так подходить, то фундированными являются исследования губернаторских выборов постфактум, когда есть результаты голосования. Но тогда про губернаторские выборы в Челябинской области вы будете читать через год, и вряд ли сможете из них понять, почему сняли Дубровского. По сути, основные события губернаторских кампаний происходят за полгода — год до дня голосования. Но как объективировать принятие решения административными структурами и как фундировать такие исследования? Здесь мы возвращаемся к тому, с чего

начинали — закрытых докладов много, публичных практически нет. С большой долей вероятности можно предполагать, что решения принимаются на основе экспертных мнений и заключений. Мы используем тот же самый метод. Но здесь возникают другие методологические вопросы, даже если оставить в стороне вопрос ангажированности исследований. Если подобные доклады способны оказывать влияние на принятие решений, то тогда они становятся частью политики и начинают выполнять функцию самосбывающихся прогнозов. Что касается центральной гипотезы, то она в докладе все же была: мы оценивали шансы переназначения Дубровского как 50 на 50, что для действующего губернатора в нашей политической системе довольно большой шанс не пройти переназначение.

— А может, и правда Ваше исследование — попытка манипулировать ситуацией в Челябинской области и Вы хотели снять губернатора?

— Если каждый научный сотрудник будет способен снять губернатора, мы будем жить в платоновском государстве. Шутка. Манипуляция возможна только при наличии заказчика, а его не было. Челябинские чиновники проявляли интерес, это было, но мы не стали с ними общаться.

— Вы отслеживали ситуацию после назначения Текслера, общались с челябинскими экспертами?

— Да, нас пригласили обсудить будущее региона в сигарном клубе. И получилась очень интересная дискуссия, хотя у нее была несколько иная направленность. По большинству вопросов мое мнение расходится с челябинскими коллегами. У них есть представление о том, что управленческими методами можно исправить существующие дефекты, а если еще и получить федеральное финансирование, то вообще можно зажечь припеваючи. У меня иная точка зрения. Для развития нужна среда, в том числе гуманитарная, которая будет продуцировать идеи. И только устойчивые идеи, где-то даже навязчивые мифы будут привлекать деньги. Но нужно обладать достаточной смелостью, чтобы справиться с этой средой, которая несет в себе протестный заряд, чтобы пройти через конфликты, подобные конфликту вокруг сквера/храма в Екатеринбурге. Сегодня немногие губернаторы готовы взять на себя такие риски.

— Какие другие подобные исследования Вы проводили?

— Мы проводили подобные исследования по депутатам городской Думы Екатеринбурга — рейтинг выживаемости. Пытались на основе балльных экспертных оценок сделать прогноз о том, кто переизберется в следующий состав, а кто нет. И получили отклик только среди экспертов: ни самих депутатов, ни власти исследование не заинтересовало. С теоретической точки зрения мы получили весьма интересные результаты, когда сопоставили результаты исследования с результатами выборов. Из группы депутатов с «сильными позициями» в новый созыв перешло 85 %, с «устойчивыми позициями» — 55 %, с «неустойчивыми позициями» — 25 % и с «слабыми позициями» — 20 %. Корреляция между экспертными оценками и попаданием в новый созыв Думы — налицо.

— Какие у Вас дальнейшие планы?

— Масштабировать исследования рисков. Провести подобные исследования во всех регионах, где будут проходить губернаторские выборы на этапе, когда решается, кого из губернаторов оставить на второй срок. Обобщить результаты

на уровне страны. Дальше — переходить к изучению региональных рисков в штатном режиме, чтобы руководители регионов могли приступать к их нейтрализации, не дожидаясь, когда наступят пере выборы. Недавно мы совместно с ВЦИОМом проводили исследования протеста 2019 г. Мне кажется, что перспективны исследования урбанизма как локальной политической стратегии. Отношение к закону, к правоохранительной системе в условиях политической турбулентности тоже интересно было бы посмотреть. Наконец, сейчас, ближе к выборному циклу 2021—2024 гг. жизнь сама будет подкидывать темы для исследований.

20 сентября 2019 г.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.02

Правильная ссылка на статью:

Катерный И. В. Концептуализация социальной онтологии постгуманизма: социологические импликации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 13—34. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.02>.

For citation:

Katernyi I. V. (2019) Theorizing social ontology of posthumanism: sociological implications. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 13—34. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.02>.

И. В. Катерный

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ ПОСТГУМАНИЗМА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ
ОНТОЛОГИИ ПОСТГУМАНИЗМА: СО-
ЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ

THEORIZING SOCIAL ONTOLOGY OF
POSTHUMANISM: SOCIOLOGICAL
IMPLICATIONS

КАТЕРНЫЙ Илья Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: yarkus@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5505-4941>

Ilya V. KATERNYI^{1,2} — Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor; Senior Research Fellow
E-MAIL: yarkus@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5505-4941>

¹ Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. В XXI веке радикальные социальные метаморфозы на стыке рефлексивной модернизации и технологической революции ведут к изме-

Abstract. Peculiar to the 21st century deep social metamorphoses delivered by the double power of reflexive modernization and technological advance

нению базовых онтологических и аксиологических констант человеческого развития и конституированию новой исторической ситуации, известной под названием «постгуманизм» (К. Вольф, Р. Брайдотти и др.). Такие социальные явления, как трансценция, десекуритизация, морфологическая свобода, плоская онтология и др., рассмотренные в статье, трактуются как основания для переосмысления базовых категорий гуманизма и социологии как части гуманитарного проекта. Постгуманизм конституируется вокруг трех основных метаморфоз: (а) изменений биологической природы человека и его социальной идентичности, (б) качественных сдвигов в природе человеческого общества и (в) трансформаций в природе социальных и биосоциальных процессов. Важнейшей стороной постгуманизма с социологической точки зрения является то, что он элиминирует примордиальные аскриптивные различия между «мужским» и «женским», «человеческим» и «нечеловеческим», «естественным и искусственным», «физическим и нефизическим», выводя на авансцену постчеловеческие номадические агентивы, включающие в себя человеческие палимпсесты, цифровые эпистемические объекты, андройды, искусственный интеллект, животные и эмбрионы, клоны, природные явления и физические объекты. На основе понятия диспозитива М. Фуко автор анализирует некоторые социальные последствия четвертой индустриальной революции, включая цифровизацию и развитие робототехники как примеры постгуманизации человека и общества. Смещая витрувианского человека с пьедестала эволюции, постгуманизм раздвигает границы социальности до предела,

have engendered profound ontological and axiological shift of the human existence towards a brand new historical setting, named posthumanism (C. Wolfe, R. Braidotti, et al). Phenomena like transience (social acceleration), de-securitization, morphological freedom, flat ontology, addressed in the article, trigger re-thinking of the major categories of both humanism and sociology as a part of European humanistic project. Posthumanism features the triple transformation, including (a) transmobility of the biological and social identity of the human, (b) morphogenesis of the communicative community and (c) growth of riskiness and unpredictability of social and biosocial processes. Sociologically significant is that posthumanism by eliminating primordial ascriptive distinctions between male and female, human and sub- and non-human, natural and artificial, material and non-material brings to the foreground posthuman nomadic agentives, including human palimpsests, digital objects, android robots, AI, animals and embryos, clones, as well as different natural and physical objects. Drawing upon M. Foucault's concept of dispositif, the author addresses some social consequences of posthumanism by inquiring into development of the Fourth industrial revolution and its most evident manifestations of digitalization and robotics. It is concluded that alongside with knocking Vitruvian man off his pedestal posthumanism extends the domain of the social extremely making it a single universal reality for all enacted subjects and objects and consequently making sociology a fundamental science. In the remnant part, an issue of moral challenges of posthumanism is raised. To meet these challenges, it is argued for reconsideration of communicative ethics

превращая социальное в единственную реальность и делая социологию фундаментальной наукой. В конце статьи ставится вопрос о необходимости осмысления морально-этических сторон постгуманизма. Для этого автор апеллирует к коммуникативной этике дискурса (К.-О. Апель) и классическому идеалу хорошо информированного гражданина (А. Шюц).

Ключевые слова: гуманизм, постгуманизм, социальное ускорение, морфологическая свобода, плоская онтология, постправда, четвертая индустриальная революция

of discourse (K.-O. Apel) and classical sociological ideal of the well-informed citizen (A. Schutz).

Keywords: humanism, posthumanism, posthuman, social acceleration, morphological freedom, flat ontology, post-truth, fourth industrial revolution

На протяжении почти двухсот лет своего развития социология занимается решением проблемы амбивалентности отношений человека и общества, предлагая различные ее концептуализации в терминологических связках «субъекта» и «объекта», «структуры» и «участия», «действия» и «фрейма», при этом определяя самого человека то «актером», то «агентом» социальных отношений зачастую со взаимозаменяемым смыслом. Но как бы там ни было, объединяющей пресуппозицией всех социологических подходов до последнего времени было представление о том, что социология — это всегда наука о человеческом обществе. Даже когда социологи приходили к выводу, что общество как «самодостаточная» система не состоит из конкретных индивидов [Парсонс, 1993: 100], а всякое действие следует трактовать как «со-осуществление аутопойетической репродукции социальной системы» [Луман, 2007: 228], или что социальное в современном мире уничтожается и поглощается анонимной монструозной «массой» [Бодрийяр, 2000], все это было лишь изощренной версией теоремы о примате изучения общества как человеческого образования. В феминистских подходах даже радикальные критики самой социологии как сугубо маскулинного эпистемологического проекта не отказываются от понимания социальности как «процессов согласования и координации человеческой деятельности» [Smith, 1999: 6—7], ставя просветительское понятие «человека» на пьедестал познания. Таким образом, история социологии, несмотря на всю разность существующих подходов, в полной мере всегда была историей исследования общества как сферы «взаимодействия и форм объединения людей, в которой выражается их всесторонняя зависимость друг от друга», как это точно выразил в свое время Ю. Н. Давыдов [Давыдов, 1998].

Операционализируя концепты «человек» и «человеческое общество», унаследованные социологией от традиции европейского гуманизма, можно указать на три важные идеи, вокруг которых они исторически конституируются со времен Сократа: приоритет человеческого над природным (антропоцентризм), контроль

над бытием с помощью человеческого разума (рационализм), а также признание отдельной человеческой личности и ее свобод как базовой моральной ценности (либерализм). Само название социологии, как известно, апеллирует к старофранцузскому *societe* (собрание, компания), которое, в свою очередь, происходит от латинского *socius* в значении «компаньон», что с самого начала синтезировало в образе объекта познания новой науки представления о свободном, рациональном объединении граждан на основе общих ценностей в условиях современности. «Общество» в социологии конституируется как интеллектуальный проект, направленный на либерализацию европейского самосознания, последовательно избавлявшегося от традиционного культурного дуализма *sacerdotium* (царства Бога) и *regnum* (царства короля). В «обществе» видели новую силу, способную объединить людей в их общем движении к современности — эпохе торжества либерализма, капитализма и демократии. Именно это триединство, несмотря на всю его критику «слева», доказало свою историческую эффективность успехами антиколониализма, расовой десеграции, феминизма и глобализации. Вывод, который делают социологи на основе продолжительных глобальных исследований, заключается в том, что модернизация, по сути своей, представляет собой процесс человеческого развития, усиливающий гуманистический характер общества, в котором все большее значение придается свободе и самовыражению личности (подробнее см.: [Инглхарт, Вельцель, 2011]). Таким образом, социология как наука о «современности» (П. Бергер) всегда была порождением и культурной платформой классического (сократического) гуманизма, в рамках которого (протагоровское) «человек есть мера всех вещей» оказывается онтологическим и аксиологическим фундаментом познания мира.

Однако гуманизация социального пространства в процессе модернизации сталкивается с собственными противоречиями, поскольку прометеевское стремление к свободе на основе повсеместного прогресса требует на определенном этапе преодоления самих гуманистических идеалов и границ человеческого как такового. Как известно, от К. Маркса до Дж. Ритцера в социологии обсуждается диалектика отчуждения человека от человеческого, но даже в самом дегуманизованном состоянии человек здесь остается в центре познаваемого мира. Постгуманизм, идущий на смену эпохе гуманитарной модернизации, делает следующий шаг и ставит вопрос уже не об отчуждении, а *децентрации* и *замещении* человека и человеческого в социальной онтологии и аксиологии.

Социальные метаморфозы: от гуманизма к постгуманизму

Когда в 1985 г. вышло известное эссе Д. Харауэй «Манифест киборгов» [Haraway, 1985; Харауэй, 2016], о постгуманизме еще не говорили, но именно здесь, отталкиваясь от критики отчуждающего господства расового, гендерного и классового сознания, рождается дискурс, призванный обосновать новую природу социального за пределами человеческого. Создавая свой «ироничный политический миф» об обществе без границ, Харауэй провозглашает важнейшие постулаты постгуманизма, воплощенные в образе «киборга» как аллотопичной метафоры нового типа социального участия, для которого характерны гибридность, текучесть и подвижность онтологических (и аксиологических) границ

между человеческим и субчеловеческим (движение за права животных как «признание связи, пересекающей дискредитированную брешь между природой и культурой»), животным и человеческим (естественным) и искусственным/техническим («нашим машинам свойственна тревожная живость, сами же мы пугающе инертны»), а также физическим и нефизическим (электронные коммуникации, которые «сделаны из солнечного света: они все легкие и чистые, поскольку они не что иное, как сигналы, электромагнитные волны, сектора спектра») [Харауэй, 2016: 9—11]. Как социально-политический проект постгуманизм, по Харауэй, следовало не бояться и сознательно приближать в борьбе с идеологизацией и контролем, но, как показала практика, постгуманизированный мир стал реальностью слишком быстро и без всякой борьбы за него. Как описывает эту ситуацию К. Кнорр-Цетина, «одна из отличительных особенностей современной жизни состоит в том, что, пожалуй, впервые в истории встает вопрос о том, действительно ли другие люди являются наиболее интересным элементом окружающей среды — тем, на которые люди тоньше и охотнее всего реагируют и которым они уделяют наибольшее внимание» [Кнорр-Цетина, Брюггер, 2006: 308—309]. Развитие новой мультикультурной, мультимедийной и свертехнологической культуры в XXI веке ведет к последовательному распространению смешанных коммуникаций или постсоциальных отношений, в рамках которых нечеловеческие, неживые и даже нефизические объекты все чаще замещают людей как партнеров по взаимодействию и во все большей мере опосредуют социальные отношения, делая последние зависимыми от них. Таким образом, постгуманизм, обозначающий в работах современных авторов новый этап эволюции общества [Hayles, 1999; Badminton, 2000; Wolfe, 2010], характеризуется, прежде всего, появлением особого социального действующего субъекта, который Р. Брайдотти, в частности, называет «постчеловеческим номадическим субъектом» [Braidotti, 2013: 49]. В эту категорию теперь входят не только все люди, имеющие возможность и право трансформировать свою биологическую и социальную идентичность, но и природные «другие» (от эмбрионов и отдельных животных до климатических процессов и Земли в целом) и нечеловеческие «другие» (роботы, дроны, аватары и т. п.) — все то, что не обязательно способно говорить (как человек), иметь личность и разум, но способно быть «эмпирическим», то есть производить действия или быть задействованным. Человеческое общество, для изучения которого задумывалась социология, более не описывается сугубо «человеческими» категориями, так как примордиальная аскриптивная демаркация, служившая основой социально-нормативного порядка, — демаркация между «мужским» и «женским», «человеческим» и «субчеловеческим», «естественным и искусственным», «физическим и нефизическим», — элиминируется. По мнению специалистов, грядущее «человечество 2.0» должно будет решить по крайней мере два критически важных вопроса: (а) двигаться ли в сторону максимального расширения возможностей человека с помощью технологий и еще большего увеличения своей власти над природой или в сторону замещения человека на пьедестале эволюции другими жизненными формами и искусственными созданиями, которые станут претендовать на статус равных человеку субъектов; (б) и в каком виде будет возможным существование идей толерантности, вовлечения и признания

как основы современной солидарности, если человек перестанет быть человеком в своем традиционном онтологическом статусе [Fuller, 2016].

В любом случае определения социологии как науки о «действиях людей в эпоху современности» [Гидденс, 2011: 128] уже недостаточно, ибо содержание социологических концептов *действия, человека, современности и общества* подвергаются глубинной метаморфозе.

Сама метаморфность, понимаемая как постоянное движение к приобретению новых, невиданных ранее состояний и качеств, видится ключевой структурной характеристикой современности [Кравченко, 2018]. «Ускользание» современности становится результатом того, что гуманизм, требовавший максимальных «структурных возможностей» (Р. Мертон) для каждого человека, достигает на стадии метаморфных социальных изменений своего собственного структурного предела, преодоление которого становится неизбежным. Свобода развития человека оборачивается созданием нового «постчеловеческого» мира, чья метаморфность как фундаментальная черта может быть описана, по крайней мере, следующими пятью факторами.

1) Трансценция (недолговечность) — максимальное ускорение всех социально значимых процессов, не поддающихся полному контролю и управлению со стороны человека и традиционных социальных институтов. Главное понятие современности с точки зрения социальной динамики — это скорость (в производстве, в передаче, в потреблении). Скорость делает почти неразличимым настоящее и будущее, которое наступает слишком быстро, вызывая «депривацию статус-кво» в процессе социализации и адаптации к окружающей среде, где новизна постоянных метаморфоз не успевает превращаться в нечто привычное, сменяясь следующей новизной. Уже в 1970 г. Э. Тоффлер, подводя итоги пятилетнего исследования культурного переворота, охватившего Америку и другие передовые западные страны, пришел к выводу о нарастающем разрыве между человеком и человечеством в процессе ускоряющихся социальных изменений в форме распространения «шока будущего» [Тоффлер, 2004]. Проблемой каждого человека, по мысли Тоффлера, будет не выживание в условиях режима типизации, стандартизации и эксплуатации, но проблема выживания в условиях полной новизны и полной свободы. Сегодня социологи выделяют, по крайней мере, три формы социального ускорения [Rosa, 2013: 71—80]: (а) технологическое — сокращение времени, требуемого для различных целеориентированных действий и институциональных процессов (производство товаров, услуг, информации, транспортировка, связь, коммуникации); (б) ускорение темпа жизни — переживание дефицита времени на повседневном уровне, перманентный цейтнот и спешка, что становится парадоксальным результатом технологического и информационного развития; (в) ускорение общества в целом — рост числа и темпа изменений самих социальных изменений, то есть постоянная трансформация окружающей среды без задержек, ведущая к элиминации социальной статики и постоянной футуризации настоящего. В этих условиях распространяются новые формы межличностных отношений и институциональных и познавательных практик, которые основаны на эпизодичности, временности, сменяемости и новизне. Если модернистский гуманизм видел будущее прогрессивным и рациональным, то наступивший посту-

манизм делает его слишком непредсказуемым и некаузальным в логике «стрелы времени». Текучесть и неустойчивость существования, перманентная нестабильность, отсутствие простых и надежных решений, утрата управляемости и контроля за происходящим вокруг делают окружающий мир все менее близким и понятным. В итоге образуется качественный дисбаланс между жизненным миром отдельного человека, всегда ограниченным биологическими, материальными и временными ресурсами, и человечеством в целом, которое только наращивает обороты суперускорения и техно-информационной экспансии. В концептуальном смысле происходит эрозия констант «дома», о котором в свое время писал А. Шюц как о системе базовых релевантностей человека, основанных на заведенном, привычном и повторяющемся характере определенных социальных отношений [Шюц, 2004а]. Символически дом мог включать в себя географический район, родной язык, семью, друзей, любимый пейзаж, детские песни, личные привычки и даже особым образом приготовленную пищу. Однако ускорение изменения социальных ландшафтов делает возвращение домой в прямом и символическом смысле почти невозможным. Центробежные силы шок-футуризации вызывают в человеке синдром «перманентного чужака» и ведут к увеличению употребления наркотиков, росту мистицизма, периодическим вспышкам вандализма и неспровоцированного насилия, политике нигилизма и ностальгии по тираническим режимам, болезненному равнодушию миллионов людей [Тоффлер, 2004: 373]. По словам Э. Гидденса, мир все больше похож на колесницу Джаггернаут — «неудержимую машину невероятной силы, которой мы, люди, в определенной степени можем совместно управлять, но которая также угрожает выйти из-под нашего контроля и расколоться на части» [Гидденс, 2011: 279]. Движение этой колесницы может быть разным, но замедление или остановка в пути уже невозможны. Онтология человеческого существования впервые оказывается слишком беспочвенной и иллюзорной. В статически значимых масштабах это отражается и на здоровье людей, а именно в массовом распространении такого психического расстройства, как депрессия (продолжительное угнетенное состояние психики), которая, по данным ВОЗ, уже является основной причиной плохого состояния здоровья и инвалидности во всем мире [WHO Report, 2017: 13].

2) «Десекуритизация», то есть элиминация социальной безопасности и доверия. Процессы социального ускорения, призванные делать окружающий мир более комфортным, безопасным и гуманным для человека, в XXI веке стали нести мощный заряд потенциальной социальной травмы, опасности и риска. Страхи и беспокойства, вызванные самим фактом разнообразия, глубины, широты и неожиданности социальных изменений, ведут к переживанию перманентной «травмы современности» (П. Штомпка). Происходящие изменения могут быть позитивного характера (новые технологии) или негативного (теракты), но так или иначе они разрушают зону экзистенциальной безопасности и взаимного доверия внутри жизненного мира. Современные авторы указывают, что распространение рисков и уязвимостей существования на всех уровнях стало настолько всеобъемлющим, что постоянные технические аварии становятся «нормальными» (Ч. Перроу), а человеческое сообщество превращается в «мировое общество риска» (У. Бек). В современном обществе уже нет действий, свободных от риска

нанесения ущерба и разрушения. Риски делокализованы, неисчислимы и зачастую не поддаются адекватной компенсации из-за непредвиденности и масштаба их реализации. Более того, надо оставить надежду, что новое знание увеличивает вероятность перехода от риска к безопасности. Напротив, чем лучше мы знаем то, чего мы не знаем, тем более глубоким становится наше осознание риска. Для дихотомии «риск — безопасность» это означает, что нет абсолютной надежности или безопасности, тогда как из дихотомии «риск — опасность» вытекает, что нельзя избежать риска, принимая какие-либо решения. Более того, как указывает Н. Луман, «попытки уменьшить риск сами являются рискованными, отличаясь от уже существующего риска лишь по времени, масштабу и распределению выгоды или ущерба» [Луман, 2013: 22]. Более того, ущерб, сопряженный с вероятностью рисков неблагоприятных исходов в будущем, наносится уже в настоящем, ибо само ожидание ущерба связано с расходом психологических, материальных и других ресурсов. Десекуритизация на почве онтологизации рисков аварий, терактов и т. п. напрямую связана с утратой взаимного доверия между гражданами, а также гражданами и социальными институтами. На смену традиционному обществу «хлеба и зрелищ» как модуса социального порядка современность постепенно усиливает общество надзора или наблюдения (*surveillance society*), воплощающего мечту И. Бентама о всеобщем Паноптиконе как механизме тотального контроля меньшинства за большинством. Однако если Бентам, а вслед за ним и М. Фуко [Фуко, 1999] рассуждали о распространении дисциплинарных процедур посредством установления закрытых заведений и определенных очагов контроля в обществе (от школы до тюрем), то сегодня благодаря цифровым технологиям наблюдения и сбора информации власть государства, СМИ и корпораций становится повсеместной, но при этом почти невидимой. Рискованность существования в больших городах, прозрачность частной и публичной жизни и невидимая тотальность власти делают свободу личности почти невозможной, а доверие — разрушенным. Даже разоблачения «всевидящего ока» власти в духе Э. Сноудена не делают ее более подотчетной и видимой для граждан, а самих разоблачителей, скорее всего, ждет судьба «социальных невидимок», ограниченных в правах и передвижениях из-за необходимости обеспечить сохранность собственной жизни и здоровья. В поисках безопасности единственным выходом для человека становится собственное пристальное наблюдение за другими, за властью, за собой. Таким образом, Паноптикон сочленяется с механизмами «синоптикона» [Mathiesen, 1997], позволяющим массам наблюдать за элитой через вездесущие электронные СМИ, и даже «омниоптикона» [Jouze, 2003; de Melo Pimenta, 2010], то есть возможностью подглядывания и подсматривания друг за другом в социальных сетях. К другим значимым симптомам социальной травмы, вызванной дефицитом безопасности и доверия, можно отнести социальную апатию или, наоборот, социальное беспокойство в форме распространения слухов, тревог, сплетен и т. п., значительное сокращение повседневного горизонта планирования в жизни людей, а также массовое увлечение ностальгическими чувствами и образами.

3) «Нормативная трансгрессия» как понятие используется для описания характерной для метаморфной современности ситуации «чрезмерности и суверен-

ности», производящей всевозможные формы выхода в область невозможного и немислимого, изменения запретов, моральных регулятивов и традиционных норм в общественной жизни. Различение между «добром» и «злом», «истиной и ложью», «красивым и безобразным» не просто антигуманно или злонамеренно игнорируется во имя хаоса и разрушения общественных устоев, но спонтанно наполняется новым практическим содержанием, ненормируемым традиционными гуманистическими принципами. Постгуманизм в этом смысле характеризуется новой «просторностью» и анархией в ее первоначальном смысле, то есть самоорганизацией и стремлением к предельному свободному опыту. Например, практика эвтаназии до сих пор не имеет универсального нормативного ответа, и разные страны регулируют ее применение по-разному. Согласно же исследованиям швейцарских ученых, более 30 % клиентов одной местной организации, помогающей сотням людей в год умереть тогда и там, когда и где им хочется, выбирают эвтаназию не из-за медицинских показателей, а просто потому, что они «устали от жизни» и смерть видится ими желаемой [Fischer et al., 2008]. Новыми вызовами гуманизму в ближайшее время станут практики клонирования человека и наделение искусственным разумом автомобильного транспорта, что потребует разработки особых (этических) кодексов поведения машин в аварийных ситуациях. Дж. Александер указывает на современный постгуманизм в переживании зла — когда совершение злодеяний вызывает в обществе отторжение, но одновременно и тягу, и смакование. Так, он приводит в пример известную правозащитную организацию «Amnesty Int.», которая считается на Западе столпом борьбы со вселенским злом, но в то же время в центре дискурса которой находится «доходящее до одержимости беспокойство о том, чтобы определить, исследовать и представить в наглядном виде зло, чтобы в итоге подвергнуться искупительному переживанию эмоционального и физического воздействия зла» [Александер, 2013: 340], что проявляется в ее откровенных мрачных фильмах о пытках и в самом логотипе, амбивалентно сочетающем свечу и колючую проволоку. То же самое относится к практике некоторых СМИ, которые в погоне за рейтингом показывают во всех деталях и подробностях ужасы терроризма и военных действий, как бы преследуя благую цель вызвать отвращение ко злу, но только через погружение в него с головой. Сочетание несочетаемого, амбивалентность и противоречивость характерна и для сардонического юмора «Шарли Эбдо», и для тех, кто во имя Аллаха устроил расстрел редакции этого французского еженедельника. Что касается нормативной дихотомии «истина — ложь», то Оксфордский словарь английского языка в 2016 г. в качестве слова года выбрал термин «постправда», относящийся «к обстоятельствам, при которых объективная реальность и факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям»¹. Другими словами, пост-правда — это то, что кажется или ощущается как правда, но не обязательно является таковой. Хотя сам термин существует с 1990-х годов, но именно 2010-е годы превратили его в политическую реальность: присоединение Крыма к России, Брекзит в Англии,

¹ Word of the Year 2016. *Oxford Languages*. 2016. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (accessed: 05.12.2019).

избрание Д. Трампа президентом США считаются яркими примерами применения инструментария пост-правды в политике и геополитике.

4) «Морфологическая свобода» (М. Мор, А. Сандберг и др.), подразумевающая максимальное расширение права человека на владение и распоряжение собственными и чужими висцеральными (телесно-корпоральными) воплощениями («человек — нечеловек», «мужчина — женщина», «живой — мертвый»). Свобода висцеральной трансформации идентичности, возможно, с помощью таких технологий, как косметическая хирургия (от «омоложения» до смены пола), генная инженерия (редактирование генома), нанотехнология (вживление чипов), киборгизация (искусственные протезы), загрузка сознания (нейронные сети), дегеронтизация (медицинское омоложение организма), витрификация (быстрое замораживание перед или сразу после смерти). Как известно, операции по смене пола, вживление искусственных органов и частей тела, пересадка искусственно выращенных органов, редактирование генома уже стали реальностью. Проблема старения также находится, по мнению некоторых ученых-генетиков (Дж. Чёрч), на грани своего решения. Продолжением морфологической свободы является также свобода репродуктивная, уже далеко шагнувшая в практике клонирования целых организмов и набирающая обороты в практике генетического программирования человеческого размножения («генетический дизайн»), которая уже сегодня дает право выбирать способ зачатия, назначать количество родителей и заранее модифицировать будущий генетический портрет детей, исправляя возможные отклонения и задавая природные склонности и таланты. Г. Грили, правовед из Стэнфорда, в книге «Конец секса и будущее человеческого размножения», обобщил результаты исследований в этом направлении и делает вывод, что в ближайшие 20 лет оплодотворение с помощью стволовых клеток (взятых из кожи родителей) и генетическое программирование детей станет доступной, легальной и безопасной технологией, что сделает обычный секс ненужным и ненадежным предприятием для размножения [Greely, 2016]. Несмотря на ожесточенную критику этих инноваций со стороны так называемых биоконсерваторов (Л. Касс, Дж. Рифкин, М. Сандел и др.), указывающих на проблемы нового генетического неравенства и непредсказуемых медицинских последствий евгенических опытов, беспристрастный взгляд показывает неизбежность развития и распространения новых услуг. В этом смысле социологи делают вывод о последовательном сращивании биотехнологий и социальных институтов, что ведет к формированию *биоэкономики, биокапитализма, биогражданства и биосоциальности* в целом. В частности, один из наиболее влиятельных современных английских социологов Н. Роуз говорит о современном «молекулярном дискурсе» как апофеозе исторической биополитики, открытой в свое время М. Фуко в качестве одного из базовых элементов социального контроля в обществе, направленного на осуществление (био)власти над здоровьем людей: «молекулярная биополитика дарует новую мобильность самим элементам жизни, которые становятся объектами биологических, межличностных, географических и финансовых операций» [Rose, 2007: 15]. Традиционные же отношения между мужчиной и женщиной уже давно постгуманизировались с учетом того, что гендерный выбор стал определяться свободно и индивидуально. Например, с 2014 г. всемирная сеть Facebook официально пре-

доставила своим пользователям в США и Великобритании возможность выбора более 70 вариантов ответа на вопрос о своей гендерно-половой идентичности при регистрации — от асексуала и андрогина до «пангендера» и «двоедуха» (two-spirit). Также можно выбрать и местоимение для обращения к себе — «он», «она» или «они/мы». Многие страны (от Непала до Канады) в последние годы юридически признали внебинарную сексуальную норму, позволяя людям при рождении или в течении жизни обозначать в документах «третий» или «иной» пол. Таким образом, морфологическая свобода меняет природу человека изнутри, преодолевая традиционно ригидные структуры приписывания гендерных, сексуальных, возрастных, расовых и других «природных» аскрипций на основе практик висцеральной трансмобильности. В этом смысле трансгендеры и транссексуалы, андрогины, люди-киборги, экстремальные модификаторы и хакеры тела (bodmods) образуют новое сообщество транслудей. Все перечисленные статусы характеризуют их носителей как *биосоциальных палимпсестов*², т. е. действателей с переписанной аскриптивной идентичностью.

5) «Плоская онтология» (М. ДеЛанда, Г. Харман и др.) — стирание онтологических границ между человеческим и нечеловеческим мирами с точки зрения вовлеченности в социальные процессы. Если модернистские науки об обществе рассматривали социальность как «моральное пространство», то есть совокупность различных зависимостей людей друг от друга как носителей морали, то в постгуманизованном мире человек перестает быть единственным носителем моральной субъективности (personhood) и автором социального действия. Первые шаги в этом направлении были сделаны в рамках экологической этики, начиная с XVII века, когда зарождается движение за права животных. Новым толчком в осмыслении моральных и правовых оснований социальности стало развитие био- и экологической этики, а также робототехники и информационных технологий во второй половине XX века. В дверь общества стали настойчиво стучаться невиданные ранее субъекты и объекты, обладающие в то же время фундаментальным, но не свойственным (обычным) людям качеством: у них не развита субъективность, а значит и их моральный статус не определен. Поэтому обычное социальное взаимодействие с ними оказывается под вопросом. Массы неродившихся эмбрионов, коматозных больных, подопытных животных, исчезающих видов, роботов, «умных вещей», виртуальных аватаров, ботов, а также целых природных явлений (например, климат) создают новую область гибридных коммуникаций в обществе, то есть коммуникаций с участием «нерациональных», «невидимых», «некомпетентных», «неполноценных», «нечеловеческих» и даже «неодушевленных» субъектов и объектов. И такие «участники» существенным образом переструктурируют природу социальности, разрушая традиционный паттерн человеческого взаимодействия как структурную связь (интер)субъективности, рациональности и морали. Неосоциусы, не являясь полноценными акторами, тем не менее оказываются *задействованными* (enacted) в социальном сообществе *наравне* с людьми, образуя кластер социальных *коагентов* — субъектов и объектов, производящих социальные процессы совместно с людьми. Различные конфигурации

² Изначально «палимпсесты» (от древнегреч. *παλιμψηστον* — переписанный) — древние рукописи или наскальные рисунки с много раз переписанными поверх друг друга текстами или изображениями.

социальных объектов и субъектов выступают активными факторами формирования социальных общностей, норм, событий и т. п., то есть структуры социальной солидарности или, точнее говоря, «коллективности» (Б. Латур) как системообразующей силы социального порядка. Базовое социологическое понятие «участие» (agency), применяемое для исключительной характеристики социальной (интер) активности людей, трансформируется в «сборку», или «у-частье» (agencement)³, акцентирующее одновременно коннотации «участия» и «части», то есть распределенной и взаимосвязанной активности субъектов и объектов в едином ансамбле зависимостей и привязанностей. Это значит, что всякий дуализм, противопоставляющий сознание материи, живое неживому, естественное искусственному, активное пассивному, утрачивает свое значение в контексте плоского социального пространства. Происходит снятие «сильных» онтологических оппозиций: (а) между человеческим и субчеловеческим (например, через легитимацию прав эмбрионов); (b) между культурным и природным (например, климат); (с) между одушевленным и неодушевленным (например, через задействование гуманоидных роботов); а также (d) между физическим и нефизическим (например, через развитие аватар-технологий). Следствием подобной трансформации становится деконструкция понятия и института владения и распоряжения (как составляющих понятие собственности), легитимизировавших во все времена власть человека над миром и его объектами. Распространенность, сложность и подвижность неосоциусов делают их неподвластными человеку, сгоняя его с пьедестала «венца природы». Ничем нельзя распорядиться или завладеть окончательно, так как такие объекты и субъекты становятся слишком «странными» — либо по-человечески активными, либо не до конца изученными, либо слишком пугающими, либо ненадежными. На смену власти и собственности идет новая практика и этика *приглядывания и ухода* за миром объектов. Человек учится быть не хозяином, а всего лишь посетителем и привратником в окружающем мире, где он призван не управлять, а охранять, ухаживать и заботиться, а возможно, и поклоняться нечеловеческим объектам. Так, в рамках своей так называемой темной экологии англо-американский философ Т. Мортон, призывая вслед за Э. Гидденсом и У. Бемом отказаться от устаревшей дихотомии «природа — общество», выдвигает в качестве предмета социально-экологических исследований особый вид гибридов — *гиперобъекты*. Особенности их являются неразличимость естественного и искусственного компонентов их внутренней структуры, а также широкомасштабность проявлений в социальном пространстве и времени. К таким объектам следует относить, в частности, климатические изменения, пенополистирольные

³ Французское слово «agencement» впервые было применено в философии Ж. Делезом в рамках его постструктуралистской концепции «машинной сборки», описывающей принципы организации окружающего мира как сложной стратифицированной системы сочлененных друг с другом объектов материального и символического свойства. «Нет никакой биосферы или ноосферы, повсюду есть только одна и та же Механосфера», — пишет Делез [Делез, Гваттари, 2010: 115]. В акторно-сетевой теории в социологии данное понятие специально используется вместо английского аналога «assemblage» для того, чтобы подчеркнуть связь с понятием «agency»: «Понятием agencements мы обозначим социотехнические системы, когда они рассматриваются с точки зрения их способности действовать и придавать смысл действиям... (Пере)настройка “участия” означает осмысление “у-частия” как конституирующей роли социотехнических порядков, которые требуют участия материальных, знаковых и других инвестиций [Callon, Çalıřkan, 2005: 1]. В предлагаемой авторской трактовке понятие «agencement» включается для обозначения задействования в области социального не только техники, но и других субчеловеческих и нечеловеческих категорий социальных объектов и субъектов.

массы, плутониевую радиацию [Morton, 2010: 130]. В своей «гиперреальности» (превосходящей по длительности своих последствий жизнь всех известных биологических форм) они проявляют себя как вестники новой эпохи, где они станут «демоническими инверсиями религиозных сущностей», ибо будущие поколения людей будут вынуждены сотни и тысячи лет непрерывно заботиться о том, чтобы эти объекты не уничтожили их совсем. И эта «темная экология», возможно, будет основанием новой духовности и новой религии человечества [ibid.: 132].

Как мы видим, постгуманизм конституируется вокруг трех основных метаморфоз: (а) изменений биологической природы человека и его социальной идентичности, (б) качественных сдвигов в природе человеческого общества и (в) трансформаций в природе социальных и биосоциальных процессов. Фундаментальность производимых изменений не позволяет сводить постгуманизм к частным или экзотическим последствиям современных социальных изменений. Напротив, постгуманизм предстает как более глубокое и масштабное изменение всей среды человеческого существования даже по сравнению с институциональным переходом от традиционного общества к современному.

Пансоциальность в эпоху постгуманизма

Близким для характеристики онтологии постгуманизма является понятие *диспозитива* М. Фуко, под которым он подразумевал «некий ансамбль — радикально гетерогенный, — включающий в себя дискурсы, институции, архитектурные планировки, регламентирующие законы, административные меры... сеть, которая может быть установлена между этими элементами» [Фуко, 1996: 268], и с помощью которого он анализировал эволюцию социальных отношений как стратегической ситуации, центральными элементами которой являются распределение власти и знания. Диспозитив описывает наличную конфигурацию источников социальной силы со всеми своими дискурсивными и недискурсивными элементами. В этом отношении постгуманизм характеризуется как новый супердиспозитив, приходящий на смену диспозитивам модерна и глобализации. Если последние конституировались вокруг идеи укрепления иерархического господства властизнания (секулярного) человека над пространством и временем и населяющих их объектов и субъектов, то постгуманизм кардинально децентрирует человека в мир *флюксуса* (от лат. *fluxus* — поток, течение), где источники власти максимально рассредоточены во всеобщей поднадзорности, разлитой в обществе, а объекты и субъекты образуют симбиотические коллективности, в рамках которых они могут быть вложены друг в друга, проникать друг в друга, извлекаться друг из друга или создавать сложные ансамбли друг с другом.

Ярким, набирающем обороты глобальным проявлением наступившей эры постгуманизма становится развертывание и укрепление по всему миру ценностей и институтов Четвертой промышленной революции. Термин «индустрия 4.0» появился в Европе в 2011 г. на одной из промышленных выставок в Ганновере, где правительство Германии представило стратегию более широкого применения информационных технологий в производстве. Этому примеру последовали и другие страны, а термин «индустрия 4.0» быстро стали использовать как синоним четвертой промышленной революции [Шваб, 2016]. Суть ее заключается в том,

что материальный мир соединяется с виртуальным, в результате чего рождаются новые киберфизические комплексы, объединенные в одну дигитализированную экосистему. Отличительный постгуманистский характер четвертой индустриальной революции подчеркивается тем, что все предыдущие революции были связаны с централизацией власти-знания над миром в руках человека: первая революция заменила производящую мускульную силу человека управлением энергией пара и воды, вторая воплотила власть человека над электричеством, внедрив в производство электрификацию и конвейер, третья развила технологии числового программного управления, создав цифровой мир. «Индустрия 4.0» характеризуется как «глубинное изменение» человека и общества на основе технологий распределенной власти-знания, ведущих к *сапиентизации* (от лат. *sapiens* — разумный) реальности. Элементы и одновременно этапы такой сапиентизации включают в себя создание и совершенствование «умных вещей», «умных технологий», «умных производств», «умных городов», «умного общества» и, в конце концов, рождение универсального или «сильного» искусственного интеллекта. Как указывает К. Шваб, последовательное развитие подобных технологий меняет «не только то, „что“ и „как“ мы делаем, но и то, кем мы являемся» [там же: 9]. С социологической точки зрения важно, что меняется и то, что лежит в основании человечности, а именно социальность. Примером здесь служит эволюция отношений человека и робота.

В разных уголках планеты владельцы роботов-пылесосов «Roomba» умиляются своим маленьким автоматизированным помощникам и дают им имена, как домашним питомцам, тем самым устанавливая с ними эмоциональную связь и внушая себе иллюзию существования неких отношений, как с живыми существами. И бывшие когда-то фантастические образы гуляющих среди людей антропоморфных роботов уже не кажутся таким уж далеким будущим. Сегодня мы находимся в начале эры тотальной роботизации, но с социологической точки зрения можно говорить, что уже существующие прототипы роботов гуманоидного (т. е. напоминающего человека) и особенно андроидного типа (то есть максимально копирующего человека), претендуют на звание неоморфных *личностей*, воплощая в человеческом восприятии необходимую амальгаму узнаваемого человеческого тела, рационального поведения и уникальной личности («персоны»), т. е. образа «Другого», (ре)конструирующего в ситуации соприсутствия паттерн социальности. Уже наличие у робота «лица», копирующего человеческое, кардинально меняет ситуацию взаимодействия, наделяя ее чертами публичного контакта со всеми вытекающими нормативными и социально-психологическими последствиями. В высокоиндивидуализированном мире, где внимание со стороны «Других» дефицитно, ситуации, намекающие на сигналы от живых существ, выделяются мозгом на общем фоне. Во взаимодействии с роботами постоянно помнить о том, что их сигналы неживые и их можно игнорировать, мозг не в состоянии. «Человечность» таких объектов создает фундаментальную ситуацию *социального ожидания*, поэтому рано или поздно человек начинает относиться к человекоподобным машинам так же, как и к людям. Когда ученые из Гарвардского университета Т. Бёрнхем и Б. Хэйр попросили участников эксперимента сыграть в игру, в которой они должны были жертвовать деньги, то всего лишь контакт с человекообразными

глазами робота по имени Кисмет увеличивал взносы на 30%. Ученые пришли к выводу, что это стало следствием *эффекта присутствия Другого* (человека), перед которым общество нормативно требует быть или казаться более добрым и щедрым [Burnham, Hare, 2007]. Мы уже давно коммуницируем с домашними и переносными компьютерами, но обычно воспринимаем их не более как полезные вещи (инструменталис). Но если сделать компьютер более живым, то ситуация поменяется. В еще одном исследовании участникам эксперимента предложили сыграть с компьютером, обладающим своим виртуальным «аватаром» («личностью»), в карты, чтобы установить речевые реакции настоящего человека на предлагаемый визуальный образ. Для проведения эксперимента ученые создали два типа аватаров, идентичных по внешнему виду, но различающихся по поведению. Один полностью воспроизводил человеческую мимику, улыбался, поднимал брови и мог устанавливать контакт на невербальном уровне. Другой был более «механическим» и не воспроизводил особенностей мимики. При взаимодействии с более «живым» аватаром участники эксперимента психологически воспринимали его как реального. Изучение записанных речевых актов на грамматическом уровне показало, что диалог человека и компьютера в языковом отношении полностью соответствует диалогу человека с человеком [Heyselaar, Nagoort, Segaert, 2017].

Вчера компьютеры и роботы были бездушными механическими агрегатами, существующими в своем собственном нечеловеческом мире. Сегодня они уже успешно проходят тесты Тьюринга, как, например, китайский чат-бот Сяоайс, работают продавцами-консультантами, устраивают свадьбы между собой, всюю заменяют человека в качестве сексуальных партнеров и успешно играют в театре. И как простодушно высказалась одна актриса после такого экспериментального спектакля с участием робота-андроида, «работать с роботами ничем не отличается от работы с живыми людьми». С учетом внедрения чат-ботов типа «Siri» искусственный интеллект становится неотъемлемой частью повседневной коммуникации и впервые делает базовую реальность полностью доступной неоморфным (т.е. никогда ранее не существовавшим) созданиям. Заселение «умных» механизмов в область человеческих взаимодействий снимает не только онтический разрыв, предполагавший существование двух радикально несоизмеримых классов созданий — человека и всех остальных, но и превращает социальность в социальный симбиоз человеческого и нечеловеческого, что ведет к значимым нормативным последствиям. Особый размах этот процесс получил в Японии. На это существуют, как минимум, две базовые причины: культурная и социальная. С культурной точки зрения повсеместное увлечение робототехникой поддерживается традиционными идеями синто, согласно которым дух Будды живет во всех вещах, включая механические, и если на Западе пугают злобным и бездушным «Терминатором», то в Японии робот по своей «духовной» сути ничем не отличается от живого человека, поэтому эмоциональная привязанность к домашнему роботу может соперничать с дружбой с реальным человеком, а похоронить по всем правилам вдруг сломавшуюся любимую роботизированную собачку Айбо не будет считаться отклонением от нормы. И, во-вторых, высокая продолжительность жизни в купе с низкой рождаемостью и почти нулевой иммиграцией диктует необходимость развития отрасли, способной создавать в большом количестве эмоционально

активных роботов-сиделок для пожилых японцев. Неслучайно именно в Японии с 2016 г. на государственном уровне принята на вооружение программа создания «Общества 5.0», то есть «суперумного» общества, основанного на максимальной степени интеграции физического и киберпространства, роботизации и повсеместном развитии искусственного интеллекта [Report on..., 2015]. В «Обществе 5.0» предполагается устранить все сдерживающие региональные, возрастные, гендерные и нормативные барьеры на пути внедрения симбиотической социальной системы, что, как предполагается, даст новый толчок экономическому развитию Японии и будет способствовать решению ее социальных, экологических и демографических проблем.

Таким образом, постгуманизм актуализирует постановку вопроса о природе не только человеческого в человеческом, но и человеческого в социальном. Некоторые социологи уже обосновывают необходимость выделения особой «искусственной социальности» в отдельный кластер явлений, включающий все коммуникации с участием «разумных» машин (в системах «человек — машина», «человек — машина — человек» и «машина — машина») [Rezaev, Tregubova, 2018]. В то же время прямое общение с искусственным интеллектом в виде чат-ботов не всегда распознается человеком, как это произошло с уже упоминавшимся ботом Сяоайс в 2014 г., представлявшимся чуткой и заботливой девушкой в одном из китайских сервисов микроблогов, поэтому видимость коммуникативных границ фрейма «искусственной социальности» может намеренно или ненамеренно искажаться одной из сторон общения. Более того, несмотря на всю очевидность и распространенность подобных явлений в современной жизни, вопрос о метаморфозе социальности как предмете социологии требует более глубокого анализа. Само сведение социальности к типам интерактивной коммуникации не может считаться удовлетворительным решением с концептуальной позиции. Следует сделать вывод, что «неискусственной» социальности как зиммелевской «чистой» формы взаимодействия «человек-человек» в современном мире уже не существует, так как все общественное пространство обрело новую структуру — в виде симбиоза физической и кибернетической реальности. В каждой точке пространства и времени беспроводная инфраструктура цифровой коммуникации делает каждого человека квантовым элементом тотальной сети распределенного искусственного интеллекта. Сбор и обработка информации о каждом человеке происходит непрерывно и скрытно, попадая в базы данных «туманных» вычислений удаленных разумных машин. Невидимый искусственный интеллект, существующий в десятках миллиардов устройств интернета вещей (без учета специально созданных для этого компьютеров и гаджетов), создает симбиотическую среду, избежать которой не представляется возможным. Как указывает, американский исследователь новых медиа У. Митчелл, «разделение битов и атомов осталось в прошлом» [Митчелл, 2012: 10]. Сетевой разум оказывается внедрен повсюду, а сам человек в общественном пространстве неотделим от все более изоциренных электронных органов.

Другая идея «объект-ориентированной социальности» [Кнорр Цетина, 2002], подчеркивающая все большую зависимость людей от сложных эпистемических объектов (электроника, интернет, знания, информация), также ограничивает ме-

тодологический простор имманентной картезианской дихотомией «субъект — объект», где презумпция субъектности неявно делегируется человеку как единственно «мыслящей субстанции». Подобный взгляд, раскритикованный еще Дж. Локком, не позволяет увидеть, как многие организмы (животные, эмбрионы), механизмы (андроиды) и программные алгоритмы (чат-боты, аватары) обретают субъектность в правовом, моральном, когнитивном и поведенческом аспектах. Поэтому, на наш взгляд, более важно подчеркнуть, что постгуманизм трансформирует поле интерсубъективности (в феноменологическом смысле) и поле признания (в нормативном смысле), которые составляют структуру социальности. Социология не может изучать разные социальности, ибо это метапонятие определяет как название самой науки, так и единство ее предмета, выступая критерием научности. Но если раньше социальность мыслилась как высшая, но особая форма реальности, отличная от других (физической, биологической, психологической), то в среде флюксуса социальность становится тотальной. Таким образом, социология с вершины лестницы наук О. Конта перемещается в ее основание, ибо постгуманизм превращает социологию в примордиальную науку, а *пансоциальность* делает единственной и исключительной реальностью. Переосмысление же базовой дилеммы социологии — отношения «структуры» и «участия» — в постгуманистской перспективе через категории «задействования», «коагентации», «социального симбиоза», «трансмобильности» [Katernyi, 2018] требует и новых социологических подходов и, несомненно, междисциплинарных переходов в самой науке.

Вместо заключения: гуманен ли постгуманизм?

Понятие постгуманизма в своем нынешнем виде описывает не конец эпохи гуманизма в этическом или моральном смысле, но, прежде всего, провозглашает новую онтологию человеческого существования. Социология как наука не перестает существовать от этого, но ее сократические основания как гуманитарной науки будут меняться. Проводя далее историческую связь, постгуманизм в культурном смысле возвращает нас к временам досократической философии. Досократики (ионической школы) ставили в центр познания космос, а не человека или его разум. Гилозоистические идеи об универсальной одушевленности сущего делали всякое противопоставление человека миру чуждым их представлению о всеобщей зависимости всех явлений: природа, общество и индивид подчинены действию одних и тех же законов и рассматриваются как изоморфные структуры, зеркально отражающие друг друга. Человек и вся сфера социального не выделяются из общекосмической жизни, бытие и небытие, материальное и идеальное не имеют четкого различия. Так же и постгуманизм: с концептуальной точки зрения он не отрицает человека и достижения гуманизма, но максимально раздвигает границы коммуникативного и аксиологического сообщества. Поэтому «новый гилозоизм» строится не на примате природы, а на примате общества. Социальный космос становится всеобщим планом имманентности, в котором укоренены все наличные тела, события и процессы. Говоря словами М. Фуко, постгуманизм говернментализирует социальность как источник власти-знания — через устранение антропоцентризма в праве и морали, через создание новых коллективных и индивидуальных форм разума (от интернета до искусственного

интеллекта) и через изменение природы самого человека, максимизируя индивидуальную морфологическую свободу до пределов воображения. Освобождая социальность от человеческой исключительности, постгуманизм является естественным историческим ответом либеральному гуманизму, оказавшемуся неспособным удовлетворять собственным требованиям ценностного плюрализма, толерантности и равенства для всех в пансоциальном мире. Конечно, смещая витрувианского человека с пьедестала эволюции, постгуманизм рискует заменить его либо новым монстром Франкенштейна, либо новым сверхчеловеком. Развитие искусственного интеллекта, биоинженерии, киборгизация и создание неорганической жизни предоставляют все инструменты для этого. Вызовы антигуманизма уже сейчас воплощаются в распространении «некрополитики», которая, в частности, выражается в бюджетировании новых разработок в области высокотехнологичных и все более автономных (от человека) средств уничтожения людей [Braidotti, 2013: 122—130].

В то же время эпоха постгуманизма не означает тотальной дегуманизации социальной жизни. Дегуманизирующие тенденции были свойственны модерну с самого его зарождения, о чем нам поведали еще К. Маркс и М. Вебер, описывая злобные гримасы капитализма и скрежет «железной клетки» рационализации. Наоборот, постгуманизм нуждается в нормативном морфотаксисе, то есть механизме сдерживания изменений и поддержания морального порядка в условиях «мирового общества риска» (У. Бек). Развитие постгуманизма может быть отталкивающим, бесполезным, беспорядочным, но может быть и возбуждающим или исполненным надежд, потому что пока живы институты современности, чувства онтологической безопасности и экзистенциальной угрозы будут сосуществовать в своей постоянной социальной амбивалентности.

Таким образом, на повестку дня встает вопрос о том, как не превратить постчеловеческий мир в бесчеловечный. По мнению Р. Брайдотти, новая этика постгуманизма в противовес индивидуализму классической либеральной утопии должна исходить из «усиленного чувства взаимозависимости между Я и Другими, включая нечеловеческих и всех земных существ», ведущего к формированию «аффективной солидарности» в каждодневной практике взаимодействия с Другими [ibid.: 191]. Однако, моральный потенциал аффективного действия всегда имеет ограниченный характер, так как сфера блага здесь может реально конституироваться только вокруг значимых Других. В реальной же ситуации люди, как указывал еще А. Шюц, «все менее детерминированы отношениями с индивидуальными партнерами, доступными нам непосредственно или опосредованно, и все более — анонимными лицами, которые не имеют никакого фиксированного места в социальном космосе» [Шюц, 2004b: 567]. Поэтому в эпоху постгуманизма единственным инструментом сдерживания деструктивных тенденций может быть только развитие рациональных форм солидарности на основе этики дискурса (К.-О. Апель, Ю. Хабермас) как особого метаинститута по отношению ко всем другим социальным практикам, конвенциям и контрактам. Внутри дискурса, как поясняет К.-О. Апель, «мы все наделены ответственностью, а точнее взаимной ответственностью, которая априори соединяет нас друг с другом через признание *первичной солидарности* со всеми другими возможными членами аргументативного сообще-

ства» [Arel, 1993: 23—24]. И частью этого сообщества призваны стать не только люди, но и все субчеловеческие и нечеловеческие (искусственные) создания. Сетевые формы коммуникации уже предоставляют достаточную организационную инфраструктуру для подобного сообщества. Социальные акторы в рамках первичной солидарности признаются моральными в том случае, если они стремятся сами (или представляют интересы адвокатским образом) к прогрессу в области коммуникации и совместного решения проблем, сознательно ограничивая собственную и чужую волю к принуждению, разрушению или пренебрежению чужими интересами. Таким образом, этика постгуманизма неизбежно апеллирует прежде всего к общественному благу, а не индивидуальному, требуя осознания пансоциальности как онтологической основы новой этики. Отсюда возникает и потребность в новых «хорошо информированных гражданах» (А. Шюц), задача которых состоит в том, чтобы постоянно прояснять источники навязываемых обществу релевантностей, противостоя как экспертным (в том числе политическим), так и наивным концепциям блага. Такие граждане способны не полагаться только на инструментальную или аффективную рациональность в ситуации столкновения с неизведанным, но приходиться к «разумно обоснованным мнениям» за счет дискурсивной коалиции и тем самым ставить под общественный контроль источники (потенциально) разрушительной власти-знания. Демократия и свобода в мире манипуляций и фабрикаций в стиле постправды могут быть гарантированы, только если хорошо информированные граждане будут способны делать свое мнение не только видимым, но и доминирующим в обществе. И все это, несомненно, ставит социологию в центр познания нового мира. Постгуманизм требует нового качества социального мышления от хорошо информированного гражданина, поэтому социология с ее традицией применения силы воображения к изучению и преобразованию действительности становится востребованным инструментом гуманизации будущего.

Список литературы (References)

Александр Дж. Смыслы социальной жизни : Культурсоциология. М. : Праксис, 2013.
Alexander J. C. (2013) *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Moscow: Praxis. (In Russ.).

Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург : Издательство уральского университета, 2000.
Baudrillard J. (2000) *In the Shadow of the Silent Majorities, or, the End of the Social*. Yekaterinburg: Ural University. (In Russ.).

Гидденс Э. Последствия современности. М. : Праксис, 2011.
Giddens A. (2011) *The Consequences of Modernity*. Moscow: Praxis. (In Russ.).

Давыдов Ю. Н. Определяя «общество»: от истории понятия к уточнению концептуальных границ // Социологический форум. 1998. Т. 1. № 1.
Davydov Ju. N. (1998) *Defining Society: From the Conceptual Path to Clarifying the Conceptual Scope*. *Sociological Forum*. Vol. 1. No. 1.

Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. М. : Астрель, 2010.
Deleuze G., Guattari F. (2010) *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*.
Moscow: Astrel. (In Russ.).

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М. : Новое издательство, 2011.
Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: New Publ. (In Russ.).

Кнорр Цетина К. Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 1. С. 101—124.

Knorr Cetina K. (2002) *Sociality with Objects: Social Relations in Postsocial Knowledge Societies*. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. V. No. 1. P. 101—124. (In Russ.).

Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Социология вещей. Сборник статей / под ред. В. С. Вахштайна. М. : Территория будущего, 2006. С. 307—341.
Knorr-Cetina K., Bruegger U. (2006) *The Market as an Object of Attachment: Exploring Postsocial Relations in Financial Markets*. *Sociology of things*. Ed. by V.S. Vakhshstain. P. 307—341. (In Russ.).

Кравченко С. А. Усложняющиеся метаморфозы — продукт «стрелы времени» и фактор социоприродных турбулентностей // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 3—11. <https://doi.org/10.31857/S013216250001952-0>.

Kravchenko S. (2018) *Increasingly Complex Metamorphoses — the Product of «Arrow of Time» and Factor of Socio-Natural Turbulences*. *Sociological Studies*. No. 9. P. 3—11. <https://doi.org/10.31857/S013216250001952-0>.

Луман Н. Риск и опасность // Отечественные записки. 2013. № 2 (53). С. 19—51.
Luhmann N. (2013) *Risk and Peril*. *Otechestvennyye zapiski*. No. 2 (53). P. 19—51. (In Russ.).

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб. : Наука, 2007.
Luhmann N. (2007) *Social Systems*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.).

Митчелл У. Я++: Человек, город, сети. М. : Strelka Press, 2012.
Mitchell W. J. (2012) *Me++: The Cyborg Self and the Networked City*. Moscow: Strelka Press. (In Russ.).

Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 94—122.

Parsons T. (1993) *The Concept of Society: The Components and Their Interrelations*. *THESIS*. No. 2. P. 94—122. (In Russ.).

Тоффлер Э. Шок будущего. М. : АСТ, 2004.
Toffler A. (1970) *Future Shock*. Moscow: AST. (In Russ.).

- Фуко М. Воля к знанию // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. М. : Магистериум, Касталь, 1996.
- Foucault M. (1996) The will to knowledge. In: Foucault M. The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Moscow: Magisterium, Kastal. (In Russ.).
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999.
- Foucault M. (1999) Surveiller et punir: Naissance de la Prison. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.).
- Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М. : Ad Marginem, 2016.
- Haraway D. (2016) A Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.).
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016.
- Schwab K. (2016) The Fourth Industrial Revolution. Moscow: EKSMO. (In Russ.).
- Шюц А. Возвращающийся домой // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : РОССПЭН, 2004а. С. 550—556.
- Schuetz A. (2004) The Homecomer. In: Schuetz A. Selected works: A world glowing with meaning. Moscow: ROSSPEN. P. 550—556. (In Russ.).
- Шюц А. Хорошо информированный гражданин // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : РОССПЭН, 2004b. С. 557—572.
- Schütz A. (2004) The Well-Informed Citizen. In: Schuetz A. Selected works: A world glowing with meaning. Moscow: ROSSPEN. P. 557—572. (In Russ.).
- Apel K.-O. (1993) How To Ground a Universalistic Ethics of Co-Responsibility for the Effects of Collective Actions and Activities? *Philosophica*. Vol. 2 (52). P. 9—29.
- Badminton N. (ed.) (2000) Posthumanism. Basingstoke: Palgrave.
- Braidotti R. (2013) The Posthuman. Cambridge: Polity Press.
- Burnham T. C., Hare B. (2007) Engineering Human Cooperation. Does Involuntary Neural Activation Increase Public Goods Contribution? *Human Nature*. No. 18. P. 88—108. <https://doi.org/10.1007/s12110-007-9012-2>.
- Callon M., Çalışkan K. (2005) New and Old Directions in the Anthropology of Markets. Paper presented at New Directions in the Anthropology of Markets Workshop, April 9, 2005, Wenner — Gren Foundation for Anthropological Research, New York.
- Fischer S., Huber C.A., Imhof L., Mahrer Imhof R., Furter M., Ziegler S.J., Bosshard G. (2008) Suicide Assisted by two Swiss Right-to-Die Organizations. *Journal of Medical Ethics*. 2008. Vol. 34. No. 11. P. 810—814. <http://dx.doi.org/10.1136/jme.2007.023887>.
- Fuller S. (2016) Is Future «Human», «Posthuman» or «Transhuman». Paper presented at the Third International Sociological Association Forum of Sociology, July 13, 2016, Vienna, Austria. <https://isaconf.confex.com/isaconf/forum2016/webprogram/Paper79259.html>.

- Greely H. T. (2016) *The End of Sex and the Future of Human Reproduction*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hayles N. K. (1999) *How We Became Posthuman. Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. Chicago: University of Chicago Press.
- Heyselaar E., Hagoort P., Segaert K. (2017) In Dialogue with an Avatar, Language Behavior is Identical to Dialogue with a Human Partner. *Behavior Research Methods*. Vol. 49. No. 1. P. 46—60. <https://dx.doi.org/10.3758%2Fs13428-015-0688-7>.
- Joyce P. (2003) *The Rule of Freedom: Liberalism and the Modern City*. London: Verso.
- Kateryni I. V. (2018) Trans-Mobilities in Post-Human Era: How is Social Order Still Possible? *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 18. No. 4. P. 638—650. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-4-638-650>.
- Mathiesen T. (1997) The Viewer Society: Michel Foucault's «Panopticon» Revisited. *Theoretical Criminology*. Vol. 1. No. 2. P. 215—234. <https://doi.org/10.1177/1362480697001002003>.
- de Melo Pimenta E. D. (2010) *Low Power Society*. <https://www.emanuelpimenta.net/ebooks/archives/lowpower/EMANUEL%20PIMENTA%20low%20power%202010%20third%20edition%20US.pdf>.
- Morton T. (2010) *The Ecological Thought*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Report on The 5th Science and Technology Basic Plan Tokio: Council for Science, Technology and Innovation, Cabinet Office, Government of Japan, 2015.
- Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2018) Are Sociologists Ready for «Artificial Sociality»? Current Issues and Future Prospects for Studying Artificial Intelligence in the Social Sciences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 91—108. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.5.10>.
- Rosa H. (2013) *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*. New York: Columbia University Press.
- Rose N. (2007) *The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Smith D. (1999) *Writing the Social: Critique, Theory, and Investigations*. Toronto: University of Toronto Press.
- WHO Report (2017) *Depression and Other Common Mental Disorders Global Health Estimates*. Geneva: World Health Organization.
- Wolfe C. (2010) *What is Posthumanism?* Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.03

Правильная ссылка на статью:

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 35—47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>.

For citation:

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2019) Artificial Intelligence, On-line Culture, Artificial Sociality: Definition of the Terms. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 35—47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>.

А. В. Резаев, Н. Д. Трегубова «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ», «ОНЛАЙН-КУЛЬТУРА», «ИСКУССТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ»: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ

«ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ», «ОНЛАЙН-КУЛЬТУРА», «ИСКУССТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ»: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ

ARTIFICIAL INTELLIGENCE, ON-LINE CULTURE, ARTIFICIAL SOCIALITY: DEFINITION OF THE TERMS

РЕЗАЕВ Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: a.rezaev@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4245-0769>

Andrey V. REZAEV¹ — Prof. Dr. habil., Professor, Head of Chair of Comparative Sociology
E-MAIL: a.rezaev@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4245-0769>

Трегубова Наталья Дамировна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры сравнительной социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: n.tregubova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3259-5566>

Natalia D. TREGUBOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Assistant Professor, Chair of Comparative Sociology
E-MAIL: n.tregubova@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3259-5566>

¹ St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Аннотация. В наши дни искусственный интеллект становится предметом пристального внимания и обсуждения в научно-технической среде, со стороны журналистов, политиков, бизнесменов и широкой общественности. Данная ситуация требует реакции представителей социального знания. Однако социальные ученые не спешат выходить на поле исследований искусственного интеллекта: это характерно для мировой науки в целом, и Россия не является здесь исключением. Таким образом, перед современной социальной аналитикой стоит задача прояснения теоретико-методологических оснований исследования искусственного интеллекта. Настоящая статья ставит цель внести вклад в решение именно этой проблемы. Авторы начинают с обсуждения теоретико-методологических затруднений, которые определяются в терминах проведения концептуального различия между искусственным интеллектом как феноменом, проблемой и понятием. Затем формулируются определения трех ключевых понятий: «искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»; авторы приглашают научное сообщество к дальнейшей дискуссии. В завершении статьи обсуждаются возможность перехода от абстрактных рассуждений к эмпирическим затруднениям и перспективы исследований искусственного интеллекта и искусственной социальности.

Ключевые слова: искусственная интеллект, искусственная социальность, онлайн-культура, большие данные, социальная аналитика

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00097.

Abstract. There is a growing attention from media, politicians, public at large as well as from computer science and technology scholars on artificial intelligence (AI). However, much less attention is paid to AI by researchers in social sciences, their publications are widely scattered throughout the conference proceedings and vary considerably in terms of both level of difficulty and substantive application. It therefore seems wise to attempt to capture the essentials that will orient current social analytics in terms of productive theoretical and empirical research of AI. This paper is oriented exactly to this objective. The particular goal of the article is to present specific definitions of “artificial intelligence” (AI), “artificial sociality” (AS), and “online culture” (OC). It is intended only to open the discussion, not close it. The paper begins with an overview of the conceptual and theoretical issues that limit productive research of AI by social sciences. The authors argue that AI belongs to such multilevel singularities that have to be conceptually differentiated as a ‘phenomenon’, ‘term’, and ‘problem’. They discuss theoretical, methodological, and experimental difficulties in capturing the essence of ‘AI’, ‘AS’, ‘OC’ and present their definition of these phenomena as well as contour the further research

Keywords: artificial intelligence, artificial sociality, on-line culture, big data, social analytics

Acknowledgments. The study is supported by Russian Science Foundation (grant No. 18-18-00097).

Постановка проблемы

В последние годы проблематика искусственного интеллекта (ИИ) в России из отвлеченной академической проблемы стала предметом активного обсуждения со стороны руководства страны, представителей крупнейших российских компаний, руководителей исследовательских и образовательных организаций. Развитие технологий искусственного интеллекта связано с возникновением многочисленных российских и международных стартапов, внедрением новых технологий в уже существующие организации, открытием специальных образовательных программ в российских вузах, созданием научно-технических парков, выделением новых исследовательских грантов. Проблематика ИИ вызывает широкое обсуждение в обществе и в СМИ. С технологиями искусственного интеллекта связывают экономические интересы России, в них видят основной приоритет развития, панацею от всех бед, основную угрозу человечества.

Представляется бесспорным, что данная ситуация требует отклика со стороны социальной аналитики. Тем не менее социальные ученые не спешат заниматься проблемами искусственного интеллекта, отдавая их на откуп техническим специалистам, философам, математикам, психологам. Такая ситуация характерна для международной социальной науки в целом [Rezaev, Tregubova, 2018], и Россия не является здесь исключением. В отечественной науке проблематика искусственного интеллекта традиционно (с советских времен) обсуждается либо философами, либо представителями математических и технических наук. Лишь в последние годы в русскоязычных социально-научных журналах появляются работы, содержащие анализ некоторых аспектов вхождения технологий искусственного интеллекта в российское общество (см., например, [Волченко, 2016; Капелюшников, 2017; Корбут, 2018]). В связи с этим перед российскими социальными учеными возникает двойная необходимость: в сборе и анализе эмпирических данных о новых реалиях и в прояснении теоретико-методологических оснований исследования. Авторы настоящей статьи стремятся к тому, чтобы внести свой небольшой вклад во вторую часть решения данной проблемы.

Цель и структура работы

Цель наших рассуждений — очертить основные концептуальные и теоретико-методологические контуры проблематики искусственного интеллекта в современной социальной аналитике. Ключевой вопрос, подступы к которому намечает данная статья, может быть сформулирован следующим образом: нужно ли подходить к проблематике ИИ в системе теоретико-методологических координат социальных наук? Или, переформулируя, способны ли современные социальные науки проблематизировать и анализировать феномен искусственного интеллекта? Может ли в принципе ориентированная на рациональные конструкты наука, которая в своих базовых принципах сложилась в XVII—XVIII вв., сформировать повестку дня анализа иной рациональности — «искусственной социальности» и «искусственного интеллекта»?

В древо целей работы входит прояснение теоретико-методологических затруднений и пределов абстрактных рассуждений об искусственном интеллекте и искусственной социальности в современной социальной аналитике. В первую очередь представляется принципиальным обратить внимание на различие между искусственным интеллектом как феноменом, проблемой и понятием. Данное концеп-

туальное разграничение определит основания формулировки базовых понятий, ответы на вопросы: Что такое «искусственный интеллект»? Что такое «онлайн-культура»? Что такое «искусственная социальность»? В завершение статьи мы наметим важнейшие эмпирические затруднения в исследованиях искусственного интеллекта и обозначим перспективы для социальной аналитики в данной области.

Данная работа не предполагает обзор и анализ существующих в специальной литературе определений искусственного интеллекта по трем причинам. Во-первых, полноценный анализ существующих определений превратился бы в предмет отдельной статьи, поскольку требует сравнения между дисциплинами, исследовательскими и языковыми традициями. Во-вторых, большая часть специальных определений ИИ и дискуссии, развивающиеся вокруг них, существуют или в узкотехнической литературе, или в философии сознания. Однако мы как раз стремимся выйти за рамки проблем и дискуссий, обсуждаемых в рамках данных дисциплинарных традиций, и перейти к аналитике проблем «искусственной социальности». Наконец, третья причина состоит в том, что с распространением технологий ИИ в повседневной жизни людей данное понятие вошло в разговорный язык, и именно от обыденного словоупотребления, объединяющего различные случаи использования ИИ, мы и будем отталкиваться.

Искусственный интеллект как феномен, проблема и понятие

Нам уже приходилось обращать внимание на то, что некоторые многоуровневые феномены, имеющие отношение к социальной жизни людей, очень трудно ухватить и еще сложнее измерить с помощью существующего теоретического и методологического инструментария [Резаев, Трегубова, 2017]. Таковым является общение людей, таковыми предстают искусственный интеллект и искусственная социальность. Теоретико-методологические трудности в исследованиях подобных феноменов выступают, в первую очередь, в качестве необходимости различения в исследовательской практике (1) явления/феномена (как ИИ входит/проявляется в социальной жизни), (2) исследовательской проблемы, (3) понятия.

Искусственный интеллект как феномен предстает в виде реальных (осязаемых) продуктов/устройств. В современном мире одна из основных тенденций в развитии искусственного интеллекта заключается в том, что он становится все более социальным: агенты, изначально ориентированные на решение инструментальных задач, становятся средой и участниками человеческих взаимодействий. Не будет сильным преувеличением утверждение о том, что в техническом отношении практически все ключевые идеи в технологиях искусственного интеллекта, включая популярные сегодня искусственные нейронные сети, были сформулированы несколько десятилетий ранее, начиная с середины XX века. Однако ранее не было технических возможностей для реализации данных решений; кроме того (и отчасти по причине того), ранее агенты ИИ не пронизывали повседневную жизнь общества¹. Сегодня же

¹ Связь между развитием агентов ИИ и их вхождением в повседневную жизнь двусторонняя. С одной стороны, развитие вычислительных мощностей, объемов памяти, совершенствование алгоритмов приводят к тому, что создаются все более эффективные устройства. С другой стороны, вхождение в жизнь людей новых технологий (включая те, что основаны на искусственном интеллекте) позволяют накапливать объемы данных, которые делают возможными «обучение» и работу все новых агентов; кроме того, пользователи начинают привыкать к подобным технологиям, что облегчает вхождение в их жизнь все новых агентов ИИ.

мы постоянно встречаем искусственный интеллект в нашей жизни, который способен относительно автономно решать различные задачи: управлять автомобилем (driverless cars), искать оптимальный маршрут (Google Maps, Siri, Алиса), рекомендовать товары (Amazon), знакомства (Facebook, VKontakte), консультировать по деловым вопросам (голосовой помощник Альфа-Банка) и т. п.

Как исследовательская проблема искусственный интеллект: (1) ставит философские (мировоззренческие) вопросы; (2) порождает изменения в социальной реальности; (3) предстает по-разному в комплексе научных знаний. Для социологии и других социальных наук проблематика ИИ является, в целом, побочной. Для естественных и инженерных наук проблемы искусственного интеллекта являются основными и связаны с решением функциональных задач. В гуманитарном знании, как и в философии, ИИ обсуждается в связи с мировоззренческими проблемами, которые решаются по-разному в разные исторические эпохи и в разных интеллектуальных традициях.

В настоящее время в области исследований искусственного интеллекта доминирует «большая тройка»: компьютерные науки, когнитивные науки, аналитическая философия. Ядро концептуальных положений об ИИ кристаллизуется вокруг гипотезы о принципиальной сравнимости (рядоположенности) феноменов человеческого сознания и искусственного интеллекта; параллельно и в дискуссии с ним существует критика ИИ — в работах философов других направлений, психологов, социальных теоретиков, социальных критиков и др. [Boden, 2016]. При этом значительная часть проблем искусственного интеллекта обсуждается под рубрикой «философии сознания».

На компьютерные науки приходится технические разработки, а также — в большей степени, чем можно было бы ожидать, — теоретизирование и футурологические прогнозы об ИИ. При этом анализ исторической динамики технологического развития позволяет выделить типичный паттерн: возникновение идеи, начало реализации, воодушевление и успехи, удивление публики и профессионалов, а затем — нахождение пределов технологических решений и постепенное затухание проекта [Dreyfus, 2012]. (Иногда проект может быть возрожден, если будут созданы новые подходы или станут доступны новые технологические мощности.)

Наконец, когнитивная наука, вероятно, не была бы возможна без исследований искусственного интеллекта. Достижения когнитивистов становятся источником новых идей для представителей компьютерных наук (еще раз вспомним про искусственные нейронные сети); однако между дисциплинами имеет место скорее обмен идеями, а говорят они на разных языках. При этом очевидно, что связь между открытиями в нейропсихологии и их формулировкой на более высоком уровне, уровне психики человека, остается проблематичной, ее объяснение требует теоретических и эмпирических прорывов.

В качестве понятийной структуры ИИ может трактоваться двояко — как предмет (продукт) и как процесс. Мы полагаем, что при определении ИИ принципиально обращать внимание на *процессуальность* как его существенную характеристику. В этом отношении, как нам представляется, точнее говорить не об искусственном интеллекте, а об *«искусственном мышлении»* — *artificial thinking*.

Определения понятий: искусственный интеллект, онлайн-культура, искусственная социальность

Искусственный интеллект

Сравнение определений, представленных в современных словарях и энциклопедиях, показывает, что «искусственный интеллект» понимается двояко — как область исследований особого поведения машин и как само это поведение, отличительная особенность которого состоит «в выполнении задач, обычно связываемого с применением человеческого интеллекта» (Oxford Dictionaries)². Примерами служат визуальное восприятие, распознавание речи, принятие решений, перевод с одного языка на другой, умение делать обобщения, учиться на собственном опыте. Но что обеспечивает искомое поведение? Сформулируем, в первом приближении, рабочее определение искусственного интеллекта и выделим его сущностные черты:

Искусственный интеллект представляет собой ансамбль разработанных и закодированных человеком рационально-логических, формализованных правил, которые организуют процессы, позволяющие имитировать интеллектуальные структуры, производить и воспроизводить целерациональные действия, а также осуществлять последующее кодирование и принятие инструментальных решений вне зависимости от человека.

Данное определение выделяет пять ключевых характеристик ИИ.

1. Искусственный интеллект — это не продукт, не устройство, а ансамбль (гармоничная совокупность) правил, которые организуют некоторый процесс.
2. ИИ как процесс создан человеком, представляет собой результат человеческой, и никакой иной (биологической, трансцендентальной, асоциальной и т. д.) деятельности.
3. ИИ представляет собой ансамбль правил, закодированных для решения инструментальных задач и достижения определенных целей.
4. Инструментально закодированные правила организуют активность (деятельность), которая имитирует интеллектуальные структуры Homo Sapiens.
5. Сымитированные структуры в состоянии участвовать в последующем кодировании, обучаться и принимать инструментальные решения, в том числе без участия и вне зависимости от человека.

Чтобы показать эвристическую ценность предложенного определения, сравним его с двумя характеристиками искусственного интеллекта, сформулированными современными «классиками» области исследований AI: Стюартом Расселлом и Питером Норвигом (компьютерные науки), а также Маргарет Боден (когнитивные исследования).

Расселл и Норвиг классифицируют определения ИИ по двум основаниям: (1) относятся ли они к мышлению или поведению; (2) соотносятся ли они с человеческой деятельностью или с рациональной деятельностью [Russell, Norvig, 2010: 1—5]. Сами авторы в качестве определяющих свойств ИИ выбирают поведение

² См.: Artificial Intelligence // Oxford Dictionaries. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/artificial_intelligence (accessed: 10.12.2019); Copeland B. J. Artificial Intelligence // Encyclopedia Britannica. 2019. November 19. URL: <https://www.britannica.com/technology/artificial-intelligence> (accessed: 10.12.2019); Artificial Intelligence // Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/artificial%20intelligence> (accessed: 10.12.2019).

и рациональность, концентрируясь на «общих принципах [устройства] рациональных агентов и на составных частях, необходимых для их создания» [Ibid.: 5]. Рациональный агент, в свою очередь определяется как «действующий так, чтобы достичь наилучшего результата или, в случае неопределенности, наилучшего ожидаемого результата» [Ibid.: 4].

Подход Боден, по классификации Расселла и Норвига, противоположен их собственному. Она определяет искусственный интеллект в терминах ментальных процессов (процессов, связанных с обработкой информацией) и связывает ИИ с воспроизведением человеческих (и животных) способностей: «цель искусственного интеллекта (ИИ) состоит в том, чтобы компьютеры делали вещи, подобные тем, что может делать разум (mind). Некоторые из них (например, рассуждение) обычно связывают с интеллектом. Другие (например, зрение) — нет. Но все они требуют психологических способностей (skills) — восприятия, ассоциации, предсказания, планирования, моторного контроля и др., — позволяющих людям и животным достигать своих целей» [Boden, 2016: 1].

Различия между авторами по линиям «мышление — поведение» и «человек — рациональный агент» объясняются, отчасти, их дисциплинарной принадлежностью. Представителям компьютерных наук важно уметь решать широкий круг узких задач с ясными критериями оценки эффективности; когнитивисты в большей степени интересуются сходствами и различиями между тем, как мыслит мозг, и тем, как компьютер обрабатывает информацию. Возможно, именно поэтому и характеристика Расселла и Норвига, и характеристика Боден имеют нормативный характер: обе определяют не только то, чем является, но и то, чем должно быть поле исследований искусственного интеллекта. Тем не менее, оба определения имеют немало общего, а именно: (а) указание на цель, (б) указание на разнообразие задач, стоящих перед ИИ, (в) указание на некоторых разумных (рациональных) агентов. Кроме того, следует отметить, что развернутого определения через род и вид не предлагает ни один из авторов.

Что предлагается в определении, сформулированном авторами настоящей статьи? Во-первых, мы определяем, что есть искусственный интеллект, а не только что он *делает*. Во-вторых (и вследствие первого), определение отличает *процесс* от *продукта*. Продукт — это то, чего хотят достичь исследователи, процесс — что у них получается. В-третьих, мы обращаем внимание на автономность, которая заключается в процессе, в том, что искусственный интеллект может делать без вмешательства человека. Наконец, в предложенном определении намечаются подступы к еще одному ключевому понятию — «искусственной социальности»: искусственный интеллект создается человеком, но становится автономным от него и встраивается в процесс принятия решений в повседневной жизни общества.

Подводя промежуточные итоги, следует еще раз подчеркнуть: искусственный интеллект — это не субстрат и не вещество. Это не то, на что можно опереться или чем можно разбить лоб. Хотя (вместе с тем), в качестве частного случая, поскольку рациональность может овеществляться в продуктах, ИИ может выступить и как нечто оформленное, как вещь для нас, выражаясь кантовским языком. Но выделяя искусственный интеллект в качестве фиксированного тела, или объекта, следует учитывать, что как таковой ИИ не распадается на тела и не складывается из них.

Онлайн-культура

В современных обществах важнейшим условием развития технологий искусственного интеллекта является распространение онлайн-культуры. Значительная — и все возрастающая — часть алгоритмов ИИ действует онлайн: как в виде ботов, взаимодействующих с пользователем, так и в виде сортирующих и направляющих активность алгоритмов, опосредующих сетевые взаимодействия. Многие технологии ИИ, предполагающие материальное воплощение, при их разработке моделируются и тестируются онлайн. Наконец, все большая доля агентов ИИ для эффективной работы требует доступа к большим объемам данных, накопленных в онлайн-среде.

Понятие «онлайн» характеризует те явления, которые происходят при одновременном подключении нескольких устройств в одну сеть: «онлайн происходит именно то, что связано с установлением соединения онлайн» [Колозариди, 2014: 119]. Нахождение «онлайн» предполагает принципиальную возможность доступа к информации в любой момент, в том числе — к информации от других агентов в режиме взаимодействия в реальном времени [Трегубова, 2020]. Данный термин покрывает все опосредованные сетевыми технологиями способы взаимодействия; при этом почти все, что происходит «онлайн» в современном мире, происходит при подключении к сети интернет. Из постепенного распространения онлайн-практик в повседневной жизни людей возникла необходимость в понятии «офлайн», которое обозначает то, что происходит «не онлайн» (прежде всего — при физическом присутствии). Пребывание «онлайн» может быть более или менее связано с «офлайн»-практиками — как с точки зрения длительности, так и по содержанию самих практик.

В понятии «онлайн-культуры», которое мы формулируем в настоящей статье, предикатом является «культура», а не «онлайн». «Культура» имеет для нас скорее метафорическое значение и понимается не в узкодисциплинарном смысле (социально-антропологическом, социологическом, археологическом и др.), а в широком смысле, как она определялась социальными аналитиками XIX века. Понятие «культура» относит, в данном случае, к совокупности материальных и идеальных (символических) ресурсов, которые используют люди в своей повседневной деятельности:

Онлайн-культура — ансамбль (гармоническая совокупность) сетей коммуникаций, технических устройств, алгоритмов, формальных и неформальных правил взаимодействия, паттернов поведения, культурных символов, которые делают возможной и структурируют активность людей в сети интернет и аналогичных сетях, обеспечивающих удаленный доступ к созданию, обмену и получению информации.

В других публикациях [Резаев, Трегубова, 2019b; Трегубова, 2020] мы обсуждали ключевые характеристики онлайн-культуры, которые могут быть суммированы в трех пунктах: (1) онлайн-взаимодействия — это удаленные взаимодействия; (2) в онлайн-взаимодействиях в качестве их среды и участника все чаще выступают агенты, наделенные искусственным интеллектом; (3) пребывание онлайн представляет собой возможность постоянных переходов по сети. К ним необходимо добавить еще одну характеристику: (4) онлайн-культура не однородна, она по-разному осваивается разными людьми и разными социальными группами:

как количественно (большая или меньшая погруженность), так и качественно (разные паттерны поведения, правила взаимодействия, символические среды).

Именно стремительное распространение онлайн-культуры в современных обществах обеспечивает необходимую базу для распространения технологий искусственного интеллекта. Это обусловлено тремя причинами. Во-первых, создание агентов ИИ в виде онлайн-алгоритмов — более удобный и экономичный способ по сравнению с их материальным воплощением (сравним, к примеру, классического робота и «лицо на планшете»). Во-вторых, колоссальное количество данных создается и аккумулируется онлайн, а эти данные, в свою очередь, используются в работе многих разновидностей ИИ. Наконец, развитие онлайн-культуры, переплетаясь с развитием капиталистических экономик, делает выгодным разработку и выход на рынок технологий ИИ. В свою очередь, агенты искусственного интеллекта поддерживают развитие онлайн-культуры, позволяя извлекать прибыль из сетевой активности пользователей.

Искусственная социальность

В современных обществах онлайн-культура и технологии искусственного интеллекта — логически независимые феномены — на практике становятся все более и более взаимозависимыми в своем развитии. Как следствие, внедрение в повседневную жизнь общества искусственного интеллекта изменяет социальную среду существования человека и обуславливает возникновение принципиально новых явлений — появление «искусственной социальности» [Rezaev, Tregubova, 2018].

Термин «искусственная социальность» вводится в научный оборот благодаря деятельности группы ученых под руководством Т. Мальша [Malsch, 1998]. Мальш понимает искусственную социальность как коммуникативную сеть, в которой, наряду с людьми, иногда и вместо людей, участвуют другие агенты (искусственный интеллект); а средой для взаимодействия является интернет. Мы предлагаем несколько иное, более широкое определение искусственной социальности:

Искусственная социальность представляет собой эмпирический факт участия агентов ИИ в социальных взаимодействиях в качестве активных посредников или участников этих взаимодействий.

При этом под «агентом ИИ» мы имеем в виду устройство, деятельность которого опосредует и фиксирует проявления искусственного интеллекта. Если для ИИ атрибутом выступает процессуальность, то для агента ИИ ключевой характеристикой является наличное бытие в качестве продукта.

Сегодня направления и методы в разработках искусственного интеллекта настолько тесно переплетены с возможностями его внедрения в повседневную жизнь общества, что *искусственный интеллект не может существовать вне искусственной социальности*. Это касается не только правовых, этических, экономических и прочих ограничений: дело в его сущностных характеристиках. Деятельность агентов ИИ зависит — все в большей степени — от действий людей, взаимодействующих с этими агентами и между собой³.

Приведем два примера, иллюстрирующих данную тенденцию.

³ Более детальное обсуждение новых явлений и проблем, которые привносит искусственная социальность, на примере медицинских наук и образования см. в [Rezaev, Tregubova, 2019a].

Первый пример — успех поисковика Google. Эффективность поисковика обеспечивается тем, что множество людей пользуется им для поиска информации. Алгоритмы Google аккумулируют информацию о сетевых переходах пользователей и на их основе «обучаются» тому, что выдавать в поисковом запросе. Google работает таким образом, что обобщает информацию, собираемую от очень большого числа пользователей, и если завтра им перестанут пользоваться, то через какое-то время он перестанет быть хорошим поисковиком.

Второй пример — проблема «зловещей долины» (uncanny valley) при создании роботов. Проблема заключается в том, что люди положительно относятся (и готовы взаимодействовать) с теми агентами, которые либо очень на них похожи, либо похожи до определенной степени. Если сходство значительное, но неполное, то агент вызывает отвращение и неприязнь. Поэтому задача создания человекоподобного робота в какой-то момент сталкивается с препятствием: чем точнее робот имитирует движение и речь человека, тем большее отторжение вызывает. При этом в задачи организации движений и речи робота включается не только создание привлекательного интерфейса, но и организация работы искусственного интеллекта, управляющего роботом.

От абстрактных рассуждений к проблемам измерения

Затруднения в исследованиях искусственного интеллекта и искусственной социальности подразделяются на два типа: теоретико-методологические и эмпирико-прикладные. До настоящего момента данная работа рассматривала первый тип затруднений. Однако достижение в современных философских и научных дискуссиях об ИИ некоторой «точки насыщения», после которой темы и сюжеты лишь повторяются, свидетельствует о том, что пределы абстрактных рассуждений связаны с неспособностью зафиксировать и измерить новые феномены становящейся искусственной социальности. Таким образом, эмпирико-прикладные трудности в исследованиях искусственного интеллекта не менее важны, чем теоретико-методологические затруднения. Они связаны с вопросом о том, как зафиксировать и как измерить феномены искусственного интеллекта и искусственной социальности.

Перечислим лишь некоторые из наиболее важных затруднений, с которыми сталкиваются современные социальные ученые.

- Где провести границу между агентами искусственного интеллекта и другими техническими устройствами? В теории данная граница может представляться ясной, однако в эмпирическом исследовании ее проведение зависит от теоретической позиции исследователя [Collins, Kusch, 1998], от более или менее глубокого знакомства с технической стороной объекта исследования, от собственного опыта взаимодействия с устройствами и т. д.
- Как отделить эффекты деятельности воображения, очеловечивающего (обожествляющего, демонизирующего) машины, от эффектов работы агентов ИИ, обладающих автономной логикой? Точнее, как зафиксировать механизмы взаимодействия обоих аспектов? Эта проблема релевантна и для анализа общения между людьми (особенно как оно рассматривается в социальной психологии). В случае взаимодействий с участием ИИ данный

вопрос встает на этапах проектирования методического инструментария исследования и интерпретации данных.

- Как получить валидные и надежные данные о естественных ситуациях взаимодействия человека с искусственным интеллектом? Опять-таки, данная проблема актуальна и при попытках измерить общение людей: каждая ситуация взаимодействия конкретна, происходит в определенном контексте, испытывает влияние множества факторов. Эксперименты и квази-эксперименты, в которых пользователям предлагается взаимодействовать с агентами ИИ, имеют свою эвристическую ценность, однако не являются заменой исследования ситуаций взаимодействия в естественных условиях (в повседневной жизни).
- Наконец, как анализировать и интерпретировать данные, фиксируемые техническими устройствами? Проблема «больших данных» состоит не в том, что данных нет: напротив, некоторых видов данных даже слишком много: настолько, что социальные аналитики не успевают за их ростом, в связи с чем возникает дефицит адекватных способов обработки и анализа данных. Настоящая проблема сейчас широко обсуждается в социально-научной литературе [Губа, 2018].

Вместо заключения: что могут и чего не могут социальные ученые?

Искусственный интеллект в современном мире существует и развивается в рамках искусственной социальности — как в повседневной жизни пользователей, так и в профессиональных областях: в медицине, где он участвует в диагностике, в ядерной физике, где он генерирует экспериментальные дизайны, и др. В этом отношении ИИ становится проблемой для социальной аналитики. Однако социальные науки — отнюдь не первые и не главные игроки на исследовательском поле искусственного интеллекта. Вернемся к исходному вопросу: нужно ли подходить к проблематике ИИ в системе теоретико-методологических координат социальных наук?

Сегодня социальные ученые занимаются тем, что пытаются предсказать (просчитать) неочевидные и непреднамеренные последствия действий людей и коллективных акторов: на рынке труда, в потреблении товаров и услуг, в выборе социальных связей и т. п. Мы полагаем, что этого социальные ученые как раз не смогут сделать. Почему? Потому что искусственный интеллект автономен и обладает иной логикой действий, нежели человек. Исходя из этого, социальным ученым следовало бы задавать иные вопросы: как оценить, до какой степени действия акторов в искусственной социальности могут быть прогнозируемы? Какие методы и данные использовать для прогноза? (Возможно, их еще только предстоит изобрести.)

Мы полагаем, что перспективы для дальнейшей деятельности социальных ученых в исследованиях искусственного интеллекта следует искать в трех направлениях.

Во-первых, в большинстве своем ученые и разработчики, занимающиеся проблемами ИИ, находятся сегодня в дисциплинарных/дисциплинированных традициях: они могут творчески решать узко поставленные задачи в рамках своей области, не выходя за ее границы. Вопросы о том, что именно они создают, просто не могут быть поставлены ими в рамках решаемых задач при данной структуре знания в эпоху позднего капитализма. В этом отношении положение социальных наук, только вступающих на поле исследований искусственной социальности

и не выработавших еще собственных ограничений и рамок, вызывает сдержанный оптимизм, надежду на создание *адисциплинарной* области знания для исследования новых явлений [Rezaev, Tregubova, 2018].

Во-вторых, социальные ученые способны разбирать фундаментальные этические, правовые и иные проблемы, связанные с вхождением искусственного интеллекта в общество. Они также могут предлагать форматы (паттерны) решения возникающих проблем.

Наконец, социальные ученые способны помогать разработчикам ИИ в том, чтобы создавать и продавать такие продукты, которые будут «гладко» входить в общество, станут частью повседневной жизни общества или отдельных социальных групп.

Данные роли, в первом приближении, соответствуют теоретической, критической и прикладной социологии.

Список литературы (References)

Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163—182. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.10>.

Volchenko O. V. (2016) Dynamics of Digital Inequality in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 163—182. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.10>. (In Russ.).

Губа К. Большие данные в социологии: новые данные, новая социология? // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 213—236. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-213-236>.

Guba K. (2018) Big Data in Sociology: New Data, New Sociology? *The Russian Sociological Review*. Vol. 17. No. 1. P. 213—236. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-213-236> (In Russ.).

Капелюшников Р. И. Технологический прогресс — пожиратель рабочих мест? // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 111—140. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-11-111-140>.

Kapeliushnikov R. (2017) Is Technological Change a Devourer of Jobs? *Issues of Economics (Voprosy Ekonomiki)*. No. 11. P. 111—140. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-11-111-140>. (In Russ.).

Колозариди П. В. Чем онлайн отличается от оффлайна, и какой теоретический смысл есть в этом различии // ИНТЕР. Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. № 7. С. 117—123.

Kolozaridi P. V. (2014) What is the Difference between Online and Offline and What Theoretical Sense is in This Difference. *INTER. Interaction. Interview. Interpretation*. No. 7. P. 117—123. (In Russ.).

Корбут А. «Простите, я никак не могу понять»: способы реагирования на непонимание во взаимодействии человека и робота // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2018. Т. 10. № 3. С. 57—78. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2018-10-3-57-78>.

Korbut A. (2018) "Sorry, I Cannot Understand": Ways of Dealing with Non-Understanding in Human-Robot Interaction. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 10. No. 3 P. 57—78. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2018-10-3-57-78>. (In Russ.).

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Искусственный интеллект и искусственная социальность: новые явления и проблемы для развития медицинских наук // Эпистемология и философия науки. 2019а. № 4. С. 183—199.

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2019a) Artificial Intelligence and Artificial Sociality: New Phenomena and Problems for Medical and Life Sciences Advance. *Epistemology & Philosophy of Science*. No. 4. P. 183—199. (In Russ.).

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Мир общения в социологическом измерении. М. : Университетская книга, 2017.

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2017) The World of Social Interaction in Sociological Perspective. Moscow: Universitetskaya kniga. (In Russ.).

Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Новые медиа и «умные вещи»: как новые технологии актуализируют различие между общением и коммуникацией? // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019b. № 1. С. 25—45. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2019.2545>.

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2019b) New Media and 'Smart Things': How Do New Technologies Objectify the Distinction between 'Social intercourse' and 'Communication'? *Bulletin of Moscow State University. Series 10. Journalism*. No. 1. P. 25—45. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2019.2545>. (In Russ.).

Трегубова Н. Д. Транснациональный мигрант в интернете: теоретические основания исследования транснационализма «онлайн» // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2020. На рассмотрении.

Tregubova N. D. (2020) Transnational Migrants in the Internet: Theoretical Foundations for Studying Transnationalism Online. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. Under review. (In Russ.)

Boden M. (2016) AI: Its Nature and Future. Oxford: Oxford University Press.

Collins H., Kusch M. (1998) The Shape of Actions: What Humans and Machines Can Do. Cambridge, MA: MIT Press.

Dreyfus H. L. (2012) A History of First Step Fallacies. *Minds and Machines*. Vol. 22. No. 2. P. 87—99. <https://doi.org/10.1007/s11023-012-9276-0>.

Malsch T. (ed.) (1998) Socionics: Sociological Views on Artificial Sociality. Berlin: Edition Sigma. (In German).

Rezaev A. V., Tregubova N. D. (2018) Are Sociologists Ready for 'Artificial Sociality'? Current Issues and Future Prospects for Studying Artificial Intelligence in the Social Sciences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 91—108. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.5.10>.

Russell S., Norvig P. (2010) Artificial Intelligence: A Modern Approach. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.04

Правильная ссылка на статью:

Гергилов Р.Е. Процессуальная социология о проблемах цивилизации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 48—64. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.04>.

For citation:

Gergilov R. E. (2019) Procedural sociology about civilizational problems. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 48—64. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.04>.

Р. Е. Гергилов

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ О ПРОБЛЕМАХ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ О ПРОБЛЕМАХ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ГЕРГИЛОВ Ростислав Евгеньевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: gerro@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6944-4820>

Аннотация. Статья посвящена таким актуальным вопросам, как: процессы цивилизации, децивилизации и степень монополизации насилия как важнейший критерий. В основе работы

PROCEDURAL SOCIOLOGY ABOUT CIVILIZATIONAL PROBLEMS

Rostislav E. GERGILOV^{1,2} — Dr. Sci. (Philos.), Professor; Associate Research Fellow
E-MAIL: gerro@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6944-4820>

¹ St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, St. Petersburg, Russia

² Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to such pressing issues as civilization processes, decivilization and the degree of monopolization of violence as the most important criterion. The study is based on a com-

лежит сравнительный анализ трудов Н. Элиаса, С. Меннела, П. Гляйхмана и З. Баумана. Отмечается главная составляющая цивилизационного подхода: необходимость перераспределения насилия ввиду того, что монополия на насилие является неотчуждаемым и основным правом государства. Анализ и сравнение взглядов упомянутых исследователей позволяют говорить о том, что посредством стремления к унификации и обезличиванию, государство в эпоху модерна способствует становлению человека в обществе не как отдельной личности, а как дистанцирующегося от эмоций "носителя ролей". Цивилизационные стандарты отношения к физическому насилию несут противоречивый и неоднолинейный характер. Результаты исследования помогают выявить "неразрешимую проблему" цивилизации, заключающуюся в эрозии монополии на насилие и росте моральной безучастности в эпоху модерна.

Ключевые слова: насилие, цивилизация, монополия на насилие, Элиас, Дюрр, Бауман

parative analysis of the works of N. Elias, S. Mennele, P. Gleichman and Z. Bauman. The author pays attention to the main component of the civilization approach: the need for redistribution of violence due to the fact that the monopoly on violence is an inalienable and fundamental right of the state. Analysis and comparison of the views of the above-mentioned researchers suggest that by striving for unification and depersonalization the state in the modern era contributes to the formation of a person not as a separate person in society but as a "carrier of roles" distancing from emotions. Civilization standards of attitudes towards physical violence are contradictory and non-linear. The results of the study help to identify an "insoluble problem" of civilization consisting in the erosion of the monopoly on violence and the growth of moral indifference in the era of modernity.

Keywords: violence, civilization, monopoly on violence, Elias, Duerr, Bauman

Тезис о том, что применение телесного насилия в западноевропейском обществе в ходе его развития и демократически-правового контроля государственной монополии на насилие в долгосрочной перспективе снизилось, а степень чувствительности по отношению к применению насилия возросла, подтверждается массивом эмпирических данных. В обществах со сформированными государственными структурами именно этим структурам, являющимся монополистами физического насилия, поручено следить за тем, чтобы физически сильные не наносили безнаказанно физического ущерба физически более слабым.

В большинстве европейских стран на рубеже XX—XXI вв. были приняты законы, запрещающие применение насилия не только в общественных местах, но и в приватной сфере: запрет побоев в качестве средства воспитания детей или право удалять из совместного жилища склонного к насилию партнера. Реализуется этот процесс посредством того, что произошел сдвиг властных полномочий как между родителями/учителями и детьми, так и между управляющими и подчиненными,

вышестоящими и нижестоящими в пользу последних [Elias, 1970: 70—72; Krumrey, 1977: 194—197; 1984].

В этих странах налицо долгосрочная тенденция либерализации государственной системы наказания: снижение применения насилия при уголовном наказании, отмена смертной казни и перенесение отбывания наказания «за кулисы»: в тюрьмы, в педагогические и психиатрические заведения. В североευропейских странах в течение минувшего столетия можно отметить значительное снижение числа судебных приговоров к тюремному заключению, а благодаря введению и распространению альтернативных социально-педагогических и терапевтических мероприятий, смягчение наказаний [van Dijk, 1989: 441; Wurm, 1995: 32—34]. Произвол государственного насилия в сфере наказания ограничен рядом таких процессуальных процедур как имплементация правовых принципов или разделение труда между прокуратурой и судом.

В ходе таких мероприятий цивилизуется и само государственное насилие. Меры принуждения физического характера со стороны государства по отношению к телу заменены формами поощрения и наказания, направленные больше на личность и психику злоумышленника [Heiland, 1993]. Жесткие дисциплинирующие внешние принуждения заменяются более мягкими, способствующими развитию саморегуляции.

В североευропейских странах с 1960-х гг. наблюдается снижение числа желающих подавать заявление в полицию на те или иные совершенные против них противоправные деяния. По данным криминалистов, это объясняется повышенным социальным табуированием проступков и презрительным отношением к совершающим их [Pfeifer, 1994; Wurm, 1995: 30—32]. В большинстве европейских стран в период 1970—1990 гг. значительно снизилось применение полицейскими огнестрельного оружия, что не в последнюю очередь объясняется отношением к этому самих полицейских. Среди них растет число нуждающихся в психологической и врачебной помощи после необходимости его применения [Heuer, 1997]. Рост неприятия полицейскими убийств преступников на месте преступления или во время погони за ними свидетельствует о сдвиге в процессе цивилизации внутригосударственных монополистов насилия.

Действительно, в ходе создания стабильной государственной монополии на насилие, институционализации демократически и в соответствии с правовыми нормами урегулированных механизмов разрешения конфликтов и введении государством мероприятий по поддержанию соответствующего уровня жизни населения, несмотря на некоторые временные возвратные движения, частные случаи проявления насилия все еще относительно успешно контролируются. Большинство граждан западноевропейских стран умирают не от недоедания, холода или физического насилия, а в основном естественной смертью [Elias, 1982: 75; Tap, 1998: 52—54]. Тем самым естественная смерть стала настолько само собой разумеющимся фактом, что вовсе позабылось, что еще не так давно в Европе насильственная смерть была господствующим явлением.

А оживленный дискурс изнасилования в 1990-е годы указывает не столько на действительный рост сексуального насилия по отношению к женщинам и детям, сколько на рост сенсублизации по отношению к насилию [Rutschky, 1992:

33—35; Wurm, 1995: 32—34]. О долгосрочном росте сенсбилизации по отношению к телесному насилию говорит и снижение уровня насилия в спорте [Elias, Dunning, 1983, 1986], или смягчение насильственной риторики в представлении Бога и представлении потустороннего мира [Ebertz, 1993: 115—117].

Особенно отчетливо заметно это на примере все большего предпочтения альтернативной службы в армии. Отказ от воинской повинности до 1940-х годов жестоко карался, а с начала 1960-х число отказов стало заметно расти. Эта тенденция демонстрирует сдвиг балансов власти между управляющими и управляемыми, между обладателями государственной монополии на насилие и мужской частью граждан в пользу последних. Никогда ранее европейские мужчины разных слоев общества не относились с таким омерзением к убийству на войне как сейчас. А большинство тех, кто вопреки их неприятию убийства проходили срочную службу в армии, «переживали угрызения совести» [Birkenbach, 1985]. Существующая, несмотря на пацифистские настроения общества, относительно высокая готовность к службе в армии объясняется, среди прочего, регрессивной компенсаторной функцией воинской службы [ibid.: 85—87]. Для молодых людей она выполняет функцию мужского ритуала инициации и компенсации мучительных и болезненных цивилизационных ограничений и отказов, производящих партикулярность, потерю межполовых властных полномочий, неуверенность и скуку.

Внутригосударственные сдвиги децивилизации

На фоне обозначенных долгосрочных тенденций усиления чувствительности к применению телесного насилия следовало бы отказаться от огульных жалоб на повсеместный «взрыв насилия» в западноевропейском обществе. При этом забота о дедраматизации «проблемы насилия» не должна вести к отрицанию специфических внутригосударственных децивилизационных процессов. На некоторые сдвиги децивилизации указывал и Элиас: вместе с Э. Даннингом он говорил о проблеме вспышек насилия в среде болельщиков во время футбольных матчей [Elias, Dunning, 1986]. Как процесс децивилизации он рассматривает относительно высокий процент смертельных случаев в результате аварий на дорогах, хотя при этом он указывает на то, что с 1950-х гг. этот процент в большинстве европейских стран, учитывая увеличение числа транспортных средств, скорее, снизился.

Другой пример тенденций децивилизации представляет новейший рост преступлений на почве ксенофобии. После распада советской системы, ввиду возникших экономических и политических потрясений и снижения роли государства, в европейских странах обозначился значительный рост аффективно-насильственной ксенофобии. Итак, перед научным сообществом вновь встает проблема децивилизации.

В рамках процессуальной и фигуративной социологии тенденциям децивилизации, и милитаризации, и насилия, вплоть до 1980-х годов уделялось относительно мало внимания. После своеобразного ренессанса элиасовской теории цивилизации в 1960—70-х годов, его последователи вначале концентрировались на использовании тезиса прогресса цивилизационного процесса для исследования различных сфер жизни, стран и эпох.

Взор на процессы и тенденции децивилизации был обращен значительно позже [Gleichmann, Goudsblom, Korte, 1984; Mennell, 1989, 1990; Gleichmann, 1993; Engler, 1992ab; Fletcher, 1995; de Swaan, 2000]. Это удивительно, поскольку с психологической точки зрения, «мера ненасильственности», а с социогенетической — степень монополизации насилия выступают как важнейшие критерии цивилизационных процессов [Rehberg, 1991: 66—68]. Пренебрежение процессами варваризации и децивилизации связано с тем, что Элиас в своей теории цивилизации ненасильственность в модерне не предполагал как само собой разумеющуюся, а интересовался тем, при каких социальных условиях возможно достижение более высокой степени умиротворения. В работе «О процессе цивилизации» Элиас задавался не столько вопросом социальных условий возникновения насилия — оно рассматривалось им, скорее, как «нормальность» — сколько, наоборот, вопросом возникновения и продолжительного существования социальных и психологических факторов, удерживающих людей от применения насилия в межличностных отношениях. С этой точки зрения сдвиги децивилизации чаще всего выступают лишь в виде временного отклонения от продолжительно доминирующего тренда цивилизации, а не как некие автономные, длительные процессы. Так сдвиги в степени раскручивания спирали насилия могут объясняться как кратковременные исключительные проявления по сравнению с долгосрочно доминирующим цивилизационным трендом. Такая теоретическая аргументация обладает характером самоиммунизации.

В том же ключе, что и Элиас, децивилизационные процессы как то, что происходит, когда процессы цивилизации меняют свое направление, описывает и английский социолог С. Меннел [Mennell, 1990: 205]. По его мнению, децивилизационные процессы характеризуются разрывом цепей взаимозависимости, большей неопределенностью, возвратом насилия, снижением взаимной идентификации, понижением принуждения к задержке агрессивных импульсов и растущего содержания фантазмов в полученном знании. Возникновение процессов варваризации предполагает достаточно продолжительную государственную монополию на насилие и ограниченную умиротворенность территории государства. Сколь бы не были эти факторы релевантными для возможности возникновения децивилизационных сдвигов, они не объясняют причину возникновения тех или иных социально-исторических констелляций. Невозможно объяснить своеобразие динамики и специфическую структуру развития сдвигов варваризации и процессов развала государств действием лишь этих факторов. Здесь теория цивилизации Элиаса в ее ортодоксальной трактовке наталкивается на границы своей объяснительной компетенции.

Напротив, немецкий социолог П. Гляйхман [Gleichmann, Goudsblom, Korte, 1984: 89—93] уделяет достаточно много внимания долгосрочным процессам цивилизации и милитаризации. Используя богатый эмпирический материал, он отмечает долгосрочные сплетения этих двух одновременно протекающих процессов. На межгосударственном уровне он отмечает рост коллективных актов насилия, основываясь на наличии многочисленных армий, войн и увеличении жертв войны в ходе долгосрочного увеличения и распространения средств уничтожения, а также на инструментализации и индустриализации современного

ведения войн. На внутригосударственном уровне он прослеживает ослабление и «тенденцию нейтрализации» специфической для каждой страны стабильной монополии на насилие вследствие относительно неконтролируемого государством производства и распределения оружия [ibid.: 114; Gleichmann, 1993: 72—74]. Тенденция приватизации безопасности отмечается ростом частной, коммерциализированной индустрии безопасности, повсеместно начинающей брать на себя эти функции. Наряду с ростом частных услуг безопасности и приватизацией тюрем, возникновение и распространение «коммунитарных контролирующих органов», направленных на предупреждение опасности, ведут к эрозии государственной монополии на насилие [Trotha, 1995: 153]. По сравнению со все более диверсифицированными преступными группировками (например, с такими надгосударственно оперирующими группами как мафия или другими террористическими группами) и их технологиями насилия, национальное государство теряет потенциал власти и руководства [Thome, 2001: 189—193].

Контролируемый посредством демократической государственно-правовой монополии на насилие порядок безопасности сменяется олигопольным порядком. Это способствует увеличению возможностей для преступной активности. Ввиду того, что теряющее власть и влияние государство не в состоянии, как прежде, гарантировать безопасность, растет спрос на частные услуги безопасности, что, опять-таки, ведет к эрозии государственной монополии на насилие. П. Гляйхман не отвергает результатов полученных данных исследований процессов цивилизации, а лишь распространяет их на сферу процессов милитаризации. С. Меннелл также настаивает на необходимости исследования процессов децивилизации. Правда, он описывает их, скорее, как краткосрочные процессы, лишь на время прерывающие долгосрочные [Mennell, 1990: 214]. Напротив, П. Гляйхман характеризует процессы милитаризации как долгосрочные процессы, которые следует регистрировать наряду с долгосрочными цивилизационными процессами. То, какой тренд доминирует в данный момент времени, приходится устанавливать эмпирически. В то же время амбивалентность и противоречия в отношении к насилию в эпоху модерна все больше привлекают внимание социологов.

Амбивалентность монополизации насилия и удлинения цепочек взаимозависимости

Фундаментальная критика элиасовского тезиса снижения уровня физического насилия в европейском цивилизационном процессе содержится в работах польско-английского социолога З. Баумана. Вслед за Т. Адорно и М. Хоркхаймером он подчеркивает теоретическую важность последствий холокоста для социологических теорий цивилизации и модернизации. Для него холокост как феномен модерна демонстрирует лабильность и хрупкость «природы человека», то есть, «естественное отвращение к убийству и насилию, страх перед осознанием вины и имманентное чувство ответственности» [Bauman, 1992a: 27]. По прошествии более 60 лет после выхода элиасовской работы «О процессе цивилизации», Бауман обнаруживает в концентрации насилия в руках государства, — из которых, по Элиасу, исходит цивилизирующее действие, — в первую очередь, предпосылку к безмерному и ни с чем не сравнимому цивилизационному варварству:

планомерному и рационально проведенному геноциду, подобному холокосту или ГУЛАГу, превратившим XX столетие в «эпоху лагерей» [Bauman, 1994]. В этой связи Бауман характеризует, — как и Дюрр — трактовку укрощения и погашения насильственных импульсов в описанном Элиасом процессе цивилизации как «миф» и самолегитимирующую «пропаганду». «Она [теория цивилизации — Р.Г.] скрывает, что движущие силы модерна подчиняются принуждению, которое они должны, в принципе, нейтрализовать; она скрывает, что то, что для одного выглядит процессом цивилизации, для другого значит быть насильственно нейтрализованным. В процессе цивилизации речь идет не о том, чтобы уничтожить насилие, а о том, чтобы его по-новому распределить» [Bauman, 1996: 38]. В то время как Элиас описывает «цивилизационный процесс» в качестве процесса пространственного упорядочивания и смягчения телесных актов насилия в ходе создания государственной монополии на него, Бауман делает акцент на концентрации и потенцировании насилия. В соответствии с этим, уровень насилия в «процессе цивилизации» не снижается, а безраздельно концентрируется в государстве. Как следствие, возникают две формы насилия: первая — легитимная, контролируемая реализация насилия в процессе господства цивилизации, и другая — неконтролируемая реализация, определяемая господствующими слоями как варварство, и, будучи нелегитимной, строго ограничиваемая.

Бауман отвергает снижение уровня физического насилия в ходе процессов строительства государства. По его мнению, процессы цивилизации и строительства государства сопровождаются, как раз-таки, непомерным ростом насилия, однако не в смысле неконтролируемых, иррациональных, спонтанных вспышек эмоций, а как результат государственно проводимого рационального социально-технологического планирования. С этой точки зрения, насилие по отношению к чужим — это не рецидив цивилизации, а основная и существенная часть модерна. Это следует из того, что рационально планирующее «государство-садовник» заботится о том, чтобы с помощью, включающей и исключающей классификаций, установить порядок и гомогенность, а неассимилированных, «гетерогенных», «чужих» нейтрализовать [Bauman, 1992b: 43—46]. Мишенью государственного насилия становятся девианты, деликвенты, душевно больные и калеки, но прежде всего, занимающие позицию между другом и врагом неклассифицируемые чужие.

Однако в своем стремлении к установлению гомогенности, нейтрализующей многозначность, современное государство порождает, как раз-таки, хаос и амбивалентность, так называемые «отходы модерна». В то время как домодерновые малые общности, благодаря их плотному характеру социальности и обозримости, еще в состоянии классифицировать чужих как друзей или врагов и интегрировать их, в современных больших социальных структурах, характеризующихся разделением труда, дифференциацией и необозримостью, это уже невозможно [ibid.: 83—85]. Поэтому стремящиеся к унификации и однообразию современные государства, в их нетолерантности к различиям и инаковости, стараются все чуждое исключить и с помощью коллективной стигматизации дискредитировать, обезличить и элиминировать. В исключении и защите от чужого участвуют и, зачастую помимо своей воли, связанные с бюрократическими структурами, морально индифферентные ученые, стремящиеся к объективности и заявляю-

щие о своем рациональном и свободном от ценностей подходе [ibid.: 68, 272]. Вместо стабилизации и успокоения совести и распространения социального идентифицирования в цивилизационном процессе Бауман отмечает «развитие моральной индифферентности» посредством государственно-бюрократических принуждений и зависимостей [ibid.: 35—37; Bauman, 1992b: 68—71; 1996: 47—49]. В ходе прогрессирующей и целенаправленной рационализации, бюрократизации, разделения труда и технизации, встраивания человека в безличностные сети современных организаций и новейших информационных и военных технологий, снижается личная ответственность, ослабевают моральные препятствия, на замену которым приходят инструментально-рациональные действия. Люди в модерне выступают больше не как «целостные личности», а как лишь сменяемые, безличностные, фрагментированные «носители ролей». Люди действуют с сохранением дистанции по отношению к своим эмоциям и не чувствуют моральной ответственности за свои встроенные в длинные, необозримые и структурированные в соответствие с принципами разделения труда цепи взаимозависимости, поступки [Bauman, 1994: 31—33].

В своем анализе Бауман опирается, среди прочего, на результаты экспериментов С. Милгрема, проведенных в 1960-е годы. Они свидетельствуют о том, что большинство представителей индустриальных западноевропейских обществ в определенных ситуациях готовы, вопреки своей совести, следовать указаниям авторитетной личности и по ее указанию применять физическое насилие против других людей. Чувство ответственности за свои действия и помехи применению физического насилия быстро исчезают, если человек действует как носитель функций и ролей в иерархически, бюрократически и технологически опосредованных взаимосвязях, и если существует определенная пространственная и психосоциальная дистанция по отношению к жертвам его насильственных действий. Эти структурные обусловленности, характеризующие жизнь большинства европейских стран, усиливают возможность делегирования функций совести авторитетам и позволяют заменить ее функционально-инструментальной моралью. Со времени проведения экспериментов Милгрема прошло почти 50 лет, а цепи взаимозависимостей в ходе процессов технизации и разделения труда стали еще более длинными и необозримыми. Тем самым, выкристаллизовавшееся в его экспериментах условие для исчезновения ответственности за собственные поступки даже усилилось. Напротив, властное неравенство и иерархии между социальными группами, между выполняющими приказы и отдающими их в ходе «функциональной демократизации» [Elias, 1989: 176] с 1960-х — 1970-х гг. в целом стали слабее, вследствие чего психическая конституция человека сместилась «с приказной экономики к договорной» [de Swaan et al., 2000]. Характерное для тотальных институтов и тоталитарно-авторитарных государственных систем наличие непреерекаемого, требующего бескомпромиссного послушания авторитета, в западных демократических обществах уже отсутствует. В них конкурируют друг с другом различные социальные центры власти и партии, противопоставляющие свои самые разные интересы и взгляды. Это повышает шансы для развития морального чувства ответственности: «Голос совести обретает особое звучание среди разноголосого политико-социального диссонанса» [Bauman, 1992a: 180].

Даже, если это развитие и может дать надежду, прогноз Баумана на будущее выглядит мрачно. По его мнению, «фрагментарный и дискретный характер человеческих отношений», ответственный за подавление моральных импульсов в эпоху модерна, остается и в ориентированном на потребление постмодерне [Bauman, 1996: 53—56]. Это происходит потому, что в постмодерне государство передает свою интегрирующую и идентифицирующую функции незарегулированным, децентрализованным и частным рынкам, делясь, в то же время, частью своей монополии на насилие с возникающим неутрализованными движениями. Этот общий тезис о непрекращающемся росте насилия противоречит более ранним взглядам самого Баумана. Это обусловлено тем, что в постмодерне посредством ослабления структур «приказ-подчинение» и ослабления принуждений к единомыслию, порядку и гомогенности выпадают центральные моменты оформленности насилия модерна. И характеристика Бауманом модерна как варварства, нестыковки и противоречивости процессов монополизации насилия и цивилизационных процессов также корректна. Это обусловлено тем, что модерн характеризуется не только потенцированием насилия, но и наличием умиротворенных пространств, не только войнами и геноцидами, но и демократически-гражданскими идеями прав человека, социальной справедливостью, равенством возможностей и свободой. Какие теоретические последствия следуют из результатов экспериментов Милгрэма и основывающейся на них критики цивилизации Баумана для элиасовской теории цивилизации, еще не до конца прояснено. Однако дискуссия об амбивалентном характере цивилизационных процессов уже началась [Gleichmann, 1993; Waldhoff, 1995: 87—89, 404—406; Engler, 1995: 113—115; Burkitt, 1996; de Swaan, 2000: 8—10].

В свое время Элиас сам указал на то, что цивилизационные процессы в западных обществах обладают двойственным характером и при определенных обстоятельствах достаточно быстро могут повернуть вспять. XX век показал, что контроль над агрессивными импульсами часто ограничивается лишь рамками своей социальной группы, чужие или превращенные в чужих группы он исключает. Убийство человека внутри государства для всех его граждан — за исключением определенных обстоятельств государственной монополии на насилие — запрещено, а вот межгосударственное — для значительной части мужчин в определенных ситуациях — приемлемо и даже необходимо. На межгосударственном уровне конкурирующие между собой страны могут применять физическое насилие, не особенно опасаясь какой-либо жесткой реакции вышестоящей контролирующей инстанции. Страны, достаточно серьезно выступающие с лозунгами прекращения войн, со своей стороны торгуют оружием, применяемым на этих войнах [Eliás, 2001: 226].

Как только контроль над насилием ослабевает, или же вовсе исчезает, — например, во время гражданских войн или войн между государствами, — принятый внутрисоциальный стандарт презрительного отношения к физическому насилию исчезает. Примером тому может служить поведение американских солдат во Вьетнаме и массовые акты насилия албанских парамилитаристских групп в Косово. Цивилизационные стандарты отношения к физическому насилию в разных сферах развивались противоречиво и неравномерно. Если в рамках

демократических обществ, в широких массах населения внешний самоконтроль физического насилия является еще относительно действенным и стабильным, то на межгосударственном уровне он намного слабее: «Но изменились, по сути, лишь способы, с помощью которых в ходе борьбы за власть, войн, революций и других насильственных конфликтов люди убивают друг друга. В первую очередь, это касается применяемой техники и людского массива» [Elias, 1983: 173]. Насколько хрупким является создание экономики совести в современных обществах, свидетельствует то, насколько быстро выстроенный в течение длительных периодов времени с помощью функционирующего аппарата принуждения установленный самоконтроль разрушается, «если государственный аппарат — или же секты и боевые группы, — опираясь на коллективный символ веры, резко крутанут руль управления и дадут приказ убивать себе подобных» [Elias, 1982: 79—81].

Приводя примеры «варварского» поведения американских солдат во Вьетнаме в 1960—1970 гг. и парамилитаристских банд на территории распадающейся Югославии в конце 1980-х гг. как пример кардинального краха западноевропейского цивилизационного проекта, он слишком обобщенно рассматривает серьезную цивилизационную проблему. Действительно, эти преступления характеризуют хрупкость самоконтроля в период прекращения или отсутствия государственной монополии на насилие в конфликтах, подобных гражданским и межгосударственным войнам. В этих ситуациях таких социальных механизмов как централизованная монополия на насилие и удлиненные цепи взаимозависимости, которые, по Элиасу, обеспечивают «цивилизованное» поведение, более не существует. При этих условиях военное начальство ради достижения своих военных целей освобождает участвующих солдат от преследования их по суду за совершенные ими акты (массовых) изнасилований представителей женской части гражданского населения. Именно эту фундаментальную двойственность выстраивания совести обнаружил и тематизировал Элиас: он отмечал, что, с одной стороны, в рамках современных обществ развитых стран при любых обстоятельствах запрещено совершать физическое насилие по отношению к другим людям (мучать их и убивать), с другой — в области межгосударственных отношений это разрешено и даже социально желательно [Elias, 1989: 207—209]. Но и в рамках собственного сообщества, в котором носители государственной монополии на насилие призваны защищать физически более слабого от насилия со стороны более сильного, они не в равной степени реализуют свои полномочия в отношении разных социальных групп.

К тому же, проблематично применение физического насилия органами, наделенными частью государственной монополии, на него самого. С этим связана опасность злоупотребления контрольными функциями самими проверяющими органами ради увеличения своих властных полномочий. Избежать этого можно лишь с помощью следования демократически-правовым принципам контроля и достаточной степени цивилизованности государственных контролеров насилия. «Цивилизованность монополистов физического насилия в рамках одного государства — это неразрешимая проблема» [Elias, 1983: 126]. Помня о холокосте как об исходящей от государства спланированной и четко просчитанной акции (массового) убийства, в центр исследования выдвигается вопрос изучения

процессов цивилизации и децивилизации, а именно: какое влияние оказывают на общество в целом действия, исходящие от организаций, претендующих на легитимную монополию на насилие [армии и полиции] и какие вытекают отсюда последствия. Если группы «Мы», — будь это государство или отдельные социальные группы, — создают убедительные коллективные идеологии, в которых физическое насилие и убийство лишенных идентичности «Мы» социальных групп считаются осмысленными, легитимированными и даже героически воспеваемыми, а жертвы, в то же время, посредством «стигматизирующих наветов» унижаются и «обесчеловечиваются», то это сигнализирует о деструктивном потенциале «цивилизованных» людей. При этом децивилизующий процесс «деидентификации» превращенной в жертву социальной группы, характеризующийся лишением ее таких идентификационных аффектов как сочувствие, участие и сострадание, сопровождается усилением позитивной идентификации в среде остального населения [de Swaan, 2000: 196—198]. Под давлением подобных аффектов и групповых принуждений, а также обещаний приобщения к харизматическому чувству «Мы», как минимум, частично разрушается саморегулирование. Хотя государство, как всегда, гарантирует большинству населения высокий цивилизационный стандарт, оно, в то же время, в определенных анклавах и в ограниченные отрезки времени, совершает бюрократически спланированные акты насилия и варварства по отношению к ранее лишенным идентичности «Мы» группам. «В психологическом, социальном и пространственном смысле этот акт представляет собой форму капсулирования» [ibid.: 196]. Пространственно и социально жертвы загоняются в резервации уничтожения, а охотник (преступник) капсулирует такие чувства как сочувствие от других психосоциальных процессов. Поскольку убийство членов исключенных групп провозглашается во имя «добрых дел», а государство, правительство или «вождь» ответственность за это берет на себя, замешанные в убийствах связанные производственно-бюрократическими цепями взаимозависимости люди не проявляют ни сочувствия жертвам, ни сильного смущения в отношении применения физического насилия. При этом вовсе не обязательно, чтобы преступники чувствовали ненависть или враждебность по отношению к жертвам или, как при непосредственном совершении убийства, «упивались самим актом» [Gleichmann, Goudsblom, Korte, 1984: 112]. Современный уровень организации государства, бюрократизация его институтов, технологизация и индустриализация насилия дистанцируют исполнителей актов насилия от мучений жертвы и дисциплинирует их настолько, чтобы они были в состоянии исполнять свои обязанности, по возможности, эмоционально нейтрально.

Увеличивающаяся в ходе цивилизационных процессов психосоциальная дистанция к окружающим может в определенных ситуациях действовать таким образом, что помехи убийству во имя инструментально-функциональной морали исчезают и жестокость совершается самодисциплинированно. Как свидетельствуют исследования холокоста и эксперименты Милгрема, все угрызения совести делегируются индивидами вышестоящим институтам. Однако это вряд ли следует расценивать как падение ниже достигнутого стандарта, и так же, как и Бауман [Bauman, 1994: 30—32], рассматривать это как достижение современной цивилизации, выраженной в способности к дистанцированным ролевым действиям.

Можно также, вслед за В. Энглером, назвать это самодеструктурирующейся цивилизацией, особенно проявляющейся в наше время в сообществах, нуждающихся во внешних принуждениях.

Двойственность и хрупкость цивилизационного самоконтроля лучше всего демонстрирует тот факт, что в модерне, с одной стороны, обладателями монополии на физическое насилие прямые акты насилия ограничиваются, но с другой — с помощью их стратегически целерационального подхода насилие потенцируется в длинных, необозримых и анонимных цепях взаимозависимости. Сами по себе процессы государственной монополизации могут, но не должны, безусловно, вести к общей цивилизованности. В соответствии с историко-социальной констелляцией процессы строительства государства могут вести за собой как процессы рефлексивной цивилизованности, так и «саморазрушающей цивилизованности» [Engler, 1992a: 45]. Они всегда содержат в себе опасность, что концентрированное государственное насилие против исключенных из образа «Мы» и «обесчеловеченных» социальных групп будет направлено и против членов собственной общности, в результате чего преимущество получают непредвиденные процессы децивилизации.

Несмотря на определенные недостатки элиасовской теории цивилизации, обозначенные цивилизационные проблемы не решаются лишь ее огульным отбрасыванием и квалификацией ее как мифа. Вместо этого, было бы более осмысленным непредвзято исследовать социальные и психологические условия, которые привели к эрозии стандарта чувств, мысли и поведения: долгосрочные тенденции нейтрализации государственной монополии на насилие, процессы милитаризации или дегуманизирующие действия современных институтов. При этом тезис Элиаса о долгосрочных социальных условиях, делающих вообще возможным стабильное саморегулирование, остается в силе. К решению этого вопроса Дюрр не привносит ничего существенного. Раз за разом он приводит сомнительные соображения для исследования децивилизационных сдвигов в современных обществах. Так же, как и Бауман, Дюрр подчеркивает, что расширение и удлинение социальных цепей взаимозависимости в высокоиндустриальных обществах с развитым институтом государства способствуют производству моральной индифферентности. Дюрровская критика фрагментации «целостного» человека вследствие анонимно-опосредующих зависимостей в государственных и городских социальных фигурациях направлена в схожем направлении, что и баумановское предупреждение об опасности деморализации в эпоху модерна. В соответствии с этим, в ходе дифференциации и удлинения цепей взаимозависимости внедрение каждого индивида в анонимные государственные структуры ведет к фрагментации современного человека.

Вследствие удлиняющихся и все менее просматриваемых цепочек действия люди выступают более не как «целое», а всего лишь как «носители ролей». Анонимное общежитие в больших городах, прогрессирующее разделение труда, бюрократизация и технизация способствуют исчезновению чувства персональной ответственности и, в целом, оказывают децивилизующий эффект. Правда, Дюрр меньше чем Бауман заботится о том, чтобы выявить социальный генезис и социальные институты амбивалентных сплетений взаимозависимости. А из наблюдения децивилизующей логики социальных взаимозависимостей Дюрр

делает иные заключения, нежели Бауман. Дюрр настаивает на том, что опосредующий, непрямой и анонимный контроль в современных городских обществах интериоризируется слабее, способствуя тем самым снижению и эрозии моральных стандартов. Он считает, что в современных обществах аффекты и влечения сдерживаются и контролируются менее, чем в сравнительно малых, традиционных общностях с жесткими, прямыми и интимными зависимостями и социальными связями [Duerr, 1993: 75]. Напротив, Бауман согласен с Элиасом в том, что аффекты и влечения в ходе распространения и дифференциации цепей взаимозависимости в современных, технико-бюрократически организованных обществах имеют тенденцию к большему сдерживанию и контролю. Но в отличие от Элиаса, Бауман на первый план выводит не способствующую морали силу современных институтов, а их основанное на длинных цепях взаимозависимости, заменяющее мораль влияние. В эмоциональном дистанцировании по отношению к самим себе и своим действиям он видит, прежде всего, опасность децивилизации, основанной на делегировании ответственности за свое поведение анонимным инстанциям и авторитетам. Таким образом, в современном государстве «носители ролей» в состоянии эмоционально относительно безучастно и без всяких угрызений совести принимать участие в «варварских» актах насилия: дискриминации, в пространственном ограничении и даже убийстве стигматизированных как чужаков и не интегрированных в гомогенную государственную структуру групп [Bauman, 1992a]. Основанная на личной ответственности совесть уступает место функционально-инструментальной совести. Она нацелена не столько на идентификацию с другими людьми, сколько на выполнение, по возможности без излишних трений, функционирующих технических и бюрократических процедур. Непосредственно и опосредованно участвующие в убийствах профессиональные группы формируют «прочную защиту профессионального сознания от соответственных рефлексий по поводу собственного участия в создании и применении средств массового уничтожения» [Gleichmann, 1993: 77]. Современная характеристика «ролевой инстанции», способность эмоционально настолько дистанцироваться от роли, взятой на себя в профессиональной сфере, чтобы не отождествляться с нею полностью, производит также деморализующую индифферентность по отношению к собственным действиям. Гляйхман считает, что «если формирование стабильной способности руководить своими собственными чувствами и владеть своими аффектами, именно в момент исключительно волнительных поводов, является для большинства людей успешным продвижением цивилизации, то инженерии убийства технологически современной военщиной следовало бы характеризовать как более «цивилизованную» по сравнению с менее технологично оснащенными прежними временами» [Gleichmann, Goudsblom, Korte, 1984: 113].

Монополизация насилия, высокая степень разделения труда, технизация и бюрократизация способствуют, с одной стороны, цивилизующей способности самоконтроля, но, в то же время, профессионально контролируемому и аффективно нейтрализованному содействию массовому убийству людей во имя инструментальной рациональности.

В отличие от Дюрра, Бауман не исключает возникновения архаически-деструктивных импульсов, аффектов и влечений ввиду отсутствия прямого и строгого

внешнего контроля. Напротив, он предупреждает об опасности цивилизованного варварства в эпоху модерна, хладнокровного, обдуманного и просчитанного применения насилия, каким оно предстало в виде массового уничтожения людей в немецких концлагерях. Это было бы невозможно без высокой степени эмоциональной дистанцированности. «Модерн не сделал человечество жестоким, он привнес с собой метод, с помощью которого жестокие дела смогли совершать не жестокие люди» [Bauman, 1994: 32].

Кроме того, Бауман не отрицает наличие долгосрочных психогенетических изменений в ходе процессов образования государств и социально-психологических сплетений, вплоть до эмоционального дистанцирования. В этом плане он поддерживает элиасовскую психогенетическую концепцию. Но, в отличие от Элиаса, он оценивает генезис самодистанцирующегося типа личности в эпоху модерна не как «цивилизационное достижение», а как «опасность децивилизации». В этом плане критика Элиаса Бауманом более убедительна и фундирована. Несмотря на это, в оценке децивилизующего влияния удлинения и уплотнения социальных цепочек взаимозависимости в ходе создания государств Бауман и Дюрр солидарны. Эту солидарность резюмирует В. Энглер, отмечая, что особенно бросается в глаза сам факт конститутивной амбивалентности взаимозависимости: «Тот же самый социальный процесс, который наши чувства, наше мышление согласует с взаимовлиянием большого числа других людей, отдаляет нас от чувственно-витальных связей нашей экзистенции» [Engler, 1995: 136].

Распространение цепочек взаимозависимости с помощью бюрократии и других экстенсивных сплетений порождают не только условия для расширения взаимной идентификации и включения все большего количества групп людей в идентичность «Мы», но и, при определенных обстоятельствах, моральное безразличие друг к другу и исключение некоторых групп людей из образа «Мы» [Burkitt, 1996: 146—149]. Создается впечатление, что «конститутивную амбивалентность взаимозависимости» и двойственность процессов монополизации насилия, в конечном счете, понимал и сам Элиас. «Аморальной логике специфических институтов», предлагающих замену личной совести инструментальной, Элиас, в «Штудиях о немцах», противопоставляет «образ гуманного государства» [Elias, 1989: 125]. Этот тезис содержит надежду с помощью демократического контроля государственных инстанций противодействовать распространению моральной индифферентности. Элиас осознает «неразрешимую проблему» цивилизации обладателей государственной монополии на насилие [ibid.: 126]. Но более острой проблемой ему представляется проблема производства моральной индифферентности в ходе распространения цепочек взаимозависимости в эпоху модерна.

Что же можно противопоставить этой опасности децивилизации? Не поможет здесь и дюрровский тезис о «цивилизованной» жизни в малых группах с прямым контролем публичной и приватной сфер жизни их членов. А указания Энглера на «экспериментальную практику имажинарной морали» [Engler, 1995: 142] для социологов остаются такими же неудовлетворительными, как и философские соображения Зигмунта Баумана о постмодернистской этике признания различий [Bauman, 1992b: 281—284]. Однако до тех пор, пока не найдено ничего лучшего, нам придется довольствоваться этими морально-философскими дискурсами.

Список литературы (References)

- Bauman Z. (1992a) *Moderne und Ambivalenz: Das Ende der Eindeutigkeit*. Hamburg: Junius.
- Bauman Z. (1992b) *Dialektik der Ordnung: Die Moderne und der Holocaust*. Hamburg: Europäische Verlagsanstalt.
- Bauman Z. (1994) *Das Jahrhundert der Lager. Die Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte*. Vol. 41. No. 1. P. 28—37.
- Bauman Z. (1996) *Gewalt — Modern und Postmodern*. In: Miller M., Soeffner H.-G. (eds.) *Modernität und Barbarei*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. P. 36—67.
- Birkenbach H.-M. (1985) *Mit schlechtem Gewissen: Wehrdienstbereitschaft von Jugendlichen. Zur Empirie der psychosozialen Vermittlung von Militär und Gesellschaft (Militär, Rüstung, Sicherheit)*. Baden-Baden: Nomos.
- Burkitt I. (1996) *Civilization and Ambivalence*. *British Journal of Sociology*. Vol. 47. No. 1. P. 135—150. <https://doi.org/10.2307/591120>.
- van Dijk J.J.M. (1989) *Strafsanktionen und Zivilisationsprozeß*. *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*. Vol. 72. No. 6. P. 437—450. <https://pure.uvt.nl/ws/portalfiles/portal/988176/STRAFSAN.PDF>.
- Duerr H.-P. (1993) *Obszönität und Gewalt. Der Mythos vom Zivilisationsprozess*. Band 3. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Ebertz M. (1993) *Die Zivilisierung Gottes und Deinstitutionalisierung des "Gnadenanstalt"*. Befunde einer Analyse von eschatologischen Predigten. In: Bergmann J., Hahn A., Luckmann Th. (eds.) *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Sonderheft 33: Religion und Kultur*. Opladen: Westdeutscher-Verlag. P. 92—125.
- Elias N. (1970) *Was ist Soziologie?* Weinheim; München: Juventa.
- Elias N. (1982) *Über die Einsamkeit der Sterbenden in unseren Tagen*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Elias N. (1983) *Engagement und Distanzierung. Arbeiten zur Wissenssoziologie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Elias N. (1989) *Studien über die Deutschen: Machtkämpfe und Habitusentwicklung im 19. und 20. Jahrhundert*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Elias N. (2001) *Die Symboltheorie. Gesammelte Schriften*. Band 13. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Elias N., Dunning E. (1983) *Sport im Zivilisationsprozess. Studien zur Figurationssoziologie*. Munster: Lit-Verlag.
- Elias N., Dunning E. (1986) *Quest for Excitement. Sport and Leisure in the Civilizing Process*. Oxford: Basil Blackwell.

Engler W. (1992a) Die zivilisatorische Lücke. Versuche über den Staatssozialismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Engler W. (1992b) Selbstbilder: Das reflexive Projekt der Wissenssoziologie. Berlin: Akademie Verlag.

Engler W. (1995) Die ungewollte Moderne. Ost-West-Passagen. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Fletcher J. (1995) Towards a Theory of Decivilisation Processes. *Amsterdams Sociologisch Tijdschrift*. Vol. 22. No. 2. P. 283—97. <https://ugp.rug.nl/ast/article/view/23723>.

Gleichmann P., Goudsblom J., Korte H. (eds.) (1984) Macht und Zivilisation. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Gleichmann P. (1993) Gewalttätige Menschen. Die dünne Schale ihrer Zivilisierung und ihre vielen ambivalenten Auswege. *Mittelweg* 36. Vol. 2. No. 6. P. 72—79.

Heiland H.-G. (1993) Selbst- und Fremddisziplinierung im Zivilisationsprozeß. In: Frehsee D., Löschper G., Schumann K. F. *Strafrecht, soziale Kontrolle, soziale Disziplinierung*. Opladen: Westdeutscher-Verlag. P. 307—327. https://doi.org/10.1007/978-3-322-94179-4_19.

Heuer H.-J. (1997) Zur Zivilisierung innerstaatlicher Gewaltmonopolisten. In: Barlösius E. (ed.) *Distanzierte Verstrickungen — Die ambivalente Bindung soziologische Forschender an ihren Gegenstand*. Berlin. P. 375—395.

Krumrey H.-V. (1977) Strukturwandlungen und Funktionen von Verhaltensstandards — analysiert mit Hilfe eines Interdependenzmodells zentraler sozialer Beziehungstypen. In: Korte H., Gleichmann P., Goudsblom J. (eds.) *Materialien zu Norbert Elias' Zivilisationstheorie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. P. 194—214.

Krumrey H.-V. (1984) Entwicklungsstrukturen von Verhaltensstandarden. Eine soziologische Prozeßanalyse auf der Grundlage deutscher Anstands- und Manierenbücher von 1870 bis 1970. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Mennell S. (1989) Norbert Elias: Civilization and the Human Self-Image. New York: Basil Blackwell.

Mennell S. (1990) Decivilising Processes: Theoretical Significance and Some Lines of Research. *International Sociology*. Vol. 5. No. 2. P. 205—223. <https://doi.org/10.1177/026858090005002006>.

Pfeifer C. (1994) Die “Explosion des Verbrechens” hat nicht stattgefunden. *Universitas — Zeitschrift für interdisziplinäre Wissenschaft*. Vol. 49. No. 10. P. 919—923.

Rehberg K.-S. (1991) Prozeß-Theorie als Unendliche Geschichte: zur soziologischen Kulturtheorie von Norbert Elias. In: Kuzmics H., Mörrth I. (eds.) *Der unendliche Prozeß der Zivilisation: zur Kultursoziologie der Moderne nach Norbert Elias*. Frankfurt am Main: Campus-Verlag. P. 59—78.

Rutschky K. (1992) *Erregte Aufklärung: Kindesmißbrauch: Fakten und Fiktionen*. Hamburg: Klein Verlag.

de Swaan A. (2000) Zivilisierung, Massenvernichtung und der Staat. *Leviathan*. Vol. 28. No. 2. P. 192—201. <https://doi.org/10.1007/s11578-000-0013-3>.

de Swaan A., Manor J., Øyen E., Reis E. P. (2000) Elite Perceptions of the Poor. *Current Sociology*. Vol. 48. No. 1. P. 43—54. <https://doi.org/10.1177/0011392100048001006>.

Tan D. (1998) *Das fremde Sterben: Sterben, Tod und Trauer unter Migrationsbedingungen*. Band 2. Frankfurt am Main: IKO-Verlag.

Thome H. (2001) Hilft uns die Kriminalgeschichte, Kriminalität in Gegenwartsgesellschaften zu verstehen? In: Albrecht G., Backes O., Kühnel W. *Gewaltkriminalität zwischen Mythos und Realität*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. P. 165—194.

Trotha T. (ed.) (1995) *Soziologie der Gewalt*. Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Sonderheft 37. Opladen: Westdeutscher-Verlag.

Waldhoff H.-P. (1995) *Fremde und Zivilisierung. Wissenssoziologische Studien über das Verarbeiten von Gefühlen der Fremdheit. Probleme der modernen Peripherie-Zentrums-Migration am türkisch-deutschen Beispiel*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Wurm W. (1995) *Jugend, Gewalt und das Versagen der Öffentlichkeit*. *Universitas — Zeitschrift für interdisziplinäre Wissenschaft*. Vol. 50. No. 1. P. 25—42.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.05

Правильная ссылка на статью:

Космарский А. А., Картавец В. В., Подорванюк Н. Ю., Бодэ М. М. Трейбы и прозрачность: перспективы цифровых механизмов самоорганизации в российской науке // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 65—90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.05>.

For citation:

Kosmarski A. A., Kartavtsev V. V., Podorvanyuk N. Yu., Bode M. M. (2019) Tribes and Transparency: Prospects for Digital Governance in Russian Science. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 65—90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.05>.

А. А. Космарский, В. В. Картавец, Н. Ю. Подорванюк, М. М. Бодэ ТРАЙБЫ И ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВЫХ МЕХАНИЗМОВ САМООРГАНИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ

ТРАЙБЫ И ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВЫХ МЕХАНИЗМОВ САМООРГАНИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ

TRIBES AND TRANSPARENCY: PROSPECTS FOR DIGITAL GOVERNANCE IN RUSSIAN SCIENCE

КОСМАРСКИЙ Артем Анатольевич — заместитель директора Лаборатории исследований блокчейна в образовании и науке (ЛИБОН), Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия; научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: artyom.kosmarski@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8475-0754>

Artyom A. KOSMARSKI^{1,2} — Deputy Head at the Laboratory for the Study of Blockchain in Education and Science (LIBON); Research Fellow

E-MAIL: artyom.kosmarski@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-8475-0754>

¹ State Academic University for Humanities, Moscow, Russia

² Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

КАРТАВЦЕВ Владимир Владимирович — кандидат философских наук, независимый исследователь, Москва, Россия
E-MAIL: kartavtsev.vladimir@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0418-687X>

*Vladimir V. KARTAVTSEV*³ — *Cand. Sci. (Philos.), Independent Researcher*
E-MAIL: kartavtsev.vladimir@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0418-687X>

ПОДОРВАНЮК Николай Юрьевич — главный редактор, информационно-сервисный портал *Indicator.Ru*, Москва, Россия; специалист по учебно-методической работе, ГАОУ ДПО «Центр педагогического мастерства», Москва, Россия
E-MAIL: nikolay.podorvanyuk@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5209-338X>

Nikolay Yu. PODORVANYUK^{4,5} — *Editor-in-Chief; Educational Specialist*
E-MAIL: nikolay.podorvanyuk@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5209-338X>

БОДЕ Михаил Михайлович — независимый исследователь, Москва, Россия
E-MAIL: wolffanger@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9802-171X>

*Michael M. BODE*³ — *Independent Researcher*
E-MAIL: wolffanger@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9802-171X>

³ Moscow, Russia

⁴ Information and Service Web Portal *Indicator.Ru*, Moscow, Russia

⁵ Centre for Pedagogical Excellence, Moscow, Russia

Аннотация. В работе рассматриваются возможности применения в России новых цифровых инструментов самоорганизации ученых и управления наукой. С учетом международной практики авторы выработали четыре экспериментальные модели децентрализованного самоуправления и группового принятия решений в науке, предположительно применимые для имплементации принципов цифрового управления (e-governance) в отечественной академической среде, и предложили их к обсуждению российским ученым в формате фокус-групп. Основным результатом обсуждения стала концептуализация системы отношений между членами научного сообщества в России при помощи социально-антропологической метафоры *трайба*. Авторы приходят к выводу, что предпо-

Abstract. The paper examines the application of new digital tools in the self-organization of scientists and scientific management in Russia. Based on the overseas experience, the authors elaborated four experimental models of decentralized self-organization and group decision-making which could be used to implement the principles of e-governance in the domestic academic environment and proposed Russian researchers to discuss these models in the form of focus groups. The discussion resulted in the conceptualization of the system of relationships among the scientific community members through a socio-anthropological metaphor of *tribe*. The authors conclude that any forms of digitalization in the Russian scientific environment require certain prerequisites, such as understanding researcher guer-

сылками любых форм цифровизации отечественной науки должно стать как понимание партизанских практик ученых, так и установление в отношении науки, общества и государства базового уровня видимости (понимания, кто что делает), подотчетности и делиберативности (обсуждаемости решений).

Ключевые слова: децентрализация, открытая наука, самоорганизация ученых, трайб, цифровизация

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31522 («Цифровые механизмы управления и самоорганизации научного сообщества как необходимые условия научно-технологического прорыва»). Авторы благодарят Михаила Соколова (Европейский университет в Санкт-Петербурге) и анонимного рецензента журнала за ценные замечания по тексту статьи.

rilla practices and establishing the basic level of visibility (to understand who does what), accountability and deliberativeness (opportunity to discuss decisions) with regard to science, society and state.

Keywords: decentralization, open science, self-organization of scientists, tribe, digitalization

Acknowledgments. The study is financed by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute for Social Studies in the framework of the project no.19-011-31522 (“Digital mechanisms of management and self-organization of scientific community as an essential prerequisite for a technological breakthrough”). The authors are thankful to Mikhail Sokolov (European University at Saint Petersburg) and the anonymous reviewer for the valuable remarks and comments.

В последние десятилетия сфера науки и образования во всем мире пребывает в состоянии перманентной трансформации — под воздействием сил рынка, запросов гражданского общества и требований государственной политики. Университеты и научные институты все чаще воспринимаются как «машины роста» глобальной экономики знаний, как конкуренты на мировом рынке [Krause-Jenson, Garsten, 2014], и в том числе поэтому за принципы их организации идет борьба между самими учеными, государством и бизнесом. Слово «борьба» здесь не случайно — в литературе отношения между различными моделями власти нередко описываются как конфликтные [Норре, 2005; Lyall, Tait, 2019]. Фундаментальной проблемой в этом контексте выступает поиск оптимального сочетания трех основных принципов организации (см., например, [Clark, 1983: 143; Fried, 2006]):

- *коллегиальности* (ключевые решения принимают сами ученые, распространяя принципы научной дискуссии на управление наукой);
- *менеджеризма* (научно-образовательное учреждение как частное предприятие, нацеленное на получение прибыли и достижение нужных показателей);
- *бюрократического управления* (университет и НИИ как инструмент государственной политики).

Менеджмент по принципам частного бизнеса признается необходимым в условиях глобальной конкуренции, но воспринимается как конфликтующий с традиционными академическими ценностями — свободой, бескорыстным поиском истины, коллегиальным управлением [Macfarlane, 2005]. Однако и привычные формы самоуправления ученых, прежде всего ученые советы университетов, также отстоят далеко от идеала — их критикуют за то, что реальной властью в них обладают узкие группы профессорской элиты, и интересы всего научного сообщества они не представляют [Rowlands, 2019]. В то же время, попытки государства ввести единые формализованные критерии оценки эффективности научной деятельности и ужесточить контроль за соблюдением этих критериев (что в теории должно повысить прозрачность принимаемых в научном мире решений) вызывают резкую критику со стороны академического сообщества и приводят к таким негативным явлениям, как формальное выполнение отчетности, выхолащивание собственно исследовательского компонента, гонка за количественными показателями [Kalfa, Wilkinson, Gollan, 2018; Muller, 2018].

Слабость многих современных исследований состоит в том, что базовые принципы организации науки рассматриваются абстрактно, в отрыве от эмпирического материала и реальной сложности конкретных учреждений и сред. Признается, что исследований с опорой на мнения и позиции самих ученых (а также руководящего состава научно-образовательных учреждений) существенно меньше, чем рассуждений на общие темы [Rowlands, 2015: 1018]. **Отсюда следует базовая цель нашей работы — предложить, с опорой на международный опыт, ряд моделей управления наукой и самоорганизации ученых, обсудить их с представителями российского научного сообщества, и посмотреть, на какие значимые (и неочевидные) особенности отечественной науки и образования укажут эти дискуссии.**

Наша исходная гипотеза состояла в том, что возможным решением может стать развитие новой цифровой технологической среды, которая существенно упростила бы деятельность ученых (сокращение временных издержек, гарантия защиты данных, интеграция представителей научного сообщества из разных регионов страны), создала бы дополнительные стимулы для участия членов научного сообщества в самоуправлении и в то же время делала бы эти механизмы более прозрачными для общества и государства (открытое рецензирование, открытые результаты голосований и т. п.). Основополагающим принципом, на котором может быть основана такая цифровая среда, является доступ членов сообщества к принятию решений, влияющих на реализацию их существенных интересов, — принцип партисипативности [Polletta, 2016].

Далее, обозначив наше исследование на карте российских работ по самоорганизации ученых, мы опишем несколько актуальных, с нашей точки зрения, подходов к digital governance в сфере науки. Затем, изложив выстроенные нами на этой основе экспериментальные модели, мы перейдем к методологии исследования, после чего расскажем о результатах, к которым пришли. Отношение к различным принципам цифрового (само)управления в сфере науки (прозрачность, дискуссионность, партисипативность, коммунитарность) проливает свет на многие важные свойства отечественной науки, базовую единицу которой составляет трайб, или клика. Описав, с опорой на сетку концептов социологии науки, свойства и способ

действия трайба, мы представим некоторые выводы, актуальные как для самих ученых, так и для нужд государственной политики в области науки.

Самоорганизация ученых в России

В отечественной науке тема самоорганизации научного сообщества, как и вообще проблематика управления наукой и образованием, исследована недостаточно. К сожалению, эту тему освещают главным образом публицисты и участники дискуссий в социальных сетях, причем преимущественно в модальности недовольства, с осуждением отдельных кадровых решений и реформ, с критикой сокращения финансирования научных направлений и проектов¹. Речь в таких текстах идет обычно о желании вернуть ситуацию назад (т. е. к некоторому идеалу науки) или о призывах к коллективным действиям, однако обычно эти тексты являются активистскими и далеки от академичности.

Если на уровне теории большинство исследователей, работающих в сфере науковедения и социологии науки, признают, что саморегуляция является ключевым признаком академического сообщества (эта идея восходит еще к классику науковедения Р. Мертону [Мирский, 2011]), то на практике их внимание больше привлекает эмпирическое описание локальных научных сообществ и их проблем. Это неудивительно: сфера науки и образования в современной России все еще слабо описана — настолько, что исследователи начинают с базового «картографирования» внутренней структуры профессиональных сообществ (по каким основаниям они отличаются одно от другого, как коммуницируют) или с количественных исследований большого масштаба, преимущественно наукометрических. Проблемы саморегуляции и организации науки пока остаются практически неисследованными. Они затрагиваются в близких к публицистике работах, чьи авторы предлагают простые решения и сетуют на загруженность профессоров, или же в исторических исследованиях. Последние нередко опираются на обширный эмпирический материал, но сфокусированы на прошлом и далеки от проблем современной российской науки [Артемьева, 2012; Синельникова, 2013].

Группа работ, наиболее релевантная для задач данного исследования, представлена трудами сотрудников Европейского университета в Санкт-Петербурге — прежде всего руководителя Центра институционального анализа науки и образования Михаила Соколова [Соколов, Лопатина, Яковлев, 2018]. Он и его коллеги построили базовую типологию университетского управления в России. Вузы в ней расположены по двум измерениям: «менеджеральность — коллегиальность» (ректоров, деканов и преподавателей назначают сверху или выбирают снизу) и массовость участия в управлении. В итоге получаются четыре типа, которые Соколов назвал «советскими республиками» (демократическими с широким участием), «патриархальными демократиями» (демократическими с низким участием), «совещательными авторитаризмами» (менеджеральными

¹ См., например: Онищенко Е. «Неприятный для власти „шум“ полезен»: ответ организатора митинга ученых // Индикатор. 2017. 30 июня. URL: <https://indicator.ru/engineering-science/miting-rabotnikov-ran-kolonka-onishenko.htm> (дата обращения: 17.12.2019); Фрадков А. Страна полуученых // Троицкий вариант — Наука. 2018. 27 февраля. URL: <https://trv-science.ru/2018/02/27/strana-poluuchenых/> (дата обращения: 17.12.2019); Боркин Л. Научное общество: вопросы социолога // Троицкий вариант — Наука. 2018. 22 мая. URL: <https://trv-science.ru/2018/05/22/nauchnoe-soobshhestvo-voprosy-sociologa/> (дата обращения: 17.12.2019).

с высоким участием) и «предпринимательскими автократиями» (менеджерильные с низким участием).

Соколов выстраивает эволюцию российских вузов от «патриархальных демократий» 1990-х годов, когда именно коллектив вуза влиял на назначение заведующих кафедрами и деканов, большую роль в управлении играл ученый совет, к «предпринимательским автократиям», где стратегия развития и кадровые решения определяются ректором и узким кругом экспертов². По его мнению, главная проблема состоит в том, что профессорско-преподавательский состав в России никогда особо не хотел участвовать в управлении и тратить свое время на решение организационных вопросов, которые неизбежно отнимают время от исследований и преподавания. По этим причинам, а также из-за слабого интереса абитуриентов к «звездности» профессоров, американская модель shared governance (когда профессорско-преподавательский состав и даже студенты играют активную роль в управлении университетом на всех уровнях) в России не прижилась (о смысле концепции shared governance и о том, как по-разному она понимается в разных странах, см. работу [Бычкова, 2016]).

Принимая во внимание эту литературу, в рамках данного исследования мы работали на другом уровне: нас интересовало не управление университетом, а более широкий набор принципов и практик, начиная с индивидуальных ученых — выбором, научные публикации, критерии отличия «хорошей» работы от «плохой», механизмы общения и сотрудничества с коллегами, и так далее. Кроме того, в отличие от большинства западных исследователей данной проблематики, мы не исходили из самоочевидности институтов коллегиальности и самоуправления — само их существование, статус и функции в России, как нам кажется, требует отдельного прояснения, начиная, опять же, не с уровня университета в целом, а с практик отдельных ученых. Наконец, посыл нашего проекта состоял в предложении новых, экспериментальных, даже авангардных моделей самоорганизации.

Новые цифровые инструменты самоорганизации ученых и управления наукой

В рамках нашей работы важную роль играет концепция governance. В ее основе лежит отход от иерархического понимания управления (сверху вниз, деление на руководителей и подчиненных). Идея governance отражает понимание того, что в сложных общественно-политических процессах действует множество акторов, которые координируют свою деятельность, ресурсы и интересы, вырабатывают консенсусные механизмы принятия решений и вместе договариваются о том, как содействовать общественному благу [Benz, 2007].

Изначально, в 1980—1990-х гг., эта концепция использовалась политологами, но потом была заимствована социологами, антропологами и представителями других общественных наук [Jessop, 1998; Weiss, 2000]. Позднее, уже в 2000—2010-е гг., в связи с ускорением научно-технологического прогресса, бурным развитием «горячих» инновационных направлений (нанотехнологии, биомедицина), установ-

² «Университеты стали гибридом патриархальных демократий с предпринимательскими автократиями». Социолог Михаил Соколов о том, как устроена власть в российских вузах // Indicator.Ru. 2018. 25 сентября. URL: <https://indicator.ru/article/2018/09/25/intervyu-mihaila-sokolova/> (дата обращения: 02.12.2019).

лением новых связей между наукой и индустрией, в Европе и США возникло понимание, что «жесткое» регулирование сферой науки и технологий непродуктивно. Начались разного рода эксперименты с практиками управления, механизмами регулирования, с поиском оптимальных организационных форм [Sabel, Zeitlin, 2010]. Наконец, в последние годы на передний план выходит так называемое «цифровое управление» (digital governance): эта парадигма предполагает цифровизацию отношений между гражданами, между государством и гражданами, а также автоматизацию процессов управления [Margetts, Dunleavy, 2013].

Кратко опишем несколько конкретных проектов перевода научной работы на базис цифрового governance, с той оговоркой, что обзор не предполагает демонстрацию всего ландшафта инноваций, преобразующих академическую среду. Нас интересовали не любые проекты и практики цифровизации науки (в эту категорию попадает огромное множество вещей, от программ по управлению библиографией до наукометрических баз), а именно те, где на основе новых технологических подходов прежде всего проводится попытка перестроить основания научной жизни, с опорой на принципы сотрудничества и самоорганизации научного сообщества.

Алленовский институт. Показательный пример реализации идей коллегиальности и группового принятия решений демонстрирует Алленовский институт³, деятельность которого опирается на три принципа: «командная наука» (team science — подразумевает активное сотрудничество ученых из разных дисциплин, вне строгих организационных рамок), наука больших данных и открытая наука. Правильнее говорить о совокупности Алленовских институтов, представляющих собой своего рода модульный научно-исследовательский центр. Работа в центре ведется в междисциплинарных коллективах (куда могут входить инженеры, математики, физики и др.). В таких группах и исследовательских программах, охватывающих разные поля научной деятельности, постоянно происходит открытый обмен идеями и результатами проектов. Кроме того, организация сделала ставку на формирование больших массивов данных (big data), чтобы использовать их для дальнейшей работы и поисков инсайтов, прежде всего в сложных проектах на стыке различных научных дисциплин.

Модель Йохана Боллена. В 2014 г. IT-исследователь Йохан Боллен из Университета Индианы выдвинул [Bollen et al., 2014] концепцию SOFA (self-organized fund allocation) — «распределение финансирования на началах самоорганизации» — с целью предложить альтернативу устоявшейся системе грантов с ее инертностью, временными затратами на подготовку заявок и, нередко, вызывающими споры принципами отбора победителей. Схема Боллена устраняет саму необходимость добиваться грантов: согласно ей, между учеными в равных фиксированных долях распределяется весь бюджет, выделяемый на исследовательские работы. Однако каждый из них обязан выделить заранее заданную долю от суммы тем, чьи проекты считает того достойными. Таким образом, в соответствии с концепцией SOFA ежегодно ученый будет получать, наряду с фиксированным безусловным грантом, «плавающую» сумму финансирования от своих коллег —

³ См. официальный сайт Allen Institute по ссылке: <https://alleninstitute.org/about/> (дата обращения: 02.12.2019).

«узлов» сети научного сообщества (peers). Решения в рамках модели принимаются людьми — участниками платформы, однако во избежание злоупотреблений внутри нее могут быть задействованы математические алгоритмы. Схема Боллена, хотя пока и не была реализована на уровне государственной политики, оказалась крайне влиятельной среди создателей новых моделей финансирования науки, прежде всего благодаря своей опоре на peer-to-peer funding (поддержку учеными друг друга, по принципу р2р сетей) [Heller, Blümel, 2019].

Математический блог Polymath. Основанная на принципах децентрализованной коллаборации, Polymath представляет собой онлайн-площадку — коллективный блог вкпе с wiki-проектом — для кооперации математиков-теоретиков. Присоединиться к работе вправе любой желающий: достаточно начать вносить предложения по одному из действующих проектов (например, предложить новые доказательства некоей теоремы). По результатам открытой дискуссии комментарии, в зависимости от их качества и полноты, либо учитываются, либо не учитываются в общей работе. Результаты исследований, проведенных на Polymath, публикуются, как правило, под коллективным псевдонимом D.H.J. Polymath, в честь первой теоремы, которая была доказана участниками проекта — теоремы плотности Хэйлза-Джуэтта. Создатель и участники проекта подчеркивают, что это принципиальное решение: совместное участие в решении проблемы важнее личного авторства и строчки в CV. Вместо накопления «заслуг» — формирование репутации среди участников («если вы внесли важный вклад в несколько проектов, вы начнете зарабатывать репутацию среди людей, читающих математические блоги, а это чего-то стоит»⁴).

Децентрализованные автономные организации (DAO) на смарт-контрактах. DAO — одна из перспективных блокчейн-технологий: открытые, самоорганизующиеся сети участников, правила взаимодействия между которыми прописаны в коде (смарт-контракты), а действия которых осуществляются посредством токенов⁵ (подробнее о применении блокчейн-технологий в организации науки [Космарский, 2019]). Они уже давно работают в криптоэкономической (финансовой) и IT-сфере (проекты Moloch DAO, Genesis DAO), а в области науки обсуждаются на уровне проекта⁶. DAO для науки может выглядеть как сеть ученых, которые объединяются вместе ради общей цели (коллаборация), определяют правила (что делаем и как это оценивается), фиксируют правила в смарт-контрактах. После чего начинается деятельность: производство и курирование идей и текстов, получение репутации, голосование и принятие решений (о деньгах, контенте, составе сообщества и др.).

⁴ Is massively collaborative mathematics possible? Gowers's Weblog. *Mathematics Related Discussions*. URL: <https://gowers.wordpress.com/2009/01/27/is-massively-collaborative-mathematics-possible/> (дата обращения: 02.12.2019).

⁵ Смарт-контракт — компьютерный алгоритм, предназначенный для заключения и поддержания самоисполняемых контрактов, реализуемых в блокчейн-среде. Они являются прослеживаемыми, прозрачными и необратимыми. Смарт-контракты не только содержат информацию об обязательствах сторон и санкциях за их нарушение, но и сами автоматически обеспечивают выполнение всех условий договора. Токены — единицы учета (записи) в блокчейне. Получить доступ к токenu можно через специальные приложения, которые используют схемы электронной подписи. При этом токены — это не денежные единицы, как криптовалюты, а технологически защищенные абстрактные единицы ценности, смысл и правила оборота которых определяет создатель проекта или сообщество пользователей.

⁶ Beutel T. DAOs for Research. *Zenodo*. 2019. May. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.2872578> (дата обращения: 02.12.2019).

European Open Science Datastream. Сотрудник Швейцарской высшей технической школы Цюриха Мартин Этцолд в 2017—2019 гг. предложил модель коллективной децентрализованной коллегиальной работы с научными данными, которая будет представлять собой поток данных с открытым доступом, аккумулирующий результаты научной работы подключенных к ней исследователей, научных центров, лабораторий. В рамках системы отдельные ученые получают возможность компоновать и далее пополнять наборы наиболее перспективных, с их точки зрения, текстов и баз данных, беря на себя кураторскую функцию. Любого желающего будет в праве подписаться на подобные потоки научного контента по интересующим его дисциплинам и темам. По замыслу Этцолда, технологически система будет базироваться на распределенном реестре (блокчейне), что обеспечит возможность верифицировать происхождение материалов и их достоверность (фиксировать приоритет открытия), а также позволит избежать дублирования контента — благодаря децентрализованным идентификаторам и криптографическим подписям. Кроме того, механизмы блокчейна позволят фиксировать и учитывать дополнительные показатели по каждой научной работе, включая количество ее просмотров, загрузок, цитируемость — чтобы упростить формирование надежных «субпотоков» научных публикаций в той или иной области. Система дает возможности в том числе и научным журналам: именно из непрерывного потока текстов и данных те смогут отбирать материалы для публикации, спонсируя кураторов, которые проводят первичную компиляцию контента. Эта идея близка инновационному проекту «проактивного» цифрового научного журнала [Green, 2019].

Повторим, этот список не является исчерпывающим: опираясь на научную литературу, личный опыт соавторов статьи, наблюдения за работой тех или иных моделей, мы составили более широкий обзор. Однако для целей данного текста мы отобрали именно те проекты, которые сочетают технологичность с рядом принципов, имеющих, с нашей точки зрения, важное значение для цифровизации governance в науке:

- а) прозрачность;
- б) де бюрократизация (снижение административных издержек, упрощение управленческих процедур);
- в) децентрализация (отсутствует одна точка принятия решений);
- г) партисипативность (члены группы делают вклад в принятие решений, влияющих на жизнь группы);
- д) коммунитарность (опора на мнение, голос и важность сообщества в противовес отдельным ученым);
- е) коллаборативность (вместо конкурентной борьбы за статус и приоритет — совместная работа над новыми задачами, тогда как приоритет открытий фиксируется оперативно и надежно с помощью, например, блокчейна).

Образ науки, который стоит за этими цифровыми механизмами, пожалуй, близок классической работе Майкла Поланьи «Республика науки» [Polanyi, 1962]. В этом манифесте, направленном против планирования и вообще государственного руководства исследованиями, ученый отстаивал модель науки как «самостоятельную координацию независимых инициатив», спонтанного движения реагирующих на результаты друг друга коллективов и индивидов, «невидимой рукой» направляемых по пути прогресса.

Опираясь, с одной стороны, на прагматику зарубежных цифровых инициатив по самоорганизации ученых и управлению наукой, на их базовые принципы (см. выше), с другой — на специфику устройства отечественной науки, мы подготовили четыре экспериментальных модели. Мы стремились учесть вышеупомянутые шесть принципов (особенно а-д), и вместе с тем разработать более конкретные механизмы, отвечающие на знакомые российским ученым организационные проблемы. Подчеркнем, что предложенные ниже модели были разработаны не для их немедленной реализации, а прежде всего как способ «разговорить» участвующих в нашем исследовании ученых.

I. «Децентрализованный научный фонд» (а, б, в, г, д). Онлайн-платформы для общения между членами профессионального сообщества, обсуждения научных работ, принятия решений, касающихся поддержки тех или иных проектов, распределения финансирования, организации коллабораций. Фактически подобные платформы служат экспертными площадками, которые распределяют государственные деньги на те проекты, которые ученые считают наиболее осмысленными. Принятие решений опирается на консенсус всего научного сообщества, а не на мнение отдельных экспертов или административный вес директоров.

Система состоит из множества форумов, или платформ, в соответствии с научными дисциплинами и/или более узкими научными интересами участников (например, «Индология в России» или «Физика твердого тела»). Каждый форум наделен полномочиями устанавливать собственные правила взаимодействия участников, одобренные большинством, и коллегиально менять их. Новые члены могут попасть в систему только по приглашению действующих участников; вопрос о включении новых членов в форум решается путем голосования.

Концептуально, сущностная часть работы площадки — представление учеными своих исследовательских проектов, обсуждение и информированное голосование со стороны сообщества. Проводятся обсуждения и голосования ради определения наиболее важных и приоритетных проектов (направлений), после чего финансирование от государства на ту или иную научную дисциплину распределяется в соответствии с результатами коллективной экспертизы сообщества.

II. «Цифровая ВАК» (а, б, д). Назначение платформы — сделать защиту диссертаций менее бюрократизированной и трудоемкой, более быстрой процедурой. Кроме того, повышается прозрачность и контроль научного сообщества над процессом.

Базовый алгоритм процесса подразумевает следующие стадии.

1. На платформе запускается событие — защита диссертации.
2. Члены ученого совета и оппонент выбираются (по научным интересам, случайным образом, по выбору экспертов) из децентрализованного пула экспертов в рамках научной дисциплины и получают оповещения на свои цифровые устройства.
3. Во время защиты, очной или заочной, программа-клиент требует от всех участников подтверждения (от диссертанта, оппонентов, членов ученого совета на защите): я, такой-то, подтверждаю свое решение по диссертации такого-то

в такое-то время. Все подтверждения собираются в единую форму с информацией о защите, форма уходит в ВАК в Москве и там фиксируется на блокчейне.

4. Цифровая демократия контроля: перед окончательной фиксацией и подтверждением события (присвоение степени) искусственный интеллект и нейросеть системы отбирают n пользователей, которые могут иметь отношение к диссертации (по дисциплинарному, карьерному и иным критериям близости), и отправляют им оповещения о событии с опцией «красного флага» (пожаловаться на подозрительные факты).

5. При условии множества «красных флажков», тем более с серьезными обвинениями, проводится проверка.

III. «Самоуправляющийся научный журнал» (а, в, г, д, е)⁷.

Если в традиционном рецензируемом журнале редакция по своему усмотрению выбирает двух или более рецензентов, которым направляется публикация, то в предлагаемой нами модели новая статья попадает в закрытую базу данных, где становится доступна всем потенциальным рецензентам.

В новой модели роль рецензентов новых публикаций предлагается выполнять прежде всего авторам статей, ранее опубликованных в журнале — то есть фактически сообществу людей, заинтересованных в развитии журнала. Круг ученых, получающих возможность написать рецензию, расширяется по сравнению с ситуацией, когда рецензентов каждый раз должна выбирать редакция журнала. Повышается вовлеченность авторов журнала в его развитие: ученые (авторы) получают инструмент для того, чтобы более активно влиять на редакционную политику, при этом укрепляется их связь с журналом; вокруг журнала возникает постоянно расширяющееся сообщество людей, которое вкладывает свое время и силы в его развитие.

Две другие опорные составляющие платформы — принцип коллективного принятия решений о публикации статьи и материальное поощрение рецензентов. Перед тем как подать статью в журнал, автор вносит денежный депозит. После загрузки текста статьи на онлайн-платформу, авторы рецензий участвуют в голосовании о том, следует ли принять статью к публикации. Принять участие в голосовании, не оставив сначала отзыва, куратор не вправе. Если количество голосов «за» не равно нулю и равно количеству голосов «против» либо превышает его, статья принимается к публикации. Проголосовавшие в поддержку одобренной статьи получают вознаграждение в виде суммы депозита, внесенного автором. Если в результате голосования статья была отвергнута, депозит распределяется между кураторами, голосовавшими «против».

IV. «Академическое гражданство» (а, б, в, г). Каждому участнику определенного сегмента сети ученых (например, химики-органики России) с заданной периодичностью — либо ежегодно, либо раз в два-три года, выделяется десять условных «единиц ценности», или токенов. Необходимое условие состоит в том, чтобы не менее чем семь токенов участник вложил в проекты других ученых, в противном случае по истечении срока начисленные единицы аннулируются.

⁷ Данная модель опирается на блокчейн-технологии токенизированных реестров, описанную в работе [Гордийчук, Космарский, 2019].

Необходимость вкладывать токены в проекты других ученых — иными словами, обязанность принимать участие в жизни научного сообщества для тех, кто считает себя включенным в него, гарантирует баланс между долгом (обязанность перед наукой в целом) и добровольностью (получить финансирование).

На старте все участники процесса обладают равными правами: у всех, начиная с аспирантов и заканчивая академиками, одинаковый стартовый капитал. По достижении заранее определенного числа токенов у конкретного участника, они конвертируются в обеспеченные государством деньги или начинают функционировать как индикатор, сигнализирующий о праве на получение грантового финансирования. Такая система способна действовать как инструмент низовой репутационной наукометрии, независимой peer-to-peer оценки членами научного сообщества друг друга.

Методология исследования

Схема проведенного исследования включала в себя три основных блока.

1. Кабинетное исследование, в ходе которого была проанализирована научная литература и основные источники по следующим тематикам:

- современные дискуссии о принципах организации и управления наукой и образованием;
- проблематика управления (governance) в сфере науки;
- проблематика самоорганизации ученых и управления наукой в России.

По результатам сформирован методический инструментарий полевой части проекта (критерии отбора организаций и респондентов для проведения фокус-группового исследования, гайд для проведения фокус-группового исследования, гайд для проведения экспертных интервью).

2. Фокус-групповое исследование и экспертные интервью. Для проведения фокус-группового исследования отобраны пять научных/образовательных организаций, отличающихся друг от друга по основным научным направлениям деятельности (естественные, гуманитарные и технические науки), организационной структуре (вузы или НИИ) и географическому расположению (две организации в Москве и по одной в Санкт-Петербурге, Махачкале и Челябинске).

К участию в каждой из фокус-групп были приглашены пять — восемь человек разного пола, возраста и статуса, причем отдельно оговаривалось, что респонденты не должны принадлежать одному структурному подразделению (кафедра, лаборатория, отдел и т. п.). Это делалось для того, чтобы избежать попадания в гипотетическую ситуацию, в рамках которой слово достается только формальным или неформальным авторитетам.

Гайд для проведения фокус-групповых дискуссий включал в себя два основных блока, один из которых подразумевал свободное обсуждение участниками ряда вопросов, релевантных теме исследования, а другой состоял из описания четырех тестовых моделей цифровизации науки (см. выше). Респонденты имели время для того, чтобы ознакомиться с описанием этих моделей и выдвинуть обоснованные критические или апологетические аргументы в пользу каждой из них.

Фокус-группы записывались на диктофон (при получении согласия участников на это, и при условии анонимизации высказывающихся). Средняя протяженность одной дискуссии составила 120 минут. Записи транскрибировались и проходили

процедуру кодирования, с последующим анализом всеми участниками проекта. Система кодировки разрабатывалась, с одной стороны, на основании набора исходных гипотез, а с другой — пополнялась новыми кодами по ходу исследования.

Экспертные интервью (10 шт.) проводились в Москве и Санкт-Петербурге с представителями академической среды, бизнеса и органов управления наукой в РФ. Их главной целью была экспликация и оценка экспертной позиции «лидеров индустрии» и представителей власти относительно проблем цифровизации, управления наукой, наукометрии и т. д. Средняя продолжительность интервью — 90 минут. Интервью записывались на диктофон, расшифровывались, кодировались и анализировались (часть интервью, по просьбе респондентов, велась не под запись — в таких случаях интервьюер по окончании встречи делал конспект состоявшегося разговора).

3. Количественное исследование.

По окончании сбора данных в рамках фокус-группового исследования и серии экспертных интервью была начата работа над составлением инструментария (анкеты) для проведения количественного исследования. В рамках данного проекта изучаемым объектом выступала совокупность ученых, академических сотрудников и преподавателей вузов, проживающих на территории РФ. Учитывая имеющиеся временные, финансовые и методические ограничения, было решено проводить онлайн-опрос.

Анкета была запрограммирована на сервисе SurveyMonkey и распространялась через профильные для научного сообщества каналы: СМИ, специализированные сайты для ученых, группы в социальных сетях, закрытые и открытые групповые чаты в основных мессенджерах, почтовые рассылки.

Опрос был начат 31 октября 2019 г. На момент подготовки данного текста было собрано 6166 анкет, из которых полных — 3605. Характеристики выборки: неслучайная, конформная, потоковая (river sample).

Детальное описание методической архитектуры количественного исследования и основные его результаты будут представлены в следующих публикациях. Результаты настоящего исследования базируются, в первую очередь, на сведениях, полученных в ходе кабинетного анализа, фокус-группового исследования и серии экспертных интервью.

Результаты: прозрачность «цифры» и академические клики

Работа с респондентами в рамках исследования преследовала двоякую цель. Во-первых, мы хотели прояснить вопрос о том, как устроено российское научное сообщество, и выяснить, как понимают самоорганизацию ученых они сами. Во-вторых, мы стремились получить и проанализировать реакцию на предложенные нами цифровые механизмы и, с опорой на полученные результаты, соотнести их с потребностями российского научного сообщества.

Проведенные нами интервью и фокус-группы выполнили свою задачу — вывести ученых на спонтанные дискуссии о принципах и практиках их научной деятельности. Далее в рамках статьи предложим объяснительную модель, которая, с нашей точки зрения, эвристично систематизирует результаты исследования.

Полученные данные позволяют утверждать, что, безотносительно официальной организационной структуры высшей школы, базовой единицей российского науч-

ного сообщества является «трайб»⁸, или «клика». Общность такого рода может быть организована как по вертикальному принципу («доктора и академики — аспиранты»), так и по горизонтальному (группа единомышленников). Трайб не обязательно ограничен кругом российских ученых; нередко в такие объединения входят и их зарубежные коллеги. «Входным билетом» в трайб является система поддержания личных знакомств, взаимное признание и разделяемые неформальные, непубличные критерии оценки научной работы.

Сверх того, в подтверждение третьего принципа сильной программы Д. Блур — симметрии [Блур, 2002: 166], можно констатировать, что клики, производящие псевдознание («мусорные» статьи и т. д.), и те, которые ведут осязаемо продуктивную научную работу по высоким академическим стандартам, в том числе на международном уровне, слабо отличаются друг от друга. Трайбы, где защищают списанные диссертации и пишут тысячи статей в сомнительных сборниках, и трайбы, где ведутся разработки мирового уровня и публикуются материалы в журналах первого квартала, структурно устроены одинаковым образом и к внешним силам относятся одинаково. У них разная ресурсная база, но не коммуникативные практики. Эта гипотеза отчасти оспаривает фундаментальность водораздела между наукой провинциальной (ориентированной на «большой» мир) и туземной (ориентированной на защиту уникальности своей, неведомой миру кафедральной науки), обоснованного М. Соколовым и К. Титаевым [Соколов, Титаев, 2013].

Главный неблагоприятный фактор для трайба, исходя из внутренней логики его существования — внешний контроль любого рода и установление прозрачных правил, включая даже побуждение ее к тому, чтобы доказать свою ценность для науки. В свою очередь, государство представляется как враждебное кликам в силу того, что имеет (или как минимум декларирует) интенцию к дифференциации ценности научной работы, выделению «сильной» и «слабой» науки; требует публикаций в «сильных» журналах и т. п. Что касается целеполагания подобных групп, магистральная мотивация членов клики — заниматься тем, что представляется им верным либо выгодным, получая личное признание от ближайшего окружения, которое далеко не всегда выражается в механизмах именно академической реципрокности (например, в факте обоюдного цитирования научных работ)⁹.

⁸ Существует как минимум одна влиятельная работа, где устройство академической жизни рассматривалось с помощью концепта племени [Weber, 1989]. Однако в ней именно этот концепт был слабо проработан, использован как метафора; что еще более важно, для авторов основной племени, точнее, «академической культуры» выступают по умолчанию отдельные научные дисциплины, то есть относительно стабильные, публичные, институционализированные единицы. В нашем понимании (и в российском контексте) трайбы — более «невяные», локальные и дробные сущности. Отчасти это связано с тем, что в России в рамках формально одной дисциплины могут существовать несколько взаимоисключающих и конфликтующих базовых трактовок того, что есть наука [Соколов, Титаев, 2013]. И поэтому мы берем понятие трайбов в его более общесоциологическом смысле, в трактовке М. Маффесоли, прежде всего — новые сообщества на руинах больших структур, общие вкусы как их основа, инициация вместо образования и так далее [Maffesoli, 1996, 2017].

⁹ Ср. важное в данном контексте разграничение, введенное М. Сафоновой. В ее работе демонстрируется разница между «кликадами» и «теоретическими бандами» в академическом мире Санкт-Петербурга «Анализ позволяет утверждать, что связь между двумя сетями есть, но она свидетельствует об относительно плавно перетекающих друг в друга академических культурах, об отсутствии плотных «академических» банд — то есть, социальных образований, которые были бы «теоретическими группами» и продвигали свою или хотя бы чужую теорию (можно найти несколько исключений). Клики правят петербургской социологией — без членства в одной из них сложно получить работу или опубликоваться — но это не теоретические банды» [Сафонова, 2012: 119].

В публичном поле российской науки (и в публикациях СМИ о ней) прослеживается устойчивый нарратив, в оптике которого государство чинит ученым препятствия, в том числе посредством «карательной» наукометрии, вынуждая их тратить ресурсы на отчетность, повышение индекса Хирша и т. д., вместо того, чтобы дать им карт-бланш на свободную научную работу [Форум: прикладная наукометрия, 2019]. Наше же исследование показывает иную картину. Представители российской науки, как признают они сами, *адаптировались к взаимодействию с государством* и умеют добиваться по крайней мере формального соответствия его требованиям, сохраняя при этом свою «внутреннюю автономию»:

«Тут тоже такая вечная проблема, что публикуются в своих журналах очень часто или идут по пути наименьшего сопротивления для того, чтобы подверстать свою научную биографию под те требования, которые вот необходимы. А государство, оно сейчас тоже пытается продолжать заниматься ловлей блох, там. „Ага, научились везде публиковаться“ — сейчас обрежем вам Scopus, будем только по Web of Science проверять. Ну, ученые что — они найдут свои лазейки. То есть такое взаимодействие. Это как, знаете, было хорошее исследование об идеологических кампаниях позднего сталинизма. Исследователи приходят к выводу, что со временем они приобрели размытый, шаблонный характер. И страха нет, козла отпущения назначим, если нужно. А на самом деле вырабатываются ответные реакции, то есть как себя вести в ситуации давления, в ситуации изменения требований и так далее» (фокус-группа, гуманитарный факультет, вуз в УФО).

Попутно трайбы формируют собственные критерии качества научных работ и системы оценки персональных качеств отдельных ученых, основанные как на внутренней социальной динамике отдельных клик, так и на сложившейся конъюнктуре отношений между различными кликами. Вместе с тем, сами эти критерии члены клик, как правило, стараются не раскрывать — вероятно, потому, что видимость и подотчетность, с их точки зрения, может разрушить сложившиеся основы их существования.

Респондент № 1: Мы представляем, кто и что из себя представляет.

Респондент № 2: А государство нет.

Респондент № 3: А государство и не будет представлять.

Респондент № 2: Семен Семенович академик, но мне как ученому своей оценки достаточно. Я знаю, что собой представляет Семен Семенович.

Модератор: А возможно ли привести вот эту внутреннюю интуитивную репутационную систему в нечто более видимое и формализуемое?

Респондент № 3: А нужно ли это?

Респондент № 2: Я отвечу — нет и нет. И не нужно, и не можно (фокус-группа, научный институт (естественные науки), Москва).

Получается, что ученые, критикуя существующую систему прикладной наукометрии и отчетности (она-де навязывается государством, громоздка, требует количества, а не качества; не учитывает монографии и публикации во многих из доступных журналов и т. д.), не желают при этом замены внешней, «вертикальной» наукометрии государства своей, «низовой», горизонтальной — такой, которую могут предоставить механизмы цифрового управления, в том числе управления децентрализованного, опирающегося на консенсус того или иного профессионального сообщества и действующего по прозрачным правилам [Космарский, 2019:

398—401]. Ученые, судя по их высказываниям, особенно не нуждаются в наукометрии для оценки работ своих коллег (если подразумевать под ней прозрачную и работающую по унифицированным правилам систему оценки научных текстов) — им достаточно своих внутренних эвристик, слабо поддающихся формализации.

С учетом сказанного, утрачивает противоречивость парадоксальная на первый взгляд ситуация: на уровне деклараций ученые охотно сетуют на угнетение своих «творческих свобод» со стороны государства (в частности, на публикационное давление и бюрократизированность контролирующих инстанций [Кулешова, Подвойский, 2018]), однако зачастую негативно или равнодушно настроены по отношению к практикам самоуправления (в том числе в их цифровом виде), призванным демократизировать сферу их профессиональной деятельности и дать инструменты защиты собственной позиции в диалоге с властью, в числе прочего — за счет устранения административных барьеров и неэффективных регуляторных практик. Открытые дискуссии по научным вопросам, обсуждение и выработка общих критериев оценки достижений и идей среди ученых, взаимодействие внутри дисциплин и между ними — в общем, практики прозрачной коммуникации, которые, например, в США действуют в многочисленных грантовых комитетах (где, например, историки спорят с политологами и доносят до них свою точку зрения [Lamont, 2009]), многими российскими учеными воспринимаются негативно.

«Если мы считаем научные сословия некоей корпорацией отталкивания... Вот соберите какую-нибудь конференцию, где будут историки и филологи. И историк, который не понимает, как развивается язык, будет нести ересь. Языковед будет приходить в ярость. А языковед будет разговаривать про то-то или то-то, не соглашаясь с историческими данными... А если еще политолога туда добавить, то, нет, сначала, конечно, все на политолога бросятся, а потом...» (фокус-группа, научный институт (гуманитарные науки), Москва.

С нашей точки зрения, причина такого настороженного отношения к дискуссиям с «чужими» заключается в том, что такие дискуссии требуют повышения прозрачности «внутренней кухни», что в свою очередь возникнет риск «подставиться» и разрушить сложившиеся правила игры.

Рассуждая о нежелательности или проблематичности перехода к цифровому самоуправлению, в обоснование своей позиции наши респонденты приводили самые различные доводы. Наиболее распространенный сводится к следующему: существующие «мафии» — предводители клик и целые клики «высшего дивизиона» — даже в условиях коллективного, децентрализованного и дебиюрократизированного принятия решений сумеют сохранить влияние и приспособить любые технологические и коммуникационные инструменты под свои нужды. Условный «матерый профессор» так или иначе заставит зависящих от него участников сообщества (прямых подчиненных, членов его научной школы и т. д.) голосовать в его пользу. Другой довод заключается в том, что модель открытого самоуправления с высокой вероятностью ввергнет научное сообщество в еще большую разобщенность и нарушит отлаженную систему реципрокных отношений:

Респондент № 1: РФФИ и РНФ, те же экспертизы, их в общем-то ругают за некую там, скажем так, междусобойчики. И в принципе, вот эта модель, она не решает этой проблемы... Потому что этот междусобойчик будет создаваться именно на стадии формирования этих групп, то есть люди одни и те же...

Респондент № 2: Мы когда проводили конкурс работ в нашем институте, там тоже была система голосования, и ко мне подошел очень уважаемый, пожилой сотрудник института, и сказал: «Сережа, важно не то, кто голосует, а тот, кто считает».

Модератор: А считают все?

Респондент № 2: Считает система, которая состоит из тех же самых людей, у вас все равно будет, понимаете.

Респондент № 3: Абсолютно, вот как с этими кликами бороться, совершенно непонятно.

Респондент № 2: Понимаете, придет ко мне Семен Семенович, скажет: «Ну, ты понимаешь, есть такое слово — „надо“». Вот я сразу говорю, что эта модель априори будет работать вот так. Зная наш менталитет. Да я думаю, что даже не наш менталитет, я думаю, что в Европе будет то же самое (фокус-группа, научный институт (естественные науки), Москва).

Далее, среди российских ученых, включая тех, что недовольны статус-кво, бытует опасение, что механизмы открытой науки и группового самоуправления, вопреки декларируемым принципам, не сгладят, а лишь усугубят неравенство внутри научного сообщества:

«Это увлечение свободой информации и прочее, что повально исходит от профессоров, ну они состоявшиеся люди, у них достаточно большой заработок. Они не должны заботиться о том, чтобы выжить в этой суперконкурентной среде, где тебя сожрут за неделю... И они говорят: „Давайте сделаем научные знания открытыми!“ А если ты еще не „Синьор Помидор“, тебе надо еще грызть гранит науки долгое время, ты не успеешь это сделать. Поэтому для несостоявшихся ученых открытые данные — это не совсем благо, а для больших ученых — они могут себе позволить» (фокус-группа, научный институт (естественные науки), Москва).

Респондент № 1: Просто собьются в кучки те, кто кого знает. Те же самые фракции.

Модератор: Здесь мы просто даем еще один инструмент, чтобы эти фракции оформились по сути дела?

Респондент № 1: Консенсус не получится, наоборот, да?

Респондент № 2: Появится сильная и выдавит остальных на голосовании.

Респондент № 3: Не сильная, а наглая.

Респондент № 1: Будут формироваться коалиции, которые будут точно так же взаимно помогать. Для решения своих задач они готовы на все (фокус-группа, университет (технические науки), Санкт-Петербург).

Наконец, еще одна четко выделяемая поведенческая стратегия по отношению к предложенным нами моделям — отрицание самой необходимости гражданской активности, в том числе публичных дискуссий, как не согласующейся с целями и задачами ученого, вернее, образа жизни ученого в картине мира респондентов:

Респондент № 1: Зачем это все? Есть люди, которые не любят играть.

Респондент № 2: Это не игра. А обязанность принимать участие в жизни научного сообщества.

Респондент № 1: Главная обязанность ученого — заниматься наукой, а не участвовать в сообществе. То есть не фантики, а именно ехать. Работать над задачей. Решать задачи (фокус-группа, научный институт (гуманитарные науки), Москва).

Прозрачность и открытая публичная дискуссия выступают для ученых угрожающими факторами, так как предполагают эскалацию конфликта внутри сообщества.

Это нарушает сложившийся консенсус и ставит под угрозу их благополучное существование в академической среде:

Модератор: Мой вопрос про другое. Если, например, ученые сами будут, грубо говоря, составляя некий такой фонд, распределять деньги на те проекты, которые кажутся им правильными, это сработает?

Респондент № 1: Нет.

Респондент № 2: Потому что это война (фокус-группа, научный институт (естественные науки), Москва).

«Были сложные отношения, и в какой-то момент все эти дрязги из-под ковра переместились в онлайн. И там происходит этот, как молодежь говорит, „срач“. Это некоторые риски создает — что видимость процесса сильно повысилась. То есть когда появились крупные агрегаторы, понимание, кто у кого что списал. И инструменты анализа. Тогда, естественно, репутационные риски повысились. Раньше сидели на своем. Кто-то кого-то осуждал, а теперь это все стало видимым. И эта открытость тоже, с моей точки зрения, и хорошо, и плохо, потому что градус напряженности возрастает» (фокус-группа, технический вуз, Санкт-Петербург).

Отметим, что эта гипотеза идет вразрез с тезисом П. Бурдые [Бурдые, 2001], что главная борьба в поле науки между конкурирующими силами ведется за определение правил игры, которые обязательны для всех (что есть «хорошая» и «плохая» наука, что престижно, а что нет, и т. д.). Такая борьба предполагает ставку на публичность и публичные дискуссии, чего клики стремятся избегать: статус-кво с сохранением собственной сепаратности им важнее захвата поля — по принципу «живи и дай жить другим».

Таким образом, не важно, кто требует от ученых прозрачности, подотчетности и публичности — это может быть государство, это могут быть агенты, отстаивающие необходимость внедрения механизмов самоорганизации, это может быть «Диссернет» — подобные требования воспринимаются в штыки. При всех возможных выгодах, данные механизмы представляются им «ящиком Пандоры», открытие которого грозит нарушить работу далекой от оптимума, но функциональной системы. Фактически у российских ученых наблюдается асимметрия интенций: есть желание достичь прозрачности и четкости участия государства в их деятельности, однако повышение транспарентности собственной деятельности для государства и для коллег по цеху вызывает откровенные опасения.

«Лет 10 назад я, например, защитил диссертацию. У меня на кафедре сложилась такая ситуация, что до меня защит лет 10 не было. И просто люди не знали, как. Никто не мог мне объяснить, как правильно написать, как правильно сделать. А инструментов не было. И я писал так, как себе это представлял. А по нынешним критериям там куча всего. Как бы, если кто-то захочет это вытащить, диссертации, особенно выданные с конца 1990-х и по конец 2000-х, да? Понимаете, эти 10 лет. И иногда приоткрывают, да? В каких-то целях. Вот, но в принципе, если это массово сделать, то там просто погребется наука российская» (фокус-группа, технический вуз, Санкт-Петербург).

К перспективам изменения принципов, исходя из которых наука сейчас финансируется (децентрализованность системы грантов, делегирование выделения средств на исследования, по крайней мере частично, самому научному сообществу, снабдив его подходящим цифровым инструментарием и пр.), — существенная

доля респондентов отнеслась скептически. На наш взгляд, это свидетельствует о высоком базовом уровне недоверия ученых к ближайшим коллегам и научному сообществу в целом; состояние последнего воспринимается как граничащее с «войной всех против всех», что закономерно выводит «умеренных» на мысль о том, что финансовые решения лучше принимать не самим ученым, а «внешним силам».

«Ну то, что деньги — это исключительно должна быть сторонняя организация, которая будет распределять на каких-то там началах, они там вполне себе конкурентные и здоровые... Это тяжело, но система работает в том виде, в котором есть. И лучше, чтобы финансовые средства распределяла сторонняя организация, в какой-то мере, чем самостоятельно сформировавшееся сообщество» (фокус-группа, научный институт (естественные науки), Москва).

«По сути дела, речь об этом и идет, о каком-то механизме распределения ресурсов, которые академическую самоуправляемость бы сделали. Но в условиях того, что научная среда из себя представляет, даже на Западе, это утопия. Абсолютно... Вообще, честно говоря, ученые, как дети. Даже серьезные люди западные, вот они могут обиженку держать, 10 лет могут держать обиженку» (фокус-группа, технический вуз, Санкт-Петербург).

Часть опрошенных ученых отчетливо понимает, что, будучи внедренными широко и с государственной поддержкой, цифровые механизмы партисипативной демократии и самоуправления повлекут за собой если не разрушение сложившихся трайбов, то как минимум диффузию и ослабление их влияния. Одни респонденты, находящиеся в меньшинстве, приветствуют изменения, способные привести к детрайбализации академической среды. Другие же, повторимся, относятся к таковым настороженно или негативно: они либо не верят в то, что могут стать их бенефициарами, либо попросту не представляют, в каком русле будут происходить эти изменения, и страшатся неопределенности, либо открыто ставят их необходимость под сомнение, подозревая в них угрозу. Среди факторов риска, сопутствующих инкорпорированию принципов децентрализованного самоуправления в поле отечественной науки, респонденты называют также опасность воцарения в российской науке охлократии с «диктатом большинства».

Модератор: Но вот по сути вот этот описанный механизм — это и есть механизм формирования конъюнктур. Потому что сообщество само начинает формировать, что конъюнктурное, а что нет.

Респондент № 1: Я боюсь, что тогда мы будем пытаться впрыгнуть в уже уходящий поезд.

Респондент № 2: То есть молодые, перспективные направления, они по такой системе не выживут (фокус-группа, научный институт (естественные науки), Москва).

Тем не менее все вышесказанное не означает, что предложенные нами цифровые механизмы governance в науке (и стоящие за ними принципы) полностью лишены шансов на успех. В ходе каждой из фокус-групп вполне четко, определенно и обоснованно высказывался запрос на одну или несколько из четырех моделей, пусть они и не были поддержаны большинством респондентов:

«С научным фондом и академическим гражданством, как мне кажется, здесь есть огромный плюс как раз в установлении вот тех самых коммуникаций, которых нам не хватает. И попытка вытянуть исследователей из такого уютного болотца, где они

обосновались, квакают каждый свою, исследуют, продолжать мусолить одну и ту же тему» (фокус-группа, гуманитарный факультет, вуз в УФО).

Далее, стоит упомянуть о фокус-группе в Дагестанском государственном университете, которая стояла особняком на фоне прочих — не только по причине почти единогласной поддержки предложенных цифровых моделей, но и из-за отчетливо проговоренного запроса на прозрачность и независимую внешнюю экспертизу на разных уровнях научного производства (открытость отзывов на грантовые заявки, активное привлечение иностранных ученых, максимально далеких от местных и даже общероссийских клик, независимая экспертиза диссертаций и фальсифицированных исследовательских данных и т. п.). Кейс ДГУ, возможно, указывает на правомерность каждого из двух больших тезисов нашей статьи — в тех ситуациях, когда трайбализированность научного сообщества становится настолько сильной, что уже сами ученые начинают воспринимать ее как вредоносную, — прозрачность, децентрализация и цифровизация оказываются желанным шансом изменить сложившиеся правила.

Некоторые выводы

Классики социологии науки, Р. Мертон и П. Бурдьё, разделяют идеальную, декларируемую цель научной деятельности — приращение знания (advancement of knowledge) и реальную движущую силу — жажду признания (оригинальность, стремление опубликоваться первым, наращивание цитируемости) [Merton, 1969]. Более того, для П. Бурдьё поиск признания представляется основополагающим признаком поля науки: «Научный капитал представляет собой особый вид символического капитала (о котором известно, что он всегда основан на актах узнавания и признания), состоящий в признании (или доверии), которое даруется группой коллег-конкурентов внутри научного поля (хорошим показателем для этого служит число упоминаний в индексе цитирования)» [Бурдьё, 2001].

Однако в случае с отечественными учеными, возможно, наблюдается иная картина. В их понимании признание внутри научного сообщества сопряжено не столько с накоплением капитала, сколько с инициацией и травмой: превращаясь из студента и аспиранта в ученого, научный сотрудник проходит через ряд болезненных процедур критики, принуждения, тяжелой защиты, ожидая признания в финале со стороны своего окружения, «научной школы». Доказав собственную адекватность (в глазах членов ближайшего сообщества), новоиспеченный научный сотрудник получает возможность спокойно заниматься любимым (или, усливая тезис, — любим) делом всю оставшуюся жизнь.

Необходимость снова добиваться признания — доказывать государству, что ты занимаешься чем-то полезным, подтверждать качество своей работы в глазах анонимных рецензентов в журналах (особенно иностранных), проходить процедуру peer review, доказывать обществу (через популяризацию) свое право говорить от имени науки — все это воспринимается как неприятная и нередко травматичная деятельность, которой хорошо бы избежать. Признание видится не как накопление капитала, а в лакановско-сартровском смысле — как ужас от попадания под оценивающий взгляд Другого, который может и не подтвердить твоё бытие [Лакан, 2004; Сартр, 2000].

В этой связи разумной тактикой становится избегание подобной деятельности или сведение ее к минимуму. В то же время в качестве желаемого понимается такое положение вещей, при котором ученый после прохождения академических «обрядов перехода» заручается правом заниматься не столько любимым, сколько **любим** (научным или околонучным) **делом**, не заботясь о представлении результатов — чему определенно препятствуют какие бы то ни было механизмы стороннего контроля.

Важно отметить, что наиболее значимым стимулом для того, кто получил признание внутри научного цеха, становится необходимость сохранять аффект причастности к трайбу и стремление к валидации собственного статуса и ценности своей работы с его стороны. Трайб при этом выступает главной оценивающей инстанцией и источником благ. Если бы у государства появились более эффективные механизмы различения научной деятельности и ее результатов по степени значимости (для общества, государства, мировой науки), стабильность сформировавшейся системы трайбов (с их ресурсами) оказалась бы поставлена под удар.

Помимо этого, важной эпистемологической особенностью, которая характеризует и воспроизводит отношения, сложившиеся между разнообразными агентами в сфере науки во всем мире — самим научным сообществом, государством, пытающимся регулировать его деятельность, digital-энтузиастами, представителями корпоративного сектора и т. п. — является то, что все они, в том или ином виде, воспринимают имеющуюся систему отношений в науке через метафору сети (восходящую к [Barnes, 1954]). Проблема заключается в том, что часть из перечисленных агентов (как и создатели цифровых проектов, описанных выше) считают эту сеть относительно «гладкой» и гомогенной. Это подразумевает равный «вес» взаимодействий между ее узлами — существует образ множества независимых индивидов, легко и свободно вступающих в отношения друг с другом; сеть как открытая, нестабильная структура с непостоянным членством, поверх институциональных границ. Другие же агенты (в том числе наши респонденты) видят в структуре сети плотные, устойчивые трайбы (клики) — участки повышенного и пониженного напряжения.

В этой связи становится понятным, по какой причине система единообразных метрик, предлагаемая государством для того, чтобы «сделать видимым», различить тот или иной объект управления — в нашем случае сферу науки — с этой функцией не справляется: она не улавливает и вряд ли сможет, без очевидного усложнения и нюансировки, уловить специфику той сети отношений, с которой столкнулась.

И. Кукулин, опираясь на теоретические построения М. де Серто, вводит в научный оборот концепт «обходных сетей». Они характеризуются, с одной стороны, вписанностью их членов в состав формальных организаций (в нашем случае, например, институтов, лабораторий, кафедр, вузов, НИИ и т. п.), а с другой — «антидисциплинарностью», то есть установкой на поиск «обходных путей» и лазеек внутри этих структур. Эксплуатация этих лазеек необходима даже не столько для выживания, сколько для поддержания того образа жизни, который кажется приемлемым: «Де Серто описывал „тактики слабых“ как формы повседневного творчества „из подручных деталей“. По-видимому, советские сети тоже могут быть поняты не только как адаптационные или полукриминальные структуры, но и как

пространства импровизированного творчества. Люди, вовлеченные в те или иные практики, умели исподволь влиять на функционирование существующих институтов или действовать помимо них, но не хотели, а в большинстве случаев и не могли создавать новые институты. „Обходные“ социальные сети, разного рода „институциональные шунты“ и „вертикальные сговоры“ были наиболее заметными последствиями этой антидисциплинарности, влияющей на развитие российского общества вплоть до настоящего времени» [Кукулин, 2017: 145].

Этот прогноз — относительно влияния «обходных сетей» на развитие общественных институтов постсоциалистического периода в России — по-видимому, оказался верным, во всяком случае в системе науки. Описанное положение дел позволяет объяснить, как неприятие систем государственной отчетности среди ученых, так и общую деполитизированность представителей академического сообщества, их скептическое отношение к публичной демократии в науке, приводящую к отрицанию в большинстве случаев новых механизмов управления наукой (включая цифровые механизмы, направленные на стимуляцию самоорганизации среди ученых). В то же время наличие «обходных сетей», иными словами — клик и трайбов внутри «большой» сети ученых приводит к желанию сохранения статуса-кво учеными, несмотря на критические нарративные конструкции (давление отчетности, несовершенная наукометрия, отказ власти слушать ученых и т. д.).

Нынешняя система оценивания науки во многом не устраивает государство, т. к. «хорошая наука» в ее оптике слабо различима; кроме того, ученые быстро адаптируются к любым формальным требованиям и в состоянии имитировать выполнение необходимых показателей. Если говорить об ученых, то они недовольны грузом бумажной работы и необходимостью тратить время на заполнение отчетности. Существующие метрики являются принципиально «счетными», однако перед тем, как что-то считать, нам представляется разумным подумать о «видимости» и «открытости» того, что пытаются сосчитать — например, о протоколе опубликования данных о научной активности отдельных ученых и их групп. Речь идет о протоколе, который бы открывал для академического сообщества, бизнеса и государства суть деятельности ученых и позволил бы сторонам увидеть друг друга. Работа над базовым повышением видимости/открытости в науке помогла бы и государству, и ученым: проблема изоляции и отсутствия коммуникации стала бы менее острой, а монополия клик — менее полной.

Список литературы (References)

Артемьева О. А. К проблеме управления и самоорганизации отечественной психологической науки в первой половине XX столетия // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2012. Т. 1. № 2. С. 28—35. <http://izvestiapsy.isu.ru/ru/article/file?id=517>.

Artemyeva O. A. (2012) To the Issue of Governance and Self-Organization of Soviet Psychological Science at First Half of XXth century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series «Psychology»*, Vol. 1. No. 2. P. 28—35. <http://izvestiapsy.isu.ru/en/article/file?id=517>. (In Russ.).

Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5—6 (35). С. 162—185.

Bloor D. (1991) *Knowledge and Social Imagery*. Chicago and London: The University of Chicago Press. P. 3—23.

Бурдьё П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-Французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. СПб., 2001.

Bourdieu P. (1997) *Les usages sociaux de la science. Pour une sociologie clinique du champ scientifique*. Paris: Éd. INRA. (In French).

Бычкова О. В. Что такое shared governance? // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 5. С. 110—121. <https://doi.org/10.15826/umj.2016.105.049>.

Bychkova O. V. (2016) What is Shared Governance. *University Management: Practice and Analysis*. No. 5. P. 110—121. <https://doi.org/10.15826/umj.2016.105.049>. (In Russ.).

Гордийчук Н. В., Космарский А. А. Саморегулирование и консенсус научного сообщества: блокчейн-технология TCR в экономике журнала открытого доступа // Искусственные общества. 2019. Т. 14. № 1. <https://doi.org/10.18254/S207751800005157-1>.

Gordiychuk N., Kosmarski A. (2019) Self-Adjustment and Community Consensus: Token-Curated Registries in the Economy of an Open Access Academic Journal. *Artificial Societies*. Vol. 14. No. 1. <https://doi.org/10.18254/S207751800005157-1>. (In Russ.).

Космарский А. А. Блокчейн для науки: революционные возможности, перспективы внедрения, потенциальные проблемы // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 388—409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.16>.

Kosmarski A. A. (2019) Blockchain for Science: Revolutionary Opportunities, Implementation Prospects, Potential Issues. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 388—409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.16>. (In Russ.).

Кукулин И. В. Продисциплинарные и антидисциплинарные сети в позднесоветском обществе // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 136—173. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-3-136-173>.

Kukulini I. V. (2017) «Pro-disciplinary» and «Anti-disciplinary» Networks in Late Soviet Society. *Russian Sociological Review*. Vol. 16. No. 3. P. 136—173. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-3-136-173>.

Лакан Ж. О взгляде в качестве объекта а // Лакан Ж. Семинары. М. : Гнозис : Логос, 2004.

Lacan J. (2004) On Looking as an Object. In: Lacan J. *Seminars*. Moscow: Gnosis: Logos. (In Russ.).

Мирский Э. М. Социология науки — новые вызовы // Социология науки и технологий. 2011. Т. 2. № 3. С. 13—30.

Mirskiy E. M. (2011) Sociology of Science — New Challenges. *Sociology of Science and Technology*. Vol. 2. No. 3. P. 13—30. (In Russ.).

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М. : Республика, 2000.

Sartre J.-P. (1943) L'Être et le Néant, essai d'ontologie phénoménologique. Paris: Éditions Gallimard. (In French).

Сафонова М. А. Сетевая структура и идентичности в локальном сообществе социологов // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 107—120. https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_6/Safonova.pdf.

Safonova M. A. (2012) Network Structure and Identities in a Local Community of Sociologists. *Sociological Studies*. No. 6. P. 107—120. https://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_6/Safonova.pdf. (In Russ.).

Синельникова Е. Ф. Власть и научные общества Петрограда-Ленинграда в 1920-е годы: источники и методы // Электронный научно-образовательный журнал История. 2013. Т. 4. № 5.

Sinelnikova E. F. (2013) The Power and Scientific Societies of Petrograd — Leningrad in the 1920s: Sources and Methods. *Journal of Education and Science «ISTORIYA» («History»)*. Vol. 4. No. 5. (In Russ.).

Соколов М. М., Лопатина С. Л., Яковлев Г. А. От товарищества к учреждениям: конституционная история российских вузов. // Вопросы образования. 2018. № 3. С. 120—145. <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-120-145>.

Sokolov M. M., Lopatina S. L., Yakovlev G. A. (2018) From Partnerships to Bureaucracies: The Constitutional Evolution of Russian Universities. *Educational Studies*. No. 3. P. 120—145. <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-120-145>. (In Russ.).

Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239—275.

Sokolov M., Titaev K. (2013) Provincial and Indigenous Science. *Forum for Anthropology and Culture*. No. 19. P. 239—275. (In Russ.).

Форум: прикладная наукометрия // Антропологический форум. 2019. № 40. С. 11—84.

Forum: Applied Scientometrics. *Forum for Anthropology and Culture*. 2019. No. 40. P. 11—84. (In Russ.).

Barnes J. (1954) Class and Committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*. Vol. 7. No. 1. P. 39—58. <https://doi.org/10.1177/001872675400700102>.

Becher T. (1989) Academic Tribes and Territories: Intellectual Enquiry and the Cultures of Disciplines. Buckingham: Open University Press.

Benz A. (2007) Governance — A Political Science Perspective. In: Jansen D. (ed.) *New Forms of Governance in Research Organizations. Disciplinary Approaches, Interfaces and Integration*. Heidelberg, New York: Springer. P. 3—29.

Bollen J., Crandall D., Junk D., Ding Y., Börner K. (2014) From Funding Agencies to Scientific Agency: Collective Allocation of Science Funding as an Alternative to Peer Review. *EMBO Reports*. Vol. 15. No. 2. P. 131—133. <https://dx.doi.org/10.1002%2Fembr.201338068>.

Clark B. (1983) *The Higher Education System: Academic Organization in Cross-National Perspective*. Berkeley, CA: University of California Press.

Fried J. (2006) Higher Education Governance in Europe: Autonomy, Ownership, and Accountability—A Review of the Literature. In: Kohler J., Huber J. (eds.) *Higher Education Governance between Democratic Culture, Academic Aspirations and Market Forces*. Strasbourg: Council of Europe. P. 79—133.

Green T. (2019) Is Open Access Affordable? Why Current Models Do not Work and Why We Need Internet-Era Transformation of Scholarly Communications. *Learned Publishing*. Vol. 32, No. 1. P. 13—25. <https://doi.org/10.1002/leap.1219>.

Heller L., Blümel I. (2019) Co-Creating the Future of Research Funding? Observations & Ideas from the Literature (And What Else We Need). Talk Given at SEED 2019 in Davos, 25—28.02.2019. Hannover: Institutionelles Repositorium der Leibniz Universität Hannover. <https://doi.org/10.15488/4457>.

Hoppe R. (2005) Rethinking the Science-Policy Nexus: From Knowledge Utilization and Science Technology Studies to Type of Boundary Arrangements. *Poiesis & Praxis*. Vol. 3. No. 3. P. 199—215. <https://doi.org/10.1007/s10202-005-0074-0>.

Jessop B. (1998) *The Rise of Governance and the Risk of Failure: The Case of Economic Development*. Oxford: Basil Blackwell.

Kalfa S., Wilkinson A., Gollan P.J. (2018) The Academic Game: Compliance and Resistance in Universities. *Work, Employment and Society*. Vol. 32. No. 2. P. 274—291. <https://doi.org/10.1177/0950017017695043>.

Krause-Jenson J., Garsten C. (2014) Introduction: Neoliberal Turns in Higher Education. *Learning and Teaching*. Vol. 7. No. 3. P. 1—13. <https://doi.org/10.3167/latiss.2014.070301>.

Lamont M. (2009) *How Professors Think: Inside the Curious World of Academic Judgment*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Lyll C., Tait J. (2019) Beyond the Limits to Governance: New Rules of Engagement for the Tentative Governance of the Life Sciences. *Research Policy*. Vol. 48. No. 5. P. 1128—1137. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2019.01.009>.

Macfarlane B. (2005) The Disengaged Academic: The Retreat from Citizenship. *Higher Education Quarterly*. Vol. 59. No. 4. P. 296—312. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2273.2005.00299.x>.

Maffesoli M. (1996) *The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society*. London: SAGE.

Maffesoli M. (2017) From Society to Tribal Communities. *The Sociological Review*. Vol. 64. No. 4. P. 739—747. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12434>.

Margetts H., Dunleavy P. (2013) The Second Wave of Digital-Era Governance: A Quasi-Paradigm for Government on the Web. *Philosophical Transactions of the Royal Society A*. Vol. 371. No. 1987. <https://doi.org/10.1098/rsta.2012.0382>.

Merton R. K. (1969) Behavior Patterns of Scientists. *The American Scholar*. Vol. 38. No. 2. P. 197—225.

Muller J. Z. (2018) *The Tyranny of Metrics*. Princeton: Princeton University Press.

Polanyi M. (1962) The Republic of Science: Its Political and Economic Theory. *Minerva*. Vol. 1. No. 1. P. 54—73. <https://doi.org/10.1007/BF01101453>.

Polletta F. (2016) Participatory Enthusiasms: A Recent History of Citizen Engagement Initiatives. *Journal of Civil Society*. Vol. 12. No. 3. P. 231—246. <https://doi.org/10.1080/17448689.2016.1213505>.

Rowlands J. (2015) Turning Collegial Governance on Its Head: Symbolic Violence, Hegemony and the Academic Board. *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 36. No. 7. P. 1017—1035. <https://doi.org/10.1080/01425692.2014.883916>.

Rowlands J. (2019) The Domestic Labour of Academic Governance and the Loss of Academic Voice. *Gender and Education*. Vol. 31. No. 7. P. 793—810. <https://doi.org/10.1080/09540253.2017.1324132>.

Sabel C. F., Zeitlin J. (eds.) (2010) *Experimentalist Governance in the European Union: Towards a New Architecture*. Oxford: Oxford University Press.

Weiss T. G. (2000) Governance, Good Governance and Global Governance: Conceptual and Actual Challenges. *Third World Quarterly*. Vol. 21. No. 5. P. 795—814. <https://doi.org/10.1080/713701075>.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.06

Правильная ссылка на статью:

Корешникова Ю. Н. Развитие критического мышления в современном российском обществе: что дает университет? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 91—110. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.06>.

For citation:

Koreshnikova Y. N. (2019) Critical thinking in modern society: what do universities provide?. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 91—110. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.06>.

Ю. Н. Корешникова

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ЧТО ДАЕТ УНИВЕРСИТЕТ?

РАЗВИТИЕ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ЧТО ДАЕТ УНИВЕРСИТЕТ?

CRITICAL THINKING IN MODERN SOCIETY: WHAT DO UNIVERSITIES PROVIDE?

КОРЕШНИКОВА Юлия Николаевна — аспирант Института образования, аналитик Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: koreshnikova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7566-0028>

Yuliya N. KORESHNIKOVA¹ — PhD student, Institute of Education; Analyst, Institute of Education

E-MAIL: koreshnikova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7566-0028>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Важность развития критического мышления признана членами всех общественных институтов. Особенно подчеркивают необходимость наличия навыков критического мышления представители рынка труда, для которого готовит кадры в основ-

Abstract. All the members of educational community recognize the importance of critical thinking. It is also of highest importance for the job market for which people are often prepared by higher education institutions. The challenge facing these institutions is to raise an adequate

ном система высшего образования. Поэтому перед вузами стоит задача сформировать у выпускников необходимый уровень критического мышления. Но несмотря на широкое признание важности развития критического мышления, в России проводится мало исследований, направленных на изучение условий, способствующих развитию этого навыка. Согласно результатам зарубежных исследователей, для развития критического мышления необходимы участие студентов в проектной деятельности (как групповой, так и индивидуальной) и выступления с презентациями. Учитывая культурные различия российских и западных студентов, а также различия в образовательных традициях в России и за рубежом, затруднительно напрямую переносить результаты зарубежных исследований на российскую действительность. Целью данной статьи является исследование связи проектной деятельности студентов и выступлений с презентациями с развитием критического мышления в российских вузах. Исследование проводилось на результатах проекта SuperTest, в рамках которого сравнивались образовательные достижения студентов инженерных специальностей технических вузов России, Китая и США. С помощью регрессионного анализа было доказано, что ситуация в российских вузах отличается от ситуации за рубежом: в нашем случае уровень развития критического мышления отрицательно связан с проектной деятельностью студентов и выступлениями с презентациями.

Ключевые слова: критическое мышление, изменения на рынке труда, оценивание, групповой проект, ин-

level of critical thinking among university graduates. Nevertheless little research aimed to find strategies facilitating critical reasoning is being conducted in Russia. The findings of the foreign studies suggest that in order to develop critical thinking students need to participate in project activities (both group and individual activities) and to make presentations. Taken into consideration different cultural differences between Russian and foreign students and specific educational traditions, it is difficult to immediately apply the results of the foreign studies in Russia. The article is focused on the relationship between student project work and presentations and the development of critical reasoning in the Russian universities. The study is based on the results of the SuperTest project which compares the educational achievements of engineering students from Russian, Chinese and American technical universities. Using regression analysis the author proves that the situation in the Russian universities differs from the situation abroad: the level of critical thinking is negatively related to student project activity and presentations.

Keywords: critical thinking, changes in the labor market, evaluation, group project, individual project, presentations

дивидуальный проект, выступление с презентацией

Благодарность. Автор выражает глубокую благодарность за помощь в подготовке статьи научному руководителю Исаку Давидовичу Фрумину, директору Института образования НИУ ВШЭ, а также Евгению Андреевичу Терентьеву, академическому директору аспирантской школы по образованию НИУ ВШЭ.

Acknowledgments. The author expresses gratitude to Isak D. Frumin, Director of the HSE Institute of Education, and Evgeny A. Terentyev, Academic Director of Doctoral School of Education, for their assistance and advice.

Ничто, вероятно, не мешает так фатально сосредоточению внимания учителей на воспитании ума, как господство в их умах идеи, что главным является научить учеников правильно отвечать уроки. Пока эта цель преобладает (сознательно или бессознательно), воспитание ума является делом случайным и второстепенным.

Дж. Дьюи

Введение

Последние несколько десятилетий характеризуются существенными трансформациями — происходят структурные перемены в мировой экономике, изменяется скорость и характер глобализации, повышается уровень технологического прогресса, количество информации с каждым днем растет [Darling-Hammond, Barron, 2008; Lyman et al., 2003]. Эти и другие процессы неизбежно влекут за собой общественные и индивидуальные изменения. В современном мире увеличивается потребность в обработке данных, оценке идей и размышлении над аргументами, ежедневно необходимо принимать решения [Pascarella, Terenzini, 2005]. В этих условиях особо важны навыки критического мышления — как в социальных, так и в межличностных контекстах [Ки, 2009].

Исследования показывают, что люди, мыслящие критически, способны принимать более обоснованные решения [Gambrill, 2006], вести себя менее предвзято и склонны к эвристическому мышлению [Facione, Facione, 2001; McGuinness, 2013]. Также они — более информированные и активные граждане, и часто более работоспособные [Barton, McCully, 2007; Holmes, Clizbe, 1997].

Перемены коснулись и трендов на рынке труда. Согласно результатам исследования “The Changing Task Composition of the US Labor Market”, в период с 1969 по 2009 гг. на рынке труда США наблюдались кардинальные изменения в требованиях к сотрудникам. Все больше становятся востребованы сотрудники, выполняющие нерутинно-аналитическую деятельность и владеющие нерутинно-межличностными компетенциями, в то время как заметно упал спрос на сотрудников, выполняющих рутинно-ручной, нерутинно-ручной, а также рутинно-когнитивный труд. Важно заметить, что результаты, полученные в ходе американского исследования, характерны для экономик и других стран. Новые профессии требуют

гибкости мышления и способности обучаться на протяжении всей жизни, умения выполнять многошаговые операции, манипулировать абстрактными и сложными символами и идеями, находить и обрабатывать новую объективную информацию [Halpern, 1998]. Работодатели уделяют приоритетное внимание поиску навыков критического мышления у потенциальных работников [Jääskelä, Nykänen, Tynjälä, 2018; Burbach, Matkin, Fritz, 2004].

Современные тенденции в образовании ориентируются на требования общества в целом и работодателей, в частности, критическое мышление становится широко признанным результатом обучения студентов университетов [Шакирова, 2006; Плотникова, 2009; Halpern, 2001; Reinstein, Lander, 2008]. Большинство педагогов согласны с тем, что формирование критического мышления должно стать одной из целей обучения в вузе. В научных и политических кругах все более широко признается, что критическое мышление является одной из наиболее значимых целей обучения в высшем образовании [Gellin, 2003; Pithers, Soden, 2000; Wilson, Wagner, 1981; Bers, McGowan, Rubin, 1996; Pascarella, Terenzini, 2005].

В научном сообществе нет принятого единого определения критического мышления [Halonen, 1995]. Формулировка «критическое мышление» используется в качестве общего термина, охватывающего широкий спектр навыков (см., например, [Brookfield, 1987; Ennis, 1987; Kuhn, 1991; Marcus, 1988; McGuinness, 1996; Halpern, 1993]). Несмотря на разногласия, многие эксперты сходятся во мнении, что критическое мышление включает в себя как навыки, так и черты характера (см., например, Ennis, 1987; Halpern, 1998)].

К навыкам критического мышления относятся: работа с аргументами, интерпретация, прогнозирование, анализ и оценка [Abrami et al., 2008]. Черты характера — это склонности и личностные характеристики индивида, связанные с такими аспектами критического мышления, как любопытство, любознательность, непредубежденность и осторожность в принятии решений [Facione, Facione, Sanchez, 1994]. Важность черт характера заключается в том, что человек с необходимыми навыками критического мышления может все еще не думать критически, если ему не хватает определенных черт характера.

Так как для написания этой статьи уровень критического мышления определялся с помощью теста, разработанного компанией “Educational Testing Services” (ETS), мы будем использовать определение, данное сотрудниками этой компании Л. Лиу, Л. Франкел и К. Рур. Они предложили рамку, содержащую пять размерностей критического мышления, которые можно объединить в три группы: аналитический компонент, синтетический компонент и общий, — и определили критическое мышление как умение критически оценивать аргументы, выбирать наиболее подходящие из них, находить слабые и сильные стороны аргументации, включать аргументы в более широкий контекст и оценивать их следствия [Liu, Frankel, Roohr, 2014].

Согласно философским идеям, человеческий разум является универсальным [Chomsky, 1959]. Это предположение приводит к идее о том, что экспериментальные парадигмы и тесты могут быть использованы во всех культурах. Однако классики кросс-культурных исследований отказываются от предположения универсальности [Markus, Kitayama, 1991]. Уже считается доказанным, что культура играет важную роль в развитии когнитивных, аффективных и мотивационных

процессов. Через социализацию у человека складывается взгляд на мир, на себя и на себя в мире [Markus, Kitayama, Heiman, 1996; Shweder, 1998]. Например, ученые рассмотрели культурные различия в мышлении и пришли к выводу, что жители Запада более склонны к использованию аналитического мышления, в то время как жители Востока больше используют холистическое мышление. Различия в видах мышления объясняются различиями между индивидуалистической и коллективистской культурами, к которым относится и Россия [Heine, Lehman, 1999; Markus, Kitayama, 1991].

Между Россией и другими странами помимо культурных существуют различия в образовательных традициях. В некоторых странах господствует французская модель университета, в некоторых — модель Гумбольдта, в то время как в России еще сильны образовательные традиции, наследованные от Советского Союза. Поэтому результаты зарубежных исследований не могут быть напрямую применены к российским реалиям: педагогические практики, способствующие развитию критического мышления в российских вузах, требуют отдельного изучения. Целью данной статьи является исследование связи проектной деятельности студентов и выступлений с презентациями с развитием критического мышления в российских вузах. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают конструктивистские практики, а именно связь критического мышления студентов с их участием в групповых и индивидуальных проектах и выступлениях с презентациями перед аудиторией.

Практики развития критического мышления

Рассмотрим причинно-следственную модель, предложенную Е. Т. Паскарелла на основании проведенных эмпирических исследований [Pascarella, 1985]. Модель включает прямые и косвенные эффекты, связанные с образовательными результатами студентов, в том числе и с критическим мышлением как одним из основных образовательных результатов (см. рис. 1).

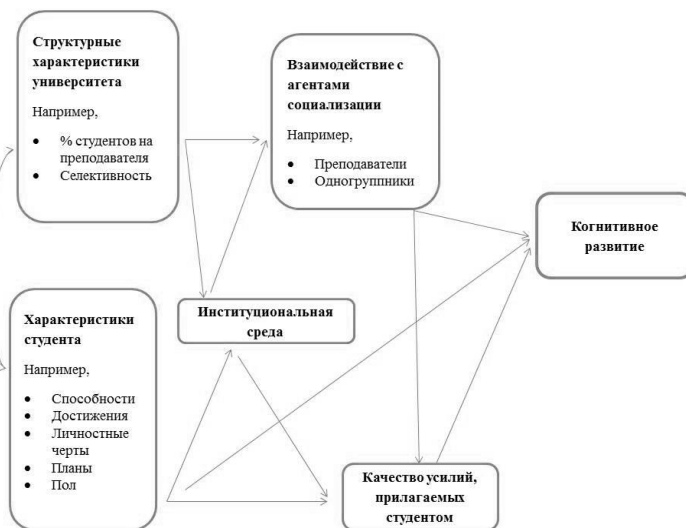

Рисунок 1. Причинно-следственная модель Е. Т. Паскарелла [Pascarella, 1985]

Модель включает в себя пять основных наборов характеристик, влияющих на когнитивное развитие студентов: структурные характеристики университета, характеристики институциональной среды, взаимодействие с агентами социализации, характеристики студента и качество усилий, прилагаемых студентом. Все перечисленные блоки связаны между собой. Так, структурные характеристики университета и институциональная среда вносят вклад в качество взаимодействия студентов с агентами социализации. Характеристики студентов, взаимодействие с преподавателями и институциональная среда сказываются на качестве усилий, прилагаемых студентом. И, наконец, характеристики студента, взаимодействие с агентами социализации и качество усилий, прилагаемых студентом, влияют на когнитивное развитие.

Согласно этой модели, характеристики образовательного процесса сказываются на развитии критического мышления. Большой объем исследований, включая несколько метаанализов, показывает, что существует множество методов развития критического мышления у студентов, хотя нет никакой гарантии, что они всегда будут работать [см. Abrami et al., 2008; Abrami et al., 2015; Behar-Horenstein, Niu, 2011; Dwyer, Hogan, Stewart, 2017; Facione, 1990; McCormick, Clark, Raines, 2015; Willingham, 2008]. В связи с этим встает вопрос, какие из предлагаемых методов наиболее эффективны.

Уже доказано многими исследователями, что обучение на основе запоминания (традиционное обучение) неизбежно отрицательно сказывается на развитии критического мышления (см., например, [Chapman, 2001; Lekalakala-Mokgele, 2010; Kek, Huijser, 2011]). Традиционное обучение дает студентам инертные знания, которые могут быть востребованы только в стенах образовательной организации, во время подготовки к тестам, экзаменам, но не могут быть перенесены в реальные ситуации.

Предполагается, что более востребованные на рынке труда знания могут быть получены с помощью методов обучения, которые поддерживают понимание изучаемой информации, подчеркивают важность применения полученных знаний, интегрируют теоретические и практические знания [Leinhardt, Young, Merriman, 1995; Lynton, Elman, 1987; Prenzel, Mandl, 1993]. С этими требованиями согласуется конструктивистский подход, поэтому создание конструктивистской среды является важной задачей для высшего образования (см., например, [Biggs, 1996]).

Развитию критического мышления способствуют обучающие стратегии, требующие от студентов умения анализировать, синтезировать и оценивать информацию, необходимую для решения поставленной перед ними задачи, с целью последующего принятия решения [размышления], а не просто повторения заученной информации [запоминания] [Snyder, Snyder, 2008]. Все перечисленные условия возможно реализовать при вовлечении студентов в проектную деятельность, как групповую (см., например, Fung, Howe, 2012)), так и индивидуальную [Chen, Lin, 2003], с последующей защитой результатов в форме выступления с презентацией [Astin, 1993; Tsui, 1999]. В ходе проектной деятельности студенты изучают материал, учатся понимать или решать задачи самостоятельно, экспериментируя, оценивая возможные ответы методом проб и ошибок [Snyder, Snyder, 2008]. Все перечисленные методы обучения являются составляющими конструктивистской среды обучения.

Управление экспертизы и оценки Гонконга (НКЕАА) настоятельно рекомендует включить в аудиторную практику выполнение студентами групповых проектов¹. НКЕАА утверждает, что благодаря групповой проектной работе студенты глубже осваивают материал, анализируют суть вопросов, оценивают различные мнения и выносят аргументированные суждения. В качестве одной из причин, почему групповые проекты способствуют развитию критического мышления, ученые выделяют «исследовательские разговоры», которые ведут студенты в ходе выполнения проекта и которые позволяют им скептически отнестись к своим идеям [Webb, Gold, Qi, 1990; Mercer, 2002]. Некоторые исследования показывают, что групповая работа студентов лучше способствует развитию критического мышления, если она выполняется под руководством преподавателя [Zajac, Hartup, 1997].

Помимо групповых проектов преподаватели вовлекают студентов в выполнение индивидуальных проектов. Это предполагает, что студент займет активную позицию [Chen, Lin, 2003], будет собирать информацию, выбирать подходящие стратегии и решения, что будет способствовать развитию навыков критического мышления [Popil, 2011].

Также в ходе исследований доказано, что с уровнем развития критического мышления положительно связано представление презентаций перед группой студентов и преподавателей [Astin, 1993; Tsui, 1999]. В процессе подготовки к выступлению студент, так же, как и в случае с групповым и индивидуальным проектом, работает с информацией и впоследствии ее презентует. В данном случае имеет большое значение, чтобы студент презентовал свои собственные идеи, а также чтобы слушатели задавали такие вопросы, которые будут как доказывать наличие уже достигнутого уровня развития критического мышления, так и стимулировать к дальнейшему развитию [Tofade, Elsner, Haines, 2013].

Выборка и методология исследования

Для ответа на исследовательский вопрос использовались данные, собранные в ходе международного исследования качества инженерного образования SuperTest, разработанного сотрудниками НИУ «Высшая школа экономики» и Стэнфордского университета². Цель исследования SuperTest заключается в том, чтобы сравнить уровень готовности студентов технических специальностей стран БРИКС к обучению в вузе, а также оценить подготовку студентов по окончании второго и четвертого курсов.

Тест для оценки критического мышления разрабатывался компанией “Educational Testing Service” (ETS). В целях исследования SuperTest тест был переведен на русский язык и адаптирован для использования на российской выборке студентов. Надежность данных (α Кронбаха) составила 0,78. Тест определяет умение критически оценивать аргументы, выбирать наиболее подходящие из них, находить слабые и сильные стороны аргументации, включать аргументы в более широкий контекст и оценивать их следствия.

¹ Curriculum Development Council and Hong Kong Examination and Assessment Authority (CDC/НКЕАА) (2007, 2014). Liberal studies: Curriculum and Assessment Guide (Secondary 4—6). Hong Kong: Education Bureau. URL: https://334.edb.hkedcity.net/new/doc/eng/LS%20C&A%20Guide_updated_e.pdf (accessed: 12.12.2019).

² SuperTest — Сравнительное исследование образовательных достижений студентов инженерных специальностей вузов в России, Китае и США // Высшая школа экономики. URL: https://ioe.hse.ru/monitoring/ishel_sravn (дата обращения: 07.12.2019).

Исследование SuperTest носило лонгитюдный характер и имело две волны. Участвующие студенты в ходе первой волны в 2015 г. были разделены на две когорты в зависимости от курса обучения — студенты первого (первая когорта) и третьего курсов (вторая когорта). На следующий год студенты первой когорты перешли на второй курс и выполнили те же самые тесты, что и на первом году обучения. Студенты же третьего курса перешли на четвертый курс и тоже выполнили такие же тесты, которые выполняли, учась на третьем курсе. Таким образом, в ходе исследования SuperTest данные были собраны на одних и тех же студентах — первого и затем второго курса, третьего и затем четвертого. Графически дизайн исследования представлен на рисунке 2.

Рисунок 2. Дизайн исследования SuperTest в России³

Вузы для участия в исследовании SuperTest отбирались на основании базы, предоставленной Министерством образования и науки РФ (МОН РФ). На первом этапе был сформирован список вузов, где осуществляется подготовка по направлениям «Компьютерные науки» и «Электротехника», так как именно эти направления были выбраны разработчиками для исследования. Выбор направлений был обусловлен их важностью для технического прогресса. Далее из всего списка вузов случайным образом были отобраны 35 российских вузов, из которых шесть имеют статус национального исследовательского университета, десять вузов расположены на территории Москвы и Санкт-Петербурга, десять относятся к высокоселективным вузам (с высокими вступительными баллами).

В каждом вузе случайным образом отбиралось до 60 студентов первого курса и столько же третьего курса. Если же количество студентов, обучающихся в вузе по названным направлениям, не достигало 60 человек, то принимали участие все студенты. В связи с тем, что тестирование проводилось по нескольким предметам, предмет, по которому студент будет писать тест, определялся автоматически системой тестирования.

³ Источник: О проекте: Международное сравнительное исследование образовательных достижений студентов инженерных направлений подготовки вузов (Study of Undergraduate Performance) // Высшая школа экономики. URL: <https://ioe.hse.ru/superproject/about/#design> (дата обращения: 12.12.2019).

Нас интересуют только студенты, которые выполняли тест на третьем и на четвертом курсах (вторая когорта), объем выборки этих студентов составил 397 человек. Среди них 75 % студентов мужского пола и 25 % — женского. Средний возраст — 23 года.

В качестве метода анализа был выбран регрессионный анализ, так как он позволяет проверить направление и силу связи между зависимой переменной и несколькими независимыми переменными. Согласно, М. Кутнер, С. Начшейм, Д. Нетер регрессионный анализ может использоваться в случаях, когда необходимо: 1) описать взаимосвязь переменных; 2) проконтролировать переменные; 3) сделать прогноз [Kutner, Nachtsheim, Neter, 2004]. Для наших целей данный вид анализа подходит, так как связь между переменными линейная, что было проверено путем построения диаграммы рассеяния. Основной недостаток данного метода в том, что он имеет корреляционный дизайн и не позволяет делать причинно-следственных выводов.

При построении регрессионных моделей в качестве зависимой переменной выступал балл за тест по критическому мышлению. Перед включением в модель тестовые баллы, набранные студентами за тест по критическому мышлению, для удобства интерпретации были стандартизированы. Стандартизация тестовых баллов проводилась со средним = 0 и стандартным отклонением = 1.

В качестве основных независимых переменных были выбраны переменные, в которых аккумулировались ответы студентов на вопрос анкеты «За последние четыре семестра (включая этот), в среднем, как часто Ваши преподаватели использовали следующие формы работы?». В качестве форм контроля предлагались следующие варианты:

1. индивидуальные проекты,
2. групповые проекты,
3. презентации.

Студенты могли выбрать из четырех ответов:

1. раз в неделю или чаще,
2. менее одного раза в неделю, но как минимум раз в месяц,
3. менее одного раза в месяц, но как минимум раз в семестр,
4. никогда.

Для удобства интерпретации результатов регрессионного анализа крайние категории были объединены с соседними и в анализ включались варианты ответов «часто» (1) и «редко или никогда» (0). Результаты предварительного анализа с помощью критерия t-test подтвердили, что различия тестового балла между соседними категориями статистически незначимы.

Контрольные переменные пошагово включались в модель (результат теста по критическому мышлению за предыдущую волну исследования — на третьем курсе), социально-экономический статус (СЭС), взаимодействие с преподавателями, специальность, на которой обучаются студенты, средний балл ЕГЭ вуза). Выбор контрольных переменных для включения в анализ основывался на модели Е. Т. Паскарелла [Pascarella, 1985] (см. рис. 1), а также на основании анализа показателей качества модели регрессии (R^2), критериев Акаике (AIC) и Шварца (BIC).

Для оценки уровня СЭС семьи студента был сделан индекс из ответов на следующие вопросы анкеты: есть ли у вас дома холодильник, стиральная машина, пылесос?

Анкета включала большее количество вопросов о материальном благосостоянии семей студентов, однако факторный анализ показал, что в один фактор объединяются именно эти вопросы. Показатель надежности шкалы «СЭС» α -Кронбаха = 0,7.

Для оценки взаимодействия с преподавателями была создана специальная шкала, состоящая из нескольких вопросов. Состав вопросов определялся путем факторного анализа. Показатель надежности шкалы α -Кронбаха = 0,7. Факторные нагрузки приведены в *Приложении*.

В качестве контрольной переменной, отвечающей за характеристики вуза, была выбрана переменная «средний балл ЕГЭ абитуриентов». Данная переменная взята из исследования «Мониторинг эффективности деятельности вузов» за 2016 г. (год проведения второй волны исследования SuperTest, результаты которой анализируются в данной статье).

В связи с тем, что мы имеем дело с иерархической выборкой, была сделана коррекция регрессионных остатков по кластерам методом Хубера-Уайта во всех моделях.

Описание результатов исследования

На рисунке 3 представлено распределение частоты участия студентов в исследуемых формах активности. Анализ паттернов ответов участников исследования на вопросы, связанные с частотой участия в проектной деятельности и выступлениях с презентацией показывает, что в индивидуальных и групповых проектах, а также в выступлениях с презентациями, участвуют как минимум раз в месяц от 23% до 26% студентов. Больше всего студентов вовлекаются в исследуемые виды активности не менее одного раза в семестр. Обращает на себя внимание факт, что не менее 10% студентов, обучающихся на четвертом курсе, никогда не участвовали в проектной деятельности, не выступали с презентациями, примерно такой же процент студентов делают это не реже одного раза в неделю.

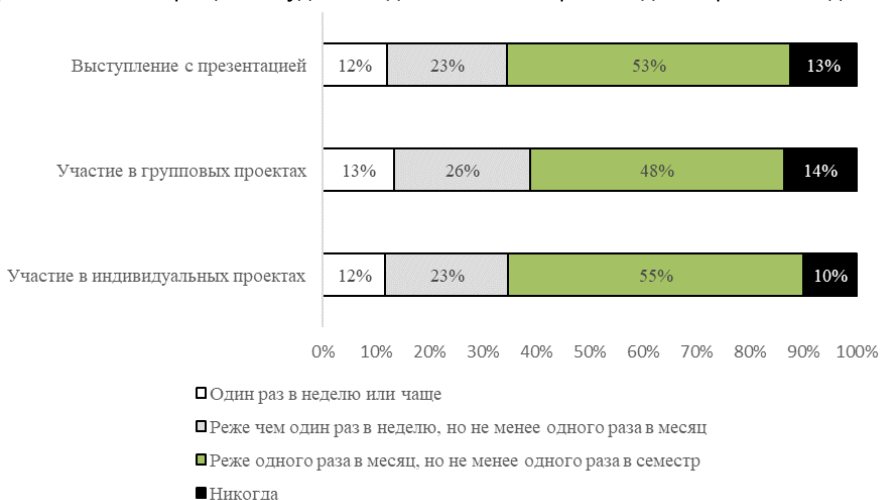

Рисунок 3. Частота участия студентов в проектной деятельности и выступлениях с презентациями (ответ на вопрос: «За последние четыре семестра (включая этот), в среднем, как часто Ваши преподаватели использовали следующие формы контроля знаний?»)

Результаты регрессионного анализа, с помощью которого оценивались направление и сила связи между уровнем развития критического мышления студентов и проектной деятельностью и выступлениями с презентациями, представлены в таблице 1. Данные были проверены на наличие выбросов, мультиколлинеарность и гетероскедастичность. В ходе проверки обнаруженные выбросы были удалены из анализа. Мультиколлинеарность между переменными, включенными в модель, отсутствует. Проверка на гетероскедастичность показала отсутствие статистически значимых связей остатков с предикторами — данные гомоскедастичны.

В соответствии с результатами анализа все основные независимые переменные — предикторы отрицательно и статистически значимо связаны с баллом за тест по оценке критического мышления. Это означает, что повышение значения предиктора снижает балл за тест по критическому мышлению. Значения коэффициентов в уравнениях регрессии показывают на размер стандартного отклонения, на который происходит снижение тестового балла при повышении значения предиктора на единицу. Так как категориями предикторов выступали «0 — часто» и «1 — редко или никогда», то коэффициент уравнения регрессии показывает значение стандартного отклонения, на которое происходит снижение тестового балла, если исследуемые виды активности начинают применяться часто.

Минимальное значение, на которое снижается тестовый балл при частом применении исследуемых форм активности, без контроля других переменных составляет 0,34 стандартных отклонения. Это актуально для групповых проектов. Максимальное значение, на которое происходит снижение тестового балла, без контроля других переменных составляет 0,46 стандартных отклонения. Это характерно для выступления с презентацией.

При контроле других переменных размер стандартного отклонения, на которое снижается балл за тест критического мышления, уменьшается, но значимость и отрицательное направление связи сохраняются. Это означает, что независимо от того, в каком вузе обучается студент, каков его ЭЭС, как часто он взаимодействует с преподавателем, все равно чем чаще он вовлекается в исследуемые виды активности, тем ниже его балл за тест по оценке критического мышления.

Анализ контрольных переменных показывает, что положительно связаны с уровнем развития критического мышления балл за предыдущую волну исследования, взаимодействие с преподавателями, специальность, на которой обучается студент (результаты выше у студентов, обучающихся на специальности «Компьютерные науки»). Социально-экономический статус студента, который выражается как материальное благосостояние семьи, отрицательно связан с баллом за тест по оценке критического мышления.

Важно отметить, что по результатам регрессионного анализа нельзя делать выводы о причинно-следственной связи, так как данный вид анализа имеет корреляционный дизайн. Процент объясненной дисперсии (R-squared) в полных моделях варьируется от 39 % до 45 %, тогда как в модели без зависимых переменных значение R-squared не более 5 %. Это говорит о том, что в полной модели есть неучтенные факторы, связанные с баллом за тест по критическому мышлению, и основные предикторы вносят небольшой вклад в объяснение вариации тестовых баллов.

Таблица 1. Результаты оценки связи уровня развития критического мышления и проектной деятельности, а также выступлений с презентациями

Переменные	За последние четыре семестра (включая этот), в среднем, как часто Ваши преподаватели использовали следующие формы контроля знаний?											
	Групповые проекты				Индивидуальные проекты				Презентации			
	(1)	(2)	(3)	(4)	(1)	(2)	(3)	(4)	(1)	(2)	(3)	(4)
Форма контроля знаний	-0,34*** (0,1)	-0,21*** (0,08)	-0,24*** (0,08)	-0,24*** (0,08)	-0,44*** (0,1)	-0,18** (0,08)	-0,19** (0,08)	-0,19** (0,08)	-0,46*** (0,10)	-0,21*** (0,08)	-0,23*** (0,08)	-0,23*** (0,08)
Балл за тест по оценке критического мышления в предыдущей волне исследования		0,59*** (0,04)	0,55*** (0,05)	0,55*** (0,05)		0,58*** (0,04)	0,55*** (0,04)	0,55*** (0,04)		0,58*** (0,04)	0,55*** (0,04)	0,55*** (0,04)
СЭС		-0,48 (0,32)	-0,47 (0,32)	-0,47* (0,27)		-0,66** (0,29)	-0,62** (0,29)	-0,62*** (0,20)		-0,64** (0,29)	-0,60** (0,29)	-0,60*** (0,20)
Взаимодействие с преподавателем		0,12** (0,06)	0,10* (0,06)	0,10* (0,06)		0,13** (0,07)	0,12** (0,07)	0,12* (0,06)		0,13** (0,06)	0,12** (0,06)	0,12* (0,06)
Специальность, на которой обучаются студенты (1 — компьютерные специальности; 0 — электротехника)			0,26*** (0,08)	0,26*** (0,09)			0,18** (0,08)	0,18* (0,09)			0,18** (0,08)	0,18* (0,09)
Средний балл ЕГЭ абитуриентов в вузе			0,01 (0,00)	0,01 (0,01)			0,01 (0,00)	0,01 (0,01)			0,01 (0,01)	0,01 (0,01)
Константа	0,18*** (0,06)	0,31 (0,37)	-0,36 (0,57)	-0,16 (0,87)	0,15** (0,06)	0,44 (0,34)	-0,27 (0,90)	-0,27 (0,90)	0,16*** (0,06)	0,44 (0,34)	-0,30 (0,55)	-0,30 (0,89)
Количество наблюдений	353	353	353	353	391	388	388	388	391	388	388	388
R-squared	0,03	0,39	0,41	0,39	0,05	0,44	0,44	0,44	0,05	0,44	0,45	0,45

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Выводы

Результаты данного исследования противоречат результатам исследований, проводимых за рубежом. Зарубежные исследователи показывают, что проектная деятельность и выступление с презентацией — одни из лучших преподавательских практик для формирования критического мышления внутри предмета [Fung, Howe, 2012; Webb, Gold, Qi, 1990; Mercer, 2002; Chen, Lin, 2003]. Также, согласно зарубежным исследованиям, чем выше социально-экономический статус семьи студента, тем лучше его академические достижения [Sirin, 2005]. Однако в российских вузах ситуация обстоит иначе.

Полученные результаты показывают, что развитие критического мышления российских студентов положительно связано с взаимодействием с преподавателями. Студенты, которые часто задают вопросы преподавателям как непосредственно на занятиях, так и после занятий, имеют более высокий балл по тесту критиче-

ского мышления. Данный факт соответствует ранее проведенным исследованиям (например, [Sanders, Wright, Horn, 1997]). Это говорит о том, что преподавателям следует уделять большее внимание общению со студентами.

Интересно отметить, что балл за тест по критическому мышлению выше у студентов, обучающихся на специальностях «Компьютерные науки», чем у студентов, обучающихся на программах «Электротехника». Также у тех студентов, у которых балл был высоким на третьем курсе, высокая вероятность, что балл останется высоким и на четвертом курсе.

Автором запланировано дальнейшее исследование, которое позволит понять причины, по которым лучшие зарубежные практики по развитию критического мышления в России отрицательно связаны с баллом за тест по оценке критического мышления.

Дискуссия

Образование отражает общественные изменения, поскольку это один из ключевых социальных институтов. Учитывая трансформацию рынка труда, связанную с автоматизацией многих рабочих процессов, а также тенденцию к сокращению численности населения, остро встает вопрос о повышении производительности и развитии способностей выполнять нерутинные операции у выпускников вузов. Учитывая этот факт, научное сообщество уже пересматривает теорию человеческого капитала, включая в нее новые элементы, такие как универсальные компетентности, базовые некогнитивные характеристики, агентность или активная самостоятельность (предпринимательский компонент) [Кузьминов, Сорокин, Фрумин, 2019]. Навык критического мышления встроен в новую рамку Человеческого капитала, поэтому важно понять, почему успешные зарубежные практики работают в России в обратном направлении. Однако инструментарий исследования SuperTest не дает нам этой возможности, поэтому представленное в этом разделе рассуждение имеет вероятностный характер и основывается на результатах других исследований, требуя дополнительной проверки на российской выборке.

Критическое мышление не врожденная способность, оно не появляется автоматически в виде побочного результата обучения в какой-то области. Хотя некоторые студенты от природы любознательны, тем не менее требуется постоянная тренировка, чтобы развить навыки критического мышления [Snyder, Snyder, 2008; Baron, 1990; Lundquist, 1999]. При этом авторы российских исследований показывают, что в России в большинстве своем преподаватели игнорируют обучение критическому мышлению, считая, что оно само формируется в процессе обучения (см., например, [Плотникова, 2009]). Причин тому может быть несколько.

Во-первых, учителя часто не обучены методологии развития у студентов критического мышления [Broadbear, 2003]. Во-вторых, временные ограничения препятствуют интеграции в преподавательский процесс условий, способствующих развитию навыков критического мышления. Преподаватели часто вынуждены уложить в сжатое время большой объем содержания. Когда основное внимание уделяется содержанию, а не обучению навыкам мышления студентов, нормой становятся лекции. Читать лекции быстрее и проще, чем обучать студентов на основе проектов [Snyder, Snyder, 2008].

Если преподаватель в рамках своего курса вовлекает студентов в проектную деятельность, причина, способная лишить студентов желания думать, может быть связана с требованиями, которые предъявляют преподаватели при защите результатов проектов. Как показывают результаты исследований, преподаватель зачастую требует от студента лишь демонстрации заученного материала [Tofade, Elsner, Haines, 2013; Sato et al., 2015]. Если использовать таксономию образовательных результатов Б. Блума, то проверка часто проводится не выше уровня «применение», тогда как критическое мышление начинает развиваться, когда со студентами работают на уровнях не ниже уровня «анализ». Заучивание информации приводит к поверхностному обучению и не способствует развитию навыков высокого порядка, в том числе критического мышления [Durning et al., 2016].

Важной составляющей для развития критического мышления при оценке результатов проектной деятельности является наличие обратной связи [Kreitzberg, Kreitzberg, 2010; Halpern, 1998]. Однако преподаватели чаще сообщают студентам итоговый результат, не углубляясь в анализ [Bensley, Murtagh, 2012].

Важно отметить, что если преподаватель планирует развивать у студентов навыки критического мышления, то он должен относиться к студентам не как к получателям информации, а как к активным пользователям. Среда обучения, в которой студенты активно участвуют в поиске информации и применении полученных знаний, будет способствовать развитию навыков критического мышления студентов [Snyder, Snyder, 2008]. Одним из способов организации такой среды является проектное обучение.

Список литературы (References)

Кузьминов Я. И., Сорокин П. С., Фруммин И. Д. Общие и специальные навыки как компоненты человеческого капитала: новые вызовы для теории и практики образования // Форсайт. 2019. Т. 13. № 2. С. 19—41. <http://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.19.41>.

Kuzminov Ya.I., Sorokin P.S., Froumin I.D. (2019) Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice. *Foresight and STI Governance*. Vol. 13. No. 2. P. 19—41. <http://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.19.41>. (In Russ.).

Плотникова Н. Ф. Критическое мышление и его формирование в высшем учебном заведении // Образовательные технологии и общество. 2009. Т. 12. № 1. С. 396—400.

Plotnikova N. F. (2009) Critical Thinking and Its Formation in Higher Education Institution. *Educational Technology and Society*. Vol. 12. No. 1. P. 396—400. (In Russ.).

Шакирова Д. М. Формирование критического мышления учащихся и студентов: модель и технология // Образовательные технологии и общество. 2006. Т. 9. № 4. С. 284—292.

Shakirova D.M. (2006) The Formation of Critical Thinking of Pupils and Students: Model and Technology. *Educational Technology and Society*. Vol. 9. No. 4. P. 284—292. (In Russ.).

Abrami P. C., Bernard R. M., Borokhovski E., Wade A., Surkes M. A., Tamim R., Zhang D. (2008) Instructional Interventions Affecting Critical Thinking Skills and Dispositions: A Stage 1 Meta-Analysis. *Review of Educational Research*. Vol. 78. No. 4. P. 1102—1134. <https://doi.org/10.3102/0034654308326084>.

Abrami P. C., Bernard R. M., Borokhovski E., Waddington D. I., Wade A., Persson T. (2015) Strategies for Teaching Students to Think Critically: A Meta-Analysis. *Review of Educational Research*. Vol. 85. No. 2. P. 275—314. <https://doi.org/10.3102/0034654314551063>.

Astin A. W. (1993) What Matters in College? Four Critical Years Revisited. San Francisco, CA: Jossey-Bass.

Baron J. B. (1990) How Science is Tested and Taught in Elementary School Science Classrooms: A Study of Classroom Observations and Interviews. Annual Meeting of the American Educational Research Association. Boston, MA.

Barton K., McCully A. (2007) Teaching Controversial Issues... Where Controversial Issues Really Matter. *Teaching History*. No. 127. P. 13—19.

Behar-Horenstein L. S., Niu L. (2011) Teaching Critical Thinking Skills in Higher Education: A Review of the Literature. *Journal of College Teaching & Learning (TLC)*. Vol. 8. No. 2. P. 25—42. <https://doi.org/10.19030/tlc.v8i2.3554>.

Bensley D. A., Murtagh M. P. (2012) Guidelines for a Scientific Approach to Critical Thinking Assessment. *Teaching of Psychology*. Vol. 39. No. 1. P. 5—16. <https://doi.org/10.1177/0098628311430642>.

Bers T. H., McGowan M., Rubin A. (1996) The Disposition to Think Critically among Community College Students: The California Critical Thinking Dispositions Inventory. *The Journal of General Education*. Vol. 45. No. 3. P. 197—223.

Biggs J. (1996) Enhancing Teaching through Constructive Alignment. *Higher Education*. Vol. 32. No. 3. P. 347—364. <https://doi.org/10.1007/BF00138871>.

Broadbear J. (2003) Essential Elements of Lessons Designed to Promote Critical Thinking. *Journal of the Scholarship of Teaching and Learning*. Vol. 3. No. 3. P. 1—8.

Brookfield S. (1987) Developing Critical Thinkers. Challenging Adults to Explore Alternative Ways of Thinking and Acting. San Francisco: Jossey-Bass.

Burbach M. E., Matkin G. S., Fritz S. M. (2004) Teaching Critical Thinking in an Introductory Leadership Course Utilizing Active Learning Strategies: A Confirmatory Study. *College Student Journal*. Vol. 38. No. 3. P. 482—493.

Chapman B. S. (2001) Emphasizing Concepts and Reasoning Skills in Introductory College Molecular Cell Biology. *International Journal of Science Education*. Vol. 23. No. 11. P. 1157—1176. <https://doi.org/10.1080/09500690110038594>.

Chen F. C., Lin M. C. (2003) Effects of a Nursing Literature Reading Course on Promoting Critical Thinking in Two-Year Nursing Program Students. *Journal of Nursing Research*. Vol. 11. No. 2. P. 137—147. <https://doi.org/10.1097/01.jnr.0000347629.80100.b2>.

Chomsky N. (1959) A Review of B. F. Skinner's Verbal Behavior. *Language*. Vol. 35. No. 1. P. 26—58.

Darling-Hammond L., Barron B. (2008) How Can We Teach for Meaningful Learning. In: Darling-Hammond L., Barron B., Pearson P. D., Schoenfeld A. H., Stage E. K., Zimmerman T. D., Cervetti G. N., Tilson J. L., Chen M. *Powerful Learning: What We Know About Teaching for Understanding*. San Francisco, CA: Jossey-Bass. P. 11—70.

Durning S. J., Dong T., Ratcliffe T., Schuwirth L., Artino A. R., Boulet J. R., Eva K. (2016) Comparing Open-Book and Closed-Book Examinations: A Systematic Review. *Academic Medicine*. Vol. 91. No. 4. P. 583—599. <https://doi.org/10.1097/ACM.0000000000000977>.

Dwyer C. P., Hogan M. J., Stewart I. (2014) An Integrated Critical Thinking Framework for the 21st Century. *Thinking Skills and Creativity*. Vol. 12. P. 43—52. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2013.12.004>.

Ennis R. H. (1987) A Taxonomy of Critical Thinking Dispositions and Abilities. In: Baron J. B., Sternberg R. J. (eds.) *Teaching Thinking Skills Theory and Practice*. New York: Freeman. P. 9—26.

Facione N. C., Facione P. A. (2001) Analyzing Explanations for Seemingly Irrational Choices: Linking Argument Analysis and Cognitive Science. *International Journal of Applied Philosophy*. Vol. 15. No. 2. P. 267—286. <https://doi.org/10.5840/ijap200115217>.

Facione N. C., Facione P. A., Sanchez C. A. (1994) Critical Thinking Disposition as a Measure of Competent Clinical Judgment: The Development of the California Critical Thinking Disposition Inventory. *Journal of Nursing Education*. Vol. 33. No. 8. P. 345—350. <https://doi.org/10.3928/0148-4834-19941001-05>.

Facione P. A. (1990) The California Critical Thinking Skills Test — College Level. Technical Report #2. Factors Predictive of CT Skills. Millbrae, CA: California Academic Press.

Fung D., Howe C. (2012) Liberal Studies in Hong Kong: A New Perspective on Critical Thinking through Group Work. *Thinking Skills and Creativity*. Vol. 7. No. 2. P. 101—111. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2012.04.002>.

Gambrill E. (2006) Evidence-Based Practice and Policy: Choices Ahead. *Research on Social Work Practice*. Vol. 16. No. 3. P. 338—357. <https://doi.org/10.1177/1049731505284205>.

Gellin A. (2003) The Effect of Undergraduate Student Involvement on Critical Thinking: A Meta-Analysis of the Literature 1991—2000. *Journal of College Student Development*. Vol. 44. No. 6. P. 746—762. <https://doi.org/10.1353/csd.2003.0066>.

Grimard Wilson D., Wagner E. E. (1981) The Watson — Glaser Critical Thinking Appraisal as a Predictor of Performance in a Critical Thinking Course. *Educational and Psychological Measurement*. 1981. Vol. 41. No. 4. P. 1319—1322. <https://doi.org/10.1177/001316448104100443>.

Halonen J. S. (1995) Demystifying Critical Thinking. *Teaching of Psychology*. Vol. 22. No. 1. P. 75—81. https://doi.org/10.1207/s15328023top2201_23.

Halpern D. F. (2001) Assessing the Effectiveness of Critical Thinking Instruction. *The Journal of General Education*. Vol. 50. No. 4. P. 270—286. <https://doi.org/10.1353/jge.2001.0024>.

Halpern D. F. (1993) Assessing the Effectiveness of Critical-Thinking Instruction. *The Journal of General Education*. Vol. 43. No. 4. P. 238—254.

Halpern D. F. (1998) Teaching Critical Thinking for Transfer across Domains: Disposition, Skills, Structure Training, and Metacognitive Monitoring. *American Psychologist*. Vol. 53. No. 4. P. 449—455. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.53.4.449>.

Heine S. J., Lehman D. R. (1999) Culture, Self-Discrepancies, and Self-Satisfaction. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 25. No. 8. P. 915—925. <https://doi.org/10.1177/01461672992511001>.

Holmes J., Clizbe E. (1997) Facing the 21st Century. *Business Education Forum*. Vol. 52. No. 1. P. 33—35.

Jääskelä P., Nykänen S., Tynjälä P. (2018) Models for the Development of Generic Skills in Finnish Higher Education. *Journal of Further and Higher Education*. Vol. 42. No. 1. P. 130—142. <https://doi.org/10.1080/0309877X.2016.1206858>.

Kek M. Y.C.A., Huijser H. (2011) The Power of Problem-Based Learning in Developing Critical Thinking Skills: Preparing Students for Tomorrow's Digital Futures in Today's Classrooms. *Higher Education Research & Development*. Vol. 30. No. 3. P. 329—341. <https://doi.org/10.1080/07294360.2010.501074>.

Kreitzberg A., Kreitzberg C. (2010) The Business Case for Critical Thinking. <http://www.agilecriticalthinking.com/Portals/0/WhitePapers/The%20Business%20Case%20for%20Critical%20Thinking%20for%20Web%20v2.pdf>.

Ku K. Y.L. (2009) Assessing Students' Critical Thinking Performance: Urging for Measurements Using Multi-Response Format. *Thinking Skills and Creativity*. Vol. 4. No. 1. P. 70—76. <https://doi.org/10.1016/j.tsc.2009.02.001>.

Kuhn D. (1991) *The Skills of Argument*. New York: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511571350>.

Kutner M., Nachtsheim C., Neter J. (2004) *Applied Linear Regression Methods*. New York: McGraw-Hill/Irwin.

Leinhardt G., Young K. M.C., Merriman J. (1995) Integrating Professional Knowledge: The Theory of Practice and the Practice of Theory. *Learning and Instruction*. Vol. 5. No. 4. P. 401—408. [https://doi.org/10.1016/0959-4752\(95\)00025-9](https://doi.org/10.1016/0959-4752(95)00025-9).

Lekalakala-Mokgele E. (2010) Facilitation in Problem-Based Learning: Experiencing the Locus of Control. *Nurse Education Today*. Vol. 30. No. 7. P. 638—642. <https://doi.org/10.1016/j.nedt.2009.12.017>.

Liu O. L., Frankel L., Roohr K. C. (2014) Assessing Critical Thinking in Higher Education: Current State and Directions for Next-Generation Assessment. ETS Research Report Series. No. RR-14—10. <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1109287.pdf>.

Lundquist R. (1999) Critical Thinking and the Art of Making Good Mistakes. *Teaching in Higher Education*. Vol. 4. No. 4. P. 523—530. <https://doi.org/10.1080/1356251990040408>.

Lynton E. A., Elman S. E. (1987) *New Priorities for the University. Meeting Society's Needs for Applied Knowledge and Competent Individuals*. San Francisco, CA: Jossey-Bass.

Marcus E. C. (1988) Book Review: Brookfield S. D. *Developing Critical Thinkers: Challenging Adults to Explore Alternative Ways of Thinking and Acting*. *Academy of Management Perspectives*. Vol. 2. No. 4. P. 338—339. <https://doi.org/10.5465/ame.1988.4274785>.

Markus H. R., Kitayama S. (1991) Culture and the Self: Implications for Cognition, Emotion, and Motivation. *Psychological Review*. Vol. 98. No. 2. P. 224—253. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.98.2.224>.

Markus H. R., Kitayama S., Heiman R. J. (1996) Culture and “Basic” Psychological Principles. In: Higgins E. T., Kruglanski A. W. (eds.) *Social Psychology: Handbook of Basic Principles*. New York: Guilford Press. P. 857—913.

McCormick N. J., Clark L. M., Raines J. M. (2015) Engaging Students in Critical Thinking and Problem Solving: A Brief Review of the Literature. *Journal of Studies in Education*. Vol. 5. No. 4. P. 100—113. <https://doi.org/10.5296/jse.v5i4.8249>.

McGuinness C. (1996) Talking about Thinking: The Role of Metacognition in Teaching Thinking. *Lines of Thinking*. Vol. 2. P. 310—312.

McGuinness C. (2013) *Teaching Thinking: Learning How to Think*. Psychological Society of Ireland and British Psychological Association's Public Lecture Series. Galway, Ireland.

Mercer N. (2002) *Words and Minds: How We Use Language to Think Together*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203464984>.

Pascarella E. T. (1985) Students' Affective Development within the College Environment. *The Journal of Higher Education*. Vol. 56. No. 6. P. 640—663. <https://doi.org/10.2307/1981072>.

Pascarella E. T. Terenzini P. T. (2005) *How College Affects Students: A Third Decade of Research*. Volume 2. San Francisco, CA: Jossey-Bass.

Pithers R. T., Soden R. (2000) Critical Thinking in Education: A Review. *Educational Research*. Vol. 42. No. 3. P. 237—249. <https://doi.org/10.1080/001318800440579>.

Popil I. (2011) Promotion of Critical Thinking by Using Case Studies as Teaching Method. *Nurse Education Today*. Vol. 31. No. 2. P. 204—207. <https://doi.org/10.1016/j.nedt.2010.06.002>.

- Prenzel M., Mandl H. (1993) Transfer of Learning from a Constructivist Perspective. In: Duffy T. M., Lowyck J., Jonassen D. H. (eds.) *Designing Environments for Constructive Learning*. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag. P. 315—329.
- Rideout W., Carpio B. (2001) The Problem-Based Learning Model of Nursing Education. In: Rideout E. (ed.) *Transforming Nursing Education through Problem-Based Learning*. Mississauga: Jones and Bartlett Publishers. P. 21—49.
- Reinstein A., Lander G. H. (2008) Developing Critical Thinking in College Programs. *Research in Higher Education Journal*. No. 1. P. 78—94.
- Sanders W. L., Wright S. P., Horn S. P. (1997) Teacher and Classroom Context Effects on Student Achievement: Implications for Teacher Evaluation. *Journal of Personnel Evaluation in Education*. Vol. 11. No. 1. P. 57—67. <https://doi.org/10.1023/A%3A1007999204543>.
- Sato B. K., He W., Warschauer M., Kadandale P. (2015) The Grass isn't Always Greener: Perceptions of and Performance on Open-Note Exams. *CBE — Life Sciences Education*. Vol. 14. No. 2. <https://doi.org/10.1187/cbe.14-08-0121>.
- Shweder R. A. (ed.) (1998) *Welcome to Middle Age! (And Other Cultural Fictions)*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Sirin S. R. (2005) Socioeconomic Status and Academic Achievement: A Meta-Analytic Review of Research. *Review of Educational Research*. Vol. 75. No. 3. P. 417—453. <https://doi.org/10.3102/00346543075003417>.
- Snyder L. G., Snyder M. J. (2008) Teaching Critical Thinking and Problem Solving Skills. *The Journal of Research in Business Education*. Vol. 50. No. 2. P. 90—99.
- Tofade T., Elsner J., Haines S. T. (2013) Best Practice Strategies for Effective Use of Questions as a Teaching Tool. *American Journal of Pharmaceutical Education*. Vol. 77. No. 7. P. 155. <https://dx.doi.org/10.5688%2Fajpe777155>.
- Tsui L. (1999) Courses and Instruction Affecting Critical Thinking. *Research in Higher Education*. Vol. 40. No. 2. P. 185—200.
- Lyman P., Varian H. R., Swearingen K., Charles P. (2003) *How Much Information?* Berkeley CA: University of California at Berkeley, School of Information Management and Systems.
- Webb N., Gold K., Qi S. (1990) *Validity of Alternative Measurement Procedures for Assessing Mathematical Problem-Solving Processes and Performance*. Los Angeles, CA: University of California.
- Willingham D. T. (2008) Critical Thinking: Why is It So Hard to Teach? *Arts Education Policy Review*. Vol. 109. No. 4. P. 21—32. <https://doi.org/10.3200/AEPR.109.4.21-32>.
- Zajac R. J., Hartup W. W. (1997) Friends as Coworkers: Research Review and Classroom Implications. *The Elementary School Journal*. Vol. 98. No. 1. P. 3—13.

**Приложение. Факторные нагрузки для шкал «СЭС»,
«Взаимодействие с преподавателем» и «Выполнение домашней работы»**

№ п/п	Формулировка вопроса	Факторная нагрузка
СЭС (Варианты ответа: 1 — есть в наличии; 2 — нет в наличии)		
	Есть ли в Вашей семье холодильник?	0,73
	Есть ли в Вашей семье стиральная машина?	0,74
	Есть ли в Вашей семье пылесос?	0,66
<i>Взаимодействие с преподавателем</i> (Варианты ответа: 1 = не менее одного раза на каждом занятии; 2 = не менее одного раза каждые 4—5 занятий; 3 = не менее одного раза в семестр; 4 = никогда или почти никогда)		
	В среднем, как часто Вы лично задаете преподавателям вопросы на занятиях?	0,44
	В среднем, как часто Вы обсуждаете вопросы с преподавателями на перемене или сразу после занятия?	0,69
	Как часто Вы общаетесь со своими преподавателями в их присутственные часы в университете? (Не на перемене или сразу после занятий)	0,66

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.07

Правильная ссылка на статью:

Щеглова И. А. Может ли вовлеченность студентов во внеучебные мероприятия способствовать развитию мягких навыков? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 111—121. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.07>.

For citation:

Shcheglova I. A. (2019) Can Student Engagement in Extracurricular Activities Facilitate the Development of Their Soft Skills? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 111—121. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.07>.

И. А. Щеглова

CAN STUDENT ENGAGEMENT IN EXTRACURRICULAR ACTIVITIES FACILITATE THE DEVELOPMENT OF THEIR SOFT SKILLS?

CAN STUDENT ENGAGEMENT IN EXTRACURRICULAR ACTIVITIES FACILITATE THE DEVELOPMENT OF THEIR SOFT SKILLS?

МОЖЕТ ЛИ ВОВЛЕЧЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ ВО ВНЕУЧЕБНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ СПОСОБСТВОВАТЬ РАЗВИТИЮ МЯГКИХ НАВЫКОВ?

*Irina A. SHCHEGLOVA*¹ — M.Ed., Ph.D. Candidate, Junior Researcher, Centre of Sociology of Higher Education
E-MAIL: irina.shcheglova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5949-9617>

ЩЕГЛОВА Ирина Александровна — магистр в области педагогических наук, кандидат на присуждение степени PhD, младший научный сотрудник центра социологии высшего образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: irina.shcheglova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5949-9617>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. Critical thinking and teamwork have never been more important than they are in the 21st century. These skills

Аннотация. Такие навыки, как критическое мышление и работа в команде, приобрели особую важность в XXI веке.

are the key to success in the job market and an essential part of the university curriculum. Educators and education policy makers around the world look for ways to develop and improve these skills, for example, through student engagement in various activities on campus. The aim of this study is to investigate the contribution of student extracurricular engagement to the development of student soft skills.

The current study is based on the project “Student experience at the research university (SERU)”. The sample involves 3,344 respondents representing undergraduate students enrolled in different majors at a Russian national research university in the academic year of 2016-2017. Binary logistic regression was used to estimate the contribution of student extracurricular engagement. Results suggest that there is a statistically significant difference between the distributions of gains in interpersonal and teamwork skills of those students who were and those who were not involved in extracurricular activities.

The purpose of the study is to show that engaging students in the activities beyond classroom but closely tied to educational process increases their human and social capital up to the level required by higher education. Extracurricular activities facilitate student interpersonal communication and help develop teamwork competency. The findings might encourage university administration and academic staff to consider creating and promoting a place where students could reflect upon what they have learned and practice their skills.

Они считаются основополагающим условием успеха на рынке труда и важным аспектом учебной программы в университете. Во всем мире педагоги и политики в сфере образования ищут пути развития и совершенствования этих навыков у студентов, например, вовлекая их в различные мероприятия, реализуемые на базе университета. Цель данного исследования — оценить вклад участия студентов во внеучебных мероприятиях в развитии навыков межличностного общения и работы в команде.

Данное исследование было проведено в рамках проекта «Студенческий опыт в исследовательском университете» (SERU). В выборку вошли студенты-бакалавры разных направлений подготовки, проходящие обучение в российском национальном исследовательском университете в 2016/2017 учебном году (N = 3344 респондентов). Для оценки вклада студенческой вовлеченности во внеучебные мероприятия в развитии навыков межличностного общения и работы в команде используется бинарная логистическая регрессия. Полученные результаты подтверждают наличие статистически значимых различий в приросте навыков межличностного общения и работы в команде у студентов, участвующих во внеучебной деятельности и не участвующих.

Задача данной работы — показать, что вовлечение студентов в деятельность, выходящую за рамки образовательного процесса, происходящего в аудитории, но тесно связанную с ним, способствует росту их человеческого и социального капитала до уровня, требуемого высшим образованием.

Вовлечение студентов во внеучебную деятельность университетом способствует развитию у них навыков межличностного общения и работы в команде. Полученные результаты призваны мотивировать преподавательский и административный состав университета на создание и продвижение площадок, на которых студенты могли бы лучше понять изученный материал, соотнести имеющиеся и полученные знания, а также практиковать новые навыки.

Keywords: student experience, student engagement, extracurricular activities, soft skills, teamwork skills

Ключевые слова: студенческий опыт, вовлеченность студентов, внеучебные мероприятия, мягкие навыки, навыки работы в команде

Introduction

There is considerable evidence that soft skills such as team work, creativity, intercultural communication and leadership, enable people to become more successful in academic life and personal growth [Casner-Lotto, Barrington, 2006; Strayhorn, 2008; Strielkowski, Kiseleva, Popova, 2018]. Apart from specific technical knowledge that students acquire at university, soft skills constitute a fundamental element of success in the job market, and thus training in these skills become an essential aspect of the curriculum and it reflects the quality of higher education [Vasiliev et al., 2015; Dvorkin, 2016; Deming, 2017; OECD, 2017]. Educators agree that education should go beyond memorizing of certain facts and figures. Educational standards in many countries as well as in Russia and internationally set the ability to work in teams, collaborate with each other as priority learning outcomes for graduates besides knowledge in a specific field.

Looking for ways to increase students' potential, educators and researchers concentrate mostly on what occurs in the classroom [Pascarella, 2001], and the power of the extracurricular sphere is often overlooked. The extracurricular sphere typically includes activities which goes beyond the scope of the academic curricular, occurs outside the normal classroom time and does not require a grade or an academic credit. It can take various forms, for example, research projects, cultural events, art, sports, community service and other activities intended to enrich the learning experience. Researchers point out that the extracurricular sphere of university environment can offer students various opportunities to foster higher order thinking and soft skills [Astin, 1993, 1999; Pascarella, Terenzini, 2005]. Extracurricular activities such as participation in student clubs/organizations give them a chance to learn the values of teamwork, individual and group responsibility, competition, diversity, a sense of

culture and community, and critical thinking [Kuh, 1995]. Extracurricular activities can serve as a channel to reinforce lessons learned in the classroom and apply skills in a real-world context. Besides, students who are actively involved in sport activities and student organizations/ clubs have lower risk of depression [Fredricks, Eccles, 2006; Eime et al., 2013].

If U. S. and European universities offer various types of extracurricular activities, such as sport, music, art, academic clubs, in Russian universities an extracurricular life is not highly developed. Despite the fact that it is positively perceived by Russian students, a few of them are ready to take the initiative to organize a community with a specific mission [Ivanova, Logvinova, 2017]. Moreover, as some studies revealed, many students are not aware of student life activities in their institution as such activities are rarely supported and promoted by institutions [Belikova, 2002].

Studies conducted in international universities since the late 1990s demonstrate different results: some research indicates the positive impact of student extracurricular engagement on academic outcomes, while others show negative or mixed results [Pascarella, Seifert, Blaich, 2010; Kuh, Hu, Vesper, 2000; Brint, Cantwell, 2010; Wilson et al., 2014].

The goal of this study is to investigate the contribution of students' extracurricular engagement to the fostering academic outcomes such as interpersonal and teamwork skills. The study aims to answer the following research questions:

1. Does the students' involvement in extracurricular activities increase likelihood of improving soft skills such as interpersonal and teamwork skills?
2. To what extent does the students' involvement in different extracurricular activities contribute to the development of soft skills such as interpersonal and teamwork skills?

Literature Review

International studies in the area of the development of student learning outcomes point to the fact that extracurricular engagement can foster student cognitive and affective development [Terenzini et al., 1995; Huang, Chang, 2004]. It was found that students' class and out-of-class experiences both made positive, statistically significant contributions to freshman year-end critical thinking scores controlling for pre-college characteristics [Terenzini et al., 1995]. Besides, existing studies show that involvement in different student organizations can provide different results. For example, participation in political and creative organizations increases gains in academic achievements, while participation in sport and religious organizations does not show any significant effect [Baker, 2008]. If an extracurricular sphere has already become an essential part of student life in US universities, it is rarely supported and promoted by Russian universities [Belikova, 2002]. There is a belief among Russian students that 'the administration/faculty will not approve their idea', 'it is impossible to put together a team of like-minded people' [Ivanova, Logvinova, 2017: 7436]. Such reluctance to extend the extracurricular sphere of university life can be explained by the lack of human and financial resources of smaller regional universities. However, Russian research and federal universities see the extracurricular sphere as a platform where students can build their social capital and increase students sense of belonging

to home institution which helps to sustain strong relations after their graduation. As the results drawn from 27 semi-structured in-depth interviews with students enrolled at two Russian universities (a national research university and a federal university) show that they can choose from a variety of activities related to research, art, sport, governance socially important projects, where students can practice their public speaking, time-management, organizational and leadership skills [Bekova, Kasharin, 2018]. As the authors believe, these skills can be fostered due to the collective nature of extracurricular activities, when students place themselves in teams to work on a common task [Ibid.]. In other words, student clubs and organizations may create strong communities through which students build meaningful social connections with other students and faculty which they believe can be useful in their future career [Ibid.]. On the other hand, student organizations resemble with real companies and corporations where students can play a role of the CEOs of their own experience, take actions and bear responsibility for them.

From the described literature, it is possible to draw the conclusion that a systematic understanding of the nature and benefits of undergraduate student engagement in extracurricular activities is still lacking and this study is aimed to fill this gap.

Methodology of Research

The current study is based on the Student Experience in the Research University (SERU) Project which is a comprehensive online survey that relates to students' learning and engagement at major public research-intensive universities in the USA, Russia, Europe, China and Japan. The sample consists of undergraduate students of different majors enrolled at a Russian research-intensive university in the academic year 2016—2017 and equals to 3,344 respondents. The response rate was 22%. As researchers mention, online surveys are much less likely to achieve high response rates compared to surveys administered on paper [Nulty, 2008]. Declining response rates is a problem that is a source of concern for all who conduct campus surveys. There are a number of reasons for this decline, including the proliferation of surveys and resulting survey fatigue, students' patterns of interacting with social media, and also suspicions about the uses of data by campus officials [Porter, Whitcomb, Weizer, 2004; Gruzdev, 2013].

All undergraduate students received an email with an invitation to participate in a web-based online survey on their experience at university. Students' participation in this survey was voluntary, they may refuse to take part in the research or exit the survey at any time without penalty. The collected data were cleaned and anonymized. The descriptive statistics of the sample and the general population is presented in Table 1.

Since the distributions of the sample on the variable 'gender' and 'year of study' were different from the selected population, the technique of weighting adjustment was implemented to present some descriptive statistics and draw conclusions on our sample.

The variable 'gains in interpersonal and teamwork skills' was calculated from the question '*Please rate your level of proficiency in the following areas* **when you started at this campus and now**. The response categories were ranged from 'Very Poor' to 'Excellent' and then were recorded in the dichotomous variable characterizing the

changes in the level of students' learning gains in the process of learning ('did not change' and 'increased').

Table 1. Descriptive Statistics of the Sample and the General Population

Variables	Sample	General Population
<i>Gender</i>		
Male	32 %	40 %
Female	68 %	60 %
<i>Year of studies</i>		
1 year	42 %	35 %
2 year	26 %	25 %
3 year	16 %	19 %
4 year	16 %	21 %
<i>Academic Achievements</i>		
Average Grade	7,6	7,3

The prevailing view in higher education research is that self-reported learning gains lack validity [Porter, 2013]. However, there is evidence that method of self-anchored then and now comparisons (pretest ratings) used in the SERU survey provide valid indirect measures of learning outcomes [Thomson, 2017]. In addition, some research showed that student engagement measures based on self-reported data are significantly and positively related to perceived gains in learning [Zilvinskis, Masseria, Pike, 2017].

A binary logistic regression was utilized to explain the relationship between the dependent binary variable 'self-perceived interpersonal and teamwork skills' and the independent variable 'extracurricular engagement' accounting for confounding variables (gender, employment, grades, etc.).

To measure the student extracurricular engagement the following questions were used:

1. While a student at university have you been involved or are you currently involved in a student organization(s)? (No = 0; Yes = 1).
2. Performing community service or volunteer activities: How many hours do you spend in a typical week (7 days) on the following activities? (from 0 h. = 1 to 30 h. = 8).

Results of Research

As the results show, around 40 % of all respondents are members of students' organizations. The percentage of students participating in organizations remains more or less equal throughout the academic year and does not exceed 10 % per year of study (Table 2). Girls (27 %) are more active participants of students' organizations than boys (11 %) (Table 3).

Table 2. **Participation in student clubs by year of study (weighted)**

Cross tabulation Year of study * While a student at the HSE have you been involved or are you currently involved in a student organization(s)?					
			While a student at the HSE have you been involved or are you currently involved in a student organization(s)?		Total
			No	Yes	
Year of study	1	Count	381	228	609
		% of Total	16,7 %	10,0 %	26,7 %
	2	Count	284	203	487
		% of Total	12,4 %	8,9 %	21,3 %
	3	Count	292	216	508
		% of Total	12,8 %	9,5 %	22,2 %
	4	Count	443	238	681
		% of Total	19,4 %	10,4 %	29,8 %
Total		Count	1400	885	2285
		% of Total	61,3 %	38,7 %	100,0 %

Table 3. **Participation in student clubs by gender (weighted)**

Cross tabulation Gender * While a student at the HSE have you been involved or are you currently involved in a student organization(s)?					
			While a student at the HSE have you been involved or are you currently involved in a student organization(s)?		Total
			No	Yes	
Gender	Man	Count	418	259	677
		% of Total	18,3 %	11,3 %	29,6 %
	Woman	Count	983	626	1609
		% of Total	43,0 %	27,4 %	70,4 %
Total		Count	1401	885	2286
		% of Total	61,3 %	38,7 %	100,0 %

The findings of the binary logistic regression analysis indicate that participation in student organizations/clubs can foster the development of interpersonal and teamwork skills. According to the results, gender and employment off campus are not significant predictors, while grades and employment on campus have significant effect in the model (Table 4). Also, the results indicate the significant relationship of participation in extracurricular activities to increased sense of interpersonal and teamwork with the pattern of relationships varying by year in school. By the fourth year of study seniors perceive their skills at the highest potential.

Table 4. Binary logistic regression between student extracurricular engagement and learning outcomes

Variables	Self-perceived level of interpersonal and teamwork skills	
	B (S.E.)	Exp(B)
Student extracurricular engagement		
Being a member of student organizations/ clubs	,312 (.103) **	1,366
Performing community service or volunteer activities	,029 (.050)	1,030
Student characteristics		
Average grade	,124 (.042) **	1,132
Gender (female)	-,197 (.101)	,821
Course (1 course — reference group)		
2 course	,266 (.134) *	1,305
3 course	,693 (.132) ***	1,999
4 course	,810 (.125) ***	2,249
Employment on campus	,304 (.116)**	1,356
Employment off campus	-,099 (.097)	,905
Constant	-1,712 (.330)***	,180
Pseudo R ² Nagelkerke	0,071	
Prediction accuracy	61,1	

* $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.

Conclusions and Discussion

The study confirms that those students, who are engaged in extracurricular learning environment, show higher gains in interpersonal and teamwork skills in comparison to those students who are not. However, the percentage of students who show some interest and have time to join activities which go beyond the academic curricular is not high that was proved in the previous studies [Belikova, 2002; Bekova, Kasharin, 2018].

Knowing how to work with a team is an essential skill for a future career. Student organizations/clubs can be a valuable source of building network that can offer some career perspective later on. That is why these research findings should encourage administrators, faculty and policy makers to extend and support extracurricular opportunities for students.

Undoubtedly, educators and policy makers cannot but agree that the ability to think critically and collaborate with others have never been more important than in the 21st century. Years of practice and research show that it is not enough to make a few changes in pedagogical approaches of teachers. The core of higher education has to be altered, and it requires a serious transformation in the attitudes towards teaching process and organization of curriculum. Besides, while providing students with a platform for extracurricular activities, it is worth considering a balance between academic and extracurricular activities.

A premise of this work is that engaging in activities beyond the classroom but related to academic curriculum would increase the students' human and social capital to the normative importance that university places on higher education beyond the

Bachelor's degree. The extracurricular sphere has a chance to become an area where students can express their will, practice skills learned during lessons as well as develop a capacity for self-improvement.

References

Astin A. W. (1993) *What Matters in College? Four Critical Years Revisited*. San Francisco, CA: Jossey-Bass.

Astin A. W. (1999) Student Involvement: A Development Theory for Higher Education. *Journal of College Student Development*. Vol. 40. No. 5. P. 518—529.

Baker C. N. (2008) Under-Represented College Students and Extracurricular Involvement: The Effects of Various Student Organizations on Academic Performance. *Social Psychology of Education*. Vol. 11. No. 3. P. 273—298. <https://doi.org/10.1007/s11218-007-9050-y>.

Bekova S. K., Kasharin M. Yu. (2018) We Learn Not for School but for Life: How Students Assess the Importance of Extracurricular Activity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 324—335. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.16> (In Russ.).

Бекова С. К., Кашарин М. Ю. Не для школы, а для жизни мы учимся: как студенты оценивают роль внеучебной работы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. No. 4. С. 324—335. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.16>.

Belikova L. F. (2002) Students' Attitudes toward Extracurricular Activity in an Institution of Higher Learning. *Russian Education & Society*. Vol. 44. No. 2. P. 73—85. <https://doi.org/10.2753/RES1060-9393440273>.

Brint S., Cantwell A. M. (2010) Undergraduate Time Use and Academic Outcomes: Results from the University of California Undergraduate Experiences Survey 2006. *Teachers College Record*. Vol. 112. No. 9. P. 2441—2470.

Casner-Lotto J., Barrington L. (2006) *Are They Really Ready to Work? Employers' Perspectives on the Basic Knowledge and Applied Skills of the New Entrants to the 21st Century U. S. Workforce*. New York: The Conference Board, Inc.

Deming D. (2017) The Growing Importance of Social Skills in the Labor Market. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 132. No. 4. P. 1593—1640. <https://doi.org/10.1093/qje/qjx022>.

Dvorkin M. (2016) Jobs Involving Routine Tasks aren't Growing. *On the Economy Blog: Federal Reserve Bank of St. Louis*. January 4. URL: <https://www.stlouisfed.org/on-the-economy/2016/january/jobs-involving-routine-tasks-arent-growing>.

Eime R. M., Young J. A., Harvey J. T., Charity M. J., Payne W. R. (2013) A Systematic Review of the Psychological and Social Benefits of Participation in Sport for Children and Adolescents: Informing Development of a Conceptual Model of Health through

Sport. *International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity*. Vol. 10. <https://doi.org/10.1186/1479-5868-10-135>.

Fredricks J. A., Eccles J. S. (2006) Is Extracurricular Participation Associated with Beneficial Outcomes? Concurrent and Longitudinal Relations. *Developmental Psychology*. Vol. 42. No. 4. P. 698—717. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.42.4.698>.

Gruzdev I. A. (2013) Using Online Surveys in Universities. *Universitas*. Vol. 1. No. 1. P. 11—22. (In Russ.).

Груздев И. А. Использование онлайн-опросов в университете // *Universitas*. 2013. Т. 1. No. 1. С. 11—22.

Huang Y.-R., Chang S.-M. (2004) Academic and Cocurricular Involvement: Their Relationship and the Best Combinations for Student Growth. *Journal of College Student Development*. Vol. 45. No. 4. P. 391—406. <https://doi.org/10.1353/csd.2004.0049>.

Ivanova G. P., Logvinova O. K. (2017) Extracurricular Activities at Modern Russian University: Student and Faculty Views. *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. Vol. 13. No. 11. P. 7431—7439. <https://doi.org/10.12973/ejmste/79797>.

Kuh G. D. (1995) The Other Curriculum: Out-of-Class Experiences Associated with Student Learning and Personal Development. *The Journal of Higher Education*. Vol. 66. No. 2. P. 123—155. <https://doi.org/10.1080/00221546.1995.11774770>.

Kuh G. D., Hu S., Vesper N. (2000) “They Shall Be Known By What They Do”: An Activities-Based Typology of College Students. *Journal of College Student Development*. Vol. 41. No. 2. P. 228—244.

Nulty D. D. (2008) The Adequacy of Response Rates to Online and Paper Surveys: What Can be Done? *Assessment & Evaluation in Higher Education*. Vol. 33. No. 3. P. 301—314. <https://doi.org/10.1080/02602930701293231>.

OECD (2017) *OECD Skills Outlook: Skills and Global Value Chains*. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264273351-en>.

Pascarella E. T. (2001) Identifying Excellence in Undergraduate Education Are We Even Close? *Change: The Magazine of Higher Learning*. Vol. 33. No. 3. P. 18—23. <https://doi.org/10.1080/00091380109601796>.

Pascarella E. T., Terenzini P. T. (2005) *How College Affects Students: A Third Decade of Research*. Volume 2. San Francisco, CA: Jossey-Bass.

Pascarella E. T., Seifert T. A., Blaich C. (2010) How Effective are the NSSE Benchmarks in Predicting Important Educational Outcomes? *Change: The Magazine of Higher Learning*. Vol. 42. No. 1. P. 16—22. <https://doi.org/10.1080/00091380903449060>.

Porter S. R., Whitcomb M. E., Weizer W. H. (2004) Multiple Surveys of Students and Survey Fatigue. *New Directions for Institutional Research*. No. 121. P. 63—73. <https://doi.org/10.1002/ir.101>.

Porter S. R. (2013) Self-Reported Learning Gains: A Theory and Test of College Student Survey Response. *Research in Higher Education*. Vol. 54. No. 2. P. 201—226. <https://doi.org/10.1007/s11162-012-9277-0>.

Strayhorn L. T. (2008) How College Students' Engagement Affects Personal and Social Learning Outcomes. *Journal of College and Character*. Vol. 10. No. 2. <https://doi.org/10.2202/1940-1639.1071>.

Strielkowski W., Kiseleva L. S., Popova E. N. (2018) Factors Determining the Quality of University Education: Students' Views. *Integration of Education*. Vol. 22. No. 2. P. 220—236. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.091.022.201802.220-236> (In Russ.).
Стриелковски В., Киселева Л. С., Попова Е. Н. Детерминанты качества университетского образования: мнение студентов // Интеграция образования. 2018. Т. 22. No. 2. С. 220—236. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.091.022.201802.220-236>.

Terenzini P. T., Springer L., Pascarella E. T., Nora A. (1995) Influences Affecting the Development of Students' Critical Thinking Skills. *Research in Higher Education*. Vol. 36. No. 1. P. 23—39. <https://doi.org/10.1007/bf02207765>.

Thomson G. (2017) Self-Reported Learning Outcomes and Assessment: Making the Case. 43rd Annual Meeting of the California Association for Institutional Research. Concord, CA.

Vasiliev K., Roshchin S., Maltseva I. O., Travkin P., Lukyanova A., Chugunov D., Shulga I., Rutkowski J. J., Cahu P. M., Nellesmann S. (2013) Developing Skills for Innovative Growth in the Russian Federation. Washington, DC: World Bank.

Васильев К., Рошин С., Мальцева И., Травкин П., Лукьянова А., Чугунов Д., Шульга И., Рутковски Я., Каху П. М., Неллеманн С. Развитие навыков для инновационного роста в России. М.: Алекс, 2015.

Wilson D., Jones D., Kim M. J., Allendoerfer C., Bates R., Crawford J., Floyd-Smith T., Plett M., Veilleux N. (2014) The Link between Cocurricular Activities and Academic Engagement in Engineering Education. *Journal of Engineering Education*. Vol. 103. No. 4. P. 625—651. <https://doi.org/10.1002/jee.20057>.

Zilvinskis J., Masseria A. A., Pike G. R. (2017) Student Engagement and Student Learning: Examining the Convergent and Discriminant Validity of the Revised National Survey of Student Engagement. *Research in Higher Education*. Vol. 58. No. 8. P. 880—903. <https://doi.org/10.1007/s11162-017-9450-6>.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.08

Правильная ссылка на статью:

Глухих П. Л., Шкурин Д. В., Воронина Л. В. Оценка социокультурных детерминант развития предпринимательской культуры молодежи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 122—151. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.08>.

For citation:

Glukhikh P. L., Shkurin D. V., Voronina L. V. (2019) Assessing socio-cultural determinants of youth entrepreneurial culture. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 122—151. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.08>.

П. Л. Глухих, Д. В. Шкурин, Л. В. Воронина ОЦЕНКА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

ОЦЕНКА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

ASSESSING SOCIO-CULTURAL DETERMINANTS OF YOUTH ENTREPRENEURIAL CULTURE

ГЛУХИХ Павел Леонидович — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: Gluchih_p_l@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5992-3780>

Pavel L. GLUKHIKH¹ — Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Senior Researcher
E-MAIL: Gluchih_p_l@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5992-3780>

¹ Institute of Economy of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

ШКУРИН Денис Вадимович — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: Coursepo@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2367-4617>

ВОРОНИНА Людмила Васильевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаверова Российской академии наук, Архангельск, Россия

E-MAIL: Voronina_ljudmila@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3607-0687>

*Denis V. SHKURIN*² — *Cand. Sci. (Soc. Sci.)*, Associate Professor, Department of Applied Sociology

E-MAIL: Coursepo@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2367-4617>

*Ludmila V. VORONINA*³ — *Cand. Sci. (Econ.)*, Senior Researcher

E-MAIL: Voronina_ljudmila@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3607-0687>

² Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

³ N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk, Russia

Аннотация. Статья посвящена методической оценке и выявлению влияния на предпринимательскую культуру двух ключевых факторов: степени развития предпринимательства и размера муниципалитета. Через апробацию двух авторских методик оценки проверялась гипотеза: чем выше степень развития предпринимательства в муниципальном образовании, тем выше степень предпринимательской культуры молодежи. В методологическом отношении исследование основывается на социально-экономическом подходе, применяемом через инструментарий экономического и социокультурного анализа. Информационной базой исследования выступили результаты авторского массового опроса молодежи более чем 150 городов и населенных пунктов Свердловской области, а также проведен опрос экспертов из числа предпринимателей, обратившихся за государственной поддержкой. Составлен рейтинг муниципалитетов Свердловской области по степени

Abstract. The paper is devoted to the methodological assessment and the impact of the following factors on the entrepreneurial culture: the level of entrepreneurial development and the size of municipality. Two methods designed by the authors were tested to confirm the following hypothesis: the higher the level of entrepreneurial development in a municipality, the higher the youth entrepreneurial culture is. Methodologically, the study is based upon socio-economic approach and uses the tools of economic and socio-cultural analysis. The data involve the results of the authors' survey conducted among young people from more than 150 cities and localities in the Sverdlovsk region as well as an expert survey involving entrepreneurs seeking government assistance. The authors drew up a rating of Sverdlovsk region municipalities according to different entrepreneurship levels (high, medium, low). By measuring the axiological settings of young people, municipality-specific entrepreneurial levels were calcu-

развития предпринимательства: высокая, средняя, низкая. Путем измерения аксиологических установок молодежи рассчитан уровень развития предпринимательской культуры по муниципалитетам Свердловской области. Гипотеза подтвердилась в части общего предпринимательского поведения: чем выше уровень развития предпринимательства в муниципалитете, тем больше в поведении молодежи проявляются свойственные предпринимателям черты. Влияние на предпринимательскую культуру второго оцениваемого фактора — размера муниципалитета также подтвердилась. Выявлено, что в средних по численности городах почти в два раза больше молодежи с высокой степенью предпринимательской культуры по причине большей привлекательности собственного бизнеса на фоне других менее интересных для молодежи альтернатив. С учетом корреляции социокультурных факторов предложены наиболее важные направления развития предпринимательской активности молодежи.

Ключевые слова: молодежное предпринимательство, предпринимательская культура, предпринимательское поведение, методика оценки, рейтинг муниципалитетов, опрос молодежи

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-6580.2018.6.

lated. As far as general entrepreneurial behavior is concerned, the hypothesis proved to be true: the higher the level of entrepreneurial development in a municipality is, the more young people behave entrepreneurially. The hypothesis about the influence of municipality size on entrepreneurial culture was also confirmed. In medium-sized cities young people are twice as likely to have high entrepreneurial levels due to higher attractiveness of their businesses. Taken into account the correlations of socio-cultural factors the authors set forward the most important directions of the entrepreneurial activity for active young people.

Keywords: youth entrepreneurship, entrepreneurial culture, entrepreneurial behavior, technique of assessment, rating of municipalities, youth survey

Acknowledgments. The paper is financed by the RF Presidential grant for state support of young Russian scientists (МК-6580.2018.6).

Всего лишь около 2,5% муниципалитетов России могут обеспечить свои расходные бюджетные обязательства полностью за счет собственных доходов [Волков, 2011], что является фундаментальным ограничением развития. В связи с этим создается необходимость пересмотра традиционных и поиска новых источников роста доходов на муниципальном уровне. Поэтому, с одной стороны, в хозяйственной практике предпринимательство остается недостаточно реализованным и перспективным источником доходов для территории. С другой стороны, нет однозначного ответа, какие факторы в муниципалитете сдерживают развитие предпринимательской деятельности, а какие выступают источником его роста и какова роль социокультурных факторов предпринимательской культуры. Следовательно, не хватает теоретического и методического анализа, выявления причинно-следственной связи между предпринимательской культурой и степенью развития предпринимательства на территории.

Таким образом, это сложившееся противоречие между практикой и теорией обуславливает необходимость выявления и оценки социокультурных факторов развития предпринимательской культуры. Для этого потребуются комплексная оценка степени развития предпринимательской культуры молодежи в муниципальных образованиях и ее взаимосвязи с ростом степени развития предпринимательства. Выявление социокультурных факторов развития предпринимательской культуры молодежи позволит целенаправленно воздействовать на увеличение положительного вклада предпринимательства в социально-экономическое развитие территории.

Объектом исследования является молодежь как наиболее экономически активная часть населения, которая одновременно в силу возрастных особенностей аккумулирует предпринимательскую культуру населения и разнообразно ее проявляет. Также именно от молодежи власть и общество более всего ожидают предпринимательской активности. Развитие молодежного предпринимательства позиционируется как приоритетная задача для экономического роста, согласно Стратегиям развития молодежного предпринимательства в РФ на период до 2020 г. Однако формирование социально ответственных, устойчивых предприятий невозможно без учета сложившейся степени предпринимательской культуры молодежи и определяющих ее факторов. Именно развитие предпринимательской культуры в существующих противоречивых условиях поможет избежать эффекта незарегистрированного («скрытого») предпринимательства, обеспечит прямую положительную связь между ростом числа малых предприятий и формированием качества жизни населения, а также социально-экономическим развитием территории.

Систематизация социокультурных детерминант развития предпринимательской культуры молодежи

Изменение состояния бизнес-среды, вызванное процессами глобализации, гиперконкуренции и повышения динамичности событий, требует уточнения и переосмысления исходных понятий «предпринимательство», «предпринимательская культура» и др. Следует особо отметить, что их «размытость» ведет к неэффективности разрабатываемых и реализуемых мер поддержки предпринимательства.

Проведенный анализ отечественной и зарубежной литературы показывает, что различия в определениях указанных понятий вызваны, прежде всего, традициями, культурой, политикой разных стран. Обобщив многообразие определений, можно выделить три характеристики: поведение предпринимателя и его навыки; предпринимательский процесс и события, являющиеся его частью; результаты предпринимательской деятельности (рис. 1). Сделанный анализ существующих подходов дает возможность учитывать комплексность и глубину природы предпринимательства, которая позволяет лучше осмыслить и оценить перспективность факторов развития предпринимательской культуры.

Теоретическую основу современного социокультурного подхода к предпринимательству заложил Макс Вебер, который рассматривал предпринимательство как деятельность, обусловленную социальными ролями индивида, его статусом, семейным и дружеским окружением и, главное, религией [Вебер, 1990]. Признанный эксперт в области социокультурных аспектов предпринимательства В. Зомбарт выделил следующие черты хозяйственной нравственности: рациональное ведение хозяйствования, экономизация хозяйства, деловая мораль [Зомбарт, 1994: 46—49]. На современном этапе происходит переосмысление социокультурных факторов, что может стать импульсом к развитию предпринимательской культуры.

Рис. 1. Сущность понятия «предпринимательство»

Большинство исследователей определяют предпринимательскую культуру через базовые понятия этики, норм и правил поведения, сложившихся обычаев и традиций в ведении предпринимательской деятельности. Систематизируя существующие подходы к определению предпринимательской культуры, можно выделить три уровня данного понятия (рис. 2).

Рис. 2. Уровни предпринимательской культуры

Факторы, оказывающие влияние на развитие предпринимательской деятельности, можно представить в виде двух групп (рис. 3):

- направленные на изучение предпринимательского потенциала изнутри (внутренние факторы);
- относящиеся к выявлению факторов, находящихся за пределами контроля потенциального и функционирующего предпринимателя (внешние факторы).

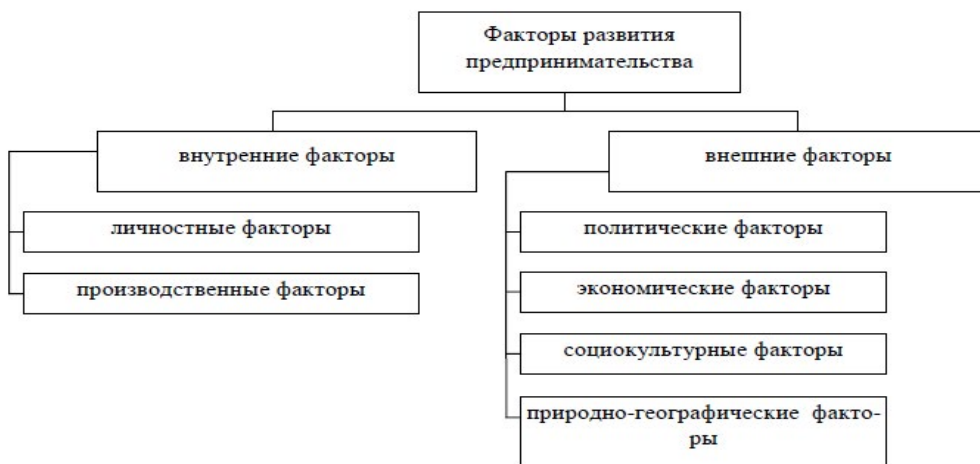

Рис. 3. Классификация факторов развития предпринимательства

Рассмотрим подробнее аспекты социокультурных факторов. Наибольшее международное признание в изучении предпринимательской культуры получили обширные межстрановые исследования профессора Яна Макмиллана [McGrath, MacMillan, Scheinberg, 1992]. Им установлено, что предпринимательская культура меняется от страны к стране по причине различных предпринимательских

убеждений, но у предпринимателей существуют и некоторые общие убеждения (ценности), которые одинаковы, несмотря на общекультурные различия.

Одним из первых в России, комплексно применившим социокультурный подход к анализу природы предпринимателя, был признанный исследователь истории экономических учений профессор К. П. Стожко. Под социокультурным он понимает подход, связанный с выявлением природы ценностных ориентаций личности, места и роли конкретных ценностей в генезисе личностного самоуправления (свобода, традиция, любовь, выгода и др.) [Стожко, 2005: 6]. Представляется, что в данной формулировке социокультурный фактор рассматривается одно-сторонне — с позиции ценностей, но в самом исследовании в качестве других составляющих указываются также социально-нормативные и психофизические аспекты, что, по нашему мнению, является исчерпывающей комплексной основой для разработки соответствующей методики.

Проявленный интерес к сущности предпринимательской культуры не нашел должного отражения в проведении комплексных эмпирических исследований по оценке социокультурного фактора развития предпринимательства в разных возрастных группах населения, особенно в молодежной среде. Поэтому выбор исследовательской стратегии подчинен многометодному подходу, включающему общенаучные методы исследования, в том числе массового и экспертного опросов. Объектом исследования для массового дистанционного [Шкурин, 2015: 105] выборочного опроса (добровольное анкетирование через образовательные организации) выбрана молодежь более чем 150 городов и населенных пунктов Свердловской области в 2017 г. (общий размер выборки — 3231 человек молодежи 14—29 лет, 47,6 % женского и 52,4 % мужского пола). Экспертный опрос предпринимателей позволил установить значимость выявленных социокультурных факторов предпринимательской культуры.

Выбранный объект исследования — Свердловская область по основным показателям развития малого предпринимательства занимает положение выше среднего, что является ее особенностью в сравнении с другими регионами страны. Число малых предприятий составляет 108,1 тыс. с удельным весом области 3,9 % от общего по РФ при разбросе от 0,01 % (Чукотский автономный округ) до 18,64 % (г. Москва) и медианном значении всех регионов — 0,63 %; среднесписочная численность работников — 362,3 тыс. человек с удельным весом области 3,6 % при разбросе от 0,01 % (Чукотский автономный округ) до 12,78 % (г. Москва) и медианном значении по РФ 0,75 %; оборот малых предприятий — 1200,2 млрд руб. с удельным весом области 3,09 % при разбросе от 0,01 % (Чукотский автономный округ) до 25,86 % (г. Москва) и медианном значении — 0,52 %¹. Уральский федеральный округ, в состав которого входит Свердловская область, по трем основным показателям развития малого предпринимательства в 2016 г. занимал среднее по стране пятое место из восьми округов.

Основная методическая цель данной статьи — проверить степень влияния двух ключевых факторов предпринимательской культуры молодежи: развитости субъектов предпринимательства и размера муниципалитета. С их использова-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики. 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (дата обращения: 23.11.2019).

нием мы стремимся проверить авторскую гипотезу: чем выше степень развития предпринимательства в муниципальном образовании, тем выше степень предпринимательской культуры молодежи. Задачи статьи: (1) апробировать авторский методический подход к оценке развития предпринимательской деятельности; (2) разработать и апробировать методический инструментарий социально-экономической оценки степени развития предпринимательской культуры молодежи в муниципальных образованиях; (3) проверить авторскую гипотезу влияния развитости субъектов предпринимательства на предпринимательскую культуру молодежи; (4) провести анализ влияния типа муниципалитета (по численности населения) на степень предпринимательской культуры молодежи.

Оценка развития предпринимательской деятельности и предпринимательской культуры молодежи в муниципалитетах

С целью оценки влияния на предпринимательскую культуру молодежи такого фактора, как развитость субъектов предпринимательства и проверки представленной гипотезы авторами был предложен методический подход к оценке степени развития предпринимательства на муниципальном уровне, включающий в себя алгоритм измерения и систему показателей непосредственно сферы предпринимательской деятельности [Воронина, Глухих, 2016]. Апробация авторского методического подхода проведена на муниципалитетах Свердловской области, результатом которой стало присвоение соответствующего уровня всем муниципальным образованиям (табл. 1):

- высокая степень развития предпринимательства (6—142 балла);
- средняя степень развития предпринимательства (143—278 баллов);
- низкая степень развития предпринимательства (279—414 баллов).

Далее представлен авторский методический инструментарий социально-экономической оценки степени развития предпринимательской культуры молодежи. Данный инструментарий необходим для измерения степени (высокая, средняя, низкая) предпринимательской культуры молодежи в муниципалитетах, их группах и регионах с целью выявления факторов ее развития для последующего целенаправленного управления вышеупомянутыми факторами.

Таблица 1. Степень развития предпринимательской деятельности в муниципалитетах Свердловской области* на начало 2016 года

Название муниципального образования	Число МСП на 10 тысяч жителей, ед.	Количество замещенных рабочих мест в МСП на 1 предприятии, ед./предприятия	Оплата труда на МСП в расчете на 1 предприятие, тыс. руб./предпр.	Выручка от реализации товаров в МСП на 1 предприятие, тыс.руб./предпр.	Инвестиции в основной капитал в МСП на 1 предприятие, тыс. руб. / предпр.	Налоговые поступления от МСП на 1 предприятие, тыс. руб. / предпр.	Место в рейтинге
1	2	3	4	5	6	7	8
Муниципальные образования с высокой степенью развития предпринимательства							
МО г. Екатеринбург	694,2	3,83	710,8	19511,1	142,4	67,6	1
ГО Богданович	203,8	4,51	610,0	6814,5	1222	68,4	2
...
Березовский ГО	429,7	4,10	697,8	12693,3	157,4	70,1	6
ГО Верхняя Тура	139,4	5,88	247,6	8491,6	513,6	80,5	7
Каменск-Уральский	272,6	3,86	530,4	8074,6	47,3	72,1	8
ГО Карпинск	190,7	5,23	711,1	6447,7	64,4	72,9	9
ГО Красно-турьинск	202,9	4,83	675,8	6544,4	79,9	137,7	10
...
Муниципальные образования со средней степенью развития предпринимательства							
Артемовский ГО	235,7	4,40	488,6	5721,3	50,2	63,3	14
Артинский ГО	159,6	4,75	458	3780,1	227,3	65,6	15
...
Режевской ГО	291,9	3,48	371,3	5270,8	44,9	46,3	25
...
Шалинский ГО	122,6	5,53	517	4117,9	174,5	43,8	30
МО г. Алапаевск	270,2	3,91	334,9	4289,4	46,3	53,2	31
Асбестовский ГО	273,9	3,40	370,5	3983,1	36,6	62,6	32
ГО Верхняя Пышма	408,9	3,11	394,2	8171,9	334,4	58,8	33
...
г. Нижний Тагил	295,8	3,47	457,4	7914,3	48,9	63,5	42
ГО Первоуральск	324,8	3,07	421,2	7853,2	72,4	45,2	43
Северо-уральский ГО	187	4,21	448,7	3999,6	42,7	66,5	44
Серовский ГО	188,7	3,65	432,2	5166,4	79,2	91,6	45
...
Алапаевское МО	203,1	5,01	631,1	5728,1	502,3	41,3	52
Камышловский МР	96,6	4,82	536,7	7127,4	351	46,9	53
Нижне-сергинский МР	174,9	3,99	381	4366,2	56,7	58,3	54

Название муниципального образования	Число МСП на 10 тысяч жителей, ед.	Количество замещенных рабочих мест в МСП на 1 предприятия, ед./предприятие	Оплата труда на МСП в расчете на 1 предприятие, тыс. руб./предпр.	Выручка от реализации товаров в МСП на 1 предприятие, тыс.руб./предпр.	Инвестиции в основной капитал в МСП на 1 предприятие, тыс. руб. /предпр.	Налоговые поступления от МСП на 1 предприятие, тыс. руб. /предпр.	Место в рейтинге
1	2	3	4	5	6	7	8
Муниципальные образования с низкой степенью развития предпринимательства							
Ачитский ГО	206,1	3,34	300,5	2359,3	164,6	40,9	55
...
ГО Верхний Тагил	213,8	2,70	295	2538,6	36,8	52,9	60
Волчанский ГО	153,6	3,03	251,6	4815,5	2,2	43,2	61
ГО Дегтярск	179,7	1,76	117,6	1998,3	40,2	38,7	62
ГО Красноуральск	176,5	3,60	350	3206,1	25,7	54,4	63
...
Махневское МО	175,5	2,57	158,1	4065,1	6,6	29,2	67
Слободо-Туринский МР	218,1	3,03	226	3087,6	134,9	56,8	68
Таборинский МР	125,6	3,71	114,6	2597,3	26,8	63	69

Рассчитано по²: Итоги сплошного статистического наблюдения малого и среднего бизнеса за 2015 г. по Свердловской области // Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. 2019. URL: http://sverdl.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/census_and_researching/researching/statistic_researching/score_2015/ (дата обращения: 10.12.2019).

Примечания: ГО — городской округ, МО — муниципальное образование, МР — муниципальный район.

Методика вычисления степени предпринимательской культуры молодежи осуществлялась в следующей последовательности:

1. Методологически оценка основывается на общепринятых научных подходах к предпринимательским намерениям, которые сгруппированы по ключевым элементам предпринимательской деятельности (рис. 1): общее предпринимательское поведение (ОПП), предпринимательский процесс (ПП) и ценность результатов предпринимательства (ЦРП). Каждый из факторов основывается на доказанном методологическом подходе (табл. 2).

² Данные рассчитывались по всем муниципалитетам, по которым имелись необходимые сведения (69). Для наглядности представлены отдельные муниципалитеты.

Таблица 2. **Обоснование социокультурных факторов оценки степени развития предпринимательской культуры**

Методологический подход (фактор)	Автор(ы)	Объяснение
1	2	3
I. Поведение, свойственное предпринимателю (ОПП)		
1.1. Мотивация достижения успеха выше мотивации избегания неудач	Д. МакКлеланд [McClelland, 1964] и др.	Отличительной особенностью предпринимателей является выраженное преобладание мотивации достижения успеха (постановка позитивных целей и активное последовательное стремление к их достижению, уверенность в своих возможностях, адекватная самооценка) над мотивацией избегания неудач (неуверенность в своих возможностях, тревога в ожидании возможной неудачи, неадекватная самооценка — склонны выбирать или очень легкие, или очень трудные задачи).
1.2. Высокий уровень интернальности	Дж. Роттер [Rotter, 1954]; Р. Брокхаус [Brockhaus, 1980; Brockhaus, 1982], М. Кетс де Врис [Кетс де Врис, 2004], Д. Миллер и др. [Миллер, Галантер, Прибрам, 1965]; Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина Е. А. и А. М. Эткинд [Бажин, Голынкина, Эткинд, 1984]; Е. Г. Ксенофонтова [Ксенофонтова, 1999: 113] и др.	Предприниматели склонны располагать факторы локус контроля за собственным поведением и значимыми для них событиями внутри себя (интернально), считая, что они сами способны в высокой степени управлять значимыми для себя событиями и принимать на себя ответственность как за свои неудачи, так и за достижения и успехи.
1.3. Самоэффективность	Ч.Ц. Чэнь, П. Дж. Грин, Э. Крик [Chen, Greene, Crick, 1998]; Г. В. Широкова, Т. В. Цуканова, К. А. Богатырева [Широкова, Цуканова, Богатырева, 2015]	Успешные предприниматели имеют устойчиво высокий уровень самоэффективности (т. е. убежденность в возможностях и ответственности).

Методологический подход (фактор)	Автор(ы)	Объяснение
1	2	3
II. Включенность в предпринимательский процесс (ПП)		
2.1. Действия по созданию бизнеса	G.A. Alsos, L. Kolvereid [Alsos, Kolvereid, 1998: 101—102]; N. M. Carter, W. B. Gartner, P. D. Reynolds [Carter, Gartner, Reynolds, 1996]; К. А. Богатырева, Г. В. Широкова [Богатырева, Широкова, 2017: 26]	Чем больше действий реализовано, тем ближе нарождающийся предприниматель к созданию бизнеса, так как «чем больше времени и усилий затрачивается на достижение определенного результата, тем больше вероятность того, что этот результат в конечном итоге будет достигнут».
2.2. Активность в общественных организациях	А.Н. Татарко [Татарко, 2013]	Намерения человека открыть собственный бизнес и количество действий для их реализации тем сильнее, чем больше количество общественных организаций, в деятельности которых принимает участие человек.
2.3. Ресурсы друзей по открытию бизнеса	А.Н. Татарко [Татарко, 2013]	Чем большими ресурсами, необходимыми для открытия собственного бизнеса, обладают его друзья, тем сильнее намерение человека открыть собственный бизнес и тем больше действий он предпринимает для его реализации.
III. Разделяет ценность результатов предпринимательства (ЦРП)		
3.1. Прагматический тип культуры	А.С. Франц [Франц, 2005]	Прагматическая культура избирательно воспринимается и усваивается людьми, имеющими личностные качества, необходимые для организаторской и предпринимательской деятельности.
3.2. Мотивы предпринимательства	В.П. Позняков и др. [Социальная психология российского предпринимательства..., 2014]	Тройку ведущих мотивов выбора предпринимательской деятельности занимают мотивы независимости, самостоятельности в работе, возможности реализовать свои способности, и материальной обеспеченности. Мотивы полезности своего бизнеса и достижения авторитета у окружающих представлены в значительно меньшей степени.
3.3. Позитивная мотивация к предпринимательству	В.П. Позняков и др. [Социальная психология российского предпринимательства..., 2014]	Люди, чей выбор предпринимательской деятельности основан на позитивной мотивации (стремление к самореализации и независимости), имеют больше шансов достичь успеха, чем те, чей выбор носит вынужденный характер (неудовлетворенность материальным положением, ограниченной самостоятельностью и чувством бесполезности своей работы).

2. Для измерения каждой компоненты в инструмент (анкету) были включены соответствующие вопросы, ранее апробированные исследователями, указанными в таблице 2.

3. Каждый показатель был переведен в единую систему баллов от 0 (минимальная выраженность) до 1 (максимальная выраженность).

4. Для определения важности каждого показателя в конструировании степени предпринимательской культуры и для его непосредственного расчета был проведен опрос экспертов из числа предпринимателей, обратившихся за государственной поддержкой (база органов государственной власти, состоящая из 386 контактов предпринимателей). Опрос проходил в электронном виде — на почту предпринимателей отправлялось письмо со ссылкой на анкету в Google Forms. Форма отбора носила стихийный характер — предприниматели откликнулись по своему желанию. Данные были обработаны с помощью программы обработки и анализа социологической и маркетинговой информации Vortex, версия 10. Всего, таким образом, удалось получить отклик от 24 предпринимателей, составивших базу экспертов. Охваченные опросом предприниматели работают в разных сферах.

Поскольку при учете мнений экспертов важно исходить из их компетентности, то для определения ее степени у экспертов нами использовались два показателя — стаж предпринимательской деятельности и количество работников. Так как данные показатели имели различные единицы измерения, предварительно оба показателя были стандартизированы в условные единицы (СТЭНЫ)³. На основе двух шкал СТЭНОВ (по стажу и числу сотрудников) рассчитано их простое произведение и взято в качестве показателя компетентности. Таким образом, сформировалась шкала от 1 до 100 баллов, где 1 балл соответствует минимальной компетентности (мало работников на предприятии и маленький стаж предпринимательства), а 100 — максимальной компетентности (много сотрудников и большой стаж). Фактически, по совокупности 24 ответа предпринимателей получили оценки от 4 до 80 баллов со средним баллом компетентности 30,96. Далее ответы предпринимателей были умножены на оценку их компетентности (рис. 4). Данные условные средние в дальнейшем использованы в исследовании в качестве весов важности.

5. Для каждого участника опроса итоговое значение каждой компоненты степени предпринимательской культуры было рассчитано с помощью формулы среднего взвешенного (1):

$$\text{Component} = \frac{\sum_{i=1}^k X_i * W_i}{\sum_{i=1}^k W_i}, \quad (1)$$

где:

X_i — значение i -го показателя у конкретного участника опроса;

W_i — вес данного показателя по оценкам экспертов;

k — число показателей в компоненте.

³ СТЭН // Национальная психологическая энциклопедия. URL: <https://vocabulary.ru/termin/steno.html#item-65107> (дата обращения: 10.12.2019); Шкала СТЭНОВ // Лаборатория «Гуманитарные технологии». URL: <http://www.ht.ru/cms/component/content/article/3-dictionary/1121-2009-10-09-10-43-39> (дата обращения: 10.12.2019).

В результате каждая компонента у каждого опрошенного получила значение от 0 — компонента совершенно не выражена, до 1 — компонента максимально выражена (очень высока предпринимательская культура в этом срезе). Теоретическое среднее шкалы — 0,5 (средняя выраженность компоненты).

6. Последний шаг методики — расчет общего индекса предпринимательской культуры (ИПК). Здесь также использовалась формула среднего взвешенного (2):

$$ИПК = \frac{ОПП * 2,2238 + ПП * 2,0374 + ЦРП * 1,8533}{2,2238 + 2,0374 + 1,8533}. \quad (2)$$

В качестве весов выступают суммы по каждому из показателей, включенных в состав компонентов ОПП, ПП и ЦРП соответственно. В результате был получен индекс по муниципалитетам Свердловской области и исходные составляющие ИПК, измеряющийся от 0 до 1 с теоретическим средним 0,5. Это позволило в дальнейшем использовать средние величины по ИПК для сравнения различных групп опрошенной молодежи и делать выводы на основе параметрических критериев (сравнения средних).

Измерение влияния степени развития предпринимательства в муниципальном образовании на степень предпринимательской культуры молодежи

Для проверки первого анализируемого фактора (степень развития предпринимательства) последовательно проверялось, как соответствующая степень в различных муниципалитетах (первая методика) влияет на ИПК в целом и на каждый из ее показателей в отдельности (вторая). Поскольку ИПК имеет нормальное распределение, то мы можем использовать метод сравнения средних величин для каждой группы муниципалитетов, а также статистические критерии, основанные на средних величинах, анализ вариации — линейный коэффициент корреляции R Пирсона (значимость которого определяется по t-критерию Стьюдента) и номинальный коэффициент корреляции Эта (значимость которого определяется по критерию Фишера). Поскольку компонента ЦРП имела распределение, существенно отличающееся от нормального, в ее отношении были использован непараметрический критерий Крускалла-Уоллиса.

Как показывают данные табл. 3, группы муниципалитетов с разной степенью развития предпринимательства имеют несколько различный уровень общего предпринимательского поведения (ООП).

Наименьшая выраженность компоненты ОПП характерна для территорий с низкой степенью развития предпринимательства (0,484). Группы муниципалитетов со средней и высокой степенью предпринимательства имеют примерно одинаковую выраженность компоненты ОПП (0,524—0,525). Данные различия признаны статистически значимыми параметрическим критерием Фишера (0,002) и непараметрическим критерием Крускалла-Уоллиса (0,001).

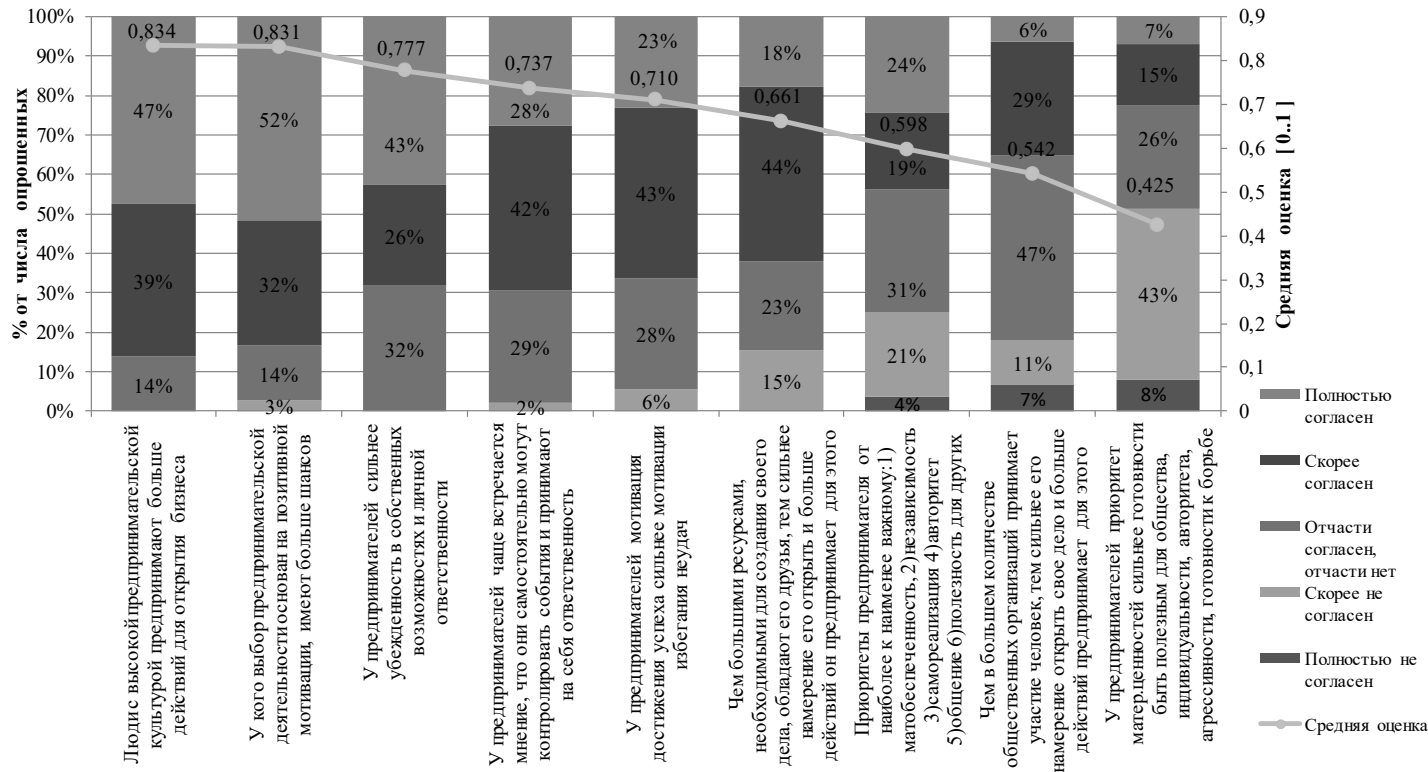

Рис. 4. Степень согласия экспертов с утверждениями об особенностях (отличиях) предпринимателей (% от числа опрошенных, среднее от 0 — полностью не согласен до 1 — полностью согласен).

Таблица 3. *Распределение компоненты общего предпринимательского поведения по группам муниципалитетов*

Группы муниципалитетов по степени развития предпринимательства	Общее предпринимательское поведение		
	Человек	Среднее	Стандартное отклонение
с низкой степенью	382	0,485	0,206
со средней степенью	281	0,525	0,216
с высокой степенью	2293	0,524	0,207
Всего:	2956	0,513	0,208

* Пропуски: 275 из 3231 (8,51%). Коэффициент Пирсона [-1...+1], значение: 0,058, статистическая значимость: 0,002. Коэффициент Эта [0...1] значение: 0,067, статистическая значимость: 0,002. Критерий Крускалла-Уоллиса, статистическая значимость: 0,001.

Таким образом, наша гипотеза подтвердилась в части ООП: чем выше уровень развития предпринимательства в муниципалитете, тем больше в поведении молодежи проявляются свойственные предпринимателям черты.

Различия между муниципалитетами с разной степенью развития предпринимательства по степени вовлеченности молодежи в предпринимательский процесс (ПП) практически не заметны (табл. 4).

Таблица 4. *Распределение компоненты предпринимательского процесса по группам муниципалитетов*

Группы муниципалитетов по степени развития предпринимательства	Включенность в предпринимательский процесс		
	Человек	Среднее	Стандартное отклонение
с низкой степенью	382	0,296	0,172
со средней степенью	281	0,289	0,190
с высокой степенью	2293	0,301	0,194
Всего:	2956	0,311	0,198

* Пропуски: 275 из 3231 (8,51%). Коэффициент Пирсона [-1...+1] значение: 0,014, значимость: 0,456. Коэффициент Эта [0...1] значение: 0,059, значимость: 0,06. Критерий Крускалла-Уоллиса — значимость: 0,666.

Все критерии показывают статистическую значимость различий выше допустимой (0,05), таким образом, нет оснований полагать, что территории с различной степенью развития предпринимательства формируют различную вовлеченность в предпринимательский процесс у молодежи. Более того, выявлено, что уже в 14 лет существует базовое значение индекса включенности в предпринимательский процесс (0,275), которое формируется за счет наличия у некоторых тинейджеров уже в этом возрасте благоприятного для предпринимательской деятельности предписанного от рождения социального окружения (например, родился в семье предпринимателя) (рис. 5).

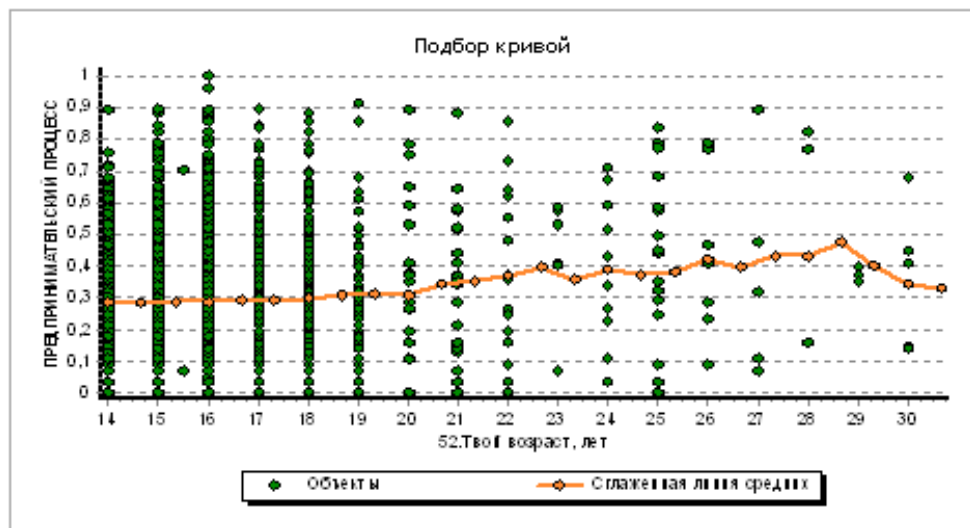

Рис. 5. Распределение значения индекса «Включенность в предпринимательский процесс» в зависимости от возраста респондентов (коэффициент корреляции R (Пирсона) показывает слабую ($r=0,095$) но статистически значимую ($p=0,000$) прямую связь)

По мере взросления к данному базовому уровню включенности в предпринимательский процесс добавляется приобретенный положительный опыт, за счет которого и увеличивается весь индекс. Таким образом, индекс «Включенность в предпринимательский процесс» (ПП) является функцией от возраста, которая медленно и стабильно растет с 14 лет и немного ускоряет рост с 18 лет, а потом еще сильнее растет после 20 лет. Это объяснимо, так как, во-первых, у большинства осознание юридического права на предпринимательство приходит на возраст после 18 лет, во-вторых, сам процесс обучения обеспечивает достаточно высокую занятость школьников, особенно в старших классах, в-третьих, возможным ограничением выступает несформированное умение принятия важных решений, так необходимое предпринимателю.

Чем выше степень развития предпринимательства в муниципалитете, тем ниже значение выраженности компоненты ЦРП (табл. 5).

Таблица 5. Критерий Крускала-Уоллиса компоненты ценности результатов предпринимательства по группам муниципалитетов

Группы муниципалитетов по степени развития предпринимательства	Количество случаев	Средний ранг
с низкой степенью	382	1570,02
со средней степенью	281	1536,20
с высокой степенью	2293	1456,18

* Объем выборки: 2956 Критерий Хи-квадрат [0...]: 7,246. Вероятность ошибки (значимость): 0,027. Число степеней свободы: 2.

Как показывают данные таблицы 5, чем выше индекс развития предпринимательства муниципалитета, тем выше средний ранг индекса ЦРП. Непараметрический критерий Крускала-Уоллиса показывает статистическую значимость 0,027, что дает основание отвергнуть гипотезу об отсутствии значимых различий между типами муниципалитетов по ЦРП. Получается, что по компоненте ЦРП связь не прямая, а обратная.

Попробуем объяснить данный противоречивый феномен. Ценность результатов предпринимательской деятельности, являясь по своей природе абстракцией, подвержена противоречию целей и средств (по Т. Парсонсу [Parsons, 1964]). Суть в том, что в некоторых обществах декларируемые цели достижения (богатство, лидерство, предпринимательство) для многих остаются целями на словах, поскольку в обществе недостаточно возможностей или средств для их достижения. Поэтому очень вероятно, что в такой ситуации формируется вызванный этим противоречием определенный парадокс сознания: «хочу быть бизнесменом, но не знаю как». И чем менее развитая территория, тем больше желания вырваться из низов через предпринимательство, но это только мечта. Если территория более развитая — молодежь видит пути и их трудности, меньше мечтает (ЦРП) и больше делает (ОПП и ПП).

Удалось установить, что вовлеченность в предпринимательский процесс имеет кривую связь: наиболее вовлечены те, кто имеет либо самый низкий уровень доходов, либо самый высокий (оба критерия показывают статистическую значимость различий не отличимую от 0). Вероятно, это связано с тем, что для последних предпринимательство является устоявшейся чертой семейной жизни, а для первых — попыткой выхода из сложившейся ситуации.

Поскольку выраженность компонент ОПП и ЦРП зависят от типа муниципалитета разнонаправлено, а выраженность ПП вообще ни от чего не зависит, то логично предположить, что итоговый ИПК не будет зависеть от развитости предпринимательства на территории (табл. 6). Данные таблицы 6 показывают, что средние значения ИПК у разных типов муниципалитетов практически идентичны.

Таблица 6. *Распределение индекса предпринимательской культуры по группам муниципалитетов*

Группы муниципалитетов по степени развития предпринимательства	Индекс предпринимательской культуры		
	Человек	Среднее	Стандартное отклонение
с низкой степенью	382	0,4476	0,1219
со средней степенью	281	0,4594	0,1318
с высокой степенью	2293	0,4583	0,1291
Всего:	2956	0,4593	0,1288

* Пропуски: 275 из 3231 (8,51%). Коэффициент Пирсона [-1...+1] значение: 0,025, значимость: 0,181. Коэффициент Эта [0...+1] значение: 0,034, значимость: 0,190. Критерий Крускала-Уоллиса — значимость: 0,163.

Распределение муниципалитетов на рисунке 6 отражает расстояния между конкретными муниципалитетами и уровнями ИПК.

Рис. 6. Сопоставление степени развития предпринимательства в муниципальном образовании со степенью предпринимательской культуры молодежи

Можно убедиться, что возле каждого уровня ИПК (высокий, средний, низкий) можно встретить муниципалитеты с различным уровнем развития предпринимательства (согласно табл. 1). Значимость всех критериев достаточно высока (выше допустимых 0,05), что не позволяет принять гипотезу о наличии различий. Следовательно, гипотеза в целом не подтвердилась, но было получено частичное подтверждение в отношении компоненты общего предпринимательского поведения.

Измерение влияния размера муниципального образования на степень предпринимательской культуры молодежи

При проверке второго анализируемого фактора — типа муниципалитета (по численности населения) также выявлена зависимость. Несмотря на то, что анализ охватывает муниципалитеты в пределах только одной области, тем не менее, благодаря социально-экономическому разнообразию этих территорий при проведении дополнительной оценки влияния типа муниципалитета (по численности населения) и степени предпринимательской культуры молодежи удалось установить разные по степени взаимосвязи.

Выявлено, что во второй группе муниципалитетов (с численностью населения от 40 до 75 тыс. человек, т. е. в большей степени подпадающей под критерии среднего города) чаще (у 11,54% опрошенных в данных муниципалитетах, тогда как в остальных группах на уровне 5,5—7,8%) высокая степень предпринимательской культуры (т. е. почти в два раза больше молодежи с высокой степенью) и, соответственно, реже (16,59% в этой группе против 21,9—23,5% в остальных группах муниципалитетов) низкая степень предпринимательской культуры (табл. 7).

Таблица 7. Распределение степени предпринимательской культуры молодежи по размерам муниципалитетов, в %

Группы муниципалитетов по численности населения	Степень предпринимательской культуры			
	Низкая	Средняя	Высокая	Всего
I группа (свыше 75 тыс. человек)	23,48	70,03	6,49	100,00
II группа (от 40 до 75 тыс. человек)	16,59	71,88	11,54*	100,00
III группа (от 20 до 40 тыс. человек)	22,31	72,11	5,58	100,00
IV группа (до 20 тыс. человек)	21,88	70,31	7,81	100,00
V группа (муниципальные районы)	22,73	71,82	5,45	100,00
Всего:	22,24	70,56	7,20	100,00

* Отличия II группы признаны статистически значимыми с вероятностью ошибки на уровне 0,05.

Связь также подтверждается, если посмотреть не на степень (высокая, средняя, низкая), а на значение индекса предпринимательской культуры — в целом индекс по всем группам муниципалитетов на уровне 0,45—0,46, а во второй группе (средние города) он составляет чуть больше 0,483.

Для выявления причин такой связи отдельно были проанализированы три составляющие авторского индекса предпринимательской культуры.

1. Расчеты показывают, что индекс ценности результатов предпринимательства (ЦРП) никак не связан с размером муниципалитета (вероятность ошибки 0,095 при допустимой 0,05). То есть вне зависимости от того, где проживает молодой человек, в крупнейшем городе или селе, он практически одинаково положительно относится к преимуществам собственного бизнеса.

2. Индекс общего предпринимательского поведения (ОПП) имеет слабые статистически значимые различия с численностью населенного пункта (значимость 0,001). Установлено, что в III и V группе муниципалитетов индекс ОПП значительно слабее (0,47—0,48), чем в других группах (0,51—0,53). То есть, в малых городах и сельской территории молодежь имеет меньше предпринимательских наклонностей (менее мотивированы на успех, ниже уверенность в собственных силах и готовность брать ответственность на себя).

3. Индекс степени вовлеченности молодежи в предпринимательский процесс (ПП) существенно (коэффициент Эта 0,166) зависит от размера города. Во второй группе (от 40 до 75 тыс. человек) индекс ПП существенно выше (0,374), чем в других (на уровне 0,28—0,306). Именно индекс ПП, как составляющая и является основной причиной повышенной степени предпринимательской культуры

в средних городах. Следовательно, в средних городах молодежь проявляет больше предпринимательской активности (совершает больше действий для создания бизнеса, сильнее интегрирована в городское сообщество через общественные организации, имеет более тесные связи со знакомыми предпринимателями).

Установленная зависимость между предпринимательской активностью и размером города объясняется наличием на его территории и привлекательностью для молодежи альтернатив созданию собственного бизнеса. В I группе — в крупнейших городах области (Екатеринбург, Нижний Тагил и др.) для молодежи существует больше возможностей для саморазвития (получение высшего образования, многообразие потенциальных работодателей — крупнейших и известнейших компаний, доступность более развитой спортивной, культурной и других инфраструктур), а не только предпринимательство. Разнообразие и привлекательность для молодежи альтернативных бизнесу занятий перевешивает и в некоторой степени нивелирует более богатую предпринимательскую экосистему большого города. В городах среднего размера (II группа — от 40 до 75 тыс. человек) предпринимательство на фоне других альтернатив молодежи выглядит более привлекательно, т. к. с одной стороны, в них уже нет доступа к высшему образованию (нет вузов), ограниченное количество привлекательных работодателей (иногда только градообразующее предприятие) и меньше вариантов самореализации, но, с другой стороны, имеются институты развития предпринимательства (фонды содействия бизнесу). В малых городах (III группа — от 20 до 40 тыс. человек), поселениях городского типа (IV группа — до 20 тыс. человек) и сельской местности (V группа — муниципальные районы) собственный бизнес, так же, как и в крупных городах, является не таким привлекательным для молодежи занятием, но уже по другим причинам — самая низкая платежеспособность потенциальных клиентов и их ограниченное количество, более негативное общественное отношение к предпринимателям, еще менее развитая инфраструктура поддержки предпринимательства.

Выявленные важные направления развития предпринимательской активности молодежи

Разработанные методики, помимо непосредственной проверки влияния двух ключевых факторов предпринимательской культуры молодежи — развитости субъектов предпринимательства и размера муниципалитета, позволяют на основе выявленных зависимостей отсеять факторы, прежде всего, социокультурные, не оказывающие воздействия или слабо влияющие на развитие предпринимательской культуры молодежи в муниципальных образованиях.

Из значимых факторов [Глухих, Воронина, Шкурин, 2017] стоит особо активизировать изменение следующих, особенно чувствительных для молодежи (в скобках приводятся отдельные высказывания респондентов):

1. *Образование*: общее («больше внимания уделять этому в школе, а не ставить акцент на то, что человек должен найти работу у другого предпринимателя», «должны приезжать в школы предприниматели, которые уже добились в жизни результатов, и рассказывать, как они поднимались») и специальное образование для предпринимателей («появились курсы по предпринимательству», «больше курсов, реклама этих курсов»). Почти половине молодежи (43 %) не хватает информации

о создании собственного дела, в том числе 12% остро в ней нуждаются. По их мнению, для того чтобы быть предпринимателем, нужно долго учиться (рис. 7).

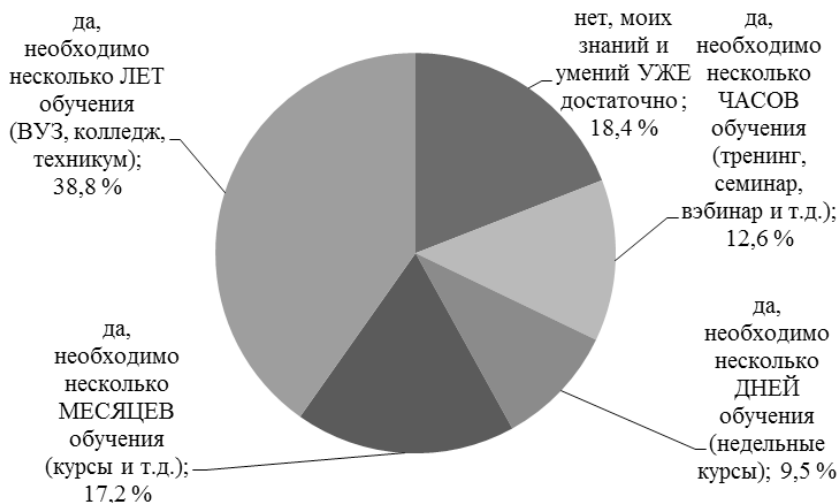

Рис. 7. Потребовались ли тебе для занятия своим бизнесом дополнительное образование?

Молодежи остро не хватает знаний о профориентации к предпринимательству и выборе ниши (рис. 8).

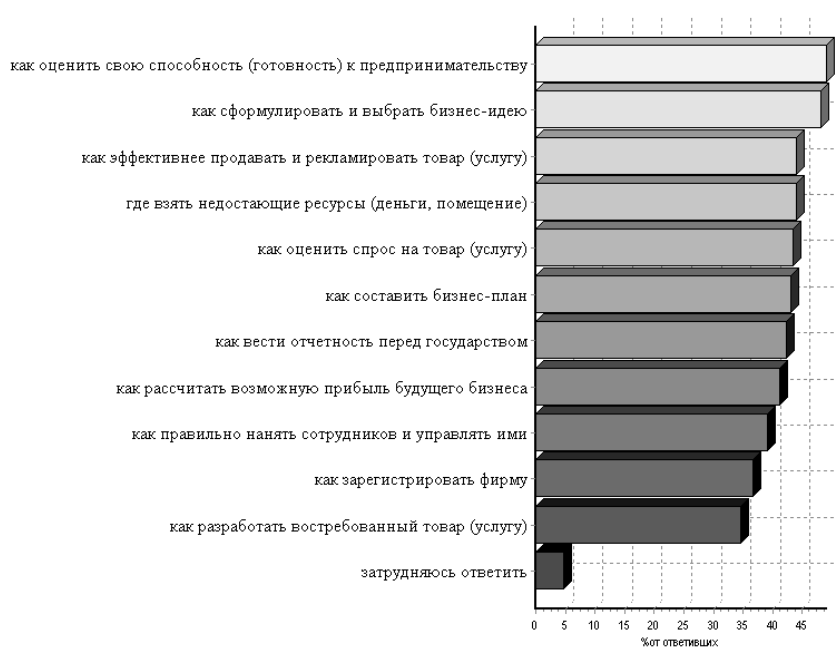

Рис. 8. Необходимость знаний о профориентации к бизнесу и выборе ниши

«Информацию о предпринимательстве быстрее всего увидим, если она будет в социальных сетях, особенно ВКонтакте и YouTube», — отмечает молодежь.

2. *Отношение власти:* федеральной («от города не зависит, проблемы в государственной системе») и местной («должен поменяться менталитет нашей мэрии к предпринимателям, особенно к новичкам», «одобрение главой города»). Почти половина молодежи считает, что администрация города не заинтересована в развитии молодежного предпринимательства.

3. *Отношение населения* («отношение людей к «слишком молодым» предпринимателям, если «молодой», не значит, что «неопытный», «изменить отношение к девушкам-предпринимателям в моем городе», «отношение людей к новому»).

4. *Конкуренция* («ликвидация «монополии» администрации»). Большинство респондентов считает недостаточной эффективность действия властей своего города по развитию предпринимательства (рис. 9).

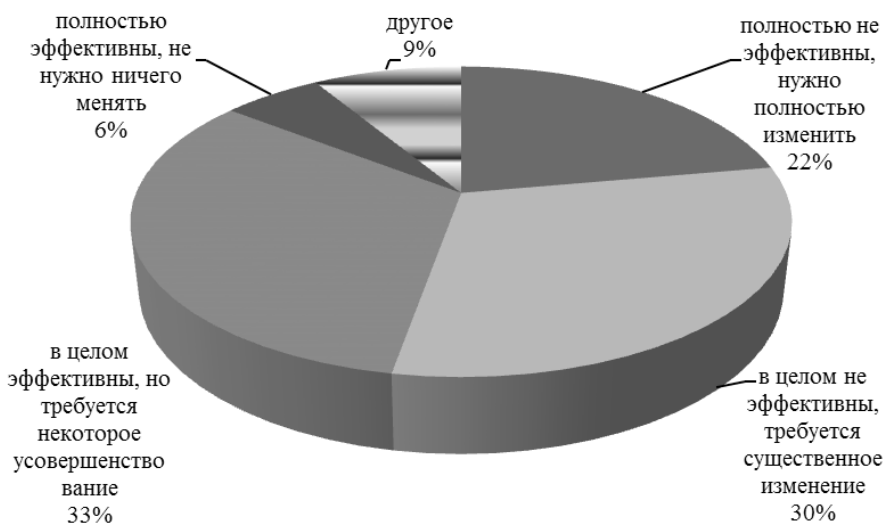

Рис. 9. Мнение молодежи об эффективности действий властей по развитию предпринимательства

5. *Интерес молодежи* («нужно заинтересовать меня»). Одной из целей анкетирования было выявление интереса молодежи к предпринимательству. Исследование предполагало измерение в следующей логической последовательности «Отношение к предпринимательству → желание → действия»;

- отношение к предпринимательству оценивалось через восприятие культуры предпринимателя. По мнению молодежи, уровень культуры предпринимателей такой же, как у большинства населения, или чуть выше;
- положительное отношение обуславливает повышенное *желание* стать предпринимателем. Согласно результатам авторских опросов, 1/3 молодежи отдает предпочтение предпринимательству в сравнении с работой по найму (рис. 10);

- достаточный уровень интереса и желания переходит в практические действия. 12% молодежи утверждает, что у них разработан бизнес-план, 2,5% — осуществлена государственная регистрация.

Рис. 10. Желание молодежи заниматься предпринимательской деятельностью

6. *Поддержка* («доступность в создании своего дела», «открыть центры для юных предпринимателей», «программа помощи начинающим предпринимателям», «создание образовательной услуги, когда подросток мог себя попробовать в предпринимательстве», «появление социальной рекламы, созданной на основе интересов молодежи, а не дяденек и тетенок»). Больше 1/3 молодежи не знает, кто может помочь начинающему бизнесу. Половина (55%) молодежи знает, что в городе есть фонд помощи предпринимателям, но только треть считает, что он может им помочь в случае необходимости. 16% молодежи пользовались услугами учреждений (организаций), оказывающих помощь будущим и начинающим предпринимателям.

7. *Больше возможностей* («не хватает понимания диапазона возможных ресурсов»). Ответы на открытый вопрос «Если бы ты был директором учреждения, оказывающего помощь предпринимателям, что бы ты сделал, чтобы молодежь шла в бизнес» представлены на рис. 11.

Рис. 11. Вопрос «Если бы ты был директором учреждения, оказывающего помощь предпринимателям, что бы ты сделал, чтобы молодежь шла в бизнес?»

Список интересных вариантов помощи, которые бы оказали ответственные за поддержку бизнеса:

- «подтолкнуть на хорошую идею и помочь ее реализовать»;
- «составить план действий и определиться с целями»;
- «помочь с выбором направления, и дать начало бизнесу»;
- «направить на правильный путь»;
- «бесплатные уроки»;
- «научить правильной жизни в деятельности предпринимателя»;
- «развеять страхи»;
- «научить учащихся стремиться к предпринимательству».

8. Развитие территории («город должен процветать»). Треть молодежи собирается уехать из своего города/села (рис. 12).

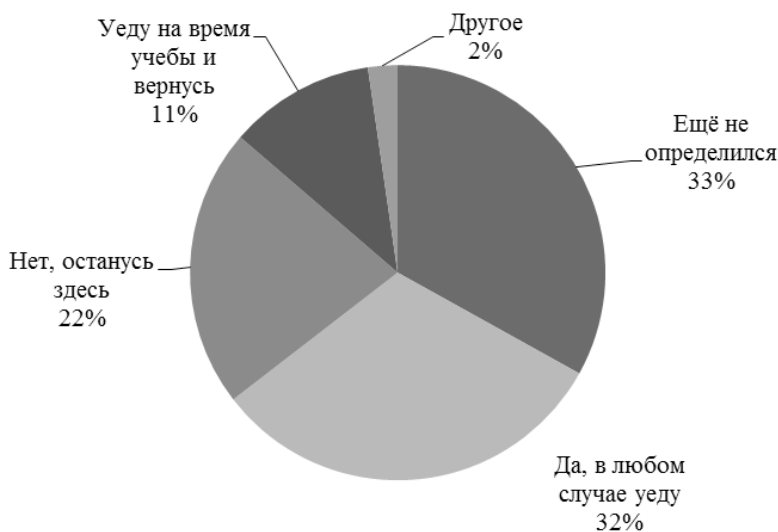

Рис. 12. Ответ молодежи на вопрос: «Планируешь ли ты уехать из своего города (села)?»

Поэтому, с одной стороны, необходим учет особо значимых для молодежи факторов при разработке и корректировке стратегических и программных документов в сфере предпринимательства, а с другой — развитие именно тех факторов, положительное влияние которых установлено. Согласно выявленным детерминантам развития предпринимательской культуры молодежи для повышения эффективности поддержки малого бизнеса и предпринимательской инициативы региональным и муниципальным органам власти, а также фондам поддержки предпринимательства предлагается внедрение следующих рекомендаций [Глухих, Воронина, Шкурин, 2017]:

1. Поскольку, согласно выявленной зависимости, уровень развития предпринимательства в муниципалитете (первый исследуемый фактор) благоприятно влияет на склонность молодежи к своему бизнесу (мотивация достижения успеха выше мотивации избегания неудач, повышенная ответственность и уверенность), то для

повышения предпринимательской инициативы молодежи необходимо в муниципалитетах организовывать и поддерживать проведение специализированных мероприятий, направленных на диагностику склонностей и готовности к собственному бизнесу, обучение и формирование навыков предпринимательской деятельности (например, конкурс бизнес-планов), а также стимулировать молодежь к активному в них участию.

2. Поскольку выявлено, что в малых городах, городских и сельских поселениях собственный бизнес является не таким привлекательным для молодежи занятием (второй исследуемый фактор), в том числе по причине более негативного общественного (консервативного) отношения к предпринимателям, то для нивелирования этого ограничения и повышения степени предпринимательской культуры молодежи необходимо формирование открытого предпринимательского сообщества. Появление такого канала коммуникации, в том числе в социальных сетях, между потенциальными и действующими предпринимателями и структурами поддержки позволит молодежи через привычный для них способ информации и общения включаться в мир предпринимательства. Интерес участия предпринимателей в таком сообществе заключается в возможности делиться совместными интересами и проявлении социальной ответственности (наставничество).

3. С целью повышения предпринимательской культуры необходимо применить доказанный детерминант предпринимательской активности [Татарко, 2013] — активное участие в деятельности общественных организаций различной направленности (искусство, спорт, политика, экономика и др.) путем активизации работы общественных организаций и муниципальных учреждений, в том числе путем их позиционирования с точки зрения интересов молодежи (особенно молодежи со средним уровнем дохода, так как именно она, как было показано выше, менее вовлечена в предпринимательский процесс). Также необходимо создать и транслировать молодежи специальный интерактивный Календарь общественных активностей, включающих продвижение их деятельности и мероприятий, привлекающих новых и удерживающих существующих участников.

Такие меры позволят повысить предпринимательскую культуру молодежи и позитивно повлиять на развитие малого бизнеса на территории, а, следовательно, увеличить самообеспеченность муниципальных образований.

Заключение

Таким образом, благодаря разработке и апробации авторских методик, были измерены такие детерминанты предпринимательской культуры молодежи как развитость субъектов предпринимательства и размер муниципалитета. Для оценки первого фактора апробирован авторский подход к оценке развития предпринимательской деятельности, по результатам которого составлен рейтинг территорий Свердловской области по степени развития предпринимательства: высокая, средняя, низкая. Определены веса социокультурных факторов предпринимательской культуры и рассчитаны индексы ее компонентов. На основе социологического опроса путем измерения аксиологических установок молодежи рассчитан уровень развития предпринимательской культуры по муниципалитетам Свердловской области. Подтвердилась гипотеза в части общего предпринимательского пове-

дения: чем выше уровень развития предпринимательства в муниципалитете, тем больше в поведении молодежи проявляются свойственные предпринимателям черты. Влияние на предпринимательскую культуру второго оцениваемого фактора, размер муниципалитета, также подтвердилось. Так установлено, что в средних по численности городах почти в два раза больше молодежи с высокой степенью предпринимательской культуры по причине большей привлекательности собственного бизнеса на фоне других менее интересных для молодежи альтернатив. Также выявлена зависимость, что наиболее вовлечены в предпринимательский процесс те, кто имеет либо самый низкий уровень доходов (попытка выхода из сложившейся ситуации), либо самый высокий (неотъемлемая черта успешной жизни). С учетом корреляции социокультурных факторов предложены наиболее важные направления развития предпринимательской активности молодежи.

Список литературы (References)

- Бажин Е. Ф., Голынкина Е. А., Эткинд А. М. Метод исследования локуса субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 3. С. 152—163.
- Bazhin E. F., Golyunkina E. A., Etkind A. M. (1984) The Method of Studying the Locus of Subjective Control. *Psychological Journal*. Vol. 5. No. 3. P. 152—163. (In Russ.).
- Богатырева К., Широкова Г. От предпринимательских намерений — к созданию бизнеса: опыт российских студентов // Форсайт. 2017. Т. 11. № 3. С. 25—36. <http://doi.org/10.17323/2500-2597.2017.3.25.36>.
- Bogatyрева K., Shirokova G. (2017) From Entrepreneurial Aspirations to Founding a Business: The Case of Russian Students. *Foresight and STI Governance*. Vol. 11. No. 3. P. 25—36. <http://doi.org/10.17323/2500-2597.2017.3.25.36>. (In Russ.).
- Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.
- Weber M. (1990) *Selected Works*. Moscow: Progress. (In Russ.).
- Волков В. В. Федеральная финансовая поддержка муниципалитетов в 2012—2014 гг. // Практика муниципального управления. 2011. № 12.
- Volkov V. V. (2012) Federal Financial Support for Municipalities in 2012—2014. *Journal of Municipal Management Practice*. No. 12. (In Russ.).
- Глухих П. Л., Воронина Л. В., Шкурин Д. В., Алексина А. С., Хабирова А. В. Предпринимательская культура молодежи в муниципальном образовании: оценка, управление и развитие. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2017.
- Glukhikh P. L., Voronina L. V., Shkurin D. V., Aleksina A. S., Khabirova A. V. (2017) Entrepreneurial Culture of Youth in the Municipality: Assessment, Management and Development. Ekaterinburg: Institute of Economics, the Ural Branch of Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
- Воронина Л. В., Глухих П. Л. Методический подход к оценке степени развития предпринимательской деятельности в муниципальном образовании // Развитие территориальных социально-экономических систем: вопросы теории и практики. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2016. С. 347—350.

Voronina L. V., Glukhikh P. L. (2016) Methodological Approach to Assessing the Degree of Development of Entrepreneurship in a Municipality. In: *The Development of Local Socio-Economic Systems: Issues of Theory and Practice*. Ekaterinburg: Institute of Economics, the Ural Branch of Russian Academy of Sciences. P. 347—350. (In Russ.).

Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. М. : Наука, 1994.

Sombart W. (1913) *Der Bourgeois*. München und Leipzig: Duncker & Humblot.

Кетс де Врис М. Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта. М. : Альпина Бизнес Букс, 2004.

Kets de Vries M. (2001) *The Leadership Mystique: A User's Manual for the Human Enterprise*. Upper Saddle River, NJ: Pearson FT Press.

Ксенофонтова Е. Г. Исследования локализации контроля личности. Новая версия методики «Уровень субъективного контроля» // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 2. С. 103—114.

Ksenofontova E. G. (1999) Studies in the Localization of Personality Control. New Version of the Methodology “Level of Subjective Control”. *Psychological Journal*. Vol. 20. No. 2. P. 103—114. (In Russ.).

Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. М. : Прогресс, 1965.

Miller G. A., Galanter E., Pribram K. H. (1960) *Plans and the Structure of Behavior*. New York: Henry Holt, Rinehart and Winston.

Орлов В. Б., Мизерова О. Г., Орлова Е. В. Предпринимательская культура: сущность и содержание понятия // Вестник Югорского государственного университета. 2009. № 4 (15). С. 13—25.

Orlov V. B., Mizerova O. G., Orlova E. V. (2009) Entrepreneurial Culture: The Essence and Content of the Concept. *Bulletin of Yugra State University*. No. 4 (15). P. 13—25. (In Russ.).

Социальная психология российского предпринимательства информационно-исследовательская база данных / отв. ред. В. П. Позняков. М. : Издательство Московского гуманитарного университета, 2014.

Poznyakov V. P. (2014) *Social Psychology of Russian Entrepreneurship Information and Research Database*. Moscow: Moscow University for Humanities Press. (In Russ.).

Стожко К. П., Тарасова О. В., Новожилов А. Е., Маяков Н. Н. Социальная диалектика предпринимательства: Личность. Самоуправление. Культура. Творчество. Екатеринбург : Издательство Уральского государственного университета, 2005.

Stozhko K. P., Tarasova O. V., Novozhilov A. E., Mayakov N. N. (2005) *Social Dialectics of Entrepreneurship: Personality. Self-Management. Culture. Creation*. Ekaterinburg: Ural State University Publishing House. (In Russ.).

Татарко А. Н. Социально-психологический капитал личности как фактор успеха в открытии нового бизнеса // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 80—98.

Tatarko A. N. (2013) Social Psychological Capital as a Factor of Success in a New Business. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. Vol. 10. No. 4. P. 80—98. (In Russ.).

Франц А. С. Российская предпринимательская культура: исторический экскурс // Известия Уральского государственного экономического университета. 2005. № 12. С. 142—148.

Frants A. S. (2005) Russian Entrepreneurial Culture: A Historical Introduction. *News of the Ural State Economic University*. No. 12. P. 142—148. (In Russ.).

Широкова Г. В., Цуканова Т. В., Богатырева К. А. Университетская среда и предпринимательская активность студентов: роль бизнес-опыта и предпринимательской самоэффективности // Вопросы образования. 2015. № 3. С. 171—207.

Shirokova G., Tsukanova T., Bogatyreva K. (2015) University Environment and Student Entrepreneurship: The Role of Business Experience and Entrepreneurial Self-Efficacy. *Educational Studies*. No. 3. P. 171—207. (In Russ.).

Шкурин Д. В. Сравнительная оценка качества данных офлайн и онлайн опросов // Дискуссия. 2015. № 8. С. 101—105.

Shkurin D. V. (2015) Comparative Evaluation of Data Quality in Online and Offline Surveys. *Discussion*. No. 8. P. 101—105. (In Russ.).

Alsos G. A., Kolvereid L. (1998) The Business Gestation Process of Novice, Serial, and Parallel Business Founders. *Entrepreneurship Theory and Practice*. Vol. 22. No. 4. P. 101—114. <https://doi.org/10.1177/104225879802200405>.

Brockhaus R. H. (1980) Risk Taking Propensity of Entrepreneurs. *The Academy of Management Journal*. Vol. 23. No. 3. P. 509—520. <https://doi.org/10.5465/255515>.

Brockhaus R. H. (1982) The Psychology of Entrepreneur. In: Kent C. A., Sexton D. L., Vesper K. H. (eds.) *Encyclopedia of Entrepreneurship*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. P. 39—57.

Burke A. J. (2011) How to Build an Innovation Ecosystem? For Spurring Scientific Progress, An Interconnected Community is Key. *The New York Academy of Sciences Magazine*. P. 19—20.

Carter N. M., Gartner W. B., Reynolds P. D. (1996) Exploring Start-Up Event Sequences. *Journal of Business Venturing*. Vol. 11. No. 3. P. 151—166. [https://doi.org/10.1016/0883-9026\(95\)00129-8](https://doi.org/10.1016/0883-9026(95)00129-8).

Chen C. C., Greene P. G., Crick A. (1998) Does Entrepreneurial Self-Efficacy Distinguish Entrepreneurs from Managers? *Journal of Business Venturing*. Vol. 13. No. 4. P. 295—316. [https://doi.org/10.1016/S0883-9026\(97\)00029-3](https://doi.org/10.1016/S0883-9026(97)00029-3).

Dwarampudi S. R. (2014) The Role of Culture on Entrepreneurship Development. LinkedIn Slideshare. September 19. URL: <http://www.slideshare.net/srinivasreddydwarampudi/the-role-of-culture-on-entrepreneurship-development> (accessed: 15.11.2019).

Isenberg D. (2011) The Entrepreneurship Ecosystem Strategy as a New Paradigm for Economic Policy: Principles for Cultivating Entrepreneurship. Babson Park, MA:

The Babson Entrepreneurship Ecosystem Project. <http://www.innovationamerica.us/images/stories/2011/The-entrepreneurship-ecosystem-strategy-for-economic-growth-policy-20110620183915.pdf>.

Kroon J., Dippenaar A. (2003) Developing the Next Generation of Potential Entrepreneurs: Co-Operation between Schools and Businesses? *South African Journal of Education*. Vol. 23. No. 4. P. 319—322.

Li J., Lee R. P. (2014) Can Knowledge Transfer within MNCs Hurt Subsidiary Performance? The Role of Subsidiary Entrepreneurial Culture and Capabilities. *Journal of World Business*. Vol. 50. No. 4. P. 663—673. <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2014.09.004>.

McClelland D. C. (1961) *The Achieving Society*. New York: Van Nostrand. <http://dx.doi.org/10.1037/14359-000>.

McGrath R. G., MacMillan I. C., Scheinberg S. (1992) Elitists, Risk-Takers, and Rugged Individualists? An Exploratory Analysis of Cultural Differences between Entrepreneurs and Non-entrepreneurs. *Journal of Business Venturing*. Vol. 7. No. 2. P. 115—135. [https://doi.org/10.1016/0883-9026\(92\)90008-F](https://doi.org/10.1016/0883-9026(92)90008-F).

O'Shea R. P., Chugh H., Allen T. J. (2008) Determinants and Consequences of University Spinoff Activity: A Conceptual Framework. *Journal of Technology*. Vol. 33. No. 6. P. 653—666. <https://doi.org/10.1007/s10961-007-9060-0>.

Oosterbeek H., van Praag M., Ijsselstein A. (2010) The Impact of Entrepreneurship Education on Entrepreneurship Skills and Motivation. *European Economic Review*. Vol. 54. No. 3. P. 442—454. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2009.08.002>.

Parsons T. (1964) *Social Structure and Personality*. Glencoe, IL: The Free Press.

Rotter J. B. (1954) *Social Learning and Clinical Psychology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. <https://doi.org/10.1037/10788-000>.

Zahra S. A., Korri J. S., Yu J. (2005) Cognition and International Entrepreneurship: Implications for Research on International Opportunity Recognition and Exploitation. *International Business Review*. Vol. 14. No. 2. P. 129—146. <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2004.04.005>.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): ноябрь — декабрь 2019 // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 152—179.

For citation:

Public opinion poll (VCIOM): November — December 2019. (2019) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 152—179.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 2019

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

ПРЕКРАСНАЯ «ЕДИНАЯ РОССИЯ» БУДУЩЕГО153

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ РОССИЯН: МОНИТОРИНГ 159

РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: НА ПУТИ К РЕАЛИЗМУ162

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПОЛИЦИЯ И ГРАЖДАНЕ: МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОЦЕНОК.....166

ПОЛИЦИЯ И ГРАЖДАНЕ: ДВИЖЕНИЕ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ.....169

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ИНВАЛИДОВ — 2019.....171

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ВОПРОСЫ ОБ ОПРОСАХ — КО ДНЮ СОЦИОЛОГА 174

ПОДДЕРЖКА СПОРТА БУКМЕКЕРАМИ: МИФ ИЛИ ШАНС?176

ПОЛИТИКА

ПРЕКРАСНАЯ «ЕДИНАЯ РОССИЯ» БУДУЩЕГО153

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ РОССИЯН: МОНИТОРИНГ159

РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: НА ПУТИ К РЕАЛИЗМУ162

ПРЕКРАСНАЯ «ЕДИНАЯ РОССИЯ» БУДУЩЕГО

15 ноября 2019 г.

66% опрошенных россиян считают, что партия власти нашей стране необходима. 69% наших сограждан считают, что она должна нести ответственность за всех представителей власти, в том числе беспартийных. 87% опрошенных придерживаются мнения, что у нее должна быть идеология. 90% россиян считают, что партия власти должна нести большую ответственность перед избирателями, нежели другие партии.

Таблица 1. Существует такое выражение, как «партия власти». На Ваш взгляд, в России есть такая партия или ее нет? (закрытый вопрос, один ответ, %)

	Все опрошенные	Сторонники «Справедливой России»	Сторонники ЛДПР	Сторонники КПРФ	Сторонники «Единой России»	Сторонники непарламентских партий	Не стали бы участвовать в выборах
Точно есть	28	32	27	35	27	30	30
Скорее есть	35	39	36	31	45	33	23
Скорее нет	17	19	21	17	14	16	22
Точно нет	7	5	9	8	3	12	13
Затрудняюсь ответить	13	5	7	9	11	9	12

Рисунок 1. А вообще в России нужна партия власти или не нужна?
(закрытый вопрос, один ответ, %)

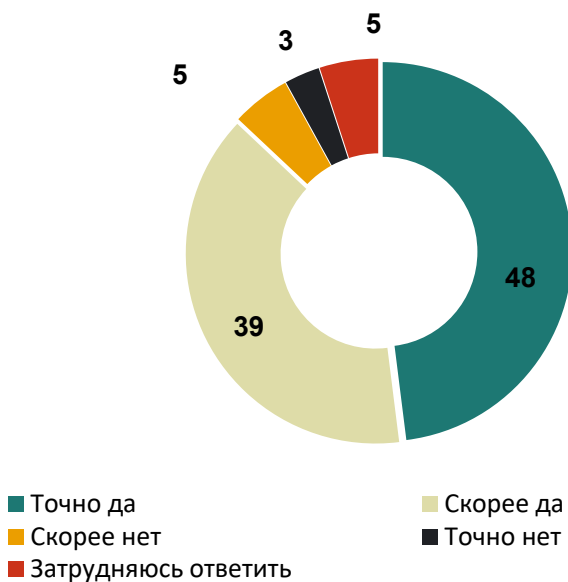
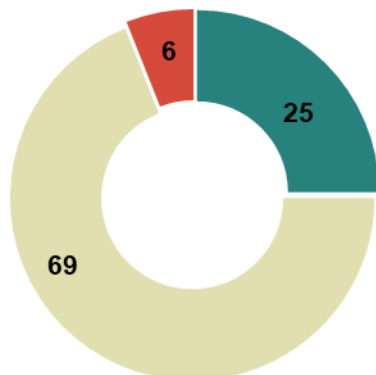

Рисунок 2. Как Вы считаете, должна у партии власти быть идеология или нет?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

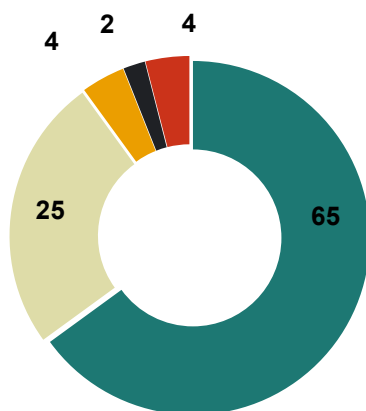

- Партия власти должна нести ответственность за действия и поступки только членов своей партии
- Партия власти должна нести ответственность за действия и поступки всех представителей власти, включая беспартийных
- Затрудняюсь ответить

Рисунок 3. Помимо представления гражданских интересов любая партия несет перед гражданами моральную ответственность за решения, действия, высказывания своих членов.

Если согласиться с тем, что в России есть партия власти, то, на Ваш взгляд, должна она нести ответственность за решения и поступки только своих членов или же должна отвечать за действия и поступки всех представителей власти, в том числе беспартийных?

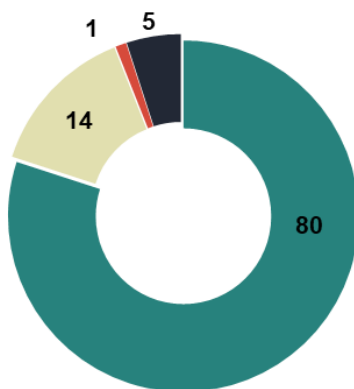
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

- Точно да
- Скорее да
- Скорее нет
- Точно нет
- Затрудняюсь ответить

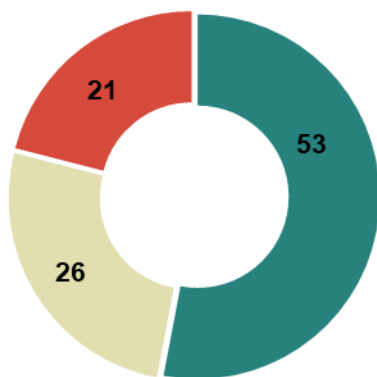
Рисунок 4. Если согласиться с тем, что в России есть партия власти, то как Вы считаете, должна она нести большую ответственность перед избирателями, чем другие партии, или нет?

(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

- Партия власти должна принимать публичные меры в таких случаях вплоть до исключения таких членов из партии
- Партия власти должна принимать меры в таких случаях, но без публичной огласки
- Партия власти не должна контролировать аморальные поступки своих членов
- Затрудняюсь ответить

Рисунок 5. Представьте, что представитель партии власти совершил аморальный поступок. Должна ли партия в таком случае принимать публичные меры, например, исключать таких членов из нее или аморальные поступки не должны контролироваться ею? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

- Единая Россия в таких регионах скорее является партией власти
- Единая Россия в таких регионах скорее не является партией власти
- Затрудняюсь ответить

Рисунок 6. В России партией власти нередко называют «Единую Россию».
Однако, к примеру, в Хабаровском крае губернатором является представитель партии ЛДПР.
Как Вы считаете, в таких регионах «Единая Россия» является партией власти или нет?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Таблица 2. **На Ваш взгляд, лучше, чтобы партия власти в России периодически менялась или чтобы сохранялась одна и та же? (закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто считает, что в России есть партия власти — 64 %)**

	Все опрошенные	Сторонники «Справедливой России»	Сторонники ЛДПР	Сторонники КПРФ	Сторонники «Единой России»	Сторонники непарламентских партий	Не стали бы участвовать в выборах
Лучше, чтобы партия власти периодически менялась	51	58	69	69	25	71	59
Лучше, чтобы партия власти оставалась одна и та же	37	35	22	18	65	20	27
Затрудняюсь ответить	12	7	8	13	10	9	14

Рисунок 7. По Вашему мнению, на решении каких внутрипартийных вопросов должна сосредоточить свои усилия «Единая Россия»? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ РОССИЯН: МОНИТОРИНГ*5 декабря 2019 г.*

Более половины россиян (54%) ничего не слышали об акциях протеста или митингах в стране за последний месяц. Вероятность проведения массовых акций протеста в их населенном пункте большинство респондентов оценивают как низкую (66%). При тестировании отношения респондентов к допустимости различных форм протестной активности, более половины (53%) заявили о неприемлемости для них ни одной из предложенных форм участия.

Рисунок 8. Скажите, пожалуйста, Вы знаете, что-то слышали или ничего не слышали об акциях протеста, митингах в нашей стране за последний месяц?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 9. Как Вы думаете, насколько вероятны сейчас в Вашем городе/сельском районе массовые акции протеста против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав и свобод? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 10. Если такого рода массовые выступления протеста состоятся, Вы лично примете в них участие или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 11. Если бы Вам предложили участвовать в акциях протеста, чтобы привлечь внимание власти к острым проблемам, то Вы приняли бы в них участие или не приняли?

Если да, то в чем именно Вы готовы принять участие?
(закрытый вопрос, любое число ответов, % от всех опрошенных)

РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: НА ПУТИ К РЕАЛИЗМУ

12 декабря 2019 г.

70% россиян осведомлены о состоявшемся саммите «нормандской четверки». Из них 23% хорошо знают о данном событии, 47% — знают, но без подробностей. 35% ничего не знают о деятельности Владимира Зеленского, 29% декларируют безразличное отношение к украинскому лидеру. Работа Зеленского на посту президента не привела к сдвигам в отношении россиян к Украине. У подавляющего большинства россиян (74%) отношение к Украине осталось неизменным. Половина опрошенных не видят изменений в ситуации в Донбассе (50%). Постепенно снижается доля россиян, которые верят в братские и союзнические отношения между двумя странами (18% в июле 2019 vs 14% в декабре 2019).

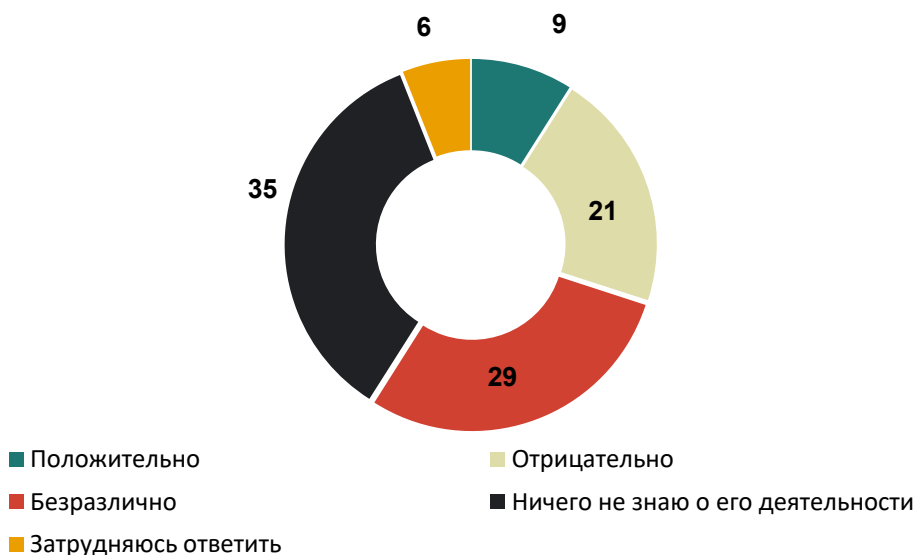

Рисунок 12. Как вы относитесь к Владимиру Зеленскому — нынешнему президенту Украины? Если Вы ничего не знаете о его деятельности, то так и скажите (закрытый вопрос, один ответ, %)

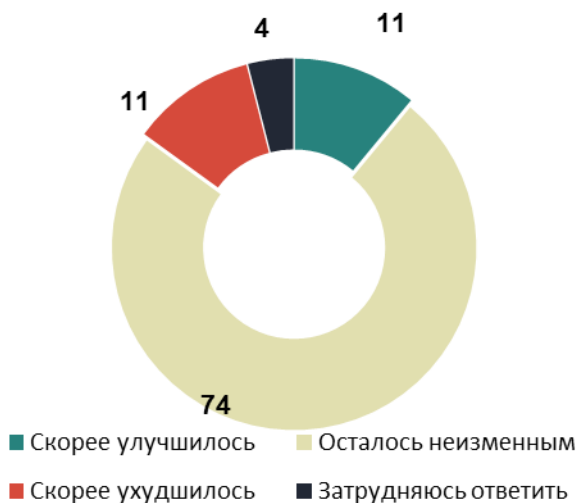

Рисунок 13. За время работы в должности президента Украины Владимира Зеленского Ваше отношение к Украине скорее улучшилось, скорее ухудшилось или осталось неизменным? (закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто знает о деятельности В. Зеленского)

Рисунок 14. Как Вы считаете, после прихода Зеленского, отношения России и Украины улучшились, ухудшились или не изменились? (закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто знает о деятельности В. Зеленского)

Рисунок 14. Как бы Вы оценили нынешние отношения между Россией и Украиной?
(закрытый вопрос, один ответ, %)

Рисунок 15. А каким Вы видите в целом будущее российско-украинских отношений?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рисунок 16. А если говорить о Донбассе, как Вы считаете, в каком направлении развивается ситуация в Донбассе в последнее время? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ПОЛИЦИЯ И ГРАЖДАНЕ: МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОЦЕНОК.....166

ПОЛИЦИЯ И ГРАЖДАНЕ: ДВИЖЕНИЕ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ.....169

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ИНВАЛИДОВ — 2019..... 171

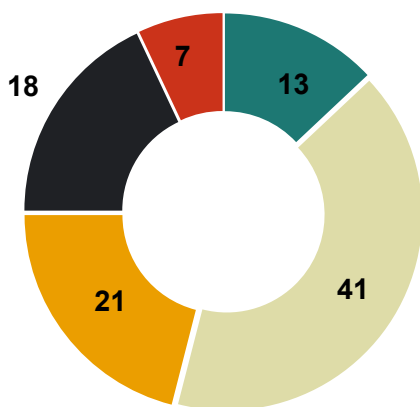
ПОЛИЦИЯ И ГРАЖДАНЕ: МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОЦЕНОК*1 ноября 2019 г.*

Сотрудникам полиции своего региона доверяет 54 % респондентов. Наиболее высокие показатели доверия (среди представленных для оценки) у полиции на транспорте (66 %), сотрудников дежурной части (63 %), участковых инспекторов (59 %), инспекторов по делам несовершеннолетних (57 %) и работников уголовного розыска (55 %).

Образ полицейского, сложившийся в сознании россиян, скорее положительный. Наши соотечественники видят типичного российского полицейского как опрятного (77 %), сильного и крепкого (56 %), вежливого (55 %), готового помочь (55 %), храброго (54 %) и работающего (54 %) человека.

Рисунок 1. Как Вы в целом оцениваете работу полиции в нашем регионе?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

- Определенно доверяю
- Скорее доверяю
- Скорее не доверяю
- Определенно не доверяю
- Затрудняюсь ответить

Рисунок 2. Скажите, пожалуйста, доверяете ли Вы сотрудникам полиции вашего региона или не доверяете? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Таблица 1. Оцените степень своего доверия или недоверия следующим подразделениям полиции (закрытый вопрос, один ответ по каждой строке, % от всех опрошенных)

	Полностью доверяю	Скорее доверяю	Скорее не доверяю	Совсем не доверяю	Затрудняюсь ответить
Сотрудникам дежурной части	14	49	15	8	14
Участковым инспекторам	15	44	17	10	14
Инспекторам по делам несовершеннолетних	16	41	13	7	23
Полиции на транспорте (железнодорожный, авиа-транспорт, метро)	17	49	10	5	19
Сотрудникам патрульно-постовой службы	11	43	19	12	15
Работникам Уголовного розыска	13	42	16	10	19
Следователям из Следственного департамента	10	40	19	11	20
Работникам ГИБДД	10	42	22	15	11
Сотрудникам лицензионно-разрешительной службы	10	34	16	8	32

	Полностью доверяю	Скорее доверяю	Скорее не доверяю	Совсем не доверяю	Затрудняюсь ответить
Сотрудникам управления по вопросам миграции	11	35	15	12	27
Сотрудникам управления по контролю за оборотом наркотиков	14	31	20	15	20

Таблица 2. Представьте себе типичного российского полицейского. Оцените, пожалуйста, по 5-балльной шкале, какими качествами он обладает (закрытый вопрос, один ответ по каждой строке, % от всех опрошенных)

	В полной мере выражено первое качество	Скорее первое качество	Оба качества в равной мере	Скорее второе качество	В полной мере выражено второе качество
Опрятный или неряшливый	46	31	17	4	2
Открытый или лицемерный	25	23	29	14	9
Справедливый или несправедливый	25	23	33	11	8
Неподкупный, честный или взяточник	22	22	33	13	10
Вежливый, воспитанный или Грубый, невоспитанный	29	26	30	10	5
Сильный, крепкий или слабый, хлипкий	27	29	31	9	4
Грамотный, компетентный или Неграмотный, некомпетентный	28	24	30	11	7
Спортивный, подтянутый или Неспортивный	21	24	31	15	9
Работающий или бездельник	29	25	28	11	7
Дружелюбный или агрессивный	26	27	32	9	6
Храбрый или трусливый	29	25	31	10	5
Готовый помочь или безразличный	29	26	25	13	7
Порядочный или непорядочный	25	26	31	11	7

ПОЛИЦИЯ И ГРАЖДАНЕ: ДВИЖЕНИЕ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ

1 ноября 2019 г.

Россияне сегодня в большинстве случаев готовы оказывать содействие сотрудникам полиции: 87 % опрошенных заявили о готовности сообщить сотруднику полиции подробности ситуации, очевидцем которой они являются, 72 % готовы стать понятыми. Не доводилось сталкиваться с действиями полиции, нарушающими права человека, 83 % респондентов (против 62 % в 2009 г.).

Таблица 3. Представьте себе такую ситуацию. Вы идете по улице и никуда особенно не спешите. Вас останавливает полицейский и просит помочь. Как вы поступите? (закрытый вопрос, один ответ по каждой строке, % от всех опрошенных)

	Соглашусь помочь	Вежливо откажусь, сославшись на срочные дела	Затрудняюсь ответить
Просьба прояснить ситуацию, очевидцем которой Вы стали	87	10	3
Просьба стать понятым (свидетелем действий полиции)	72	24	4
Просьба сообщить информацию о поведении интересующего полицию лица	68	23	8
Просьба помочь в задержании правонарушителя	55	36	9
Просьба принять участие в охране общественного порядка	47	46	6

Рисунок 3. Приходилось ли Вам в текущем году наблюдать действия сотрудников полиции, при которых, на Ваш взгляд, нарушались права человека? Если приходилось, то в чем это выражалось? (закрытый вопрос, любое число ответов, % от всех опрошенных)

Рисунок 4. С какой категорией работников полиции, находящихся при исполнении обязанностей, вам приходилось общаться за последний год?
(закрытый вопрос, любое число ответов, % от всех опрошенных)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ИНВАЛИДОВ — 2019*30 ноября 2019 г.*

Более половины респондентов (54 %) замечают изменения в отношении к инвалидам за последние 5—10 лет в лучшую сторону. Основными проблемами, с которыми сталкиваются люди с ограниченными возможностями здоровья, являются, по мнению россиян: трудности с перемещением по городу (36 %), сложности с входом/выходом из дома (30 %), проблемы с обеспечением необходимыми лекарствами (26 %). В нашей стране государство уделяет достаточно внимания людям с ограниченными возможностями здоровья, считает каждый пятый опрошенный (20 %). Четверть респондентов считают, что внимания уделяется слишком мало (26 %), а почти половина (47 %) утверждают, что внимания к подобным проблемам со стороны государства недостаточно.

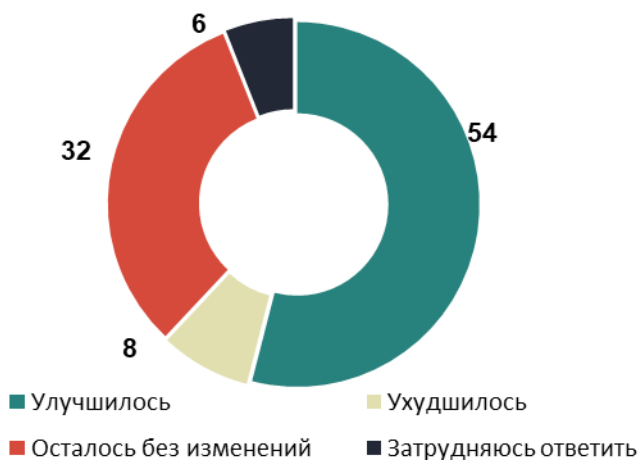

Рисунок 5. Как Вы считаете, в целом отношение к инвалидам в нашем обществе за последние 5—10 лет улучшилось, ухудшилось или осталось без изменений? (закрытый вопрос, один ответ, % всех опрошенных)

Рисунок 6. Поговорим о людях с ограниченными возможностями здоровья — это лица, имеющие недостатки в физическом и (или) психическом развитии: глухие, слабослышащие, слепые, слабовидящие, с тяжелыми нарушениями речи, с нарушениями опорно-двигательного аппарата и другие, в том числе дети-инвалиды. На Ваш взгляд, с какими основными проблемами сталкиваются инвалиды в России в настоящее время? (закрытый вопрос, до трех ответов, % всех опрошенных)

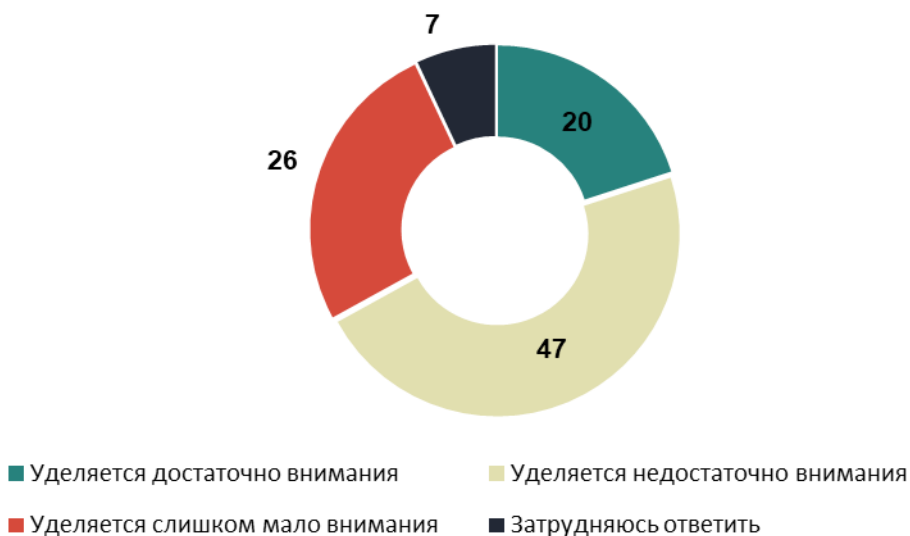

Рисунок 7. Как Вы считаете, достаточно или недостаточно внимания уделяется государством проблемам инвалидов в нашей стране в настоящее время?
(закрытый вопрос, один ответ, % всех опрошенных)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

ВОПРОСЫ ОБ ОПРОСАХ — КО ДНЮ СОЦИОЛОГА.....174

ПОДДЕРЖКА СПОРТА БУКМЕКЕРАМИ: МИФ ИЛИ ШАНС?176

ВОПРОСЫ ОБ ОПРОСАХ — КО ДНЮ СОЦИОЛОГА

9 ноября 2019 г.

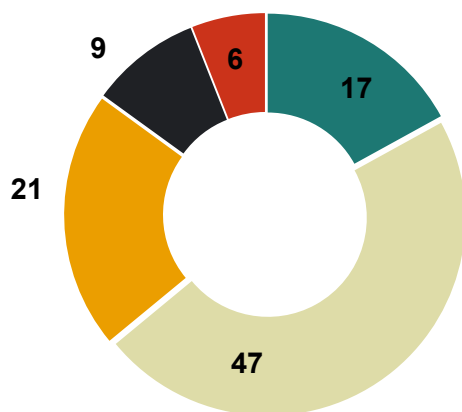
86% россиян считают, что опросы общественного мнения нужны. 64% опрошенных декларируют уверенность в том, что социологические опросы отражают действительные мнения граждан.

На протяжении четырнадцати лет замеров среди россиян устойчиво мнение о том, что опросы помогают узнать мнение людей о положении в их городе, регионе или стране в целом для того, чтобы власти могли учесть это мнение в решении проблем (74%), используются разными категориями ответственных лиц для повышения эффективности своей деятельности (59%), предпринимаются учеными для научного познания общества (58%).

Растет доля россиян, считающих что отношение к опросам становится несерьезным, а опросная деятельность является просто модой (с 32% в 2018 г. до 54% в 2019 г.)

Рисунок 1. Сегодня довольно часто проводятся опросы населения на различные темы. Как Вы думаете, а в принципе опросы общественного мнения нужны или не нужны? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

- Безусловно, отражают
- Скорее отражают
- Скорее не отражают
- Безусловно, не отражают
- Затрудняюсь ответить

Рисунок 2. Как Вы думаете, результаты опросов общественного мнения в целом отражают или не отражают действительные мнения граждан? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

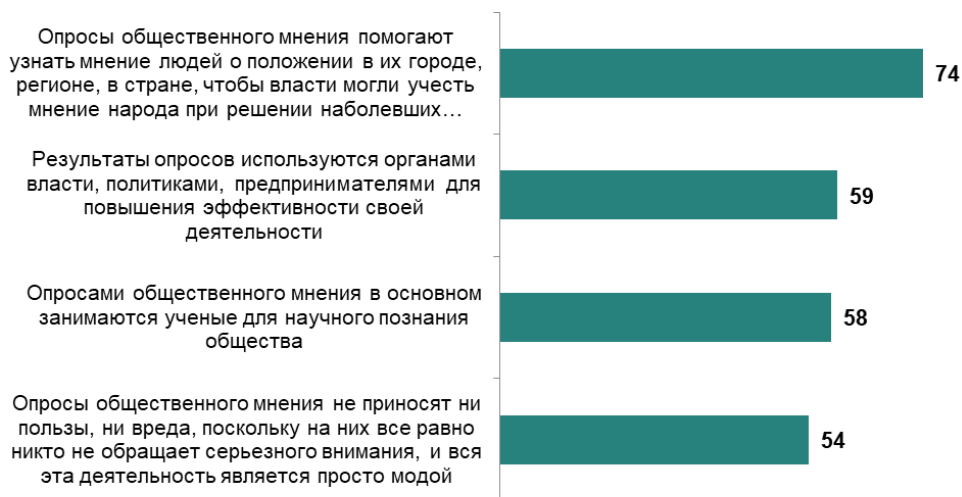

Рисунок 7. Ниже приведены несколько суждений об опросах общественного мнения. Скажите, с какими из них Вы согласны, а с какими — нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных, представлены ответы «согласен» и «скорее согласен»)

ПОДДЕРЖКА СПОРТА БУКМЕКЕРАМИ: МИФ ИЛИ ШАНС?

3—4 ноября 2019 г. по заказу издательского дома «Комсомольская правда»

58% россиян интересуется спортивными событиями, чаще всего в возрасте от 45 до 59 лет (62%), от 60 лет (68%), представители мужской аудитории (65%). 75% опрошенных считают, что букмекерские компании должны поддерживать развитие спорта. По мнению россиян, букмекерские компании могут оказывать поддержку детским (71%) и региональным (29%) командам и организовывать спортивные турниры (24%)

Рисунок 3. Скажите, пожалуйста, интересуетесь Вы или нет спортивными событиями (смотрите ли трансляции по телевизору, в интернете, посещаете спортивные мероприятия и тому подобное)? Вы можете выбрать все подходящие ответы. (закрытый вопрос, любое число ответов, %)

Рисунок 4. Знаете Вы или нет, чем занимаются букмекерские компании? (закрытый вопрос, один ответ, %)

Рисунок 5. Давайте представим, что играет Ваша любимая команда или выступает спортсмен, за которого Вы болеете. Но Вы понимаете, что его шансы на победу не очень велики. Как в этом случае Вы будете делать ставку? (закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто делал ставку и имеет любимую команду или спортсмена)

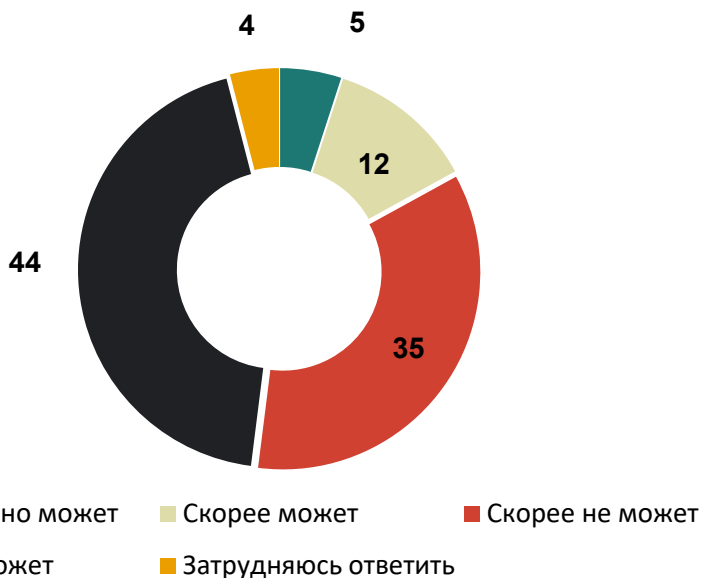

Рисунок 6. Может или не может сегодня профессиональный спорт успешно развиваться без спонсорской поддержки? (закрытый вопрос, один ответ, % всех опрошенных)

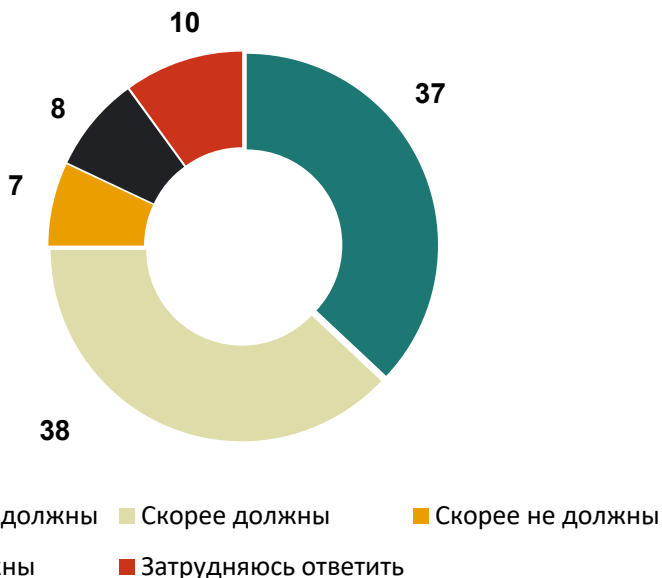

Рисунок 7. Как Вы считаете, должны или не должны букмекерские компании вкладывать средства в развитие спорта? (закрытый вопрос, один ответ, % всех опрошенных)

Рисунок 8. Как еще букмекерские компании могут помочь развитию спорта? (закрытый вопрос, до трех ответов, % всех опрошенных)

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.09

Правильная ссылка на статью:

Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Общественные советы при органах исполнительной власти: эксперты, контролеры или мирские челобитчики? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 180—201. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.09>.

For citation:

Dyakova E. G., Trakhtenberg A. D. (2019) Public councils under executive bodies: experts, controllers or community advocates? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 180—201. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.09>.

Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ ПРИ ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ЭКСПЕРТЫ, КОНТРОЛЕРЫ ИЛИ МИРСКИЕ ЧЕЛОБИТЧИКИ?

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СОВЕТЫ ПРИ ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ЭКСПЕРТЫ, КОНТРОЛЕРЫ ИЛИ МИРСКИЕ ЧЕЛОБИТЧИКИ?

PUBLIC COUNCILS UNDER EXECUTIVE BODIES: EXPERTS, CONTROLLERS OR COMMUNITY ADVOCATES?

Дьякова Елена Григорьевна — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: gf-urfo@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1665-0668>

Elena G. DYAKOVA¹ — Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher

E-MAIL: gf-urfo@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1665-0668>

Трахтенберг Анна Давидовна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: cskiit@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3530-9361>

Anna D. TRAKHTENBERG¹ — Cand. Sci. (Pol. Sci.), Senior Researcher

E-MAIL: cskiit@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3530-9361>

¹ Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Аннотация. В статье рассматривается, каким образом члены общественных советов при исполнительных органах власти конструируют собственную идентичность. Авторы описывают и анализируют глобальную нормативную модель совещательно-консультативных органов как структур, обеспечивающих органы государственной власти внешней экспертизой. Показано, как в процессе адаптации на отечественной почве эта неолиберальная модель была скрещена с советской моделью надзора за деятельностью власти как формой гражданского участия, что сформировало модель общественных советов как субъектов общественного контроля.

На основе эмпирического исследования сделан вывод, что члены общественных советов видят себя не экспертами (в соответствии с глобальной нормативной моделью) и не субъектами общественного контроля, а посредниками между властью и народом, чья функция состоит в доведении до органов власти жалоб и озабоченности рядовых граждан, то есть ориентированы на традиционную модель отношения власти и общества.

Ключевые слова: совещательно-консультативные органы, нормативная модель, экспертиза, общественные советы, общественный контроль, гражданское участие

Благодарность. Авторы выражают благодарность Фонду президентских грантов за поддержку проекта «Общественные советы в органах исполнительной власти: формирование и эффективность деятельности (на примере Свердловской области)»

Abstract. The article discusses how members of public councils under executive bodies construct their own identity. The authors describe and analyze the global normative model of advisory committees as structures that provide public authorities with external expertise. The article shows how this neoliberal model was merged with the Soviet model of the supervision over the authorities' activity as a form of civic participation, when being adopted at the national level. This, in turn, formed a model of public councils as subjects of public control.

Based on empirical evidence, the authors conclude that the members of public councils view themselves not as experts (in accordance with the global normative model) or not as subjects of public control but rather as mediators between the government and the people, with a function of bringing citizens' complaints to the notice of authorities. Thus, they reproduce the traditional model of the relationship between state power and society.

Keywords: advisory committees, normative model, expertise, public councils, public control, civic participation

Acknowledgments. The authors express gratitude to Presidential Grants Foundation for the support of the project "Public councils under executive bodies: formation and effectiveness (Sverdlovsk region case study)" (contract no. 17-2-008921). The article is based on the findings of this

(договор № 17-2-008921), по итогам которого была подготовлена статья. Также авторы благодарят О. В. Рыбакову и О. А. Коневу (Фонд «Социум», г. Екатеринбург) за помощь в организации интервьюирования.

project. The authors would also like to say thanks to O.V. Rybakova and O.A. Koneva (Socium Foundation, Yekaterinburg) for their assistance in the organization of interviews.

Введение

Функционирование совещательно-консультативных органов при органах исполнительной власти является общемировой тенденцией. Хотя сейчас наличие таких органов в системе государственного управления считается само собой разумеющимся, в свое время они были радикальной управленческой инновацией. Они начали активно формироваться в ведущих странах мира в первой половине XX века в связи с переходом к социальному государству и расширением и усложнением функций исполнительных органов власти. Ни классической теорией представительной демократии, ни веберовской моделью рациональной бюрократии такие органы не предусматривались.

В настоящее время совещательно-консультативные органы — неотъемлемый и хорошо легитимированный элемент глобального административного дискурса. Однако их легитимация заняла значительное время. Популярная схема обоснования необходимости совещательно-консультативных органов как инструментов для решения ключевой для системы государственного управления проблемы «принципал — агент» разрабатывались почти полвека. Наиболее активно эта работа велась в США, где было особенно сильно противодействие модели невыборных органов, претендующих на роль, которую в соответствии с классической теорией демократии могут исполнять только представительные органы и СМИ.

Неслучайно в классических дебатах Г. Файнера и К. Фридриха, посвященных судьбе представительной демократии в новую эпоху, в числе прочих был поставлен вопрос о том, каким образом взаимодействие с обществом через совещательные/экспертные органы может и должно сочетаться с взаимодействием через выборные представительные органы. К. Фридрих, ориентированный на континентальную (немецкую) управленческую традицию, был сторонником резкого усиления роли экспертных органов («содружества ученых») при принятии решений органами исполнительной власти [Friedrich, 1935]. В противоположность ему Г. Файнер, для которого идеалом оставалась «Вестминстерская система», подчеркивал важность «внешнего воздействия» (общественного и политического контроля за деятельностью исполнительной власти) и выражал опасения, что «содружество ученых» без такого воздействия будет в своей самонадеянности пренебрегать интересами общества [Finer, 1941].

Это противоречие было разрешено благодаря созданию нормативной модели совещательно-консультативных органов при органах исполнительной власти. В формулировке американского Акта о совещательных комиссиях 1972 г. совещательные органы — это «полезные и благодетельные средства обеспечения федерального правительства экспертными рекомендациями, идеями и разнообразными мнения-

ми»¹. При этом исследователи выделяют две основные группы экспертов: наряду с экспертами-профессионалами, являющимися носителями специализированного, в том числе научного знания о той или иной сфере, в совещательно-консультативные органы привлекаются эксперты-миряне, представляющие точку зрения заинтересованных сообществ и выступающие как носители уникального повседневного опыта существования в той сфере, в которой действует тот или иной орган власти [Brown, 2008; подробнее см. Дьякова, 2019].

Нормативная модель совещательных органов как структур, обеспечивающих внешнюю экспертизу для органов исполнительной власти, господствует в академической литературе. (Совещательным органам при других ветвях власти — законодательной и судебной — уделяется значительно меньше внимания). Эта модель используется для самых радикальных выводов, включая тезис о том, что совещательные органы представляют собой «новую ветвь власти и основу для нового разделения властей» [Vibert, 2007].

Альтернативные модели формируются путем отрицания нормативной. Например, Р. Ван Шенделен полагал, что эксперты стремятся не столько давать оценку и делиться опытом, сколько влиять на процесс принятия решений, то есть не ограничиваются технической экспертизой («policy advice»), а осуществляют экспертизу политическую («politics advice»). Но завершил он свое исследование утверждением, что «ни одна демократия не может функционировать без технократов», поэтому основная задача состоит в том, чтобы подчинить частные интересы экспертов общему интересу [van Schendelen, 2002: 38], что полностью восстанавливает нормативную модель.

Нормативная модель активно используется не только в академических исследованиях, но и в глобальном административном дискурсе и в порожденных им практиках. Однако адаптация этой модели на национальном уровне требует реконтекстуализации и включения в уже существующую административную традицию. В нашей статье мы рассмотрим, каким образом была осуществлена реконтекстуализация в постсоветской России. Наши выводы опираются как на анализ нормативно-правовой базы, так и на результаты качественного социологического исследования, проведенного в рамках проекта «Общественные советы в органах исполнительной власти: формирование и эффективность деятельности (на примере Свердловской области)».

Совещательно-консультативные органы в постсоветской России: нормативная модель

В постсоветской России система совещательно-консультативных органов стала формироваться в 2000-е годы. Эти органы получили название «общественные советы». Первоначально они возникали на инициативной основе, по решению соответствующего органа исполнительной власти. В «инициативные» общественные советы, как правило, входило значительное число государственных служащих, в том числе руководителей структурных подразделений соответствующих органов власти.

Дальнейшее развитие нормативно-правовой базы привело к тому, что создание общественных советов утратило инициативный характер, а функции по их формированию в значительной мере перешли от органов исполнительной власти

¹ The Federal Advisory Committee Act, 1972. Sec. 2a. URL: <https://www.gsa.gov/cdnstatic/FACA-Statute-2013.pdf> (accessed: 06.12.2019).

к Общественной палате, репрезентирующей российское гражданское общество. Уже при создании Общественной палаты РФ Совет Общественной палаты получил право обращаться к руководителю федерального органа исполнительной власти с предложением создать общественный совет при данном органе². Впоследствии полномочия Общественной палаты были существенно расширены (подробнее см. [Дьякова, Трахтенберг, 2016]). Согласно последней редакции Федерального закона № 32-ФЗ Общественная палата «в соответствии с законодательством Российской Федерации принимает участие в формировании общественных советов при федеральных органах исполнительной власти»³.

Основная функция общественных советов была определена законодателем заметно позже — только в 2014 г., после принятия Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». В п. 1 ст. 9 общественные советы наряду с общественными палатами названы субъектами общественного контроля. В ст. 4 общественный контроль определяется как «деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций»⁴. Ряд правоведов сразу же обратили внимание на тавтологический характер данного определения: «контроль — это деятельность субъектов контроля» [Гаганов, 2014; Герасимова, Ландау, 2015]. Отход от глобальной нормативной модели был налицо: основной функцией общественных советов был назван общественный контроль, а не экспертиза.

Дальнейшая конкретизация понятий «общественные советы» и «общественный контроль» проводилась при активном участии Общественной палаты РФ. В разработанном по ее инициативе Стандарте деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти было указано, что общественные советы как совещательно-консультативные органы общественного контроля рассматривают проекты общественно значимых нормативных правовых актов и участвуют в мониторинге качества оказания государственных услуг, реализации контрольно-надзорных функций, хода проведения антикоррупционной и кадровой работы, оценки эффективности государственных закупок⁵. В 2018 г. Общественная палата РФ приняла новый вариант Стандарта, где данное определение было полностью воспроизведено⁶. Параллельно с 2016 г. по инициативе Общественной палаты РФ

² Об Общественной палате Российской Федерации см.: Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. N 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // Российская газета. 2005. 7 апреля. URL: <http://www.rg.ru/2005/04/07/obshhestv-palata-dok.html> (дата обращения: 06.12.2019).

³ Статья 20. Участие членов Общественной палаты в работе общественных советов при федеральных органах исполнительной власти // Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. N 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/12139493/9e3305d0d08ff111955ebd93afd10878/> (дата обращения: 06.12.2019).

⁴ Федеральный закон от 21 июля 2014 г. N 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 23 июля. URL: <https://rg.ru/2014/07/23/zakon-dok.html> (дата обращения: 06.12.2019).

⁵ Стандарт деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти [Типовое положение] (утв. Протоколом № 3 Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 24 июня 2015 года). П. 2.1. URL: <http://base.garant.ru/71517980/> (дата обращения: 05.12.2019).

⁶ Стандарт деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти [Типовое положение] (утв. Решением совета Общественной палаты РФ от 05 июля 2018 года № 55-С). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_307885/ (дата обращения: 05.12.2019).

проводилась «перезагрузка» ряда общественных советов при федеральных органах исполнительной власти в соответствии с требованиями Стандарта⁷.

После принятия в 2016 г. Федерального закона № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации», региональные общественные палаты официально получили право осуществлять общественный контроль за деятельностью органов исполнительной власти (ст. 11, п. 7.1)⁸. Данное положение федерального закона стало предпосылкой для значительного повышения роли региональных общественных палат в формировании общественных советов.

Так, в Свердловской области удалось, наконец, принять закон «Об общественном контроле в Свердловской области»⁹, в соответствии с которым региональная Общественная палата получила полномочия назначать половину от общего числа членов любого общественного совета (еще четверть состава совета предлагает руководитель органа власти, а четверть формируется на конкурсной основе). Был создан специальный институт «экспертов Общественной палаты», из числа которых, наряду с собственно членами палаты, и стала формироваться ее квота в общественных советах.

Региональный закон разрабатывался свыше трех лет. Свердловская область оказалась последним из шести субъектов Федерации, входящих в состав Уральского федерального округа, где такой закон был принят (в ХМАО-Югре закон об общественном контроле был принят еще в 2014 г., в остальных субъектах Федерации — в 2015 г.).

Сложности с принятием закона были связаны с тем, что повышение роли Общественной палаты встречало значительный ведомственный отпор. До этого общественные советы в соответствии с постановлением губернатора области формировались на основе решения, принимаемого руководителями исполнительных органов «при участии Общественной палаты», причем механизмы данного участия прописаны не были (подробнее см. [Дьякова, Трахтенберг, 2016]). Результатом принятия закона стала перезагрузка общественных советов под контролем региональной Общественной палаты. На 1 апреля 2018 г. доля представителей региональной Общественной палаты составила 30,1% от общего числа членов общественных советов, в настоящее время она приближается к половине.

В целом общественные советы функционируют практически при всех органах федеральной и региональной исполнительной власти, включая те, полномочия которых не предполагают прямого взаимодействия с гражданами. При этом основной функцией общественных советов на всех уровнях [за]является общественный контроль.

Таким образом, заложенная в отечественном законодательстве нормативная модель существенно отличается от глобальной, ориентированной на экспертные функции совещательно-консультативных органов.

⁷ Развитие системы Открытого правительства будет продолжено в новом формате // Экспертный совет при Правительстве РФ. 2018. 16 мая. URL: <https://open.gov.ru/events/5517645/> (дата обращения: 05.12.2019).

⁸ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. N 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 28 июня. URL: <https://rg.ru/2016/06/28/palata-dok.html> (дата обращения: 05.12.2019).

⁹ Закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года № 151-03 «Об общественном контроле в Свердловской области» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/429088309/> (дата обращения: 05.12.2019).

Совещательно-консультативные органы в постсоветской России: обзор литературы

Преобладающим направлением анализа деятельности общественных советов при органах исполнительной власти является правовой анализ. В большинстве работ авторы подробно описывают существующую нормативно-правовую базу, даже не пытаясь подвергнуть рефлексии лежащую в ее основе модель общественных советов как субъектов общественного контроля [см., напр., Исаева, 2015; Казарцева, Семенов, 2015; Носкова, 2016; Нужнова, 2015; Плотников, 2013; Щербина, 2015]. Также бросается в глаза почти полное отсутствие перекрестных ссылок — каждый автор начинает описание нормативно-правовой базы как бы заново. При этом, по справедливому замечанию Е. А. Огневой, единого понимания категории «общественный контроль» в российской юридической науке нет [Огнева, 2015: 34].

Поэтому не вызывает удивления, что внутри одного и того же текста авторы могут легко переходить от модели общественных советов как субъектов общественного контроля к совсем другой модели. Например, С. Л. Нужнова, описав, какие функции общественные советы должны выполнять согласно законодательству, затем критически замечает, что «заложенный законодателем порядок организации общественных советов, а также практика функционирования уже действующих советов свидетельствуют о существовании ряда проблем, которые сводят на нет основную цель создания данного института гражданского общества, а именно — обеспечение эффективной взаимосвязи граждан и власти» [Нужнова, 2015: 118]. Оказывается, что основная функция общественных советов — не общественный контроль, а консультации с общественностью по различным вопросам. Такое расхождение между явно декларируемой (официальной) и неявной нормативной моделью достаточно типично для работ правоведов.

Что касается социологов и политологов, занимающихся изучением совещательно-консультативных органов, то они, как правило, используют не модель общественного контроля, а глобальную нормативную модель.

Ряд авторов пришли к выводу, что общественные советы как институты гражданского общества в отечественных условиях носят чисто имитационный характер [Горный, 2011; Markus, 2007; Petrov, Lipman, Hale, 2010]. В методологическом плане такой подход к анализу институтов гражданского общества предполагает отсутствие контекстуализации и учета специфики национальной административной культуры [Lorch, 2017; Monga, 2009].

Однако большинство исследователей склонны полагать, что общественные советы являются сравнительно эффективным инструментом взаимодействия гражданского общества с органами власти и решения проблемы «принципал — агент». Сошлемся прежде всего на работы ряда петербургских авторов, которые вслед за А. Ю. Сунгуровым рассматривают общественные советы как инструмент делиберации¹⁰, то есть как площадку для рационального обсуждения актуальных проблем заинтересованными сторонами и выработки совместной позиции от-

¹⁰ На основе сравнительного анализа деятельности общественных советов в разных странах мира тезис о том, что их можно рассматривать именно как институт-медиатор, обеспечивающий возможность делиберации, ранее сформулировал В. Н. Руденко [Руденко, 2006].

носителем наиболее эффективных путей их решения [Сунгуров, 2013; Сунгуров, 2018; Сунгуров и др., 2012; Сунгуров, Карягин, 2017; Тарасенко, Дубровский, Стародубцев, 2011]. На наш взгляд, такой подход к общественным советам можно считать одной из интерпретаций нормативной модели, где акцент сделан не на источниках экспертного знания, а на механизмах его использования (и производства).

Близкой к А. Ю. Сунгурову и другим Санкт-Петербургским исследователям позиции по вопросу о роли общественных советов придерживается С. Г. Маковецкая. В ее работах формирование общественных советов рассматривается как институциональный механизм реформирования публичного управления в направлении со-управления [Маковецкая, Сулимов, 2012]. Основной задачей при переходе к со-управлению С. Г. Маковецкая считает изменение соотношения переговорных сил государственных служащих и негосударственных субъектов [Маковецкая, 2016]. Особо подчеркивается общественно-полезный, неполитический характер процесса делиберации, участников которого следует отличать от обычных просителей, закрытых профессионалов, лоббистов и протестующих. С последним выводом нельзя не согласиться: участники процесса делиберации — эксперты, использующие свой социальный капитал для продвижения своей позиции.

Г. А. Гарифуллина, напротив, ориентируется на альтернативную по отношению к нормативной модель общественных советов как инструментов лоббирования частных интересов. В целом Г. А. Гарифуллина выделяет три основных модели совещательно-консультативных органов. Она полагает, что от нормативной экспертной модели следует отличать делиберативную модель и лоббистскую модель [Гарифуллина, 2011]. Как показано выше, речь скорее идет о разных разновидностях [включая альтернативную] базовой нормативной модели.

Для подтверждения своей позиции Г. А. Гарифуллина проанализировала деятельность 169 совещательных органов при федеральных органах исполнительной власти. В результате комплексного анализа всех характеристик совещательных органов — количество советов при ведомстве, годы их создания, статус совета и личность руководителя совета, состав — автор пришла к выводу, что общественные советы были заняты в первую очередь лоббированием. Наиболее представлен в этих органах был крупный бизнес (около 40 % членов советов), причем представители бизнеса, как правило, доминировали в процессе обсуждения/делиберации [Гарифуллина, 2013].

Следует отметить, что большинство изученных А. Г. Гарифуллиной советов были созданы в период с 2005 по 2009 гг. (то есть до принятия закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации») и действовали преимущественно в сфере управления промышленностью, чем и объяснялся их «лоббистский» уклон.

В итоге А. Г. Гарифуллина, как и Р. Ван Шенделен, вернулась к глобальной нормативной модели. Ее работа завершается рекомендацией формировать общественные советы за пределами сферы «политики групп интересов», в области социальной и внутренней политики (именно по этому пути и пошли как федеральные, так и региональные органы власти с 2014 г.). Характерно, что Г. А. Гарифуллина

вообще не рассматривает функцию общественного контроля как присущую совещательным органам.

Еще одно эмпирическое исследование деятельности общественных советов было проведено К. Оуэн [Owen, 2014]. Она, в отличие от всех предыдущих авторов, учла в своих работах модель общественного контроля. По ее мнению, применительно к общественным советам целесообразно говорить о синтезе советского и неолиберального дискурсов гражданского участия на основе представления о необходимости объединения граждан для того, чтобы совместными усилиями решать поставленные государством задачи. «Общественный контроль» как функция общественных советов рассматривается ею именно как наследие советской административной традиции [ibid.; Owen, Bindman, 2017].

Таким образом, при анализе общественных советов исследователи ориентируются на глобальную нормативную модель. Модель общественных советов как субъектов общественного контроля в эмпирических исследованиях фактически не применяется, и даже в работах юристов, занимающихся анализом нормативно-правовой базы общественного контроля, сосуществует с глобальной моделью совещательно-консультативных органов как органов внешней по отношению к органам исполнительной власти экспертизы.

Постановка проблемы и описание методов исследования

На наш взгляд, при исследовании деятельности общественных советов большинство исследователей (за исключением К. Оуэн) не в полной мере учитывают специфику отечественной административной традиции, в том числе при взаимодействии граждан с органами власти. Отечественная система государственного управления предполагает множество надзорных структур с пересекающимися полномочиями, контролирующими деятельность органов исполнительной власти [Christian, 1982; Розов, 2011]. Надзорные структуры обеспечивают дополнительные каналы информации о деятельности нижестоящих чиновников, хотя эта информация не всегда отличается идеальной достоверностью.

В советское время появилась новая форма надзора — народный контроль. Превращение надзора в форму гражданского участия было вполне логичным с точки зрения марксистской теории отмирания государства в ее ленинской интерпретации. В «Государстве и революции» В. И. Ленин уверенно заявлял, что по мере развития диктатуры пролетариата «все более упрощающиеся функции надзора и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут, как *особые* функции особого слоя людей», в чем и будет состоять отмирание государства [Ленин, 1969: 50]. Не случайно наиболее активное развитие системы общественного контроля связано с эпохой Н. С. Хрущева, на практике попытавшегося реализовать тезис об отмирании государства и сделавшего ставку на самодеятельность масс (см., например, [Мальков, 1963; Попова, 1961]). Советская система была ориентирована на максимальный охват всех социальных слоев, без выделения заинтересованных сообществ, поскольку предполагалось, что в эффективной деятельности общенародного государства заинтересованы все члены общества.

Современные общественные советы могут рассматриваться как преемники данной традиции. Однако поскольку постсоветская система государственного управления, сформированная в рамках модели нового государственного менеджмента [Барабашев, Клименко, 2010], кардинально отличается от советской, интеграция в эту систему надзора как формы гражданского участия выглядит весьма проблематичной.

Поэтому нами была выдвинута гипотеза, что существующая нормативно-правовая база дает членам общественных советов возможность в значительной мере самостоятельно конструировать объект своей деятельности. Точнее, они самостоятельно решают, с кем себя идентифицировать — с экспертами, [общественными] контролерами, лоббистами, либо еще с какими-либо ролями внутри системы государственного управления. В процессе конструирования члены общественных советов опираются на модель взаимодействия власти и граждан, которая в отечественном варианте достаточно далека от классической модели «государство — гражданское общество».

Чтобы проверить эту гипотезу, мы решили проанализировать, как члены общественных советов говорят о тех органах, в которых состоят, какие функции общественных советов они считают основными, а какие — второстепенными. Наш подход близок к подходу К. Оуэн, которая также анализировала дискурсивные практики членов общественных советов, однако ее интересовало, как при этом изменяется официальный дискурс, в то время как нас — как происходит самоидентификация.

В 2018 г. мы провели серию фокусированных интервью с членами общественных советов при исполнительных органах власти Свердловской области.

Отбор участников интервью проводился из полного списка членов общественных советов при органах исполнительной власти, подготовленного нами на основе данных, представленных на официальных сайтах соответствующих органов. Всего на 1 апреля 2018 г. в 31 общественном совете при органах исполнительной власти Свердловской области состояло 302 члена. В исследовании приняло участие 58 человек.

Следует отметить, что Свердловская область, точнее, город Екатеринбург, обладает очень неплохой ресурсной базой для формирования общественных советов. В Екатеринбурге действует Уральское отделение РАН и свыше 20 вузов, представлены крупные добывающие компании, строительный комплекс, бизнес высоких технологий, активен «третий сектор». Также для Екатеринбурга характерен достаточно высокий уровень открытости органов исполнительной власти, особенно в сравнении с другими субъектами федерации, входящими в состав Уральского федерального округа.

С целью конструирования выборки был проведен анализ данных, которые приводятся о членах общественных советов на официальных сайтах соответствующих органов власти. Эти данные позволили судить об их социальном положении и косвенно о том, какие «заинтересованные сообщества» они представляют.

В аналитических целях органы исполнительной власти Свердловской области были разбиты на четыре группы: управление социальной сферой, управление экономикой (как промышленностью, так и сельским хозяйством), обслуживание внутренних потребностей системы государственного управления и охрана

природы. При отборе учитывалось, что органы управления социальной сферой и управления экономикой численно преобладают среди РОИВ Свердловской области. Поэтому среди участников члены общественных советов социальной сферы составили 34,4 %, а члены общественных советов сферы управления экономикой — 36,2 % от общего числа опрошенных. 19,1 % участников опроса были членами общественных советов в сфере охраны природы, а оставшиеся 10,3 % — членами общественных советов при органах, обслуживающих внутренние потребности управления. (Если участник состоял в нескольких советах одновременно, его просили самостоятельно определить совет, участие в котором он считает основным и о котором намерен дать интервью, и включали его в соответствующую подгруппу).

60,7 % участников интервью составляли мужчины, 39,3 % — женщины. Подавляющее большинство (91,7 %) участников интервью имели высшее образование. 46,7 % участников были в возрасте от 30 до 49 лет, 23,3 % — в возрасте от 50 до 59 лет, а 30 % — старше 60 лет. Выборка интервьюируемых в целом отражала структуру генеральной совокупности (см. след. раздел). По сравнению с генеральной совокупностью участники интервью отличались повышенной активностью: состояли только в одном общественном совете 67,2 %. 19,7 % участников интервью указали, что состоят в двух советах, а 13,1 % — в трех и более. В целом в исследовательском проекте принимали участие наиболее активные члены общественных советов при органах исполнительной власти Свердловской области.

Нами был разработан вопросник, в который вошел 21 вопрос, отражавший основные аспекты деятельности общественных советов. Средняя продолжительность фокусированного интервью составляла 45 минут.

Чтобы понять, как участники интервью представляют себе главные функции общественных советов, им был предложен ассоциативный тест. Участников интервью просили указать, какое первое слово приходит им в голову, когда они слышат словосочетание «общественный совет». Как правило, участники, назвав ассоциацию, дополнительно развернуто обосновывали свое мнение. Полученные ответы были проанализированы и сведены в смысловые блоки.

Также был осуществлен анализ региональной нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность общественных советов.

Результаты исследования

Подавляющее большинство членов общественных советов (91,1 %) состояли только в одном совещательно-консультативном органе. 6,5 % состояли в двух общественных советах, 2,4 % — в трех и более. Имелся представитель общественной организации, который состоял в пяти (!) общественных советах (причем в одном из них являлся председателем).

Как видно из таблицы 1, две пятых (41,1 %) членов общественных советов составляли руководители и сотрудники некоммерческих неправительственных организаций. Пятая часть (20,5 %) членов общественных советов — это руководители и сотрудники образовательных и исследовательских учреждений. На третьей позиции по частоте включения в общественные советы оказались представители частного бизнеса по профилю общественного совета.

Таблица 1. Социальный состав общественных советов при РОИВ Свердловской области

Социальное положение	%
Руководитель или сотрудник некоммерческой неправительственной организации	41,1/1
Руководитель или сотрудник образовательного учреждения, НИИ	20,5/2
Руководитель или сотрудник частного предприятия по профилю общественного совета	15,4/3
Руководитель или сотрудник бюджетного учреждения по профилю общественного совета	5,8
Представитель профсоюзной организации по профилю общественного совета	3,8
Пенсионер	2,1
Руководитель или сотрудник СМИ	1,7
Руководитель или сотрудник бюджетного учреждения не по профилю общественного совета	0,7

Сравнительный вес этих трех групп экспертов зависел в первую очередь от сферы полномочий того органа власти, при котором действовал общественный совет — см. таблицу 2.

Таблица 2. Социальный состав общественных советов при РОИВ Свердловской области в зависимости от сферы полномочий РОИВ

Социальное положение	%%				
	Все	Социальная сфера	Экономика	Государственное управление	Охрана природы
Руководитель или сотрудник некоммерческой организации [по основному месту работы]	41,1/1	48,2/1	36,7/1	54,0/1	19,4/2
Руководитель или сотрудник образовательного учреждения, НИИ	20,5/2	20,5/2	21,9/3	6,0	38,7/1
Руководитель или сотрудник частного предприятия по профилю общественного совета	15,4/3	7,2	25,8/2	6,0	9,7
Руководитель или сотрудник частного предприятия не по профилю общественного совета	8,9	7,2	7,8	10,0/2	16,1/3
Руководитель или сотрудник бюджетного учреждения по профилю общественного совета	5,8	9,6/3	1,6	8,0/3	9,7
Представитель профсоюзной организации по профилю общественного совета	3,8	4,8	3,9	4,0	0,0
Пенсионер	2,1	0,0	1,6	6,0	3,2
Руководитель или сотрудник СМИ	1,7	2,4	0,8	4,0	0,0
Руководитель или сотрудник бюджетного учреждения не по профилю общественного совета	0,7	0,0	0,0	2,0	3,2

* Примечание: Коэффициент Крамера 0,259, вероятность ошибки: 0,1%.

Как видно из таблицы 2, руководители и сотрудники частных предприятий чаще всего входили в состав общественных советов при органах власти, занимающихся управлением экономикой. В таких советах эта группа составляла до трети (33,6%) от общего числа членов (если суммировать долю представителей частных предприятий по профилю и не по профилю общественного совета). В то же время в общественных советах социальной сферы доля представителей частного сектора была в два с лишним раза ниже (14,4%).

Как и следовало ожидать, руководители и сотрудники некоммерческих неправительственных организаций являлись самой многочисленной группой в общественных советах при тех органах власти, в чьи полномочия входила социальная сфера (48,2%, в советах экономической направленности — 36,7%).

В общественных советах при органах власти, занимающихся природоохранной деятельностью, самой многочисленной группой оказались представители академического сообщества (руководители и сотрудники вузов и НИИ — 38,7%; представителей общественных организаций — 19,4%, бизнеса — 25,8%).

Таким образом, при формировании общественных советов в них стремились включать как профессионалов-экспертов из академической среды, так и экспертов-«мирян» — представителей «заинтересованных сообществ» из сфер бизнеса и гражданского общества.

Четко выраженная ориентация на экспертов была характерна только для общественных советов при природоохранных органах исполнительной власти. Сложно сказать, является ли она отражением направленной политики отбора или того обстоятельства, что природозащитная деятельность в Свердловской области (в отличие от соседней Челябинской) не входит в число приоритетов гражданского общества.

На нормативно-правовом уровне задачи общественных советов в Свердловской области понимаются вполне стандартно. В соответствии с Типовым положением об общественном совете при областном или территориальном исполнительном органе государственной власти Свердловской области, задачей общественного совета является в первую очередь осуществление общественного контроля деятельности исполнительного органа. Все остальные задачи, включая обеспечение участия институтов гражданского общества в процессе подготовки проектов правовых актов и их реализации, повышение прозрачности и открытости деятельности исполнительного органа стоят следом за этой задачей¹¹.

Однако ассоциативный тест на словосочетание «общественный совет» дал несколько иные результаты (см. табл. 3).

Словосочетание «общественный контроль» оказалось основной ассоциацией только в четверти (23,7%) случаев. При этом участники интервью испытывали явные трудности, пытаясь определить, что такое общественный контроль. Эти попытки зачастую порождали круг в определении:

¹¹ Об утверждении Типового положения об общественном совете при областном или территориальном исполнительном органе государственной власти Свердловской области и о внесении изменений в Постановление Правительства Свердловской области от 07.02.2014 N 65-ПП «Об утверждении Порядка образования общественных советов при областных исполнительных органах государственной власти Свердловской области» (с изменениями на 15 января 2019 года) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446455988> (дата обращения: 15.12.2019).

«Общественный контроль предполагает совершенно конкретные мероприятия общественного контроля по проведению профилактики коррупционных нарушений, по информированию граждан, ну, и так далее и тому подобное. Мы за этим следим. Это взбадривает государственный орган».

Таблица 3. **Результаты ассоциативного теста: «Общественный совет — это...», %**

Позитивные ассоциации	78,9
«Связь с народом», в том числе:	39,4
Народ, «мысли народа»	10,5
«Взаимодействие общественности между собой», «круг общественников»	7,9
Помощник органов власти	7,9
Учет общественного мнения	7,9
Обратная связь	5,2
Общественный контроль	23,7
Экспертиза, эксперты	5,2
Борьба с коррупцией	2,7
Другое	7,9
Негативные ассоциации	7,9
Нейтральные ассоциации	13,1

В следующем высказывании интервьюируемый явно стремился смягчить обязательную контрольную составляющую в деятельности совета и переставить акценты с контроля на «со-управление» (если использовать терминологию С. Г. Маковецкой):

«[Общественный совет]... не является контролирующим органом с карательными функциями. Это, все-таки, достаточно доброжелательный орган. Который в какой-то мере мог бы оказать и помощь... Я думаю, это как один из элементов развития гражданского общества, привлечение общественников к работе... Вовлечение их в то, что осуществляется государством через исполнительные органы власти. Общественный совет — это именно такой орган, который через общественные организации, через активных, так скажем, членов общества может участвовать в работе исполнительных органов власти».

В ходе 58 интервью был приведен только один пример (!) осуществления общественного контроля, причем он носил явно пародийный характер (посещая бухгалтерию государственного учреждения, член общественного совета поинтересовался, на какие средства главный бухгалтер приобрела бриллиантовые серьги).

Остальные участники не смогли привести ни одного конкретного примера осуществления общественного контроля и фактически при дальнейшем обсуждении просто забывали об этой функции общественных советов.

Ассоциации «экспертиза», «эксперты» также оказались мало популярными (указали эти ассоциации 5,2% участников, преимущественно члены советов экономической направленности). Характерно, что при этом участники были склонны противопоставлять функцию экспертизы и функцию общественного контроля:

«Мы должны как экспертное сообщество инициировать предложения серьезные, направленные на развитие... отрасли — как раз во имя интересов в первую очередь человека и государства... Поэтому, почему мы должны заниматься только контролем? Почему мы не должны как эксперты, как опытные эксперты, как представители бизнеса, почему мы не должны помогать развивать... отрасль? И вносить весомый вклад!»

Для участников интервью наиболее значимой оказалась не контролирующая или экспертная, а посредническая функция общественных советов как инструментов донесения позиций народа (именно народа в целом, а не более узкого круга заинтересованных сообществ) до власти. Об этом свидетельствуют такие ассоциации, как «народ» и «мысли народа», «круг общественников», «помощник органов власти», «учет общественного мнения» и «обратная связь», которые в сумме набрали 39,4 %.

Приведем несколько характерных пояснений:

«Общественный совет как-то должен представлять общественное мнение. Для того чтобы министерство, принимая свои какие-то административные решения, учитывало и общественное мнение. Потому что взгляд администрации, взгляд народа не всегда совпадает на один и тот же вопрос. То есть мы как представители народа, получается, при министерстве... Понимаете? Должны доносить мнение народа!»

«Общественный совет — это орган, который смотрит, с другой стороны. Министерство — это все-таки орган управления, и у него свои задачи. Как уже эти задачи реализуются на практике, это уже взглядом со стороны, взглядом общественности, тут бывают разные взгляды. Для того чтобы донести этот взгляд до министерства и постараться найти какие-то совместные пути работы... Во всяком случае пытаться поставить вопросы, которые, может, еще не так видны министерству.»

«Советы доносят проблемы общества до чиновников и государства, освещают болезненные точки, а также те трудности, которые мешают реализации законов. Для развития демократии. Чтобы государство услышало мнение народа от руководителей НКО и граждан, имеющих определенный авторитет в обществе.»

Один из участников сформулировал данную позицию даже резче, указав, что общественные советы не просто доносят до власти мнение народа, но призваны содействовать решению социальных конфликтов:

«Это минимизация конфликтов между властью и народом. Это и есть главная задача. Если власть перестает чувствовать народ, то народ не верит власти. Это самая большая трагедия для любой страны. Я считаю, что общественный совет, его цель — сделать так, чтобы таких конфликтов не было. Чтобы они не доходили до точки кипения. Довести до власть имущих, что если они и дальше так будут делать, то это приведет к социальному взрыву. А это никому не надо. Ни власти, ни народу!»

Результаты интервьюирования свидетельствуют о том, что для большинства участников интервью общественный совет — это механизм, обеспечивающий донесение до органов власти позиции общества («народа»), и в этом смысле выполняющий посреднические функции. Судя по результатам теста, участники интервью не были склонны рассматривать себя как чисто технических экспертов. Они видели себя помощниками власти, доносящими до нее общественное мнение и содействующими выработке правильных управленческих решений. На словах признавая, что главной функцией общественных советов является общественный контроль,

они на практике рассматривали общественные советы как «промежуточное звено между народом/обществом и исполнительной властью», и главной функцией считали не контроль за деятельностью власти, а осуществление обратной связи.

Сильнее всего такая позиция была выражена у членов общественных советов, представлявших некоммерческие организации, в советах социальной сферы, слабее всего — у членов общественных советов, представлявших бизнес, в советах сферы управления экономикой. Иными словами, представители некоммерческих организаций ощущали себя «помощниками власти» в большей степени, чем представители бизнеса.

Общие выводы

Анализ деятельности общественных советов показывает, что в Российской Федерации происходит не простой перенос глобальных моделей общественно-государственного управления и практик формирования совещательных органов, а их трансформация с учетом отечественных традиций повышения эффективности деятельности органов власти.

С одной стороны, законодатели, мысля в логике гражданского участия как надзора, определяют общественные советы как органы общественного контроля. С другой стороны, сами члены общественных советов видят себя скорее как посредников между властью и народом, чья функция состоит в доведении до органов власти жалоб и озабоченности рядовых граждан. Экспертная функция совещательно-консультативных органов отходит на задний план. Можно сказать, что члены общественных советов в первую очередь воспринимают себя, если использовать старинное русское выражение, как «мирских челобитчиков», а не внешних независимых экспертов (хотя последняя составляющая в их идентификации также присутствует, особенно у представителей бизнеса). Очевидно, такое позиционирование представляется им наиболее разумным и ответственным поведением.

В какой мере оно на самом деле таково? Насколько рациональна «челобитная» идентичность членов общественных советов?

Объем статьи не позволяет углубиться в дискуссию о том, как соотносятся практики государства модерна и отечественная традиция «служивого народа». Мы не согласны с Э. Киннаном, О. Капелли и А. Гетти [Capelli, 2008; Keenan, 1986; Гетти, 2016], утверждающими, что российская политическая и административная культура наделена неизменными и не способными к изменению глубинными особенностями, поэтому система государственного управления в России носит принципиально домодерный характер. По этой же причине мы не склонны полностью поддерживать модель «сословного государства» С. Г. Кордонского [Кордонский, 2008] и модель этакратии О. И. Шкаратана [Шкаратан, 2015], которые также исходят из тезиса об уникальности отечественной государственности. Мы скорее склоняемся к более умеренной позиции М. Дэвида-Фокса с его тезисом про множественные модерности, которые способны переплетаться между собой, смешиваться с элементами традиции и создавать разного рода гибридные образования [Дэвид-Фокс, 2016].

На наш взгляд, проведенное нами эмпирическое исследование подтверждает данный тезис. В условиях постсоветской России неолиберальная концепция сове-

щательно-консультативных органов как элемента системы государственного управления была преобразована с учетом потребностей и возможностей как органов власти, так и представителей общественности. В связи с этим возникает вопрос, насколько правомерно экстраполировать выводы, полученные на основе анализа деятельности общественных советов в Свердловской области, на Россию в целом.

Вполне возможно, что «челобитная составляющая» может быть выражена сильнее или слабее в зависимости как от характера регионального административного режима (степени его открытости), так и от ресурсной базы, на основе которой формируются общественные советы. Можно предположить, что в менее успешных в экономическом плане и более закрытых в плане политическом регионах ресурсная база будет уже, а «челобитная составляющая» — заметнее. Для проверки данной гипотезы требуются дополнительные эмпирические исследования.

Однако в целом можно сделать вывод, что трансформация неолиберальной нормативной модели консультативных органов «сверху» и «снизу» позволила общественным советам достаточно успешно функционировать в системе российской власти.

Список литературы (References)

Барабашев А. Г., Клименко А. В. Ретроспективный анализ основных направлений модернизации системы государственного управления и государственной службы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 3. С. 36—72. Barabashev A. G., Klimenko A. V. (2010) Retrospective Analysis of the Major Trends of Modernization of the Public Administration and Civil Service System. *Public Administration Issues*. No. 3. P. 36—72. (In Russ.).

Гаганов А. Общественный контроль в России // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). 2014. 22 июля. URL: <http://rusrand.ru/actuals/obschestvennyj-kontrol-v-rossii> (дата обращения: 15.12.2019).

Gaganov A. (2014) Public Scrutiny in Russia. *Sulakshin Center (Center for Scientific Political Thought and Ideology)*. URL: <http://rusrand.ru/actuals/obschestvennyj-kontrol-v-rossii> (accessed: 15.12.2019). (In Russ.).

Гарифуллина Г. А. Совещательные органы при исполнительной власти — институт диалога с бизнесом? // Бизнес. Общество. Власть. 2011. № 6. С. 31—32.

Garifullina G. A. (2011) Advisory Bodies under the Executive Branch — Institute for Dialogue with Business? *Business. Society. Power*. No. 6. P. 31—32. (In Russ.).

Гарифуллина А. Г. Совещательные органы при федеральных ведомствах: политическая роль экспертного знания. Диссертация на соискание ученой степени канд. полит. наук. М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013.

Garifullina A. G. (2013) Advisory Bodies under Federal Agencies: The Political Role of Expert Knowledge. Ph. D. Thesis. Moscow: National Research University Higher School of Economics. (In Russ.).

Гетти А. Практика сталинизма : Большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: РОССПЭН, 2016.

Getty A. (2014) *Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition*. New Haven: Yale University Press.

Герасимова Е. В., Ландау И. Л. Правовое регулирование общественного контроля в Российской Федерации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта: Гуманитарные и общественные науки. 2015. Вып. 9. С. 5—16.

Gerasimova E. V., Landau I. L. (2015) Legal Regulation of Public Scrutiny in the Russian Federation. *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University: Humanities and Social Sciences*. Vol. 9. P. 5—16. (In Russ.).

Горный М. Б. Общественные консультативные структуры при органах власти: опыт Санкт-Петербурга // Телескоп. 2011. № 2 (86). С. 14—24.

Gorny M. B. (2011) Public Advisory Councils under the Authorities: The Experience of Saint Petersburg. *Telescope*. No. 2 (86). P. 14—24. (In Russ.).

Дьякова Е. Г. «Честная сбалансированность» или самостоятельность: проблематизация дискурса о совещательно-консультативных органах в отечественной и американской административных традициях // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 97—105. <http://doi.org/10.17223/15617793/438/13>.

Dyakova E. G. (2019) “Fairly Balanced” or Independent: Problematization of the Discourse on Consultative Bodies in the Russian and American Administrative Traditions. *Tomsk State University Journal*. No. 438. P. 97—105. (In Russ.). <http://doi.org/10.17223/15617793/438/13>.

Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Общественные советы при исполнительных органах власти: рецепция федерального законодательства на региональном уровне (на примере Уральского федерального округа) // Российский юридический журнал. 2016. № 2. С. 68—77.

Dyakova E. G., Trakhtenberg A. D. (2016) Public Councils Attached to Executive Bodies: The Reception of Federal Law at the Regional Level (Using the Example of the Ural Federal District). *Russian Juridical Journal*. No. 2. P. 68—77. (In Russ.).

Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4 (140). С. 19—44.

David-Fox M. (2016) Russian — Soviet Modernity: None, Shared, Alternative, or Entangled? *New Literary Review*. No. 4 (140). P. 19—44. (In Russ.).

Исаева Е. А. Механизм формирования общественных советов при органах власти в субъектах России: сравнительно-правовое исследование // Власть. 2015. Т. 23. № 11. С. 48—53.

Isaeva E. A. (2015) The Mechanism of the Formation of Public Councils under Government Bodies in the Regions of Russia: Comparative Legal Research. *The Authority*. Vol. 23. No. 11. P. 48—53. (In Russ.).

Казарцева Г. А., Семенов А. И. Общественные советы как инструмент повышения эффективности государственного управления в сфере деятельности ФСПП России // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 3. С. 24—30.

Kazartseva G. A., Semyonov A. I. (2015) Public Council as a Tool for Openness of the Public Government in the Activities of the Federal Bailiff Service of Russia. *Law and Order: History, Theory, Practice*. No. 3. P. 24—30. (In Russ.).

Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.

Kordonsky S. G. (2008) The Estate-Based Social Structure of Post-Soviet Russia. Moscow: Institute of the “Public Opinion” Foundation. (In Russ.).

Ленин В. И. Государство и революция // Полное собрание сочинений. М. : Издательство политической литературы, 1969. Т. 33. С. 1—120.

Lenin V. I. (1969) State and Revolution. Lenin V. I. *Complete Set of Works*. Moscow: Politizdat. Vol. 33. P. 1—120. (In Russ.).

Маковецкая С. Г., Сулимов К. А. Государство и гражданское общество России в контексте управления/соуправления/самоуправления. Препринт. Пермь : Центр гражданского анализа и независимых исследований, 2012.

Makovetskaya S. G., Sulimov K. A. (2012) The State and the Civil Society of Russia in the Context of Governance/Co-Governance/Self-Governance. Preprint. Perm: Centre for Civil Analysis and Independent Research. (In Russ.).

Маковецкая С. Г. Участие объединений граждан и бизнеса в со-управлении социальной сферой: институциональные возможности, издержки и барьеры доступа. Пермь : Центр гражданского анализа и независимых исследований, 2016.

Makovetskaya S. G. (2016) Participation of Associations of Citizens and Business in the Co-Management of the Social Sphere: Institutional Capacity, Costs and Barriers to Access. Perm: Centre for Civil Analysis and Independent Research. (In Russ.).

Мальков В. В. Общественный контроль и его роль в советском государственном управлении : автореф. дис. ... канд. юр. наук. М. : Издательство МГУ, 1963.

Malkov V. V. (1963) Public Scrutiny and Its Role in the Soviet Governance. Abstract of a Ph. D. Thesis. Moscow: Moscow State University Publishing House. (In Russ.).

Носкова М. В. Об актуальных вопросах деятельности общественных советов в Российской Федерации // Вопросы управления. 2016. № 4 (41). С. 39—44.

Noskova M. V. (2016) On Topical Issues of Public Councils Activity in the Russian Federation. *Management Issues*. No. 4 (41). P. 39—44. (In Russ.).

Нужнова С. Л. Развитие гражданского общества посредством становления и функционирования института общественных советов при государственных органах // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 1. С. 115—121.

Nuzhnova S. L. (2015) The Development of Civil Society through the Establishment and Functioning of the Institute of Public Councils at the State Bodies. *State and Municipal Government. Scientific Notes of the North-Caucasian Academy of Public Administration (SKAGS)*. No. 1. P. 115—121. (In Russ.).

Огнева Е. А. Общественный контроль в системе защиты права человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование.

Диссертация на соискание ученой степени канд. юридич. наук. М. : Российская академия народного хозяйства и государственной службы, 2015.

Ogneva E. A. (2015) Public Scrutiny within the System of Human Rights Protection in the Russian Federation: Constitutional and Legal Research. Ph. D. Thesis. Moscow: Russian Academy of National Economy and Public Service. (In Russ.).

Плотников А. А. Общественный контроль и его потенциал в противодействии коррупции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2. С. 105—111.

Plotnikov A. A. (2013) Public Scrutiny and Its Potential in Resistance against Corruption. *Northern (Arctic) Federal University Bulletin. Series: Humanities and Social Sciences*. No. 2. P. 105—111. (In Russ.).

Попова Е. П. О понятии общественного контроля в советском государственном управлении // Правоведение. 1961. № 3. С. 147—152.

Popova E. P. (1961) On the Concept of Public Scrutiny in the Soviet Governance. *Jurisprudence*. No. 3. P. 147—152. (In Russ.).

Руденко В. Н. Консультативные общественные советы: особенности организации и деятельности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2006. Т. 2. № 3. С. 143—155.

Rudenko V. N. (2006) Consultative Public Councils: Features of Organization and Activity. *Political Expertise: POLITEX*. Vol. 2. No. 3. P. 143—155. (In Russ.).

Розов Н. С. Специфика российской власти, ее ментальные структуры, ритуальная практика и институты // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 29—41.

Rozov N. S. (2011) The Specifics of the Russian Authority, Its Mental Structures, Ritual Practice and Institutions. *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 29—41. (In Russ.).

Сунгуров А. Ю. Общественные советы как институт мониторинговой демократии? Опыт Краснодарского края // Социум и власть. 2013. № 6 (44). С. 48—54.

Sungurov A. Yu. (2013) Public Councils as Institute of Surveillance Democracy? Experience of Krasnodar Krai. *Society and Power*. No. 6 (44). P. 48—54. (In Russ.).

Сунгуров А. Ю. Экспертное сообщество и власть: модели взаимодействия и проблемы гражданской ответственности // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 130—142. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.10>.

Sungurov A. Yu. (2018) Expert Community and Power: Models of Interaction and Problems of Civil Responsibility. *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 130—142. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.10>.

Сунгуров А. Ю., Захарова О. С., Петрова Л. А., Распопов Н. П. Институты-медиаторы и их развитие в современной России. Общественные палаты и консультативные советы: федеральный и региональный опыт // Полис. Политические исследования. 2012. № 1. С. 165—178.

Sungurov A. Yu., Zakharova O. S., Petrova L. A., Raspopov N. P. (2012) Mediator Institutions and Their Development in Contemporary Russia. Public Chambers and Consultative Councils: Federal and Regional Experience. *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 165—178. (In Russ.).

Сунгуров А. Ю., Карягин М. Е. Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 144—159. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.10>.

Sungurov A. Yu., Karyagin M. E. (2017) Russian Expert Community and Government: Main Forms of Interaction. *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 144—159. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.10>.

Тарасенко А. В., Дубровский Д. И., Стародубцев А. А. Навести мосты между обществом и государством: общественно-консультативные структуры в регионах Северо-Запада. Санкт-Петербург : Реноме, 2011.

Tarasenko A. V., Dubrovsky D. I., Starodubtsev A. A. (2011) To Build Bridges between the Society and the State: Socially-Consultative Structures in the Regions of the North-West. Saint Petersburg: Renome. (In Russ.).

Шкаратан О. И. Социальная система, обращённая в прошлое (часть 1) // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 3. С. 88—104. <https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.3.2379>.

Shkaratan O. I. (2015) Social System, Facing to the Past (part 1). *Sociological Journal*. Vol. 21. No. 3. P. 88—104. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.3.2379>.

Щербина М. В. Общественные советы при органах исполнительной власти: социальная экспертиза и контроль // Власть. 2015. Т. 23. № 3. С. 129—133.

Shcherbina M. V. (2015) Public Councils at the Executive Authorities: the Social Assessment and Control. *The Authority*. Vol. 23. No. 3. P. 129—133. (In Russ.).

Brown M. B. (2008) Fairly Balanced: The Politics of Representation on Government Advisory Committees. *Political Research Quarterly*. Vol. 61. No. 4. P. 547—561. <https://doi.org/10.1177/1065912907313076>.

Capelli O. (2008) Pre-Modern State-Building in Post-Soviet Russia. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 24. No. 4. P. 531—572. <https://doi.org/10.1080/13523270802510487>.

Christian D. (1982) The Supervisory Function in Russian and Soviet History. *Slavic Review*. Vol. 41. No. 1. P. 73—90. <https://doi.org/10.2307/2496636>.

Finer H. (1941) Administrative Responsibility in Democratic Government. *Public Administration Review*. Vol. 1. No. 4. P. 335—350. <https://doi.org/10.2307/972907>.

Friedrich C. J. (1935) Responsible Public Service under the American Constitution. Friedrich C. J., Beyer W. C., Spero S. D., Miller J. F., Graham G. A. *Problems of the American Public Service*. New York: McGraw-Hill. P. 3—74.

Keenan E. L. (1986) Muscovite Political Folkways. *Russian Review*. Vol. 45. No. 2. P. 115—181. <https://doi.org/10.2307/130423>.

Lorch J. (2017) Civil Society and Mirror Images of Weak States: Bangladesh and the Philippines. London: Palgrave Macmillan.

Markus S. (2007) Capitalists of All Russia, Unite! Business Mobilization under Debilitated Dirigisme. *Polity*. Vol. 39. No. 3. P. 277—304.

Monga C. (2009) Uncivil Societies: A Theory of Sociopolitical Change. Policy Research Working Paper No. WPS 4942. <https://doi.org/10.1596/1813-9450-4942>.

Owen C. A.M. (2014) «Obshchestvennyi Kontrol» (Public Scrutiny) from Discourse to Action in Contemporary Russia: The Emergence of Authoritarian Neoliberal Governance. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy in Politics. Exeter: University of Exeter.

Owen C., Bindman E. (2017) Civic Participation in a Hybrid Regime: Limited Pluralism in Policymaking and Delivery in Contemporary Russia. *Government and Opposition*. Vol. 13. No. 1. P. 98—120. <https://doi.org/10.1017/gov.2017.13>.

Petrov N., Lipman M., Hale H. E. (2010) Overmanaged Democracy in Russia: Governance Implications of Hybrid Regimes. *Carnegie Papers. Russia and Eurasia Program*. No. 106.

van Schendelen R. (2002) The In-Sourced Experts. *Journal of Legislative Studies*. Vol. 8. No. 4. P. 27—39. <https://doi.org/10.1080/13572330200870003>.

Vibert F. (2007) The Rise of the Unelected: Democracy and the New Separation of Powers. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491160>.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.10

Правильная ссылка на статью:

Шаблинский А. И. Общественное мнение и политическое участие: возвращаясь к работам Дж. Брайса // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 202—219. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.10>.

For citation:

Shablinskii A. I. (2019) Public Opinion and Political Participation: Based on the Works of James Bryce. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 202—219. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.10>.

А. И. Шаблинский ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ: ВОЗВРАЩАЯСЬ К РАБОТАМ ДЖ. БРАЙСА

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ: ВОЗВРАЩАЯСЬ К РАБОТАМ ДЖ. БРАЙСА

PUBLIC OPINION AND POLITICAL PARTICIPATION: BASED ON THE WORKS OF JAMES BRYCE

ШАБЛИНСКИЙ Антон Ильич — аспирант, Аспирантская школа по философским наукам, стажер-исследователь в Институте институциональных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: ogoshebik@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5031-2657>

*Anton I. SHABLINSKII*¹ — Ph.D. Student, Doctoral School of Philosophy; Research Assistant, Center for Institutional Studies
E-MAIL: ogoshebik@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5031-2657>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В современных дискуссиях о функциях опросов общественного мнения можно выделить две линии рассуждения. Одни авторы доказывают, что опросы должны с точностью передавать предпочтения и нужды

Abstract. Today political discussion of public opinion survey functions can be divided into two trajectories. Certain authors argue that surveys are designed to accurately reflect public preferences and needs serving as a tool to control

граждан и работать как инструмент контроля народных представителей. За этим подходом кроется определенное видение демократии как правления элит в соответствии с интересами граждан, и общественного мнения как суммы индивидуальных предпочтений избирателей. Джордж Гэллуп — одна из ключевых фигур, стоящих за первым подходом. Вместе с тем существует альтернативное видение, согласно которому общественное мнение есть процесс принятия демократических коллективных решений. В нашей статье мы сначала разбираем ограничения первого подхода. Мы демонстрируем, что второй подход помогает увидеть, как контролирующая функция опросов превращается в аккламационную. Далее мы показываем, что второй подход намного ближе к теории общественного мнения Джеймса Брайса, чем подход Джорджа Гэллупа и авторов, наследующих ему.

Ключевые слова: Джеймс Брайс, Джордж Гэллуп, Жан-Жак Руссо, опросы общественного мнения, минимальная демократия, коллективное принятие решений, политическое участие

people's representatives. Democracy is viewed as an elite rule carried out according to the interests of the citizens, and public opinion is viewed as a sum of individual preferences of the voters. George Gallup is a key figure behind this approach. However, there is another point of view stating that public opinion refers to democratic collective decision-making. This article analyzes the limitations of the former approach. The authors show that the latter one helps to see how the supervisory function of the surveys turns into acclamation. The authors also show that the latter approach is much closer to J. Bryce's opinion than that of G. Gallup and his followers.

Keywords: James Bryce, George Gallup, Jean-Jacques Rousseau, public opinion surveys, minimal democracy, collective decision-making, political involvement

Введение

В «Конституционном кодексе» Иеремии Бентама общественное мнение выполняло роль «сдержек» по отношению к народным представителям и государственным служащим [Bentham, 1830: 34—35]. Оно воплощалось в трибунале общественного мнения, включавшем в свой состав всех индивидов, являвшихся гражданами государства. Этот трибунал ограничивал верховную власть точно так же, как суды — законодательную власть. Таким образом, общественное мнение для Бентама имело значимую функцию лишь в ситуации репрезентативной демократии с четко оформленной системой разделения властей.

В XX в. с распространением опросов общественного мнения это утилитаристское представление об общественном мнении и его функции лишь укрепилось. Флойд Олпорт в статье «В направлении науки общественного мнения» критиковал отождествление общественного мнения с коллективным целым и предлагал

«придерживаться научного подхода». Научным, согласно Олпорту, являлось определение, избавленное от подобных метафор и сводившее общественное мнение к совокупности интересов конкретных граждан [Allport, 1937: 9]. Джордж Гэллап, один из основателей опросной индустрии, также не раз отмечал, что общественное мнение есть «агрегация взглядов индивидов в отношении вопросов, затрагивающих страну» [Plowman, 1962: 346]. Его основная функция — контролировать законодательную власть, парламент, склонный поддаваться влиянию лоббистов. Опросы виделись научным инструментом, позволяющим доказать обоснованность предложений лоббистских группировок [Гэллап, Рэй, 2017: 120—126]¹. С другой стороны, у Гэллапа мы можем найти альтернативное видение функций общественного мнения. В своих ранних работах он настаивал, что общественное мнение, выраженное через опросы, должно не только исполнять контролируемую функцию, но также направлять государственных мужей при решении тех или иных задач. Гэллап был уверен, что в ближайшем будущем опросы станут «выборочными референдумами», инструментом выражения народной воли, а не только инструментом контроля парламентариев [Gallup, 1938: 131—133].

Как мы должны определять функции общественного мнения и относиться к опросам, за которыми закрепилась репутация наиболее точного и научно обоснованного способа выражения общественного мнения? Следует ли нам рассматривать их как инструмент по вовлечению людей в принятие коллективных решений или как инструмент контроля за политическими элитами? Сегодня контролирующая функция опросов — их способность стать «лучшим вариантом выборов» — рассматривается теоретиками демократии и поллстерами как наиболее важная. Если некоторые авторы и связывают опросы общественного мнения с расширением политического участия, то зачастую они оговариваются, что в абсолютных единицах число людей, участвующих в принятии коллективных решений не увеличивается благодаря опросам. Более того, опросы общественного мнения могут, наоборот, подавлять активное политическое участие.

Джеймс Брайс, теоретик демократии, во многом определивший сегодняшнее понимание опросов, писал об общественном мнении как о статистической категории, как о силе многих, которую необходимо периодически замерять, чтобы контролировать действия народных представителей. Именно так Брайса прочитывал Гэллап и некоторые другие теоретики общественного мнения [Гэллап, Рэй, 2017; Dion, 1962: 572; Korzi, 2000: 52]. Вместе с тем подход Брайса к общественному мнению был более сложным. Достаточно заметить, что он напрямую противопоставлял общественное мнение власти цифр [Bruse, 1921: 111]. Более того, он рассматривал его как суверена, который может функционировать, лишь когда обычные граждане вовлечены в постоянную делиберацию и когда они участвуют в местном самоуправлении. Иными словами, теоретик общественного мнения, которого принято ассоциировать с концепцией опросов, связывал общественное мнение с активным участием граждан в принятии коллективных решений. Во мно-

¹ Джулиан Вудворд, ставший в 1950 г. президентом Американской ассоциации исследователей общественного мнения, писал, что опросы выполняют функцию «дополнительных избирательных урн — урн, намного более удобных, чем те, что можно обнаружить на избирательном участке». Именно опросы вынуждают лоббистов предоставлять дополнительные доказательства народной поддержки своих инициатив [Woodward, 1948: 553].

гом это видение перекликается с концепцией общей воли Жан-Жака Руссо, которая функционирует, лишь если в принятии коллективных решений участвуют все граждане. Таким образом, мы покажем, что за концепцией общественного мнения стояла идея «массовой партиципаторной демократии». Сегодняшняя идеология опросов общественного мнения, которая сосредоточена на их контролирующей функции, не учитывает этого важного момента.

Равная репрезентации или аккламация?

В 1996 г. Сидней Верба, президент Американской ассоциации политических наук, выступил с докладом «Гражданин как респондент: выборочные обследования и американская демократия» [Verba, 1996]². Согласно Вербе, демократия в первую очередь подразумевает правление элит в соответствии с нуждами и предпочтениями граждан. Следовательно, необходимо установить точную процедуру по трансляции нужд и предпочтений населения. Это приводит нас к принципу равенства, где нужды и предпочтения каждого гражданина имеют равный шанс быть представленными. В этом смысле, согласно Вербе, выборочное исследование добивается ровно той же цели, что и демократия: равной репрезентации всех граждан. В опросах каждому предоставляется равная возможность стать участником, и голос каждого имеет равный вес. Таким образом, выборочное исследование во многом напоминает выборы, но точнее их. Причем опросы являются не только эффективным способом донести до элит предпочтения граждан, но и инструментом контроля элит, которые могут выдавать за предпочтения граждан свои частные интересы. Схожую позицию отстаивает Бенджамин Пейдж. Он также пишет, что выборочное исследование обеспечивает равную репрезентацию [Page, 2002: 340—342]. Более того, оно избавлено от смещений, характерных для выборов и других способов выражения общественного мнения. Таким образом, аргумент об опросах как механизме точной репрезентации интересов граждан и контроля элит, высказанный Гэллапом, получил развитие в современных теориях общественного мнения. Вместе с тем эта позиция подвергается последовательной критике. Мы осветим здесь лишь несколько наиболее известных аргументов в этой дискуссии.

Под сомнение ставится агрегативная модель общественного мнения. В рамках этой концепции случайная выборка репрезентирует лишь совокупность мнений отдельных индивидов, зачастую никак друг с другом не связанных. Впервые наиболее последовательно с этой критикой выступил Герберт Блумер [Blumer, 1948]. Он заявлял, что выборка не отражает общественное мнение как «функцию действующего общества» [ibid.: 543—544]. Иными словами, «тот простой факт, что опрашиваемый либо высказывает, либо не высказывает мнение, совершенно не говорит о том, участвует ли он в формировании общественного мнения, функционально выстраиваемого в обществе». Схожий аргумент высказывает Пьер Бурдьё, когда пишет, что «в реальной обстановке мнения становятся силами, а соотношение мнений — сило-

² Известный исследователь общественного мнения Бенджамин Пейдж замечает: «Демократическая теория стала серьезной мотивацией для исследователей... изучающих связи между общественным мнением и принятием политических решений» [Page, 2002: 341]. Как отмечают некоторые исследователи [Margolis, 1984], политическая функция опросов в течение второй половины XX века обсуждалась довольно мало, все внимание было устремлено на решение методологических вопросов. Однако к концу XX века стали вновь появляться работы, в которых опросы рассматривались как инструмент демократии.

выми конфликтами между группами» [Бурдые, 1993]. Отличие в том, что для Бурдые такими группами являются классы, а для Блумера — «функциональные группы».

Но даже если мы закроем глаза на сложное устройство общественного мнения, возникает множество других вопросов к тем предпосылкам, на которых выстроена идеология опросов. В частности, к предположениям о том, что респонденты имеют сложившуюся систему политических ценностей, в соответствии с которой они всегда отвечают одинаково на одни и те же вопросы; что эта система ценностей одинакова для разных групп респондентов; что респонденты имеют равный доступ к информации. В 1964 г. Филипп Конверс, опираясь на исследования в фокус-группах, показал, что одни и те же респонденты могут по-разному отвечать на одни и те же вопросы в разных исследованиях [Converse, 2006]. Конверс утверждал, что невозможно объяснить эту разницу, что вероятность ее наличия сродни случайному «броску монеты». Кроме того, согласно Конверсу, респонденты зачастую не обладали четко структурированной либеральной или консервативной системой политических ценностей, которой, в свою очередь, обладали элиты. Эту линию впоследствии развивал Бурдые, писавший, что в зависимости от принадлежности к разным классам респонденты обладают как разным «классовым этосом», так и разным доступом к информации. Это во многом определяет, в каких категориях респондент воспринимает вопрос. В 2003 г. Скотт Альтхаус, выступая с критикой Вербы, пишет, что нельзя говорить о равной возможности участия в случае с выборочными исследованиями [Althaus, 2003]. Альтхаус предлагает рассматривать ответы формата «Не знаю / Нет ответа» не только как форму участия в опросе, но и как следствие неравного доступа к информации о политических событиях. Издержки, связанные с получением информации о политической сфере, согласно Альтхаусу, неравны для разных групп населения, а значит о равной возможности участия в опросе можно утверждать с серьезными оговорками.

В 1990-е годы был проведен ряд исследований, доказывающих отсутствие значимой связи между информационным неравенством и результатами опросов. В первую очередь следует упомянуть работу Бенджамина Пейджа и Роберта Шапиро «Рациональная публика». В ней доказывалась «рациональность» коллективного общественного мнения. Коллективное общественное мнение предполагает агрегацию нескольких тысяч ответов на одинаковые вопросы, задаваемые в течение нескольких десятков лет в различных исследованиях. Эффект агрегации позволяет, согласно авторам, уменьшить влияние случайной ошибки и выделить некоторую «генеральную линию», коллективное общественное мнение [Page, Shapiro, 1992: 30]. Рациональность общественного мнения понималась авторами в узком смысле. Коллективное общественное мнение реагирует на новую информацию, поступающую из СМИ или от политических лидеров, и не остается неизменным. Общественное мнение изменяется вследствие поступления новой информации [ibid.: 52]. Шапиро и Пейдж показали: респонденты с более низким уровнем образования, меньшей информированностью отвечали на вопросы, касающиеся внутриполитических дел, сходным образом, что и образованные, информированные респонденты [ibid.: 203—204].

На наш взгляд, однако, более глубокая проблема состоит в том, что Пейдж, Шапиро, Верба и полстеры, наследующие Гэллапу, исходят из дескриптивного

подхода к политической репрезентации. В соответствии с этим подходом, опросы могут показывать общественное мнение, поскольку опираются на методы случайной выборки. Благодаря последним исследователи могут составить репрезентативную модель населения. Однако такое понимание репрезентации не способно дать ответ на вопрос о взаимодействии представляемых и представителей. Более того, оно в принципе не способно дать ответ на вопрос о необходимости представителей. Этот подход действует лишь в том случае, если для контроля парламента ищут еще более точное, научно обоснованное «зеркало народа». За таким подходом скрывается определенное видение демократии, которое эксплицировал в своем докладе Верба. Демократия — это в первую очередь правление элит в соответствии с интересами граждан. Однако вследствие такого подхода к политической репрезентации и демократии мы можем не заметить, как в ситуации массовых обществ выборы и опросы становятся инструментом аккламации.

Юрген Хабермас показал, что введение всеобщего избирательного права не всегда означало укрепление демократии. Наделение всех правом участвовать (хоть и опосредованным образом) в выборе политического курса вовсе не приводило к расширению публичной сферы. Ожидалось, что голосующий, обладая критической установкой, с большой вероятностью примет участие в публичной дискуссии, «поможет в рациональной форме определить стандарты справедливого политического действия...» [Habermas, 1991: 212]. Однако существовало большое различие «между голосующей публикой в массовых демократиях социальных государств и публикой, состоящей из частных лиц в буржуазных конституционных государствах XIX века» [ibid.: 212—213]. С одной стороны, среди публики массовых демократий наиболее активными избирателями оказываются те, кого можно было бы отнести к обеспеченным буржуа веком ранее. Они становятся «лидерами мнений в публичных делах». С другой стороны, сегодня представители этой социальной прослойки не склонны выносить на открытое обсуждение свои взгляды. Те же, кто находится на более низкой ступени социальной иерархии, ориентируются на «лидеров мнений». «Их взгляды приобретают характер зачерствелой привычки» [ibid.: 213]. Даже те, кто участвуют в некоторой дискуссии, склонны лишь подтверждать превалирующие идеи³. На огромное число тех, кто не определился в своих политических предпочтениях, кто вообще не интересуется политической повесткой, направлены все усилия избирательных менеджеров. Они стараются извлечь из этих групп как можно больше пользы, «но не путем просвещения, а путем адаптации аполитичного потребительского отношения» [ibid.: 215]. В подобной манипулируемой «публичной сфере» доминируют «аккламационные настроения». Как пишет Хабермас, для массовых демократий характерно не общественное мнение, но климат мнений [ibid.: 217]. Истинное общественное мнение возможно

³ Эту линию аргументации сегодня развивают авторы, опирающиеся на теорию эвристик [Kahneman, Tversky, 1974: 1124]. Они отмечают, что в вопросах, касающихся политики, люди склонны использовать эвристики бездумно, автоматически [Shapiro, Bloch-Elkon, 2008: 120]. Кроме того, люди часто упускают контекстуальную информацию, необходимую для разумного использования эвристик. Шапиро и Блох-Элкон показали, что партийная принадлежность становится своеобразной эвристикой, не позволяющей распознавать информацию, ставящую под сомнение политику партии [Shapiro, Bloch-Elkon, 2008: 125—126].

лишь при существовании буржуазной публичной сферы, где поддерживается рациональная дискуссия.

Существует точка зрения как на существование демократии, так и на роль общественного мнения, которая отчасти учитывает критику Хабермаса. Опираясь на традиции делиберативной демократии и политического анализа, Питер Наянз и Винсент Прайс фактически концептуализируют общественное мнение как процесс коллективного, демократического принятия решений [Price, Neijens, 1997]. Они выделяют несколько этапов в этом процессе: (1) формулирование целей; (2) выработка альтернатив; (3) прогнозирование следствий; (4) оценка и обсуждение альтернатив; (5) принятие решения. Наянз и Прайс делают акцент на коллективной делиберации и гражданском участии в ходе формулирования целей, выработки и обсуждении альтернатив. В итоге они формулируют индекс качества общественного мнения, который включает такие параметры, как «широта гражданского участия», «масштаб дискуссий, дебатов» и ряд других. В отличие от теоретической позиции Вербы и Пейджа, в центре данного подхода не точное сообщение элитам расстановки интересов, но вовлечение разных сторон в процесс коллективного принятия решений. Далее мы хотели бы показать, что у подхода Наянза и Прайса намного больше оснований ассоциировать себя с теорией общественного мнения Джеймса Брайса, чем у подхода Гэллапа и его преемников.

Брайс писал об общественном мнении не только как о сумме мнений и о власти чисел, но как о суверене, который может функционировать, если граждане будут активно участвовать в коллективных дискуссиях и местном самоуправлении. Брайс критиковал «партийную политику» США и противопоставлял ей общественное мнение, направленное на общий интерес. Чтобы подчеркнуть этот аспект его теории, мы обратимся к работам Руссо, который писал об общей воле схожим образом: это не агрегация частных волей, но беспристрастная инстанция, которая противостоит частным волям и которая может функционировать, лишь если люди будут принимать участие в коллективном принятии решений. Таким образом, мы покажем, что общественное мнение задумывалось Брайсом в первую очередь как демократическая концепция, описывающая преимущества политического участия, а не столько как эффективный способ осуществления правления (необязательно демократического) в массовом обществе.

Общая воля Ж.-Ж. Руссо: моральная свобода и политическое равенство

Существуют две основные интерпретации концепции общей воли Ж.-Ж. Руссо. Одной из них придерживаются теоретики общественного выбора, которые утверждают, что общая воля является результатом голосования на ассамблее (волюнтаристская интерпретация) [Runciman, Sen, 1965: 555—556; Estlund et al., 1989]. Согласно другой линии интерпретации, общая воля есть особая личностная структура, которая может быть проявлена в ходе определенной процедуры (рационалистическая интерпретация) [Grofman, Feld, 1988: 572; Schwartzberg, 2008: 414].

Теоретики общественного выбора сходятся в том, что общая воля направлена на достижение частного интереса каждого. На ассамблеях в таком случае происходит процесс примирения частных интересов, высказываемых индивидами. Это возможно в том числе благодаря наличию «общей составляющей»

всех частных интересов⁴. Следуя и дальше указанному прочтению, мы приходим к тому, что индивиды, отвечая на вопрос «в чем состоит общая воля?», говорят фактически о своем частном интересе. Руссо пишет, что гражданин дает согласие даже на те законы, что приняты противно его голосованию [Rousseau, 1963: 88]⁵. Согласие гражданина с законом не зависит от того, голосует он за или против этого закона на ассамблее. Волюнтаристская интерпретация, напротив, предполагает, что в ходе голосования примиряются частные интересы граждан, благодаря чему и возможно согласие с законом. Следовательно, согласие индивида ставится в зависимость от процесса примирения, происходящего в ходе голосования. В рамках волюнтаристской интерпретации возникает противоречие с одним из основных тезисов Руссо о необусловленном согласии гражданина с законом. В то же время, если мы исходим из того, что общая воля существует вне зависимости от голосования и, являясь личностной структурой, присуща каждому гражданину, нам не составляет труда принять указанный тезис о согласии со всеми законами. Но возможны ли в принципе демократические процедуры в этих условиях? Каков их смысл? Мы постараемся показать, что эти процедуры (в частности голосование) приобретают иное содержание, но при этом не теряют демократический характер.

Игнорируя различие частных интересов и общего блага, мы можем не увидеть альтернативный подход к вынесению политических решений, предлагаемый Руссо. На наш взгляд, этот подход основан не на примирении частных интересов, но на стремлении индивидов сохранить свободу определенного вида, которая реализуется посредством норм и институтов. Руссо в трактате «Об общественном договоре» различает моральную и гражданскую свободу. Гражданская свобода основана на ограничении изначальной, естественной свободы пределами, заданными общей волей. Моральная свобода «делает человека действительным хозяином самому себе; ибо... подчиняться закону, который ты сам для себя установил, есть свобода» [Руссо, 1998: 212—213]. Как можно заметить, моральная свобода указывает на ряд действий (установление закона для самого себя, подчинение этому закону), необходимых для того, чтобы стать «хозяином самому себе». Гражданская свобода же означает возможность действовать в рамках ограничений, установленных законом. Однако именно реализация индивидами своей моральной свободы определяет возникновение и природу ограничений,

⁴ Джереми Уолдрон пишет, что в литературе о Руссо часто преувеличивается различие между общим благом и интересами всех. Уолдрон исходит из того, что общее благо является общим элементом всех частных интересов [Estlund et al., 1989: 1323]. Следовательно, общая воля, направленная на общее благо, предполагает достижение определенной доли частного интереса для каждого индивида. Схожей позиции придерживается и Дэвид Эстлунд. Он повторяет, что общая воля стремится к общему интересу. Далее он апеллирует к тезису Руссо о том, что «Общественную связь образует как раз то, что есть общего в этих различных интересах; и не будь такого пункта, в котором согласны все интересы, никакое общество не могло бы существовать». Следовательно, как пишет Эстлунд, общий интерес может быть лишь «функцией от индивидуальных интересов» [ibid.: 1321]. Таким образом, в перспективе общая воля оказывается направлена на удовлетворение частных интересов.

⁵ Руссо пишет: «Le citoyen consent à toutes les lois, même à celles qu'on passe malgré lui, et même à celles qui le punissent quand il ose en violer quelqu'une» [Rousseau, 1963: 88]. К сожалению, в русском переводе А. Хяютина этот тезис передан лишь частично: «Гражданин дает согласие на все законы, даже на те, которые карают его, если он осмеливается нарушить какой-либо из них» [Руссо, 1998: 291]. Здесь опущена существенная часть: «Гражданин дает согласие на все законы, даже на те, что приняты противно его голосованию [курсив наш — Шаблинский А. И.] и на те, которые карают его, если он осмеливается нарушить какой-либо из них».

составляющих суть закона. Джошуа Коэн показывает, что именно ради моральной свободы индивиды готовы жертвовать частными интересами.

Коэн спорит с гоббсианской трактовкой Руссо, согласно которой до заключения общественного договора индивиды были полностью автономны и стремились лишь к защите собственных интересов. Кроме того, гоббсианское прочтение Руссо предполагает, что индивиды, заключая общественный договор, отказываются от сиюминутных частных интересов в пользу долгосрочных частных интересов (этот тезис также напоминает трактовку теоретиков общественного выбора). Коэн, однако, замечает, что помимо частных интересов индивиды желают защитить свою свободу [Cohen, 1986: 282—283]⁶. В данном случае под свободой понимается возможность установления закона для самого себя и следование этому закону. Именно эта личностная черта становится основой для общественного договора и общей воли [ibid.: 286]. Коэн предлагает рассмотреть гипотетическую ситуацию, в которой при заключении договора индивид оказывается перед дилеммой: согласиться с возникновением общей воли и действовать в соответствии с ее распоряжениями либо приспособиться под условия договора и действовать в соответствии с ними лишь тогда, когда это отвечает его собственным интересам. Почему индивид может выбрать первый образ действий? Согласно Коэну, именно желание «остаться свободным как прежде» и манифестировать свою свободу склоняет индивида к этому варианту [ibid.: 285]. С позиций частного интереса система социальных норм часто представляется нежелательным ограничением. В противовес этому желание утвердить свою моральную свободу ведет к утверждению институциональных ограничений и общей воли. Таким образом, как замечает Коэн, «обладание общей волей — это не средство достижения автономии, но сущность автономии» [ibid.: 286].

Опираясь на работы Коэна, мы можем говорить об альтернативной интерпретации голосования на ассамблеях. Индивиды могут ориентироваться не только на частный интерес при голосовании, но и на свое желание сохранить моральную свободу, которое подразумевает воспроизводство гражданской общины. Общая воля, которая образуется после заключения договора, как пишет Коэн, есть суть моральной свободы [Cohen, 1986: 287]. Следовательно, голосование является вовсе не примирением разрозненных частных интересов и не поиском их общей составляющей. Голосование — это выражение общей воли, которая существует вне зависимости от результатов этой процедуры. Это реализация гражданами их моральной свободы, возможности совместно установить закон и следовать ему. Но почему эта процедура подразумевает прямое голосование и отсутствие репрезентации?

Для Руссо важным условием сохранения политического сообщества является не только моральная свобода, но и политическое равенство, которое возможно, когда каждый участвует в принятии закона. Требование полити-

⁶ В своей работе «Размышления о Руссо: автономия и демократия» Дж. Коэн защищает тезис о том, что, согласно Руссо, до заключения общественного договора существуют элементы социальности [Cohen, 1986: 284]. Люди уже вышли из естественного состояния, между ними постепенно нарастает неравенство, возникают некоторые социальные институты. К этому моменту индивиды уже обладают потребностями, которые могут быть удовлетворены лишь во взаимодействии с другими людьми (например, потребность в признании). Наконец, человек в этом состоянии имеет представление о свободе и хочет сохранить свою свободу [ibid.: 284].

ческого равенства вытекает из концепции общей воли. Как поясняет Руссо, «для того, чтобы воля была общею, не всегда необходимо, чтобы она была единодушна; но необходимо, чтобы были подсчитаны все голоса [курсив наш — Шаблинский А. И.]» [Руссо, 1998: 217]. Иными словами, все граждане должны участвовать в принятии закона (для Руссо это прежде всего процедура голосования). Этот же тезис Руссо формулирует немного иным образом, когда пишет о неотчуждаемости суверенитета. Суверенитет — это осуществление общей воли. Общая воля, как пишет Руссо, не может быть передана⁷. Но почему невозможна передача общей воли? Проблема в том, что представители (парламентарии) формируют группу (парламент) со своей общей волей, которая является частной по отношению к общей воле всего сообщества. Они начинают действовать в пользу своей узкой «общей воли». В каких случаях возможно выражение общей воли, которая «по своей природе» стремится к равенству, а не к «преимуществам»? В тех случаях, когда в ассамблее принимают участие все граждане политического сообщества⁸.

Подводя промежуточные итоги, скажем, что рационалистическая интерпретация общей воли лучше схватывает основную интенцию Руссо, не входя в противоречие с ключевыми тезисами его работы «Об общественном договоре». В рамках этой интерпретации можно объяснить необходимость голосования, не пренебрегая тезисом о том, что каждый гражданин согласен с законом, даже если он за него не голосовал. На ассамблее происходит не примирение частных интересов или поиск общей составляющей этих интересов. Голосование необходимо для реализации моральной свободы. Граждане участвуют в процедуре, чтобы совместно вынести суждение об общей воле, а не высказаться о своих частных интересах. Так в сообществе сохраняются моральная свобода и политическое равенство.

Переосмысляя концепцию общественного мнения Дж. Брайса

Леон Дион в статье «Как понимают демократию исследователи общественного мнения» указывает, что работы Джеймса Брайса стали цитироваться первыми полллстерами в связи с тем, что Брайс, в отличие от Лоуренса Лоуэлла, не наделял общественное мнение характеристиками общей воли, но воспринимал его лишь как сумму мнений отдельных индивидов [Dion, 1962: 572]. Согласно Диону, Брайс рассматривал общественное мнение исключительно как статистическую категорию. Во-первых, Брайс, рассуждая о власти общественного мнения, говорит о власти большинства. Политики вынуждены считаться с общественным мнением лишь потому, что оно тождественно сумме мнений большинства. Именно власть является характеристикой общественного мнения, но не мудрость [ibid.]. Во-вторых, у способа измерения общественного мнения, о котором пишет Брайс, лишь одна цель — выявить большинство и меньшинство по конкретному вопросу. Этот метод должен дополнить «прямое массовое наблюдение», уже практикуемое некоторыми политиками [ibid.: 573]. Наконец, Дион заключает, что, продолжая

⁷ Согласно Руссо, «передаваться может власть, но никак не воля» [Руссо, 1998: 216].

⁸ С этой проблемой сталкиваются репрезентативные демократии, где граждане, не избравшиеся в органы власти, исключены из активной политической жизни. Ханна Питкин, одна из ключевых теоретиков политической репрезентации, замечает, что репрезентация скорее замещает демократию, чем совершенствует ее работу [Pitkin, 1972].

логику Брайса, мы должны наделить силой закона любое считаваемое высказывание большинства по конкретному вопросу.

Вместе с тем, если мы обратимся к текстам Брайса, мы не увидим столь однозначной позиции по вопросам, касающимся общественного мнения. Брайс пишет об общественном мнении как о «здоровом смысле» нации, позволяющем реализовать все положения Конституции [Bryce, 1995: 250]. Одновременно он называет его атмосферой, в которой растворяются все пороки, характерные для политической деятельности [ibid.]. Более того, Брайс не раз замечает, что общественное мнение не следует путать с органами его выражения [ibid.: 172]. Власть общественного мнения для Брайса — это не просто «власть цифр», как пишет Дион. В работе «Современные демократии» Брайс замечает: «Оно [общественное мнение] является противовесом голой власти цифр» [Bryce, 1921: 111]. Наконец, Брайс не столь однозначен в вопросе компетенции общественного мнения, как об этом пишет Дион. Брайс различает категорию дел, где стоит опираться на общественное мнение и категорию проблем, где оно оказывается беспомощным [Bryce, 1995: 244].

Чтобы прояснить наш тезис о том, что общественное мнение для Брайса не просто статистическая категория, обратимся к полемическому контексту его работы «Американское содружество». Одна из интенций, легших в основу этой работы, заключалась в критике партийной системы, сложившейся в США после завершения гражданской войны. С одной стороны, Брайс, как и некоторые либеральные мыслители (Джон Брайт, Уильям Глэдстоун), был крайне воодушевлен победой Севера в Гражданской войне 1861—1865 гг. и рассматривал США как страну, в которой могут быть реализованы ключевые принципы либеральной идеологии. С другой стороны, к моменту написания «Американского содружества» фокус внимания Брайса и некоторых его коллег сместился на работу американских политических партий [Keller, 1988: 92]. Брайс писал о том, что возникновение партий — неизбежное следствие развивающейся массовой демократии. При этом, как показал Паоло Помбени, Брайс в работах 1905 г., а также в переписке с Голдвином Смитом, критиковал партийную систему, поскольку она неизбежно приводила к власти «демагогов» и вела к политическим манипуляциям [Pombeni, 1994: 337]. Более того, мы встречаем критику партий уже в «Американском Содружестве», где Брайс обвиняет партийных политиков в коррумпированности, преследовании личных интересов.

Брайс начинает разговор о партиях скорее с нейтральной ноты и пишет о них как о неизбежном следствии современных массовых обществ. Современные демократии, согласно Брайсу, решают те же проблемы, что и древние, но совершенно иными способами. Одной из важных особенностей современных демократий становится партийная политика. Партийная система США, согласно Брайсу, представляла собой политическую схему, к которой должны будут прийти все страны мира [Pombeni, 1994: 321]. Партии, построенные вокруг определенных идей и принципов, существующие, например, в Великобритании, должны будут уступить место партийным машинам, подобным тем, что есть в США. «...Если раньше партии создавались под определенные задачи и цели, то сейчас задачи и цели создаются партиями» [ibid.: 323]. Согласно Брайсу, распространение институтов партийной системы следует рассматривать как реализацию исторических и политических

законов. Вместе с тем Брайс критиковал ситуацию, в которой растет политическая коррупция, а сама политика становится ремеслом и уделом профессионалов⁹. Он признавал, что это худшая сторона возникающих партийных систем. Особенно заметна эта критика во втором томе «Американского содружества», где Брайс пишет о профессионализации политики¹⁰ и коррумпированности американских партий [Bruce, 1995: 43]. Он посвящает целую главу вопросу «Почему лучшие люди не идут в политику» [ibid.: 50]¹¹.

Мы считаем, что концепцию общественного мнения Брайса необходимо рассматривать в контексте этой критики. Для иллюстрации нашего тезиса обратимся к некоторым тезисам «Американского содружества». Брайс различает политиков внутреннего круга и политиков внешнего круга [ibid.: 41]. В США политики внутреннего круга рассматривают занятия политикой как свой основной вид деятельности и единственный источник дохода [ibid.: 43]. Главным мотивом участия в работе органов власти и в партийной работе является для них денежное вознаграждение. Как пишет Брайс, «когда ожидание [вознаграждения] становится существенным мотивом его деятельности, такой [политик] может быть назван профессионалом» [ibid.]. В отличие от них политики внешнего круга не обладают корыстным мотивом (pecuniary motive). Кроме того, их политическая деятельность чаще всего ограничивается голосованием [ibid.: 48]. При этом в США под определение политиков внешнего круга подпадает «вся нация». Как пишет Брайс, «живой интерес к политике, свойственный английскому внешнему кругу¹², в США разделяет вся нация» [ibid.]. Наконец, те, кто не имеет корыстного мотива в политической деятельности, представители внешнего круга, являются носителями общественного мнения. Под это общественное мнение вынуждены подстраиваться профессиональные политики, чтобы удержать свою должность, свой мандат [ibid.: 48—49].

В части, посвященной общественному мнению, Брайс продолжает это противопоставление. «Люди, управляющие машинерией, обычно эгоистичны и бес-

⁹ Чтобы понять это двойственное отношение к партиям, скажем несколько слов о сравнительном историческом методе, который использовал Брайс. С одной стороны, он с осторожностью относился к этой методологии, популярной среди историков, правоведов и антропологов в XIX веке [Collini, Winch, Burrow, 1983: 238—240]. Именно этот инструмент использовался критиками демократии для выявления ее недостатков. Более того, описывая афинскую или венецианскую демократии такие авторы, как Генри Мэйн, заявляли о принципиальной невозможности демократии в современной Великобритании и других странах мира [ibid.: 239]. Брайс призвал использовать сравнительный метод более аккуратно. Он ставил под сомнение бессистемный анализ демократии, сводящийся к описанию недостатков древних Афин или Римской республики. В 1867 г. он отмечал, что «не следует поспешно делать выводы для одних наций на основе опыта других наций, находящихся в иных обстоятельствах...» [Bruce, 1867: 240—241].

¹⁰ Брайс замечает: «Политика теперь стала прибыльной профессией, как адвокатское дело, игра на бирже, торговля текстилем или юридическое оформление фирм» [Bruce, 1867: 239—242].

¹¹ Среди наставников Брайса был Голдвин Смит, резко критиковавший демагогию и «политические манипуляции», которые он связывал с деятельностью Джозефа Чемберлена [Pombeni, 1994: 325—326]. Как показал в своей статье Помбени, Брайс переписывался со Смитом до и после работы над «Американским содружеством». В своих письмах Брайс довольно часто высказывает едкие, критические замечания в отношении партийной политики и принимает позицию Смита, хотя при этом замечает, что сложившаяся ситуация в политике неизбежна в массовых обществах [ibid.: 333].

¹² В европейских странах это различие проводится им весьма условно. С одной стороны, политики внутреннего круга получают вознаграждение за свою деятельность, однако оно не является их основным доходом. Чаще всего они заняты в работе законодательных, исполнительных, судебных органов власти. С другой стороны, к политикам внутреннего круга Брайс относит известных журналистов, писателей, тех, кто стремится «оказать влияние на публику» [Bruce, 1995: 41]. Представители внешнего круга могут принадлежать к политической партии, но не получают никакого вознаграждения за участие в партийной работе и не занимают позиции в государственных органах.

принципны» [ibid.: 250]. Но вред, который они могли бы нанести слаженной работе Конституции, нейтрализуется общественным мнением. Как пишет Брайс, «... здравый смысл нации в целом сдерживает недостатки в реализации положений Конституции и может впоследствии полностью устранить эти несовершенства» [ibid.]. Общественное мнение стоит над партиями, «будучи невозмутимым и широко мыслящим...», оно преодолевает порочность властей и «сохраняет высокий уровень благополучия нации» [ibid.: 250—251]. Как и общая воля для Руссо, общественное мнение стоит для Брайса выше коррумпированных партийных структур, не загрязнено частными интересами политиков и отражает «здравый смысл» сообщества в целом.

Более того, Брайс, как и Руссо, объявляет общественное мнение носителем суверенитета [ibid.: 184—185]. Статус представителей, как отмечает Брайс, оказывался совершенно «иным» в такой ситуации. Добавим, что «иным» по сравнению со статусом представителей в Британском парламенте. Они воспринимались «не как мудрые и сильные люди, избранные, чтобы править, но как делегаты, выполняющие необходимые поручения и сменяемые через короткие промежутки времени» [ibid.: 184]. После учреждения национального правительства, как пишет Брайс, верховная власть остается у граждан. Граждане установили правление (government) и передали лишь часть суверенитета своим «агентам». Конечно, заявление Брайса о частичной передаче суверенитета вряд ли совместимо с логикой Руссо, однако видна схожая интенция — подчеркнуть важность участия всех граждан в реализации общественного мнения. Как пишет историк Хьюго Таллок, Брайс увидел в США возникновение нового политического феномена, «массовой партиципаторной демократии» [Tulloch, 1988: 137]. Но как за гражданами может сохраниться часть суверенитета? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уточнить, как, согласно Брайсу, работает общественное мнение.

Брайс выделяет считывание и проявление общественного мнения. Для считывания общественного мнения, на первый взгляд, вовсе не обязательно участие всех граждан. Оно осуществляется с помощью газет, партий, ассоциаций в тех случаях, когда принимаются законы по широким вопросам [Bryce, 1995: 254]. Вместе с тем в главе «В чем общественное мнение преуспевает» он пишет, что общественное мнение проявляется в форме дискуссий между гражданами относительно ключевых вопросов внутренней и внешней политики. «Но мнение действует и в другое время, и способно иными методами проявить себя [курсив наш — Шаблинский А. И.]. Оно упрочивает всеобъемлющую дискуссию по поводу политических вопросов и личностных качеств людей [занимающихся политикой]» [ibid.: 251]. В процессе такой дискуссии должен постепенно определяться общий интерес. Более того, «сложно представить, чтоб этого не произошло». Возможны лишь временные заблуждения: «Они признают возможность некоторого количества временных ошибок и заблуждений. Но полагать, что целая нация, выслушав все, все обсудив... в итоге ошибется касательно своих истинных интересов, будет для них особым видом хулы в отношении человеческого разума и его Создателя» [ibid.: 253]. Таким образом, общественное мнение проявляется в практике «постоянного чтения, слушания, вынесения суждений относительно публичных дел». Брайс, к сожалению, не дает конкретных указаний на формы такой дискуссии, ее рамки. Однако он неоднократно

заявляет, что участие в периодических выборах органов власти не делает граждан участниками политической жизни. Наоборот, постоянная вовлеченность возможна в том случае, если гражданин обсуждает с другими публичные дела и тем самым участвует в проявлении общественного мнения. Возвращаясь к вопросу, поставленному выше: на наш взгляд, проявление общественного мнения — один из способов сохранить суверенитет в руках граждан.

Брайс также стремится сделать считывание общественного мнения более открытым для участия обычных граждан. Согласно Брайсу, партии играют одну из ключевых ролей в процессе считывания. Фактически партийные политики работают с «проявлениями» общественного мнения и являются арбитрами, помогающими определить, насколько соответствует та или иная законодательная инициатива общему интересу сообщества: «...в Америке общественное мнение, которое всеми признается в качестве арбитра, смягчает эти эмоции и обязывает сторонников законов, выгодных конкретным классам, продемонстрировать, что их инициативы совместимы с первостепенными интересами всего сообщества» [ibid.]. Тем не менее партийные политики, согласно Брайсу, не являются лучшими кандидатами на пост таких арбитров. Как он замечает, «чтобы контролировать политиков, общественное мнение в Америке больше всего нуждается в... более продолжительной деятельности людей, решительно независимых в своих умонастроениях» [ibid.: 230]. Партийные политики, согласно Брайсу, не могут быть беспристрастными. Более того, в итоге именно партии способствуют искаженной интерпретации общественного мнения. Это объясняется корыстным интересом профессиональных политиков, пришедших на государственную службу исключительно ради зарабатывания денег¹³. Брайс был уверен, что независимые, беспартийные политики из «внешнего круга», напротив, способны отказаться от своих частных интересов, «неразумного допущения, лежащего в основе бессмысленных партийных схваток» [ibid.: 48]. Для них мотив заработка не будет основным в политической деятельности, и они смогут беспристрастно фиксировать общественное мнение, проявляющееся в постоянных дискуссиях обычных граждан. Здесь необходимо отметить, что для Брайса общественное мнение не было продуктом одного класса. Он не раз подчеркивал это обстоятельство [ibid.: 177, 222]. Поэтому сложно говорить, что новая категория политиков, о которой пишет Брайс, была для него классом, формирующим мнение. Скорее участие независимых политиков из внешнего круга, не искавших в политической деятельности основной источник дохода, являлось для Брайса одним из важных условий легитимной интерпретации «проявленного» общественного мнения.

Вовлечение представителей внешнего круга расширяло возможности участия обычных граждан в политике. К сожалению, Брайс не углубляется в институциональные механизмы, позволяющие обеспечить постоянный приток независимых политиков из внешнего круга. Не очень понятно, что же могло заставить их «штур-

¹³ Как отмечает Таллок, Брайс придерживался модели личностной структуры индивида, предложенной Джоном Актоном. В рамках этой модели индивид с одной стороны обладает эгоистичными интересами, с другой стороны — «объединяющей гуманностью, даром разума, желанием гармонии» [Tulloch, 1988: 138]. Более того, сам Брайс пишет, что «либералы верят в силу разума, способную побороть безразличие, и в силу благородства, способного побороть эгоизм» [Вруссе, 1995: 16]. Однако политик, занимающийся публичными делами лишь ради заработка, всегда отвержен эгоистичным интересам.

мовать внутренний круг» профессиональных партийных политиков. Тем не менее в первом томе «Американского содружества» Брайс защищал тезис, косвенно связанный с институциональным оформлением активного политического участия. Он описывал США как пример удачного воплощения принципов самоуправления [ibid.: 255]. Брайс был последовательным федералистом и отстаивал необходимость «home rule», широкого круга вопросов, решавшихся на уровне доминионов (в случае Великобритании) и субъектов федерации (в случае США) [Tulloch, 1988: 78]. Широкие полномочия независимых политиков в работе органов власти субъекта и в определении общественного мнения он противопоставлял жесткому контролю, осуществлявшемуся централизованной партией. Брайс активно поддерживал законопроекты, предлагавшие реформирование гражданской службы и уменьшающие власть партий в сфере назначения чиновников на местном уровне [ibid.: 176].

Таким образом, Брайс различал считывание и проявление общественного мнения. Проявление — это постоянная делиберация граждан и «вынесения суждений относительно публичных дел». Считывание — это схватывание и интерпретация дискуссий, суждений, происходящих между гражданами. Брайс видит необходимость участия граждан не только в широких дискуссиях в ходе проявления общественного мнения, но и в процедуре считывания в качестве независимых политиков. Благодаря этому суверенитет сохраняется в руках граждан и не переходит полностью их представителям.

Заключение

Концепция общественного мнения, предложенная Брайсом, вовсе не сводилась к тезису «решение большинства есть закон». Брайс, как и Руссо, признавал две необходимые черты демократического сообщества. Во-первых, наличие общественного мнения, общей воли, несводимых к сумме индивидуальных мнений. Во-вторых, сохранение суверенитета в руках народа, которое обеспечивается постоянным участием граждан в делах сообщества. Брайс не раз напоминает нам, что общественное мнение не направлено на удовлетворение частных интересов. Оно есть здравый смысл нации, который стремится сохранить конституцию и политическое устройство, точно так же, как, согласно Руссо, общая воля стремится к воспроизведению политического сообщества. Наконец, Брайс следует демократической традиции в образе Руссо, когда стремится сохранить суверенитет в руках граждан, вовлекая их в процессы проявления и считывания общественного мнения. Конечно, это не соответствует более строгому критерию политического равенства Руссо, согласно которому представительство невозможно. Однако Брайс очевидно ближе к этому полюсу демократической традиции, чем к идеям минимальной демократии и сменяемости элит.

Агрегативные подходы к общественному мнению, набравшие популярность после исследований Гэллапа, упускают из виду этот важный аспект концепции Брайса. В схеме Гэллапа опросы должны в точности узнавать интересы, желания граждан и транслировать их элитам. Схожую идею мы встречаем через 60 лет у Вербы и Пейджа. Вместе с тем изначально концепция общественного мнения была идейно намного ближе к «массовой партиципаторной демократии», где суве-

ренитет сохраняется в руках граждан. Можно заявить, что современные опросы не предполагают участие подобного рода, а значит не являются приоритетным механизмом измерения общественного мнения в той теоретической перспективе, что задают Руссо и Брайс. На наш взгляд, эта линия дискуссии об общественном мнении, остававшаяся долгое время в тени агрегативных подходов, постепенно находит поддержку в работах, где общественное мнение концептуализируется как процесс принятия коллективных, демократических решений. Эта аргументация, представленная в работах Наянза и Прайса, нацелена на вовлечение всех заинтересованных сторон в данный процесс. Опираясь на традицию делиберативной демократии, она уделяет внимание не только числу участников, но и качеству самой процедуры обсуждения.

Список литературы (References)

- Бурдые П. Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993.
- Bourdieu P. (1993) *Sociology of Politics*. Moscow: Socio-Logos. (In Russ.).
- Гэллуп Д., Рэй С. Ф. Пульс демократии. Как работают опросы общественного мнения. М. : ВЦИОМ, 2017.
- Gallup D., Rae S. F. (2017) *The Pulse of Democracy. The Public-Opinion Poll and How It Works*. Moscow: VCIOM.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, трактаты. М. : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 1998.
- Rousseau J.-J. (1998) *Contrat social*. Moscow: Canon-Press-C: Kuchkovo Pole.
- Allport F. H. (1937) Toward a Science of Public Opinion. *The Public Opinion Quarterly*. Vol. 1. No. 1. P. 7—23. <https://doi.org/10.1086/265034>.
- Althaus S. L. (2003) *Collective Preferences in Democratic Politics*. New York: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511610042>.
- Bentham J. (1830) *Constitutional Code*. London: Robert Heward.
- Blumer H. (1948) Public Opinion and Public Opinion Polling. *American Sociological Review*. Vol. 13. No. 5. P. 542—549. <https://doi.org/10.2307/2087146>.
- Bryce J. (1867) *The Historical Aspect of Democracy. Essays on Reform*. London: Macmillan and Co.
- Bryce J. (1921) *Modern Democracies*. Vol. I. New York: Macmillan Company.
- Bryce J. (1995) *The American Commonwealth*. Vol. II. Indianapolis, IN: Liberty Fund.
- Cohen J. (1986) Review: Reflections on Rousseau: Autonomy and Democracy. *Philosophy & Public Affairs*. Vol. 15. No. 3. P. 275—297.
- Collini S., Winch D., Burrow J. (1983) *That Noble Science of Politics: A Study in Nineteenth-Century Intellectual History*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Converse P.E. (2006) The Nature of Belief Systems in Mass Publics (1964). *Critical Review*. Vol. 18. No. 1—3. P. 1—74. <https://doi.org/10.1080/08913810608443650>.
- Dion L. (1962) Democracy as Perceived by Public Opinion Analysis. *The Canadian Journal of Economics and Political Science*. Vol. 28. No. 4. P. 571—584. <https://doi.org/10.2307/139297>.
- Estlund D. M., Waldron J., Grofman B., Feld S. L. (1989) Democratic Theory and the Public Interest: Condorcet and Rousseau Revisited. *The American Political Science Review*. Vol. 83. No. 4. P. 1317—1340. <https://doi.org/10.2307/1961672>.
- Gallup G. (1938) Government and the Sampling Referendum. *Journal of the American Statistical Association*. Vol. 33. No. 201. P. 131—142. <https://doi.org/10.2307/2279120>.
- Grofman B., Feld S. (1988) Rousseau's General Will: A Condorcetian Perspective. *The American Political Science Review*. Vol. 82. No. 2. P. 567—576. <https://doi.org/10.2307/1957401>.
- Habermas J. (1991) *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Kahneman D., Tversky A. (1974) Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. *Science*. Vol. 185. No. 4157. P. 1124—1131. <https://doi.org/10.1126/science.185.4157.1124>.
- Keller M. (1988) James Bryce and America. *The Wilson Quarterly*. Vol. 12. No. 4. P. 86—95.
- Korzi M. J. (2000) Lapsed Memory? The Roots of American Public Opinion Research. *Polity*. Vol. 33. No. 1. P. 49—75. <https://doi.org/10.2307/3235460>.
- Margolis M. (1984) Public Opinion, Polling, and Political Behavior. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 472. P. 61—71. <https://doi.org/10.1177/0002716284472001006>.
- Page B. (2002) The Semi-Sovereign Public. Manza B. J., Cook F. L., Page B. I. (eds.) *Navigating Public Opinion: Polls, Policy and the Future of American Democracy*. New York: Oxford University Press. P. 325—344.
- Page B. I., Shapiro R. Y. (1992) *The Rational Public: Fifty Years of Trends in Americans' Policy Preferences*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.
- Pitkin H. (1972) *The Concept of Representation*. Berkeley, CA: University Of California Press.
- Plowman D. E. G. (1962). Public Opinion and the Polls. *The British Journal of Sociology*. Vol. 13. No. 4. P. 331—349. <https://doi.org/10.2307/587245>.
- Pombeni P. (1994) Starting in Reason, Ending in Passion. Bryce, Lowell, Ostrogorski and the Problem of Democracy. *The Historical Journal*. Vol. 37. No. 2. P. 319—341. <https://doi.org/10.1017/s0018246x00016496>.

Price V., Neijens P. (1997) Opinion Quality in Public Opinion Research. *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 9. No. 4. P. 336—360. <https://doi.org/10.1093/ijpor/9.4.336>.

Rousseau J.-J. (1963) On the Social Contract; or, Principles of Political Rights. Paris: Union Générale d'Éditions. (In French).

Runciman G., Sen A. (1965) Games, Justice and the General Will. *Mind*. Vol. LXXIV. No. 296. P. 554—562. <https://doi.org/10.1093/mind/LXXIV.296.554>.

Schwartzberg M. (2008) Voting the General Will: Rousseau on Decision Rules. *Political Theory*. Vol. 36. No. 3. P. 403—423. <https://doi.org/10.1177/0090591708315145>.

Shapiro R. Y., Bloch-Elkon Y. (2008) Do the Facts Speak For Themselves? Partisan Disagreement as a Challenge to Democratic Competence. *Critical Review*. Vol. 20. No. 1—2. P. 115—139. <https://doi.org/10.1080/08913810802316373>.

Tulloch H. (1988) James Bryce's American Commonwealth. Wolfeboro, NH: Boydell Press.

Verba S. (1996) The Citizen as Respondent: Sample Surveys and American Democracy Presidential Address, American Political Science Association, 1995. *The American Political Science Review*. Vol. 90. No. 1. P. 1—7. <https://doi.org/10.2307/2082793>.

Woodward J. (1948) Public Opinion and Public Opinion Polling: Discussion. *American Sociological Review*. Vol. 13. No. 5. P. 552—554. <https://doi.org/10.2307/2087148>.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.11

Правильная ссылка на статью:

Хахалкина Е. В., Грошева Г. В. Проблемы укрепления идентичности ЕС и оценка Евробарометра как инструмента для ее «замера» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 220—236. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.11>.

For citation:

Khakhalkina E. V., Grosheva G. V. (2019) Problems of Strengthening European Identity and an Evaluation of Eurobarometer as a Tool to Measure Its Identity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 220—236. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.11>.

Е. В. Хахалкина, Г. В. Грошева
ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕС И ОЦЕНКА
ЕВРОБАРОМЕТРА КАК ИНСТРУМЕНТА ДЛЯ ЕЕ «ЗАМЕРА»

ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕС И ОЦЕНКА ЕВРОБАРОМЕТРА КАК ИНСТРУМЕНТА ДЛЯ ЕЕ «ЗАМЕРА»

PROBLEMS OF STRENGTHENING EUROPEAN IDENTITY AND AN EVALUATION OF EUROBAROMETER AS A TOOL TO MEASURE ITS IDENTITY

ХАХАЛКИНА Елена Владимировна — доктор исторических наук, доцент, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
E-MAIL: ekhakhalkina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1747-163X>

Elena V. KHAJKHALKINA¹ — Dr. Sci. (History), Professor, Department of Modern and Contemporary History and International Relations
E-MAIL: ekhakhalkina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1747-163X>

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

ГРОШЕВА Галина Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия; доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
E-MAIL: groshevagv@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9011-1200>

Galina V. GROSHEVA^{1,2} — Cand. Sci. (History), Associate Professor; Associate Professor
E-MAIL: groshevagv@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-9011-1200>

¹ Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Аннотация. В фокусе статьи опросы общественного мнения социологической службы Евробарометр, действующей в странах Европейского союза под эгидой Европейской комиссии, в контексте анализа возможностей Евробарометра для измерения такой чувствительной и трудноуловимой, но важной для укрепления солидарности и единства Евросоюза категории, как общеевропейская идентичность, или идентичность Евросоюза.

В первой части статьи авторы показывают трудности с определением, формированием и «замером» общеевропейской идентичности, начиная с ее отражения в Декларации идентичности 1973 г. и до настоящего времени. Во второй части показана эволюция деятельности и общая оценка методики опросов службы Евробарометра, появление которой по времени симптоматично совпало с заключением Декларации идентичности. В третьем разделе авторы во временной динамике показывают, каким образом расширялся перечень вопросов по идентичности и сопутствующим темам в Евробарометре с точки зрения решения задач по формированию и укреплению общеевропейской идентичности через развитие механизма открытых границ, института европейского гражданства и других социаль-

Abstract. The article is focused on public opinion surveys conducted by Eurobarometer operating in the EU countries under the auspices of the European Commission. The article also explores the Eurobarometer capabilities to measure such a sensitive and subtle category as common European identity. The first part of the article is devoted to difficulties defining and measuring the European identity from the 1973 Declaration on European Identity till today. The second part of the article traces back the evolution of Eurobarometer activities and provides a general assessment of Eurobarometer survey methodology born in the same time as the Declaration on European Identity. The third part describes how the scope of identity-related issues was enlarging in terms of tasks set out to strengthen the EU identity through the open border policy, the institution of European citizenship and other socio-economic measures. A special attention is paid to the analysis of components of a common European identity in the context of migration problems and the relationship between national and European identifications. The fourth part of the article deals with critical analysis of the Eurobarometer system used to measure pan-European identity against the backdrop of the European identity crisis. In conclusion, the authors propose possible ways to improve Eurobarometer

ных и экономических мер. Отдельное внимание уделено анализу составных компонентов общеевропейского самосознания в контексте миграционных проблем и соотношения национального и европейского уровней идентичности населения стран ЕС. В четвертой части представлен критический анализ используемой в Евробарометре системы «замера» общеевропейского самосознания в контексте общего кризиса идентичности ЕС.

В заключении статьи подводятся итоги исследования и описываются возможные улучшения Евробарометра для измерения разных уровней коллективной идентичности и других показателей.

Ключевые слова: Евробарометр, общеевропейское самосознание, идентичность ЕС, Европейский союз, Декларация идентичности, гражданство

Благодарность. Исследование выполнено в рамках работ по гранту Президента РФ «Национальная идентичность в условиях открытых границ ЕС (на примере отдельных стран Евросоюза)» на 2018—2019 гг. (МД-4122.2018.6).

to measure different levels of collective identity and other indicators.

Keywords: Eurobarometer, common European identity, EU identity, European Union, Declaration on European Identity, citizenship

Acknowledgments. The study is part of the project funded under the grant of the President of the RF “National identity and the EU’s open borders (case study of particular EU countries)” for 2018—2019 (МД-4122.2018.6).

Идентичность ЕС — категория, которую можно измерить?

В одном из интервью известный философ Фрэнсис Фукуяма в качестве основной причины провала формирования общеевропейского самосознания назвал то, что «весь европейский проект был основан на антинациональной идентичности. Он должен был выйти за пределы национального эгоизма и антагонизмов, которые характеризовали европейскую политику XX века. И поэтому возникло убеждение в том, что удастся создать новую универсальную европейскую идентичность, которая заменит старые идентификационные модели, основанные на итальянском, немецком или французском языках»¹.

Время подтверждает это мнение. Рост правых партий и право-популистской идеологии, угрозы исламизации, евроскептики, риски повторения террористиче-

¹ Fukuyama F. The Challenges for European Identity. *The Global Journal*. 2012. January 11. URL: <http://www.theglobaljournal.net/group/francis-fukuyama/article/469/> (accessed: 12.12.2019).

ских атак и предстоящий выход Великобритании из Евросоюза создают ситуацию постоянного риска для ослабления идентичности ЕС, ее размывания и столкновения с другими уровнями коллективного самосознания.

Как известно, под идентичностью понимается чувство сопричастности и отождествления себя с кем-то или чем-то, основанное на дихотомии «свой-чужой». По образному выражению зарубежных исследователей Л. Пасерини и Р. Пихта, «идентичность подобна здоровью: вы осознаете ее, только когда ей угрожают»². Несмотря на огромный пласт исследований, связанных с понятием коллективного самосознания на уровне Евросоюза, указанная категория остается во многом условной — отсутствует ее общепринятое определение, способы ее формирования и укрепления носят подвижный, если не сказать, экспериментальный, характер. Например, европейская идентичность — понятие весьма широкое: она не является характеристикой, присущей лишь жителям ЕС, поскольку не все европейские страны входят в состав Евросоюза. Поэтому нам представляется, что наиболее уместным является использование терминов «общеевропейская идентичность» или «идентичность ЕС». Исследователи используют также в качестве синонимов для этой категории такие понятия как «панъевропейское самосознание» и «транс-национальная идентичность» [Ratz, 2014]. В данном случае следует пояснить, что в российском научном дискурсе в качестве синонима к термину «идентичность» используется понятие «самосознание». Не вдаваясь в дискуссии о сходстве и различии понятий «идентичность» и «самосознание», отметим лишь, что такой подход в большей степени характерен для осмысления эмоционально-когнитивного процесса осознания принадлежности человека к какой-либо социальной общности (языковой, этнической, региональной, национальной и пр.). В данном случае самосознание — это познание и оценка человеком самого себя как субъекта не индивидуального, а коллективно-социального. Однако в английском языке это отдельные термины «consciousness» и «awareness», имеющие отношение к психическим состояниям и процессам человека.

В литературе также встречается понятие «идентификация», которое используется для определения личной или индивидуальной идентификации человека как процесса осознания его принадлежности, отождествления с той или иной общностью — в данном случае с «Единой Европой». Истоки такой идентификации лежат в социальной психологии: социальная идентичность является «такой частью самооценки человека, которая вытекает из его самоидентификации с определенной социальной группой (или группами), учитывая ценность и эмоциональное значение, которое придается этому членству» [How to measure..., 2018].

Методологическую основу данного исследования составило понимание идентичности как сложного явления, имеющего множественные и многоуровневые формы. Авторами учитывается релятивистский характер процесса идентификации, подвижности границ идентичности, их зависимости от конкретных исторических условий.

Исследователи указывают на две альтернативные конструкции европейской идентичности: культурно-этническая и гражданско-политическая. Первый под-

² Triandafyllidou A., Gropas R. European Identity: What kind of Diversity into what form of unity?. *Cultural Base: Social Platform on Cultural Heritage and European Identities*. URL: <http://culturalbase.eu/european-identity-what-kind-of-diversity-into-what-form-of-unity/> (accessed: 12.12.2019).

ход предполагает, что общая идентичность основана на культурных корнях, историческом опыте и традициях, отличающих одну социальную группу от другой. Гражданский подход учитывает совокупность институтов, прав и правил, которые руководят политической жизнью сообщества. И тот, и другой подход потенциально представляют собой основу для построения европейской идентичности, однако для усиления сплоченности и солидарности внутри ЕС Брюссель делает акцент именно на гражданском подходе [ibid.].

Следует также учитывать, что европейская идентичность как подвижная и зависящая от контекста и ситуации категория тесно привязана к самому понятию «Европа», которое не является неизменным историческим и географическим конструктом, а скорее образует множественную мобильную матрицу, которая может заметно меняться под влиянием внутренних и внешних факторов.

Формулирование задачи формирования идентичности ЕС

В последние годы интерес исследователей и политических экспертов к категории общеевропейского самосознания возрос в связи с явным ослаблением солидарности и доверия жителей проекту под названием «Европейский союз» на фоне усиления вызовов, связанных с приемом беженцев и других категорий мигрантов. Влияние миграционного фактора носит двойственный характер. С одной стороны, общее возрастание численности иностранцев на территории стран Евросоюза, задачи их интеграции усложняют процессы формирования общей идентичности и вычленения ее составных элементов; с другой — оказывают консолидирующее влияние на коренное население Европы, способствуют становлению идентичности, ориентированной на отторжение несвойственных «западному» менталитету ценностей и усилению установок, основанных на представлениях о принадлежности к европейским традициям, политическим и культурным ценностям.

Впервые задачи формирования общего европейского самосознания как ментальной скрепы разных территорий друг с другом были поставлены в повестку дня Европейских сообществ в начале 1970-х гг. с появлением в 1973 г. Декларации идентичности. Ни в одном из прежних документов наднациональных Сообществ не говорилось об общеевропейском самосознании. На разработку и содержание будущей декларации непосредственное влияние оказала непростая экономическая обстановка, сложившаяся в связи с событиями на Ближнем Востоке. Арабо-израильская война 1973 г. обернулась мировым энергетическим кризисом. Тем не менее, «нефтяной шок» не помешал лидерам девяти государств ЕЭС на саммите в Копенгагене в декабре 1973 г. поставить свои подписи под «Декларацией европейской идентичности».

Страны-участники обязывались уважать и защищать принципы представительной демократии, верховенство закона, социальную справедливость как конечную цель экономического прогресса и гражданские права — все то, что было обозначено в качестве составных элементов европейской идентичности. В документе было зафиксировано, что «разнообразие культур внутри общей Европейской цивилизации, принадлежность к общим ценностям и принципам, увеличивающаяся конвергенция отношений к жизни, осознание наличия собственных специфических интересов и решимость участвовать в строительстве единой Европы

придают европейской идентичности самобытность и свой собственный динамизм» [Declaration..., 1973].

В дальнейшем оказалось, что воплотить в реальности прописанную на бумаге идентичность непросто, и в течение длительного времени документов, подобных Декларации 1973 г., выработано не было. Такое положение дел объяснялось как отголосками мирового экономического кризиса начала 1970-х гг., так и трудностями расширения и углубления интеграции.

Евробарометр: появление и эволюция методики и деятельности

Появление Декларации идентичности по времени совпало с учреждением социологической службы Евробарометра. Первое исследование было опубликовано в 1974 г. Во всех странах-членах Европейского союза (бывших Европейских сообществ) стандартные опросы Евробарометра первоначально проводились среди населения стран в возрасте 15 лет и старше. Начиная с Евробарометра 41 (1994 г.), целевой группой является население любой национальности страны-члена Европейского союза в возрасте 15 лет и старше, проживающее в любом из государств-членов. Стало возможным включение в опросы неграждан Европейского союза. Периодически, если этого требует тема, используются и другие срезы (молодежь, пожилые люди, безработные)³.

Начиная с Евробарометра 32 (октябрь 1989 г.), базовая схема отбора респондентов во всех государствах-членах является многоступенчатой и случайной (вероятностной). Первый этап предполагает выбор респондентов из числа жителей городских, городских и сельских районов, пропорционально численности и плотности населения⁴. Начиная с Евробарометра 32, при составлении выборки используется Номенклатура территориальных единиц для статистики (*NUTS — Nomenclature of Territorial Units for Statistics*)⁵, согласно которой выбор респондентов осуществляется из каждого административного района в каждой стране. На втором этапе из каждого отобранного блока выбирается кластер адресов. Адреса выбираются с использованием стандартных процедур случайного маршрута, начиная с первоначального адреса, выбранного случайным образом. В некоторых странах респонденты выбирались случайным образом из избирательных списков, таких как Великобритания (до Евробарометра 35), Ирландия и Люксембург (до Евробарометра 32). В каждом домохозяйстве респондент выбирается с помощью случайной процедуры, например, методом выбора первого дня рождения и проводится не более одного собеседования. В случае специальных целевых групп или выборки с запасом процедура отбора респондентов может отличаться (например, выборка по квоте).

К настоящему времени отчеты Евробарометра выпускаются по следующим сериям: Стандартный Евробарометр, Специальный Евробарометр, Флэш-

³ Population, Countries & Regions. Eurobarometer Data Service. *GESIS: Leibniz Institute for Social Sciences*. URL: <https://www.gesis.org/eurobarometer-data-service/survey-series/standard-special-eb/population-countries-regions/> (accessed: 12.12.2019).

⁴ Sampling and Fieldwork. Eurobarometer Data Service. *GESIS: Leibniz Institute for Social Sciences*. URL: <https://www.gesis.org/eurobarometer-data-service/survey-series/standard-special-eb/sampling-and-fieldwork/> (accessed: 12.12.2019).

⁵ Background. NUTS — Nomenclature of Territorial Units for Statistics. *Eurostat. Your Key to European Statistics*. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/web/nuts/background> (accessed 12.12.2019).

Евробарометр («Мгновенный Евробарометр»)⁶. В 1990—1997 гг. выпускались специальные серии по странам Центральной и Восточной Европы, в 2000—2004 гг. — выпуски, посвященные странам-кандидатам на вступление. В 1992—1994 гг. и, на регулярной основе, с 2001 по 2014 (за исключением 2012 г.) проводились опросы в рамках Качественного Евробарометра. Кроме того, существует Интерактивный Евробарометр, онлайн-опросник которого представлен на сайте Еврокомиссии в разделе «Общественное мнение»⁷.

Стандартные опросы Евробарометра предназначены для регулярного мониторинга социальных и политических отношений между европейскими общественными организациями, получения регулярных данных о поддержке европейской интеграции, отношения населения к институтам и политике Евросоюза. Плановые опросы в формате личных (*face-to-face*) интервью проводятся от 2 до 5 раз в год на репрезентативных выборках приблизительно из 1000 человек в каждой стране-участнице (за исключением Германии — 1500, Люксембурга — 500, и Великобритании — 1300, включая 300 человек в Северной Ирландии⁸). Итоговые доклады публикуются два раза в год, весной и осенью. Обследования общественного мнения основаны на повторяющемся списке переменных, которые в рамках Евробарометра называются трендами. Список вопросов для каждого обследования не является неизменным и обновляется в зависимости от требований Европейской комиссии. Однако большое количество вопросов более или менее регулярно повторяются в опросах разных лет, позволяя выявить динамику общественных настроений по конкретным проблемам: европейская интеграция, институты и политика ЕС, гражданство, идентичность, миграции и др.⁹.

Специальные опросы Евробарометра основаны на углубленных тематических исследованиях, периодически выполняемых для различных служб Европейской комиссии и других институтов ЕС. Эти опросы проводятся одновременно со Стандартным Евробарометром по единой анкете, включающей дополнительный блок, в котором находят отражение такие специальные темы как сельское хозяйство, биотехнологии, энергетика, защита окружающей среды, планирование семьи, гендерные вопросы, проблемы со здоровьем, иммиграция, бедность и социальная изоляция, региональная идентичность, наука и техника, информационное общество, условия труда, городское движение, знание иностранных языков и др.¹⁰. Опросы в рамках Специального Евробарометра проводятся по той же выборке и по тем же респондентам, что и в Стандартном Евробарометре. Отличие Специального Евробарометра от Стандартного состоит в обращении к анали-

⁶ Public Opinion. *European Commission*. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/> (accessed: 12.12.2019).

⁷ Eurobarometer Interactive. Public Opinion. *European Commission*. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Chart/index/general/doChangeLocale/locale/en/curEvent/Chart.index/> (accessed: 12.12.2019).

⁸ Methodology — Instrument Description. Public Opinion. *European Commission*. 2015. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/description_en.htm (accessed: 12.12.2019).

⁹ Eurobarometer Trends and Trend Files. Eurobarometer Data Service. *GESIS: Leibniz Institute for Social Sciences*. URL: <https://www.gesis.org/eurobarometer-data-service/search-data-access/eb-trends-trend-files/> (accessed: 12.12.2019).

¹⁰ Eurobarometer Special Topics. Eurobarometer Data Service. *GESIS: Leibniz Institute for Social Sciences*. URL: <https://www.gesis.org/eurobarometer-data-service/search-data-access/topics/> (accessed: 12.12.2019).

зу актуальных проблем функционирования ЕС, исходя из текущих интересов Европейской комиссии.

Флэш-Евробарометр — это специальные тематические телефонные интервью, проводимые по просьбе любой из служб Европейской Комиссии. Оперативные обследования позволяют Европейской комиссии относительно быстро получать результаты и по мере необходимости сосредоточивать внимание на конкретных целевых группах. Опросы время от времени проводятся во всех государствах-членах ЕС; охват стран сокращается или расширяется в зависимости от конкретных тем. Интервью проводятся на соответствующем национальном языке; размер выборки составляет до 500 респондентов в каждой стране. Флэш-опросы проводятся обычно по достаточно узким темам: общая валюта, расширение ЕС, информационное общество, предпринимательство и пр.¹¹

Исследования в рамках Качественного Евробарометра преследовали цель выяснения причин, стоящих за результатами количественных опросов, углубления понимания взглядов и мотивов европейских граждан, дающих те или иные ответы на вопросы, представленные в стандартном обзоре Евробарометра¹². Посредством работы с небольшими целевыми группами и проведения полуструктурированных дискуссий («фокус-групп»), количество, численность и состав целевых групп, а также количество стран, в которых они проводились, различаются от опроса к опросу в зависимости от цели исследования и описываются в каждом отдельном случае во вводной части докладов по итогам полевых исследований.

Таким образом, к настоящему времени Евробарометр представляет собой крупную долгосрочную и систематическую межстрановую социологическую службу.

Место категории идентичности ЕС в системе Евробарометра

Вопросы идентичности занимают важное место в опросах Евробарометра, хотя объективно «измерить» разные уровни коллективного самосознания или, иначе говоря, субъективное восприятие людей, является трудновыполнимой задачей. На сегодняшний день только Евробарометр дает возможность проанализировать динамику изменения идентичности ЕС на протяжении длительного времени.

В докладах Евробарометра время от времени фигурируют четыре уровня коллективной идентичности: региональный, национальный, уровень ЕС и уровень космополитических взглядов. Если не считать опросов, проводимых в рамках отдельных стран и неправительственными агентствами, Евробарометр является единственной социологической службой, которая не первое десятилетие осуществляет «замеры» общеевропейской идентичности на уровне всех стран объединения.

В первые годы работы службы повышенное внимание разработчики опросов уделяли отношению населения к последствиям мирового энергетического кризиса и выработке общей внешней политики в условиях холодной вой-

¹¹ Flash Eurobarometer. Eurobarometer Data Service. *GESIS: Leibniz Institute for Social Sciences*. URL: <https://www.gesis.org/eurobarometer-data-service/survey-series/flash-eb/> (accessed: 12.12.2019).

¹² Public Opinion. *European Commission*. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/> (accessed: 12.12.2019).

ны¹³. Единственным вопросом, который постоянно фигурировал в опросах Евробарометра в 1970-е гг. и позволял выявить уровень складывающейся общеевропейской идентичности, был вопрос о солидарности жителей стран-членов ЭЭС. Он был увязан с задачами преодоления последствий «нефтяного шока» и звучал следующим образом: «Если одно из государств Общего рынка (Европейского сообщества) окажется под воздействием серьезных экономических трудностей, то следует ли другим странам, включая Вашу собственную, помочь ей или нет?». Большинство стран-участников отвечали на этот вопрос положительно (в среднем по ЭЭС — 79 %).

В 1980-е гг. замеры идентичности осуществлялись через выяснение «настроев европейцев», «отношением к Европе», «удовлетворения существующим „способом действия“ демократии», «доверия между народами»¹⁴. С течением времени перечень вопросов, касавшихся общеевропейского самосознания, расширился. Например, в Евробарометре за 1989 г. содержался вопрос о том, «какие стандарты поведения и ценности респонденты рассматривают как „более европейские“ и лично разделяют». Среди ответов фигурировали мир, демократия, культура, качество жизни, способ жизни, стандарты жизни¹⁵.

В начале 1980-х гг. в Евробарометре впервые появился вопрос о гражданстве¹⁶. Надо заметить, что термин «гражданство» (*nationality*) представляет некоторые «трудности перевода»: в русском языке возможен и его перевод как «национальность». Это может привести к путанице, потому как речь в данном случае не идет о том, как человек себя идентифицирует по национальному признаку, а о его гражданстве. Это важно иметь в виду при работе с данными Евробарометра.

Таким образом, вопросы, направленные на выявление уровня самоидентификации жителей с Евросоюзом, с самого начала деятельности Евробарометра и вплоть до сегодняшнего дня носят ситуативный характер. Именно на этот факт обращают внимание современные исследователи при работе с разным инструментарием по «замеру» коллективной идентичности: «...набор компонентов, составляющих национальную идентичность, не задан заранее некими неизменными свойствами национальной идентичности и во многом определяется повесткой дня» [Фабрикант, 2018: 23].

Стремительные изменения начала 1990-х гг., связанные с распадом СССР и объединением Германии, подтолкнули процессы унификации западноевропейского региона посредством оформления Европейского союза на месте наднациональных сообществ. В декабре 1990 г. на первом заседании межправительственной конференции по созданию политического союза Испания предложила ввести

¹³ Euro-Barometer No. 1. Brussels: Commission of the European Communities, 1974. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb1/eb1_en.pdf (accessed: 12.12.2019).

¹⁴ Eurobarometer No. 14. Public Opinion in the European Community. Brussels: Commission of the European Communities, 1980. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb14/eb14_en.pdf (accessed: 12.12.2019).

¹⁵ Standard Eurobarometer No. 33. Public Opinion in the European Community. Vol I: Report. Brussels: Commission of the European Communities, 1990. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb33/eb33_en.pdf (accessed: 12.12.2019).

¹⁶ Ibidem.

в текст договора о Европейском союзе пункт о «европейском гражданстве»¹⁷. Введение общего гражданства справедливо рассматривалось в Брюсселе как фактор сплочения населения и укрепления общеевропейской идентичности.

С начала 1990-х гг. вопросам гражданства в Евробарометре уделяется все больше внимания. Спектр вопросов становится все шире и разнообразнее, все очевиднее связка понятий европейского гражданства и идентичности. Взаимосвязь этих двух явлений подчеркивали следующие вопросы: воспринимают ли себя европейцы как европейских граждан? Какие факторы способствуют сплоченности европейцев и Европы в целом? Какими европейцы видят свои права в качестве граждан Евросоюза? Проявляют ли граждане интерес к другим европейским культурам или магазинам в других странах ЕС? Мнения о европейском флаге: что европейцы думают об этом символе Европейского союза?

Таблица 1, составленная на основе данных Евробарометра за 1992 г., показывает отношение жителей к предстоящему созданию Европейского союза и введению европейского гражданства.

Таблица 1. **Отношение жителей ЕС к двум уровням коллективной идентичности, в %**

	В среднем по ЕС	Италия	Нидерланды	Соединенное Королевство	Ирландия
По Вашему мнению, уступит ли чувство национальной идентичности европейскому самосознанию в том случае, если все страны Европейского сообщества объединятся в Европейский союз				38	32
По Вашему мнению, может ли каждый обладать как чувством сопричастности своему государству, так и европейской идентичностью	62	71	69	52	50

Источник: Составлено на основе: Eurobarometer. No. 38. Public Opinion in the European Community. Brussels: Commission of the European Communities, 1992. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb38/eb38_en.pdf (accessed: 12.12.2019).

Результаты «замеров» в Евробарометре в динамике показывают, что большинство людей в ЕС относят себя к «европейцам». Такой ответ впервые был зафиксирован в 1992 г., и с тех пор этот показатель колеблется в пределах от 51 % до 70 %¹⁸.

Уже к середине 2000-х гг. в опросах Евробарометра стали фигурировать разнообразные элементы европейского самосознания. Одним из ключевых средств для укрепления чувства «европейскости» и «гражданства» в Брюсселе справедливо полагают повышение качества европейской системы социального обеспечения,

¹⁷ Standard Eurobarometer No. 35. Public Opinion in the European Community. Brussels: Commission of the European Communities, 1991. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb35/eb35_en.pdf (accessed: 12.12.2019).

¹⁸ European Commission. 40 years. Eurobarometer. EU Citizenship. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/topics/fs5_citizen_40_en.pdf (accessed: 12.12.2019).

в том числе гармонизацию пенсионной системы ЕС (возможность жить где угодно после выхода на пенсию и получение пенсии там напрямую) и гармонизацию национальных профессиональных квалификаций. Эти составляющие социальной политики к настоящему времени заняли прочное место в широком перечне компонентов общеевропейской идентичности в ЕС. Другие компоненты связаны с идентификацией человека на основании соотнесения себя с европейской историей, культурой, территорией, общим религиозным наследием.

Общий набор элементов общеевропейской идентичности, фигурировавших в Евробарометре в разное время в длительной исторической динамике, включает следующие составляющие:

- история / общая история;
- география;
- демократические ценности, ценности демократии и свободы;
- высокий уровень социальной защиты;
- культура / общая культура;
- общее религиозное наследие;
- единая валюта, евро;
- символы: флаг, гимн, девиз «Единство в разнообразии»;
- успехи европейской экономики¹⁹.

Данные, представленные в таблице 2, позволяют проследить изменение отношения населения к ключевым составляющим общеевропейской идентичности за последние несколько лет.

Таблица 2. **Отношение жителей ЕС к составным элементам идентичности ЕС**

Что из нижеперечисленного Вы считаете наиболее позитивным результатом ЕС в первую очередь? (в %)	2015 год	2018 год
Свободное движение людей, товаров и услуг внутри ЕС	57	58
Мир среди государств-членов ЕС	55	54
Евро	23	24
Студенческие обменные программы, такие как «Эразмус»	21	24
Экономическая мощь ЕС	20	21
Политическое и дипломатическое влияние ЕС на весь остальной мир	19	21
Уровень социальной защиты	18	18
Общая сельскохозяйственная политика	9	10

Источник: European Commission. 40 years. Eurobarometer. EU Citizenship. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/topics/fs5_citizen_40_en.pdf (accessed: 12.12.2019).

Как видно из таблицы 2, существенных изменений в приверженности населения стран ЕС ключевым достижениям интеграционного строительства в последние годы не произошло, однако на уровне отдельных стран трансформация более

¹⁹ Respondents' Sense of National / European Identity // GESIS: Leibniz Institute for Social Sciences. URL: <https://www.gesis.org/eurobarometer-data-service/search-data-access/eb-trends-trend-files/list-of-trends/identity-items/> (accessed: 12.12.2019).

заметна и глубока. Например, население Великобритании в условиях неопределенности будущего принципа свободной мобильности именно этот принцип стало ценить гораздо сильнее — 51 % в 2018 г. против 44 % в 2015 г.²⁰

Таким образом, модель элементов идентичности ЕС постоянно развивается во времени и пространстве, на фоне углубления и расширения объединения «отмирают» уже выполнившие свою роль компоненты и происходит насыщение новыми элементами из числа новых достижений ЕС в разных областях политики.

Справляется ли Евробарометр с за мерами идентичности?

Несмотря на такой широкий перечень вопросов и постоянный пересмотр общей логики проведения опросов в рамках Евробарометра исследователи отмечают недостатки в методике Евробарометра.

Во-первых, общая методика составления вопросов объективно характеризуется «отстающим» характером — обработка социологических данных требует времени, в то время как ситуация в Европе носит крайне подвижный, и более того, непредсказуемый, характер. Например, по данным Евробарометра, в 2001—2004 гг. поддержку проекту Европейской конституции выражали в среднем 62—67 % населения. В июне 2004 г. поддержка в ЕС-15 была зафиксирована на уровне в 63 %²¹. Во Франции поддержка составила 61 %, в Нидерландах — 71 %²². Однако население именно этих стран в 2005 г. отвергло проект Евроконституции.

Во-вторых, важную роль играет размещение в определенном порядке определенных вопросов. Так, Р. Джонс из Университета Стратклайда, проанализировав методику составления вопросов, касающихся общего европейского самосознания, указывает на то, что когда респондентов спрашивают о европейской идентичности сразу после вопросов о ЕС, то она проявляется реже в целом и имеет слабо выраженный характер²³. Однако, когда вопросы про общеевропейскую идентичность предшествуют другим вопросам о Евросоюзе, то она имеет относительно сильное проявление, даже среди респондентов, которые скептически относятся к ЕС, выступают против иммиграции и являются сторонниками крайне правых партий. Результаты, к которым пришел автор, дают ему основание утверждать, что методологи Евробарометра не могут рассчитывать на измерение «чистой» европейской идентичности, если — как стало нормой — вопросы об идентичности следуют сразу же за длинным перечнем вопросов о Европейском союзе²⁴.

Можно в этой связи отметить продолжающуюся тенденцию институтов ЕС использовать понятие «европейский» как синоним понятию «принадлежащий (или относящийся) к Европейскому союзу». При проведении опросов европейцам предлагают отвечать на вопрос о «европейском гражданстве» и о «европейской иден-

²⁰ Ibid.

²¹ Standard Eurobarometer No. 59. Public Opinion in the European Union. Brussels: European Opinion Research Group EEIG, 2003. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb59/eb59_rapport_final_en.pdf (accessed: 12.12.2019).

²² Ibid.

²³ Johns R. When do People Feel European? European Identity, EU Attitudes, and Questionnaire Design. *UK Data Service*. 2008. May 31. URL: <https://www.ukdataservice.ac.uk/use-data/data-in-use/case-study/?id=77> (accessed: 12.12.2019).

²⁴ Ibid.

тичности», а не о гражданстве ЕС и соответствующей идентичности [Дериглазова, 2014: 62]. Фактически речь идет о формировании европейской идентичности, которая выступает как синоним идентичности ЕС.

В-третьих, сама методика составления вопросов, как известно, во многих случаях уже ориентирует респондента на определенный ответ. Например, в отчете Евробарометра в 2000 г. (Евробарометр 53) респонденты должны были выбрать один из вариантов самоидентификации — только с ЕС или национальным государством, национальным государством и во вторую очередь с ЕС, с ЕС и во вторую очередь с национальным государством²⁵. В таком выборе, по сути, уже заложена конфликтная ситуация противопоставления двух уровней идентичности: европейской и национальной. С точки зрения методики подобная постановка вопроса связана с оценкой когнитивной составляющей идентичности. Такой подход в последующих отчетах будет дополнен новыми формулировками и вычленением разных уровней самосознания, которые предлагалось не выбрать, а распределить по степени приоритетности. Так, в отчете Евробарометра за 2009—2010 гг. вопрос был сформулирован следующим образом: «в какой степени Вы ощущаете себя гражданином своего государства, жителем своего региона, европейцем или человеком мира?»²⁶ При подобной постановке вопроса не только решается проблема противопоставления европейского и национального уровней идентичности, но и делается акцент на ее эмоциональной составляющей, что свидетельствует о совершенствовании инструментария Евробарометра. В том же отчете фигурируют и качественно новые вопросы, а именно определение наиболее важных, с точки зрения идентичности, компонентов: например, гражданство человека или факт его рождения в стране проживания. Для жителей Соединенного Королевства более значимым и весомым оказалось второе — 46 % ответили, что «быть рожденным в этой стране» важнее гражданства (29%)²⁷. Такого рода вопросы, хотя и не связаны напрямую с измерением европейского уровня идентичности, позволяют косвенно судить о степени «конкурентности» национальной (гражданской) идентичности и идентичности европейской, соотносить эти результаты с прямыми способами оценки уровня формирования общеевропейской идентичности.

В-четвертых, как было отмечено ранее, выборка респондентов для стандартных исследований Евробарометра производится из каждого административного района государства-участника, а в отчете приводятся усредненные показатели об уровне европейского самосознания населения без учета региона проживания. Однако, как отмечают исследователи, показатели в приграничных и внутренних районах страны могут значительно отличаться. В качестве примера можно привести Францию. По результатам Евробарометра 88 (ноябрь 2017 г.), только по национальной принадлежности (француз) определили себя 36 % респондентов, о двойной национальной и европейской (с превалированием националь-

²⁵ Standard Eurobarometer No. 53. Public Opinion in the European Union. Brussels: Directorate-General for Education and Culture, 2000. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb53/eb53_en.pdf (accessed: 12.12.2019).

²⁶ Eurobarometer No. 71. Future of Europe. European Commission. Brussels: Directorate-General for Communication, 2009. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb71/eb713_future_europe.pdf (accessed: 12.12.2019).

²⁷ Ibid.

ной) — 55 %, о двойной с превалированием европейской — 6 %, только о европейской — 2 %. В итоге при суммировании показателей доля носителей европейской идентичности (в той или иной степени) составляет 63 %²⁸. По мнению же известного российского специалиста по французской идентичности Е. И. Филипповой, европейская идентичность в обозримой перспективе не станет основной для французов. Как отмечает автор, осознание себя европейцами базируется, прежде всего, на реальных практиках повседневной жизни и использовании преимуществ, которые дает принадлежность к общеевропейскому пространству, что остается делом достаточно узкой прослойки населения Франции (французов, живущих вдоль восточной границы и работающих за рубежом) [Филиппова, 2010: 257].

Другой пример демонстрирует ФРГ. Огромную роль в структуре идентичности современных немцев продолжает играть региональная идентичность, основанная на сохраняющемся своеобразии историко-культурных и ментальных характеристик жителей германских земель. Это своеобразие находит отражение в их постоянном подчеркивании своей самостоятельности, в том числе и на политическом уровне. В частности, федеральные земли с 1992 г., согласно новой редакции статьи 23 Основного закона ФРГ, имеют право на самостоятельное участие в процессе европейской интеграции (п. 23(6))²⁹. Отсутствие статистических данных, основанных на систематических опросах общественного мнения, не позволяет определить действительную роль региональной идентичности немцев в формировании общеевропейского самосознания.

В-пятых, следует учитывать фактор существования различных национальных стратегий по укреплению общегражданской идентичности, и эти стратегии в ряде случаев прямо противоположны усилиям Брюсселя по формированию единой европейской идентичности. Например, британский этнограф и социолог Э. Д. Смит, рассматривая такой базовый элемент национальной идентичности как образовательная система, настаивает, что она создана государством и для нужд государства. По его мнению, интерпретация национальной истории в системе образования в любой стране по определению направлена на укрепление патриотических чувств через противопоставление «свой — чужой». Это в полной мере относится к Соединенному Королевству, национальный и колониальный опыт которого сформировали особое отношение к европейскому континенту [Smith, 1992: 72—73].

В 2012 г. в адрес Еврокомиссии прозвучали обвинения о манипулировании общественным мнением. Эти обвинения стали реакцией общественности на публикацию дискуссионной статьи М. Хёпнера и Б. Юрцзыка «Критика Евробарометра» [Hörner, Jurczyk, 2012]. На основе анализа результатов обследования Евробарометра с 1995 по 2010 г. авторы сделали выводы о нарушении правил объективного исследования общественного мнения (непонятные, гипотетические и неадекватные знаниям респондентов вопросы, несбалансированные

²⁸ Eurobarometer No. 88. Annex. European Commission. *Public Opinion in the European Union*. 2017. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2143/> (accessed: 12.12.2019).

²⁹ Constitution of the Federal Republic of Germany. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/gg/GG.pdf> (accessed: 12.12.2019).

варианты ответа, наводящие вопросы, контекстные эффекты, стратегическое устранение вопросов, которые привели к нежелательным результатам в предыдущих опросах и др.). В работе отмечается маловероятность того, что эти нарушения осуществлялись ненамеренно. 7 декабря 2012 г. в одной из ведущих газет Германии «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» была опубликована статья О. Кюна, в которой резюмировались результаты исследований М. Хёпнера и Б. Юрцзыка. Также эта работа стала основанием для расследования вопроса о манипулировании общественным мнением европейцев в немецком парламенте. Член Бундестага А. Гунько направил запрос Федеральному правительству Германии с просьбой прокомментировать ситуацию с использованием Европейской комиссией Евробарометра с целью стратегических манипуляций. В предоставленном ему официальном ответе от 7 ноября 2012 г. было сказано, что Федеральное правительство не считает, что Еврокомиссия является заказчиком манипуляции опросами, поэтому не видит оснований для обсуждения этого вопроса в Комиссии [Hörner, Jurczyk, 2015].

Сложно обвинять Еврокомиссию в целенаправленном манипулировании общественным мнением. Во-первых, Евробарометр является не просто социологическим обследованием общественного мнения европейцев, но и действующим инструментом осуществления европейской политики: он выступает как основной источник получения информации об отношении населения к тому или иному политическому решению; на основании результатов опросов делаются прогнозы и осуществляется деятельность Европейской Комиссии, которая заинтересована в получении объективных результатов опросов. Во-вторых, методика организации и проведения опросов в рамках Евробарометра под воздействием внешних факторов постоянно усложняется и не лишена недостатков (ширится тематика опросов, их функциональное предназначение и пр.). Однако материалы о методике полевых опросов и ее эволюции, учреждениях, участвующих в опросах общественного мнения (в т. ч. национальных), опросники и др., размещены на интернет-странице Службы данных Евробарометра³⁰ и открыты для дискуссий и критики. Там же опубликована библиография по Евробарометру, в том числе и дискуссионные материалы. Еврокомиссией целенаправленно ведется работа по совершенствованию методики Евробарометра: в 2015 г. состоялась научная конференция «Четыре десятилетия обследования Европы — перспективы академического исследования Обзоров Евробарометра Европейской комиссии»³¹.

Поэтому следует отметить заинтересованность руководящих органов ЕС не в манипулировании, но в конструировании общей европейской идентичности, являющейся неперенным условием устойчивого развития европейского сообщества. Само проведение подобных опросов в течение ряда десятилетий актуализирует в сознании жителей европейских стран чувство их принадлежности к единому политическому и культурному пространству; заставляет размышлять о преиму-

³⁰ The European Commission's Eurobarometer Surveys. Eurobarometer Data Service. *GESIS: Leibniz Institute for Social Sciences*. URL: <https://www.gesis.org/eurobarometer-data-service/home/> (accessed: 12.12.2019).

³¹ Four Decades of Surveying Europe — Perspectives on Academic Research with the European Commission's Eurobarometer Surveys. *GESIS: Leibniz Institute for Social Sciences*. 2015. July 10. URL: https://www.gesis.org/fileadmin/upload/events/EB-Symposium/Schedule_EB_Symposium.pdf (accessed: 12.12.2019).

ществах, проблемах, и перспективах развития ЕС; формирует конструктивную основу европейского самосознания. Наряду с вопросами Евробарометра, направленными на выявление общих основ европейского самосознания, присутствуют и другие, актуализирующие национальное самосознание. Например, респондентам предлагается отреагировать на утверждение «Люди в (нашей стране) имеют много общего» (предлагаемые ответы: «абсолютно согласен», «преимущественно согласен», «преимущественно не согласен», «не согласен», «не знаю»). Результаты опроса за 2017 г. показывают, что в 28 государствах-членах ЕС более половины респондентов согласны с этим утверждением: самые высокие показатели в Ирландии и Швеции (94%), Кипре (92%) и самые низкие в Люксембурге (58%), Франции (61%) и Венгрии (68%), в среднем по ЕС — 76%³².

Евробарометр, несмотря на отмеченные недостатки, на сегодняшний день остается единственной социологической службой, материалы которой дают возможность проследить динамику европейской идентичности. Ее «замеры» уже почти три десятилетия осуществляются посредством выявления слабых сторон процесса формирования общеевропейского самосознания, а также фиксации воздействия внутренних и внешних событий на восприятие населением стран ЕС себя как европейцев и граждан союза. В качестве ключевых вопросов для «замеров» общеевропейской идентичности в последние годы находятся вопросы, направленные на выяснение ключевых компонентов идентичности, уровня доверия политическим институтам ЕС, чувства идентификации себя как гражданина ЕС (на разных уровнях) и знание своих прав как гражданина ЕС, разделение общих ценностей и другие вопросы. Немаловажными остаются замеры соотношения европейского и национального уровней идентичности населения стран ЕС.

Среди основных компонентов идентичности ЕС в настоящее время, если судить по материалам Евробарометра, выступают принцип свободного передвижения рабочей силы, единая валюта, экономическая мощь, единая система социальной защиты. Именно с этими принципами большинство населения стран-членов ЕС отождествляют «Единую Европу», хотя в целом поддержка ЕС среди жителей падает. В последние годы на ослабление идентичности ЕС «работают» миграционный фактор (в том числе связанный с беженцами кризис 2015—2016 гг.), рост правопопулистских настроений и предстоящий выход Великобритании из Европейского союза. Эти процессы в средне- и долгосрочной перспективе задают вектор ослабления единства и фрагментации Европейского союза, противопоставить которым возможно только укрепление доверия и солидарности внутри организации. Следовательно, в перспективе Брюсселю неизбежно придется пересмотреть не только отдельные компоненты общеевропейской идентичности, но также переосмыслить ее взаимосвязь с миграционными вопросами в контексте укрепления безопасности и, возможно, частичного отказа от принципа открытых границ при одновременном усилении символической политики и других спланированных жи-

³² Standard Eurobarometer No. 88. Reports: European Citizenship. *European Commission. Public Opinion in the European Union*. 2017. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2143> (accessed: 12.12.2019).

телей Евросоюза мер. Все это неминуемо повлечет за собой совершенствование существующих и разработку новых инструментов мониторинга общественного мнения, соответствующих актуальным вызовам современности.

Список литературы (References)

Дериглазова Л. В. Результаты формирования гражданской идентичности в Европейском Союзе в 1997—2014 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 6 (32). С. 60—66.

Deriglazova L. V. (2014) Results of the Formation of European Union Citizenship Identity, 1997—2014. *Tomsk State University Journal of History*. No. 6 (32). P. 60—66. (In Russ.).

Фабрикант М. С. Сравнительные количественные исследования национальной идентичности в современной социальной психологии // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. № 4. С. 22—31. <http://dx.doi.org/10.17759/jmfp.2018070403>.

Fabrykant M. S. (2018) Comparative Quantitative Study on National Identity in Contemporary Social Psychology. *Journal of Modern Foreign Psychology*. Vol. 7. No. 4. P. 22—31. <http://dx.doi.org/10.17759/jmfp.2018070403>. (In Russ.).

Филиппова Е. И. Территории идентичности в современной Франции. М. : ФГНУ «Росинформагротех», 2010.

Filippova E. I. (2010) Territories of Identity in Contemporary France. Moscow: Rosinform-agrotech. (In Russ.).

Declaration on European Identity (Copenhagen, 14 December 1973). In: *Bulletin of the European Communities*. No. 12. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 1973. P. 118—122.

Höpner M., Jurczyk B. (2015) How the Eurobarometer Blurs the Line between Research and Propaganda. Discussion Paper 15/6. Köln: Max-Planck-Institut für Gesellschaftsforschung.

Höpner M., Jurczyk B. (2012) Criticism of the Eurobarometer. *Leviathan*. Vol. 40. No. 3. P. 326—349. URL: http://www.mpifg.de/pu/mpifg_ja/L_40_2012_Hoepner.pdf. (In German).

How to measure European Identity? Report on the construction of the CIEI indicator. Bologna: PERCEIVE, 2018. https://www.perceiveproject.eu/wp-content/uploads/2018/04/How-to-measure-European-Identity_.pdf.

Ratz S. M. (2014) Cultural Identity Challenged by European Citizenship. *Research & Science Today*. No. 2. P. 81—86.

Smith A. D. (1992) National Identity and the Idea of European Unity. *International Affairs*. Vol. 68. No. 1. P. 55—76. <https://doi.org/10.2307/2620461>.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.12

Правильная ссылка на статью:

Синявская О. В., Червякова А. А., Карева Д. Е. Помогающие и счастливые? Влияние социальной активности на счастье людей старше 50 лет в европейских странах // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 237—258. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.12>.

For citation:

Sinyavskaya O. V., Cherviakova A. A., Kareva D. E. (2019) Happy helpers? The impact of social activity on the levels of happiness among people aged 50 and over in the European countries. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 237—258. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.12>.

О. В. Синявская, А. А. Червякова, Д. Е. Карева ПОМОГАЮЩИЕ И СЧАСТЛИВЫЕ? ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ НА СЧАСТЬЕ ЛЮДЕЙ СТАРШЕ 50 ЛЕТ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

ПОМОГАЮЩИЕ И СЧАСТЛИВЫЕ?
ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ
НА СЧАСТЬЕ ЛЮДЕЙ СТАРШЕ 50 ЛЕТ В
ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

HAPPY HELPERS? THE IMPACT OF SO-
CIAL ACTIVITY ON THE LEVELS OF HAP-
PINESS AMONG PEOPLE AGED 50 AND
OVER IN THE EUROPEAN COUNTRIES

СИНЯВСКАЯ Оксана Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора, Институт социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: osinyavskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6044-0732>

*Oksana V. SINYAVSKAYA*¹ — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Deputy Director, Institute for Social Policy
E-MAIL: osinyavskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6044-0732>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ЧЕРВЯКОВА Анна Александровна — младший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: aermolina@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2374-7759>

КАРЕВА Дарья Евгеньевна — стажер-исследователь, аспирант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: dkareva@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2076-7391>

Anna A. CHERVIAKOVA¹ — Junior Research Fellow

E-MAIL: aermolina@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2374-7759>

Darya E. KAREVA¹ — Research Assistant, Post-graduate student, Faculty of Social Sciences

E-MAIL: dkareva@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2076-7391>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В контексте старения населения повышение субъективного благополучия старшего поколения как важной характеристики качества жизни становится одним из целевых ориентиров социальной политики в развитых странах. При этом значимым фактором субъективного благополучия в старшем возрасте выступают социальные связи, социальная активность. В статье оценивается влияние формальной и неформальной социальной активности на уровень счастья лиц в возрасте 50 лет и старше в европейских странах и в России. Основу анализа составили данные шестой волны Европейского социального исследования (ЕСИ, 2012 г.) Для учета межстрановой вариации авторы использовали методы многоуровневого моделирования. Результаты исследования показали, что на уровень счастья лиц старшего возраста обе компоненты социальной активности оказывают положительное влияние, но больший эффект имеет неформальная социальная активность (контакты с друзьями и родственниками), чем формальная (волонтерская деятель-

Abstract. In the context of aging one of key purposes of social policies in different countries is to improve subjective well-being of older generation as an important characteristic of quality of life. Social ties and social activities are essential to subjective well-being in the old age. The article investigates the influence of formal and non-formal social activities on the levels of happiness among people aged 50 and over in the European countries and Russia. Analysis is based on the data of the sixth wave of the European Social Survey (ESS, 2012). Multilevel models were used to study country-specific variations. Findings show that both components of social activity have positive impacts on the levels of happiness, however non-formal social activity (interactions with friends and relatives) plays a greater role than formal activities (volunteering). For the most part, the confidence intervals of cross-country residuals do not cross the zero line; this points to substantial differences in the country-specific levels of happiness and proves the feasibility of methods used in the study.

ность). Значительная часть доверительных интервалов межстрановых остатков модели не пересекает ноль, что свидетельствует о значимых различиях в уровне счастья между странами и подтверждает целесообразность применения выбранных методов анализа.

Ключевые слова: старшее поколение, пожилые, субъективное благополучие, счастье, социальная активность, социальные контакты, волонтерская деятельность

Keywords: older generation, elderly persons, subjective well-being, happiness, social activity, social interactions, volunteering

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году.

Acknowledgments. The study was part of the HSE Basic Research Program in 2019.

Введение

Активное долголетие — концепция, продвигаемая ООН в ответ на вызов старения населения, — направлено на повышение качества жизни лиц старшего возраста [Walker, 2015]. Одной из характеристик качества жизни выступает субъективное благополучие, которое может быть измерено через удовлетворенность жизнью или ощущение счастья. Эмпирические исследования субъективного благополучия показывают, что наряду с социально-демографическими (пол, возраст, брачно-партнерский статус, уровень образования, состояние здоровья) и экономическими (статус занятости, уровень доходов) характеристиками людей среднего и старшего возраста важным фактором снижения депрессивных симптомов и улучшения состояния выступает социальная активность [Li, Ferraro, 2005; Van Willigen, 2000; Bian, Hao, Li, 2018]. Более того, среди различных видов активности неформальная социальная активность (взаимодействие с друзьями, родственниками, соседями) чаще других оказывается положительно связанной с уровнем счастья людей среднего и старшего возраста [Adams, Leibbrandt, Moon, 2011]. Выводы относительно влияния формальной социальной активности (волонтерская деятельность) противоречивы: одни исследования подтверждают значимые положительные эффекты [Dulin et al., 2012; Pilkington, Windsor, Crisp, 2012; Morrow-Howell et al., 2003], другие показывают, что статистически значимая связь отсутствует [Adams, Leibbrandt, Moon, 2011].

Центральный вопрос нашего исследования сформулирован следующим образом: в какой степени различается влияние формальной и неформальной социальной активности на субъективное благополучие старшего поколения в Европе? В рамках настоящей работы субъективное благополучие индивидов измеряется

через уровень счастья, формальная социальная активность измеряется частотой деятельности в волонтерских и благотворительных организациях, а неформальная — регулярностью социальных контактов с друзьями, родственниками и коллегами, исключая контакты по рабочим вопросам.

Работа опирается на данные Европейского социального исследования (ЕСИ) 2012 г. Для учета межстрановой вариации в детерминантах субъективного благополучия лиц старшего поколения используется метод многоуровневого регрессионного анализа.

Статья организована следующим образом. В первом разделе мы сопоставляем теоретические подходы, объясняющие влияние различных форм социальной активности на субъективное благополучие в старшем возрасте, и даем обзор результатов эмпирического изучения этой связи. В следующем разделе мы описываем используемые данные и методы исследования. Затем представляем дескриптивные результаты сопоставления уровня счастья лиц старшего поколения и их вовлеченности в различные формы социальной активности в странах — участницах ЕСИ. После этого анализируем результаты регрессионного анализа. Завершает статью обсуждение основных выводов исследования, представленное в заключении.

Теоретические и эмпирические исследования взаимосвязи социальной активности и уровня счастья в старших возрастах

Влияние социальной активности (как формальной, так и неформальной) на субъективное благополучие индивида является предметом изучения многочисленных теорий в области социологии, геронтологии, эпидемиологии, психологии.

В теории активности (англ. *activity theory*) человеческая деятельность, приносящая положительные результаты, рассматривается в качестве источника субъективного благополучия. Со временем в понятие «активность» стали вкладывать широкий спектр видов деятельности: социальное взаимодействие, физическую активность, досуг и т. д. [Diener, 2009]. Таким образом, в соответствии с теорией активности субъективное благополучие можно считать следствием социальной активности как одного из видов человеческой деятельности. Последнее особенно важно в старших возрастах, когда снижается интенсивность занятости, а круг родных и друзей сужается вследствие естественной смерти сверстников, поэтому новые социальные роли (например, членство в волонтерской или любой другой общественной организации) могут быть полезны для поддержания высокого уровня субъективного благополучия. В геронтологии приверженцы теории активности подчеркивают, что для старшего поколения значимо поддержание или замещение видов деятельности, присущих лицам более молодого возраста [Havighurst, 1963].

В большинстве эмпирических исследований выявлено положительное влияние социальной активности на субъективное благополучие индивидов [Baker et al., 2005; Litwin, Shiovitz-Ezra, 2006; Haller, Hadler, 2006]. В средних и старших возрастах, по разным оценкам, социальная активность объясняет от 1 % до 9 % вариации уровня субъективного благополучия [Larson, 1978; Okun et al., 1984], что согласуется с положениями теории активности о положительном влиянии различных видов деятельности индивида на уровень счастья. Это позволяет

нам сформулировать следующую гипотезу: социальная активность (формальная и неформальная) лиц старшего поколения положительно влияет на их уровень счастья (*Гипотеза 1*).

Значительная часть исследований о взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия в старших возрастных группах оперирует несколькими видами социальной активности, что позволяет сравнить их влияние на субъективное благополучие лиц старшего поколения. К. Адамс с коллективом авторов сравнил результаты 42 кросс-секционных и лонгитюдных исследований в этой области и пришел к выводу, что как формальная (участие в деятельности групп, организаций), так и неформальная (взаимодействие со знакомыми людьми — родственниками, друзьями, соседями и т. д.) социальная активность влияет на субъективное благополучие людей старшего возраста сильнее, чем любая другая активность — физическая, культурная, хобби. Кроме этого, на основе метаанализа исследований авторы выявили, что наибольший независимый эффект на субъективное благополучие оказывает именно неформальная социальная активность [Adams, Leibbrandt, Moon, 2011].

Обнаруженные различия во влиянии формальной и неформальной социальной активности на субъективное благополучие лиц старшего поколения могут быть объяснимы с точки зрения теории привязанности [Bowlby, 1969, 1980], в рамках которой межличностное взаимодействие рассматривается как поиск отношений, обеспечивающих индивиду безопасность и комфорт. Сложившиеся на протяжении жизненного цикла индивида неформальные родственные и дружеские отношения — повторные межличностные взаимодействия — выступают неким защитным барьером против неблагоприятных ситуаций и событий [Mikulincer, Shaver, 2013].

Таким образом, мы можем выдвинуть следующую гипотезу: различные виды социальной активности оказывают неодинаковое влияние на уровень счастья лиц старших возрастов; при этом неформальная социальная активность имеет более значимый положительный эффект, чем формальная социальная активность (*Гипотеза 2*).

Несколько предположений о взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия было также выдвинуто в теории ролей (англ. *role theory*). Одно из них заключается в том, что многочисленные социальные роли несовместимы во времени, местоположении и ресурсах [Goode, 1960]. Личные обязательства в рамках социальных ролей могут быть чрезмерными и приводить к эмоциональному напряжению и стрессу, что особенно актуально в старшем возрасте, когда имеющиеся ресурсы (физические, психологические) ограничены.

Альтернативное от сформулированного выше предположение заключается в том, что многочисленные социальные роли обеспечивают защиту от потенциальных неудач и рисков, связанных с единственной ролью. Кроме этого, отдельные социальные роли могут способствовать высвобождению дополнительных ресурсов для других ролей [Gove, 1972; Gove, Geerken, 1977]. Наконец, большое число социальных ролей позволяет индивидам наиболее полно проявить свои способности [Thoits, 1983].

Предположение о негативных последствиях чрезмерной социальной активности, выдвинутое в теории ролей, нашло подтверждение в ряде эмпирических

исследований. Например, было обнаружено отрицательное влияние очень частой волонтерской активности на субъективное благополучие лиц старшего поколения [Windsor, Anstey, Rodgers, 2008]. Другой коллектив авторов пришел к выводу, что только волонтерская активность на уровне одного — нескольких раз в месяц оказывает значимый положительный эффект, в то время как более интенсивная вовлеченность в волонтерство не приводит к дальнейшему росту субъективного благополучия [Meier, Stutzer, 2008]. Это позволяет нам сформулировать следующую гипотезу: очень интенсивная социальная активность негативно сказывается на уровне счастья лиц старшего возраста (*Гипотеза 3*).

Более поздние исследования субъективного благополучия индивидов стали охватывать большее число стран, как развитых, так и развивающихся. Кроме различий в среднем уровне субъективного благополучия жителей разных стран [Guriev, Zhuravskaya, 2009; Монусова, 2012], было обнаружено, что факторы субъективного благополучия в разных странах также неодинаковы [Fleche, Smith, Sorsa, 2011; Puntsher et al., 2014].

На выборке стран Всемирного обследования ценностей (World Values Survey, WVS) были выделены различия в видах социальной активности, оказывающих наибольшее влияние на уровень счастья, между низко- и высокодоходными странами. Для счастья жителей низкодоходных стран важны участие в благотворительных и политических организациях, время, проведенное с коллегами или людьми в церкви, а для жителей более богатых стран — время, проведенное с друзьями и родственниками [Sarracino, 2010]. Поэтому мы полагаем, что различные виды социальной активности оказывают значимо различающийся эффект на уровень счастья людей старшего возраста в разных странах (*Гипотеза 4*).

В отечественной социологии ощущается недостаток работ по изучаемой теме, практически отсутствуют исследования, в которых тестируется взаимосвязь социальной активности и субъективного благополучия в старшем возрасте. При этом чаще исследователи операционализируют субъективное благополучие через оценки удовлетворенности жизнью. Несмотря на то, что в данной статье мы измеряем субъективное благополучие через уровень счастья, высокая корреляция этих показателей позволяет опираться и на результаты исследований, сфокусированных на удовлетворенности жизнью [Chamberlain, 1988]. В ряде исследований Института социологии РАН подтверждается, что люди, хорошо оценивающие свои отношения в семье и с друзьями, демонстрировали высокие показатели удовлетворенности жизнью [Тихонова, 2015; Латова, 2016]. По оценкам Н. В. Андреенковой, социальные связи (как формальные, так и неформальные) могут объяснить около 14 % дисперсии в удовлетворенности жизнью в России, среди которых наиболее значимыми факторами являются частота социального общения, восприятие взаимоотношений с людьми как честных и справедливых, оценка того, что окружающие судят о тебе по заслугам. Менее значимы оказались возможности для близкого душевного общения и не значимы — участие в общественно-полезной деятельности, взаимопомощь и др. [Андреенкова, 2010].

На основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ были получены оценки уровня счастья россиян в зависимости от частоты встреч с родственниками и друзьями, возможностей близкого духовного общения, чувства одиночества [Козырева, Низамова, Смирнов,

2016]. Авторы обращают внимание на тот факт, что с возрастом наступает постепенное сужение круга общения, усиливается чувство одиночества, что мешает пожилым людям поддерживать ощущение счастливой жизни. Этот же вывод подтверждается в более позднем исследовании субъективного благополучия одиноких пожилых на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, в рамках которого авторы указывают на существенное негативное влияние одинокого проживания на удовлетворенность жизнью в старости (разрыв в удовлетворенности жизнью между семейными и одинокими пожилыми для периода 2000—2016 гг. оценивается в этой работе на уровне 7—8 процентных пунктов) [Воронин, Захаров, Козырева, 2018].

Подводя итог, можно отметить, что большинство теорий и эмпирических исследований сходятся во мнении, что социальная активность положительно влияет на субъективное благополучие индивидов, особенно в старшем возрасте. Однако избыток социальных ролей и чрезмерная социальная активность могут привести к возникновению чувства тревоги, стресса и ухудшить субъективное благополучие индивидов, что наиболее актуально для лиц старших возрастных групп, чьи физические и психологические ресурсы могут быть ограничены.

Данные и методология исследования

В рамках нашего исследования мы опираемся на аффективный подход к определению субъективного благополучия индивидов, измеряя его через уровень счастья [Tinkler, Hicks, 2011; George, 2010].

Работа основана на данных 6-й волны ЕСИ¹, 2012 г., вопросник которой содержит раздел «индивидуальное и социальное благополучие», не входящий в другие волны. В выборку включены индивиды в возрасте 50 лет и старше. Выбор данной возрастной границы обусловлен, с одной стороны, тем, что во многих странах после 50 лет начинается постепенное изменение социальных статусов в связи с уходом с рынка труда, в том числе на досрочные пенсии. С другой стороны, это позволяет увеличить наполняемость групп респондентов по странам (23 766 индивидов из 26 европейских стран²).

Мы предполагаем, что социальная активность по-разному влияет на уровень счастья людей 50 лет и старше в исследуемых странах, и поэтому используем многоуровневые логистические регрессии со случайной константой для стран (random intercept multilevel model) с применением дизайн-весов (design weights) и весов численности населения (population size weights)³ для входящих в выборку стран. Зависимой переменной в регрессиях выступает уровень счастья⁴. Респонденты старше 50 лет формируют первый уровень данных, группирующей переменной второго уровня являются страны, в которых они проживают.

Уровень счастья населения определяется на основе вопроса «Раздумывая обо всем в жизни, в какой степени Вы бы сказали, что счастливы?» по шкале от 0 до 10 баллов, где 0 — крайне несчастлив, 10 — крайне счастлив, перекодированной

¹ European Social Survey. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 15.11.2019).

² Число индивидов по странам представлено в Приложении 1.

³ Weighting European Social Survey Data. 2014. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS_weighting_data_1.pdf (дата обращения: 15.11.2019).

⁴ Распределение респондентов рабочей выборки по уровню счастья представлено в Приложении 2.

в переменную с двумя альтернативами «скорее несчастлив» (от 0 до 4 баллов) и «скорее счастлив» (от 5 до 10 баллов).

Ключевой независимой переменной в исследовании является социальная активность двух видов: формальная (волонтерская деятельность) и неформальная (социальные контакты с друзьями и родственниками). Формальная социальная активность определяется как вовлеченность респондентов в деятельность волонтерских и благотворительных организаций в течение последних 12 месяцев (раз в шесть месяцев и реже; раз в три — шесть месяцев; раз в месяц и чаще). Неформальная социальная активность основывается на частоте встреч с друзьями, родственниками и коллегами, исключая встречи по необходимости и работе (раз в несколько месяцев и реже; один — несколько раз в месяц; раз в неделю и чаще). Описательные статистики приведены в Приложении 2.

Волонтерская деятельность в нашем исследовании не ограничивается перечнем организаций и включает в себя все виды деятельности, которые респонденты называют волонтерской, что позволяет считать выбор этой переменной подходящим для оценки формальной социальной активности. Более того, так как формулировка вопроса о частоте социальных контактов исключает встречи по необходимости, мы предполагаем, что переменные формальной и неформальной социальной активности независимы. Отсутствие в анкете ЕСИ отдельных вопросов о контактах с взрослыми детьми, внуками, прочими родственниками, друзьями и оценки их качества являются ограничениями исследования.

В качестве контрольных переменных в регрессии были включены следующие социально-демографические характеристики: возраст, пол, тип населенного пункта (город/село), брачно-партнерский статус (наличие/отсутствие супруга или партнера), уровень образования (среднее общее или ниже/среднее специальное/высшее или послевузовское), наличие работы, субъективное состояние здоровья (очень хорошее/хорошее/среднее/плохое/очень плохое), безопасность в районе проживания (безопасно/небезопасно), приверженность религии (да/нет) и число людей, проживающих в домохозяйстве респондента среднего и старшего возраста (описательные статистики представлены в Приложении 3). Чтобы проверить, является ли зависимость между возрастом и уровнем счастья нелинейной, мы также включили квадрат возраста в регрессионное уравнение.

Для оценки значимости влияния различных видов социальной активности мы построили базовую модель (модель 1), в которой предикторами уровня счастья людей 50 лет и старше являются только контрольные переменные (формула 1):

$$\log\left(\frac{\pi_{ij}}{1-\pi_{ij}}\right) = \beta_0 + \beta_1 x_{1ij} + \dots + \beta_n x_{nij} + u_j, \quad (1)$$

где i — индекс индивида, $i = 1, \dots, 23766$;

j — индекс страны, $j = 1, \dots, 26$;

n — число независимых и контрольных переменных;

u_j — значение зависимой переменной (уровень счастья) для респондента i в стране j ;

x_{ij} — значения независимых и контрольных переменных респондента i из страны j ;

β_0 — средний уровень счастья респондентов;
 β_1, \dots, β_n — коэффициенты регрессии, контролирующие межстрановые эффекты;
 u_j — ошибка для страны j , межстрановой случайный эффект;
 π_{ij} — вероятность зависимой переменной (y_{ij}) принимать значение 1 для респондента i в стране j (случай бинарной зависимой переменной), при этом:

$$\pi_{ij} = E(y_{ij} | x_{ij}, u_j),$$

где $E(y_{ij} | x_{ij}, u_j)$ — математическое ожидание зависимой переменной y_{ij} для респондента i из страны j с соответствующими значениями независимых переменных x_{ij} .

После этого мы поочередно и одновременно включили в модель 1 переменные волонтерской деятельности и социальных контактов.

Для того чтобы понять, какая из моделей лучше описывает уровень счастья людей среднего и старшего возраста, мы провели тесты отношения правдоподобия (нулевая гипотеза: $\sigma^2_u = 0$ при включении факторов социальной активности). Статистика LR рассчитывается по формуле 2:

$$LR = -2\log L_1 - (-2\log L_2), \quad (2)$$

где $\log L_1$ и $\log L_2$ — логарифмы значений функций правдоподобия сравниваемых моделей.

При верной нулевой гипотезе LR статистика имеет распределение хи-квадрат с одной степенью свободы, так как в уравнении регрессии более сложной модели на один фактор больше, чем в уравнении более простой модели. Если расчетное значение LR статистики (см. Приложение 4) больше табличного значения статистики хи-квадрат при уровне значимости 5%⁵, то нулевая гипотеза отвергается. Для верификации результатов и выбранного метода исследования мы также провели тест на отличие межгрупповых остатков от нуля, построив 95% доверительные интервалы⁶ по странам для наилучшей модели.

Уровень счастья и виды социальной активности

Прежде чем переходить к представлению результатов моделирования, стоит показать, насколько счастливы люди 50 лет и старше в странах, участвующих в исследовании, и в какой степени они включены в волонтерскую деятельность и социальные контакты с родственниками и друзьями.

По данным ЕСИ, в 2012 г. наиболее счастливыми в возрасте 50 лет и старше ощущали себя датчане (8,5 из 10) и жители стран Северной Европы⁷ в целом (см. рис. 1). В Болгарии, наоборот, представители этой возрастной группы наименее счастливы среди исследуемых стран (4,8 из 10). Среди стран Восточной Европы Россия занимает срединное положение по уровню счастья (5,8 из 10), но среди всех европейских стран оценка счастья россиян одна из самых низких (22-е ме-

⁵ Уровень значимости определяет допустимую вероятность ошибки первого рода, когда отклоненная нулевая гипотеза на самом деле является верной.

⁶ Вероятность ошибки первого рода 5%.

⁷ Северная Европа: Швеция, Норвегия, Дания, Исландия, Финляндия, Великобритания, Ирландия; Восточная Европа: Россия, Украина, Болгария, Чехия, Венгрия, Польша, Словакия; страны Прибалтики: Эстония, Литва; Южная Европа: Албания, Испания, Италия, Португалия, Словения; Западная Европа: Бельгия, Германия, Нидерланды, Франция, Швейцария.

сто из 26). Более низкие оценки уровня счастья в странах Прибалтики, Южной и Восточной Европы по сравнению со странами Северной и Западной Европы могут отражать различия в условиях проживания людей среднего и старшего возраста и степени их социальной активности.

Рисунок 1. Уровень счастья населения старше 50 лет (среднее значение по десятибалльной шкале)

В большинстве стран люди среднего и старшего возрастов достаточно слабо участвуют в добровольной деятельности, возможно, ввиду отсутствия таких возможностей или состояния здоровья (см. рис. 2, страны представлены в порядке снижения доли респондентов, занимающихся волонтерской деятельностью раз в месяц и чаще). Наибольший интерес к волонтерству проявляют люди старше 50 лет в странах Северной и Западной Европы. Реже других в такой деятельности принимают участие в Восточной Европе, что может быть следствием слабого развития института волонтерства. В то же время доля респондентов среднего и старшего возраста в России и Словакии, занимавшихся волонтерством раз в три-шесть месяцев, близка к показателям стран Северной Европы.

С родственниками и друзьями люди 50 лет и старше общаются значительно чаще, чем участвуют в волонтерской деятельности (см. рис. 3, страны представлены по убыванию доли респондентов, имеющих социальные контакты раз в неделю и чаще).

Особенно часто люди среднего и старшего возраста встречаются с родственниками и друзьями в ряде стран Южной и Северной Европы. Среди стран Западной Европы выделяется Германия, так как в ней достаточно низкая доля тех, кто имеет социальные контакты раз в неделю и чаще, близкая к показателям стран

Восточной Европы и Прибалтики. В последних люди 50 лет и старше чаще встречаются с родственниками и друзьями один — несколько раз в месяц. Наибольшая распространенность редких социальных контактов либо их отсутствия (раз в несколько месяцев и реже) наблюдается в Венгрии, странах Прибалтики и Польше.

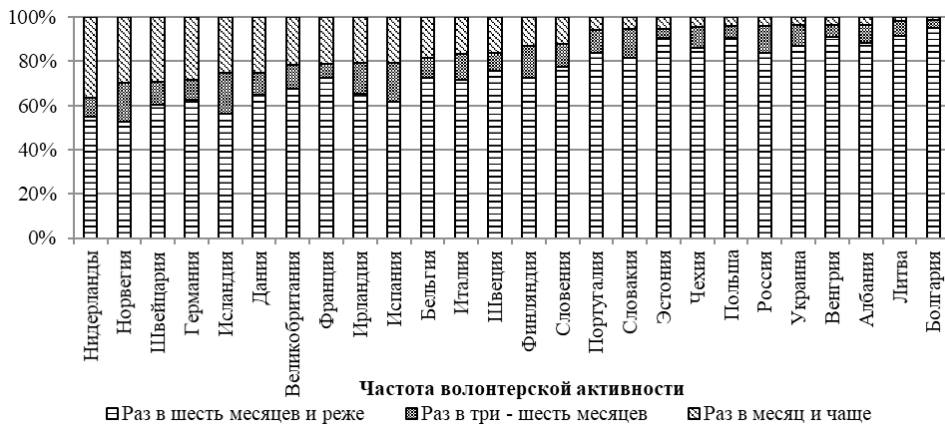

Рисунок 2. Частота волонтерской деятельности в разрезе по странам

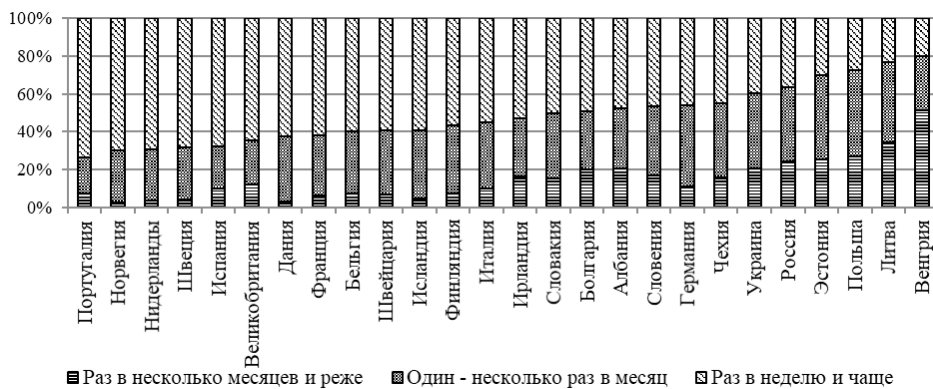

Рисунок 3. Частота социальных контактов в разрезе по странам

Население 50 лет и старше в Венгрии и Болгарии имеет одни из самых низких оценок уровня счастья и одновременно — одни из наименьших показателей участия в социальной активности. В России ситуация по всем трем показателям лишь незначительно лучше. В странах Северной и Западной Европы, напротив, наблюдается высокий уровень счастья и вовлеченности в социальную активность среди населения среднего и старшего возраста, что свидетельствует о межстрановых различиях и связи между показателями.

Основные результаты

В таблице 1 представлены оценки коэффициентов для построенных регрессий. Во всех моделях уровень счастья лиц старше 50 лет значимо (на уровне 1%⁸) выше для женщин, людей с партнерами (не одиноких), обладающих более высоким уровнем образования, имеющих работу и чувствующих себя в безопасности в районе проживания. При прочих равных с увеличением возраста респонденты также становятся счастливее (p -значение $< 0,05$ ⁹). Более низкая самооценка здоровья и непринадлежность к религии, напротив, снижают уровень счастья (p -значение $< 0,01$).

Результаты моделей 2—4 подтверждают гипотезу 1 о положительном влиянии социальной активности на уровень счастья людей среднего и старшего возраста (см. табл. 1). Действительно, увеличение частоты социальных контактов в моделях 2 и 4 значимо (p -значение $< 0,01$) повышает уровень счастья. Волонтерская деятельность, осуществляемая раз в три — шесть месяцев (в сравнении с частотой раз в шесть месяцев и реже), не оказывает значимого влияния на счастье в моделях 3 и 4. В то же время волонтерство раз в месяц и чаще положительно значимо (на уровне 1%) в модели 3 (без социальных контактов); в модели 4 значимость показателя снижается (с 1% до 5%) и уменьшается значение самого коэффициента, что свидетельствует о взаимозаменяемости видов социальной активности.

Таблица 1. **Оценки коэффициентов многоуровневых логистических регрессий со случайной константой для уровня счастья людей 50 лет и старше**

Факторы	Базовая модель (1)	Модель с социальными контактами (2)	Модель с волонтерской активностью (3)	Модель с волонтерской активностью и социальными контактами (4)
Возраст	0,066**	0,060**	0,062**	0,057**
Возраст в квадрате	-0,0003	-0,0002	-0,0003	-0,0002
Пол (мужской — референтная группа)				
Женский	0,264***	0,269***	0,262***	0,267***
Тип населенного пункта (сельская местность — референтная группа)				
Городская местность	-0,018	-0,009	-0,015	-0,008
Брачно-партнерский статус (нет пары — референтная группа)				
Есть пара	0,805***	0,821***	0,803***	0,819***
Уровень образования (начальное — референтная группа)				
Среднее образование	0,189***	0,185***	0,184***	0,181***
Высшее образование	0,437***	0,413***	0,417***	0,399***
Занятость (нет работы — референтная группа)				
Есть работа	0,320***	0,327***	0,314***	0,323***
Субъективное здоровье (очень хорошее — референтная группа)				
Хорошее	-0,540***	-0,526***	-0,533***	-0,521***
Среднее	-1,175***	-1,122***	-1,164***	-1,115***

⁸ Вероятность ошибки первого рода на уровне 1%.

⁹ Если p -значение $< 0,05$ — вероятность ошибки первого рода на уровне 5%; p -значение $< 0,01$ — на уровне 1%.

Факторы	Базовая модель (1)	Модель с социальными контактами (2)	Модель с волонтерской активностью (3)	Модель с волонтерской активностью и социальными контактами (4)
Плохое	-2,044***	-1,949***	-2,026***	-1,938***
Очень плохое	-2,712***	-2,534***	-2,694***	-2,524***
Чувство безопасности в районе проживания (нет — референтная группа)				
Да	0,353***	0,327***	0,352***	0,326***
Принадлежность к религии (да — референтная группа)				
Нет	-0,270***	-0,251***	-0,261***	-0,245***
Число людей, проживающих в домохозяйстве	-0,004	-0,014	-0,004	-0,014
Социальные контакты (раз в несколько месяцев и реже — референтная группа)				
Один — несколько раз в месяц		0,555***		0,550***
Раз в неделю и чаще		0,765***		0,753***
Волонтерская активность (раз в шесть месяцев и реже — референтная группа)				
Раз в три — шесть месяцев			0,135	0,084
Раз в месяц и чаще			0,301***	0,230**
Константа	-0,58	-1,024	-0,511	-0,961
Значение функции правдоподобия	-7332,2	-7242,4	-7325,8	-7239
Кол-во наблюдений первого уровня	26	26	26	26
Кол-во наблюдений второго уровня	23 766	23 766	23 766	23 766

Примечание: звездочками обозначены уровни значимости, где *** — вероятность ошибки на уровне 1%, ** — вероятность ошибки на уровне 5%.

Сравнение моделей на основе тестов отношения правдоподобия (см. Приложение 4) показывает, что уровень счастья людей среднего и старшего возраста значительно различается в европейских странах при включении в модель как неформального, так и формального видов социальной активности. Как модель с социальными контактами (модель 2), так и модель с волонтерской активностью (модель 3) улучшают базовую модель (модель 1), поэтому мы включили в уравнение регрессии оба фактора социальной активности и сравнили ее с моделями 2 и 3. Модель 4 лучше описывает уровень счастья людей 50 лет и старше, так как оба теста отношения правдоподобия с более простыми моделями оказались значимы, что подтверждает гипотезу 4 о наличии межстрановых различий в уровне счастья людей старшего возраста.

Для подтверждения верности выбранного метода анализа данных мы рассчитали остатки (u_i) в модели 4 для каждой страны и построили для них 95% доверительные интервалы (рисунок 4, страны расположены в порядке возрастания межгрупповой вариации). Остатки показывают отклонение уровня счастья людей старше 50 лет в конкретной стране от среднего значения по всем странам, означающего, что уровень счастья по странам не различается ($u_j=0$, на рисунке 4 это

ось абсцисс). Так как доверительные интервалы большинства стран не пересекают ось абсцисс, уровень счастья значимо¹⁰ отличается от среднего значения по странам. Для людей старших возрастов наиболее низкая вероятность быть счастливыми относительно анализируемых стран в Болгарии и Албании (самые низкие значения ζ_j на рис. 4), наиболее высокая — в Финляндии и Швейцарии (самые высокие значения ζ_j на рис. 4). Таким образом, мы подтвердили достоверность результатов исследования и еще раз подтвердили гипотезу 4.

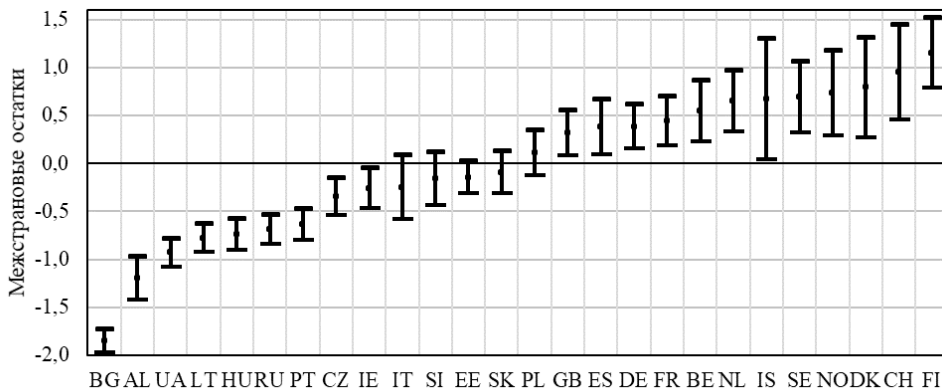

Рисунок 4. Доверительные интервалы межстрановых остатков¹¹

Чтобы понять, какой из видов социальной активности оказывает более сильное влияние на уровень счастья населения, мы рассчитали отношения шансов для модели 4 (см. табл. 2). Этот статистический показатель оценивает влияние исследуемых предикторов на вероятность положительного исхода, определяемого в нашем исследовании как счастливый индивид.

Таблица 2. Отношения шансов в модели 4 с волонтерской деятельностью и социальными контактами

Факторы	Отношения шансов
Социальные контакты (раз в несколько месяцев и реже — референтная группа)	
Один — несколько раз в месяц	1,733***
Раз в неделю и чаще	2,123***
Волонтерская деятельность (раз в шесть месяцев и реже — референтная группа)	
Раз в три — шесть месяцев	1,088
Раз в месяц и чаще	1,259**

Примечание: звездочками обозначены уровни значимости, где *** — вероятность ошибки на уровне 1%, ** — вероятность ошибки на уровне 5%.

¹⁰ Вероятность ошибки первого рода равна 5%.

¹¹ BG — Болгария, AL — Албания, UA — Украина, LT — Литва, HU — Венгрия, RU — Россия, PT — Португалия, CZ — Чехия, IE — Ирландия, IT — Италия, SI — Словения, EE — Эстония, SK — Словакия, PL — Польша, GB — Великобритания, ES — Испания, DE — Германия, FR — Франция, BE — Бельгия, NL — Нидерланды, IS — Исландия, SE — Швеция, NO — Норвегия, DK — Дания, CH — Швейцария, FI — Финляндия.

С ростом частоты встреч с родственниками и друзьями шансы людей старшего возраста быть счастливыми повышаются: при общении один — несколько раз в месяц на 73,3 % в сравнении с более редкими социальными контактами; при встречах не реже раза в неделю — в 2,12 раза. Занятия волонтерской деятельностью также положительно влияют на уровень счастья респондентов 50 лет и старше, но в меньшей степени, чем социальные контакты. По сравнению с отсутствием такой деятельности или эпизодическом участии в ней (реже чем раз в шесть месяцев) лишь интенсивное (не реже одного раза в месяц) волонтерство значимо (p -значение $< 0,05$) повышает шансы испытывать чувство счастья на 25,9 %. Таким образом, неформальная социальная активность сильнее влияет на уровень счастья людей среднего и старшего возраста, чем формальная активность. Эти результаты подтверждают гипотезу 2 о различном влиянии неформального и формального видов социальной активности на уровень счастья и опровергают гипотезу 3 о негативном влиянии частой активности на счастье людей.

Заключение

Результаты проведенного исследования подтверждают, что европейские страны различаются по тому, насколько счастливы в них люди 50 лет и старше: выше всего вероятность быть счастливым в этом возрасте у граждан Финляндии, Швейцарии и Дании. В какой мере эти различия обусловлены неодинаковой включенностью в формальную и неформальную социальную активность?

Гипотезы, сформулированные в рамках теории активности и теории привязанности, в ходе исследования подтвердились. В изучаемых странах наблюдается значимое положительное влияние волонтерской деятельности и социальных контактов на уровень счастья лиц старшего возраста.

Регулярные контакты с друзьями и родственниками сильнее повышают вероятность того, что индивид будет счастливым, чем осуществление волонтерской деятельности. Положительный эффект, оказываемый частыми социальными контактами (раз в неделю и чаще), в 1,68 раза превышает соответствующий показатель для регулярного волонтерства.

Гипотеза о негативном влиянии чрезмерной социальной активности на уровень счастья людей среднего и старшего возраста, выдвинутая в соответствии с теорией ролей, не была подтверждена. Чем чаще индивиды встречаются с родственниками и друзьями, тем выше их субъективное благополучие. А в случае с волонтерской деятельностью только ее высокая интенсивность (раз в месяц и чаще) оказывает значимое положительное влияние на уровень счастья. Возможно, такой вывод связан с использованием укрупненных категорий временных социальной активности. В дальнейшем мы планируем протестировать эту гипотезу для большего числа категорий частоты социальных контактов и волонтерской деятельности.

Некоторая взаимозаменяемость формального и неформального видов социальной активности, найденная при построении многоуровневых логистических регрессий, также подтверждается на уровне дескриптивных статистик. Так, в Швейцарии, Германии и Исландии частая волонтерская деятельность (раз

в месяц и чаще) замещает¹² частые социальные контакты (раз в неделю и чаще), в Швеции, Португалии, Албании и Болгарии — наоборот. В половине изучаемых стран замещения между формальным и неформальным видами социальных активностей не происходит. Например, Нидерланды и Норвегия занимают первые позиции по числу жителей 50 лет и старше, высоко вовлеченных в оба вида активности, в то время как Россия, Украина и Литва находятся на последних позициях.

Согласно полученным результатам, социальная активность (и формальная, и неформальная) в России ниже, чем в большинстве европейских стран. Этому факту можно дать несколько объяснений. Во-первых, для России характерен достаточно низкий уровень доверия своим согражданам [Беляева, 2013], являющийся основой семейных, соседских, дружеских отношений, отношения к организациям и институтам. Во-вторых, в России сильны ценности семьи и работы, что находит отражение и в других сферах общественной жизни. Именно экономические мотивы (невыплата заработной платы, массовые увольнения) подталкивают россиян к проявлению общественной активности в форме митингов, протестов и т. д., тогда как в добровольческих организациях уровень участия остается крайне низким. Наконец, лица старшего поколения в большинстве своем имели советский опыт участия в общественных организациях, когда и взрослые, и дети могли числиться в объединениях и клубах, не осуществляя при этом какой-либо реальной деятельности [Башкирова, 2000].

В моделях со случайной константой, используемых в рамках данного исследования, предполагается, что влияние формальной и неформальной социальной активности на уровень счастья одинаково во всех странах. В продолжение работы по изучению субъективного благополучия людей старших возрастов мы планируем ослабить это предположение и построить многоуровневые модели со случайным наклоном (random slope model) для социальных контактов и волонтерской активности, выявить паттерны влияния социальной активности на субъективное благополучие пожилых людей.

Представленное исследование вносит вклад в понимание детерминант субъективного благополучия старшего поколения, важности формальной и неформальной социальной активности, и различий в их влиянии на уровень счастья в старших возрастах. Это позволяет определить возможные направления его повышения и улучшения качества жизни людей старшего поколения в целом. Включенность в социальные сети, преимущественно родственно-дружеские, неразрывно связана с преодолением жизненных трудностей и получением различных видов поддержки, что особенно актуально в старших возрастах. Продвижение участия лиц старших возрастов в волонтерских и других общественных организациях наряду с укреплением семейных, дружеских, соседских контактов может быть важным направлением государственной политики в отношении граждан старшего поколения, оказывающим эффект и на другие сферы жизни целевой аудитории: в части физической активности, образовательной и культурной деятельности (совместное

¹² 26 стран отсортированы в порядке снижения доли людей, занимающихся волонтерской деятельностью раз в месяц и чаще и имеющих социальные контакты раз в неделю и чаще. Наличие взаимозаменяемости определяется на основе сравнения позиций стран в этих рейтингах (замещение есть при различии свыше шести позиций, замещения нет при различии от одной до двух позиций или его отсутствии).

посещение спортивных занятий, театров, выставок, обучающих мероприятий и т. д.), взаимопомощи и ухода за больными и пожилыми людьми.

Список литературы (References)

Андреевкова Н. В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2010. № 5. С. 189—215. [https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/99/2010_5\(99\)_13_Andreenkova.pdf](https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/99/2010_5(99)_13_Andreenkova.pdf).

Andreenkova N. V. (2010) Comparative Analysis of Life Satisfaction and Its Determining Factors. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. Vol. 5. P. 189—215. [https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/99/2010_5\(99\)_13_Andreenkova.pdf](https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/99/2010_5(99)_13_Andreenkova.pdf). (In Russ.).

Башкирова Е. И. Трансформация ценностей российского общества // Полис: Политические исследования. 2000. № 6. С. 51—65. https://www.civisbook.ru/files/File/Bashkirova_2000_6.pdf.

Bashkirova E. I. (2000) Transformation of the Values of Russian Society. *Polis: Political Studies*. No. 6. P. 51—65. https://www.civisbook.ru/files/File/Bashkirova_2000_6.pdf. (In Russ.).

Беляева Л. А. Культурный и социальный капитал и напряженность социального пространства России // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 51—64. <http://ons.naukaran.com/upload/iblock/15b/15b4cf7462861f292a468a469b13c6b9.pdf>.

Belyaeva L. A. (2013) Cultural and Social Capital and the Tension of Social Space in Russia. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 5. P. 51—64. <http://en.ons.naukaran.com/upload/iblock/15b/15b4cf7462861f292a468a469b13c6b9.pdf>. (In Russ.).

Воронин Г. Л., Захаров В. Я., Козырева П. М. Одинокие пожилые: доживают или активно живут? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 3. С. 32—55. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5992>.

Voronin G. L., Zakharov V. Ya., Kozyreva P. M. 2018. Lonely Old Aged: Surviving or Living an Active Life? *Sociological Journal*. Vol. 24. No. 3. P. 32—55. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5992>. (In Russ.).

Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Счастье и его детерминанты (статья 2) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 66—76. http://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_1/66_76_Kozyreva.pdf.

Kozyreva P. M., Nizamova A. E., Smirnov A. I. (2016) Happiness and Its Determinants (Part 2). *Sociological Studies*. No. 1. P. 66—76. http://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_1/66_76_Kozyreva.pdf. (In Russ.).

Латова Н. В. Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 — год бифуркации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 16—37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.02>.

Latova N. V. (2016) Russian Satisfaction with Life during the Crisis: 2015 as a Year of Bifurcation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 16—37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.02>. (In Russ.).

Монусова Г. А. Субъективное благополучие и возраст: Россия в контексте международных сравнений // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : сб. трудов в 4 т. М. : Издательский дом Высшей школы экономики. 2012. Т. 3. С. 98—109.

Monusova G. A. (2012) Subjective Well-being and Age: Russia in the Context of International Comparisons. In: *XIII International Academic Conference on Economic and Social Development: Theses*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. Vol. 3. P. 98—109. (In Russ.).

Тихонова Н. Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 19—33. <http://ons.naukaran.com/upload/iblock/037/037d7ceb01ff9c8ffa5aa37b6203f1ab.pdf>.

Tikhonova N. E. (2015) Russians' Life Satisfaction: Dynamics and Factors. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 3. P. 19—33. <http://en.ons.naukaran.com/upload/iblock/037/037d7ceb01ff9c8ffa5aa37b6203f1ab.pdf>. (In Russ.).

Adams K., Leibbrandt S., Moon H. (2011) A Critical Review of the Literature on Social and Leisure Activity and Wellbeing in Later Life. *Ageing & Society*. Vol. 31. No. 4. P. 683—712. <https://doi.org/10.1017/S0144686X10001091>.

Baker L. A., Cahalin L. P., Gerst K., Burr J. A. (2005) Productive Activities and Subjective Well-being among Older Adults: The Influence of Number of Activities and Time Commitment. *Social Indicators Research*. Vol. 73. No. 3. P. 431—458. <https://doi.org/10.1007/s11205-005-0805-6>.

Bian Y., Hao M., Li Y. (2018) Social Networks and Subjective Well-being: A Comparison of Australia, Britain, and China. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 19. No. 8. P. 2489—2508. <https://doi.org/10.1007/s10902-017-9926-2>.

Bowlby J. (1969) Attachment and Loss. Vol. 1. London: Hogarth Press.

Bowlby J. (1980) Attachment and Loss. Vol. 3. Loss, Sadness and Depression. New York: Basic Books.

Chamberlain K. (1988) On the Structure of Subjective Well-being. *Social Indicators Research*. Vol. 20. No. 6. P. 581—604. <https://doi.org/10.1007/BF03359559>.

Diener E. (2009) The Science of Well-Being. The Collected Works of Ed Diener. Dordrecht: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-90-481-2350-6>.

Dulin P. L., Gavala J., Stephens C., Kostick M., McDonald J. (2012) Volunteering Predicts Happiness among Older Māori and Non- Māori in the New Zealand Health, Work, and Retirement Longitudinal Study. *Ageing & Mental Health*. Vol. 16. No. 5. P. 617—624. <https://doi.org/10.1080/13607863.2011.641518>.

- Fleche S., Smith C., Sorsa P. (2011) Exploring Determinants of Subjective Wellbeing in OECD Countries. Evidence from the World Value Survey. *OECD Economics Department Working Papers No. 921*. <https://doi.org/10.1787/5kg0k6zlc5k-en>.
- George L. K. (2010) Still Happy After All These Years: Research Frontiers on Subjective Well-Being in Later Life. *Journal of Gerontology: Social Sciences*. Vol. 65. No. 3. P. 331—339. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbq006>.
- Goode W. J. (1960) A Theory of Role Strain. *American Sociological Review*. Vol. 25. No. 4. P. 483—496. <https://doi.org/10.2307/2092933>.
- Gove W. R. (1972) The Relationship between Sex Roles, Marital Status, and Mental Illness. *Social Forces*. Vol. 51. No. 1. P. 34—44. <https://doi.org/10.1093/sf/51.1.34>.
- Gove W. R., Geerken M. R. (1977) The Effect of Children and Employment on the Mental Health of Married Men and Women. *Social Forces*. Vol. 56. No. 1. P. 66—76. <http://dx.doi.org/10.2307/2577413>.
- Guriev S., Zhuravskaya E. (2009) (Un)Happiness in Transition. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 23. No. 2. P. 143—168. <https://doi.org/10.1257/jep.23.2.143>.
- Haller M., Hadler M. (2006) How Social Relations and Structures Can Produce Happiness and Unhappiness: An International Comparative Analysis. *Social Indicators Research*. Vol. 75. No. 2. P. 169—216. <https://doi.org/10.1007/s11205-004-6297-y>.
- Havighurst R. J. (1963) Successful Aging. Williams R. H., Tibbits C., Donohue W. (eds.) *Process of Aging. Social and Psychological Perspectives*. Vol. 1. New York: Atherton Press. P. 299—320. <http://dx.doi.org/10.1093/geront/1.1.8>.
- Larson R. (1978) Thirty Years of Research on the Subjective Well-being of Older Adults. *Journal of Gerontology*. Vol. 33. No. 1. P. 109—125. <https://doi.org/10.1093/geronj/33.1.109>.
- Li Y., Ferraro K. F. (2005) Volunteering and Depression in Later Life: Social Benefit or Selection Processes? *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 46. No. 1. P. 68—84. <https://doi.org/10.1177/002214650504600106>.
- Litwin H., Shiovitz-Ezra S. (2006) The Association between Activity and Wellbeing in Later Life: What Really Matters? *Ageing & Society*. Vol. 26. No. 2. P. 225—242. <https://doi.org/10.1017/S0144686X05004538>.
- Meier S., Stutzer A. (2008) Is Volunteering Rewarding in Itself? *Economica*. Vol. 75. No. 297. P. 39—59. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0335.2007.00597.x>.
- Mikulincer M., Shaver P. R. (2013) The Role of Attachment Security in Adolescent and Adult Close Relationships. Simpson J. A., Campbell L. (eds.) In: *The Oxford Handbook of Close Relationships*. New York: Oxford University Press. P. 66—89. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195398694.013.0004>.
- Morrow-Howell N., Hinterlong J., Rozario P. A., Tang F. (2003) Effects of Volunteering on the Well-Being of Older Adults. *Journal of Gerontology: Social Sciences*. Vol. 58. No. 3. P. S137—S145. <https://doi.org/10.1093/geronb/58.3.S137>.

- Okun M. A., Stock W. A., Haring M. J., Witter R. A. (1984) The Social Activity/Subjective Well-Being Relation. A Quantitative Synthesis. *Research on Aging*. Vol. 6. No. 1. P. 45—65. <https://doi.org/10.1177/0164027584006001003>.
- Pilkington P. D., Windsor T. D., Crisp D. A. (2012) Volunteering and Subjective Well-Being in Midlife and Older Adults: The Role of Supportive Social Networks. *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. Vol. 67. No. 2. P. 249—260. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbr154>.
- Puntsher S., Hauser C., Walde J., Tappeiner G. (2014) The Impact of Social Capital on Subjective Well-Being: A Regional Perspective. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 16. No. 5. P. 1231—1246. <https://doi.org/10.1007/s10902-014-9555-y>.
- Sarracino F. (2010) Social Capital and Subjective Well-being Trends: Comparing 11 Western European Countries. *The Journal of Socio-Economics*. Vol. 39. No. 4. P. 482—517. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2009.10.010>.
- Thoits P. A. (1983) Multiple Identities and Psychological Well-Being: A Reformulation and Test of the Social Isolation Hypothesis. *American Sociological Review*. Vol. 48. No. 2. P. 174—187. <https://doi.org/10.2307/2095103>.
- Tinkler L., Hicks S. (2011) Measuring Subjective Well-being. Newport: Office for National Statistics. <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.366.3593&rep=rep1&type=pdf>.
- Van Willigen M. (2000) Differential Benefits of Volunteering Across the Life Course. *The Journals of Gerontology: Social Sciences*. Vol. 55. No. 5. P. S 308—S 318. <https://doi.org/10.1093/geronb/55.5.S308>.
- Walker A. (2015) Active Ageing: Realising its Potential. *Australasian Journal on Ageing*. Vol. 34. No. 1. P. 2—8. <https://doi.org/10.1111/ajag.12219>.
- Windsor T. D., Anstey K. J., Rodgers B. (2008) Volunteering and Psychological Well-Being among Young-Old Adults: How Much Is Too Much? *The Gerontologist*. Vol. 48. No. 1. P. 59—70. <https://doi.org/10.1093/geront/48.1.59>.

Приложения

Приложение 1. **Число наблюдений в выборке по странам**

Страна	Число наблюдений	Страна	Число наблюдений
Албания	468	Ирландия	1149
Бельгия	835	Исландия	292
Болгария	1374	Италия	396
Швейцария	676	Литва	1057
Чехия	898	Нидерланды	965
Германия	1481	Норвегия	679
Дания	577	Польша	848
Эстония	1210	Португалия	1209
Испания	820	Россия	1066
Финляндия	1152	Швеция	883
Франция	1078	Словения	593
Великобритания	1230	Словакия	896
Венгрия	883	Украина	1051

Приложение 2. **Дескриптивные статистики зависимой и основных независимых переменных в рабочей выборке, %**

Наименование переменной	Частоты
Зависимые переменные	
Уровень счастья людей	
Скорее несчастлив (референтная группа)	13 %
Скорее счастлив	87 %
Независимые переменные	
Волонтерская деятельность	
Раз в шесть месяцев и реже (референтная группа)	76 %
Раз в три — шесть месяцев	10 %
Раз в месяц и чаще	14 %
Социальные контакты	
Раз в несколько месяцев и реже (референтная группа)	15 %
Один — несколько раз в месяц	34 %
Раз в неделю и чаще	51 %

Приложение 3. **Дескриптивные статистики контрольных переменных**

Контрольные переменные			
Пол		Субъективное здоровье	
Мужчина (реф.)	44 %	Очень хорошее (реф.)	10 %
Женщина	56 %	Хорошее	35 %
Тип поселения		Среднее	
Село (реф.)	38 %	Плохое	13 %
Город	62 %	Очень плохое	3 %
Уровень образования		Чувство безопасности	
Среднее общее или ниже (реф.)	39 %	Скорее не в безопасности (реф.)	28 %
Среднее профессиональное	36 %	Скорее в безопасности	72 %
Высшее и послевузовское	25 %	Принадлежность к религии	
Брачно-партнерский статус		Да (реф.)	65 %
Нет пары (реф.)	38 %	Нет	35 %
Есть пара	62 %	Средний возраст респондентов	
Занятость			
Нет (реф.)	65 %	Среднее число людей в домохозяйстве	
Есть	35 %		
			2

Приложение 4. **Тесты отношения правдоподобия для построенных моделей**

	$\log L$	LR статистика, модели 1 и 2	LR статистика, модели 1 и 3	LR-тест для моделей 2 и 4	LR-тест для моделей 3 и 4	Статистика хи-квадрат
Базовая модель (1)	-7332,15					
Модель с социальными контактами (2)	-7242,43	179,44***				3,84
Модель с волонтерской активностью (3)	-7325,79		12,72**			3,84
Модель с волонтерской активностью и социальными контактами (4)	-7238,99			173,6***	6,88**	3,84

Примечание: звездочками обозначены уровни значимости, где *** — вероятность ошибки на уровне 1%, ** — вероятность ошибки на уровне 5%.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

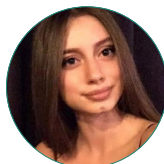
DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.13

Правильная ссылка на статью:

Уткина В. В., Гаспарян С. А. Ограничения при приеме на государственную гражданскую службу в РФ для молодых женщин (на основе эксперимента) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 259—279. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.13>.

For citation:

Utkina V. V., Gasparyan S. A. (2019) Restrictions for young women to enter the civil service in the Russian Federation (based on an experiment). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 259—279. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.13>.

В. В. Уткина, С. А. Гаспарян
**ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИ ПРИЕМЕ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ
ГРАЖДАНСКУЮ СЛУЖБУ В РФ ДЛЯ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН
(НА ОСНОВЕ ЭКСПЕРИМЕНТА)**

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИ ПРИЕМЕ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАЖДАНСКУЮ СЛУЖБУ В РФ ДЛЯ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН (НА ОСНОВЕ ЭКСПЕРИМЕНТА)

RESTRICTIONS FOR YOUNG WOMEN TO ENTER THE CIVIL SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERATION (BASED ON AN EXPERIMENT)

УТКИНА Валерия Владимировна — старший преподаватель Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: UtkinaVV@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3267-8978>

Valeriya V. UTKINA¹ — Senior Lecturer, Faculty of Social Sciences, School of Politics and Governance

E-MAIL: UtkinaVV@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3267-8978>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

*ГАСПАРЯН Сусанна Ашотовна — студентка бакалаврской образовательной программы «Государственное и муниципальное управление», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: sagasparyan@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0012-1999>*

*Susanna A. GASPARYAN¹ — Bachelor student, 'Public Administration' Programme, National Research University Higher School of Economics
E-MAIL: sagasparyan@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0012-1999>*

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Законодательство Российской Федерации наряду с международными нормативно-правовыми актами обеспечивает юридическую защиту женщин в общественных отношениях, однако традиционные представления о социальных ролях мужчин и женщин представляют собой препятствие к пользованию правами и свободами в полном объеме. Так, на государственной гражданской службе РФ, несмотря на предоставленные ч. 1 ст. 3 Трудового кодекса РФ гарантии, обеспечивающие соблюдение принципа гендерного равенства при трудоустройстве, претендентки молодого возраста сталкиваются с трудностями в процессе поступления.

В данной статье мы проверяем, готовы ли государственные учреждения нанимать беременных женщин или женщин с семейными обязанностями, а также молодых мужчин с семейными обязанностями. Для этого мы организовали и провели эксперимент — телефонный опрос контактных лиц по вакансиям, размещенным на сайте «Федеральный портал управленческих кадров», предоставляющих справочную информацию по вопросам поступления на государственную службу.

На основе эксперимента было выявлено воспроизведение гендерных стереотипов со стороны госслужащих,

Abstract. The Russian legislation, along with international laws and regulations, provides legal protection of women in social relations; however, conventional views of men's and women's roles are an obstacle to the enjoyment of rights and freedoms to the fullest. Indeed, young job seekers face difficulties being hired despite gender equality guaranteed by the Russian Labor Code (Part 1 Article 3).

The article explores whether the public bodies are ready to hire pregnant women or women with family obligations, as well as men with family obligations. In doing so the authors conducted an experiment — a telephone survey of contact persons using a list of job vacancies published on the “Federal portal of managerial personnel” containing useful information on entry into civil service.

The experiment reveals that the civil servants responsible for interactions with job applicants tend to reproduce gender stereotypes. Young women receive motherhood penalty upon entry into civil service due to dominating masculinity.

ответственных за коммуникацию с претендентами на замещение должностей государственной гражданской службы. «Штраф за материнство» молодые женщины получают еще на этапе поступления на работу в органы государственной власти в условиях «доминирующей маскулинности».

Ключевые слова: гендер, гендерные исследования, госслужба, женщины на госслужбе, неравенство, дискриминация, дискриминация при найме, штраф за материнство, доминирующая маскулинность, интерсекциональный подход

Благодарность. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 18-05-0049) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в 2018 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Keywords: gender, gender studies, intersectional approach, civil service, women in the civil service, inequality, discrimination, employment discrimination, motherhood penalty, dominant masculinity

Acknowledgments. The publication is part of the project (No. 18-05-0049) carried out in the framework of the HSE Academic Foundation Program (2018) and in the framework of the Russian academic excellence project 5-100.

Введение

Распространено представление о том, что государственная гражданская служба — «женская работа»: есть возможность вернуться на прежнюю должность после декрета, предлагается множество «секретарских» должностей, а также работа в государственных органах, осуществляющих свою деятельность по таким направлениям, как здравоохранение, образование, соцзащита, которые считаются более «женскими» по своей специфике [Уткина, Гаспарян, 2019]. Работа здесь привлекательна для соискателей женского пола, что подтверждается и статистически: практически три четверти всех госслужащих в России — женщины¹.

Свидетельствует об актуальности данной сферы для женщин и тот факт, что поступают на образовательные программы высшего образования по направлению «Государственное и муниципальное образование» больше девушки, чем юноши [там же]. Соответственно, после выпуска из вузов специалистов в области государственного и муниципального управления на рынке труда проявляется гендерная диспропорция. Принимая во внимание описанную ситуацию, можно говорить

¹ Численность и состав работников, замещавших должности государственной гражданской и муниципальной службы по ветвям власти, уровням управления и полу // Федеральная служба государственной статистики. 2016. 1 октября. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/gosudar/graf2a.htm (дата обращения: 01.12.2019).

об актуальности вопроса поступления молодых женщин на государственную гражданскую службу. Однако большинство женщин на государственной гражданской службе занимают должности следующих категорий: «обеспечивающие специалисты», «специалисты» и «помощники», в то время как руководящие должности в основном занимают сотрудники мужского пола². Так, количественно большая представленность женщин на государственной гражданской службе не тождественна качеству должностей. Кроме этого, возраст сотрудников, занимающих руководящие должности, в среднем составляет от 40 до 49 лет, в то время как основная рабочая сила до 30 лет сосредоточена на таких должностях, как «обеспечивающие специалисты», «специалисты» и «помощники»³. Представляется, что сложившаяся зависимость между уровнем занимаемой должности на государственной гражданской службе и полом и возрастом сотрудника обусловлена существованием неких ограничений для определенной социальной категории при поступлении на государственную гражданскую службу, в частности, для молодых женщин.

В связи с этим объектом данного исследования является поступление молодых женщин на государственную гражданскую службу в Российской Федерации, а предметом — ограничения для молодых женщин при трудоустройстве на государственную гражданскую службу в Российской Федерации.

Цель настоящей работы заключается в выявлении ограничений для молодых женщин при приеме на государственную гражданскую службу в Российской Федерации. Для этого в работе анализируются нормативно-правовые основы поступления на государственную гражданскую службу, а также теоретические основы дискриминации по признаку пола при трудоустройстве. В дальнейшем проводится сравнительный анализ проблем, возникающих у молодых женщин и у мужчин при трудоустройстве на государственную гражданскую службу на основе проведенного двухэтапного эксперимента.

Мы предполагаем, что основной причиной проблем, возникающих у молодых женщин при поступлении на государственную гражданскую службу, является несоблюдение работодателями действующего трудового законодательства. Во многом это связано с сохранением стереотипов о низкой профессиональной пригодности молодых женщин на государственной гражданской службе. Мы допускаем, что сложившиеся в обществе гендерные стереотипы обуславливают проявление дискриминации по признаку пола при трудоустройстве молодых женщин на государственную гражданскую службу.

Постановка проблемы

Для многих женщин с семейными обязанностями необходима реализация профессионального потенциала на рынке труда и обеспечение этим своей экономической независимости. Улучшение материального положения помогает удовлетворить потребность молодых женщин в реализации репродуктивных намерений, однако двойная занятость в виде работы и семейных обязанностей

² Там же.

³ Состав работников гражданской службы по возрасту и категориям должностей // Федеральная служба государственной статистики. 2016. 1 октября. URL: [https://www.gks.ru/storage/mediabank/image001%20\(2\)\(4\).png](https://www.gks.ru/storage/mediabank/image001%20(2)(4).png) (дата обращения 22.11.2019).

зачастую происходит в ущерб какой-либо из них, что приводит к проблемам при найме на работу.

Работодатель, осознавая, что женщине необходимо сочетать свои рабочие обязанности с семейными, не рассчитывает на полную ориентацию на карьеру с ее стороны, поэтому воспринимает соискательницу как менее полезную рабочую силу по сравнению с мужчиной. Женщины, в свою очередь, знают о предпочтениях работодателя касаясь рабочей силы, поэтому заведомо не претендуют на высокие должностные позиции, понижая этим свою самооценку [Рошин, Зубаревич, 2005].

Это приводит к образованию гендерного неравенства на рынке труда, где женщины занимают низкооплачиваемые позиции на низших должностях, сосредоточенных в таких сферах, как здравоохранение, образование, социальная защита и так далее. Однако, если речь идет о государственной гражданской службе, то работа на государственной гражданской службе представляется привлекательной для молодых женщин [Исупова, Уткина, 2018], так как здесь они могут полагаться на гарантируемые государством льготы и отпуска, и без трудностей вернуться на свое рабочее место после отпуска по беременности. Работодателю же в лице государственных органов власти невыгодно нанимать на работу представительниц женского пола репродуктивного возраста ввиду издержек, которые придется понести в случае беременности и наличия детей. Так работающие женщины с детьми платят «штраф за материнство» [Correll, Benard, Paik, 2007], который заключается в ограничении доступа к высокооплачиваемым позициям в организации, сопряженном с отсутствием перспектив в карьере и дискриминационным отношением со стороны руководства. По этой причине многие работодатели, включая государственные органы власти, на этапе найма дают молодым претенденткам понять, что существует высокая вероятность не пройти конкурс на замещение той или иной должности. Тем самым порождается дискриминация кандидатов по признаку гендера и возраста, т. е. неравное отношение к отдельным работникам по причине их принадлежности к определенным демографическим группам, несмотря на обладание одинаковыми характеристиками по признаку производительности труда [Эренберг, Смит, 1996].

Интерсекциональный анализ

Обратимся к данному явлению с точки зрения гендерного подхода, который в своем развитии осуществляет постепенный переход от универсализма в отношении изучения женского опыта к контекстуализации и партикуляризации, то есть рассмотрению его связей с другими категориями социального опыта [Rosenberg, Howard, 2008]. Исследователи заметили, что взаимосвязь гендерных и иных социальных позиций индивида или группы порождает множество идентичностей и систему неравенства. Так зародились понятия «интерсекциональность» и «интерсекциональный анализ» [Crenshaw, 1991].

Интерсекциональность — это пересечение различных социальных категорий, таких как раса, класс и пол, подвергающихся взаимосвязанным формам угнетения, доминирования или дискриминации⁴. Возникновение данного понятия

⁴ Intersectionality // Oxford English Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/intersectionality> (дата обращения: 11.12.2019).

связано с так называемым черным феминизмом, сторонницей которого была Кимберли Крэншоу. Она употребила данный термин в своей работе «Обозначая границы: интерсекциональность, политика идентичности и насилие в отношении женщин небелого цвета кожи» [ibid.], в которой описана дискриминация темнокожих женщин на рабочем месте по гендерному и расовому признаку. По Крэншоу, женщины в трудовых отношениях оказываются в особо уязвимом положении, так как находятся на пересечении двух осей «представитель темной расы» и «сотрудник женского пола», подвергаясь двойному угнетению. Пересечение различных категорий она и называет «интерсекциональностью».

Сегодня интерсекциональный подход особо актуален, в том числе при осмыслении дискриминации на рабочем месте. Здесь интерсекциональный подход состоит в том, что «социальные статусы, практики, идентичности индивидов и групп рассматриваются как результат сложного взаимодействия множества взаимосвязанных параметров социальной дифференциации, которая рассматривается через призму отношений власти» [Тартаковская, 2015]. К таким параметрам могут относиться гендер, возраст, этничность, классовая принадлежность, раса, религиозная принадлежность и другие. Фокус внимания направляется именно на пересечение нескольких критериев социального неравенства, которые, воздействуя одновременно, приводят к возникновению новой социальной категории и последующему воспроизводству определенного поведенческого паттерна со стороны общества по отношению к «жертве».

Так, при анализе ограничений при трудоустройстве некорректно (с точки зрения наиболее полного всестороннего анализа ситуации) устанавливать причинную связь возникновения ограничений, принимая во внимание лишь один критерий социального неравенства. Например, анализ будет считаться неполным, если к причине возникновения ограничений при трудоустройстве относить такой признак, как «гендер» кандидата, или же его «возраст». При обособленном учете каждого критерия социального неравенства, которым обладает кандидат, многие аспекты могут быть утеряны, потому что, соответствуя тому или иному критерию социального неравенства, претендент в зависимости от требований к замещению вакансии может иметь как определенный набор привилегий, так и набор угнетений со стороны работодателя. В случае же полного одновременного учета всех пересекающихся характеристик кандидата возникает новая социальная данность, которая и вызывает аналитический интерес.

При обращении к интерсекциональному подходу при анализе подбора персонала на государственной гражданской службе будут важны такие критерии, как «гендер», «возраст» и «опыт работы», так как именно их учитывает работодатель при подсчете «выгод» и «издержек», последующих за трудоустройством того или иного кандидата. Так, кандидат, который имеет следующие характеристики по критериям: гендер — «женщина», возраст — «37 лет», опыт работы — «имеется», будет расцениваться работодателем как потенциальный работник по ряду причин. Во-первых, кандидатка, имеющая опыт подобной работы, имеет приоритет для работодателя по отношению к остальным кандидатам, имеющим иные «положительные» характеристики, так как в данном случае отсутствует необходимость в несении издержек, связанных с адаптацией, обучением работника. Во-вторых,

возраст кандидатки с большой вероятностью не относится к репродуктивному, и это говорит о том, что работодателю не придется нести издержки, связанные с обеспечением отпуска по беременности, с предоставлением перерывов на кормление ребенка, которые гарантированы работнице в соответствии с ч. 4 ст. 256 Трудового кодекса Российской Федерации⁵. Так, социальная категория «женщина 37 лет, имеющая опыт работы» профессионально пригодна в глазах работодателя. Противоположная ситуация будет складываться при наличии у кандидата следующих характеристик: гендер — «женщина», возраст — «24 года», опыт работы — «отсутствует». В данном случае работодатель, рассчитывая «выгоды» и «издержки», последующие за наймом сотрудника, с большой вероятностью примет решение не в пользу кандидата по ряду причин. Во-первых, отсутствие опыта работы означает отсутствие необходимых для эффективной службы квалификации, навыков, которым необходимо обучать работника и нести соответствующие издержки. Во-вторых, кандидатка находится в репродуктивном возрасте, что говорит о большой вероятности наступления беременности и последующего ухода в отпуск по беременности, а далее — необходимости в перерывах во время рабочего дня на уход за ребенком. Обеспечение всеми государственными гарантиями беременную работницу требует от работодателя издержек, что также уменьшает вероятность трудоустройства молодой кандидатки. Так, социальная категория «девушка 24 лет, не имеющая опыт работы» не является профессионально пригодной рабочей силой в глазах работодателя. Таким образом, анализируя ограничения при трудоустройстве на государственную гражданскую службу, необходимо учитывать все характеристики кандидата или кандидатки, которые, пересекаясь друг с другом, создают новую социальную категорию. Находясь на стыке нескольких критериев социального неравенства, соискатель или соискательница формирует новое представление о нем как о возможном работнике в глазах работодателя, которое обусловлено сочетанием конкретных индивидуальных характеристик. Здесь работодатель воспринимает потенциального работника и принимает решение о трудоустройстве, не только исходя из субъективно-психологических убеждений, касательно, например, гендера, но еще и исходя из структурных причин, связанных с несовпадением квалификации работника и требованиями к должности. Изменив набор характеристик или же одну характеристику, новый кандидат или кандидатка формирует иное, отличное от предыдущего представление о себе как о потенциальном работнике, что напрямую влияет на наличие ограничений и, соответственно, на решение работодателя о трудоустройстве.

Законодательное регулирование положения женщин в государственных органах власти зарубежных стран

Проблема обеспечения равенства прав женщин и мужчин в социально-экономической и политической сферах жизни получила отклик среди стран — членов ООН в виде нормативно-правового акта международного уровня — «Декларации

⁵ Статья 256. Отпуска по уходу за ребенком. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ // Гарант.РУ. URL: <http://base.garant.ru/12125268/f86de0dd957b7cb08bc16295d5595a7a/> (дата обращения: 12.12.2019).

о ликвидации дискриминации в отношении женщин»⁶. Данный документ закрепляет права женщины как особого социального слоя населения, что говорит о степени важности реализации указанных прав. Касаемо доступа женщины к государственной гражданской службе, Декларация обеспечивает соблюдение этого права без какой-либо дискриминации по отношению к женщинам.

Еще одним международно-правовым актом, провозглашающим идею равенства в труде, является Конвенция № 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий»⁷, принятая в Женеве 25 июня 1958 г. на 42-й сессии Генеральной конференции МОТ. В ней определены положения, обязывающие государства устанавливать и проводить национальную политику, направленную на поощрение равенства возможностей и обращения в отношении труда и занятий с целью искоренения любой дискриминации. Данная Конвенция была ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 января 1961 г. и соответственно используется правопреемницей Советского Союза — Россией.

Лидирующими странами по соблюдению гендерного равенства в любых отношениях, и, в частности, в трудовых, признаны Скандинавские страны. Они занимают лидирующие позиции в списках по Индексу гендерного развития, демонстрируя практически полное отсутствие различий в экономическом и политическом участии, а также карьерных возможностях между мужчинами и женщинами⁸.

Высокий уровень гендерного равенства в Скандинавских странах связан с принятием обществом ценности социального равенства и политики, которая получила название «государственный феминизм» [McBride Stetson, Masur, 1995]. Главными признаками государственного феминизма являются «декларирование принципа равенства женщин с мужчинами в конституции страны; воздействие конституционного принципа на предлагаемые стратегии; приведение законодательства в соответствие с конституционным принципом равенства; мониторинг политики равенства и ее результатов» [Гардинер, Мезенцева, 2000]. В Скандинавских странах соблюдение принципа равенства демонстрируется посредством наличия законодательства по гендерному равенству, организации советов и союзов, назначения должностных лиц, рассматривающих претензии граждан к правительственным служащим по вопросам гендерного равенства.

В основе законодательства по обеспечению равного статуса людей на рынке труда во всех странах лежит запрет на дискриминацию по признаку пола. Законодательство по гендерному равенству в странах Северной Европы разрешает применение позитивных мер или предпочтительное обращение в отношении женщин или недостаточно представленного в организации пола. Так, проблема

⁶ Декларация ООН «Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин». Принята резолюцией 2263 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН от 7 ноября 1967 года // Организация объединенных наций: Декларации. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/women_discrimination.shtml (дата обращения: 13.12.2019).

⁷ Конвенция Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий» № 111. Принята 25 июня 1958 года на Сорок второй сессии Генеральной Конференции Международной организации труда // Организация объединенных наций: Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/labour.shtml (дата обращения: 14.12.2019).

⁸ Рейтинг стран по уровню равноправия полов. Индекс гендерного разрыва (The Global Gender Gap Index) // Nonews. 2019. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/global-gender-gap> (дата обращения: 14.12.2019).

низкого уровня представленности женщин в государственных органах власти Норвегии решается путем включения в Закон о гендерном равенстве положения, обязывающего обеспечить минимальную представленность пола, равную 40 % от общего количества представленных лиц, во всех государственных советах и комитетах [Воронина, 2014]. Касаемо условий труда в Норвегии, согласно Трудовому кодексу, работник не обязан трудиться сверхурочно, за исключением появления временной необходимости. Установлено, что в случае возникновения нужды в постоянной дополнительной работе необходимо увеличивать штат сотрудников. Если же сверхурочные работы выполняются сотрудниками, то оплата за них должна составлять надбавку в размере 40 % от установленной заработной платы [Юхансен, 2017].

В Законе о советах и Законе о комитетах Дании указывается, что требуется выдвижение в комитеты равного количества кандидатов мужского и женского пола с целью балансирования гендерного состава. В финском, исландском и шведском законах также содержатся положения о необходимом равном представительстве женщин и мужчин в руководящих советах и государственных учреждениях⁹.

Данная политика Скандинавских стран показала свою эффективность, так как в парламентах Швеции, Финляндии и Норвегии женщины-депутаты располагают от 40 % до 47 % мандатов, занимая позицию членов, принимающих решения наравне с мужчинами, в то время как в России на долю женщин приходится лишь 15 %¹⁰.

Анализ нормативно-правовой базы гендерного равенства РФ

В соответствии с гл. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации, «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, <...> должностного положения, а также других обстоятельств»¹¹. Ни слова о гендерной принадлежности претендентов нет и в ст. 21 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»: на гражданскую службу вправе поступать граждане РФ, достигшие возраста 18 лет, владеющие государственным языком РФ и соответствующие квалификационным требованиям, установленным Федеральным Законом «О государственной гражданской службе РФ»¹². Более того, в ст. 4 этого же закона указывается, что одним из принципов государственной гражданской службы является равный доступ к ней вне зависимости от пола. Статья 22 устанавливает, что поступление на гражданскую службу осуществляется по результатам конкурса, то есть оценки профессионального уровня претендентов и соответствия установленным квалификационным требованиям. Таким образом, по действующему законодательству, если кандидат или кандидатка отвечают формальным требо-

⁹ Act on Equality between Women and Men. Helsinki: Ministry of Social Affairs and Health, 2016. http://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/75131/Act_on%20Equality_between_women_and_men_2015_FINAL.pdf (accessed: 12.12.2019).

¹⁰ Women in National Parliaments // Inter-Parliamentary Union. 2019. February 1. URL: <http://www.ipu.org/wmn-e/classif.htm> (accessed: 12.12.2019).

¹¹ Конституция Российской Федерации «Конституция Российской Федерации» от 12.12.1993 (с поправками) // Гарант.РУ. URL: <http://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 12.12.2019).

¹² Федеральный Закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Гарант.РУ. URL: <http://base.garant.ru/12136354/> (дата обращения: 12.12.2019).

ваниям, вне зависимости от гендерной принадлежности, могут быть приняты на государственную гражданскую службу.

В то же время ст. 64 Трудового кодекса Российской Федерации закрепляет права беременных женщин, которым запрещено отказывать в найме по причине беременности или наличия детей. В соответствии с ч. 4 ст. 254 Трудового кодекса Российской Федерации, им гарантированы снижение норм выработки и перевод на работу, исключающую воздействие неблагоприятных производственных факторов, с сохранением среднего заработка по прежней работе. Женщинам предоставляются отпуска по беременности и родам продолжительностью 70 календарных дней до родов и 70 календарных дней после родов с выплатой пособия по государственному социальному страхованию согласно ч. 4 ст. 255 Трудового кодекса Российской Федерации. В порядке, установленном ч. 4 ст. 256 Трудового кодекса Российской Федерации, отпуск по уходу за ребенком может достигать трех лет, в течение которых за работником сохраняется место работы. Наряду с этим, в соответствии с ч. 4 ст. 261 Трудового кодекса Российской Федерации, расторжение трудового договора по инициативе работодателя с беременной женщиной не допускается.

Коллизии норм здесь заключаются в том, что в ч. 1 ст. 19 Трудового кодекса Российской Федерации прописано: «нормальная продолжительность рабочего времени не может превышать 40 часов в неделю», однако согласно Федеральному Закону от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе» для гражданских служащих может устанавливаться ненормированный рабочий день, предполагающий работу госслужащего в дополнительное время сверх установленного режима. Кроме этого, об определенных ч. 4 ст. 258 Трудового кодекса Российской Федерации гарантиях для беременных женщин, а также женщин, имеющих детей в возрасте до полутора лет, в число которых входит и предоставление оплачиваемых перерывов для кормления ребенка в течение рабочего дня, ничего не сказано в Федеральном Законе «О государственной гражданской службе». Учитывая тот факт, что, согласно данным Федеральной службы государственной статистики, на государственной гражданской службе 70 % служащих — это представительницы женского пола, можно говорить о направленности Федерального Закона о «Государственной гражданской службе» преимущественно на представителей мужского пола.

По существу, единственным законом в стране, защищающим такую уязвимую категорию при трудоустройстве, как молодые женщины, является Трудовой кодекс. Именно данным законом руководствуются претендентки при поступлении на государственную службу, даже будучи беременными или с детьми.

Однако особенность работы на государственной гражданской службе заключается в сверхурочных работах, командировках и ненормированном рабочем дне, что, в соответствии с ч. 4 ст. 259 Трудового кодекса Российской Федерации, запрещается беременным женщинам, а женщинам с детьми до трех лет позволено лишь с их письменного согласия. Так, работодатель, учитывая специфику работы на госслужбе, старается избегать найма сотрудниц репродуктивного возраста, избегая будущих издержек. Ввиду этого кандидаты мужского пола уже на этапе найма имеют определенное преимущество для работодателя, а девушки, наоборот, представляют собой уязвимую группу.

Методология

С целью выявления гендерных различий при приеме на работу сотрудников с семейными обязанностями в органы государственной гражданской службы был проведен двухэтапный эксперимент. Отметим, что интерес к экспериментальным исследованиям в области государственного управления растет, но не хватает широкого понимания его роли в получении существенных результатов и теоретических достижений [James, Jilke, Van Ryzin, 2017].

В феврале-марте 2018 г. был организован первый этап эксперимента посредством телефонных звонков по существующим открытым вакансиям в федеральных органах исполнительной власти, который был направлен на получение информации о возможности поступления претенденток женского пола, а в мае 2019 г., на втором этапе, осуществлялось получение информации о поступлении претендентов мужского пола. Суть эксперимента заключается в применении проективных техник — выдуманных ситуаций — и выявлении реакции на них госслужащих, ответственных за найм новых сотрудников, то есть контактных лиц, указанных на «Федеральном портале управленческих кадров», где расположена справочная информация о вопросах поступления на государственную службу¹³. В ходе исследования было рассмотрено 683 вакансии в Федеральных органах государственной власти. Из них 66 вакансий оказались актуальными для исследования, так как большая часть опубликованных на федеральном портале вакансий дублировались на сайте, а кроме этого, к одному справочному номеру было привязано несколько вакансий, что значительно сокращало количество возможных разговоров с контактными лицами. Так, на первом этапе эксперимента было произведено 25 содержательных звонков, на втором этапе — 13. Телефонные разговоры осуществлялись с обеспечивающими специалистами отдела кадров.

Для разговора с представителями госорганов было подготовлено восемь проективных ситуаций — по четыре легенды от лица претенденток и претендентов.

- Ситуация 1. Молодая женщина имела опыт работы на государственной гражданской службе и ребенка, нуждающегося в уходе, а следовательно, необходимы перерывы на уход за ребенком в течение рабочего дня. Вопрос состоял в том, как начальство отнесется к временным перерывам на кормление ребенка в течение рабочего дня.
- Ситуация 2. Молодая женщина имела опыт работы на государственной гражданской службе, но была на втором месяце беременности. Вопрос состоял в том, сохранится ли должность за ней при уходе в отпуск по беременности и как начальство отнесется к уходу.
- Ситуация 3. Молодая женщина имела высшее образование, но не имела опыта работы на государственной гражданской службе. Вопрос состоял в том, будет ли рассмотрена ее кандидатура в таком случае.
- Ситуация 4. Женщина имела стаж работы на государственной гражданской службе, но на данный момент ее возраст составлял 37 лет. Вопрос состоял в том, будет ли рассмотрена ее кандидатура в таком случае.

¹³ Вакансии // Федеральный портал управленческих кадров. URL: <https://gossluzhba.gov.ru/vacancy> (дата обращения: 21.11.2019).

От лица мужского пола эксперимент осуществлялся по следующим сценариям.

- Ситуация 1. Молодой отец-одиночка с высшим образованием имел опыт работы на госслужбе. Соискателю необходимы были временные перерывы на кормление ребенка в течение рабочего дня. Вопрос состоял в том, как руководство отнесется к временным перерывам на кормление ребенка и обеспечит ли ему их.
- Ситуация 2. Молодой мужчина с высшим образованием и опытом работы на госслужбе имел беременную жену. Вместе с этим он хотел воспользоваться правом взять отпуск по уходу за ребенком. Вопрос состоял в том, сохранится ли его должностная позиция и рабочее место при уходе в отпуск по уходу за ребенком, и какова вероятность успешного прохождения конкурса при таком жизненном обстоятельстве.
- Ситуация 3. Молодой мужчина, только получивший высшее образование, но не имеющий опыта работы на госслужбе, хотел поступить на государственную гражданскую службу. Вопрос состоял в том, каковы шансы пройти конкурс, не имея опыта работы.
- Ситуация 4. Мужчине в возрасте 37 лет с высшим образованием и опытом работы на госслужбе необходимо было рабочее место. Вопрос состоял в том, каковы шансы пройти конкурс в возрасте 37 лет.

В соответствии с действующим законодательством во всех вышеуказанных случаях не запрещено подавать документы и участвовать в конкурсе на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы, однако в телефонных разговорах при уточнении деталей по конкретным вакансиям контактные лица выдавали информацию о реальном положении дел.

Результаты и обсуждение

«Материнский штраф» на входе

На вопрос о том, как начальство отнесется к временным перерывам на кормление ребенка в течение рабочего дня, в большинстве случаев экспериментальные опрошенные информацию давать отказывались, предлагая лишь прислать резюме на рассмотрение. Они придерживались формальной процедуры ответа, говоря: *«Присылайте свое резюме, конкурсная комиссия рассмотрит и даст ответ. Я не могу ничего сказать»*. Четверть опрошенных начинали отговаривать от подачи документов, объясняя это тем, что у сотрудников предусмотрен ненормированный рабочий день, они уходят домой намного позже, чем полагается по регламенту: *«...У нас задерживаются, там ненормированный рабочий день, если вы читали, <...> то есть практически каждый день приходится людям задерживаться»*. Кроме этого, говорилось, что вакансия является срочной, поэтому нужен человек, *«который будет работать»*.

Так, по мнению контактных лиц, с учетом специфики ненормированного графика руководство не согласится предоставлять дополнительные перерывы. Остальная четверть опрошенных смеялись в трубку, не давая четкого ответа на вопрос. Это может говорить о том, что в практике работы на госслужбе у сотрудников не возникало таких ситуаций, или им не представляется возможным возникновение такой ситуации в рамках государственной службы, поэтому они выражают подоб-

ную реакцию. Были редкие, но прямые ответы «нет», резко негативная реакция на вопрос, утверждение о том, что подобные практики недопустимы.

Отвечая на вопрос о том, как начальство отнесется к отпуску по беременности и сохранится ли рабочее место, большинство опрошенных соблюдали формальную процедуру, говоря: *«Подавайте документы, конечно, комиссия будет рассматривать и принимать решение»*, однако встречались сотрудники, для которых подобная ситуация была нестандартной, и как на нее корректно реагировать, они не знали: *«(Смеется) ну... вопрос, конечно, очень интересный, очень интересный. И у вас в справке прям написано, что у вас беременность, да?»*, — и сразу переходили к скрытому отговариванию от подачи резюме: *«...Я не знаю, вы как считаете, есть ли смысл или нет подавать свое резюме?»*.

Треть опрошенных начинали отговаривать от подачи резюме, аргументируя это тем, что функционал по работе достаточно объемный, а уйти пораньше и прийти попозже нельзя. Немалая часть опрошенных смеялись над заданным вопросом, говоря, что им нужны люди, которые будут работать: *«...(Смеется) ну, нам нужны люди, которые будут работать, зачем вам это, вы лучше за собой ухаживайте. Нам нужен тот, кто сразу начнет работать стабильно»*, — отговаривание от подачи резюме.

Остальные опрошенные удивлялись вопросу, прямо сообщая о невозможности пройти конкурс: *«...Ну (ухмыляется), я думаю, что да, вероятности мало, потому что... как бы...», «...сомнительно, скажу вам откровенно»*, — и говорили, что не знают, на какую вакансию в принципе беременных могут принять: *«...Вообще-то беременных, я не знаю, мы не принимаем, вы же в декрет уйдете. Вам даже не знаю, куда надо устраиваться»*.

На вопрос о том, будет ли рассмотрена кандидатура при отсутствии опыта работы, ответы разделились. Половина опрошенных соблюдала формальную процедуру, говоря, что все решения принимает конкурсная комиссия на основе резюме. Другие отговаривали от подачи резюме, аргументируя это тем, что некоторый стаж работы в данной сфере нужно иметь, так как конкурсная комиссия будет задавать вопросы, касаемо должности: *«...Да, без предъявлений требований к стажу, но если у человека нет совсем никакого стажа... ну, просто шансов мало, вы можете прислать, конечно, можете откликнуться»*.

Остальная часть опрошенных удивлялась вопросу, предлагая начать карьеру на государственной гражданской службе с самой низкооплачиваемой должности.

На вопрос о том, будет ли рассмотрена кандидатура претендентки 37 лет, отказов в трудоустройстве не было, наоборот, охотно приглашали на конкурс. Все опрошенные с радостью были готовы принять соискательницу на работу, предлагая в этот же день подать все документы. Их, наоборот, удивляло желание опытного работника поступать на низкооплачиваемую должность: *«...Конечно, есть смысл подавать резюме! Даже не переживайте по поводу...! Есть! Если только вас зарплата устраивает, потому что у меня очень много отказов только вот по зарплате»*.

Возможно, позитивная реакция связана с тем, что 37 лет — наиболее благоприятный рабочий возраст, еще далекий от пенсионного, и в то же время уже подразумевающий большой опыт работы, так что эйджизм по отношению к пожилым/молодым работникам здесь никак не мог проявиться, а какая-либо информация о беременности или детях «претенденткой» не указывалась.

«Доминирующая маскулинность» на государственной гражданской службе

Касаемо ситуаций, описанных от лица мужского пола, в первом случае о том, как начальство отнесется к временным перерывам на кормление ребенка в течение рабочего дня, половина опрошенных говорили, что работник имеет право на временные перерывы, ссылаясь на законодательство: «...В соответствии с законодательством все предоставляется», однако некоторые добавляли указание о нежелательности данного действия: «...Ну, естественно, все дадут, потому что это по закону нужно, но нежелательно, конечно». Остальная половина опрошенных не могли дать четкого ответа на этот вопрос и предлагали уточнять его непосредственно у руководителя: «...Вы приедете сюда непосредственно, поговорите с начальником отдела...», «я должен уточнить этот момент у руководителя, я вам даже так не скажу навскидку».

Отвечая на вопрос о том, как начальство отнесется к отпуску по беременности и родам и сохранится ли рабочее место, большинство опрошенных соблюдало формальную процедуру, говоря, что все предоставляется в соответствии с законом: «Вам, естественно, будет выплачиваться пособие, как и положено для тех, кто в отпуске по уходу за ребенком», также выражалось удивление тем, как может быть нарушено право, гарантированное законом: «...А разве может федеральный орган отказать, если вам положено по закону?». Однако наряду с формальными ответами встретилась и открытая негативная реакция: «Послушайте, я думаю, ни в одной компании, куда вы позвоните и скажете, что я хочу у вас работать, но у меня родится ребенок через некоторое время, и вы планируете в декрет через некоторое время, я думаю, что вам не скажут, что мы вас примем на работу».

На вопрос о том, будет ли рассмотрена кандидатура при отсутствии опыта работы, опрашиваемые не давали конкретного ответа, соблюдая лишь формальную процедуру: «Вы имеете право по закону откликнуться». При вопросе о том, был ли опыт принятия на госслужбу кандидата без опыта работы, давать информацию отказались: «Вы это у меня спрашиваете уже служебную информацию». Отвечая на вопрос, будет ли рассмотрена кандидатура претендента 37 лет, звучали указания на то, что возраст не является препятствием: «Мы по возрасту не отбраковываем», однако исключением был назван предпенсионный: «Вообще-то не является возраст препятствием, только предпенсионный».

Напомним, что на сегодняшний день мужчины составляют лишь четверть кадрового состава государственных гражданских служащих, однако именно они замещают руководящие должности. В терминах Р. Коннел реализуется «доминирующая маскулинность», то есть господствующие практики легитимации патриархата — в условиях среды, где на вершине иерархии стоят мужчины [Connell, 1995, цит. по: Костерина, 2008].

Сравнительный анализ результатов телефонного эксперимента

Для обработки результатов телефонного эксперимента был проведен сравнительный анализ реакции респондентов в зависимости от пола «кандидата», который(ая) описывал(а) свою жизненную ситуацию и задавал(а) вопросы о возможности осуществления будущей трудовой деятельности в соответствии с требуемым запросом по вакансии. С учетом того, что появление вакансий органов

власти не носит системный характер, мы звонили именно по тем вакансиям, которые были открыты в период первого и второго этапа эксперимента. Следует отметить, что в период с 2018 г. по 2019 г. значимых для исследования изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, а также в Федеральный Закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации», не вносилось. Кроме этого, результаты анализа репрезентируют ситуацию, сложившуюся при взаимодействии с представителями федеральных органов государственной власти, что может быть нерелевантным для характеристики общероссийской ситуации с трудоустройством на государственную гражданскую службу. Для получения сопоставимых результатов нам удалось выявить пять органов власти, в которые мы звонили от лица женщины (на первом этапе) и от лица мужчины (на втором): Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору, Федеральная налоговая служба (Контрольно-аналитический отдел, отдел камеральных проверок), Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору, Федеральная служба судебных приставов.

Выделены следующие критерии рассмотрения отношения к кандидаткам и кандидатам на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы: эмоциональная реакция, вежливость (в рамках соблюдения Этического кодекса государственных гражданских служащих), ссылка на законодательство (табл. 1).

Основываясь на результатах телефонного эксперимента, можно сделать вывод, что при ответе на вопросы от лица кандидата женского пола представители ни одного федерального органа не придерживались формальной процедуры ответа, которая предполагает озвучивание фразы о том, что любой гражданин Российской Федерации, соответствующий указанным в Федеральном Законе «О государственной гражданской службе» требованиям, имеет право участвовать в конкурсе на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы РФ. В то же время при ответах на вопросы от лица кандидата мужского пола в большинстве случаев представители органов власти соблюдали формальную процедуру ответа.

Во время разговора с кандидатками значительная часть представителей федеральных органов власти не соблюдали правил вежливости, выражая удивление заданному вопросу, а также позволяли себе ухмылку и отсутствие энтузиазма при разговоре (около половины). В свою очередь, при общении с кандидатами мужского пола лишь представитель одного органа федеральной власти отклонился от правил вежливости, в то время как большинство вежливо отвечали на все заданные вопросы. Перцепция в зависимости от гендера абонента представляется ярко выраженной.

Ссылка на действующее законодательство, которая по процедуре ответа на вопросы кандидатов должна упоминаться со стороны контактных лиц, не была озвучена ни одним представителем федеральных органов власти при общении с кандидатами женского пола. Во время разговора с кандидатом мужского пола половина представителей федеральных органов власти указывали на то, что трудовая деятельность у них проходит в соответствии с законодательством Российской Федерации.

**Таблица 1. Результаты эксперимента:
сравнительный анализ реакции респондентов в зависимости от пола.**

Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору		
	Кандидат мужского пола	Кандидат женского пола
Эмоциональная реакция	Соблюдение формальной процедуры ответа, выражение нейтральной реакции	Отклонение от формальной процедуры ответа, переадресация вопросов руководству, выражение нейтральной реакции
Вежливость	Соблюдение правил вежливости	Соблюдение правил вежливости
Ссылка на законодательство	Озвучена	Не озвучена
Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации		
	Кандидат мужского пола	Кандидат женского пола
Эмоциональная реакция	Соблюдение формальной процедуры ответа, выражение нейтральной реакции	Отклонение от формальной процедуры ответа, отсутствие определенности в разговоре, выражение удивления
Вежливость	Соблюдение правил вежливости	Соблюдение правил вежливости
Ссылка на законодательство	Не озвучена	Не озвучена
Федеральная налоговая служба (Контрольно-аналитический отдел)		
	Кандидат мужского пола	Кандидат женского пола
Эмоциональная реакция	Отклонение от формальной процедуры ответа, выражение возмущения	Отклонение от формальной процедуры ответа, выражение отсутствия энтузиазма и мотивации
Вежливость	Отклонение от правил вежливости	Соблюдение правил вежливости
Ссылка на законодательство	Не озвучена	Не озвучена
Федеральная налоговая служба (Отдел камеральных проверок)		
	Кандидат мужского пола	Кандидат женского пола
Эмоциональная реакция	Соблюдение формальной процедуры ответа, выражение нейтральной реакции	Отклонение от формальной процедуры ответа
Вежливость	Соблюдение правил вежливости	Отклонение от правил вежливости
Ссылка на законодательство	Озвучена	Не озвучена
Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору		
	Кандидат мужского пола	Кандидат женского пола
Эмоциональная реакция	Отклонение от формальной процедуры ответа, переадресация вопросов руководству, выражение нейтральной реакции	Отклонение от формальной процедуры ответа, выражение нейтральной реакции
Вежливость	Соблюдение правил вежливости	Отклонение от правил вежливости
Ссылка на законодательство	Не озвучена	Не озвучена

Федеральная служба судебных приставов		
	Кандидат мужского пола	Кандидат женского пола
Эмоциональная реакция	Соблюдение формальной процедуры ответа, выражение нейтральной реакции	Отклонение от формальной процедуры ответа, выражение ухмылки
Вежливость	Соблюдение правил вежливости	Отклонение от правил вежливости
Ссылка на законодательство	Озвучена	Не озвучена

В соответствии с законодательством, при трудоустройстве государственную службу работники подписывают Кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации (который разрабатывается каждым органом власти с учетом его специфики, но на основе Типового кодекса этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих Российской Федерации (одобренного решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции 23 декабря 2010 г.)¹⁴. Целью его подписания является установление этических норм и правил служебного поведения государственных служащих для достойного выполнения ими своей профессиональной деятельности, а также содействие укреплению авторитета государственных служащих, доверия граждан к государственным органам и обеспечение единых норм поведения государственных служащих.

Исходя из предписаний, указанных в Типовом кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих от 23 декабря 2010 г., государственные служащие призваны соблюдать и защищать права и свободы человека, проявлять корректность и внимательность в обращении с гражданами и должностными лицами, а также воздерживаться от поведения, которое могло бы вызвать сомнение в добросовестном исполнении обязанностей и избегать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его репутации или авторитету государственного органа.

Наш эксперимент показал, что указанные сотрудники как контактные лица на «Федеральном портале управленческих кадров» не во всех случаях руководствуются в своих высказываниях нормами этического кодекса государственного служащего. Например, принимая во внимание тот факт, что кандидатка имеет право на перерывы для кормления своего ребенка в течение рабочего дня, представители государственных органов начинали отговаривать ее от поступления на государственную службу, тем самым ограничивая права молодой женщины и отклоняясь от формальной процедуры ответов на вопросы. Кроме этого, в кодексе прописано, что государственным гражданским служащим необходимо «соблюдать нормы служебной, профессиональной этики и правила делового поведения», что на самом деле не соблюдалось контактными лицами. При разговоре с беременной девушкой, которая консультировалась по вопросам поступления на госслужбу,

¹⁴ «Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих», одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21) // Министерство труда и социальной защиты. 2016. 24 апреля. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/anticorruption/9/3> (дата обращения: 11.12.2019).

представители государственных органов власти открыто высказывали ей суждения о невозможности пройти конкурс и, более того, смеялись в трубку, демонстрируя этим не только отклонение от правил деловой этики государственных служащих, но и от элементарных правил культуры общения.

Еще один результат анализа телефонного эксперимента — выявление практики воспроизводства гендерных стереотипов [Рощин, Зубаревич, 2005] на государственной гражданской службе. Традиционное распределение обязанностей мужчин и женщин в ведении хозяйства отразилось и на занятости в публичной сфере. Гендерные стереотипы приписывают женщинам такие качества, как заботливость, услужливость, необходимость в проявлении любви к окружающим людям; мужчины же, наоборот, должны быть «воинами», которые «добывают» все необходимые ресурсы для своей семьи. В связи с этим на государственной службе образуется «стеклянный потолок», ограничивающий доступ женщин к управленческим позициям [Sabharwal, 2013].

Так, женщинам больше достаются места в государственных органах власти, которые осуществляют свою деятельность в сферах здравоохранения, образования, социальной защиты, требующих проявления «материнских» качеств, возможности совмещать семейные обязанности с занятостью на государственной службе, а мужчины концентрируются во всех остальных сферах, требующих проявления решительности и большей вовлеченности в процесс принятия решений [Кашина, 2009].

Контактные лица, представляющие государственные органы власти, воспроизводили гендерные стереотипы при ответе на вопрос о поступлении на государственную гражданскую службу беременной женщины. Они утверждали, что им нужны работающие люди, указывая на то, что беременная женщина не способна выполнять рабочие обязанности, а также добавляя, что ей необходимо ухаживать за собой. Кроме этого, оценивая шансы успешного прохождения беременной женщиной конкурса как невысокие и отмечая, что неизвестно, куда могут трудоустроить беременную женщину на рынке труда, контактные лица скрыто указывали женщине на ее профессиональную непригодность, намекая на то, что ей положено выполнять лишь домашние обязанности, и тем самым воспроизводя гендерные стереотипы на государственной гражданской службе.

С точки зрения интерсекционального подхода к результатам эксперимента можно сделать вывод, что трудоустройство на государственную гражданскую службу зависит от сочетания тех или иных характеристик, которым соответствуют кандидат или кандидатка, но не прописанных действующим законодательством. Так, контактные лица, узнав, что молодой женщине, имеющей ребенка, потребуются гарантированные законом перерывы на кормление ребенка, начинали смеяться над этим и говорить, что такие практики у них невозможны, в то время как кандидата-мужчину уверяли в соблюдении в отношении него действующего законодательства. Таким образом, пересечение категорий возраста и гендера с другими системами подавления создает барьеры для трудоустройства молодых женщин на госслужбу и фактически порождает формы неравенства на индивидуальном и институциональном уровне. Наш эксперимент показал, что наложение нескольких стигматизирующих социальных категорий порождает множественные

негативные эффекты для дискриминируемой группы, коей в данном случае являются молодые женщины.

В случае, когда молодой отец-одиночка говорил, что ему потребуются гарантированные законом перерывы для кормления ребенка, контактные лица утверждали, что с этим проблем не возникнет и все гарантии будут предоставляться в соответствии с законодательством. Сравнивая две идентичные жизненные ситуации, которые презентуются от лица кандидата мужского пола и от лица кандидатки женского пола, можно наблюдать совершенно противоположную реакцию со стороны представителей государственных органов власти. Это говорит о том, что если критерий «пол» является женским и накладывается на присутствие такого критерия, как «наличие ребенка», то ситуация меняется не в пользу кандидатки. Обратная же ситуация наблюдается в случае изменения параметра «пол» на мужской. Следовательно, применимый в данном случае интерсекциональный подход к анализу ограничений при трудоустройстве молодых женщин подтверждает наличие дискриминации по признаку пола на государственной гражданской службе [Рошин, Зубаревич, 2005].

Заключение

Процедура поступления на государственную гражданскую службу сопряжена с дискриминационными практиками, как и другие профессиональные направления. Гендерная диспропорция и недопредставленность мужчин в рядах выпускников управленческих специальностей высших учебных заведений приводят к неравномерному распределению «привилегий» при трудоустройстве.

Зачастую женщинам приходится платить «материнский штраф» еще до фактического трудоустройства на государственную гражданскую службу, так как их заведомо «подозревают» в том, что они будут «отлынивать» от работы, уходя в декрет и/или оставаясь на больничном с маленьким ребенком. В то же время молодые мужчины в подобной ситуации имеют равные возможности на замещение должностей государственной гражданской службы на основе конкурса с другими мужчинами в условиях «доминирующей маскулинности», когда именно мужчины занимают руководящие посты.

Было выявлено, что государственные гражданские служащие, контакты которых указывают как ответственных лиц для переговоров с потенциальными кандидатами, высказываются с позиции доминирующего дискурса, занимают определенную позицию по обсуждаемой вакансии и демонстрируют заинтересованность в сохранении текущего положения вещей.

Наш опыт показал преимущества экспериментов в государственном управлении и подтвердил их быстро развивающийся вклад в исследования и практику. Видится целесообразным более широкое применение различных экспериментов для накопления знаний о теории и практике во многих областях государственного управления, в том числе для преодоления гендерной дискриминации при трудоустройстве на государственную гражданскую службу.

Список литературы (References)

- Воронина О. А. Гендерное равенство как структурный элемент государственной политики в Скандинавских странах // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2014. № 4. С. 133—151.
- Voronina O. A. (2014) Gender Equality as a Structural Element of State Policy in Scandinavian Countries. *Novy Vzglyad (A New Look). International Journal of Science*. No. 4. P. 133—151. (In Russ.).
- Гардинер Ф., Мезенцева Е. Обеспечение равенства полов: политика стран Западной Европы. М.: Идея-пресс, 2000.
- Gardiner F., Mezentseva E. (2000) Ensuring Gender Equality: The Policy of Western Europe Countries. Moscow: Idea-press. (In Russ.).
- Исупова О. Г., Уткина В. В. Молодые женщины в органах государственного управления России: факторы, определяющие карьерные траектории // Журнал исследований социальной политики. 2018. № 3. С. 473—486. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-473-486>.
- Isupova O. G., Utkina V. V. (2018) Young Women in Public Administration of Russia: Factors Determining Career Trajectories. *Journal of Social Policy Studies*. No. 3. P. 473—486. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-473-486>.
- Кашина М. А. Женщины на российской государственной гражданской службе: феминизация и воспроизводство гендерной пирамиды // Женщина в российском обществе. 2009. № 2. С. 13—31.
- Kashina M. A. (2009) Women in the Civil Service of the Russian State: The Feminization of Gender and Reproduction of the Pyramid. *Woman in Russian Society*. No. 2. P. 13—31.
- Костерина И. В. Конструкты и практики маскулинности в провинциальном городе: габитус «нормальных пацанов» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11. № 4. С. 122—140. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2008_4/Kosterina_2008_4.pdf (дата обращения: 20.12.2019).
- Kosterina I. V. (2008) Constructs and Practices of Masculinity in a Provincial Town: Habitus of “Normal Guys”. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 11. No. 4. P. 122—140. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2008_4/Kosterina_2008_4.pdf (accessed: 20.12.2019). (In Russ.).
- Рощин С. Ю., Зубаревич Н. В. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия. М.: Информационный центр ООН, 2005.
- Roshchin S. Yu., Zubarevich N. V. (2005) Gender Equality and Extension of Women Rights in Russia within Millennium Development Goals in the Russian Federation. Moscow: UN Information Center. (In Russ.).
- Тартаковская И. Н. Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 84—93. http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_5/Tartakovskaya.pdf.

Tartakovskaya I. N. (2015) The Gender Order Reproduction via Career strategies: Intersectional Analyses. *Sociological Studies*. No. 5. P. 84—93. http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_5/Tartakovskaya.pdf. (In Russ.).

Уткина В., Гаспарян С. Ограничения при приеме на работу на государственную гражданскую службу в РФ для молодых женщин // Защита прав уязвимых групп в трудовой сфере. Сборник материалов конференции. М., 2019. С. 21—28.

Utkina V., Gasparyan S. (2019) Restrictions at employment on the state civil service in the Russian Federation for young women. In: *Protection of the Rights of Vulnerable Groups in the Sphere of Labor. Materials of the Conference*. Moscow. P. 21—28. (In Russ.).

Эренберг Р. Дж., Смит Р. С. Современная экономика труда. Теория и государственная политика. М. : Издательство МГУ, 1996.

Ehrenberg R. J., Smith R. S. (1996) *Modern Labor Economy. Theory and Public Policy*. Moscow: Moscow State University Publishing House. (In Russ.).

Юхансен С. Трудовое законодательство в Норвегии // Права соотечественников Северной Европы и Балтийского моря. 2017. № 2. С. 2—9.

Yukhansen S. (2017) Labor Law in Norway. *Compatriots' Rights in Northern Europe and Baltic Sea Region*. No. 2. P. 2—9. (In Russ.).

Connell R. W. (1995) *Masculinities*. Cambridge: Polity Press.

Correll S. J., Benard S., Paik I. (2007) Getting a Job: Is There a Motherhood Penalty? *American Journal of Sociology*. Vol. 112. No. 5. P. 1297—1339. <https://doi.org/10.1086/511799>.

Crenshaw K. (1991) Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color. *Stanford Law Review*. Vol. 43. No. 6. P. 1241—1299. <https://doi.org/10.2307/1229039>.

James O., Jilke S. R., Van Ryzin G. G. (eds.) (2017) *Experiments in Public Management Research: Challenges and Contributions*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316676912>.

McBride Stetson D., Masur A. (eds.) (1995) *Comparative State Feminism*. Thousand Oaks, CA: SAGE.

Rosenberg K., Howard J. (2008) Finding Feminist Sociology: A Review Essay. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 33. No. 3. P. 675—696. <https://doi.org/10.1086/523711>.

Sabharwal M. (2013) From Glass Ceiling to Glass Cliff: Women in Senior Executive Service. *Journal of Public Administration Research and Theory*. Vol. 25. No. 2. P. 399—426. <https://doi.org/10.1093/jopart/mut030>.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.14

Правильная ссылка на статью:

Захарова Ю. П., Любимова А. И. Благополучие и неблагополучие семьи и ребенка в нарративах специалистов по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Санкт-Петербурга // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 280—294. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.14>.

For citation:

Zakharova Y. P., Lyubimova A. I. (2019) Family and Children Well-Being and Ill-Being in the Narratives of Experts on Prevention of Child Abandonment and Juvenile Delinquency. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 280—294. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.14>.

Ю. П. Захарова, А. И. Любимова
БЛАГОПОЛУЧИЕ И НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ СЕМЬИ И РЕБЕНКА
В НАРРАТИВАХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ
БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

БЛАГОПОЛУЧИЕ И НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ СЕМЬИ И РЕБЕНКА В НАРРАТИВАХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

FAMILY AND CHILDREN WELL-BEING AND ILL-BEING IN THE NARRATIVES OF EXPERTS ON PREVENTION OF CHILD ABANDONMENT AND JUVENILE DELINQUENCY

ЗАХАРОВА Юлия Петровна — младший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: 4zet@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9737-6677>

Yuliya P. ZAKHAROVA¹ — Junior Research Fellow
E-MAIL: 4zet@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9737-6677>

¹ Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia

ЛЮБИМОВА Александра Игоревна — младший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: Alexandra.lyubimova@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-1604-2363

Aleksandra I. LYUBIMOVA¹ — Junior Research Fellow
E-MAIL: Alexandra.lyubimova@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-1604-2363

¹ Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты подготовительного этапа лонгитюдного исследования, посвященного жизненным траекториям семей и детей, находящихся в контакте с системой профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних г. Санкт-Петербурга. Ввиду недостаточной определенности критериев, регулирующих работу с семьей, в нормативно-правовой документации значительную роль в дальнейшей траектории семьи и несовершеннолетнего начинает играть субъективная оценка ситуации специалистом. Для понимания оснований этой оценки мы провели серию из 11 полуструктурированных экспертных интервью со специалистами Санкт-Петербурга, представляющими разные органы, входящие в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. При оценке благополучия специалисты использовали как объективные, так и субъективные критерии, которые соответствуют современным научным и практическим тенденциям в понимании этого явления. В ходе интервью подтвердилась гипотеза о высокой субъективности принятия решений и значительной роли специалиста в развитии дальнейшей жизненной траектории семьи. Специалисты продемонстрировали понимание благополучия, созвучное современным представлениям о данном феномене.

Abstract. The article is focused on the findings of a preparatory stage of a longitudinal study devoted to life trajectories of families and children coming into contact with the system of prevention of child abandonment and juvenile delinquency in St Petersburg. Taking into account that the criteria describing the work with families are not well determined, expert's subjective assessments of the family situation play a big role in regulatory documentation. To detect what those assessments are grounded upon a series of 11 semi-structured expert interviews were conducted in St Petersburg. The experts were persons working in the system of child abandonment and juvenile delinquency prevention bodies. In their assessments of the well-being experts used both objective and subjective criteria which fit modern scientific trends and practical experience. The hypothesis about the experts' great role proved to be true. The experts' views of well-being were consistent with the modern views of this phenomenon. They believe that a child's well-being/ill-being is defined by his/her family's well-being/ill-being. Well-being/ill-being mediators are family and child resources (internal and external). As viewed by the experts, family fitting social norms is a key factor for child well-being. Thus, a difficult family (a family which does not fit social norms) contributes to child ill-being. Further investigation of well-being/ill-being

Они убеждены, что благополучие и неблагополучие семьи определяет благополучие или неблагополучие ребенка, проживающего в ней. Медиаторами благополучия и неблагополучия являются ресурсы (внутренние, внешние) семьи и ребенка. В представлении специалистов семья, соответствующая существующим в обществе нормам, — залог благополучия ребенка. Соответственно этим убеждениям, неблагополучная семья, а именно семья, отклоняющаяся от норм, формирует неблагополучие ребенка. Необходимо дальнейшее исследование критериев и стадий (не)благополучия и выделение индикаторов, позволяющих специалисту ориентироваться в принятии решения о возможностях дальнейшей работы с семьей или ребенком.

Ключевые слова: благополучие детей, неблагополучие детей, жизненные траектории, экспертное интервью

Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта «Социальные траектории детства в современной России», поддержанного грантом Российского научного фонда № 16-18-10372.

criteria and stages as well as indicators helping experts in their work with families and children is required.

Keywords: child well-being, child ill-being, life trajectories, expert interview

Acknowledgments. The study was part of the project “Social trajectories of childhood in modern Russia” supported by Russian Science Foundation grant (no. 16-18-10372).

Введение

Улучшение положения детей и социальная поддержка семей с детьми являются приоритетными направлениями государственной социальной политики России последних лет. В мае 2017 г. Президентом Российской Федерации был подписан указ об объявлении периода с 2018 по 2027 гг. Десятилетием детства¹. Основными задачами для государственных институтов стали профилактика социального сиротства, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; развитие эффективных форм помощи семьям и детям, реабилитационная работа с семьями. Практическое решение этих задач требует операционального определения для идентификации нуждающихся.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Президент России. 2017. 29 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954> (дата обращения: 11.12.2019).

Дискурс научный и дискурс законодательный

Российский научный дискурс по проблемам социальной защиты семей с детьми и самих детей достаточно обширен и разнообразен ([Ярская-Смирнова и др., 2014; Социально опасное..., 2015; Поддубная, 2008; Мехришвили, Леонова, 2015; Семья, 2013; Рыбинский, Кузнецова, Несмеянова, 1998; Астоянц, 2006; Олиференко, Шульга, Дементьева, 2008] и др.). При обсуждении защиты детства много внимания уделяется феноменам благополучия и неблагополучия, которые, как правило, определяются через перечни критериев. Е. Р. Ярская-Смирнова с коллегами обобщили критерии, которые встречаются в литературе по вопросам благополучия: «состояние здоровья и возможности для полноценного физического, умственного и эмоционального развития, наличие дружественной социальной среды, способствующей росту и развитию ребенка, поощряющей творчество, самовыражение и ответственность ребенка» [Ярская-Смирнова и др., 2014: 73], а также негативные характеристики, такие как «материальная необеспеченность, недоступность медицинских услуг, образования, деструктивные отношения в семье и со сверстниками, поведение, ведущее к ухудшению условий жизни и здоровья самих несовершеннолетних и их окружения, риски различного рода, исходящие извне и из ближайшего окружения ребенка, а также низкая степень удовлетворенности жизнью у детей» [там же: 83].

В зарубежной науке понятие благополучия детей в настоящее время активно формируется. Идет поиск объективных и измеримых критериев, а также исчерпывающего перечня доменов благополучия, внутри которых должны быть сформулированы перечни индикаторов [ЮНИСЕФ, 2007]. В целом выделилось несколько основных направлений, в рамках которых определяется и оценивается благополучие детей: с точки зрения удовлетворения развивающихся потребностей; с точки зрения реализации прав; с точки зрения качества жизни; с точки зрения доступа к ресурсам, необходимым для развития. Благополучие концептуализируется в терминах объективных (например, академическая успеваемость, состояние здоровья) и субъективных (например, удовлетворенность различными аспектами жизни, радость жизни, навыки) показателей. В современных исследованиях благополучия детей отмечается очевидное смещение акцента в сторону работ, ориентированных на политику. Основным критерием выбора индикаторов является их полезность для общественных деятелей и для политиков для формирования социальной политики [Русакова, Одинокова, 2014]. «Запрос на оценку субъективного благополучия детей поступает от общественных и государственных организаций, работающих в сфере защиты прав детей, Уполномоченных по правам ребенка, благотворительных общественных организаций» [Одинокова, Русакова, Усачёва, 2017: 131]. В ответ на это значительно возросло число исследований, посвященных субъективным аспектам благополучия детей. «Это отражает социальные тенденции беспокойства о правах, участии и позитивных элементах жизни детей» [там же].

Рассмотрим, что же закреплено в документах, которыми руководствуются специалисты, работающие с семьями и детьми. На сегодняшний день большинство семей, которым требуется помощь, могут обратиться в социальные службы в заявительном порядке, либо попасть в поле зрения социальных служб в ходе прояснения обстоятельств, связанных либо с нарушением родителями исполне-

ния их родительских обязанностей, либо с поведенческими нарушениями самого ребенка. В нормативных документах регионального уровня существует понятие социально опасного положения несовершеннолетних и семей (СОП)². Семьи, признанные находящимися в СОП, должны получать социальное обслуживание, но на федеральном уровне единый порядок отнесения семей к категории находящихся в СОП отсутствует [Социально опасное..., 2015].

Различные регионы по-разному подходят к решению этой проблемы. В регионе нашего исследования — г. Санкт-Петербурге — принят «Порядок межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Санкт-Петербурга при организации индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними семьями, находящимися в социально опасном положении» (далее Порядок). Согласно этому документу, выявление социально опасного положения — это «комплекс профессиональных действий органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по установлению факторов, угрожающих благополучию, здоровью и жизни несовершеннолетних и(или) семей и обуславливающих необходимость вмешательства с целью нормализации ситуации, устранения причин и условий неблагополучия»³. Таким образом, понятие СОП становится неразрывно связанным с категориями благополучия и неблагополучия, которые также четко в этом Порядке не определены. Семейное благополучие и неблагополучие не определено и на уровне федерального законодательства. В связи с этим Комиссия по социальной политике, трудовым отношениям и качеству жизни граждан Общественной палаты РФ в 2015 г. выдвинула рекомендации о необходимости описания и закрепления определения категории «семейное неблагополучие»⁴.

Что же, по мнению авторов Порядка, «угрожает благополучию» ребенка? В первую очередь воспитание несовершеннолетнего в семье, где:

- родители (законные представители) не исполняют или исполняют обязанности по воспитанию, обучению или содержанию несовершеннолетнего ненадлежащим образом, отрицательно влияют на его поведение;
- несовершеннолетний подвергается жестокому обращению со стороны членов семьи, родственников (опекунов, попечителей) или иных лиц, проживающих совместно с ним, или несовершеннолетний в принципе находится в обстановке, представляющей опасность для его жизни или здоровья;
- сам несовершеннолетний совершает правонарушения или антиобщественные действия: неоднократно злобно нарушает дисциплину, нарушает действующее законодательство.

² Распоряжение № 2-р от 18.01.2016 «Об утверждении Порядка межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Санкт-Петербурга при организации индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении» // Правительство Санкт-Петербурга. 2016. 19 января. С. 4. URL: <https://gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2016/01/19/rasporjazhenie-2-r.pdf> (дата обращения: 11.12.2019).

³ Там же.

⁴ Промежуточные результаты мониторинга исполнения ФЗ № 442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (редакция на 22.07.2015) // Общественная палата Российской Федерации. 2015. 3 августа. URL: http://www.oprf.ru/files/2015dok/monitoring_socobsuzhivanie03082015.pdf (дата обращения: 11.12.2019).

При этом в конце списков критериев и их признаков присутствует категория «иные», позволяющая трактовать действия родителя или ребенка на усмотрение специалистов, принимающего решение о признании наличия СОП. Таким образом, при трактовке СОП специалисты, работающие с семьями, ориентируются не только на формальные критерии, но и на свое личное понимание благополучия и неблагополучия. Личность специалиста, его опыт, его понимание ситуации становятся определяющими в развитии дальнейшего взаимодействия социальных институтов и семьи. Субъективность оценок специалистов при определении схожего по проблематике феномена подростковой девиантности уже отмечалась ранее [Гурвич, 2013].

Таким образом, в научном дискурсе наметилась тенденция к пониманию благополучия как совокупности объективных и субъективных позитивных факторов жизни и окружающей ребенка среды: адекватный экономической ситуации в стране доход (как ВВП на душу населения, так и на уровне семьи), развитое состояние медицинской и социальной инфраструктуры и доступ к ним у семьи и ребенка [Deaton, 2008], дружественная социальная среда, хорошее психологическое самочувствие [Торр et al., 2015], высокое оценочное благополучие (или удовлетворенность жизнью), позитивное гедонистическое благополучие (чувство счастья, грусти, гнева, стресса и боли) и экзистенциальное благополучие (чувство цели и смысла жизни) [Steptoe, Deaton, Stone, 2015] и т. п. Все это подразумевает иной, противоположный нормативно-правовой регламентации подход определения благополучия не просто как отсутствия признаков неблагополучия. Вслед за развивающимся научным дискурсом и среди лиц, принимающих решения относительно дальнейшего развития социальной защиты населения, также формируется запрос на оценку критериев благополучия. На настоящий момент неизвестно, отражается ли эта тенденция и в исполнительском звене социальных служб.

Отсюда цель: дать аналитическое описание того, как специалисты, работающие с семьями, трактуют понятия благополучия и неблагополучия семьи и ребенка.

Методы сбора и анализа данных

В исследовании, которое проводилось с февраля по апрель 2017 г. в Санкт-Петербурге, приняли участие 11 экспертов, представляющих органы и учреждения, входящих в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в том числе представители комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, органы, осуществляющие управление в сфере образования, представители негосударственных некоммерческих организаций, входящие в состав комиссий по делам несовершеннолетних.

Мы провели полуструктурированные интервью как со специалистами, ответственными за принятие решений о признании несовершеннолетнего (семьи) находящимся в социально опасном положении, так и со специалистами, непосредственно реализующими работу с этими категориями граждан (целевая выборка, список экспертов — см. табл. 1): девять специалистов, работающих в государственных, и два эксперта — в негосударственных некоммерческих организациях.

Таблица 1. Список экспертов

№	Должность
P1	Начальник отдела социального сопровождения несовершеннолетних правонарушителей государственного бюджетного учреждения (ГБУ)
P2	Ответственный секретарь районной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав
P3	Руководитель программы помощи семьям Фонда, занимающегося профилактикой социального сиротства
P4	Заместитель директора районного Центра социальной помощи семье и детям
P5	Заведующая отделением профилактики безнадзорности несовершеннолетних районного Центра социальной помощи семье и детям
P6	Заведующая отделением профилактики безнадзорности несовершеннолетних районного Центра социальной помощи семье и детям
P7	Психолог районного Центра социальной помощи семье и детям
P8	Директор Межрегиональной общественной организации
P9	Педагог-психолог городского ГБУ со структурным подразделением детский дом
P10	Заместитель директора по социальным вопросам городского ГБУ со структурным подразделением детский дом
P11	Психолог ГБУ дополнительного образования Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи

В ходе интервью мы предложили специалистам порассуждать о том, как они понимают благополучие, на основе каких критериев семья считается (не)благополучной и по каким причинам семья и ребенок могут оказаться в ситуации неблагополучия, а также о взаимосвязи этих понятий с категорией СОП. В основу гайда интервью и анализа были положены следующие гипотезы:

- (возможно, под влиянием нормативно-правовой рамки) специалисты склонны в своих нарративах опираться на конструкт неблагополучия и его критерии — то есть на негативные характеристики ситуации;
- выделенные критерии как благополучия, так и неблагополучия преимущественно измеряют объективные (фактические) характеристики ситуации в ущерб субъективным ее переживаниям;
- специалисты, принимая решение, является ли семья или ребенок благополучным, основываются как на объективных критериях, так и на собственном субъективном опыте.

Все интервью были транскрибированы, апостериорно закодированы и проанализированы полностью по темам гайда: понимание благополучия, неблагополучия, СОП и их критерии, процедура оценки случаев специалистом.

Результаты

Специалисты (не) склонны в нарративах опираться на конструкт неблагополучия и его критерии

В ходе интервью специалисты не всегда приходили к определению самого понятия благополучия, но успешно описывали свое понимание благополучной семьи и благополучного ребенка. Приведем цитаты обоих типов для иллюстрации нарративов.

В интервью некоторых специалистов действительно встречалось описание благополучия и его различных аспектов через неблагополучие, вернее, его отсутствие. Достаточно емко такое описание иллюстрируется цитатой:

«Благополучие — это отсутствие несчастья» (P10).

Схожая мысль была представлена и в нарративе другого специалиста при описании благополучной семьи.

«Мы его если употребляем, то каждый из нас понимает, что в принципе ничего такого страшного в этой семье нет. Тогда мы можем употребить определение „благополучная“» (P6).

Специалист обсуждает ситуации, когда словосочетание «благополучная семья» обозначает отсутствие проблем. И такое применение имеет общий смысл для специалистов ее организации.

Вопреки нашей гипотезе многие специалисты были готовы говорить о благополучии как совокупности положительных факторов. Интересно отметить, что один из специалистов артикулировала, что в работе термином «неблагополучие» она и коллеги стараются не пользоваться.

«В основном мы не говорим „неблагополучная“, потому что... как-то мне самой тоже не очень нравится этот термин. Мы говорим либо „кризисная семья“, либо семья, которая „в трудной жизненной ситуации“» (P3).

Другая специалист при беседе о благополучии отметила, что характеристики «неблагополучия», закрепленные в языке организации, напрямую влияют на успешность работы отделения помощи. Клиенты боятся быть маркированными как «неблагополучные» и, как следствие, избегают контакта.

«Они пугаются, да [...] Допустим, Отделение профилактики безнадзорности. Само слово уже пихает, отпихивает клиента от работы» (P4).

При обсуждении благополучия детей мнения специалистов во многом отражали современное понимание необходимости обеспечить права и свободы ребенка, а также понимание благополучия как совокупности разных положительных факторов.

«Благополучие — это когда есть возможность безбедно жить, есть комфорт в семье (комфорт в отношениях, комфорт в бытовом плане) и когда люди, окружающие ребенка, его понимают» (P10).

«Для ребенка — это соблюдение всех его прав и обеспечение, минимальное обеспечение, материальное» (P2).

Одна из специалистов отметила, что благополучие ребенка не является лишь производной материальной обеспеченности: при достаточно ограниченных возможностях семья все равно может характеризоваться как благополучная.

«Я думаю, что если у ребенка удовлетворены его потребности: имеется спальное место (пусть даже в коммунальной комнате: семья может быть благополучной и в коммунальной квартире), ребенок одет, обут» (P5).

Некоторые специалисты дали сущностные определения благополучия в своем понимании. Такие определения можно отнести к субъективной оценке благополучия, основанной не только на объективных показателях:

«Я считаю, что благополучие (...) это состояние полного физического, психологического, эмоционального и социального совершенства. Это, наверное, такой процесс

многосторонний, внешний и внутренний [...], наверно, благополучие — это когда все хорошо!» (P9).

Наиболее отчетливо сочетание объективных и субъективных характеристик благополучия выражено в следующей интерпретации:

«Это совокупность психологических, физиологических, социально-экономических, факторов здоровья, влияющих на всех членов семьи. То есть когда и морально-психологический климат в семье благоприятный, и социально-экономическая составляющая в семье благоприятная, включающая и заработную плату, и бытовые условия проживания семьи, и некий такой культурно-педагогический в целом потенциал семьи благоприятный» (P6).

При этом в нарративах некоторых специалистов благополучия детей обсуждается преимущественно со стороны субъективного понимания.

«Благополучный ребенок — это счастливый ребенок, который радуется жизни, получает удовольствие от жизни, проживает свою жизнь. Может сказать о том, что ему нужно, в чем он нуждается, и он сам это понимает, чувствует это» (P7).

«Благополучный ребенок — это в первую очередь ребенок, который живет в семье. Мы не говорим: полная или неполная семья, но у ребенка должно быть ощущение защиты, ощущение семьи. То есть ребенок, проживающий в семье, ребенок, который чувствует себя уверенно, спокойно. Ребенок, имеющий возможность посещать любое учебное заведение, которое ему нравится, и заниматься тем, чем он хочет. И самое главное — ребенок, который может открыто выражать свое мнение, не боясь, что его за это будут обижать, наказывать или еще что-то» (P8).

В этой цитате специалист приводит довольно интересное совмещение объективного фактора (семейного устройства ребенка) и субъективных чувств и эмоций детей. При этом субъективное ощущение возможности «открыто выражать свое мнение» является определяющим.

По итогам рассмотрения общего (не)благополучия специалистами можно заключить, что в их нарративах встречается как отражение существующей нормативно-правовой базы («благополучие — отсутствие несчастья»), так и понимание благополучия как совокупности позитивных факторов, которые могут быть как объективными, так и субъективными.

Критерии как благополучия, так и неблагополучия преимущественно измеряют объективные (фактические) характеристики ситуации в ущерб субъективным ее переживаниям

Как уже было сказано, в нормативной документации, на основе которой строится работа специалистов, социально опасное положение ребенка или семьи является угрозой для благополучия и определяется по наличию критериев. Вслед за определением благополучия в ходе интервью мы просили экспертов выразить собственное мнение о критериях благополучия, не основанное на рабочем регламенте и документации. В вопросе мы не делали акцент на том, объективные или субъективные это будут критерии.

Большинство экспертов одним из важных критериев благополучия назвали психическое здоровье ребенка:

«В моем личном представлении благополучный ребенок — это, во-первых, без психических отклонений» (P1).

Психологически стабильное состояние является залогом успешного взаимодействия ребенка с окружающим миром.

«...То есть процессы возбуждения/торможения, что они согласованы, и ребенок может эмоционально реагировать, но при этом может остановиться. У меня это связано с благополучием. И контакт, способность идти на контакт. Общение с незнакомым человеком, общаться, оставаться наедине, вступать в контакт» (P11).

Маркерами психологического благополучия большинство специалистов назвали такие субъективно воспринимаемые критерии, как «жизнерадостность» и «общительность» ребенка. Также, по мнению информантов, благополучный ребенок «улыбается», «радуется жизни» и «счастлив», «общается со своими сверстниками» и «не сидит круглые сутки за компьютером».

Еще одним критерием, предопределяющим благополучие ребенка, является, по мнению экспертов, наличие нормативной семьи.

«Благополучный — это ребенок, воспитанный, так скажем, в семье с определенными социальными ориентациями, общественно одобряемыми» (P1).

Таким образом, семья выступает фактором, детерминирующим благополучие. Благополучие ребенка невозможно без наличия у него (нее) благополучной семьи.

«Благополучие семьи и благополучие ребенка — это неотделимые вещи. Ребенок может чувствовать себя в безопасности только в благополучной семье» (P8).

При этом такая семья, по мнению специалистов, может иметь проблемы и трудности, но в ней всегда найдутся ресурсы для выхода из сложившейся ситуации:

«Благополучная семья — это не та семья, в которой нет каких-то трудностей, а та семья, которая способна самостоятельно решить эти трудности. У нее найдутся либо личные ресурсы, либо они найдут, кого привлечь, для того чтобы справиться, исправить эту ситуацию» (P6).

Специалисты отметили, что так же, как благополучие семьи не определяется наличием или отсутствием проблем, благополучие ребенка не определяется одним поступком или наличием проблем.

«...Благополучный ребенок [...] в случае каких-то сложных ситуаций для него, он достаточно легко из них выходит, и это не является для него стопором или стрессом» (P6).

Следует отметить, что проявление субъективной ориентации в оценке характеристик благополучия выразилось и в попытке большинства экспертов (в том числе и в цитатах, приведенных выше) выделить основной, ведущий для себя критерий, предопределяющий благополучие.

«Для меня, например, критерий благополучности — это насколько выстроены его отношения с окружающими» (P7).

«То есть из всего того, что я слышу на приеме, из того, что мы обсуждаем, складывается такое впечатление, что всем тотально очень нужно вот это вот внимание и качественное время, что тебя видят, что тебя слышат, что тобой интересуются» (P11).

В то же время, по мнению некоторых специалистов, «критерии благополучия семьи или ребенка для нас какие-то свои в зависимости от целей и задач разных программ [...] у каждого своя отправная точка и свой потолок» (P8). Таким образом, в отсутствии единого стандарта, оценка благополучия может быть разной и может зависеть от конкретной ситуации и программы. Так, специалист из фонда приводит пример, как в их программах выделяются критерии благополучия:

«У нас есть особая схема оценки потребностей детей. Благополучным считается ребенок, чьи витальные потребности удовлетворяются со стороны родителей, где родители демонстрируют готовность обеспечивать безопасное и стабильное окружение для ребенка. Вот такими терминами пользуемся» (P3).

Отметим, что, говоря о нормативно-правовой базе, специалисты отмечают информированность о наличии в ней критериев неблагополучия.

«Ну, благополучия формальных критериев я не встречала, честно говоря. А неблагополучия... Вот у нас же есть этот порядок межведомственного взаимодействия, который разработан на основе 120-го Закона. Там определенные критерии выставлены: что это ребенок, совершающий правонарушение, совершающий преступление; ребенок, который прогуливает занятия в школе; который отстает по программе вследствие того, что он прогуливает, не вследствие того, что он не тянет чисто интеллектуально; это ребенок, который проживает в неблагополучной семье, где родители злоупотребляют спиртными напитками, наркотическими и так далее» (P1).

Перечисленные специалистом критерии «неблагополучия» являются преимущественно объективными, что существенно отличает их от критериев благополучия, выделенных на основании опыта специалистов и отдельных программ. Таким образом, субъективные переживания не исключены из рассмотрения семьи и ребенка самими специалистами, но требуется включение их в нормативно-правовое поле.

Процесс принятия решения основан как на объективных критериях, так и на субъективном опыте специалиста

В Санкт-Петербурге информация о семьях или детях, которые могут быть в дальнейшем признаны находящимися в социально опасном положении, поступает в Комиссию по делам несовершеннолетних (КДН) из детских садов, школ или отделов полиции: *«Чаще всего поступает сообщение из полиции, из образовательных учреждений. Это чаще всего школа, а не детский сад. Полиция, школа, опека. Иногда бывают личные заявления» (P6).*

Из школы, как правило, информация поступает либо о таких признаках ребенка, обеспокоивших учителя, как систематические прогулы, неопрятный внешний вид ребенка младшего школьного возраста, девиантное поведение, в том числе серьезные проступки ребенка: драка, кража, повторяющиеся случаи серьезного хулиганства.

«В школе, например, сразу замечают сигналы. Там, ребенок перестал ходить, ходит грязный. (...) Хотя да. Некоторые школы дотягивают до того момента, что уже когда дети не ходят в школу сейчас... и доходит, что уже вообще ничего не сделать. Когда более маленькие дети, например, пятый класс, то как-то более внимательно к детям относятся. А когда уже подростковый, конечно, там почему-то не так...» (P7).

В то же время в поле зрения Комиссии может оказаться и ребенок, переходивший дорогу на запрещающий сигнал светофора или подросток, который курил в неположенном месте. Скорее всего, такой случай не будет рассмотрен подробно, ребенка «поругают» или выпишут штраф и отпустят. Однако возможны и другие решения.

«...На КДН-то тащат всех подряд: тот, кто кого-то травмировал каким-то образом, тот, кто на даче на мопеде без шлема проехал, понимаете? И всех в одну...» (P11).

При выявлении семей в социально опасном положении многое зависит от личности специалиста, занимающегося проверкой поступившего сигнала, и его субъективных представлений.

«И кто-то, если мама, допустим, в каком-то там неврозе, или там, не знаю, в какой-то депрессии, то ставит там [графа в отчете „Риск девиантного поведения в будущем“] галочку, а кто-то — нет. Ну, то есть это тоже такое вот... Очень субъективно. Это сплошное субъективное впечатление, да» (P11).

Все специалисты стараются рассматривать случаи, попавшие к ним, ситуативно, акцент делается на наличие у ребенка и его семьи ресурсов. При работе с семьей специалисты опираются на эти ресурсы для преодоления тяжелой ситуации, в которой оказалась семья.

«Что для одного человека благополучие, для другого может быть немножко на другом уровне. Мы всегда смотрим на ресурсы, на сильные и слабые стороны семьи» (P3).

«Первое, чем занимается рабочая группа, это аккумуляция ресурсов семьи на решение тех причин и условий, которые вызвали либо трудную жизненную ситуацию, либо социально опасное положение» (P4).

Траектория дальнейшего жизненного пути будет во многом зависеть не только от наличия ресурсов, но и от представлений людей, отвечающих за оказание помощи и принятие решений. Специалист может быть готов работать с ситуацией, либо на основании опыта считать эту работу невозможной.

«И, конечно, у нас семьи неблагополучные, у них очень низкий уровень интеллектуальный. [...] У них способности к психическому какому-то пониманию... конечно, очень примитивный уровень развития психики, поэтому с ними работать психологически практически невозможно, потому что очень низкий уровень» (P7).

«Моя позиция — если крайняя стадия алкоголизма и наркомании, если это постоянным потоком, то решать надо сразу. Потому что бесполезно [убеждать] человека... он уже ушел из этого мира, из этого понимания, из реальности. С ним бесполезно что-то делать... Лишение прав, но это ничего не изменит. Вообще, конечно, надо их изымать. Наверное, лучше им в детских домах...» (P2).

По мнению многих экспертов, «социально опасное положение с неблагополучием связано, конечно, не всегда» (P1). Для других экспертов то, что семья была квалифицирована находящейся в СОП, является серьезным событием:

«Нет, социально опасное положение — это социально опасное положение. Это мы действительно говорим, что есть угроза жизни и здоровью ребенка (...) Там должна быть угроза жизни и здоровью» (P8).

Однако постановка, например, на учет в полицию для тех же экспертов может не стать основанием для беспокойства:

«...Это рамки, которые задает система, но это не значит, что ребенок неблагополучный. Ребенок может быть и благополучным. Мало ли почему он попал на учет [в полицию]» (P8).

Таким образом, как и в нормативной документации, описание СОП и формальных «столкновений с системой» логически возвращается к благополучию как таковому и его пониманию специалистом.

Выводы

В нашем исследовании специалисты продемонстрировали понимание благополучия, созвучное современным представлениям о данном феномене. При определении благополучия специалисты использовали как объективные, так и субъективные критерии. Они убеждены, что благополучие и неблагополучие семьи является определяющим для благополучия или неблагополучия ребенка, в ней проживающего. Медиаторами благополучия и неблагополучия являются ресурсы (внутренние, внешние) семьи и ребенка. В представлении специалистов семья, соответствующая существующим в обществе нормам, является залогом благополучия ребенка. Сообразно этим убеждениям, и неблагополучная семья, а именно семья, отклоняющаяся от норм, формирует неблагополучие ребенка.

В реальности для оценки благополучия специалисты используют как субъективные, так и объективные критерии, в то время как неблагополучие оценивается преимущественно по объективным критериям и фактам, которые становятся известны системе защиты детей. Можно заключить, что при разборе каждого индивидуального случая специалисты руководствуются критериями неблагополучия как объективными основаниями для работы с семьей, а названные критерии благополучия как раз и являются основанием для детальной оценки случая. Сформированное таким образом мнение специалиста позволяет ему/ей отнести случай к (1) неблагополучным без возможности к изменению ситуации, (2) неблагополучным, но с имеющимися ресурсами к исправлению ситуации, (3) благополучным с ситуативным проявлением тех или иных отклонений. Порядок действий специалистов во многом согласуется с современными тенденциями в изучении благополучия детей социальными исследователями: оценка как субъективных, так и объективных факторов благополучия, принятие во внимание факторов-медиаторов, таких как ресурсы семьи, предыдущая история семьи. Также деятельность специалистов полностью согласуется и с формальными критериями, закрепленными в нормативных документах, теми критериями, которые являются признаками неблагополучия. Таким образом, научные исследования не противоречат реальной практике специалистов, объединение наработок ученых с имеющимися тенденциями в социальной сфере может иметь долгосрочные позитивные последствия. Необходимо дальнейшее исследование критериев и стадий благополучия, выделение индикаторов, позволяющих ориентироваться специалисту в принятии решения о возможностях дальнейшей работы с семьей или ребенком.

Список литературы (References)

Астоянц М. С. Политический дискурс о сиротстве в советский и постсоветский период: социальная интеграция или социальное исключение? // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. No. 4. С. 475—500.

Astoyants M. S. (2006) Political Discourse on Orphanhood in the Soviet and post-Soviet Period: Social Integration or Social Exclusion? *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 4. No. 4. P. 475—500. (In Russ.).

Гурвич И. Н. Влияние дискурсивных практик в отношении девиантного поведения подростков на применение к ним мер ограничительно-коррекционного характера

// Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16: Психология. Педагогика. 2013. No. 2. С. 23—30.

Gurvich I. N. (2013) The Influence of Discursive Practices of the Deviant Behavior of Adolescents on the Application of Restrictive-Corrective Measures to Them. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 16: Psychology. Pedagogy*. No. 2. P. 23—30. (In Russ.).

Мехришвили Л. Л., Леонова Е. Ю. Организация работы с молодежью в системе пенитенциарных учреждений. Тюмень : ТюмГНГУ, 2015.

Mekhrishvili L. L., Leonova E. Yu. (2015) Organization of Work with Youth in the Penitentiary System. Tyumen: TyumGNGU. (In Russ.).

Одинокова В. А., Русакова М. М., Усачёва Н. М. Опыт оценки благополучия детей в учреждениях для детей-сирот // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. No. 2. С. 129—144. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.08>.

Odinokova V. A., Rusakova M. M., Usacheva N. M. (2017) Experience of Evaluation of Well-Being of Children Living in State Care Institutions for Orphans. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 129—144. (In Russ.). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.08>.

Олиференко Л. Я., Шульга Т. И., Деметьева И. Ф. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска. М. : Академия, 2008.

Oliferenko L. Ya., Shulga T. I., Dementieva I. F. (2008) Social and Pedagogical Support for Children at Risk. Moscow: Akademiya. (In Russ.).

Поддубная Т. Н. Социальная защита детства в России и за рубежом. М. : Академия, 2008.

Poddubnaya T. N. (2008) Social Protection of Childhood in Russia and Abroad. Moscow: Akademiya. (In Russ.).

Русакова М. М., Одинокова В. А. Теоретические основы и опыт мониторинга соблюдения прав и благополучия детей в интернатных учреждениях: обзор публикаций // Теория и практика общественного развития. 2014. No. 16. С. 40—52.

Rusakova M. M., Odinokova V. A. (2014) Theoretical Foundations and Experience of Monitoring of Observance of Rights and Well-Being of Children in the Residential Care Institutions: Review of Publications. *Theory and Practice of Social Development*. No. 16. P. 40—52. (In Russ.).

Рыбинский Е. М., Кузнецова Л. В., Несмеянова М. И. Государственная социальная политика в интересах детей // Социологические исследования. 1998. No. 12. С. 79—82.

Rybinsky E. M., Kuznetsova L. V., Nesmeyanov M. I. (1998) State Social Policy in the Interests of Children. *Sociological Studies*. No. 12. P. 79—82. (In Russ.).

Семья Г. В. Проблема сиротства в России: экономический и социальный аспекты // Приемная семья: Информационно-методический журнал. 2013. No. 2. С. 9—14.

Semya G. V. (2013) The Problem of Orphanhood in Russia: The Economic and Social Aspects. *Foster Family: Informational and Methodical Journal*. No. 2. P. 9—14. (In Russ.).

Социально опасное положение семьи и детей: анализ понятия и методология оценки / науч. ред. Е. Р. Ярская-Смирнова, В. М. Маркина. М. : Вариант, 2015.

Yarskaya-Smirnova E.R., Markina V. M. (eds.) (2015) *The Socially Dangerous Situation of Family and Children: An Analysis of the Concept and Evaluation Methodology*. Moscow: Variant. (In Russ.).

ЮНИСЕФ. Проблема детской бедности в перспективе. Обзор благополучия детей в богатых странах: Доклад Исследовательского центра ЮНИСЕФ «Инноченти». Вып. 7. Флоренция : ЮНИСЕФ, 2007.

UNICEF. *Child Poverty in Perspective: An Overview of Child Well-Being in Rich Countries*. Innocenti Report Card 7, UNICEF. Florence: Innocenti Research Centre, UNICEF, 2007.

Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П. В., Антонова В. К., Бирюкова С. С. Благополучие и неблагополучие в концептуальном аппарате семейной политики и защиты детства в современной России // Политика семьи и детства в постсоциализме. М. : Вариант ; ЦСПГИ, 2014. С. 72—98.

Yarskaya-Smirnova E.R., Romanov P.V., Antonova V. K., Biryukova S. S. (2014) Well-being and Ill-being in the Conceptual Framework of Family Policy and Child Protection in Contemporary Russia. In: *Family and Childhood Policies in Post-Socialism*. Moscow: Variant, TsSPGI. P. 72—98. (In Russ.).

Deaton A. (2008) Income, Health, and Well-being around the World: Evidence from the Gallup World Poll. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 22. No. 2. P. 53—72. <https://doi.org/10.1257/jep.22.2.53>.

Stephoe A., Deaton A., Stone A. A. (2015) Subjective Wellbeing, Health, and Ageing. *The Lancet*. Vol. 385. No. 9968. P. 640—648. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(13\)61489-0](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(13)61489-0).

Topp C. W., Østergaard S. D., Søndergaard S., Bech P. (2015) The WHO-5 Well-Being Index: A Systematic Review of the Literature. *Psychotherapy and Psychosomatics*. Vol. 84. No. 3. P. 167—176. <https://doi.org/10.1159/000376585>.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.15

Правильная ссылка на статью:

Кубряк О. В., Багдасарьян Н. Г., Герасименко М. Ю., Краснов В. Н., Кулябина Е. В., Подвойский Д. Г., Трущелёв С. А. О критичности врача: междисциплинарный подход // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 295—313. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.15>.

For citation:

Kubryak O. V., Bagdasaryan N. G., Gerasimenko M. Yu., Krasnov V. N., Kulyabina E. V., Podvoyskiy D. G., Trushchelev S. A. (2019) On doctor's criticism: an interdisciplinary approach. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 295—313. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.15>.

О. В. Кубряк, Н. Г. Багдасарьян, М. Ю. Герасименко, В. Н. Краснов, Е. В. Кулябина, Д. Г. Подвойский, С. А. Трущелёв О КРИТИЧНОСТИ ВРАЧА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

О КРИТИЧНОСТИ ВРАЧА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

КУБРЯК Олег Витальевич — доктор биологических наук, заведующий Лабораторией физиологии функциональных состояний человека, НИИ нормальной физиологии им. П. К. Анохина, Москва, Россия

E-MAIL: o.kubryak@nphys.ru

<http://orcid.org/0000-0001-7296-5280>

ON DOCTOR'S CRITICISM: AN INTERDISCIPLINARY APPROACH

Oleg V. KUBRYAK¹ — Dr. Sci. (Bio.), Head of the Laboratory of Physiology of Human Functional Condition

E-MAIL: o.kubryak@nphys.ru

<http://orcid.org/0000-0001-7296-5280>

¹ Anokhin Institute of Normal Physiology, Moscow, Russia

БАГДАСАРЬЯН Надежда Гегамовна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и гуманитарных наук, Университет «Дубна», Дубна, Россия; профессор факультета мировой политики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; профессор кафедры социологии и культурологии, МГТУ им. Н. Э. Баумана, Москва, Россия
E-MAIL: ngbagda@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0639-3987>

ГЕРАСИМЕНКО Марина Юрьевна — доктор медицинских наук, профессор, директор, НИИ молекулярной и персонализированной медицины, ФГБОУ ДПО РМАНПО Минздрава России, Москва, Россия
E-MAIL: gerasimenkomu@rmapo.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1741-7246>

КРАСНОВ Валерий Николаевич — доктор медицинских наук, профессор, руководитель отдела клинико-патогенетических исследований в психиатрии, Московский научно-исследовательский институт психиатрии — филиал ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского» Минздрава России, Москва, Россия
E-MAIL: valery-krasnov@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-5249-3316>

КУЛЯБИНА Елена Валериевна — кандидат технических наук, начальник Лаборатории метрологического обеспечения биологических и информационных технологий, Всероссийский научно-исследовательский институт метрологической службы, Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии, Москва, Россия
E-MAIL: kuliabina@vniims.ru
<http://orcid.org/0000-0002-6076-4569>

Nadezhda G. BAGDASARYAN^{2,3,4} — Dr. Sci. (Philos.), Professor, Head of Department of Sociology and Humanities; Professor, Faculty of World Politics; Professor, Department of Sociology and Cultural Studies
E-MAIL: ngbagda@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-0639-3987>

Marina Yu. GERASIMENKO⁵ — Dr. Sci. (Med.), Professor, Director
E-MAIL: gerasimenkomu@rmapo.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1741-7246>

Valeriy N. KRASNOV⁶ — Dr. Sci. (Med.), Professor, Head of Department of Clinical and Pathogenetic Research in Psychiatry
E-MAIL: valery-krasnov@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-5249-3316>

Elena V. KULYABINA⁷ — Cand. Sci. (Tech.), Head of Laboratory for Metrological Assurance of Biological and Information Technologies
E-MAIL: kuliabina@vniims.ru
<http://orcid.org/0000-0002-6076-4569>

² Dubna State University, Dubna, Russia

³ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

⁴ Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

⁵ Research Institute of Molecular and Personalized Medicine, Russian Medical Academy of Continuous Professional Education, Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russia

⁶ Moscow Research Institute of Psychiatry — Branch of the Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry, Ministry of Health of Russian Federation, Moscow, Russia

⁷ All-Russian Research Institute for Metrological Service, Federal Agency for Technical Regulation and Metrology, Moscow, Russia

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович — кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра, Российская академия наук, Москва, Россия; доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

ТРУЩЕЛЁВ Сергей Андреевич — доктор медицинских наук, профессор Учебно-методического отдела, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава России, Москва, Россия
E-MAIL: sat-geo@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-4836-3129>

Аннотация. Круглый стол «Критичность врача при постановке диагноза и восприятии профильной информации», состоявшийся 28 февраля 2019 г. в рамках 15-й Ежегодной междисциплинарной конференции «Вейновские чтения» в Москве, собрал экспертов из разных областей науки и практики. Междисциплинарный характер обсуждения связал различные социальные аспекты с критичностью мышления врача, острыми проблемами медицины, касающимися всего общества.

Ключевые слова: критичность, критичность мышления, врач и пациент, социальные роли медицины, медицина и общество, экспертные мнения о развитии медицины, медицина и наука

Denis G. PODVOYSKIY^{8,9} — *Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Leading Research Fellow; Associate Professor, Department of Sociology*
E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

Sergey A. TRUSHCHELEV¹⁰ — *Dr. Sci. (Med.), Professor at the Department of Education*
E-MAIL: sat-geo@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-4836-3129>

⁸ Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

⁹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

¹⁰ Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry, Ministry of Health of Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The round table “Doctor’s criticism in the establishment of diagnosis and perceptions of the profile information” held on February 28, 2018, in Moscow in the framework of the Annual Inter-Disciplinary Vein Conference gathered experts in various scientific fields and with different experience. Inter-disciplinary character of the discussion tied different social aspects to doctor’s criticism and acute medical problems of the entire society.

Keywords: criticism, critical thinking, doctor and patient, social roles of health care, medicine and society, expert opinions on the development of medical science, medicine and science

Обмен мнениями на круглом столе «Критичность врача при постановке диагноза и восприятию профильной информации», состоявшемся 28 февраля 2019 г. в рамках 15-й Ежегодной междисциплинарной конференции «Вейновские чтения» в Москве, касался важной темы, ведь уникальность социальной роли врачей (специалистов-практиков) и исследователей (специалистов, генерирующих новые знания и создающих инструменты для практики) определяется их профессиональной деятельностью.

П. А. Сорокин, описывая последствия революционных преобразований в России начала XX в., отмечал: «Абсолютно ненормальные условия, в которые поставлено было население и его нервная система во все эти годы, сверхчеловеческие ужасы, лишения и горе, вывели последнюю из равновесия у всех, увеличили психозы и неврозы» [Сорокин, 1922]. Сорокин четко обозначил связь общественных явлений и здоровья народа. В наиболее контрастных проявлениях связи гражданских катаклизмов с общественным здоровьем хорошо заметны и в XXI веке [Идрисов, Краснов, 2008]. Если говорить о ситуации в современной России, то опросы показывают, что доля россиян, постоянно испытывающих стресс (здесь подразумеваются разные неуточненные состояния, часто называемые в обиходе словом «стресс»), увеличилась с 3% в 2010 г. до 8% в 2019 г. Об этом свидетельствуют данные опроса¹, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) ко Всемирному дню психического здоровья. К профессиональному психологу при возникновении стрессовых и неприятных ситуаций обращался каждый десятый россиянин (12%), преимущественно женщины (15%), а также респонденты в возрасте от 18 до 24 лет (18%) и от 25 до 34 лет (16%). Причем в последние полгода обращались за помощью к специалисту только 2% опрошенных. Большинство же соотечественников не имели такого опыта (88%), в особенности мужчины (92%) и люди в возрасте от 60+ (90%). Наиболее распространенными способами борьбы со стрессом среди россиян является самоуспокоение, настрой на позитивный исход ситуации (9%), анализ ситуации и поиск решения (9%) и использование успокоительных средств (7%). Еще 6% выходят из стресса при помощи занятий спортом, столько же стараются отвлечься от ситуации или сменить обстановку (6%). Справляются со стрессом посредством алкоголя 5% опрошенных, столько же обсуждают ситуацию с близкими людьми или работают (по 5%).

Если говорить о психологических и психиатрических проблемах в глобальном контексте, то можно заметить широкое обсуждение тем, не касающихся напрямую радикальных социальных потрясений, часто отмечается связь содержания современных медиа и уровня агрессии [Anderson et al., 2017], интернет-зависимости и видеоигр с расстройствами психики [Evren et al., 2019; Liu et al., 2018], выбора радикальных политических течений и наличия психопатических черт личности [Duspara, Greitemeyer, 2017]. Иными словами, социальные и культурные явления, практики, обнаруживают связи с уровнем здоровья людей, сближая социальные и медицинские проблемы. Развитая система здравоохранения, включающая должную подготовку специалистов, передовые научные исследования

¹ Жизнь в стрессе: масштаб проблемы и пути решения // ВЦИОМ. 2019. 9 октября. No. 4075. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9939> (дата обращения: 01.12.2019).

и адекватное управление, как предполагается, может повышать адаптивность общества — за счёт поддержания общего здоровья людей и связанной с этим критичности мышления, психического состояния. В этом контексте критичность мышления врачей и ученых в их непосредственной профессиональной деятельности представляется особой ценностью.

Мультидисциплинарный взгляд на проблемы критичности в медицине и науке с прошедшего круглого стола, продолжает эту важную тему, в формате, начатом в прошлом году [Кубряк и др., 2018]. Надеемся, что взгляд, оценки собранной экспертной группы, будут способствовать выявлению важных проблем, привлечению внимания самих врачей и ученых, а также управленцев и политиков, к роли медицины в обществе, критичности в целом и особой роли критичности мышления для медицины.

Критичность медицинских специалистов при выборе источников информации (С. А. Трущелёв)

Медицинская информация — это совокупность данных и фактов о пациентах и заболеваниях, нацеленная на решение явлений неопределенности и неполноты знаний. Она обладает динамическим характером — обновление знаний и технологий происходит каждые несколько лет. Важно, каким образом и из каких источников специалисты получают профессиональную информацию. При опросе 3036 медицинских специалистов² о необходимости и способах получения нового знания оказалось, что почти половина респондентов не участвует в системе непрерывного медицинского образования. На вопрос «Удовлетворены ли Вы существующей системой повышения квалификации?» отрицательно ответили 66 % респондентов. В другом опросе установлено, что только 1 из 20 медицинских специалистов имел подписку на профильный научно-практический журнал. Опрошенные отметили, что профессиональные навыки они чаще приобретают на рабочем месте из общения с коллегами. Для поиска профессиональной информации чаще используют поисковые информационные системы Яндекс и Google. Большинство отметили, что их рабочее место не оборудовано медицинской информационной системой. На необходимость повышения квалификации указали 80 % респондентов. Обострение проблемы потребности надёжности и достоверности медицинской информации в конце 1980-х годов за рубежом привело к необходимости выдвижения концепции научно-обоснованной медицинской практики (доказательная медицина). Главный постулат этой концепции: каждое клиническое решение врача должно базироваться на научно-обоснованных фактах.

На пути внедрения научно-обоснованной медицинской практики встречается немало трудностей. Так, Г. Гайатт и соавторы [Guyatt et al., 1995] отметили наиболее важные из них: большинство медицинских специалистов не владеют принципами критической оценки публикаций; многие специалисты предпочитают быстрые и простые ответы, поэтому медицинские руководства в виде простых и однозначных инструкций («поваренные книги») имеют большую привлекательность; а поиск

² Валеев Р. Опрос Минздрава: медработники считают, что внедрять систему НМО не следует // ЛекОбоз. 2018. 8 февраля. URL: <https://lekoboz.ru/professiya-farmatsevt/career/opros-minzdrava-medrabotniki-schitayut-cto-vnedryat-sistemu-nmo-ne-sleduet> (дата обращения: 01.12.2019)

научно-обоснованной медицинской практики часто воспринимается специалистами как отвлечение от основной деятельности; у специалистов нет мотивации для смены устоявшейся медицинской практики.

Другой аспект проблемы заключается в том, что совершенно нереально требовать от врача общей практики каждый раз самостоятельно отыскивать и критически оценивать факты, необходимые для решения клинической задачи. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что 80 % медицинских публикаций в мире издаются на английском языке. И, наконец, ни один практикующий врач просто физически не в состоянии переработать колоссальный объём новой информации. Оптимальное решение проблемы — привлечь экспертов, которые, основываясь на принципах научно-обоснованной медицины, подготовят информационный продукт для медицинских специалистов в виде клинических рекомендаций, систематических обзоров, научных дайджестов и других удобных форматах.

В 1990-е годы принцип подготовки клинических рекомендаций претерпел существенные изменения: от метода экспертных оценок и консенсуса перешли к современным методам отбора и критической оценки научных фактов. Это было обусловлено тем, что клинические рекомендации потенциально могут иметь негативное влияние. Поскольку они разрабатываются узкой группой специалистов, то могут отражать их мнения в ущерб научным фактам. Рекомендации, разработанные на национальном уровне, могут не учитывать местных проблем; не учитывать специфики первичной медицинской помощи, если разработаны для специализированной помощи и наоборот; способствовать стандартизации «усредненных», а не оптимальных подходов. Такие рекомендации могут мешать индивидуальному подходу к лечению больного. С современной позиции медицинской науки и практики, клинические рекомендации (или руководство), основанные на принципах научно-обоснованной медицинской практике, — это документы, в которых детально, точно и недвусмысленно прослеживается связь между каждым утверждением и научными данными. Научные факты первенствуют над мнением экспертов. Цель клинических руководств: внедрить в клиническую практику стандарты, основанные на современных строгих научных данных; облегчить процесс принятия решений; служить основой для оценки профессионального уровня и качества работы; улучшить клинические исходы. Будучи внедренными в практику, хорошо составленные клинические рекомендации обеспечивают, помимо прочего, колоссальный экономический эффект.

Однако следует учитывать, что не все клинические исследования обладают одинаковой доказательностью. Так, британский исследователь Иэн Чалмерс — один из известных сторонников доказательной медицины и основатель некоммерческой организации «Кокрейновское сотрудничество», которая объединяет почти 40 тысяч ученых по всему миру — заявил, что исследования, показавшие неэффективность или опасность препаратов, обычно не публикуют. В результате разработчики не учатся на ошибках коллег, а пациенты порой получают лекарства, целебная сила которых, мягко говоря, преувеличена.

В России часто проводятся клинические исследования. Однако у большей части научной продукции обнаруживается низкий уровень доказательств. Основная причина — это практическое отсутствие финансирования независимых

клинических исследований, поэтому большинство клинических исследований выполняется при финансовой поддержке фармацевтических компаний, которые не всегда заинтересованы в проведении дорогих исследований с высоким уровнем доказательств.

Научное сообщество пытается преодолеть проблемы, связанные с повышением качества научной продукции, — вводятся рейтинги научных журналов, производится их группировка по качеству предоставляемой информации и востребованности в научном сообществе, регламентируется содержание и структура научных публикаций, предъявляются требования к научному обоснованию результатов исследований. Расширяются формы предварительного, открытого и независимого обсуждения публикаций. С целью повышения качества научной продукции расширилась практика изъятия статей (ретракция), которая осуществляется по официальному обращению редакции журнала. Вместе с тем, необходимо отметить, что для по-настоящему критичной оценки научной информации медицинский специалист должен владеть определенными навыками, которые формируются и развиваются только при вовлечении в научную деятельность, в работу научных и профессиональных сообществ.

Критичность для врача (В. Н. Краснов)

Профессиональная критичность врача, пожалуй, самое необходимое его качество, при этом имеющее несколько аспектов. Во-первых, в формировании диагностического суждения и, особенно, планировании терапевтических действий, врач не только имеет право на сомнения, но и должен их иметь, выбирая наиболее обоснованное решение, и даже, в части случаев, делиться с пациентом своими размышлениями, как бы вместе приходя к выбранному решению. Во-вторых, врач должен быть очень осторожен и деликатен в отношении заключений и действий других коллег, ранее имевших дело с больным, не допускать прямой критики, даже если он не согласен с ними. Наконец, врач должен не императивно, но последовательно, можно сказать, искусно, попытаться сформировать у пациента критическое отношение к ложному пониманию его недуга, если таковое имеется. Критика к болезни может дать больному дополнительные защитные ресурсы, обеспечить приверженность предложенному и согласованному с ним лечению, что располагает к сотрудничеству врача и пациента.

Врач — диагноз — пациент, или что значит быть критичным? (немного социологической оптики) (Д. Г. Подвойский)

Критичность мышления врача, как и всякого другого профессионала, выражается в наличии у него определенного (достаточно высокого) уровня рефлексивности. Иначе говоря, профессионал не просто что-то делает, но делает это осознанно, т. е. постоянно думает над тем, что он делает и как. Среди прочего, это означает перманентную адресацию самому себе ряда вопросов, в т. ч. «неудобных», и готовность на них отвечать: что тут, собственно, происходит (в моем кабинете, — процедура, исследование, операция, консультация... каков смысл моей деятельности для меня и для других, каковы ее возможные последствия (ближайшие и отдаленные, явные и латентные, позитивные и негативные), как она выглядит со стороны, вер-

нее — с разных сторон, какова мера моей ответственности, чем могут обернуться мои слова, рекомендации, предписания, и т. д. и т. п.? Критичность профессионала как специфическая ментальная установка обычно сочетается с известной мерой сомнения и специфической дистанцией взгляда, в т. ч. в отношении самого себя, своей собственной позиции.

С социологической точки зрения, важно осознание макро- и микросоциального контекстов развертывающихся изо дня в день типических, более или менее рутинизированных ситуаций взаимодействия. Врач — коллеги (и руководство) — диагноз — пациент (и его близкие) — лечение и его исход... Эта цепочка акторов и актов не просто социальна по существу, так как состоит из людей и их взаимно направленных поступков (микроуровень). Она также находится под влиянием множества общественно-исторических сил и факторов, выходящих (по своему происхождению) за рамки конкретных медицинских практик текущего дня, осуществляемых врачами как мастерами своего дела в условиях определенного места/времени — в клинике, на приеме в медицинском учреждении, на дому у пациента и т. д. (макроуровень).

Возьмем для примера диагноз. Что это? Каков его статус, «онтологические» и «эпистемологические» реквизиты? Диагноз — это всегда особого рода номинация, т. е. процесс именования, совершаемого врачом как экспертом, наделенным социально легитимированным правом на авторитетное суждение в области своей компетенции: какое-то состояние организма (психики... etc.) мы назвали так-то и так-то, или композицию таких-то и таких-то симптомов мы определили как проявление патологии конкретного типа, как болезнь, носящую то или иное имя. И тут сразу же встает трудный вопрос: диагноз — это корректное или не очень отражение «объективной» реальности (т. е. «распознавание», «опознание») или ее активное «субъективное» конструирование в сознании врача, осуществляемое в когнитивных масштабах исторически сложившейся системы медицинских категорий (той или иной эпохи, врачебной школы, терапевтической традиции, выработанной профессиональным сообществом на том или ином уровне развития медицинских знаний, и т. д.)? По-видимому, и то, и другое.

Что происходит, когда ставится и оглашается диагноз? Человек, ставший объектом медицинского наблюдения, волей и когнитивными усилиями врача оказывается квалифицирован как «больной», причем больной определенного типа, т. е. опознан, классифицирован, помечен. От поставленного диагноза многое зависит: и методы лечения, и состояние пациента, и реакция общества. И тут начинает работать принцип капитана Врунгеля: «Как вы яхту назовете, так она и поплывет»³. Право же номинации/называния в такой ситуации принадлежит именно врачу. Крайний случай авторитарного воздействия экспертной власти врача иронически и гротескно обыгрывается в известном анекдоте: когда на недоуменный вопрос живого еще пациента — куда его везут, санитары реагируют суровой репликой — врач сказал в морг, значит в морг... Или, как в фильме «Покровские ворота» (Оботов: Нет у меня никакого приступа!.. Маргарита Павловна: ...Его аппендикс

³ Именно этим объясняются распространенные практики неоглашения ряда диагнозов, прежде всего серьезных (своего рода «ложь во благо»), когда существует уверенность, что знание пациентом «действительной картины заболевания» принесет больше вреда, чем пользы.

что-то шалит... Вера Семеновна: Резать, к чертовой матери, не дожидаясь перитонитов, — единственно прогрессивный взгляд...).

В связи с этим вспоминается хрестоматийная работа одного из лидеров Французской социологической школы Марселя Мосса: «Физическое воздействие на индивида коллективно внушенной мысли о смерти» [Мосс, 2011: 286—303]. В этой статье на разнообразном этнографическом материале показано насколько сильной может быть степень интернализованного⁴ влияния коллективных представлений, ретранслируемых авторитетными персонами (старейшинами, колдунами, шаманами и т. д.), на сознание рядового представителя группы, готового умереть «естественным образом», задохнуться в кратчайшие сроки, будучи до совершения «греха» совершенно физически здоровым, поскольку было сформулировано соответствующее предсказание, например, дано указание на фатальный характер последствий нарушения пищевых запретов (молодой человек съел самку опоссума, или попугая не того вида...).

В эпоху модерна на смену знахарю приходит дипломированный врач. Вдобавок уровень прямой зависимости индивидуального сознания от форм сознания коллективного постепенно снижается (хотя и никогда не достигает нулевой отметки). Разумеется, современный пациент не умирает мгновенно или даже через некоторое время лишь в силу того, что доктор налагает табу на гамбургеры, алкоголь и сигареты в его рационе потребления. Более того, в клинической практике известно множество случаев, когда человеку удается бороться с тяжкими недугами и побеждать их вопреки всем и всяческим диагнозам, независимо от знания или незнания вынесенного врачом «приговора».

Ясно, что диагноз как процедура осуществляемой врачом «власти номинации» ощутимо воздействует на медицинскую биографию пациента, и в ряде случаев не только на медицинскую (особенно когда речь идет о «психических» заболеваниях). И дело не в одном лишь потенциально суггестирующем (психологическом по сути) эффекте диагноза (упасть в обморок после оглашения диагноза), но и в том, что диагноз в ряде случаев может работать как социальный маркер, «ярлык», инструмент стигматизации и эксклюзии, как «судимость», «клеймо», «волчий билет» — потом не отмоешься! («он псих, что с него взять!»), — или, наоборот, как оправдательный документ («мне теперь нельзя поднимать тяжести»...).

Один и тот же индивид — с диагнозом в карте, и без такового — предстает как два разных человека. Выходящий из кабинета врача пациент может почти мгновенно почувствовать себя другим человеком — например, из больного превратиться в здорового, или наоборот (говоря в интеракционистской (социально-драматургической) манере, — освоить или принять на себя роль «больного», «идущего на поправку», «безнадежного» или т. п.). А врач в такой ситуации выступает авторитетным «переключателем тумблера», добрым или злым волшебником, обладающим способностью снимать или налагать чары диагноза: «доктор сказал, что я теперь здоров...». Вслед за врачом и окружающие (большая и малая социальная среда, общество) меняют свое отношение к индивиду, происходит его социальная

⁴ Речь здесь идет именно о внутреннем влиянии (социально инспирированном, но выражающемся при этом в силе собственной убежденности индивида), а не о прямом / внешнем групповом давлении. Человека не казнят и не подталкивают к самоубийству, он умирает сам, хотя и под влиянием общества.

рекатегоризация, он становится, например, «человеком со справкой», «инвалидом», etc... со всеми преимуществами и ограничениями такого положения.

Если и не по содержанию, то, по крайней мере, по выполняемой социально-символической функции влияние врача на пациента в современную эпоху сопоставимо с культурно легитимным (и, как минимум, потенциально эффективным) воздействием, которое оказывали на страждущих и болящих шаман, знахарь, святой-целитель, носитель харизмы или иного типа сакрализованного авторитета в традиционных обществах. Врач не просто прописывает медикаменты или оглашает рекомендации «материально-содержательного» свойства — как лечиться (даёт отвар, зелье, etc). Он наделен санкционированным коллективными представлениями правом налагать и снимать «заклятие» диагноза. Социально признаваемый статус врача подобен волшебной палочке Гарри Поттера. Но она правильно работает только в руках «волшебника», того, кто наделен сакральными полномочиями ей оперировать, иначе говоря, — правом священнодействовать. Именно таким способом лечили в Средние века золотуху короли-чудотворцы, о чем столь детально и увлекательно повествует в своем известном исследовании Марк Блок [Блок, 1998]. «Обычный» (пускай, и очень могущественный в иных отношениях) человек возложением рук исцелить недуг не может, — общество не наделило его такой силой.

Важно также понимание того, что сами категории болезни/здоровья, нормы/патологии, как и множественные классификации состояний, признаваемых патологическими или «пограничными», в т. ч. в психиатрии, доминирующие представления об эффективных и предпочтительных методах лечения различных заболеваний, само отношение общества к больному и его правам являются исторически изменчивыми. В интеллектуальной традиции, связанной с именем Мишеля Фуко [Фуко, 1997, 2014], медицина как таковая, в т. ч. современная «рациональная» (научная) медицина, рассматривается как институт социального контроля *par excellence*, как механизм воспроизводства и легитимации власти, осуществляемых над известной частью общества при помощи людей в белых халатах.

Он просто со странностями, или он — больной и его следует лечить, он не опасен для окружающих или его надо изолировать, он — блаженный, избранник богов, или одержим демонами, что это было — религиозный экстаз или эпилептический припадок...? Разные характеристики подходят для описания одного и того же состояния. В зависимости от изменения медицинской «оптики», ее настойки, меняется и отношение людей к носителю болезни как социальному субъекту (или объекту).

В недавно переведенной на русский язык книге шведской исследовательницы Карин Юханнисон «История меланхолии» [Юханнисон, 2018] (см. также критический комментарий к книге: [Гребнев, Панкова, 2018]) подробно рассказывается, как на протяжении последних веков менялись представления общества о людях, отличающихся девиантно высоким, болезненным уровнем психической чувствительности. В европейской истории Нового и Новейшего времени наблюдалась значительная вариативность в проявлениях и ликах меланхолии («черной» и иных оттенков), ипохондрии, акедии, депрессии, нервозности, хандры, сплина и иных чувств. Например, XVII и XVIII века — чрезвычайно слезливы и сентиментальны в сравнении с дисциплинированным и строгим викторианским веком. Для квали-

фикации определенных состояний психики и ощущений появлялись и продолжают появляться новые слова (депрессия, истерия, «нервы», астения, синдром хронической усталости, психическое выгорание и т. д.). Сегодня реальным основанием для прекращения службы в российской армии может стать новый диагноз — «тоска по дому». Мыслимо ли было такое еще полвека назад?

Обращает на себя внимание примечательный сюжет: когда общество находит способ описания, понятие, термин для обозначения определенного типического для ряда людей душевного состояния (что обычно делает «экспертное» сообщество — медицина или художественная литература), люди эпохи, ориентируясь на это, начинают чувствовать именно так, подгонять свои чувства под известный им «диагноз», под клише, образец, паттерн. Диагноз притягивает носителей симптомов, дает ключ к трактовке их состояний, делая последние объяснимыми — как для медиков, так и для общества, самих страдающих и их окружения. И каждая эпоха склонна считать набор испытываемых ее современниками чувств, «чувственный код» чем-то естественным, общечеловеческим, хотя при сравнении разных эпох становится ясно, что это не так, а структура и язык чувств весьма подвижны.

Почему все эти нюансы полезно знать врачу? Конечно, не только для общего кругозора. Диагноз — своего рода оружие врача, средство его когнитивного арсенала, которым он пользуется почти ежедневно. Как военный или страж порядка, имеющий право на ношение пистолета, несет ответственность за его применение, так и врач, способный стрелять словами в медицинской карте, наделенный авторитетным, общественно закрепленным правом судить о здоровье пациента, вынужден пользоваться им с предельной осторожностью и аккуратностью, — рефлексивно, а, стало быть, «критично», учитывая характер мишени и убойную силу/мощность инструмента знания-власти, находящегося в его руках.

Проблемы формальной этики, подготовки нормативов и критичность врача (О. В. Кубряк)

Желание пациентов лечиться у умных и подготовленных врачей, умеющих критически мыслить, можно интерпретировать и как нежелание сталкиваться с глупостью, в медицине в прямом смысле слова опасной для жизни и здоровья. Однако глупость так же, как и ум, является неотъемлемой частью нас. Самый подготовленный и критически мыслящий врач может оказаться в ситуации, когда его желание и потенциальная возможность помочь пациенту не соответствуют каким-либо сложившимся на тот или иной момент условиям — например, отсутствию разрешения (физической возможности) выписки рецепта на необходимое больному сильнодействующее лекарство. Или, когда под видом современных этических норм может не оказываться помощь пациенту (например, больному хроническим алкоголизмом), который категорически выступает против какого-либо лечения (не даёт согласия) в связи с тем, что не считает себя больным. То есть, слова пациента, потерявшего способность к критической самооценке здоровья, могут считаться имеющими большую силу, чем слова здравомыслящего врача и родственников алкоголика, физически, морально и экономически страдающих от его болезни. А обстоятельства, препятствующие его лечению — самыми ува-

жительными. При этом в современной Клятве Гиппократа, прописанной в статье 71, 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 года, сказано, что врач должен «внимательно и заботливо относиться к пациенту, действовать исключительно в его интересах независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств». Иными словами, противоречащей Клятве Гиппократа и глупой представляется ситуация, когда реальные жизненные («жить или погибнуть») интересы пациента входят в конфликт с таким видом возведенной в норматив этики, которая прямо или косвенно запрещает оказание остро необходимой медицинской помощи.

Можно сказать, что врач сегодня сталкивается со своего рода эмотивизмом — эмоциональным, не обоснованным настоящими жизненными потребностями общества регулированием отношений в виде определенного типа навязываемой этики. В этой связи следует вспомнить дискуссии, которые велись в СССР, в том числе с зарубежными философами и специалистами по этике («с буржуазной этикой»). Полвека назад советский философ О. Г. Дробницкий отмечал [Дробницкий, 1971], что «этический волюнтаризм дезориентирует человека в сложном современном мире, где сталкиваются между собой противоположные моральные позиции, а личная установка на произвольность нравственных принципов в конце концов делает человека бессильным против столь часто навязываемых ему антигуманных принципов».

Важнейшим аспектом, касающимся рассматриваемой темы, является способ, обстоятельства и целеполагание в подготовке стандартов, порядков оказания медицинской помощи и клинических рекомендаций. То есть нормативов, регулирующих документов, алгоритмов диагностики и лечения. Для известного нам недавнего клинического случая [Масленникова и др., 2019], когда вызванное простейшим паразитом (лямблиями) угрожающее жизни поражение печени у пожилой пациентки первоначально принималось за пневмонию, потом за онкологический процесс, мы не нашли среди более 200 документов, выложенных на сайте отечественного Минздрава, подходящих клинических рекомендаций, которые бы облегчили диагностику и выбор терапии лечащим врачом. С другой стороны, если рекомендаций очень много, то, как врачу выбрать необходимое? Иными словами, мы опять приходим к тому, что врач должен обладать критическим мышлением. Однако в ситуации, когда его действия строго регламентированы иногда вовсе без рациональной основы, или сообразно с внешними по отношению к медицинским задачам обстоятельствами (например, экономическими установками), мышление врача искусственно ограничивается. Понимая и всемерно поддерживая необходимость должной стандартизации, предупреждения необоснованных «экспериментов» в диагностике и лечении, адекватного регулирования работы врача, нельзя не отметить, что настоящему критическому мышлению будут способствовать те регуляторные механизмы, создание которых задаётся нормальными целями: целями медицины (конечно, учитывающими экономические и иные реалии, но — медицинскими, ориентированными на улучшения здоровья населения). Трудность формулирования и достижения адекватных целей может быть преодолена только

при критическом рассмотрении острых вопросов организации здравоохранения, отбора в специальность и образования врачей.

Критичность врача при оценке достоверности биомедицинских измерений (Е. В. Кулябина)

О достоверности результатов любых измерений, в том числе и биомедицинских, можно говорить, только рассмотрев, из каких составляющих складывается процесс измерений. В процессе измерений участвуют:

- *объект* — в нашем случае человек; принимаются во внимание параметры организма (состав крови, мочи, слюны, слез, выпотов, других жидкостей организма, свойства жидкостей и тканей организма, активность работы головного мозга, параметры функционирования сердца, давление крови, температура тела и так далее). Также необходимо учитывать, что эмоциональное состояние человека может влиять на результат измерений;
- *средство измерений* — устройство, используемое для выполнения измерений, в том числе, в сочетании с одним или несколькими дополнительными устройствами. Средства измерений имеют нормированные (установленные) метрологические характеристики, и их погрешность или неопределенность вносит свой вклад в результат измерений. Средствами измерений являются биохимические анализаторы, спектрофотометры, жидкостные и газовые хроматографы и анализаторы, масс-спектрометры, ЯМР-спектрометры и многие другие технические устройства;
- *методика измерений* (в случае косвенных измерений) — детальное описание измерения в соответствии с одним или более принципами измерений и данным методом измерений, которое основано на модели измерений и включает вычисления, необходимые для получения результата измерения;
- *метод измерений*, реализуемый в конкретной лаборатории — совокупность влияющих факторов: анализируемого образца, конкретного анализатора лаборатории, набор реагентов, нередко без указания метрологической прослеживаемости;
- *основа для сравнения* — стандартный образец исследуемого материала, который предназначен для воспроизведения размера величины, подлежащей количественной оценке. Так при необходимости точного количественного определения активности фермента или, например, содержания антибиотика в тканях и жидкостях организма, результат измерения можно получить, только откалибровав прибор по измеряемой величине. Иначе результат, конечно, будет получен, но интерпретировать его будет крайне сложно. С подобной проблемой мы, как пациенты, сталкиваемся получая результаты нашего анализа (одного и того же, например, отправленного в разные лаборатории) и, получая различные значения, нередко выраженные в разных единицах.

Врач, получая результаты исследования, сталкивается с проблемой, — что есть правильное значение и насколько можно ему верить? Оператор, выполняющий измерения, — в нашем случае лаборант, — также может повлиять на результат измерений. Таким образом, говорить о достоверности биомедицинских измерений

можно только при включении в оценку результата анализа всех приведенных выше факторов. При использовании для выполнения измерений биоаналитических средств измерений с оцененными метрологическими характеристиками, аттестованных методик измерений, стандартных образцов мы получим то самое «единство измерений», которое даст нам возможность получать результаты измерений с известной точностью, выраженные в одних и тех же единицах, от какой лаборатории они бы не были получены, что в свою очередь значительно упростит их интерпретацию. Особенно большую роль отсутствие единства измерений играет в случае сопоставления результатов измерений, используемых в судебно-медицинской практике. Тогда отклонение полученного результат от установленной законом нормы может повлечь за собой неправильное обвинение или неправильное оправдание человека. Подобные ситуации возникают при освидетельствовании водителей, сотрудников, работающих на опасных производствах.

Конечно, можно оценить достоверность и в числовом выражении с помощью общеизвестных методов математической статистики. Хочется подчеркнуть, что в случае биомедицинских измерений уровень нашей уверенности, как пациентов, как врачей, в точности (погрешности или неопределенности) получаемых результатов и будет той самой достоверностью результатов измерений, а обеспечить высокий уровень достоверности, соответствующий должной критичности мышления — наша общая задача — врачей и исследователей, социологов и метрологов.

Критичность мышления и критичность врача (Н. Г. Багдасарьян)

Критическое мышление — явление не новое. Им пронизана вся философская мысль — от «Сократических вопросов» и «Диалогов» Платона до Августина, Хайдеггера и Мамардашвили, его демонстрирует вся великая литература. Вряд ли без возникшей на определенном этапе цивилизационного развития способности человека ставить под сомнение поступающую к нему информацию и выносить обоснованные оценки, возникла бы наука. То есть, сам по себе такой тип мышления, который можно было бы назвать «критическим», не нов. Но его исследование, ведущееся как в рамках социально-философского и психологического подхода, так и в проблемном поле когнитивистики, началось относительно недавно. И этому есть ряд весьма убедительных причин.

Распространено мнение, что критическое мышление, присущее людям с более развитыми личностными характеристиками, необходимо лишь для «высокого» уровня интеллектуального творчества, а в обыденной жизни, и в рутинных сферах профессиональной деятельности, оно не востребовано. Разумеется, это не так. Человек и в повседневной жизни, а уж тем более, в профессии, вынужден принимать множество решений, требующих таких процедур, как наблюдательность, анализ и сравнение, выбор из альтернатив. Существенно то, что в современном мире возросла скорость принятия решений, влияющих на судьбы людей. И ряд видов профессиональной деятельности (к ним в первую очередь относится медицина) ежедневно и ежечасно требуют быстрых, точных и обоснованных решений. Поэтому не случайно, что критичность мышления сама по себе выступает предметом научных исследований, будучи рассмотренной в разных ракурсах. В последнее время появилось довольно много работ, посвященных проблеме возникновения

нового знания. И хотя роль критичности мышления в этом процессе непосредственно не изучается, ряд выдвигаемых положений связан с выявлением способности к такому типу мышления. Если «опрокинуть» эти положения на врачебную деятельность, можно акцентировать внимание на следующем. В частности, известно, что новые научные идеи, способные корректировать, а подчас и полностью изменять лечебную практику, формируются как следствие разрешения обнаруживающихся противоречий (внутри научной теории, между устоявшимися теориями и новыми опытными данными, между наблюдениями т. н. народной медицины и медициной «доказательной», часто находящимися в конфликте и другое). Но кто тот субъект, который обнаруживает эти противоречия? Какими свойствами интеллекта он должен обладать? В целом ответ очевиден: именно критичность мышления позволяет видеть новые связи и зависимости явлений, осуществлять их анализ и синтез в новом направлении. Здесь можно построить шкалу, на одном конце которой — чувство уверенности субъекта познания в своих знаниях, а на другом — сомнение в выборе единственного варианта решения. Между тем, общих представлений о критичности ума явно недостаточно, чтобы быть убежденными в правильности принятого врачом решения. Критичность — это целая система параметров личности врача, позволяющая поддерживать здоровье и спасать жизни. Назовем некоторые, на наш взгляд, наиболее существенные, из них.

- Способность собирать и оценивать актуальную информацию, эффективно ее интерпретировать, проверяя на соответствие устоявшимся критериям и стандартам. Например, протоколам диагностики и лечения. Эти протоколы имеют разные уровни доказательности и, соответственно, разные степени рекомендаций («должно», «желательно», «можно»). Однако для ряда методик лечения экспериментальных исследований не существует, методики применяются конвенционально, на основе экспертного согласия. Соответственно, для принятия эффективного решения врачу необходимо действовать — с одной стороны, в соответствии со строгими стандартами (что способно обезопасить его еще и юридически), а — с другой стороны, уметь управлять их использованием. Бездумное следование лечебным протоколам может привести к трагическим исходам.
- Способность мыслить непредвзято, даже будучи приверженцем или последователем той или иной врачебной школы, помня, что каждый организм — уникален, мыслить в рамках альтернативных практик, признавая и оценивая, по мере необходимости, их опыт, следствия и практические последствия.
- Способность к коммуникации, совершенное владение профессиональным языком, эффективное взаимодействие с другими коллегами в поиске решений сложных проблем, а также стремление к преодолению эгоцентризма, личных и корыстных мотивов, соблюдение этических принципов, в особенности в ситуации практически повсеместного лоббирования коммерческих интересов.
- Чтобы реализовать названные выше требования, врач должен знать методы логического исследования и рассуждения и обладать умением эти методы применять.

Таким образом, критическое мышление требует настойчивых усилий по распознаванию проблем, интерпретации данных, оценке доказательств и аргументов, признанию логических отношений между предложениями действенных средств для решения этих проблем.

Приходит ли способность к критическому мышлению сама по себе? Мы не полагаем данными о врожденных структурах, обеспечивающих подобную способность. Поэтому делаем акцент на том, что (а) критическое мышление может быть развито; (б) существуют разработанные методики, кейсы, тренинги, а также блистательный опыт великих Учителей; (в) все уровни обучения — от детских садов до аспирантских спецкурсов по организации научных исследований — целесообразно выстраивать в ключе критического мышления.

Критичность как необходимое качество в работе и последипломном образовании врача (М. Ю. Герасименко)

В научной, практической медицине и в образовании врачей вопросы критичности занимают одно из основополагающих мест при формировании идей и реализации научных достижений, формулировании диагноза и последующем выборе методов лечения, в усвоении и применении знаний, полученных при обучении и так далее. Под понятием «критичность», вероятно, следует признать образ мышления, который в данном обществе и на данном этапе его развития признается нормальным, с умением оценивать собственные мысли, объем своих знаний и возможностей, признать, и в идеале, скорректировать свои действия, исправить ошибки в соответствии с реальными условиями.

Перед врачом всегда существует четыре основных вопроса в работе, требующие критичности мышления. Первый, базовый — это вопрос восприятия себя как специалиста, и окружающего мира в виде совокупности информационного пространства, объема приобретенных знаний и возможности их переосмысления и расширения, применения в клинической практике. Второй — это пациент, который смотрит на врача с противоположных позиций, с одной — «голубчик помоги» и «буду делать всё, что необходимо», пока ему плохо. А с другой — вечный скепсис и неуважение к медицинскому работнику — «а что он знает, это же не интернет, где все уже прописано и определено, поэтому я буду диктовать свои условия». Третий — это родственники, одним из которых «всё равно», главное — «отделаться от больного» и снять с себя все обязанности, а с другой — «Вы здесь нам все обязаны и ничего не понимаете». Четвёртый — администрация, требующая исполнения должностных инструкций и функциональных обязанностей согласно установленным нормативно-правовым документам.

Низкий уровень критичности мышления врача может проявляться в том, что он превращается просто в послушного исполнителя, который внешне четко следует инструкциям и указаниям, забывая или игнорируя свои творческие возможности при обследовании пациента, при постановке диагноза, при выборе методов лечения. Если все идет «гладко», то фиксируются основные атрибуты общепринятого профессионального мышления, и выстраивается строгая схема работы. Все удовлетворены. Однако вдруг появляется пациент, который «не укладывается» в типовые клинические рекомендации, у которого много сопутствующей патоло-

гии, а ранее ему уже «установили» с десяток диагнозов и убедили в них человека. Вот здесь остро проявляется необходимость критического мышления, которое надо рассматривать не только как некий объем знаний, когнитивных навыков, но и как ценность интеллекта, позволяющего «взвешивать» доводы «за» и «против» установленных диагнозов, определять и подвергать их всесторонней проверке. Соответственно, при наличии развитого критического мышления значительно повышается адаптивный потенциал врача и проявляется специализированная врачебная институция.

Что сделать для повышения критичности врача, развития его критического мышления? Совокупность ранее полученных знаний в высшей школе, увеличение их объема при профессиональной подготовке и изучении научной литературы, выдвигающей разные гипотезы, объема «околонаучных» знаний, взятых из интернета и рекламы фармкомпаний, дружеского обмена информацией между коллегами и посещения конференций и конгрессов? Перед врачом встает необходимость осознанного последиplomного образования с целью формирования критического мышления, которое выступает в качестве основной цели профессионализма и важнейшей ценности культуры доктора. При совокупности полученных знаний, практического опыта, возможности расширения когнитивных навыков, умения не только доверять клинично-функциональным, особенно высокотехнологичным методам исследования, но и возродить часто утерянную наблюдательность за динамикой жалоб, внешним видом и функциональными навыками пациента, можно развить критичность. Только тогда критичность будет проявляться в умении обдуманно действовать, проверять и исправлять свои действия и/или ошибки, подвергать возникающие гипотезы всесторонней проверке. Наличие критичности характеризует врача как сформированную и активную личность, сочетается с высоким уровнем интеллекта и общей культуры, а также продвинутым уровнем восприятия окружающего мира. Высококритичные люди с хорошо развитым критическим мышлением становятся лидерами в профессии, образовании и науке. Следует учесть, что часто завышенная самооценка, постоянная критика (не путать с критическим мышлением) формируют примитивную подозрительность и мелочность, ограничивает интеллектуальные и профессиональные возможности врача, не только как специалиста, но и как человека. Следовательно, формирование критического мышления является одной из основополагающих задач высшего и последиplomного образования. Разумная критичность интеллектуально обогащает человека и формирует высококлассного специалиста.

Список литературы (References)

Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М. : Языки русской культуры, 1998.

Bloch M. (1973) *Royal Touch: Sacred Monarchy and Scrofula in England and France*. Montreal: McGill — Queen's University Press.

Гребнева В. Е., Панкова А. В. «Меланхолия как счастье от пребывания в печали», и другие исторически изменчивые одеяния социальных чувств // Вестник РУДН.

Серия: Социология. 2018. Т. 18. No. 3. С. 567—580. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-3-567-580>.

Grebneva V. E., Pankova A. V. (2018) “Melancholy as Happiness of Being in Sorrow”, and Other Historically Variable ‘Dresses’ of Social Emotions. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 18. No. 3. P. 567—580. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-3-567-580>. (In Russ.).

Дробницкий О. Г. Дискуссия по проблемам этики // Вопросы философии. 1971. No. 4. P. 132—135.

Drobnitsky O. G. (1971) Discussion on the Problems of Ethics. *Problems of Philosophy*. No. 4. P. 132—135. (In Russ.).

Идрисов К. А., Краснов В. Н. Состояние психического здоровья населения Чеченской республики в условиях длительной чрезвычайной ситуации. Сообщение III: сравнение трех этапов популяционного исследования 2002, 2004, 2006 гг. // Социальная и клиническая психиатрия. 2008. Т. 18. No. 1. С. 18—21.

Idrisov K. A., Krasnov V. N. (2008) Mental Health of the Chechen Population Exposed to Long-Term Emergency Circumstances. Paper III. Comparison of Three Stages of the Population Study (2002, 2004 and 2006). *Social and Clinical Psychiatry*. Vol. 18. No. 1. P. 18—21. (In Russ.).

Кубряк О. В., Багдасарьян Н. Г., Глазачев О. С., Король М. П., Кулябина Е. В., Лебедев Г. С., Сидякина И. В., Силаева В. Л. Инструменты исследователя и врача: границы достижимых результатов и влияние на выводы исследований. По материалам круглого стола на XIV Вейновских чтениях, 10 февраля 2018 года. К 120-летию П. К. Анохина // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. No. 6. С. 386—406. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.18>.

Kubryak O. V., Bagdasaryan N. G., Glazachev O. S., Korol M. P., Kulyabina E. V., Lebedev G. S., Sidiyakina I. V., Silaeva V. L. (2018) Researcher’s and Doctor’s Tools: The Boundaries of Achievable Results and the Impact on the Study Findings. Proceedings of the XIV Vein Conference Roundtable Held on February 10th, 2018 (to the 120th Anniversary of P. K. Anokhin). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 386—406. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.18>. (In Russ.).

Масленникова Н. В., Кириллова Е. С., Кубряк О. В. Случай лямблиоза, первоначально принимаемого за пневмонию и онкологический процесс // Русский медицинский журнал «Медицинское обозрение». 2019. No. 9. С. 43—46.

Maslennikova N. V., Kirillova E. S., Kubryak O. V. (2019) Giardiasis Case, Originally Mistaken for Pneumonia and the Oncological Process. *Russian Medical Journal “Medical Review”*. No. 9. P. 43—46. (In Russ.).

Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М. : КДУ, 2011.

Mauss M. (2011) *Societies. Exchange. Personality. Works in Social Anthropology*. Moscow: KDU. (In Russ.).

Сорокин П. А. Современное состояние России. Прага, 1922.

Sorokin P. A. (1922) *The Current State of Russia*. Prague. (In Russ.).

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб. : Университетская книга, 1997.

Foucault M. (1965) *Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason*. New York: Random House.

Фуко М. Рождение клиники. М. : Академический проект, 2014.

Foucault M. (1973) *The Birth of the Clinic: An Archaeology of Medical Perception*. New York: Pantheon Books.

Юханнисон К. История меланхолии. О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь. М. : Новое литературное обозрение, 2018.

Johannisson K. (2018) *History of Melancholy. On Fear, Boredom, and Sensitivity in Former Times and Now*. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.).

Anderson C. A., Bushman B. J., Bartholow B. D., Cantor J., Christakis D., Coyne S. M., Donnerstein E., Brockmyer J. F., Gentile D. A., Green C. S., Huesmann R., Hummer T., Krahé B., Strasburger V. C., Warburton W., Wilson B. J., Ybarra M. (2017) Screen Violence and Youth Behavior. *Pediatrics*. Vol. 140. No. 2. P. 142—147. <https://doi.org/10.1542/peds.2016-1758T>.

Duspara B., Greitemeyer T. (2017) The Impact of Dark Tetrad Traits on Political Orientation and Extremism: An Analysis in the Course of a Presidential Election. *Heliyon*. Vol. 3. No. 10. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2017.e00425>.

Evren B., Evren C., Dalbudak E., Topcu M., Kutlu N. (2019) The Impact of Depression, Anxiety, Neuroticism, and Severity of Internet Addiction Symptoms on the Relationship Between Probable ADHD and Severity of Insomnia Among Young Adults. *Psychiatry Research*. Vol. 271. P. 726—731. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2018.12.010>.

Guyatt G. H., Sackett D. L., Sinclair J. C., Hayward R., Cook D. J., Cook R. J., Bass E. B., Gerstein H., Haynes B., Holbrook A., Jaeschke R., Laupacls A., Moyer V., Wilson M. (1995) Users' Guides to the Medical Literature IX. A Method for Grading Health Care Recommendations. *JAMA — Journal of the American Medical Association*. Vol. 274. No. 22. P. 1800—1804. <https://doi.org/10.1001/jama.1995.03530220066035>.

Liu L., Yao Y. W., Li C. R., Zhang J. T., Xia C. C., Lan J., Ma S. S., Zhou N., Fang X. Y. (2018) The Comorbidity Between Internet Gaming Disorder and Depression: Interrelationship and Neural Mechanisms. *Frontiers in Psychiatry*. Vol. 9. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2018.00154>.

СОЦИОЛОГИЯ ИНВАЛИДНОСТИ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.16

Правильная ссылка на статью:

Хакумура Н. Расширение трудоустройства и усилия по повышению долгосрочной занятости инвалидов в Японии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 314—327. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.16>.

For citation:

Hakumura N. (2019) Expanding of employment frames and efforts for increasing long-term employment of disabled in Japan. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 314—327. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.16>.

Н. Хакумура

РАСШИРЕНИЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА И УСИЛИЯ ПО ПОВЫШЕНИЮ ДОЛГОСРОЧНОЙ ЗАНЯТОСТИ ИНВАЛИДОВ В ЯПОНИИ

РАСШИРЕНИЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА И
УСИЛИЯ ПО ПОВЫШЕНИЮ ДОЛГО-
СРОЧНОЙ ЗАНЯТОСТИ ИНВАЛИДОВ В
ЯПОНИИ

EXPANDING OF EMPLOYMENT FRAMES
AND EFFORTS FOR INCREASING LONG-
TERM EMPLOYMENT OF DISABLED IN
JAPAN

ХАКУМУРА Наоя — доцент, Государственный университет Гифу, Гифу, Япония
E-MAIL: hakumura@gifu-u.ac.jp
<https://orcid.org/0000-0002-6423-5592>

Naoya HAKUMURA¹ — Associate Professor
E-MAIL: hakumura@gifu-u.ac.jp
<https://orcid.org/0000-0002-6423-5592>

¹ GIFU University, Gifu, Japan

Аннотация. В последние годы ситуация с занятостью инвалидов в Японии быстро меняется вслед за мировыми тенденциями. В данной статье рассматривается вопрос, насколько повышается уровень занятости инвалидов и какие проблемы возникают в этом процессе. При этом акцент сделан на двух ключевых понятиях: «расширении» трудоустройства и «долгосрочной»

Abstract. In recent years, the employment situation of people with disabilities in Japan has been changing rapidly in the light of global trends. This process is being followed by social and economic changes in the provision of “disability”. Currently, not only the disabled, but also women and foreign citizens are gradually opened the doors to work.

занятости. Вначале рассмотрена история развития политики в отношении трудоустройства инвалидов и в этом контексте проанализирована текущая ситуация. Обращено внимание на законодательно установленные квоты приема на работу инвалидов. Компании, которые не достигают необходимого уровня занятости инвалидов, подвергаются штрафам. В последние годы постепенно расширяется список видов стойких расстройств функций организма, для которых законодательно установлен уровень занятости (квотирование рабочих мест). Принятие такого законодательства и совершенствование системы его применения ведут к тому, что занятость инвалидов постоянно возрастает. Однако это не означает, что в данном процессе не возникает проблем. Одной из самых больших трудностей в последние несколько лет является постепенное сокращение среднего периода работы. Этот показатель различается у людей с разными видами стойких расстройств функций организма, но особенно заметно с каждым годом он снижается у людей с ограниченными умственными способностями, а у людей с психическими заболеваниями период занятости совсем короток по сравнению с людьми с другим характером инвалидности. Конечно, влияние могут оказывать специфические особенности разных видов заболеваний. Для того чтобы понять, с чем связана такая разница, что происходит с рабочей средой инвалидов, был проведен анализ результатов социологических опросов представителей предприятий (организаций) и работников с ограниченными возможностями (особенно людей с психическими заболеваниями). В конце статьи рассмотрены спо-

In this article, we analyze how employment of people with disabilities is being expanded from economic point of view and in what problems arise in this process in Japan. For this purpose, we would like to focus on two keywords, the first is the “expansion” of employment, and the second is the “long-term” employment.

Firstly, we describe the historical development of labor policy in relation to people with disabilities and, in this context, its current statement. The attention here is focused on the percentage of employment for people with disabilities, protected by law that regulates its rate for each company or organization. Companies that do not reach the necessary legal rate of employment are subjected to fines. In the recent past, the policy has been expanded with regard to the types of disabilities, employment rate of which it protects. As the law and its application system were created, indicators of employment of people with disabilities grew steadily.

However, this does not mean that there were no difficulties in this process. Among the various problems, one of the major ones is gradual reduction of the average employment term duration over the past few years. This indicator varies for different types of disability. Especially for people with intellectual disabilities, the average period of work decreases from year to year, and for people with mental illness the period of work is extremely short compared to other types of disabilities. Why does such difference occur? Of course, the characteristics of each disability type may affect the employment term. What happens to their work environment? In order to analyze this point, we reduced the results of questionnaire performed for represent-

собы поддержки занятости инвалидов, которые потребуются от общества в будущем.

atives of enterprises (organizations) and employed people with disabilities (employees with mental illnesses in particular).

Based on this result, we approached the actual intentions of representatives of enterprises (organizations) and working people with disabilities, and added a sociological analysis. Lastly, we observed the method for support of people with disabilities that will be needed in the future.

Ключевые слова: инвалид, квотирование рабочих мест, расширение трудоустройства, долгосрочная занятость, поддержка занятости инвалидов

Keywords: disabled, legal level of employment, expansion of employment, long-term employment, support for disabled people

В декабре 2018 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) опубликовала доклад «Хорошая работа для всех в меняющемся мире труда: новая стратегия занятости ОЭСР»¹. В одной из таблиц представлены межстрановые сравнения по трем количественным характеристикам: «объем работы», «качество работы» и «инклюзивность», которые говорят о том, что на японском рынке труда уровень трудоустройства уязвимых групп (одиноких матерей с детьми, молодых людей без очного образования и профессиональной подготовки, работников в возрасте 55—64 лет, иностранцев, инвалидов) немного недотягивает до среднего по ОЭСР, доля лиц с низкими доходами примерно на 4 % выше среднего, а гендерный разрыв в заработной плате превышает средний уровень по ОЭСР на 20 %. Важно отметить, что правительство Японии обращает пристальное внимание на проблему «инклюзивности» в обществе, и в настоящее время реализуются различные инициативы, нацеленные на ее решение. Данная статья посвящена инклюзии инвалидов, которую мы рассмотрим сквозь призму возможностей и проблем трудоустройства в Японии этой группы населения.

1. Законодательное регулирование уровня трудоустройства инвалидов

При рассмотрении ситуации с трудоустройством инвалидов в Японии появляются два ключевых слова. Первое — «расширение» трудоустройства, второе — «долгосрочная» занятость. Отталкиваясь от этих двух ключевых слов, в данной статье будут представлены текущая ситуация и проблемы трудоустройства инвалидов в Японии. В статье использованы следующие официальные данные: 1) статистика трудоустройства инвалидов, представленная в сборнике «Исследование занятости инвалидов» (данные по состоянию на 2013 г., публикуются один раз

¹ *Good Jobs for All in a Changing World of Work: The OECD Jobs Strategy*. URL: <https://www.oecd.org/mcm/documents/C-MIN-2018-7-EN.pdf> (дата обращения: 15.10.2019).

в пять лет) Министерства здравоохранения, труда и социального обеспечения Японии², регулирующего занятость инвалидов; 2) статистика трудоустройства инвалидов (данные по состоянию на 2016 г.), публикуемая Государственным управлением безопасности труда при Министерстве здравоохранения, труда и социального обеспечения³ (известным как Hello Work; данная структура представлена в 544 населенных пунктах по всей стране). Hello Work оказывает существенную помощь при поиске работы и здоровым людям, но для ищущих работу инвалидов имеется возможность зарегистрироваться в базе данных, используя отдельное окно и при помощи специального персонала и консультантов по вопросам трудоустройства; 3) статистика, опубликованная в «Ежегоднике деятельности Центра трудоустройства и жизнеобеспечения инвалидов»⁴ (известного как Nakapotsu; филиалы Центра представлены в 322 населенных пунктах по всей стране), который проводит комплексное консультирование и поддержку инвалидов на бесплатной основе.

Известно, что на два ключевых показателя (уровень трудоустройства инвалидов и долгосрочность их занятости) значительно влияют социально-экономические факторы: с одной стороны, то, как инвалидов воспринимает общество, с другой — активность самих инвалидов: насколько они заинтересованы в работе и готовы к изменениям рабочей среды. К примеру, в СССР в 1920-х годах были созданы санкционированные государством общества инвалидов, благодаря их сотрудничеству с государством и другими организациями сформировалась культура, на основе которой выстраивалась система специализированного образования и занятости. В Японии подобные общества инвалидов формировались уже после Второй мировой войны, что было обусловлено необходимостью создания системы оказания государственной помощи, связанной с послевоенными нуждами (забота об инвалидах войны, детях-сиротах, бедных и т.д.). Опыт деятельности этих обществ был изучен в процессе развития правового обеспечения инвалидов.

В Японии, в соответствии с зарубежным опытом, на основе «медицинской» и «социальной» парадигм инвалидности возникло общественное движение, направленное на признание существования уникальной культуры инвалидов («культурная модель» инвалидности). Например, в 1996 г. журнал «Современная мысль» опубликовал статью «Декларация культуры глухих», которая привлекла внимание общественности. В статье подчеркивалось, что «глухие — это языковое меньшинство, которое говорит на отличном от японского языке — на японском языке жестов». Данная статья содействовала совершенствованию системы обучения переводчиков на язык жестов, который и сегодня используется в сфере труда, на телевидении и в политике.

В этом параграфе мы рассмотрим ситуацию с трудоустройством инвалидов в Японии. Акцент будет сделан на более формальных факторах, а именно на за-

² 厚生労働省「平成25年度障害者雇用実態調査の結果」(2014) URL: <https://www.mhlw.go.jp/stf/houdou/0000068921.html> (дата обращения: 01.04.2019).

³ 厚生労働省「平成29年度 障害者の職業紹介状況等」(2017) URL: www.mhlw.go.jp/stf/houdou/0000208340.html (дата обращения: 01.04.2019).

⁴ 公益財団法人 日本知的障害者福祉協会「就業・生活センター実態調査報告」. URL: <http://www.aigo.or.jp/choken/chosa.html> (дата обращения: 01.04.2019).

конодательстве, направленном на содействие трудоустройству инвалидов, и его экономических аспектах.

В последние годы в Японии произошли серьезные изменения в законодательстве, направленном на поддержку инвалидов. Конвенция о правах инвалидов была принята Генеральной Ассамблеей ООН в 2006 г. Япония ратифицировала данную Конвенцию в 2007 г., в связи с чем потребовалось срочно прикладывать усилия к разработке внутреннего законодательства и совершенствованию социальных условий в различных областях. В рамках данной задачи в быстром темпе были внесены изменения в «Основной закон об инвалидах» (2011 г.), приняты «Закон о всесторонней поддержке повседневной и социальной жизни инвалидов» (2012 г.) и «Закон о ликвидации дискриминации в отношении инвалидов», внесены изменения в «Закон о содействии занятости инвалидов» (2013). 20 января 2014 г. акт о ратификации Конвенции о правах инвалидов был передан на хранение в ООН, и 19 февраля того же года она официально вступила в силу в Японии. Это широко освещалось в СМИ с целью усиления осознания гражданами своей социальной ответственности.

Рассмотрим кратко историю законодательной защиты прав инвалидов в Японии. Первый законодательный акт, направленный на поддержку трудоустройства инвалидов в Японии, «Закон о трудоустройстве инвалидов», был введен в действие в 1960 г. В рамках этого закона была установлена квота на рабочие места для инвалидов, обязательная не только для предприятий госсектора, но и для частных предприятий, что и было основной целью предпринимаемых усилий. Хотя данный закон стал важным шагом на пути расширения возможностей для трудоустройства инвалидов, гражданам с тяжелыми расстройствами функций организма было по-прежнему трудно найти работу в своем районе. Считалось естественным, что они сидят дома или находятся в специальных учреждениях, в том числе и после достижения своего совершеннолетия.

Требования закона постепенно распространялись в различные сферы, и в 1976 г. установленная законом квота стала обязательной для всех организаций. Размер квоты на трудоустройство граждан с ограниченными возможностями также постепенно рос. Первоначально, по закону 1960 г., квота составляла 1,5 %. В 1987 г. ключевые пункты Закона о содействии занятости инвалидов были пересмотрены: его нормы стали распространяться не только на людей с ограниченными физическими возможностями, но и на граждан с другими видами инвалидности, включая людей с ограниченными умственными возможностями и с психическими заболеваниями, не позволяющими работать на общих основаниях. В 1998 г. люди с ограниченными умственными способностями вошли в число категорий населения, уровень занятости которых установлен законодательно. В ходе дальнейших изменений этого закона в 2013 г. была введена квота для людей с психическими заболеваниями. С апреля 2020 г. в компаниях, штат которых насчитывает более 45,5 ставок, квота вырастет с 2,0 % до 2,2 %, включая граждан с психическими заболеваниями; кроме того, было установлено, что в частных фирмах квота для инвалидов также должна повыситься до 2,2 % и затем до 2,3 % в течение ближайших трех лет. В связи с установлением квот введена также система штрафов и субсидий. С организаций, не достигших законодательно установленного уров-

ня занятости инвалидов, предполагается взимание штрафов (штраф за одного недостающего сотрудника с ограниченными возможностями составляет 50 000 японских иен в месяц). В то же время для поддержки компаний, которые поддерживают официальные нормативы — поддерживают уровень трудоустройства инвалидов не ниже законодательно установленного, предусмотрена обширная система субсидирования, а также ежемесячное пособие в размере 27 000 японских иен на одного сотрудника с ограниченными способностями. Благодаря такой политике и постоянному совершенствованию трудового законодательства официальные показатели занятости инвалидов с каждым годом стабильно растут.

2. Расширение трудоустройства инвалидов

Согласно статистическим данным, опубликованным Кабинетом министров Японии в 2018 г. (см. табл. 1), общее число людей с ограниченными физическими и умственными возможностями, а также с психическими заболеваниями, составляет около 8 577 000 человек. Таким образом, в целом около 7 % населения Японии имеет какую-либо инвалидность.

Таблица 1. Число инвалидов (единица: 10,000)

	Общее число	До 17 лет	От 18 лет	Возраст неизвестен
Люди с ограниченными физическими возможностями	436	7,1	419,4	9,3
С ограниченными умственными возможностями	108,2	22,1	84,2	1,8
С психическими заболеваниями	392,4	До 19 лет	От 20 лет	1
		26,9	365,5	

Источник: 内閣府『平成30年版 障害者白書』(2018) URL: <https://www8.cao.go.jp/shougai/whitepaper/h30hakusho/zenbun/index-w.html> (дата обращения: 01.04.2019).

Как и во всех странах мира, в Японии существуют различные способы поиска места работы. Среди них наиболее распространена и широко известна подача заявления о поиске работы в вышеупомянутую организацию содействия трудоустройству Hello Work. Рассмотрим статистику, опубликованную непосредственно Hello Work (см. табл. 2).

По статистике, отражающей ситуацию с трудоустройством инвалидов в последние годы, видно, что темпы роста занятости снизились по сравнению с предыдущим периодом, но уровень занятости (число случаев трудоустройства / число заявок новых соискателей) ежегодно продолжает расти. Важно отметить, что в табл. 2 указан показатель трудоустройства, а не число людей, которые нашли работу. Таким образом, в этих статистических данных учитывается и выход на новую работу после увольнения.

Таблица 2. Ситуация с трудоустройством инвалидов в Hello Work

Год	Число заявок на новых соискателей		Число действительных соискателей		Число случаев трудоустройства		Уровень занятости (3/1)	
		По сравнению с прошлым годом		По сравнению с прошлым годом		По сравнению с прошлым годом		По сравнению с прошлым годом
2012	161,941	9,2%	198,755	8,9%	68,321	15,1%	42,2	2,2%
2013	169,522	4,7%	207,956	4,6%	77,883	14,0%	45,9	3,7%
2014	179,222	5,7%	218,913	5,3%	84,602	8,6%	47,2	1,3%
2015	187,198	4,5%	231,066	5,6%	90,191	6,6%	48,2	1,0%
2016	191,853	2,5%	240,744	4,2%	93,229	3,4%	48,6	0,4%

Источник: 厚生労働省職業安定局 (ハローワーク)「障害者雇用の現状等」(2017) URL: www.mhlw.go.jp/file/05-Shingikai.../0000178930.pdf (дата обращения: 01.04.2019).

На повышение уровня занятости инвалидов большое внимание обращено в правительственной инициативе «Реформа стиля работы»⁵. Ее цель — создание общества, в котором люди смогут выбирать работу в соответствии с личными обстоятельствами, и каждый работающий человек будет иметь карьерные перспективы. Конкретное содержание реформы прописано в «Плане реализации реформы стиля работы», анонсированном 28 марта 2017 г. Реформа состоит из трех основных пунктов: 1) улучшение условий работы (преодоление разницы в заработной плате между штатными и внештатными сотрудниками и т. д.); 2) преодоление ограничений (ограничений рабочего времени и места, предоставление возможности достижения баланса между уходом за детьми и работой, содействие занятости инвалидов); 3) построение карьеры (возможность выбирать рабочее место в соответствии с изменениями образа и уровня жизни). В п. 12 раздела 2 «Продвижение поддержки занятости с учетом желаний и способностей инвалидов» указаны следующие направления: долгосрочная поддержка занятости; последовательная поддержка занятости инвалидов, начиная со школьных лет; содействие занятости на дому; укрепление сотрудничества между сельским хозяйством и социальным обеспечением. План составлен до 2027 г., но представляется, что он получит продолжение.

Этот правительственный план также призван поддержать экономику Японии, испытывающую острый дефицит рабочей силы. Ожидается, что такие меры положительно повлияют на увеличение числа рабочих мест в будущем. В табл. 3 отражены показатели трудоустройства инвалидов в зависимости от вида инвалидности. Эти данные показывают: в то время как у людей с ограниченными физическими

⁵ 厚生労働省「働き方改革」の実現に向けて. URL: <https://www.mhlw.go.jp/stf/seisakunitsuite/bunya/0000148322.html> (In Japanese) (дата обращения: 19.04.2019).

возможностями уровень трудоустройства по сравнению с предыдущим годом уменьшился, у людей с ограниченными умственными возможностями он вырос, а у людей с психическими заболеваниями — вырос значительно (см. табл. 3).

Таблица 3. Число трудоустройств в зависимости от вида инвалидности

Год	Люди с ограниченными физическими возможностями		Люди с ограниченными умственными возможностями		Люди с психическими заболеваниями	
		По сравнению с прошлым годом		По сравнению с прошлым годом		По сравнению с прошлым годом
2012	26,573	6.9%	16,030	11.9%	23,861	26.6%
2013	28,307	6.5%	17,649	10.1%	29,404	23.2%
2014	28,175	△ 0.5%	18,723	6.1%	34,538	17.5%
2015	28,003	△ 0.6%	19,958	6.6%	38,396	11.2%
2016	26,940	△ 3.8%	20,342	1.9%	41,367	7.7%

Источник: 厚生労働省職業安定局(ハローワーク)「障害者雇用の現状等」(2017) URL: www.mhlw.go.jp/file/05-Shingikai.../0000178930.pdf (дата обращения: 01.04.2019).

В каких же отраслях работают инвалиды? Статистические данные показывают следующее: наибольшее число случаев трудоустройства инвалидов зарегистрировано в медицине и социальной сфере (38,0%), в производстве (13,2%), оптовой и розничной торговле (12,4%) — такая тенденция справедлива для инвалидов со всеми видами инвалидности. По сравнению с предыдущим годом наблюдается рост занятости в системе государственного и муниципального управления (на 14,0%), а также гостиничном бизнесе и сфере общественного питания (на 7,9%). Велика занятость инвалидов в следующих профессиях: «транспорт, уборка и упаковка» (34,9%), «офисная работа» (20,1%), «производственный процесс» (13,3%) и «сервис» (12,1%). Что касается связи профессии с видом инвалидности, то большая доля людей с ограниченными физическими возможностями занята «офисной работой» (26,3%), а с ограниченными умственными способностями — «транспортом, уборкой и упаковкой» (48,4%). Независимо от вида профессии, 51,6% инвалидов работают не более 30—40 часов в неделю, 25% — менее 20—30 часов; 40 часов в неделю заняты 13% инвалидов.

Таким образом, в последние годы трудоустройство инвалидов неуклонно растет благодаря различным экономико-политическим мерам — основанным на Законе о трудоустройстве инвалидов системам поддержки и показавшему свою эффективность совершенствованию планов по достижению уровня трудоустройства для инвалидов по программе Hello Work [川村宣, 2018].

3. Усилия по долгосрочной занятости

Расширение трудоустройства инвалидов не означает, что никаких проблем в этой сфере не существует. Можно сказать, что дверь в сферу труда постепенно открывается, частично из-за вышеуказанных мер в области законодательства. Рассмотрим проблемы, возникающие сегодня при трудоустройстве инвалидов в Японии, и меры, принимаемые для их решения. Среди проблем в последние нескольких лет одной из самых серьезных является постепенное сокращение периода занятости. У людей с ограниченными умственными способностями средний период занятости год от года снижается, а у людей с психическими заболеваниями период занятости очень короток по сравнению со страдающими другими видами инвалидности (см. табл. 4). Следует отметить, что сокращение периода занятости негативно влияет на последующее трудоустройство и карьерные перспективы.

Таблица 4. Средний период занятости инвалидов

Год	Люди с ограниченными физическими возможностями	Люди с ограниченными умственными возможностями	Люди с психическими заболеваниями
1998	12 лет	6 лет 10 мес.	-
2003	10 лет	9 лет 3 мес.	3 года 9 мес.
2008	9 лет 2 мес.	9 лет 2 мес.	6 лет 4 мес.
2013	10 лет	7 лет 9 мес.	4 года 3 мес.

Источник: 厚生労働省職業安定局 (ハローワーク)「障害者雇用の現状等」(2017) URL: www.mhlw.go.jp/file/05-Shingikai.../0000178930.pdf (дата обращения: 01.04.2019).

Последние статистические данные говорят о том, что среди инвалидов, продолжающих работать более трех месяцев, 77,8% составляют люди с ограниченными физическими возможностями, 85,3% — с ограниченными умственными способностями, 69,9% — с психическими заболеваниями, 84,7% — с нарушениями развития. Среди работающих более года 60,8% составляют люди с ограниченными физическими возможностями, 68,0% — с ограниченными умственными способностями, 49,3% — с психическими заболеваниями и 71,5% — с нарушениями развития [高瀬健一他, 2017].

Были выявлены три тенденции, касающиеся средней продолжительности периода работы инвалидов: 1) при любом виде инвалидности период работы в зависимости от типа вакансии убывает в следующем порядке: вакансия только для инвалидов; общее предложение работы, содержащее информацию о работе с инвалидами; предложение без такой информации; 2) период работы также зависит от размера компании: если компания крупная, то период работы длинный; кроме того, малые и средние предприятия чаще трудоустраивают инвалидов на общих основаниях; 3) период работы длительнее при наличии поддержки трудоустройства в виде обучения перед началом работы, сотрудничества с Hello Work и соответствующей местной организацией.

Данные последнего исследования о состоянии занятости инвалидов, реализуемого раз в пять лет Министерством здравоохранения, труда и социального

обеспечения, были опубликованы в 2013 г. В рамках этого исследования по всей стране был проведен опрос примерно 13 100 организаций, случайным образом выбранных из числа частных предприятий, в которых работают пять или более сотрудников (на вопросы анкеты ответили 66,0 % предприятий). Кроме того, был проведен опрос людей с ограниченными физическими возможностями, с ограниченными умственными способностями и с психическими заболеваниями, которые работают в половине указанных компаний (в частности, на вопросы анкеты ответили 552 инвалида с психическими заболеваниями (52,6 % всех опрошенных)). Результаты этих опросов позволяют проанализировать разницу в представлениях работодателей, которые трудоустраивают инвалидов, и самих инвалидов (людей с психическими заболеваниями), которые у них трудоустроены. В рамках этой статьи мы рассмотрим три вопроса из обследования предприятий: 1) проблемы при трудоустройстве инвалидов, 2) на какие особенности работы инвалидов обращается внимание, 3) причины, по которым инвалиду отказывают в трудоустройстве.

В отношении людей с психическими заболеваниями 77,3 % организаций указали на наличие проблем (72,2 % — в отношении людей с ограниченными физическими возможностями и 76,6 % — в отношении лиц с ограниченными умственными способностями). Респонденты сопроводили свои ответы следующими комментариями: «Не знаю, есть ли для людей с психическими заболеваниями подходящая работа в компании» (77,2 %), «Не ясно, могут ли сотрудники понять характер инвалидности» (47,4 %), «Можно ли в полной мере определить их способности и соответствующую им работу?» (43,2 %).

66,0 % предприятий «обращают внимание» на особенности работы людей с психическими заболеваниями (на особенности работы людей с ограниченными физическими возможностями — 73,8 %; с ограниченными умственными способностями — 68,4 %). Среди ответивших таким образом 48,0 % обращают внимание на «их хождение в больницу, принятие лекарств».

Кстати, компании, которые просят у соответствующих организаций помощи в обеспечении долгосрочной занятости людей с психическими заболеваниями, составляют 8,5 % от общего числа предприятий (людей с ограниченными физическими возможностями — 13,0 %; людей с ограниченными умственными способностями — 12,6 %).

Что касается причин отказа в трудоустройстве людям с психическими заболеваниями, то 80,1 % работодателей указали на то, что «нет работы, подходящей для инвалидов»; 36,6 % — на то, что инвалиду «трудно будет адаптироваться к рабочему месту»; 31,0 % — на то, что «устройство и оборудование на рабочем месте не подходят для работы инвалида». В отношении людей с ограниченными физическими возможностями были названы следующие причины: 84,3 % — «нет работы, подходящей для инвалидов», 46,7 % — «устройство и оборудование на рабочем месте не подходят для работы инвалида», 19,2 % — «инвалидам будет трудно адаптироваться к рабочему месту»; в отношении людей с ограниченными умственными способностями: 87,6 % — «нет работы, подходящей для инвалидов», 34,2 % — «устройство и оборудование на рабочем месте не подходят для работы инвалида» и 30,8 % — «инвалиду будет трудно адаптироваться к рабочему месту».

Теперь проанализируем мнение о трудоустройстве и рабочей среде трудоустроенных инвалидов, особенно людей с психическими заболеваниями. На вопросы анкеты ответили 552 работника с психическими заболеваниями (мужчины составили 63,3%, женщины — 35,2%; 1,5% респондентов воздержались от ответа), доля представителей преобладающей возрастной категории (35—39 лет, 52,6% всех участников анкетирования) оказалась среди них самой высокой и составила 20,9%. Что касается отраслей, в которых заняты эти респонденты, то 21,2% работают в промышленности, 20,5% — в оптовой и розничной торговле.

37,0% респондентов, которым диагноз психического заболевания был поставлен до прихода в нынешнюю компанию, ранее работали в других организациях. Среди причин ухода с прежней работы чаще всего назывались «личные причины» (56,5%), а среди них в качестве основных указывались «атмосфера и отношения между коллегами» (33,8%), «неудовлетворенность заработной платой и условиями труда» (29,7%), «быстрая утомляемость, невозможность поддерживать свои силы и мотивацию», «несоответствие должности (неподходящая, по мнению респондента, работа)» (28,4%).

Каково же мнение самих инвалидов об оказываемой им поддержке на рабочем месте? 72,3% людей с психическими заболеваниями ответили, что они получают связанную с инвалидностью помощь на рабочем месте. Наиболее распространенными видами поддержки оказались «облегчение процедуры получения отпуска при плохом состоянии» (50,6%), «возможность коррекции рабочего времени, например, сокращение рабочего дня» (40,9%), «изменение должности, позволяющее максимально показать свои способности» (38,3%). Респонденты, не получающие поддержку, называли следующие причины: «потому что не чувствую в этом особой необходимости» (41,0%) и «потому что в компании нет системы поддержки и т. д.» (35,1%). Кроме того, некоторые респонденты не получают поддержку в компании, поскольку не хотят, чтобы коллеги знали об их болезни (20,9%). Эта причина, как и ответ «не чувствую поддержку особенно необходимой», являются важными моментами при рассмотрении вопроса о занятости людей с психическими заболеваниями. В Японии инвалид при поиске работы может воспользоваться тремя видами вакансий: вакансии только для инвалидов, вакансии с информацией о работе с инвалидами и вакансии без такой информации. В последнем случае инвалид не может использовать государственную систему поддержки занятости (например, наставника по трудоустройству, который помогает инвалидам в поиске новой работы и в процессе адаптации к работе), и в результате вероятность увольнения с работы возрастает.

В Центре поддержки занятости и жизнедеятельности инвалидов был проведен крупномасштабный опрос сотрудников в рамках «Национального исследования по поддержке занятости людей с психическими заболеваниями» [佐藤さやか他, 2015]. При ответе на вопрос «С какими трудностями вы сталкиваетесь при взаимодействии с людьми с психическими заболеваниями?» (требовалось назвать три наиболее сильно ощущаемые трудности) 60,8% ответивших сотрудников (n = 199) отметили «отсутствие осознания заболевания или отсутствие прогресса в принятии инвалидности», 29,15% — «несоответствие между желанием инвали-

да и семьи или поддержкой окружающих», 25,63 % — «трудно оценить реальное состояние инвалида» и 12,56 % — «инвалид может избежать раскрытия своей инвалидности».

47,1 % инвалидов указали, что для продолжения работы необходимо улучшение отношения к ним в компаниях. В частности, инвалиды требуют «оценки профессиональных качеств и карьерного продвижения согласно способностям человека» (31,2 %) и «облегчения процедуры получения отпуска при плохом состоянии здоровья» (23,1 %).

Следует отметить, что примерно 50 000 инвалидов каждый год регистрируются в Центре поддержки занятости и жизнедеятельности инвалидов и получают какую-либо помощь в поиске работы (около 48 000 человек было зарегистрировано в 2016 г.). Среди зарегистрированных около половины — люди с ограниченными умственными способностями, около 30 % — с психическими заболеваниями и около 20 % — с ограниченными физическими возможностями. Большинство зарегистрированных инвалидов (приблизительно 50 %) живут с семьей, одиноко проживают менее 10 %, а остальные (за исключением случаев отсутствия ответа и неясной ситуации) живут в специализированных домах с групповым проживанием (дома, в которых при поддержке смотрителя в квартирах живут люди с ограниченными умственными и физическими возможностями, а также с психическими заболеваниями).

В отчете Центра поддержки занятости и жизнедеятельности инвалидов за 2017 г. были опубликованы статистические данные о числе увольнений людей с психическими заболеваниями за последние два года и их причинах (см. табл. 5).

Таблица 5. Число увольнений людей с психическими заболеваниями

Год	Общее число	Возраст					
		До 19 лет	20—29 лет	30—39 лет	40—49 лет	50—59 лет	60 лет и более
2015	661	3	137	240	208	57	16
2016	737	8	168	248	212	86	15

Источник: 公益財団法人 日本知的障害者福祉協会「就業・生活センター実態調査報告」. URL: <http://www.aigo.or.jp/choken/chosa.html> (дата обращения: 01.04.2019).

Статистика показывает, что большинство людей с психическими заболеваниями после тридцати лет уходят с работы. Но остаются вопросы, смогут ли они трудоустроиться сразу после увольнения, и что вообще происходит с карьерой инвалидов после ухода с работы.

Стоит отметить, что среди факторов ухода с работы быстрый рост наблюдался у «причин, связанных с ситуацией на рабочем месте». В связи с этим в последние годы Министерство здравоохранения, труда и социального обеспечения Японии начало прикладывать новые усилия к решению этой проблемы. В частности, с сентября 2017 г. оно приступило к осуществлению учебной программы для сотрудников компаний, работающих вместе с людьми с психическими заболеваниями и нарушениями развития. Программа предусматривает проведение по всей стране

учебных курсов (около двух часов), направленных на воспитание социальной активности, а также передачу знаний, необходимых для понимания характера инвалидности людей с психическими заболеваниями и нарушениями развития. Целью курсов является формирование в компаниях сторонников людей с психическими заболеваниями и нарушениями развития, которые присмотрят за инвалидами на рабочем месте и проявят к ним теплое отношение.

В этой статье рассмотрены причины ухода с работы людей с психическими заболеваниями на основе двух исследований: 1) исследования о состоянии занятости инвалидов, проведенного Министерством здравоохранения, труда и социального обеспечения, и 2) исследования, проведенного Центром поддержки занятости и жизнедеятельности инвалидов (см. табл. 6).

Таблица 6. **Причина увольнения людей с психическими заболеваниями**

Год	Общее число	Причина					
		Рабочее место (1)	Личные причины (2)	Жизненная ситуация (3)	Поддержка (4)	Сезонная занятость (5)	Другое (в том числе неизвестные факторы)
2015	690	75	504	24	2	31	54
2016	757	128	515	27	5	32	50

Источник: 公益財団法人 日本知的障害者福祉協会「就業・生活センター実態調査報告」. URL: <http://www.aigo.or.jp/choken/chosa.html> (дата обращения: 01.04.2019).

Примечание:

(1) — причины, связанные с работой, такие как отсутствие понимания со стороны коллег по работе, личные отношения, издевательства, увольнение и т. д.;

(2) — факторы, связанные с самим человеком, такие как физическая сила и здоровье, болезнь, отсутствие или снижение профессиональных способностей, снижение готовности работать, отсутствие социальной активности, незначительное нарушение прав и т. д.;

(3) — причины, связанные с жизненной ситуацией, которые включают нестабильные условия жизни, непонимание со стороны семьи, непривычный стиль жизни и т. д.;

(4) — факторы, характеризующие получаемую поддержку: число и возможности оказывающих помощь людей, отсутствие системы поддержки, отсутствие координации с соответствующими организациями и т. д.;

(5) — сезонная занятость включает краткосрочную трудовую занятость.

Разница между этими исследованиями, помимо даты их проведения, заключается в том, что в первом случае, поскольку исследование проводилось министерством, была возможность требований административного характера, а во втором случае исследование проводилось организацией, ежедневно занимающейся поддержкой людей с психическими заболеваниями, поэтому в нем с большей вероятностью отражено истинное мнение респондентов. Указанные различия, по-видимому, повлияли на ответы. Общим для обоих случаев было указание на «личные причины» ухода с работы, но далее в первом исследовании люди с психическими заболеваниями указывали на «атмосферу и отношения между коллегами в компании» (56,5 %) и «неудовлетворенность заработной платой и условиями труда» (29,7 %), то есть проявляли неудовлетворенность

компанией, а во втором исследовании — искали причину ухода с работы в себе. Соответственно, можно полагать, что если до сих пор большое внимание уделялось созданию среды для занятости людей с психическими заболеваниями, то в будущем система поддержки занятости инвалидов в Японии будет сосредоточена на факторах, связанных с самим человеком (группа (2)), или на реконструкции рабочей среды с целью оказания положительного влияния на эти факторы. Предпринятая Министерством здравоохранения, труда и социального обеспечения попытка воспитать коллег — сторонников инвалидов на рабочем месте в этом смысле является первым шагом. Хотя результаты последнего проведенного Министерством опроса пока не обнародованы, важно уделять внимание тому, на каких направлениях политики поддержки занятости инвалидов необходимо поставить акцент.

Список литературы (References)

高瀬健一他「障害者の就業状況等に関する調査研究」独立行政法人高齢・障害・求職者雇用支援機構 障害者職業総合センター調査研究報告書№ 137、2017年。

Kenichi TAKASE et al. (2017) Research on employment status of Persons with Disabilities. Research Report No. 137. National Institute of Vocational Rehabilitation.

川村宣輝「精神障害者の職場定着の要因に関する一考察: 合理的配慮の提供が及ぼす影響」東京成徳大学研究紀要第25号、2018年、137—147頁。

Nobuki Kawamura (2018) A Study of the Factors Contributing to Continued Employment of Persons with Mental Disabilities: The Effects of Reasonable Accommodation. Tokyo Seitoku University bulletin. Vol. 25. P. 137—147.

佐藤さやか他「障害者就業・生活支援センターにおける精神障害者への就労支援に関する全国実態調査」(最終報告)

Sayaka Sato et al. (2015) National Survey on Employment Support for Persons with Mental Disabilities at the Employment and Living Support Center for the Disabled. Final Report. URL: <http://www.sien-nw.jp/wp/wp-content/uploads/2015/06/1507Investigation.pdf> (accessed: 01.04.2019).

СОЦИОЛОГИЯ ИНВАЛИДНОСТИ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.17

Правильная ссылка на статью:

Александрова О. А., Кочкина Е. В., Ненахова Ю. С. Легко ли инвалиду найти работу в Москве? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 328—350. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.17>.

For citation:

Aleksandrova O. A., Kochkina E. V., Nenakhova Y. S. (2019) Is It Easy for Disabled People to Find a Job in Moscow?. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 328—350. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.17>.

О. А. Александрова, Е. В. Кочкина, Ю. С. Ненахова ЛЕГКО ЛИ ИНВАЛИДУ НАЙТИ РАБОТУ В МОСКВЕ?

ЛЕГКО ЛИ ИНВАЛИДУ НАЙТИ РАБОТУ В МОСКВЕ?

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Аркадьевна — доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук, Москва, Россия; профессор Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: a762rab@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9243-9242>

IS IT EASY FOR DISABLED PEOPLE TO FIND A JOB IN MOSCOW?

Olga A. ALEKSANDROVA^{1,2} — Dr. Sci. (Econ.), Deputy Director; Professor, Department of Sociology

E-MAIL: a762rab@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9243-9242>

¹ Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (ISESP RAS), Moscow, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

КОЧКИНА Елена Викторовна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук, Москва, Россия; аналитик, НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента, Москва, Россия
E-MAIL: ekochkina@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6123-348X>

НЕНАХОВА Юлия Сергеевна — научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: yulia-nenakhova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5865-1012>

Аннотация. Ратифицировав Конвенцию ООН о правах инвалидов, Россия приняла на себя обязательства по обеспечению гражданам с серьезными ограничениями по здоровью продуктивной занятости. Утверждены директивные документы с плановыми показателями трудоустройства инвалидов на уровне наиболее развитых стран. Насколько удастся реализовать задуманное с учетом довольно низких отметок, с которых России приходится «стартовать»? В статье представлены результаты масштабного социологического исследования, посвященного вопросам трудоустройства инвалидов на столичном рынке труда. Исследовательский инструментарий включал массовый опрос инвалидов-москвичей всех основных восьми видов стойких расстройств функций организма, серию экспертных интервью с четырьмя группами экспертов, контент-анализ СМИ и интернет-ресурсов. Показано, что инвалиды всех возрастов, особенно среднего и предпенсионного, весьма заинтересованы в трудоустройстве.

Elena V. KOCHKINA^{1,3} — Cand. Sci. (Pol. Sci.), Senior Researcher; Analyst
E-MAIL: ekochkina@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6123-348X>

Yulia S. NENAKHOVA¹ — Researcher
E-MAIL: yulia-nenakhova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5865-1012>

¹ Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (ISESP RAS), Moscow, Russia

³ Research Institute of Healthcare and Medical Management, Moscow, Russia

Abstract. By ratifying the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities, Russia has committed to providing its citizens who have severe medical problems with productive employment. The country approved the key papers with target indicators concerning the employment of people with disabilities at similar levels to developed nations. But will the Russian government be capable of embodying the plan given a very low starting point? The article provides the results of a large-scale study devoted to the employment challenges the disabled persons face in the labor market. The research tools included a survey of disabled Muscovites with all eight types of body dysfunctions, a series of expert interviews with four groups of experts, an analysis of mass media content and online resources. The study shows that the disabled persons of all ages (especially in middle or pre-retirement age) are interested to get a job; however, even in Moscow, with all its financial capacities and well-developed labor market, they

Но даже в Москве, с ее бюджетными возможностями и развитым рынком труда, им нелегко найти работу. Особенно это касается москвичей, имеющих более тяжелые группы инвалидности, в частности, передвигающихся на инвалидном кресле, страдающих расстройствами интеллекта и психики, незрячих. В то же время инвалиды с более легкими группами инвалидности, не желая терять дополнительную доплату к пенсии по инвалидности и право на бесплатные технические средства реабилитации, предпочитают трудиться «в тени». Исследование позволило обнаружить и иные затрудняющие трудоустройство инвалидов дисфункции: изъяны в реализации программы расширения доступности городской среды; архаизмы и нечеткость в работе медико-социальной экспертизы; непродуманность внедрения инклюзии в образование; низкую эффективность системы квотирования рабочих мест; отсутствие необходимой поддержки специализированных предприятий инвалидов и др. Уместно предположить, что полученные результаты выходят за рамки изучавшегося региона: проблемы, обнаруженные в благополучной Москве, тем более характерны для российской провинции.

Ключевые слова: инвалиды, трудоустройство, занятость, рынок труда, Москва

find it extremely hard to be hired. This is particularly true for the severely disabled Muscovites, for example, those who are wheelchair users, developmentally impaired, mentally disabled or visually impaired. At the same time, the disabled persons from a lighter disability groups prefer to work in the shadows, not willing to lose their Moscow's disability pension supplement and their right to get rehabilitation equipment for free. Other obstacles hampering the employment of the disabled persons are as follows: loopholes in the implementation of a more accessible urban environment; archaic style and poor coordination in the work of social security medical assessment board; introduction of inclusive education not well thought-out; low effectiveness of the employment quota system; lack of support from specialized enterprises. The authors assume that the findings go far beyond the region under consideration: the problems of Moscow, flourishing enough, may well be typical of the Russian province.

Keywords: people with disabilities, employment, labor market, Moscow

Введение

Одна из утвержденных ООН целей устойчивого развития в качестве ориентира содержит обеспечение к 2030 г. полной и производительной занятостью всех женщин и мужчин, включая инвалидов¹. Содействовать достижению поставленной цели должно выполнение странами, присоединившимися к Конвенции ООН о правах инвалидов, обязательств по обеспечению инвалидам возможности тру-

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // Организация объединенных наций. Генеральная Ассамблея. 2015. 21 октября. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf> (дата обращения: 15.12.2019).

даться и тем самым повышать свое благосостояние. В свете этих обязательств в России, ратифицировавшей Конвенцию в 2012 г., было существенно изменено и дополнено законодательство [Методология..., 2018: 25—40], приняты госпрограммы² и утвержден план мероприятий, в результате выполнения которого к концу 2020 г. должен быть достигнут 50-процентный уровень занятости инвалидов трудоспособного возраста³ — показатель, характерный для развитых стран Запада [Нацун, 2017]. С учетом того, что в России на момент утверждения плана было трудоустроено менее пятой части инвалидов⁴, причем половина трудилась на том же рабочем месте, что и до получения инвалидности [Петрова, 2016], задача поставлена непростая. В то же время опросы показывают: на посильной работе готов трудиться каждый пятый неработающий инвалид [Бурдяк, Тындик, 2016]. Отсюда — постановка перед российскими регионами задачи сбора данных, которые позволят «иметь точные сведения о том, какие барьеры, проблемы и причины не позволяют инвалидам трудоустроиваться»⁵.

Предшествовавшие Конвенции Стандартные правила обеспечения равных возможностей⁶ в качестве одного из ключевых условий определили доступность: материального окружения (зданий, общественного транспорта и т. д.); вспомогательных технологий; информации и коммуникаций; образования; свободного рынка труда. Последнее предписывается обеспечивать установлением стимулирующих квот; предоставлением предприятиям, нанимающим инвалидов, ссуд и субсидий, преимущественных прав на производство, налоговые льготы и т. д. Кроме того, указывалось на необходимость преодоления предрассудков и негативного отношения к работающим инвалидам — задачу, не потерявшую актуальность и почти двадцать лет спустя: в подготовленном ВОЗ Всемирном докладе об инвалидности 2011 г. среди барьеров на пути участия инвалидов в социальной жизни обозначены «ложное представление работодателей о том, что люди с инвалидностью работают якобы менее эффективно, чем их коллеги — не инвалиды, и неосведомленность о доступных мерах по совершенствованию режимов труда и отдыха» [ВОЗ, 2011: 10]. На фоне бурного развития IT-технологий в принятую уже в новом веке Конвенцию были включены требования доступа инвалидов к соответствующим технологиям и системам, включая интернет. Конвенция также

² Государственная программа «Содействие занятости населения», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 28.03.2019 № 348. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102349199&backlink=1&&nd=102543554> (дата обращения: 15.12.2019); Государственная программа «Доступная среда» на 2011—2020 годы, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 01.12.2015 № 1297. URL: <http://static.government.ru/media/files/6kKpQTEgr1Bmijjyqi6GWqAoc6OmnC.pdf> (дата обращения: 15.12.2019).

³ План мероприятий по повышению уровня занятости инвалидов на 2017—2020 гг., утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 10.05.2017 № 893-р. URL: <https://cdnim.rg.ru/pril/140/18/22/plan2017-2020.pdf> (дата обращения: 15.12.2019).

⁴ Доля работающих инвалидов в общей численности инвалидов, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации // ЕМИСС: Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57523> (дата обращения: 15.12.2019).

⁵ Министр Максим Топилин: Перед нами стоит задача увеличить численность занятых инвалидов до 50 % // Министерство труда и социальной защиты. 2017. 8 февраля. URL: <https://rosmintrud.ru/employment/resettlement/1> (дата обращения: 15.12.2019).

⁶ Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов. Приняты резолюцией 48/96 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 года // Организация объединенных наций. Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled_ch2.shtml#a7 (дата обращения: 15.12.2019).

оговаривает и методы мониторинга за ее исполнением, включающие наряду с анализом нормативно-правовых актов, судебных решений и бюджетных показателей изучение создаваемого массмедиа информационного фона и опросы инвалидов.

В России наиболее крупные выборочные обследования, в том числе посвященные проблемам инвалидов, проводит Росстат. В частности, выясняется, как инвалиды оценивают отношение населения к их проблемам, доступность жизненно важных объектов и услуг, обеспеченность техническими средствами реабилитации и т. д.; анкета также содержит вопросы о наличии и характере работы, барьерах при трудоустройстве и факторах, контекстных и личностных, которые их детерминируют. Тем же участникам обследования, у которых инвалидность отсутствует, задаются вопросы, могут ли инвалиды работать наравне с остальными, целесообразно ли создавать условия для их занятости⁷. Информация о наличии и характере работы инвалидов собирается и в рамках лонгитюдного мониторингового исследования, реализуемого НИУ «Высшая школа экономики» (RLMS-HSE)⁸. С учетом связи трудоустройства и профессиональной подготовки стоит отметить реализованный в 2017 г. совместно Общественной палатой РФ и исследовательским центром «Особое мнение» всероссийский мониторинг доступности высшего образования для инвалидов и людей с ограниченными возможностями здоровья, включавший в себя, помимо прочего, опрос студентов-инвалидов и их родителей/опекунов⁹. Что касается ситуации с занятостью инвалидов именно в Москве, то здесь можно отметить опрос, организованный в 2016 г. столичным Департаментом труда и социальной защиты населения и направленный на выявление трудовых установок москвичей, имеющих серьезные ограничения по здоровью¹⁰.

Широкий обзор зарубежных практик трудоустройства инвалидов по группам стран представлен в работах «Экономические и социальные издержки и выгоды работодателей при трудоустройстве инвалидов» [Needels, Schmitz, 2006], «Квоты, сборы и национальные фонды реабилитации инвалидов» [Thornton, 1998] и др. Международный опыт трудоустройства одной из наиболее тяжело трудоустройстваемых групп инвалидов — с ментальными особенностями — содержится в работах, выпущенных под эгидой МОТ [Parmenter, 2011]. Актуальные проблемы трудоустройства российских инвалидов освещаются в работах А. А. Шабуновой и Л. Н. Фахрадовой [Шабунова, Фахрадова, 2016: 127—128], Л. П. Храпылиной [Храпылина, 2013] и др. Последняя, в частности, выделяет следующие препятствия трудоустройству инвалидов: средовые барьеры, низкий профессионально-квалификационный статус инвалидов, несовершенство инструментов трудоустройства инвалидов, отсутствие экономических стимулов для трудоустройства (заработная плата инвалидов ниже, чем у других работников), отсутствие психологических

⁷ См., например: Федеральное статистическое наблюдение за результатами реализации государственной программы Российской Федерации «Доступная среда». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218852/ (дата обращения: 12.12.2019).

⁸ См. подробнее по ссылке: <https://www.hse.ru/rims/> (дата обращения: 15.12.2019).

⁹ Итоги мониторинга доступности вузов для людей с инвалидностью // Парламентская газета. 2017. 27 февраля. URL: <https://www.pnp.ru/press-center/announces/2017/02/27/itogi-monitoringa-dostupnosti-vuzov-dlya-lyudey-s-invalidnostyu.html> (дата обращения: 15.12.2019).

¹⁰ Лепина М. 39% инвалидов не хотят работать // Милосердие.RU. 2017. 2 августа. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/rabotodateli-ne-mogut-invalidy-ne-hotyat-chelovek-s-invalidnostyu-ishhet-rabotu/> (дата обращения: 15.12.2019).

стимулов для трудоустройства, дискриминация со стороны работодателей. О проблемах правового обеспечения занятости и трудоустройства инвалидов, в том числе о недостаточной эффективности в России системы квотирования рабочих мест как инструмента стимулирования работодателей, указывается в работах П. Г. Шуайповой [Шуайпова, 2015], А. И. Шевченко [Шевченко, 2014] и др. С другой стороны, как отмечают М. В. Корнилова и Н. И. Фадин по результатам опроса инвалидов-москвичей [Корнилова, Фадин, 2016: 49], лишь около половины респондентов (57,6 %) информированы о системе квотирования рабочих мест. С. Н. Кавокин [Кавокин, 2008] делает акцент на том, что в России не выстроена система профессиональной реабилитации инвалидов, которая включает в себя четыре элемента: определение профессиональных потенциальных возможностей инвалидов, проведение их профессиональной ориентации, осуществление профессиональной подготовки или переподготовки инвалидов, их профессиональную адаптацию и рациональное трудоустройство. При этом автор подчеркивает, что проблемы трудоустройства инвалидов значительно усугубились с ликвидацией льгот для предприятий, применяющих труд инвалидов, которые существовали в советский период и были единственным реальным механизмом решения проблем трудоустройства инвалидов.

В настоящей статье представлены результаты проведенного в 2018 г. комплексного социологического исследования, посвященного проблемам трудоустройства инвалидов, проживающих в Москве. Это первое комплексное исследование, направленное на раскрытие максимально широкого круга вопросов трудоустройства инвалидов и проведенное в разрезе всех восьми видов основных стойких расстройств функций организма (нозологий). Цель исследования состояла в выявлении факторов различной природы, препятствующих эффективному трудоустройству инвалидов, и разработке научно обоснованных рекомендаций, направленных на их устранение и/или минимизацию¹¹.

Авторы исходили из того, что факторы, препятствующие трудоустройству людей с инвалидностью, имеют субъективную и объективную природу. Первая группа факторов включает в себя установки и ожидания инвалидов относительно возможностей и успешности включения в сферу труда и приобретения необходимых для этого знаний и навыков, а также особенности их мотивационной структуры¹². Вторая группа факторов касается позиции работодателей в отношении трудоустройства инвалидов (в том числе предложения определенных видов работ, форм занятости, размера оплаты труда, условий труда, адаптации рабочих мест и т. д.), доступности городской среды, доступности вспомогательных (ассистивных) технологий для инвалидов¹³, эффективности инструментов государственной системы содействия трудоустройству инвалидов, а также негосударственных посреднических структур, дружелюбности социума, позиции в отношении трудоустройства инвалидов их ближайшего окружения, возможностей образовательной системы, доступных для инвалидов и позволяющих им сформировать качественный трудовой потенциал.

¹¹ Более подробно об особенностях социальной адаптации инвалидов с различными видами основных стойких расстройств функций организма см. [Трудоустройство инвалидов..., 2018: 106—204].

¹² Подробнее об этой группе факторов см. [Ненахова, 2018].

¹³ Подробнее об этом см. [Aleksandrova, Nenakhova, 2019].

Методология

В рамках представленного в настоящей статье проекта использовался разнообразный исследовательский инструментарий, включавший в себя контент-анализ материалов СМИ и тематических интернет-ресурсов; массовый опрос инвалидов всех восьми основных видов стойких расстройств функций организма; серию экспертных интервью. Массовый опрос проводился среди москвичей с инвалидностью и был направлен на выявление их установок и ожиданий, а также имеющегося опыта трудоустройства. Опрос экспертов (методом глубинных интервью) позволил более глубоко и всесторонне изучить проблемы трудоустройства инвалидов с точки зрения различных сторон трудовых отношений с участием инвалидов (работодателей, обществ инвалидов и т. д.), а также получить практические рекомендации по их решению. Контент-анализ материалов СМИ и интернет-ресурсов был направлен на изучение информационного контекста, который, с одной стороны, отражает общественное мнение, с другой — формирует его, мобилизуя либо демобилизуя инвалидов к реализации тех или иных трудовых стратегий.

Для контент-анализа отбирались наиболее цитируемые федеральные и региональные СМИ и интернет-ресурсы в соответствии с данными рейтингов мониторинговой компании «Медиалогия», а также отраслевые издания. Были выбраны материалы, во-первых, электронных СМИ — телеканалов «Россия-1» (региональный выпуск «Вести-Москва»), «ТВ Центр» и «Москва 24» и радиостанций «Эхо Москвы» и «Русская служба новостей»; во-вторых, общественно-политических печатных СМИ, как непосредственно московских, так и общенациональных, но имеющих московскую вкладку, — газеты «Аргументы и факты», «Московский комсомолец», «Российская газета»¹⁴, «Московская правда», «Вечерняя Москва», «Metro» (Москва)¹⁵; в-третьих, наиболее цитируемых интернет-изданий¹⁶ — *gazeta.ru*, *lifenews.ru*, *lenta.ru*, *newsru.com*; наконец, тематических печатных СМИ — «Русский инвалид» и «Надежда» (газета Всероссийского общества инвалидов). Всего за выбранные для анализа полтора года (январь 2017 г. — июнь 2018 г.) в указанных СМИ появилось 250 статей, репортажей и передач, посвященных трудоустройству московских инвалидов.

Для проведения массового опроса была разработана анкета из 48 вопросов, которая раздавалась либо заполнялась онлайн. Респонденты рекрутировались через общественные организации инвалидов; предприятия и организации, имеющие работников-инвалидов; реабилитационные и образовательные учреждения; территориальные отделы городской службы занятости и негосударственные кадровые агентства; центры социального обслуживания; группы в социальных сетях, интернет-форумы инвалидов и т. п. В рамках службы занятости и на предприятиях

¹⁴ По данным компании «Медиалогия», в апреле 2018 г. все входили в топ-10 самых цитируемых газет России. См.: Федеральные СМИ: апрель 2018 // Медиалогия. 2018. 30 мая. URL: <http://www.mlg.ru/ratings/media/federal/5997/> (дата обращения: 13.12.2019).

¹⁵ По данным компании «Медиалогия», в 2017 г. все входили в топ-20 самых цитируемых СМИ Москвы и Подмосковья. См.: Москва и Московская область: рейтинг СМИ за 2017 год // Медиалогия. 2018. 31 мая. URL: <http://www.mlg.ru/ratings/media/regional/6000/> (дата обращения: 13.12.2019).

¹⁶ По данным компании «Медиалогия», в апреле 2018 г. все входят в топ-30 самых цитируемых интернет-ресурсов России. См.: Федеральные СМИ: апрель 2018 // Медиалогия. 2018. 30 мая. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/5997/> (дата обращения: 13.12.2019).

проводился сплошной опрос; при взаимодействии с обществами инвалидов, реабилитационными центрами, рекрутинговыми организациями, образовательными учреждениями и т. д. использовался метод «снежного кома»; при обращении через социальные сети, в ходе ярмарок вакансий, регионального этапа чемпионата «Абилимпикс» и т. п. — стихийный метод отбора. Всего таким образом была собрана 1001 анкета. Далее для решения конкретных задач из общего массива анкет формировались выборочные совокупности: в одном случае только из инвалидов, имеющих опыт работы; в другом — из всех инвалидов, желающих трудиться; в третьем — из всех инвалидов с одним из восьми видов стойких расстройств функций организма; в четвертом случае выборка репрезентировала генеральную совокупность проживающих в Москве инвалидов по возрасту¹⁷.

Экспертный опрос проводился в форме глубинных структурированных интервью. Всего было проведено 23 интервью с экспертами, представляющими:

- общественные организации инвалидов (были представлены организации инвалидов по слуху, зрению, с проблемами опорно-двигательного аппарата, с нарушениями психического здоровья и интеллектуального развития, а также с общими заболеваниями);
- работодателей, использующих труд инвалидов (обычные компании и специализированные предприятия для инвалидов);
- реабилитационные учреждения и образовательные организации среднего профессионального и высшего профессионального образования;
- организации, содействующие трудоустройству инвалидов (специализирующиеся на трудоустройстве инвалидов организации на базе обществ инвалидов; обычные кадровые агентства; государственная (городская) служба занятости населения — ее представители опрашивались нами годом ранее в рамках проекта «Разработка методических подходов к трудоустройству различных категорий граждан, ищущих работу», в котором затрагивались и вопросы трудоустройства обращающихся в городскую службу занятости инвалидов [Проблемы..., 2017]).

Для каждой группы экспертов были разработаны отдельные сценарии интервью, состоящие из двух тематических блоков, посвященных трудовому потенциалу инвалидов и возможностям его реализации.

Результаты

Потребности инвалидов-москвичей в трудоустройстве

Итак, что же показало исследование? Прежде всего, подтвердилась актуальность вопроса трудоустройства для инвалидов-москвичей: на момент опроса не работали и активно искали работу 45,9% молодых инвалидов (до 30 лет), 57,5% инвалидов в возрасте 31—50 лет, 51,6% предпенсионеров (51—59 лет), а также почти каждый пятый инвалид пенсионного возраста. Еще довольно большая часть респондентов в каждой из указанных возрастных групп (соответственно, 42,3%, 33,2%, 43,5%, 75,6%) выразили готовность работать — при определенных условиях. Наиболее заинтересованы в работе инвалиды среднего возраста: 69,3%

¹⁷ Нижняя граница возраста опрошенных составляет 18 лет.

заявили о готовности выйти на работу в ближайшее время, еще 16,4% готовы приступить к работе через месяц-полтора.

Такая заинтересованность в работе объясняется весьма низким уровнем жизни существенной части имеющих инвалидность москвичей. Причем чем старше инвалид, тем он менее обеспечен, что обусловлено составом домохозяйства (если молодые инвалиды в основном живут с родителями, то каждый четвертый предпенсионер и каждый третий пенсионер — одинокие) и иждивенческой нагрузкой (несовершеннолетние дети в основном имеются у инвалидов среднего возраста, в нашем случае на их наличие указала треть респондентов) и т. д. Так, если домохозяйства, в которых проживают 72,2% молодых инвалидов, по шкале, используемой ВЦИОМ¹⁸, можно отнести к среднедоходным (к низкодоходным можно отнести 20,7% семей), то у инвалидов в возрасте от 31 года до 50 лет к низкодоходным можно отнести 49,3% семей (и столько же — к среднедоходным); среди инвалидов-предпенсионеров 56,6% вообще находятся за чертой бедности, а 42,8% денег, помимо еды, хватает только на одежду и обувь. Большинство имеющих инвалидность пенсионеров (68,3%) живут в нужде, средний уровень обеспеченности — у 29,3% соответствующих домохозяйств.

Показатели трудоустройства инвалидов-москвичей

Данные говорят о высокой уязвимости инвалидов на столичном рынке труда. Так, если среди безработных москвичей, не имеющих инвалидности, доля лиц с долгосрочным поиском работы (не менее года) составила 16,3% (данные Росстата за 2017 г.), то среди опрошенных нами инвалидов — 43,3%, причем около 20% искали работу в течение трех и более лет. В пределах полугода нашли работу лишь чуть более трети инвалидов, в то время как среди безработных, не имеющих инвалидности, — 70,3%.

Наибольшие проблемы с трудоустройством испытывают так называемые колясочники и инвалиды с расстройствами интеллекта и психики: среди респондентов с этими недугами доля никогда не работавших превышает долю имевших трудовой опыт, соответственно, в три и в более чем два раза. Главную роль в трудоустройстве москвичей с такими проблемами здоровья, а также с расстройствами функций зрения и слуха, играют предприятия общественных организаций инвалидов — на них трудоустроено, соответственно, в 1,6, 2,4 и 2,2 раза больше инвалидов с указанными нозологиями, чем в среднем по выборке.

Они же лидируют и по доле трудоустроенных москвичей с тяжелыми группами инвалидности. Структура работников в разрезе групп инвалидности значительно варьируется в зависимости от типа предприятия. Так, если на предприятиях, созданных общественными организациями инвалидов, среди всех занятых здесь инвалидов доля трудоустроенных с наиболее тяжелой — I группой инвалидности составляет больше четверти (27,1%), то на государственных и муниципальных,

¹⁸ Шкала представляет собой набор следующих самооценок уровня благосостояния: (1) Мы едва сводим концы с концами. Денег не хватает даже на продукты; (2) На продукты денег хватает, но покупка одежды уже затруднительна; (3) Денег хватает на продукты и одежду, но покупка холодильника, телевизора, мебели — для нас проблема; (4) Мы можем без труда купить холодильник, телевизор, мебель, но на большее денег нет; (5) Мы можем без труда купить автомобиль, но на большее — квартиру, дачу — денег нет; (6) Мы можем позволить себе практически все: машину, квартиру, дачу и многое другое.

как и на частных предприятиях, она — меньше 5% (3,3% и 4,9%, соответственно). Такие данные свидетельствуют о том, что именно на специализированных предприятиях обществ инвалидов в наибольшей мере созданы подходящие для людей с тяжелыми видами функциональных нарушений условия труда: среди респондентов, занятых на этих предприятиях, половина работает на специально оборудованных рабочих местах, что в разы больше, чем среди занятых на обычных предприятиях.

Следом по доле трудоустроенных инвалидов I и II группы идет самозанятость (соответственно, 17% и 52% среди имеющих данную форму занятости) и индивидуальное предпринимательство (соответственно, 13% и 46% среди имеющих данную форму занятости). Среди самозанятых в 1,7 раза больше, чем в среднем, доля респондентов с нарушением зрения и слуха, в 1,6 раза — с расстройствами интеллекта и психики, в 5,3 раза — «колясочников»; относительно высокая доля инвалидов с проблемами зрения и «колясочников» заняты по найму в ИП. Однако работа в рамках этих организационно-правовых форм содержит серьезные риски, связанные с неформальным характером занятости (например, треть респондентов, работавших в ИП, не имели официального трудового договора) и ее нестабильностью (на неудовлетворенность работой в связи с ее нестабильностью указали каждый третий работающий инвалид I группы и каждый пятый инвалид II группы, особенно инвалиды по зрению, «колясочники» и те, кто имеет ментальные расстройства). Здесь также часто приходится работать не по специальности (в целом среди работающих инвалидов неудовлетворенность в связи с работой не по специальности чаще отмечают инвалиды I группы — 34,8%, что в 1,6 раза выше среднего значения, а с точки зрения нозологий — инвалиды по зрению и слуху, а также «колясочники»).

Говоря о проблеме неформальной занятости, следует отметить, что в ряде случаев работа в «тени» оказывается выгодной и самим инвалидам. Как поясняли нам сотрудники городской службы занятости, в случае официального трудоустройства инвалиды III группы лишаются региональной доплаты к пенсии по инвалидности, которая в столице достаточно весома и может составлять более двух третей пенсии по инвалидности. Отсюда — выбор многих в пользу неформальной занятости или даже вовсе отказ от выхода на рынок труда. Снижению мотивации инвалидов к официальному трудоустройству способствует и боязнь перевода на более низкую группу инвалидности, предполагающую меньшую социальную поддержку. Так, инвалиды I группы, переосвидетельствуясь на разрешающую работать II группу, теряют возможность получать бесплатно некоторые средства реабилитации.

Обращает на себя внимание крайне низкая доля инвалидов из наиболее тяжело трудоустраиваемых групп («колясочников» и инвалидов с ментальными расстройствами), занятых на предприятиях госсектора — соответственно, в 1,6 и 4,5 раза ниже средних значений; да и работающих на специально приспособленных рабочих местах их — менее всего (3,6%). Хотя, казалось бы, государству в ситуации, когда оно само выступает работодателем, гораздо легче влиять на решения менеджмента.

Отметим также, что лишь каждый десятый работавший в последние пять лет инвалид полностью или частично трудился на дому. Это связано с заметным сокра-

щением видов работ, которые ранее выполнялись надомным способом. Но надо сказать, что, судя по результатам опроса, надомный труд не является популярной у инвалидов формой занятости — в рейтинге запросов, предъявляемых к работе, возможность трудиться на дому заняла одно из последних мест. Исключение составляет дистанционная занятость с использованием компьютера — так работать хотели бы чуть больше половины респондентов всех возрастов, но особенно молодые и средневозрастные инвалиды — соответственно, 54 % и 53 % (среди предпенсионеров и москвичей пенсионного возраста таких оказалось, соответственно, 34,6 % и 40,0 %). Пока же, судя по опросу, работали удаленно с использованием компьютера и интернета лишь чуть более 3 % инвалидов. Раздел анкеты, посвященный влиянию цифровизации, выявил ряд проблем, в том числе и довольно неожиданную для Москвы: оказалось, что почти 20 % инвалидов-москвичей хотели бы иметь дистанционную занятость, но этого не позволяет качество доступного им интернета. Другая проблема касается компьютерной грамотности, уровень которой, в принципе, достаточно высок: среди молодых и средневозрастных инвалидов порядка 90 % умеют пользоваться компьютером, большинство владеет стандартными программами; среди инвалидов старших возрастов — 73,7 % предпенсионеров и 63,6 % пенсионеров. Тем не менее значительная часть инвалидов, понимая недостаточность знаний рядовых пользователей ПК, готовы ради трудоустройства повысить свою компьютерную грамотность (исключение — респонденты старших возрастных групп, помимо прочего, сомневающиеся, что это им пригодится), но 27 %-45 % респондентов в зависимости от нозологии, и 32 %-46 % — в зависимости от возрастной группы не знают, где и как это можно сделать.

К переобучению же другим профессиям менее других склонны инвалиды старших возрастов (не готовы учиться 61,6 % предпенсионеров и 53,8 % пенсионеров) и москвичи, имеющие I и II группы инвалидности (среди молодежи таких 44,9 %; среди респондентов в возрасте 31—50 лет — 41,7 %). Готовые пройти переподготовку инвалиды в основном согласны сделать это по направлению городской службы занятости за государственный счет. По словам экспертов из службы занятости населения, проблему составляет ограниченный выбор таких программ, к тому же нередко обучающих специальностям более низкой квалификации, нежели имеется у весьма образованных москвичей, и, кроме того, переобучение никак не гарантирует получение рабочего места.

Препятствия на пути успешного трудоустройства инвалидов-москвичей

Желающие работать инвалиды связывают проблемы трудоустройства прежде всего с накладываемыми нездоровьем объективными ограничениями в работе, а также с негативным впечатлением, которое на работодателя оказывает сам факт наличия у работника инвалидности. По мнению респондентов, работодатели убеждены, что инвалиды работают менее производительнее, чаще отсутствуют на работе, их сложнее уволить и, кроме того, им не хочется тратиться на наставников и помощников, а также на оборудование специального рабочего места и рабочей среды в целом. Не случайно две трети желающих работать инвалидов признались в затруднениях, которые они испытывают, общаясь с потенциальным работодателем в процессе трудоустройства. И самой трудной, причем для

инвалидов всех возрастов, представляется задача убедить работодателя в своей способности справиться с рабочей нагрузкой. Столкнувшись с недоброжелательной реакцией, некоторые не выдерживают и отказываются от вакансий (в нашем случае на это указал каждый восьмой инвалид). Стоит отметить, что часть руководителей проявляют предвзятость и к уже работающим на предприятии инвалидам, и делают это в два раза чаще, чем рядовые работники (15 % против 7 %). В основном неприязненное отношение руководства ощущают работники с I группой инвалидности (отмечено каждым третьим респондентом, что в 2,4—2,9 раз больше, чем среди респондентов со II и с III группой) и особенно — «колясочники». Чаще других проявляют неприязненные чувства к работающим у них инвалидам индивидуальные предприниматели. Наиболее благоприятно, причем независимо от группы инвалидности и нозологии заболевания, относятся к инвалидам на специализированных предприятиях под эгидой ВОИ, ВОС и т. п. В целом же данные опроса инвалидов, имеющих опыт работы, говорят о весьма позитивном социальном климате: на недружественную атмосферу указало менее 10 % инвалидов, по мнению же большинства опрошенных, трудовой коллектив и руководство никак не выделяют инвалидов, а почти каждый пятый респондент даже отметил особое внимание и заботу. Чаще других на негативное отношение указывали молодые инвалиды, но можно предположить, что это, скорее, связано не столько с инвалидностью, сколько с нехваткой коммуникативных навыков; кроме того, многие респонденты средних и старших возрастов стали инвалидами, уже работая в своем коллективе, — отсюда, возможно, и более сочувственное отношение к ним со стороны коллег.

Что же касается требований, которые инвалиды предъявляют к рабочему месту, то об этом можно судить по ответам респондентов на вопрос, чем их не устроили предлагавшиеся рабочие места. Прежде всего, это низкий уровень оплаты труда (49,5 %), несоответствие имеющейся профессии/специальности (25,7 %), непосильная для здоровья дорога до места работы (23,5 %), низкоквалифицированная, неинтересная работа (22,9 %), представление о том, что нагрузка окажется непосильной (19,4 %), и др.

Инструментом, понуждающим работодателей к трудоустройству инвалидов, призвано служить квотирование соответствующих рабочих мест и регулярное информирование городской службы занятости о наличии вакансий. Однако, по словам наших экспертов, недостаточная строгость надзорных служб, мизерность (особенно для крупных компаний) штрафов и незначительность льгот (*«Льготы настолько несущественные, что всем проще заплатить штраф. Единственное, можно скостить налог на недвижимость, но это только если у тебя больше 50 % работников — инвалиды. Если же у тебя, как у большинства компаний в нашей стране, аренда, то тебе это вообще неинтересно»; «Я не против квотирования, но тогда государство тоже должно нам помогать — хотя бы если квота не закрыта, интересоваться причинами. А получается директивно в одну сторону, и делай что хочешь...»*¹⁹), приводят к массовому нарушению норм квотирования, что подтверждается и статистикой Московской торгово-промышленной палаты, согласно которой каждая четвер-

¹⁹ Здесь и далее курсивом приводятся фрагменты из интервью с экспертами.

тая коммерческая фирма не выполняет условия квотирования²⁰. Но намечаются подвижки: по словам экспертов из делового сообщества, стимулировать предприятия принимать на работу инвалидов может предстоящее введение обязательного предоставления так называемой нефинансовой отчетности. Крупные компании, желающие привести свою отчетность по разделу «корпоративная социальная ответственность» в соответствие с международными стандартами, будут заинтересованы в привлечении в качестве контрагентов предприятий малого и среднего бизнеса, использующих труд инвалидов и на этой основе включенных в создаваемый Реестр социально ответственных поставщиков. Но важно, чтобы здесь не возникала встречающаяся сегодня фикция: *«Есть организации, к которым работодатели обращаются с просьбой найти им инвалидов, чтобы трудоустроить к себе на работу „ради галочки“. Инвалиды отдают свою трудовую книжку, получают за это какие-то копейки, а на самом деле не работают. Работодатель не платит штраф и отчитывается, что у него работают инвалиды»*.

Если вернуться к называемым инвалидами факторам, затрудняющим их трудоустройство, то помимо уже отмеченных объективных ограничений по здоровью и предубеждений работодателей, это предпенсионный и пенсионный возраст, а также дефицит опыта работы у молодых либо длительно незанятых инвалидов.

Содействовать включению инвалидов в сферу труда призвана выдаваемая им индивидуальная программа реабилитации и абилитации (ИПРА). Однако, как выяснилось из массового опроса, полезность ИПРА коррелирует со степенью ограничений способности к трудовой деятельности: для респондентов с наиболее тяжелой III степенью, нашедших работу через общественные организации инвалидов и службу занятости, ИПРА оказывается полезной, для тех же, кому установлена I, и особенно II степень и кто трудоустроился через знакомых либо сам обратился к работодателю, ИПРА лишь создает сложности. Слабые места такого инструмента, как ИПРА, отмечали и эксперты, причем представители как обществ инвалидов, так и городской службы занятости: по их мнению, нередко встречающиеся необоснованные ограничения, а также слишком общие либо, напротив, излишне конкретные и даже взаимоисключающие трудовые рекомендации заметно сужают спектр подходящих инвалидам вакансий. Масса нареканий, предъявляемых экспертами из обществ инвалидов и службы занятости к работе системы медико-социальной экспертизы (МСЭ), говорят о необходимости ее совершенствования. В частности, эксперты указывают на необходимость разработки четких критериев ограничений способности к труду и их своевременного обновления, а также в целом повышения квалификации сотрудников МСЭ — в части их осведомленности о современных возможностях реабилитации и рынке труда, установки не на эксклюзив, а на включение инвалидов, при их желании, в сферу труда. Наши эксперты полагают, что при освидетельствовании инвалида в Бюро МСЭ и выдаче ему ИПРА необходимо участие консультантов — представителей обществ инвалидов соответствующей нозологии, располагающих самой свежей информацией о вспомогательных технологиях и подходящих видах работ, зарубежной практике. Кроме того, эксперты говорили о целесооб-

²⁰ Лепина М. 39% инвалидов не хотят работать // Милосердие.RU. 2017. 2 августа. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/rabotodateli-ne-mogut-invalidy-ne-hotyat-chelovek-s-invalidnostyu-ishhet-rabotu/> (дата обращения: 15.12.2019).

разности включения в соответствующие комиссии представителей городской службы занятости.

Обратимся к отражению проблем трудоустройства инвалидов в информационном контексте. Судя по числу материалов, обнаруженных в 17 массмедиа за полтора года, вопросы занятости инвалидов находятся на периферии внимания СМИ (исключение — специализированные издания). При этом более половины обнаруженных материалов касаются трудоустройства инвалидов опосредованно — через вопросы доступности городской среды и дружелюбности к инвалидам со стороны социума. Четверть публикаций посвящены работе организаций, содействующих занятости инвалидов; сюда относятся и многочисленные публикации, рассказывающие о деятельности органов власти по повышению эффективности системы трудоустройства инвалидов. Пятая часть публикаций посвящена трудовому потенциалу инвалидов (образованию, трудовой мотивации и т. д.). И только 4,4% публикаций касаются проблем, связанных с предложением рабочих мест для инвалидов (количества и характера таких рабочих мест, мотивации работодателей и т. д.). В целом публикации носят новостной, информирующий характер, аналитические материалы в основном обнаружены в специализированных изданиях, а также на телеканале «Москва 24». Негативную окраску имеет четверть от всего числа публикаций, при этом в трети из них критика адресуется федеральной власти, а в остальных — столичным властям.

Из 96 публикаций, посвященных вопросам доступности для инвалидов городской среды, в двух третях упоминается о достижениях в этом направлении, треть содержит критические замечания — говорится, что инвалидам по-прежнему трудно выйти из дома и перемещаться по городу. В частности, указывается на непригодность установленных пандусов; недостаточное количество парковочных мест для инвалидов, их незаконное занятие неинвалидами; мошенничество со статусом «перевозчик инвалидов»; плохую работу социального такси; сложность и излишнюю бюрократизированность процесса предоставления инвалидам приспособленного жилья; на недостаточную обеспеченность инвалидов специальными техническими средствами; недостаточную приспособленность порталов органов власти для людей с инвалидностью.

В этой части результаты контент-анализа созвучны высказываниям наших экспертов, мнения которых также разделились. Так, по мнению ряда экспертов, для инвалидов по зрению и «колясочников» среда изменилась в лучшую сторону:

«Мы идем огромными шагами: что было 10 лет назад и что сейчас?! Мы в хорошем темпе догоняем позитивные практики, в том числе европейские».

«В Москве среда, действительно, стала немножко более доступной: контрастные ступеньки, надписи по Брайлю и т. д.».

«Много лет ничего не делалось, а в последние годы стало продвигаться. Конечно, с колясками по-прежнему проблемно ехать в метро (на эскалаторе передвигаться нельзя — опасно даже при сопровождении, а еще есть ограничения по весу человека — сотрудники метро могут отказаться его поднимать). Но автобусный парк весь низкопольный, сейчас и трамваи низкопольные стали закупать. Правда, водитель такого автобуса не всегда останавливается там, где нужно, не всегда открывает там, где может подняться коляска; для слепых не озвучивается, какой номер автобуса

подошел. В то же время в метрополитене появилась Служба мобильных помощников. Проблема в том, что информирования об этом немного — часто сарафанное радио является лучшим каналом коммуникации. Вот если бы об этом больше сообщалось во всех СМИ...»

Другие наши эксперты указывали на проблемы самого выхода из дома:

«Перво-наперво человеку нужно выйти из дома. Я каждый раз пользуюсь помощью других людей. Многие сидят в изоляции только потому, что у них нет пандуса. Но все на это смотрят как на норму: „Что такого, он же инвалид!“. Хотя вчера он был нормальный: ходил на работу, получил образование. Это ломает судьбы, приводит к суицидам».

«Предлагают мне вариант переобучения, а я говорю: „Вы ко мне домой будете приходить? У меня нет выхода из квартиры“. Так же — и с трудоустройством».

Говорилось также о несоответствии пандусов физическим возможностям даже здоровых сопровождающих: *«Едем в кино в современный торговый центр: четыре мужика катят инвалида на коляске, потому что там пандус 45 градусов. Иногда создается впечатление, что пандусы ставят для галочки».* Отмечалось, что подъемники в переходах метро работают нерегулярно: *«Ставят подъемники, но они заперты, ими никто не пользуется. Когда приходит комиссия, их включают»; «в метро на конечных станциях есть лифты, а в центре — нет, а как же там выйти из метро?».*

В 19 публикациях СМИ говорится о недостаточной дружелюбности со стороны общества, прежде всего это касается незаконного занятия парковочных мест для инвалидов и негативного отношения части общества к трудоустройству инвалидов, в связи с чем в ряде публикаций подчеркивается необходимость изменения общественной атмосферы.

В этой части результаты контент-анализа также корреспондируют с данными нашего экспертного опроса. Как подчеркнул один из экспертов, *«невозможно человека сразу после травмы, в том эмоциональном состоянии, отправить на работу или в социум. Мы каждую неделю возили инвалидов автобусом на концерты, на фестивали — и они перестали бояться выйти из дома, и даже забыли, что боялись — боялись того, как на них посмотрят. Мы делали это, потому что знали: финальной точкой должно стать трудоустройство. Обратно в общество! Не все к этому готовы, но другого пути нет — только тогда общество поймет, почему надо строить пандусы и все остальное».* В основном эксперты из обществ инвалидов отмечают не просто толерантное, но участливое отношение к инвалидам: *«Если незрячий идет по городу, то сейчас ему чаще стараются помочь. Если это — работник, то все зависит от того, как он себя зарекомендовал в коллективе»; «Инвалиды стали выходить на улицу. Люди уже не пугаются их, как это было раньше: инвалид — значит, обязательно попрошайка. Они видят, что инвалиды и работают, и общественной деятельностью занимаются, по телевизору много передач о возможностях инвалидов, в том числе спортсменов».* Однако есть и проблемы: *«Знаете, на чем хорошо видно отношение общества? Парковочные места для инвалидов все время занимают неинвалиды. Говорят: „Сейчас же нет инвалида!“.* А он через пять минут приедет, и что тогда? *Маленькая иллюстрация, но она о многом говорит».* По мнению фиксирующих проблемы экспертов, улучшению ситуации способствовало бы более широкое освещение как проблем, так и возможностей инвалидов: *«Получается, что мы все время говорим только друг с другом, а не с теми, до кого*

это надо во что бы то ни стало донести. Нет такого, чтобы это звучало из каждого утюга. Это не дает возможности развиваться социальной инклюзии, и потому у нас остается: „Я с ним за одним столом есть не буду — он больной“ и „Мы вас не пустим в кафе или самолет, потому что вы не соответствуете — даже внешне — каким-то стандартам“.

Наличию рабочих мест для инвалидов и установкам работодателей посвящено 11 % публикаций в СМИ, две трети из них — критического характера. В основном говорится о дефиците и узком спектре вакансий для инвалидов, низком уровне оплаты труда; нередко затрагивается и проблема предвзятости работодателей. Квотированию рабочих мест для инвалидов посвящено 12 публикаций, половина из них содержат критические замечания — как в адрес работодателей (говорится о недостаточной мотивации к трудоустройству инвалидов; имитации заполнения квот; неуплате штрафов за несоблюдение квот), так и в адрес государства, не создающего эффективной системы стимулирования работодателей. Ряд публикаций посвящены созданию рабочих мест для инвалидов с видами расстройств, не позволяющих интегрировать их в работу обычных предприятий, в связи с чем рассказывается о проблемах специализированных предприятий или небольших производственных мастерских.

О ситуации со специализированными предприятиями, которые, как было показано выше, в основном и трудоустраивают наиболее сложный контингент инвалидов, — говорили и наши эксперты. Реформы начала 1990-х годов привели к массовому закрытию подобных предприятий (например, сегодня в Москве находится восемь предприятий для инвалидов по зрению, функционирующих на базе Всероссийского общества слепых, на которых заняты порядка 350 инвалидов) и существенно ухудшению положения оставшихся.

«Наши предприятия поставлены в один ряд с обычными коммерческими фирмами. Но труд незрячих рабочих заведомо не конкурентоспособен — производительность их труда заведомо ниже, по законодательству они работают на час меньше. Однако были отменены почти все налоговые льготы и государственный заказ».

Нехватка средств не позволяет этим предприятиям совершенствовать производство (*«Надо развиваться, потому что продукция, которую они производят, устаревшая. Многое (те же розетки) сейчас делает робот, но более быстро, дешево, с лучшим качеством»*) и платить более-менее адекватную зарплату (*«Сегодня зарплата в 10—12 тысяч рублей — далеко не на всех предприятиях. Многие предприятия работают неполную рабочую неделю. В итоге незрячие получают 3—5 тысяч рублей в месяц»; «Во Всероссийском обществе глухих количество своих предприятий уменьшается, потому что глухой здоровый мужик не будет работать за 7 тысяч рублей. Слепые идут туда, потому что им просто некуда идти — до создания доступной для незрячих конкуренции на открытом рынке очень далеко»*).

Эксперты настаивают: если государство действительно заинтересовано в максимальном вовлечении инвалидов в сферу труда, оно должно оказывать поддержку подобным предприятиям (*«Если посмотреть динамический ряд за 30 лет, то количество инвалидов по зрению — членов ВОС, работающих на открытом рынке труда, практически не меняется — только 20 % способны самостоятельно себя применить»*), которые могут быть и вполне рентабельными: *«Если есть производ-*

ство, приносящее прибыль, почему бы в этой же отрасли не создать производство, где будут трудоустроены в основном инвалиды? Те же швейные цеха? Можно их оборудовать, так, чтобы и люди на колясках смогли работать, и незрячие». Но даже и в случае заведомой экономической нерентабельности поддержка специализированных предприятий, например, организуемых в рамках малого бизнеса или индивидуального предпринимательства ремесленных и подобных мастерских, необходима, поскольку они реализуют важную функцию социальной реабилитации инвалидов и их семей.

«Таких мастерских становится больше, правда, практически все они нищие — коммерчески успешных мастерских я не знаю. Тем не менее они нужны, потому что не все ментальные инвалиды могут работать в инклюзивной среде».

«Мастерские — это, как правило, ручная продукция: глиняные чашечки, открытки и пр. Насколько это востребовано? Но у нас должна быть полезная дневная занятость для определенной категории инвалидов. Как правило, это ребята с ментальной инвалидностью или со значительными множественными проблемами».

«Обязанность сделать осмысленной жизнь уже взрослых людей с серьезными интеллектуальными и множественными проблемами, лежит, конечно, на государстве. Человек должен быть занятым, иначе он сходит с ума, а также сходят с ума его родные и близкие. Это, конечно, чисто дотационная история, но она тоже должна развиваться».

«Когда ребенок маленький, все вместе его как-то тянут. Но человек взрослеет, проблемы не уходят, а иногда и нарастают. По статистике сейчас значительно увеличивается количество инвалидов с ментальными проблемами, ребят с аутизмом стало в десятки раз больше. И государство должно быть готово к тому, что для них нужны специальные условия».

В случае же трудоустройства инвалидов с относительно серьезными проблемами в области интеллекта или психики на обычные предприятия их необходимо, как минимум, на начальном этапе обеспечить сопровождающими. По словам применяющих труд инвалидов работодателей, нужно готовить к взаимодействию с инвалидами и обычных членов трудового коллектива, которые могут опасаться агрессии, проблем коммуникации и т. п.: *«Мы со своими сотрудниками регулярно проводим тренинги на понимание инвалидности. Это либо общие тренинги, либо точечные — в том отделе, куда придет человек с ярко выраженной инвалидностью»; «Поскольку у нас в магазине есть слабослышащие, мы решили проводить уроки жестового языка для сотрудников, желающих общаться с коллегами на языке жестов».*

Тональность публикаций, характеризующих функционирование организаций, содействующих трудоустройству инвалидов-москвичей, в основном мажорная. Каждая пятая публикация в этой группе посвящена действиям московских властей, из них более 90 % выдержаны в позитивном ключе. Что касается непосредственно работы городской службы занятости, то и здесь превалирует позитивная оценка, в частности, отмечается, что служба обладает широкой базой вакансий для инвалидов; положительно оценивается внедрение системы персонального сопровождения инвалида при поиске работы; введение программ временной занятости; проведение анкетирования среди инвалидов; переход от заявительного принципа к инициативному обращению сотрудников службы занятости к инвалидам с предложением по содействию в трудоустройстве; проведение сотрудниками службы бесед

с потенциальными работодателями для выяснения причин возможного увольнения инвалидов. В то же время работа медико-социальной экспертизы, в связке с которой работает служба занятости, описывается в негативных тонах: говорится о высоких временных и финансовых издержках и сложном алгоритме освидетельствования, недостаточно высоком уровне квалификации ее сотрудников в области реабилитации инвалидов, незнании ими реалий современного рынка труда. Как было показано выше, аналогичные претензии высказывали и наши эксперты.

Трудовому потенциалу инвалидов посвящены 15,2% публикаций СМИ: около половины содержат критику, остальные рассказывают о позитивных изменениях (42,1%) либо имеют нейтрально-информационный характер (10,5%). Наибольшее количество публикаций посвящены доступности и качеству образования инвалидов, около трети из них содержат критику, которая чаще всего касается недостаточной доступности среды в образовательных учреждениях.

В свою очередь, наши эксперты обращали внимание на проблему непродуманной инклюзии в школьном образовании, особенно на фоне создания в Москве крупных образовательных комплексов:

«Большое число специализированных школ сократили. Внедрение инклюзии — очень поспешное решение. На своем опыте работы в школе ясно вижу, что многие обычные учителя не готовы к этому, и детям неудобно воспринимать информацию в той форме, в какой ее дают в обычных школах. Гораздо больший прогресс достигается в школах для детей со специальными потребностями, где имеются специально обученные учителя и программы и меньше классы.»

«Я наблюдал объединение специализированной школы с обычными в единый холдинг. Директор холдинга сказала: „Поскольку это коррекционная школа, мы будем посылать вам всех детей с интеллектуальными проблемами“. И вот представьте: мы привыкли иметь дело с глухими, а теперь к нам направляют детей с ментальными расстройствами, церебральным параличом, проблемами поведения и т. д. А поскольку теперь — подушевое финансирование, число детей в классах растет. Хотя для глухих чем меньше класс, тем лучше — здесь важна индивидуальная работа, поэтому урок строится совершенно иначе, чем в обычной школе, например, все должно тщательно и неоднократно проговариваться.»

«Сначала, когда начали объединять школы для слепых со школами для детей с ДЦП и т. д., был кошмар. Сейчас этот процесс несколько приостановился, но ряд школ был объединен в большие холдинги, что привело к негативному эффекту. Да, Москва может отрапортовать, что есть прекрасный холдинг, в котором учится 2 тысячи детей, и среди них 170 глухих. Но что это за инклюзия, если эти 170 детей обитают где-то на задворках, в отдельном здании, ни с кем даже не общаясь?! ... Для директора холдинга они — бремя, которое портит ему статистику, поскольку среди них нет медалистов. А школы нынче рейтингают, и если рейтинг высокий, школа получает определенные преференции. С глухими же трудно повысить рейтинг.»

Таким образом, улучшение физической доступности среды внутри общеобразовательных учреждений идет параллельно с ухудшением ряда аспектов непосредственно образовательного процесса.

Применительно к качеству профессионального образования в публикациях СМИ говорится о том, что на него может негативно влиять присутствие многим инвалидам

инфантилизм и установка на избегание проблем, что усугубляется снижением требований к нездоровым студентам со стороны преподавателей. В ряде публикаций отмечается, что у многих инвалидов в целом отсутствует мотивация к трудоустройству, обусловленная дефицитом самостоятельности, инерционностью, страхом перед неудачей, неверием в то, что инвалид реально может найти работу. Называются и такие субъективные факторы, как имеющиеся у инвалидов преувеличенные представления о накладываемых здоровьем ограничениях, а также завышенные требования к уровню оплаты труда. Среди объективных барьеров на пути трудоустройства приводятся отсутствие у многих инвалидов опыта работы, а также боязнь снятия или снижения группы инвалидности в случае выхода на работу.

Таким образом, несмотря на преобладающую позитивную тональность публикаций, посвященных положению инвалидов на столичном рынке труда, контент-анализ СМИ фиксирует ряд проблем, связанных с доступностью образования, городской среды, трудовых установок инвалидов, поведения работодателей и т. д. Вместе с тем следует отметить наличие в критических публикациях и конструктивного элемента: в частности, в 133 материалах говорится о способах решения проблем, в 103 — об имеющемся позитивном опыте их решения.

Свои предложения сформулировала в завершающем анкету открытом вопросе и значительная часть опрошенных инвалидов-москвичей, что также свидетельствует об актуальности для них вопроса трудоустройства. В частности, инвалиды полагают, что государству следует *«давать больше преференций предприятиям, которые берут на работу инвалида — тогда будет другое отношение к сотруднику-инвалиду со стороны работодателя и других работников, а так относиться как к „нахлебнику“»*; *«контролировать организации, которые квотируют рабочие места — а то в поисковиках место официально существует, а звонишь на предприятие — такого нет»*, *«ужесточить санкции за незаполнение квот для инвалидов»*; *«создавать больше квалифицированных квотируемых вакансий»*; *«развивать повсеместно доступную среду»*; *«не снимать городскую доплату к пенсии у инвалидов III группы при заключении трудового договора с работодателем»*; *«создавать специальные предприятия для трудоустройства инвалидов — потому что нам легче общаться в своем окружении»*; *«предоставить инвалидам право самостоятельно решать, работать или нет — вне зависимости от группы инвалидности»*; *«не закрывать госучреждения с вакантными местами (например, лечебные учреждения, в которых медицинский массаж делают слепые массажисты)»*; *«развивать службу сопровождения инвалидов к месту обучения или работы»* и т. д. Молодые инвалиды дополняли уже перечисленные предложениями *«в век IT развивать дистанционную форму работы»*, *«после получения диплома о высшем образовании распределять по специальности»*, *«создавать возможности для стажировки по окончании обучения»*; *«создать государственный интернет-портал с вакансиями для инвалидов»*; *«сделать отдельную службу по подбору рабочих мест и первичному сопровождению людей именно с ментальной инвалидностью»*.

Ряд из этих предложений уже реализуется: в столичной службе занятости организован специализированный отдел по работе с инвалидами, молодыми москвичами с инвалидностью также занимается Центр занятости молодежи; в районных отделах службы занятости внедрен принцип кураторства над обратившимися за помощью в трудоустройстве; после недавнего внесения соответствующих поправок в законо-

дательство начинает создаваться институт сопровождения; некоторые связанные с трудоустройством услуги можно получить на интернет-порталах «Федеральный реестр инвалидов» и «Госуслуги» (правда, основная часть опрошенных инвалидов, в том числе перманентно находящейся в интернете молодежи, об этом не осведомлена). Магистральным же направлением содействия массовой занятости инвалидов должны стать развитие столичной экономики, поддержка московских предприятий — с одновременным стимулированием приема на работу инвалидов. Во всяком случае, опыт стран, на которые применительно к доле трудоустроенных инвалидов взята равнение Россия, говорит, что более успешны программы, фокусирующиеся на стимулировании и поддержке спроса на труд инвалидов со стороны работодателей [Economic and social costs, 2006]. И хотя и там, как показывают исследования, треть работодателей игнорируют обязанность создавать и заполнять квоты, тем не менее две трети квот оказываются заполненными (при том, что размер квот больше, чем в России); наем же «колясочника» или инвалида без опыта работы может приравняться к трудоустройству двух или трех инвалидов.

Заключение

Инвалиды-москвичи всех возрастов, особенно среднего и предпенсионного, весьма заинтересованы в трудоустройстве. Но даже в Москве, с ее бюджетными возможностями и развитым рынком труда, им не легко найти работу. Особенно это касается москвичей, имеющих более тяжелые группы инвалидности, в частности, передвигающихся на инвалидном кресле, страдающих расстройствами интеллекта и психики, незрячих. В то же время инвалиды с более легкими группами инвалидности, не желая терять столичную доплату к пенсии по инвалидности и право на бесплатные технические средства реабилитации, предпочитают трудиться в «тени». Исследование позволило обнаружить и иные, затрудняющие трудоустройство инвалидов дисфункции: изъяны в реализации программы расширения доступности городской среды; архаизмы и нечеткость в работе медико-социальной экспертизы; непродуманность внедрения инклюзии в образование; низкую эффективность системы квотирования рабочих мест; отсутствие необходимой поддержки специализированных предприятий инвалидов и др.

Тот факт, что столичный рынок труда является наиболее емким, а бюджет — одним из самых наполненных, делает ситуацию с занятостью инвалидов-москвичей весьма показательной: можно предположить, что в регионах, обладающих меньшими возможностями, обнаруженные нами проблемы не только наличествуют, но и еще более усугублены. Соответственно, многие из сделанных в рамках настоящего исследования выводов вполне применимы и для российской провинции.

Список литературы (References)

Бурдяк А. Я., Тындик А. О. Измерение инвалидности и положение инвалидов: российский и международный подходы // Вестник НГУЭУ. 2016. № 1. С. 22—43.
Burdyak A. Ya., Tyndik A. O. (2016) Measurement of Disability and Socio-Economic Status of Disabled: The Russian and International Approaches. *Vestnik NSUEM*. No. 1. P. 22—43. (In Russ.).

ВОЗ. Всемирный доклад об инвалидности: Резюме. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2011. https://www.who.int/disabilities/world_report/2011/summary_ru.pdf.

WHO (2011) World Report on Disability: Summary. Geneva: World Health Organization. https://www.who.int/disabilities/world_report/2011/accessible_en.pdf.

Кавокин С. Н. Профессиональная реабилитация инвалидов в России // Индекс. 2008. № 28. <http://index.org.ru/journal/28/kavokin.html>.

Kavokin S. N. (2008) Professional Rehabilitation of Disabled People in Russia. *Index*. No. 28. <http://index.org.ru/journal/28/kavokin.html>. (In Russ.).

Корнилова М. В., Фадин Н. И. Трудоустройство инвалидов в Москве: возрастные особенности // Известия высших учебных заведений: Социология. Экономика. Политика. 2016. № 4 (51). С. 46—50.

Kornilova M. V., Fadin N. I. (2016) Employment of Disabled People in Moscow: Age Features. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Politics*. No. 4 (51). P. 46—50. (In Russ.).

Методология статистического анализа, оценки и прогнозирования положения инвалидов на столичном рынке труда / науч. ред. О. А. Александрова. М. : Вариант, 2018. Aleksandrova O. A. (ed.) (2018) Methodology of Statistical Analysis, Assessment and Prediction of the Situation of Persons with Disabilities in the Capital Labor Market. Moscow: Variant. (In Russ.).

Нацун Л. Н. «Поддерживаемое трудоустройство» инвалидов: обзор мирового опыта // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2017. Т. 16. № 4. С. 663—680. <http://dx.doi.org/10.15826/vestnik.2017.16.4.032>.

Natsun L. N. (2017) Supported Employment for People with Disabilities: A Review of International Experience. *Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management*. Vol. 16. No. 4. P. 663—680. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.15826/vestnik.2017.16.4.032>.

Ненахова Ю. С. Трудовой потенциал инвалидов: проблемы реализации // Народонаселение. 2018. № 3. С. 96—109.

Nenakhova Yu.S. (2018) Labor Potential of People with Disabilities: Problems of Implementation. *Population*. No. 3. P. 96—109. (In Russ.).

Петрова Е. А., Козьяков Р. В., Бикбулатова А. А. Трудоустройство инвалидов: мировой опыт и современное состояние // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2016. Т. 15. № 4. С. 6—13.

Petrova E. A., Kozyakov R. V., Bikbulatova A. A. (2016) Employment of People with Disabilities: International Experience and the Current State. *Scientific Notes of the Russian State Social University*. Vol. 15. No. 4. P. 6—13. (In Russ.).

Проблемы трудоустройства слабозащищенных слоев населения в Москве / под науч. ред. А. В. Ярашевой. М. : Акварель, 2017.

Yarasheva A. V. (ed.) (2017) Problems of Employment of the Vulnerable Segments of the Population in Moscow. Moscow: Akvarel. (In Russ.).

Трудоустройство инвалидов на столичном рынке труда: проблемы и пути решения / науч. ред. О. А. Александрова. М. : Вариант, 2018.

Aleksandrova O. A. (ed.) (2018) *Employment of Persons with Disabilities in the Capital Labor Market: Problems and Solutions*. Moscow: Variant. (In Russ.).

Храпылина Л. П. Социально-экономические аспекты эффективности трудоустройства и результативности труда инвалидов // Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии. 2013. № 4. С. 6—10.

Hrapylina L. P. (2013) Socio-Economic Aspects of the Effectiveness and Efficiency of the Labor Employment of Persons with Disabilities. *Bulletin of the All-Russian Society of Specialists in Medical and Social Expertise, Rehabilitation and the Rehabilitation Industry*. No. 4. P. 6—10. (In Russ.).

Шабунова А. А., Фахрадова Л. Н. Актуальные проблемы трудоустройства инвалидов // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. 2016. № 6 (48). С. 126—142. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.6.48.7>.

Shabunova A. A., Fakhradova L. N. (2016) Pressing Issues of Disability Employment. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. No. 6 (48). P. 126—142. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.6.48.7>. (In Russ.).

Шевченко А. И. К вопросу об организационно-правовом обеспечении трудовой занятости людей с ограниченными возможностями // Общество и право. 2014. № 1 (47). С. 282—285.

Shevchenko A. I. (2014) To the Question about Legal Employment of People with Disabilities. *Society and Law*. No. 1 (47). P. 282—285. (In Russ.).

Шуайпова П. Г. Инвалиды в России: Правовые проблемы их трудоустройства // Юридический вестник ДГУ. 2015. Т. 15. № 3. С. 95—99.

Shuaipova P. G. (2015) Persons with Disabilities in Russia: The Legal Problems of Their Employment. *Law Herald of Dagestan State University*. Vol. 15. No. 3. P. 95—99. (In Russ.).

Aleksandrova O., Nenakhova Yu. (2019) Availability of Assistive Technologies as a Factor in the Successful Realization of the Labor Potential of Persons with Disabilities: Russia's Experience. *Societies*. Vol. 9. No. 4. <https://doi.org/10.3390/soc9040070>.

Needels K., Schmitz R. (2006) Economic and Social Costs and Benefits to Employers of Retaining, Recruiting and Employing Disabled People and/or People with Health Conditions or an Injury: A Review of the Evidence. Leeds: Corporate Document Services. <https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20130314011334/http://research.dwp.gov.uk/asd/asd5/rreports2005-2006/rrep400.pdf>.

Parmenter T. R. (2011) Promoting Training and Employment Opportunities for People with Intellectual Disabilities: International Experience. Employment Working Paper No. 103. Geneva: International Labour Organization. https://www.ilo.org/employment/Whatwedo/Publications/working-papers/WCMS_167316/lang-en/index.htm.

Thornton P. (1998) Employment Quotas, Levies and National Rehabilitation Funds for Persons with Disabilities: Pointers for Policy and Practice. Geneva: International Labour Office. http://ilo.org/wcmsp5/groups/public/--ed_emp/--ifp_skills/documents/publication/wcms_106625.pdf.

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.18

Правильная ссылка на статью:

Пугачева М. Г. Игорь Кон: «То, чем занимался я, этим никто другой не занимался» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 351—381. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.18>.

For citation:

Pugacheva M. G. (2019) Igor Kon: “I was doing what nobody else was doing”. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 351—381. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.18>.

М. Г. Пугачева

ИГОРЬ КОН: «ТО, ЧЕМ ЗАНИМАЛСЯ Я, ЭТИМ НИКТО ДРУГОЙ НЕ ЗАНИМАЛСЯ»

ИГОРЬ КОН: «ТО, ЧЕМ ЗАНИМАЛСЯ Я,
ЭТИМ НИКТО ДРУГОЙ НЕ ЗАНИМАЛСЯ»

ПУГАЧЕВА Марина Геннадиевна — старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: puma7@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8539-1706>

IGOR KON: “I WAS DOING WHAT NO-
BODY ELSE WAS DOING”

Marina G. PUGACHEVA¹ — Senior Research Fellow, Centre for Fundamental Sociology

E-MAIL: puma7@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8539-1706>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В публикуемом интервью с выдающимся российским социологом и философом Игорем Семеновичем Коном речь идет об истории возрождения советской социологии в начале 1960-х годов, о создании и истории Института социологии. Нарратив начинается с истории воз-

Abstract. We offer an interview with Igor S. Kon, an outstanding Russian sociologist and philosopher. The interview tells about the revival of the Soviet sociology in the 1960s and the foundation of the Institute of Sociology. The narrative begins with the establishment of relationships with Pitirim Sorokin, a Rus-

никновения взаимоотношений с российско-американским социологом и культурологом Питиримом Сорокиным, и шире — с рассказа о рецепции западных идей в отечественной социологии. В связи с этим отдельное место занимает рассказ о советской цензуре и попытках Кона влиять на изменение правил ее осуществления в области науки. Отдельный сюжет — семинарское движение в социологии, семинары Юрия Левады, встречи социологов в Кяярйку. Упоминаются имена многих выдающихся советских социологов, стоявших у истоков возрождения социологии в России.

Ключевые слова: Игорь Кон, Питирим Сорокин, история советской социологии, цензура, спецхран, рецепции западной социологии, семинары по социологии, ИКСИ-ИСИ АН СССР, встречи в Кяярйку

sian-American sociologist, and extends to the story about the reception of the Western ideas in the Russian sociology. In his regard, the emphasis is placed on the story about Soviet censorship and Kon's attempts to change the censorship rules in the academic field. A special attention is paid to the so-called "seminar movement", introduced by Yury Levada, referring to sociologists' meetings in Kääriku. Names of many prominent Soviet sociologists who pioneered sociology in Russia are mentioned.

Keywords: Igor Kon, Pitirim Sorokin, history of Soviet sociology, censorship, spetskhran (special storage), receptions of Western sociology, seminars on sociology, Institute for Specific Social Research — Institute for Sociological Research of the USSR Academy of Sciences, Kääriku meetings

Интервью с Игорем Семеновичем Коном состоялось в 1998 г. в рамках моего проекта по истории «семинарского движения» в социологии. Еще в издании «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах» [Российская социология..., 1999] были опубликованы воспоминания с отцами-основателями советской социологии, дополненные — для своего рода переключки — документами из партийных, государственных и личных архивов. После этого я решила более подробно сосредоточиться на следующих темах. Это формальная и неформальная научная коммуникация советских социологов; семинары Ю. А. Левады, Б. А. Грушина, И. В. Бестужева-Лады, В. А. Ядова, встречи социологов в Кяярйку; механизмы рецепций идей западной социологии; цензура в социологии. И тут же обнаружилось, что по всем этим сюжетам не обойтись без Игоря Семеновича, его опыта и знаний конъюнктуры тех лет.

Для лучшей ориентации в повествовании необходимо привести несколько фактов из истории институционализации социологии в СССР.

Начало возрождения социологии в нашей стране пришлось на середину 1950-х гг., когда на Урале начались первые конкретные социологические исследования на тему положения рабочего класса. И уже в это же время в документах встречаются первые упоминания о необходимости создания специализированного

института. Однако до момента подписания официальных документов прошло почти десятилетие, которое как раз и пришлось на период хрущевской оттепели. К началу 1960-х гг. проведение конкретных социологических исследований приобрело массовый характер. Одновременно ширились контакты советских обществоведов с западными социологами, участились выезды на Всемирные социологические конгрессы и конференции. В 1958 г. в нашей стране прошла международная социологическая конференция и сформировалась Советская социологическая ассоциация. Она первоначально возникла с целью участия советской науки в Международной социологической ассоциации, однако постепенно молодая генерация обществоведов начала использовать ее для консолидации профессионального сообщества внутри страны и распространения идей социологии.

И. С. Кон. 1950-е гг. Источник: архив М.Г. Пугачевой

И вот, в ноябре 1959 г. решением Президиума АН СССР в Институте философии была создана группа социологических исследований, в октябре 1960 г. преобразованная в сектор исследований новых форм труда и быта (рук. — Г. В. Осипов). Тогда же, в 1960 г., Б. А. Грушин открыл свой Институт общественного мнения газеты «Комсомольская правда» и начал проводить первые в стране широкомасштабные опросы общественного мнения. В 1964 г. на базе социологической лаборатории философского факультета Ленинградского университета был создан Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований

(НИИКСИ). В этом же году в Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС сформировалась группа конкретных социологических исследований, а затем отделы и лаборатории создаются при многих партийных органах, райкомах, обкомах, крайкомах. АОН оказалась серьезным конкурентом Академии наук в том, чтобы возглавить «социологическое движение» в стране и стать координирующим центром. Рассматривались предложения о создании головного социологического института именно в рамках этой системы. К счастью, этого не произошло. И решение было принято, как это ни странно, на заседании Идеологической комиссии при ЦК КПСС по вопросу развития общественных наук 15—18 ноября 1965 г. Социология получила поддержку «старой философской гвардии» «истматчиков» — П. Н. Федосеева, Ф. В. Константинова, М. Б. Митина, — представлявших интересы, в первую очередь, Академии наук.

Тогда, в 1965 г., институт создан не был. Однако решающим шагом в процессе институционализации социологии стала организация Научного совета по проблемам конкретных социальных исследований. На него была возложена координация всех проводимых в стране социальных исследований, в том числе и социологических, были сформулированы их основные направления. Председателем Научного совета был назначен член-корреспондент А. М. Румянцев, а его заместителем стал Г. В. Осипов. Постановлением президиума АН СССР сектор исследований новых форм труда и быта Института философии был преобразован в Отдел конкретных социологических исследований.

Далее события развивались следующим образом. Руководитель отдела Г. В. Осипов вскоре стал председателем Советской социологической ассоциации, взяв на себя роль лидера в формировании научной дисциплины. 16—19 февраля 1966 г. в Ленинграде прошел симпозиум на тему «Опыт проведения конкретных социологических исследований в СССР», в котором приняли участие около 600 человек. В постановлении бюро Отделения философии и права АН СССР отмечался «рост в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Свердловске, Таллине и др. городах кадров специалистов, владеющих приемами конкретного исследования социальных явлений с использованием современных средств качественно-количественного анализа». Кроме того, вновь ставился вопрос об организации печатного органа социологов, на этот раз — об издании в Ленинграде журнала «Социологические науки». В июне 1966 г. в АОН при ЦК КПСС проходил всесоюзный теоретический семинар «Конкретные социологические исследования и идеологическая деятельность». В апреле 1967 г. состоялось совещание в Сухуми по количественным методам в социологии. Им руководил А. М. Румянцев, который в эти же дни был избран вице-президентом АН СССР по общественным наукам. Совещание имело огромный резонанс в профессиональном сообществе социологов. По образному высказыванию одного из участников, это было выступление «формулы против цитаты». Таким образом, к 1967 г. социология в нашей стране значительно упрочила свои позиции. Уже осенью этого года начались практические мероприятия по созданию Института конкретных социальных исследований (ИКСИ). В сентябре академик Румянцев пригласил И. В. Бестужева-Ладу и рассказал об идее создания ЦИКСИ — Центрального института конкретных социальных исследований, который должен был сам состоять из трех институтов: Института социологических исследо-

ваний, который, как предполагалось, возглавит Осипов, Института общественного мнения во главе с Грушиным и Института социального планирования и прогнозирования во главе с Бестужевым-Ладой. В каждом институте должно было быть по 74 штатных единицы. Однако в жизни все оказалось скромнее.

По иронии судьбы у Института имеются несколько дат «рождения»: 22 мая 1968 г. было принято решение Политбюро ЦК КПСС; Постановление Президиума АН СССР № 509 датируется 14 июня; основные направления работы института были определены позже постановлением ЦК КПСС от 10 декабря 1968 г. Научная жизнь в Институте была построена в основном по «проектному принципу». Из Института философии перешли следующие генеральные проекты: «Методология, методика и техника социологических исследований» (рук. Ю. А. Левада), «Труд, коллектив и личность в условиях экономической реформы» (рук. Г. В. Осипов), «Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов» (рук. Б. А. Грушин), «Социальные аспекты воспроизводства, распределения и использования трудовых ресурсов» (рук. В. Г. Васильев).

В 1969 г. в Институте существовало три научных направления:

- теория организации социального объекта (планирование, прогнозирование, управление);
- теория управления социальными системами;
- история социологии и критика современных буржуазных теорий.

Первое из них имело приоритетный характер. Здесь разрабатывались вопросы социальной структуры и социального планирования, мотивации труда и внутригрупповых отношений, методика моделирования социальных процессов. В рамках данного направления действовал изыскательский проект В. А. Ядова «Влияние осознанных ориентаций на поведение личности». Отдел Г. В. Осипова в этот период разрабатывал одновременно 8—10 тем, так или иначе связанных с промышленной социологией.

Генеральным проектом «Функционирование общественного мнения и деятельность государственных институтов в условиях города», которым руководил Б. А. Грушин, уже были проведены полевые работы в Таганроге и началась обработка данных. Отдел В. Н. Шубкина разрабатывал социологические проблемы образования, фактически продолжая методологическую программу, которая началась в Новосибирске. Изыскательский проект И. В. Бестужева-Лады занимался прогнозированием духовных потребностей молодежи.

В Институте, помимо, так сказать, «социологического», существовало еще «политологическое» направление, возглавляемое заместителем директора Ф. М. Бурлацким. Основной разрабатываемой темой здесь была теория управления социальными процессами. В «команде» Бурлацкого были А. А. Галкин, руководивший авторским коллективом «Социальная структура и общественно-политическая деятельность», Н. А. Сидоров, Н. С. Мансуров. Здесь же работали опытные публицисты Е. А. Амбарцумов и Л. В. Карпинский. Исследования, проводимые в рамках данного направления, были связаны преимущественно с разработкой аналитических документов для ЦК КПСС (хотя это вовсе не значило, что ученые были «ангажированы» властями).

Наиболее заметным из прикладных исследований того времени был опрос читателей центральных газет, которым руководил В. Э. Шляпентох. В Ленинграде Б. М. Фирсов вел опросы телезрителей.

В феврале 1969 г. в составе Института был утвержден ленинградский сектор изыскательского проекта «Соотношение ценностных ориентаций и реального (явного) поведения личности в сферах труда и досуга». Под руководством В. А. Ядова в секторе работало шесть научных сотрудников: Э. В. Беляев, Л. В. Борзикова, В. В. Водзинская, В. Н. Каюрова, Г. И. Саганенко, А. П. Сопиков. Это была команда социологов, перешедшая из НИИКСИ при ЛГУ.

И, наконец, в структуре ИКСИ был создан генеральный проект «История социологии», возглавляемый И. С. Коном. Примечательно, что в наименовании проекта не фигурировал традиционный термин «критика».

Обстановка в институте в 1968—1971 гг. была уникальной. А. М. Румянцев, будучи своего рода «прикрытием» от властей и чисто номинальным административным руководителем, создал, как вспоминает В. А. Ядов, «прекрасную либеральную атмосферу. Лишь временами он собирал руководство института — руководителей крупных проектов, отделов, заместителей директора — и просто мы говорили на разные темы, как правило, даже не столько административные вопросы обсуждались... его интересовало содержание, как у нас идет дела, в каком направлении, какие проблемы будем изучать. Румянцев активно настаивал на том, чтобы мы использовали госстатистику, потому что социологи ею вообще пренебрегали... Он сказал на одном собрании, довольно узком: “Вы знаете, когда размышляю о ситуации в нашей стране, в обществе в целом, я думаю, что все формации возникли естественным путем и только социалистическая формация возникла организованно — путем организованных действий масс. Не отсюда ли все наши проблемы? Вот над этим надо подумать”» [Пугачева, 1994].

Однако все это продолжалось недолго. Год создания ИКСИ — 1968-й, и это многое объясняет в его будущей судьбе. Не успев встать на ноги и только начав разворачивать исследовательскую работу, Институт уже в конце 1969 г. подвергся идеологической атаке со стороны партийных органов. Кампания началась с критики «Лекций по социологии» Ю. А. Левады, прочитанных им на факультете журналистики МГУ еще в 1967 г. и опубликованных под грифом Института [Левада, 1969ab]. Смысл нападок был очевиден и самому Леваде, и руководству Института: в стране начался отказ от либеральных перемен «оттепели», начинался период «застоя». Вот как рассказывал об этом В. Н. Шубкин: «Левада не сам по себе привлек внимание ЦК КПСС. Дело было в директоре ИКСИ А. М. Румянцеве, который до этого возглавлял “Проблемы мира и социализма”. Его люди работали в международных отделах ЦК и были влиятельны. Трапезников, завотделом науки, сказал так: “Надо обрезать пражский хвост”. Поэтому было задумано устроить разгром Левады, Румянцева и других» [Пугачева, 1994].

Ю. А. Левада подтверждает эту версию. «После Чехословакии (имеется в виду ввод советских войск в Прагу в 1968 г. — М.П.) началась серия “зажимов”, в частности, волна дошла и до ИКСИ. Им очень не нравилось, что во главе ИКСИ стоял главный либерал тех времен Румянцев и что там можно было разные вещи делать. Сами по себе — ничего особенного, но отличающиеся от принятых стандартов...

Надо было прикрутить всякую чуть-чуть либеральную мысль. И прикрутить ИКСИ, который не нравился вообще нашим философским козлам, ведь нет никакой социологии, отличной от философии. Философия — это истмат и диамат, и ничего другого социологического быть не должно».

После «дела Левады» ситуация в Институте была некоторое время неопределенной: А. М. Румянцев был вынужден уйти с поста директора, а исполняющим обязанности был назначен Н. И. Лапин. Он не предпринял никаких действий против «засоренности кадров» Института и был вскоре заменен на М. Н. Руткевича, который и занялся «реорганизацией» Института. В результате начался массовый уход ученых — первым уволился Ю. А. Левада, затем Ф. М. Бурлацкий вместе со своим сектором был переведен в Институт государства и права. В декабре 1972 г. уволился И. С. Кон. В. Н. Шубкин и А. А. Галкин ушли со своими сотрудниками в Институт международного рабочего движения. Позднее ушли Н. И. Лапин, Н. Ф. Наумова, А. И. Пригожин, В. Д. Ольшанский, Г. М. Андреева, Е. А. Амбарцумов, Г. С. Лисичкин, Л. В. Карпинский и многие-многие другие. Институт стал другим. Да и название сменилось — Институт социологических исследований.

Ленинградские сектора ИСИ АН СССР были переданы в Институт социально-экономических проблем распоряжением Президиума АН СССР 31 марта 1975 г.

В 1976 г. директором ИСИ стал Тимон Васильевич Рябушкин.

Марина Пугачева (М.П.): *Игорь Семенович, первое, о чем хотели бы с Вами поговорить, это Ваша переписка с Питиримом Сорокиным. Нам об этом рассказал Игорь Анатольевич Голосенко¹ [подробнее об этом см. Пугачева, 2001]. Он и посоветовал сделать запрос в архив Сорокина и попросить их прислать копии всех писем русских и советских адресатов. Взять интервью у нескольких человек, которые состояли в переписке с Сорокиным, и сделать небольшую работу, посвященную связям Сорокина с Россией².*

Игорь Кон (И.К.): Должен сказать, что я никогда не воспринимал свои письма и телефонные разговоры как нечто, имеющее историческое значение. Я не имел такой осторожности... Человек, который раз сидел, обычно этой осторожности учился. Я знал одного профессора, он вел аккуратнейший архив. Он один раз сидел и с тех пор со всех писем всегда делал копии. Никогда не знаешь, когда и что понадобится. Поскольку у меня такого опыта не было, аккуратности у меня тоже нет. Эти письма — все что у меня было, потому что они оказались в Сорокинском архиве.

М.П.: *Как Вы вообще вышли на Сорокина?*

И.К.: Это было очень просто: я занимался историей социологии, и Сорокина, естественно, знал. Впрочем, его главная работа, четырехтомник [Sorokin, 1957; Сорокин, 2000], имела отношение даже больше к философии истории, чем к социологии. Я эту книгу знал значительно раньше, чем многое другое. И потом я взял Голосенко, когда он был еще студентом, и дал ему эту тему, потому что мне казалось (и я был прав), что о Сорокине можно написать достаточно пристойно.

¹ Голосенко Игорь Анатольевич (1938—2001) — социолог, доктор философских наук, профессор. Один из первых историков русской социологии.

² Переписка Питирима Сорокина была опубликована в 2009 г. Павлом Кротовым, руководителем Центра Питирима Сорокина в Сыктывкаре [Питирим Сорокин... 2009].

Я старался не брать те фигуры, где нужна была сплошная фальсификация, а там, где можно было бы обойтись какими-то оговорками, это стоило делать. Самое удачное, я Диме Шалину³ дал Мида, и это была первая советская работа о нем. Сейчас Шалин — ведущий специалист в Америке по этой тематике. А Игорю я дал Сорокина, но при этом оказалось, что ни в университете, ни в публичной библиотеке у нас не было очень многих произведений Сорокина. Почти все было тогда в спецхране. И я тогда решил, что надо их достать, и просто написал самому Сорокину письмо. В это время его репутация уже не была такой страшной: опять же, я не каждому стал бы писать письма, хотя у меня была очень большая переписка. Но здесь я считал, что я могу себе позволить начать такую переписку. Он уже антисоветски не высказывался, был больше разочарован в американской социологии.

М.П.: Это какой год?

И.К.: Примерно 1966-й⁴. В общем я сообщал, что взял студента, но у нас отсутствуют в библиотеке его книги. В одном из первых писем Сорокин как раз пишет, что посылает книги и просит сообщить, дойдут они или нет. Если дойдут — он пошлет еще, а если не дойдут — то и смысла нет посылать. Очень любезно. Книги дошли. Естественно, часть из них осела в спецхране (этого я ему не написал), но спецхран — это было уже не так страшно. Во-первых, там можно было сидеть и работать, а во-вторых, у меня были особые отношения с цензурой: можно было договориться о том, чтобы ценой вырезки каких-то страниц, которых мне самому не жалко, получить остальное.

Так вот было и с Сорокиным. Так что Игорь, когда начинал работать, уже имел всю литературу. Если я брал мальчика или девочку, то обычно чувствовал себя ответственным за то, чтобы они могли работать на современном уровне вне зависимости от того, как комплектуются наши библиотеки. Единственное, о чем я их строго предупреждал: если что-то понадобится, скажи мне — я напишу, я достану. Не вступай сам ни в какие переписки, это опасно. На меня уже есть досье, к тому же все знают, чем я занимаюсь. Я знаю, на что я могу пойти, а на что не могу. А вот ты влипнешь...

Так и случилось с Игорем и, по-моему, с Костей Султановым⁵. Я их особенно предупреждал не вступать ни в какие контакты ни с какими гидами на разных американских выставках. Во-первых, вероятность, что эти гиды действительно работают в специальных службах, значительно выше среднего. Во-вторых, независимо от того, где они работают, за этими людьми всегда слежка, поэтому, вступая с ними в контакт, не санкционированный заранее (а эти санкции надо было получать на очень высоком уровне в КГБ), человек гарантированно попадал в орбиту самого недружественного внимания.

³ Шалин Дмитрий Николаевич — советский и американский социолог. Учился в Ленинградском государственном университете, окончил аспирантуру Института конкретных социальных исследований и защитил диссертацию в 1973 г., после чего работал в ленинградских секторах Института социологических исследований. В 1975 г. эмигрировал в США, где окончил аспирантуру Колумбийского университета. С 1991 г. — профессор Университета Невады в Лас-Вегасе и директор Центра демократической культуры.

⁴ Первое письмо написано 1 октября 1965 г. Вся переписка опубликована в [Из эпистолярного наследия..., 1998].

⁵ Султанов Константин Викторович (род. 1937) — доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

И вот, Игорь не послушался, и они с Костей познакомились на какой-то выставке с каким-то гидом. У ребят никакой корысти, кроме как, может быть, получить какие-то книжки, не было. Но все равно этого делать было нельзя. Они подружились с молодым человеком, пригласили его домой... После этого их тягали по всем инстанциям и возможности заграничных поездок уже не стало. Нельзя сказать, что она на самом деле была большой, но все-таки... Игорь не был «инвалидом пятого пункта» и был членом партии, папа у него полковник. У него могли бы быть шансы, но тут он их себе сразу же обрезал. Но это уже такие реалии, которые сегодня мало кому понятны.

М.П.: *А лично с Сорокиным вы когда-нибудь встречались?*

И.К.: Нет, никогда. В это время он уже никуда не ездил — был болен. Он собирался в Советский Союз, но не смог приехать. Я послал ему свою книгу «Позитивизм в социологии» [Кон, 1964], где есть критика в его адрес. Ему это очень понравилось, и в одном из своих последних писем он сообщал, что постарается сделать на меня ссылку, хотя уже верстка, и вряд ли удастся. Ему это удалось: когда его книжка до меня дошла, я эту ссылку обнаружил.

В каком-то письме я его спрашивал, как лучше переводить его собственную терминологию. В этом отношении он оказался плохим помощником, сказал, что затрудняется, что надо думать, потому что он писал все по-английски.

А потом это была личная переписка: он болел, у него был рак, он знал, что умирает, и знал это задолго. И была такая более теплая переписка, чем обычно бывает с людьми, которых никогда не видел. Мне хотелось сделать ему что-то приятное. У нас тогда выходили альбомы с фотографиями, причем их можно было купить. Теперь переписку никто не запрещает вести, но сегодня я книжки никому не в состоянии послать, даже если я в состоянии купить, потому что стоимость пересылки уже не вписывается в нашу зарплату. А тогда были многочисленные цензурные препятствия, и просто был некоторый риск, но зато не было проблем финансовых. Я ему послал альбом Кижей, его родные места...

М.П.: *Может быть, кто-то из ваших коллег встречался с Сорокиным лично? Например, на социологических конгрессах, ведь Сорокин одно время был президентом Американской социологической ассоциации.*

И.К.: Думаю, об этом лучше расспросить Галину Михайловну Андрееву [см. Пугачева, Ярмолюк, 2002]. По-моему, Вадим Семенов⁶ и Галина Андреева встречались с Сорокиным во время Вашингтонского конгресса⁷. Впрочем, на все эти конгрессы, как правило, ездили люди, не имеющие отношения к социологии.

По-видимому, я начал эту переписку уже после этого конгресса, потому что все-таки очень долго Сорокин у нас официально считался фигурой чрезвычайно одиозной. Заводить какие-нибудь связи с эмигрантами было абсолютно не допустимо. Смертельно опасно. Этого было делать нельзя, не имея заведомо санкции, причем высокой, КГБ. После того, как я уже знал, что кто-то с ним официально встречался и что после этого не было неприятностей, я и рискнул на это пойти. Если бы этого не было, я вряд ли бы рискнул.

⁶ Воспоминания В. С. Семенова о встрече с Сорокиным на Вашингтонском конгрессе см.: [Семенов, 1999: 428—429].

⁷ V Всемирный социологический конгресс в Вашингтоне проходил в 1962 г.

М.П.: А кто из советских социологов имел «санкции» на общение с иностранцами и с эмигрантами в частности?

И.К.: Только те, кто состоял в штате в КГБ. Но я таких знаю мало. Либо те, кто как Юрий Александрович Замошкин⁸ постоянно бывали в Штатах: он уже имел такие санкции, не будучи работником КГБ. Понимаете, это все было совсем не так однозначно. Во-первых, насчет контактов — надо было просто брать и делать, потому что, если спрашивать... Приведу другие примеры. Ездить за границу меня не пускали, а переписываться — я переписывался. И я никого об этом не спрашивал. Я обнаружил, что у нас иностранную литературу вообще не читали. Ее перестали читать где-то перед войной и потом долго-долго никто не читал. А я это делал всегда. В начале 1950-х я начал ходить в публичную библиотеку и заказывать философские и социологические журналы, это было еще в аспирантуре.

Я закончил аспирантуру в 1950-м и через год-два стал заниматься философией истории. И вот тогда регулярно просиживал в спецхранах в Москве от открытия до закрытия. Воевал с ними из-за правил. Тут я нашел в ЦК мою переписку с Суловым. Вернее, не переписку, а мое письмо с резолюцией Сулова⁹: я пытался поменять правила спецхрана. Кстати, было не всегда безнадежно¹⁰. В Ленинградских библиотеках мало что было, и, кроме того, там ничего сделать было нельзя, а в Москве находилась моя любимая библиотека, единственная в стране, где были нормальные каталоги и где был отражен спецхран, — это нынешний ИНИОН.

И правила спецхрановские менялись. Во-первых, проблема получить разрешение. Чтобы получить разрешение, преподавателю общественных наук в начале 1950-х нужна была бумага за подписью ректора и начальника спецотдела, поскольку предполагалось, что вам оформляют какой-то «допуск». Когда я в 1950—1952-м годах работал в Вологде, мне это без всяких хлопот оформили. Когда я вернулся в Ленинград и стал работать в Химико-фармацевтическом институте, то начальник отдела кадров категорически отказывался выдать бумагу под предлогом, что у меня нет «допуска». Я говорю:

— Мне нужна научная иностранная литература, оформите мне допуск.

— Так я не могу оформить, потому что у вас несекретная работа.

Вот был упрямый человек: мы с ним долго не могли сговориться. В конце концов, я обозлился и написал в КГБ — уже не помню кому, — что мне нужны книги для работы и разберитесь, в конце концов, какой порядок: раз у меня в Вологде было разрешение, почему здесь его нет? Меня пригласили на Литейный, извинились, но сказали, что ситуация действительно абсурдная, потому что мне на самом деле никакой секретности не нужно: литература, которую вы хотите читать, не секретная — она просто «вредная», и мы все объясним.

Но дальше эта система стала меняться, может, отчасти в связи с той моей жалобой. Я не уверен, что писал в ленинградское управление КГБ, мог написать куда

⁸ Замошкин Юрий Александрович (1927—1993) — философ, социолог и политолог, в 1960—1980-е гг. зав. сектором Института мирового рабочего движения АН СССР, зав. кафедрой философии Института общественных наук, зав. отделом Института США и Канады АН СССР, автор работ по проблемам личности, свободы и равенства.

⁹ Письмо поступило в ЦК КПСС 27 января 1961 г.

¹⁰ Документы опубликованы в разделе «Пресса и цензура» сборника [Пресса в обществе..., 2000: 465—470].

угодно (я был храбрый по молодости лет), но систему в итоге все же изменили. Оформление допуска уже не требовалось, а разрешение подписывали руководители учреждений и секретарь парторганизации. Позже стали выдавать книги из спецхрана и аспирантам, студентам — с трудом. Мороки с этим было невероятно много, потому что правила пользования менялись. Помню, когда я в первый раз приехал в Москву работать, у меня была надлежащая бумага, все было нормально, но нужно было подписать правила, что я не имею права использовать эту литературу в печати. Полный бред! Уже и в студенческие, и в аспирантские годы я читал эту литературу. Хоть я занимался Англией XVII века, но и по этой теме литература в значительной мере была в спецхране. Меня это правило возмутило, и я решил, что надо жаловаться. Я позвонил в ЦК КПСС, в Отдел пропаганды, где я никого тогда не знал, и сказал, что вот такие правила. Грубый некультурный голос мне ответил, что все правильно. «Что же — говорит, — вы это все хотите в печать тащить? Я говорю: а что, вы думаете, я езжу сюда читать ради удовольствия? Я это читаю ради критики. — Ну и критикуйте, зачем цитировать? Я говорю: а вы “Материализм и эмпириокритицизм” читали? — Читал, — говорит. — Вы помните, сколько там цитат? Вы думаете, что без цитат можно все критиковать?». Этот аргумент подействовал. Он дал телефон какого-то товарища повыше, тот меня выслушал, все понял и сказал: да, конечно, эти правила неправильные, устарели, и мы их изменим.

Потом было другое правило, совсем страшное. В какой-то период вы в спецхране могли делать заметки, но на руки их получить не могли. Ваши тетрадки высылали по почте в ваше учреждение. Никаких проблем с этим, если учреждение было нормальное, не было: никто не встречал и вам тут же ваши тетрадки отдавали. Но когда я оказался в Химико-фармацевтическом институте, я своих опусов не мог получить. Тем паче, я выписки всегда делал на языке оригинала: не буду же я тратить время на перевод! Этот начальник спецотдела ничего прочитать не мог и экспертизу невозможно было провести. Потом это тоже изменили.

А начинал я читать еще до Москвы в Ленинграде, и помню, как пришел и стал интересоваться философскими и социологическими журналами. Я был мальчишкой, ведь институт кончил в девятнадцать лет. На меня сбежались смотреть библиотечарши, которые говорили, что не помнят такого случая, чтобы какой-нибудь гуманитарий спрашивал иностранную литературу. Я действительно обнаружил, что в библиотеке хранилось огромное количество журналов: они лежали неразрезанные, поскольку ни на одном языке никто никогда ничего не читал.

М.П.: При этом фонды регулярно пополнялись?

И.К.: Регулярно поступали свежие журналы — тогда валюты было много, — но их никто не читал. Когда с валютой стало хуже, библиотекари сокращали подписку — зачем выписывать то, что никому не нужно. И когда с этим уже стало совсем трудно — а наши ребята, мои и Володи Ядова, действительно читали иностранную литературу и о них надо было заботиться, — то пришлось комплектование ленинградских библиотек взять в свои руки. Валюта была ограничена, и надо было выписывать то, что заведомо будут читать. Ядову надо было защищать интересы своих коллег, и поскольку я имел представление о перспективах научного развития, то давал рекомендации, что выписывать: а именно

только те книжки, которые либо имеют непреходящую ценность, либо по тем направлениям, где что-то читают. Первыми стали в Ленинграде таким образом выходить из положения психологи. Когда этим занимаются библиотекари, то ориентируются по каталогам, а что они имеют в виду — неизвестно. Например, дублировались книги в Библиотеке Академии наук и Публичке. Мы старались сделать так, чтобы книжки не дублировались, и библиотекари были счастливы. В результате я командовал практически всем комплектованием ленинградских библиотек, а потом, когда у меня на это не стало времени, этим делом занялся Володя Магун. Таким образом, при любых трудностях с валютой, если что-то надо было получить, библиотекари добывали нам эти книги. Валюта была (хотя в Ленинграде значительно меньше, чем в Москве), так что просто этим надо было заниматься систематически, смотреть каталоги, проспекты.

Тогда я еще и в мыслях не имел заниматься сексологией, но проблемами социологии сексуальности уже занимался, а потому старался смотреть вперед и знал, что эта литература потребуется. В то время денег было мало, надо было экономить, и вот, Публичной библиотеке я порекомендовал выписать книжку Фрэнка Каприо «Девиантная сексуальность» [Caprio, Brenner, 1969]. Формата покетбук, чтобы подешевле. Это известный американский сексолог, судебно-медицинский эксперт и так далее. Где-то года через полтора, когда она наконец дошла, разразился грандиозный скандал. К счастью, у меня были хорошие отношения с цензорами в Ленинграде. Был такой Владимир Михайлович Тупицын, интеллигентный человек. Он сидел на почтамте и контролировал переписку, получение книг и прочее. Знакомство оказалось довольно своеобразным и началось с неприятности. После моего письма Сулову и реакции на него, у меня были намертво испорчены отношения с Главлитом¹¹. Они меня ненавидели. Они неделю не спали, читали книжки, которые я указывал в письме Сулову как пример цензурного произвола и приводили оттуда антисоветские цитаты, чтобы показать, что этот доктор философских наук на самом деле ничего не понимает и занимается подрывной деятельностью. Хотя в моем письме было прямо написано, что, конечно, там есть какие-то цитаты, но если в книжке 600 страниц на французском языке, а на 590-й написано, что в Советском Союзе однопартийная система, поэтому это недемократическое государство, то человек, который в состоянии прочитать эти 600 страниц на французском языке, наверное, уже имеет по этому поводу мнение и его это не развратит. Поэтому последствий для меня это почти не имело.

Немного расширили список, по которому рассылались реферативные издания, — в это время уже существовал Институт научной информации, где делали переводы очень важных вещей и издавали бюллетени, но они мало к кому попадали. Например, издали брошюру Хайдеггера — уже не помню, как она называлась, — но разослали ее только высокому начальству, а в библиотеки, даже в спецхраны, она не попала. Узнав, что она существует в природе, я попробовал чего-то добиться. Я пошел в обком, к секретарю обкома по пропаганде, и сказал: вот так и так, как достать подобные книги? Он долго не мог меня понять — я объяснял, что рассылаются они по списку членам ЦК. Он говорит: я не могу у Фрола

¹¹ Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) — государственный орган в СССР, занимавшийся цензурованием печатных произведений и защитой государственных секретов в СМИ.

Романовича¹² интересоваться, что он получает как член ЦК. Я понял, что не должен был его спрашивать: дистанция между мной и ним больше, чем между ним и Фролом Романовичем. А потом он сообразил, полез в шкаф и достает оттуда Хайдеггера: вот это вы имеете в виду? Я говорю: да, это то самое. Вам на нее только чайники ставить, а мне, между прочим, почитать бы невредно. Он говорит: ничего не могу сделать, но пожалуйста — приходите, работайте у меня в приемной. Но проще было прочитать это в оригинале, чем сидеть там в приемной, тем более что это было не приглашение, а наоборот...

Итак, я написал в ЦК, и после этого списки на рассылку увеличились, но Главлит меня ненавидел смертельно. Но еще до этого вышла такая история. В Советский Союз приезжал Чарлз Райт Миллс¹³, и за ним ухаживали как за очень важным человеком. С кем он встречался в Москве, я не знаю, но когда он собрался в Ленинград, то заявил, что не хочет встречаться с «социологическими колхозами» (когда собирают вместе людей, которые ничего и ни о чем не знают), а только с одним человеком, чтобы был нормальный разговор. Ему порекомендовали меня: я, кажется, единственный прилично знал язык.

Власти очень беспокоились об этом визите, даже постеснялись показать философский факультет, который был тогда страшно замызганным, и мы с Миллсом встретились в каком-то дворцовом кабинете. У нас был очень милый приятный разговор, после которого он пообещал прислать мне свои книги. Жду-жду, а книжек нет. Я стал нервничать, книжки мне нужны, и я послал заказное письмо министру связи СССР о том, что жду такие-то книги и до сих пор их не получил (я не мог написать самому Миллсу, что книги не пришли, потому что неудобно спрашивать, послал ли он их вообще). Книги по идее не спецхрановские, изымать их не должны, а даже если и изъяли, то должны были поставить меня в известность. Прошу разобраться. Стали разбираться и выяснилось, что вовремя не послали сами издательства. Я даже от Министерства справку получил правильную. Тогда я написал Миллсу: книги были посланы, и я их получил.

Но одновременно Главлит воспользовался случаем сделать мне неприятность. Меня вызвали в райком партии, и секретарь райкома, достаточно милая женщина (что бывало редко в Севастопольском райкоме), говорит мне: я сама ничего не знаю, но мне звонили из обкома, что я должна вас просто предупредить, что так делать нельзя, вы разгласили государственную тайну. — Какую? — Факт существования в Советском Союзе цензуры — это государственная тайна. Я говорю: простите, это было заказное письмо министру связи СССР. — Я понимаю, что это нелепо, но мне поручили вам сказать. Ну что тут делать?

Потом уже я познакомился с Тупицыным, и он рассказал, как меня ненавидит его начальство и объяснил всю эту механику. «Наша система — только часть общества. Не мы решаем, когда что-то надо ослабить — это решается в ЦК. Мы просто аппарат и ничего больше. Добиваться изменения наших правил — то же самое,

¹² Козлов Фрол Романович (1908—1965) — член Президиума ЦК КПСС (1957—1964), первый заместитель Председателя Совета Министров СССР (1958—1960), секретарь ЦК КПСС (1960—1964). Член ЦК КПСС (1952—1965). Депутат Верховного Совета СССР в 1950—1965 гг. Член Президиума Верховного Совета СССР в 1954—1958 и 1962—1965 гг.

¹³ Скорее всего, речь идет о конце 1961 г., когда Ч. Р. Миллс ездил по Европе в сопровождении своего аспиранта С. Ландау.

что ссать против ветра. А вот если по-хорошему попросить, если вам что-то надо, то в порядке исключения можно сделать если не все, то многое. И дальше: проблема в том, каким способом посланы книги из-за границы. Если идет пароходом, то приходит в Ленинград и тогда я рассматриваю. Любые книжки, которые придут на ваше имя, я вам отдам — никто кроме меня этого не узнает. Если это идет через Москву и ко мне приходит уже с «шестигранником», я изменить ничего не могу. Если попросят вырезать страницы, выбирайте те, которые вам не жалко». И тогда я стал просить своих коллег, которые меня снабжали книгами (в основном это делала Американская социологическая ассоциация, частные лица за свой счет редко кто слал), по возможности отсылать морским путем...

И вот случилась эта история с книгой Каприо. Мне звонит Тупицын и говорит: вы знаете, страшный скандал. Начальник Главлита взбешен, кричит, что это абсолютная порнография, книгу нельзя держать даже в спецхране, ее нужно уничтожить. И, кроме того, они требуют вашей крови. Я говорю:

— Это не может быть порнографией — это солидное издательство и, судя по аннотации, нормальная профессиональная книга.

— Ну, хорошо, я попрошу прислать под мою ответственность. Посмотрим, разберемся.

Ее прислали, и все стало ясно. Книга нормальная, издана в популярной серии, но автор занимается девиантной сексологией: насильники и другие люди рассказывают, что и как делали, и изъясняются, естественно, не на латыни, так что цитаты на обычном разговорном языке. Какая-то дама в Главлите пришла от этого в ужас, доложила начальству и «пошла писать губерния». Мы посмотрели, написали, что все нормально, книжку оставили на спецхране в Публичной библиотеке и вопрос был исчерпан.

Однажды я устроил Публичной библиотеке неприятность через того же Тупицына и его начальство. Я рекомендовал студентам Фрейда, а им его не выдавали. Он не спецхрановский, а им отказывались выдать. Тогда я пожаловался в Горлит¹⁴, что библиотекари присвоили их права, и им был втык. Но библиотекари по-своему правы: у них гораздо больше неприятностей, если где-то недобдят. Бдительность была чрезмерная — так что по справедливости и преподаватели общественных наук, и библиотекари должны были бы получать основную зарплату в Горлите. Главное — бдительность, а остальное по совместительству. Я сам когда-то сделал выговор работникам библиотеки Академии наук: я рекомендовал студентам дюркгеймовское «Самоубийство» [Дюркгейм, 1912], а одному студенту-физику отказались ее выдавать. И он устроил скандал. Этот парень указал, что издание 1912 года и потому ничего антисоветского там не могло быть по определению. Книгу посмотрела заведующая залом, выяснила, что если ты хочешь повеситься, то эту книгу читать не следует, там никаких рецептов нет. После чего ее выдали.

К счастью для нас, из спецхрана книги можно было убирать, и я активно «чистил» ленинградскую публичную библиотеку. Когда я начал заниматься философией истории, сутками сидел в спецхране, где лежал, например, Дильтей, который умер еще до советской власти, какие-то издания выходили в фашистские времена,

¹⁴ Горлит — городское управление Главлита.

но это были классические тексты. Это было хлопотное дело: вначале нужно было написать записку, что такие-то книги я считаю возможным отсюда убрать, потом приходил в библиотеку цензор, который их просматривал, и если у него не было возражений, книги переходили в обычный фонд. Пользоваться ими становилось значительно удобнее: у меня был абонемент, а из спецхрана книги на дом взять нельзя, по МБА¹⁵ заказать их нельзя. И, кстати, в спецхранах работали в большинстве случаев вполне нормальные люди: они были счастливы, когда от них что-то уходило. Однако иногда хранить в спецхране было рациональнее: например, журналы или какие-то серийные издания, когда заведомо ясно, что какие-то номера нельзя перевести в общий фонд, удобнее, чтобы все было в одном месте.

Но главная беда со спецхранами заключалась в том, что они ни в одной библиотеке не вносились в общий каталог. Поэтому если тебе что-то было нужно, ты не мог узнать, есть ли это в библиотеке. А спецхрановские каталоги показывали очень неохотно, потому что по букве инструкции разрешение на работу в спецхране было ограничено твоей темой. За эти пределы можно было выходить, но осторожно. Все, что бралось в библиотеке, фиксировалось, а в спецхране — особенно жестко. Если человек вызывал подозрение, что он читает литературу не по заявленной теме, могли быть проблемы. И это продолжалось до самого конца советской власти. Ну что Фрейд, если советские книги по сексопатологии, написанные на птичьем языке, не выдавались даже в специальных библиотеках! Чтобы получить эту книжку, надо было иметь не только врачебный диплом, но еще принести из учреждения справку, что вы занимаетесь именно сексопатологией, а не просто удовлетворяете свое нездоровое любопытство. Это продолжалось до 1987 года и кончилось, когда я эту практику осмеял на страницах теоретического политического органа нашей партии — журнала «Коммунист» [Кон, 1988]. Причем люди, работавшие в библиотеках, не понимали глупости этих правил. Уже на самом деле государственная цензура была ни при чем: это их собственная цензура, собственная самодеятельность. В партийной печати был порядок, которого сейчас, к сожалению, нет нигде. Когда «Правда» или «Коммунист» что-нибудь печатали, любой факт вначале обязательно проверялся. Поэтому, когда я прислал статью, из отдела проверки позвонили в библиотеку, и те не сообразили, что надо тут же отречься, они подтвердили: да, такое правило у нас есть. И после того, как появилась статья в «Коммунисте», его отменили.

М.П.: *А кто вообще становился цензором? Какое у них было образование? Насколько часто там встречались действительно умные люди?*

И.К.: Очень разные люди, в основном, с филологическим и философским образованием, но обязательно с высшим. Нужен был профессионализм, в особенности, для чтения нашей литературы, рукописей и так далее, и у них был поразительно наметанный глаз. Самые распространенные и самые «смертельные» опечатки, когда перепутываются слова «капитализм» и «коммунизм», что случалось. Помню, я как-то пришел сам (хотя не принято было туда ходить, официально мы о них «не знали», но из всех правил бывали исключения) с какой-то статьей, мне нужно было срочно получить визу. Цензор при мне ее листает, не читает: «вот, говорит, хорошо,

¹⁵ Межбиблиотечный абонемент (МБА) — форма библиотечного обслуживания, позволяющая читателям одной библиотеки пользоваться также книжными фондами других библиотек.

что вы ко мне пришли и я заглянула, смотрите — вот здесь слова перепутались, если бы я не заглянула, не дай бог, потом меня бы сняли с работы». Люди были разные: были цепные псы, но были и вполне интеллигентные люди.

Тот же самый Тупицын очень тяготился своей работой, хотя многим людям помогал. Как только стало возможно, он ушел оттуда, хотя имел хорошую репутацию. Причем его все время смущало как раз то, что он имеет либеральную репутацию, а это чревато последствиями... Один раз он мне помог, а я думал, что он меня подвел. Кто-то прислал мне какие-то пластинки. Пластинки тоже контролировались, были и там запреты. Он мне говорит: виноват, вам пришли пластинки, и я их машинально активировал, чтобы изъять, не заметил, что это вам, но раз я уже это записал, это изменить не могу. Я сказал своему начальнику, чтобы это исправили, потому что это, мол, моя ошибка, поскольку Кон имеет режим наибольшего благоприятствования со стороны обкома. На самом деле такого режима официально не было. Он сказал: вы, вероятно, получите свои пластинки, потому что мой начальник обожает звонить в обком — он позвонит Кругловой¹⁶ и все будет в порядке. В то время у меня с ней не было никаких отношений, потом были хорошие. Она очень суровая и мрачная женщина, но вместе с тем имела собственное мнение, и с ней о чем-то можно было разговаривать. С последующими уже ни о чем и никогда. Я пришел в ужас:

— Владимир Михайлович, вы же меня погубили! Круглова скажет «нет» и после этого... Черт с ней, с пластинкой, мне книги важнее!

— Нет,— говорит,— я их лучше знаю: Арсеньеву¹⁷ нужен повод позвонить Кругловой, а Круглова вас знает, ей что, жалко, что ли? Он оказался прав.

А потом уже у меня в ленинградском обкоме никогда не было «режима наибольшего благоприятствования», меня всегда там не любили. У меня были гораздо лучшие отношения в ЦК, а в Ленинграде отвратительные, там всегда было омерзительное руководство. Но прецедент чиновник интерпретировал как общее указание, что мне можно все выдавать. Какое-то время таким «режимом наибольшего благоприятствования» пользовались в Ленинграде два человека: я и Фурсенко¹⁸ (сейчас он уже перестал быть академиком-секретарем Отделения истории). А кончилось это потом тем, что проворовался один из руководящих работников Горлита, его посадили на восемь лет. Он занимался тем, что книги и пластинки, которые они изымали в большом количестве, через каких-то мальчиков сбывал на черном рынке за бешеные деньги. КГБ вышло на него, а он был заводделом. После этого стали устрашать порядки и жертвой оказался я, хотя ничего не воровал и ничего не распространял, но все мои привилегии кончились. Так что, когда я пытался от них чего-то добиться, мне говорили: пожалуйста, получите в ленинградском обкоме письмо, и, если дадут, мы против вас ничего не имеем.

М.П.: *А как обстояло дело с переводом на русский язык социологических работ? Существовал ведь какой-то грандиозный проект?*

¹⁶ Круглова Зинаида Михайловна (1923—1995) — в 1963—1968 гг. секретарь Ленинградского горкома КПСС; в 1968—1974 гг. секретарь Ленинградского обкома КПСС. Скорее всего, речь идет о горкоме КПСС.

¹⁷ Арсеньев Юрий Михайлович (1921—1986) — в 1960—1971 гг. начальник Управления по охране государственных тайн в печати при Ленисполкоме.

¹⁸ Фурсенко Александр Александрович (1927—2008) — советский и российский историк, доктор исторических наук, академик АН СССР (1990) и академик РАН (1991).

И.К.: Существовал. Я пытался это делать. Мы обеспечили перевод многих книг, в том числе очень хороших. У меня был когда-то большой проект... Но Ядов с Батыгиным дважды потеряли мою заявку.

М.П.: На какую книгу?

И.К.: «Стереотипы, предрассудки» — великолепный сборник. Это было уже в 1990-е годы, они мне два года морочили голову. Сначала Ядов потерял, потом Батыгин потерял. Это другая история, которая стоила мне двух тяжелых депрессий.

А при советской власти дело было так. Надо было выбирать, и я считал, что надо издавать не по идеологическим соображениям. И лучше, чтобы переводились не толстые книги, потому что у нас бумаги мало, а сборники. Можно было, если составитель хороший специалист, отобрать самые важные статьи — в том числе те, в которых заведомо нет политики. Иногда это выходило. Мне очень много крови стоила замечательная книжка «Философия и методология истории» [Философия и методология истории, 1977]. Меня интересовало перевести классику в этой области. Видите, на ней гриф «Для научных библиотек»? Эта книга очень тщательно составлена, там ничего спецхрановского нет, и ее должны были издать большим тиражом. Эта книга очень важная, потому что здесь те вещи, без которых вообще заниматься философией истории нельзя: это отправные статьи, от которых идут все последующие дискуссии. И все было в порядке, но, когда все уже было набрано, в «Прогресс» на должность заместителя главного редактора пришел психически больной антисемит — на самом деле больной, — выгнанный из Института социологии. Фамилию я забыл, но — чтобы выгнали в это время за антисемитизм! Он стал проявлять бдительность, взял рукопись и написал разносный отзыв, что это сплошная идеологическая диверсия, что все тексты плохие. И все в таком роде. Жуткий совершенно отзыв. Но со мной такие штуки не проходили: я написал ответ, соответственно, достаточно жесткий, и этого человека выгнали. Это была последняя капля, он там что-то натворил еще до того. А тут его просто убрали. Все равно, однако же, на всякий случай — народ был пугливый — поставили гриф «Для научных библиотек» и в результате тираж только пять тысяч, поэтому мало кто смог прочесть. А за несколько лет до того, году в 1954-м, вышел в трех томах сборник переводов по философии и методологии истории, его издавал Институт всеобщей истории. Увы, всего двести экземпляров. Так что просвещать людей было очень трудно.

Неприятности были и с книгой Маргарет Мид «Культура и мир детства» [Мид, 1988]. Причем, должен вам сказать, неприятности очень редко были из-за цензуры. Представление, что люди делились по тому, где кто работает (кто в научном мире — те хорошие, а кто в аппарате или в цензуре — те плохие), — это ничему не соответствовало. В моем опыте все неприятности бывали в основном с коллегами. Вначале все шло гладко, но один из моих коллег, он и сейчас здоровствует, написал внутренний отзыв, где выражал большие сомнения насчет нравственности самой Маргарет Мид, и потом насчет сексуальности, а о сексуальности у Мид там ничего и не было... Вот такой странный отзыв. Но это не имело значения, и я даже не стал писать на него ответ, просто проигнорировал, издательство поступило так же. Во всех этих вещах надо было просто быстро соображать и принимать на себя ответственность. Если я не готов и просто не хочу, то я должен запросить у началь-

ства руководящих указаний. А там, где ты мог взять на себя ответственность, там ты мог что-то сделать. И так со всеми переводами.

Кстати, почему у нас было так плохо с переводами — дело не в цензуре и даже не в ЦК КПСС. Дело в том, что ведь переводить некому. Опасны переводы хороших книг плохим туземным автором, потому что тогда очевидно, что ты ни к черту не гож: либо то, что ты пишешь, никуда не годится, либо ты переписываешь без ссылок чужие вещи. Поэтому часто намертво блокировали переводы — в этом было дело. Когда стали делаться переводы, были совершенно страшные вещи и смешные одновременно. Есть такая толстая книга, может быть вы ее даже видели, одна из первых больших книг по социологии, которая вышла в русском переводе — «Современная социологическая теория: преемственность и изменение» под редакцией Дмитрия Ивановича Чеснокова [Becker, Boskoff, 1957; Беккер, Босков, 1961]. Я, естественно, книжку эту читал в оригинале, а не 10 лет спустя, когда ее перевели. Выходит русский перевод с грифом «Для научных библиотек», стал ли-стать — ничего не могу понять! Помимо того, что один и тот же термин переводится по-разному, в некоторых местах просто смысла никакого нет. Оригинал у меня дома не было, но я просто произвел грамматический анализ и оказалось, что в одном предложении нет подлежащего, а в другом нет сказуемого. Как это могло получиться, понятно: Дмитрий Иванович не знал английского языка и, кроме того, если бы он даже пытался читать и не понял, то это только подтвердило бы идею о маразме буржуазной социологии, а не только то, что переводчики были плохие.

Переводы — это же тяжелая работа, это и сегодня остается проблемой. Есть только две возможности: либо перевод делает профессиональный переводчик, тогда это удобочитаемый текст, но часто совершенно неверный терминологически, с точностью до наоборот, к тому же профессиональному переводчику надо больше платить; либо это аспирант или кандидат наук, который может понять текст, но сделает в лучшем случае неудобочитаемый подстрочник. Исключения получались, когда титульный редактор сидел и переписывал, но это могли делать только очень большие подвижники, по-настоящему великие люди. Я никогда не забуду, как мы с покойным Валентином Фердинандовичем Асмусом, в 1959-м году сидели под Москвой в доме отдыха и писали учебник «Основы марксизма-ленинизма» [1960]. Получился очень хороший по тем временам учебник. И вот он все свободное время переписывал перевод расселовской истории западной философии. Он его переписывал, чертыхался, конечно, и никакой гонорар этот адов труд не оправдывал. Человеку уровня Асмуса переводить на это жизнь было абсурдно, но, с другой стороны, я прекрасно понимаю — он не мог иначе. Эта книга, вы ее и сегодня можете читать, потому что Рассел блестящий стилист и потому что Асмус переписывал.

М.П.: *А какие еще были удачи в переводах социологических работ?*

И.К.: Это по-всякому бывало. Я всегда все читаю в оригиналах, но иногда я и сейчас прихожу в ярость. Я сказал горькие, крайне резкие слова своей ученице Римме Шпаковой. Она прекрасно знает немецкую социологию, но тут вышла книжка шведского социолога Пера Монсона [1992], которую перевели чудовищно, и титульный редактор стоит Римма. Я, когда ее увидел потом, сказал: Римма, как не совестно, нельзя ставить свое имя на такие вещи! Там умудрились Маркса

переводить со шведского, названия книг Мида неверно переведены, потому что по-шведски они как-то иначе назывались. Вместе с тем я понимаю, что деньги титульному редактору платят только за имя, не за работу, это никогда не оплачивалось так хорошо, чтобы можно было делать работу. Особенно трудный язык для перевода — французский. Просто там какая-то логика другая у французского языка. Потрясающе изящный текст, ты переводишь — и все тут же исчезает. Он какой-то такой образный, метафорический. Английский гораздо проще. А тут много трудностей возникало: надо было думать, взвешивать. Но больше всего говорят о том, как невозможно было работать те, кто не пробовал.

М.П.: *Еще одна тема, связанная с первыми двумя: в 1960-е годы, когда социология активно распространялась, существовало несколько социологических семинаров — у Левады, у Ядова в Ленинграде, в Новосибирске и ряд других. Там, по-моему, тоже пытались осваивать западные теории через переводы. Вы с этим сталкивались?*

И.К.: Я на семинары ходить не любил, сам их не проводил — я предпочитал читать лекции. Что касается Ядова, ему отчасти повезло. Когда они начинали заниматься социологией, я заранее выписал ряд книг, знал, что это понадобится. Когда эмпирическая социология еще только начиналась, я понятия не имел, насколько это сложно, но думал, что это вообще интересно. Мы с Ядовым вместе работали в университете, и я ему говорил, что интересно было бы этим заняться. На меня тогда большое впечатление произвела статья Пруденского¹⁹ в «Коммунисте» [1960]. Это была первая работа по свободному времени: очевидно, что там есть, что делать, а насколько это сложно, я не подозревал. Ядов тогда заниматься этим не хотел, он считал, что это все мелко, он занимался философией. Я сам не собирался заниматься эмпирическими исследованиями, это не мой тип работы, но я — доктор-то очень давно, и поэтому у многих был оппонентом на защитах. Кроме того, доктора имели право на очень ограниченное количество валюты на то, чтобы выписывать через книжный отдел Академии наук книги. Я тогда на свою кровную валюту выписал впрок один из самых популярных учебников по методике социологии. Я его так и не прочитал, потому что как только создалась социологическая лаборатория, я дал ребятам эту книжку и больше ее не видел. Ну, в общем, они с этим работали.

С выбором книг иногда бывали случайные вещи. К сожалению, и сейчас продолжают, хотя у нас тоже не такие уж большие возможности, и, если бы этим кто-нибудь занимался и хотел это делать, было бы лучше, но увы. Ну, например, первый учебник по социальной психологии, который у нас издан, — это плохой учебник Шибутани [Shibutani, 1961; Шибутани, 1969]. Он плохой как учебник, плохой методически. У этого автора есть хорошие работы, но учебник не самый успешный. Почему он появился? Потому что это был первый учебник, который попался в руки Ольшанскому²⁰, и они всем сектором переводили. Если бы заранее

¹⁹ Пруденский Герман Александрович (1904—1967) — в 1958—1966 гг. — директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР.

²⁰ Ольшанский Вадим Борисович (1927—2001) — в 1961—1968 гг. — аспирант, научный сотрудник сектора изучения новых форм труда и быта Института философии АН СССР, с 1968 г. работал в Институте конкретных социальных исследований.

сказали, была бы переведена совсем другая книга, по которой мы учили всех наших аспирантов²¹.

Самый лучший методический учебник, который я когда-либо вообще в жизни видел, — «Individual in Society» [Krech, Crutchfield, Ballachey, 1962]. Это большая толстая книга, и ты можешь ее начать читать, ничего не зная про социальную психологию, и все будешь понимать. А когда ее прочитаешь, сможешь читать всю профессиональную литературу. И когда я убедился, что это так, дал ее Ядову. Мы выписали еще одну, и у нас был учебник специально для ребят. И если появлялся подходящий мальчик, мы с ним не разговаривали до тех пор, как он не прочитает эту книгу. Иначе это бесполезно.

В этом отношении наша социология погибала, а Руткевич ее добил. Потом она начиналась по новой, но погибла, в частности, и по внутренним причинам. Затянувшаяся «подвальная» жизнь²², когда невозможно было работать, потому что в условиях, когда не нужно ходить на работу, что приемлемо для сложившихся людей: я сроду не работал ни в каком казенном доме, только дома, я не умею иначе, но меня не нужно организовывать. А мальчикам и девочкам нужна какая-то дисциплина (не говоря о том, что это вообще коллективная работа), потому что, когда на работу ходить не обязательно, привычки работать не возникает. И вторая причина — никто не читал учебников. У меня на всю жизнь осталось тягостное впечатление от первого моего посещения осиповского отдела (еще в подвале): милые ребята, но было смешно, потому что после того как кончилось застолье, они все — каждый по отдельности — подходили ко мне и говорили: «я занимаюсь такой темой и по моей теме нет никакой литературы». Причем не только нашенькой, что было верно, но и в мире. И я им всем мог что-то сказать, не будучи специалистом в их темах. И где-то в середине этого разговора я понял, в чем причина: их никто не заставил и даже не посоветовал прочитать любой американский учебник от начала и до конца. Они выбирали тему, дальше заглядывали в указатель и смотрели только нужные страницы. И при этом им не приходило в голову, что то, что у нас называется «интерес», там может называться «ценностная ориентация» или чем угодно еще. Все чувствовали себя первооткрывателями, но нельзя создавать науку, не прочитавши учебник.

М.П.: *А левадовский семинар?*

И.К.: Это совсем другое дело. Другой уровень. Левада брал к себе уже подготовленных ребят. И там была теория, это совсем другое.

М.П.: *А вы к нему ходили?*

И.К.: Нет. Я жил в Ленинграде и приезжал раз в месяц, пока заведовал сектором, проводить заседания. С Левадой мы всегда были очень дружны, он самый талантливый и самый порядочный человек в нашем поколении, совершенно поразительный человек. Трудно представить себе эти пятнадцать лет, когда его нигде не печатали. Он никогда не жаловался, продолжал работать, ходил в библиотеку, читал в ситуации безнадежности. Это очень трудно.

М.П.: *Он не говорит на эту тему.*

²¹ Речь идет о [Goode, Hatt, 1952].

²² Отдел конкретных социологических исследований Института философии АН СССР был образован в 1966 г. и находился в подвале дома по ул. Писцовой, Москва.

И.К.: Это не игра в сильного человека. И сегодня это уже не травмирующий сюжет. Просто у человека есть за душой что-то более интересное: о своих болячках больше всего говорят люди, у которых больше ничего нет, тогда стоит жаловаться на жизнь. А человек, который работает... Можно рассказать, как обижали, естественно, но это не самое интересное. Левада — исключительный человек, к тому же абсолютная безупречность и надежность во всем, и никакие изменения в ситуациях не влияют...

Другой пример, другого типа человек, но тоже с безупречной порядочностью и образцовым поведением в трудных условиях — это Борис Максимович Фирсов²³. Он блестящий организатор. Когда-то мы все, включая Ядова, Здравомыслова и Шкаратана, мечтали поработать в институте, где директором товарищ Фирсов, хотя по рангу он был ниже всех нас. Но он человек невезучий. Где бы он ни работал при советской власти, всегда кончалось неприятностью, в которой он был не виноват, но он оказывался козлом отпущения. Я знаю его очень много лет, еще со времен, когда он был секретарем Петроградского райкома комсомола. Я у них вел семинар. Потом мы с ним какое-то время не пересекались, а познакомились уже через Ядова, с которым они были близкие друзья. Фирсова со скандалом ушли [Козловский, 1999]: он был первым секретарем Дзержинского райкома партии, но не захотел работать секретарем обкома — ему предложили повышение, а он отказался. Когда его оттуда убрали, он стал директором телевидения. Оттуда его тоже убрали из-за передачи, в которой выступил Солоухин и кто-то упомянул Солженицына. Передача еще не закончилась, как пошли звонки из ЦК, и Фирсова сразу сняли, хотя он абсолютно ни в чем не был виноват, это не его ответственность. Все это знали, в том числе и в обкоме. Он не захотел возвращаться в эту систему и принял решение, на которое мало кто способен. Ему было уже где-то к сорока, он был на большой работе, и те, кто его снимал, сами понимали, что ни за что. Его спросили, что он сам хочет, он сказал: хочу в аспирантуру. Нужно было сделать исключение, потому что принимали до 35 лет. Все считали, что это странная вещь — идти с хорошей зарплатой на сторублевую стипендию. Это было непростое решение, после этого я его стал очень уважать... Я на самом деле уважаю только людей, которые могут сделать что-то такое, чего я заведомо не могу: знаю, что у меня не получится, тогда я снимаю шляпу. Если я сам это могу, то тогда ничего особенного. Это было совершенно поразительно — после такого падения появиться на факультете в качестве аспиранта! При таком перепаде один человек чувствует себя обиженным, ушибленным, жалуется, выглядит жалко и так далее, другой, наоборот, делает вид, как будто ничего не произошло, демонстрирует чувство собственного достоинства, и может нарваться на то, что кто-то попытается поставить его на место. Борис же появился в коридоре философского факультета <...> Я просто зрительно это помню — я профессор, он аспирант, начинается разговор, и он как бы предлагает вам на выбор: хочешь — будут отношения профессора и аспиранта, хочешь — какие угодно. Ни приниженности, ни навязывания стиля отношений, которые могут быть в этих ситуациях собеседнику неудобны!

²³ Борис Максимович Фирсов (род. 1929) — советский и российский социолог, в 1989—1996 гг. основатель и первый директор Социологического института РАН, в дальнейшем — сооснователь и первый ректор (1995—2003) Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Ну, а дальше он опять быстро пошел в гору, поехал в Англию и так далее. К нему в обкоме относились хорошо, пока не случились очередные большие неприятности. Чуть ли не американским шпионом оказался в ИСЭП²⁴. Началась травля и меня с Ядовым, а Фирсова подставили в истории с секретностью [Ядов, 1999: 56—58]. Самое интересное, что он из всех нас единственный аккуратный человек, он воспитанный чиновник. Я могу потерять любую бумажку, в том числе секретную, Владимир Александрович — то же самое. С Фирсовым ничего такого не могло произойти, он не мог ни потерять бумажку, ни сделать то, что не положено, с бумажкой. Но в деле участвовали одновременно и КГБ, и обком. Его увольняли буквально с волчьим билетом, но просто выкинуть доктора наук на улицу было невозможно. Тогда я его сосватал в Институт этнографии. Борис к директору этого института²⁵ не хотел обращаться напрямую: тот — человек со всячинкой, но вместе с тем то, что о нем говорили, подтвердилось, дружеские обязательства он уважал. Когда я ему рассказал, что Борису очень плохо, он сам предложил попробовать взять его в институт. Что было невозможно, потому что Фирсов не имел никакого отношения к этнографии. Но потом придумал: тот директор, который хочет от него избавиться²⁶, мне его со ставкой отдаст, а в обкоме я буду разговаривать так, как будто беру его на перевоспитание. Они тоже будут счастливы: я им делаю одолжение, что беру почти шпиона (был момент, когда Фирсова на бюро горкома чуть не исключили из партии), но все получилось. Борис в институте прекрасно себя поставил, за время работы он сумел сделать, чего не сделали за десятилетия, и самое важное из того, что он там сделал, — опубликовал очень важные материалы Телешевского архива. Это бесценная совершенно вещь.

М.П.: *А что можете рассказать про встречи в Кяярику?*

И.К.: В Кяярику было-то очень интересно! Вот, что меня поразило, когда мы первый раз там были, — это дорога (нас обычно Здравомыслов возил на своей машине). Вот граница по реке, и в какую бы сторону мы ни ехали, разница между эстонской и российской территорией огромная. Еще я очень удивился тому, что студенты делали хорошие доклады и те же самые способные ребята выполняли все функции по обслуживанию: накрывали на столы, убирали и так далее. Я спросил старших: а как у вас это получается? Потому что у нас если молодой человек способный, то сразу зазнается. Они объяснили: у нас маленькая страна, и, если мы хотим, чтобы к нам приезжали, мы должны хорошо все организовать, а лишних денег у нас на это нет. А что касается ребят, то здесь уйти некуда, поэтому если он испортит отношения с людьми тут и станет понятно, что он плохой человек, то другого места в Эстонии у него практически не будет.

М.П.: *Встреч в Кяярику было четыре²⁷.*

²⁴ Институт социально-экономических проблем АН СССР. В 1975 г. Ленинградские сектора Института социологических исследований были переданы в ИСЭП.

²⁵ В 1966—1989 гг. директором Института этнографии АН СССР был Юлиан Владимирович Бромлей (1921—1990).

²⁶ Сигов Ивграф Иванович — директор Института социально-экономических проблем АН СССР в 1978—1989 гг.

²⁷ Об этом в интервью рассказывал социолог Юло Вооглайд. Тема четвертой встречи, по его словам, была «Массовое общество, массовая культура, массовые коммуникации» — МММ, которое было расшифровано властями как Маркс, Мао, Маркузе (из архива М. Г. Пугачевой).

И.К.: Я был на трех, по-моему. Я не помню. Там была хорошая атмосфера, я познакомился с Щедровицким²⁸. Единственный раз, когда я видел злого Леваду: он все время Щедровицкого обрывал. А мне Щедровицкий понравился, я считал и считаю, что он был очень полезен в малых дозах. В больших дозах, когда эта методология становилась самоцелью, это уже не работает, потому что на самом деле, как ходит сороконожка, знать ей не обязательно. А в малых дозах это очень дисциплинирует. У Щедровицкого многие научились, в том числе и Грушин. Но важно было вовремя уйти, а я тут его впервые видел, это было занятно. Так что в Кярярику была очень хорошая атмосфера.

М.П.: А какой-то «сухой остаток» от этого всего был?

И.К.: Мне трудно судить, я всегда был сам по себе. То, чем занимался я, этим никто другой не занимался. Эмпирическими исследованиями я не занимался, но это было очень важно, и в Кярярику были хорошие разговоры. Они были на равных, там не было чинопочитания. Я не помню подробностей, что там и как было, но у меня ощущение, что это нормально, что это такого типа семинары, какие бывают у физиков, включая наличие чувства юмора. Я даже когда-то папку хотел сделать по образцу физиков, сборник «Социологи шутят». Причем, после Кярярику. Но потом как-то стало не до шуток.

Человеческая атмосфера — вовсе не формализованный процесс, это живое дело, включая общение. Все это там было очень хорошо выражено. Потом эти переживания, как мы там ждали решения Политбюро о создании института²⁹, причем нам всем было ясно, что по идее его не должно быть.

М.П.: В 1968-м? Вы ждали его там?

И.К. Да. Именно когда были там, мы все понимали, что на самом деле время ушло, потому что это все развертывалось на подъеме либерализации. Это окончательно стало бессмысленно в 1968-м, потому что после подавления Чехословакии стало ясно, что система развиваться не будет, а будет только застой, зажим и так далее. До того, на волне хрущевских реформ и какое-то время после, партии была нужна какая-то информация, они сами имели иллюзии. Но тут уже иллюзий ни у кого не осталось, поэтому было ясно, что социология никому не нужна. И, тем не менее, решение состоялось, не помню, кто... Кажется, Осипов³⁰, звонил в Москву по несколько раз в день. Но все состоялось, потому что система была инерционной³¹.

М.П.: А с Алексеем Матвеевичем Румянцевым³² вы были знакомы?

И.К.: Да, конечно, но не близко. Там фактически всем занимался Осипов, а с Румянцевым я просто встречался, когда меня приглашали заведовать секто-

²⁸ Щедровицкий Георгий Петрович (1929—1994) — в 1952—1989 гг. руководитель междисциплинарного семинара по исследованию систем, автор работ по методологии познания.

²⁹ Речь идет о создании Института конкретных социальных исследований. Постановление Политбюро ЦК КПСС вышло 22 мая 1968. См. [Документы..., 1999: 446—447].

³⁰ Осипов Геннадий Васильевич (род. 1929) — советский и российский социолог и организатор науки. Один из инициаторов создания Института конкретных социальных исследований АН СССР. Со-организатор, вице-президент (1959) и президент (1960—1972) Советской социологической ассоциации.

³¹ Подробнее о создании Института см. [Пугачева, 1994].

³² Румянцев Алексей Матвеевич (1905—1993) — советский и российский экономист и социолог. Первый директор вновь созданного ИКСИ. В 1952—1976 гг. член ЦК КПСС.

ром — естественно, был разговор с директором. Он ведь институтом не занимался. Он был пример хорошего партработника. Он был партработник, ничего другого, но хороший, умный и с каким-то политическим чутьем. Конечно, в институте его подставляли, это двоевластие, причем самое смешное, потому что и в том и в другом подразделении работали люди, у которых были хорошие взаимоотношения. Я помню, мы с кем-то смеялись, с Галкиным, что ли, он был у Бурлацкого³³, а я у Осипова — мы встретились где-то в коридоре, разговариваем, а у обоих замдиректоров³⁴ звонят телефоны и кто-то докладывает, что происходит заговор. У нас у всех было к этому ироническое отношение.

М.П.: *У меня было такое ощущение, что слишком много интеллектуалов собралось на маленьком пятачке.*

И.К.: Знаете, в институте между секторами не было ни склок, ни распрей, за исключением чисто административной Осипова с Бурлацким.

М.П.: *Я имею в виду соперничество... Не было?*

И.К.: Дело в том, что все заведомо знали, что мы все — разные и не взаимозаменяемые. Ну, какие у меня могли бы быть (вне зависимости от человеческих качеств) конфликты с Шубкиным³⁵ или с Грушиным...

М.П.: *Я не о конфликтах, а об интеллектуальном пижонстве.*

И.К.: Вы знаете, я этого не ощущал. Такого рода вещи были в ИМРД³⁶, когда Тимур Тимофеев собрал у себя цвет интеллигенции. Тогда с самого начала было понятно, что институт нежизнеспособен, потому что никто из этих людей не занимается и не будет заниматься не только международным рабочим движением, но и вообще чем бы то ни было, что нужно каким-то там структурам. Каждый будет сам по себе, и в придачу — именно потому что это интеллектуалы — там будет полно идеологических неприятностей. В нашем же институте на самом деле было очень мало серьезных идеологических неприятностей, ну, вот кроме «Лекций» Левады [Левада, 1969а, 1969б], которые никто не читал, и еще там каких-то ерундовых вещей. Личные отношения между всеми были хорошие — ну, просто все были разные, понимаете? Вопрос «Кто главный?» встает, когда люди занимаются одним и тем же. Но сравнивать разные по тематике работы, сравнивать их сильные и слабые стороны невозможно. Если речь шла о западной социологии, то ее знали только три человека: Левада, Андреева и я. Если мы трое чего-то не знали, понятно, что этого никто не знал.

Я помню аспирантские экзамены, на которых Осипов любил разные придумки. Вот он сунул в билеты вопрос «Критика теории классов Льва Гульмана». Кто такой Лев Гульман, никто не знал, потому что это автор единственной статьи во французском социологическом журнале. И вдруг аспирантам задается такой вопрос на эк-

³³ Бурлацкий Федор Михайлович (1927—2014) — советский и российский политолог. В 1969—1971 гг. был заместителем директора ИКСИ. До этого с начала 1950-х гг. в разные годы работал в международном отделе журнала «Коммунист», в Отделе ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, в газете «Правда», а также в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР.

³⁴ Заместителями директора ИКСИ были Г. В. Осипов и Ф. М. Бурлацкий.

³⁵ Шубкин Владимир Николаевич (1923—2010) — советский и российский социолог. В 1962—1969 гг. — руководитель сектора в Институте экономики и организации промышленного производства. Работал также в Институте конкретных социальных исследований.

³⁶ Институт международного рабочего движения АН СССР.

замене. Мы поговорили с Андреевой, с Левадой, никто из нас о нем не слышал, и мы сказали аспирантам: ребята, такой теории нет. Если попадется такой вопрос, можете рассказывать все, что угодно, просто проявите творческое воображение. Сочиняйте любую теорию, какую захотите. С Осиповым постоянно случались такие вещи. Когда происходил очередной скандал с его книгой, в которой обнаруживался плагиат, я ему говорил: Гена, у тебя неправильно расставлены кадры. У тебя девочки режут, а мальчики клеят. Надо делать наоборот: пусть мальчики режут, а девочки клеят. Мальчики неаккуратные.

М.П.: *И что произошло, когда пришел Руткевич?*

И.К.: В институте в то время мы сами себя недооценивали, возможно, атмосфера блокады, когда ничего нельзя было напечатать, на нас тоже действовала. Каждый знал, над чем работает его отдел, а в то, что и другие отделы работают, как-то не верилось. А вот когда это все развалилось и кончилось, и стали подводить итоги, то каждый поражался и себе, и другим тоже, как много было сделано. Насколько же работоспособно оказалось это учреждение, потому что, теоретически говоря, в этом бардаке работать было нельзя. Поэтому Руткевич³⁷, конечно, и себе шею сломал, и социологию убил. Когда он пришел, никто не собирался уходить. И не было инструкции на разгон. Он действовал вопреки ЦК, виноват был его собственный характер.

М.П.: *Потом сложилось мнение, что инструкция была.*

И.К.: Что социология не нужна была, это понятно, но тем не менее Отдел науки ЦК не хотел, чтобы люди расходились. Руткевич должен был, придя в институт, делать то, что было провалено, то есть то, что было нужно партии: изучение социальной структуры и так далее. Он должен был это делать, а все остальное не трогать. И все наработки пошли бы в дело. На самом деле, институт не был диссидентским. Но то, что выходило из-под Румянцева, считалось ревизионизмом, потому что были плохие отношения Румянцева с Трапезниковым [Пугачева, 1995]. Был еще скандал с «Лекциями Левады» — конечно, так, как их издали, нельзя было издавать [Документы, 1999: 485—507]. Но большая часть работ спокойно прошла бы. И Руткевич тут же бы пошел в академики и сделал бы политическую карьеру. Заниматься надо было тем, в чем он считал себя специалистом, этой социальной структурой. Но просто его характер...

Единственный человек, который сразу же правильно предупредил, что будет дальше, это покойный Андрей Сергеевич Ковальчук, муж Галины Михайловны Андреевой. Ни у кого из нас не было с Руткевичем тесных отношений, но казалось — он все-таки социолог, чего-то понимает, поэтому думали, как с ним будет работать. А Ковальчук сразу мне сказал: с Руткевичем работать нельзя никак, никто из вас с ним работать не сможет. С ним может работать только младший научный сотрудник без степени, который на любое замечание будет говорить: да, Михаил Николаевич, слушаюсь, Михаил Николаевич. Дальше так и получилось. Руткевич стал хамить. Например, учить Шубкина, как заниматься его исследованиями. До того, как Руткевич стал директором, у них были прекрасные отношения.

³⁷ Руткевич Михаил Николаевич (1917—2009) — доктор философских наук (1961), член-корреспондент АН СССР (1970), организатор и первый декан философского факультета Уральского университета (1966—1972), директор Института социологических исследований (ИСИ) АН СССР в 1972—1976 гг.

Он взял Шубкина с собой в первую же командировку в Польшу, но в ходе этой поездки Шубкину стало ясно, что работать с ним невозможно. И со мной случилось то же самое. Я был одним из первых, если не первый, кто ушел.

М.П.: *Первый ушел Левада.*

И.К.: Ну, уход Левады был условием, а со мной он допустил хамство, чего по отношению ко мне делать никогда было нельзя. Он со мной не пожелал встретиться, у него «не было времени». Я ушел в отпуск, после этого узнал уже от своей секретарши, что он переименовал сектор, и меня освободили от заведования, не спросив моего согласия. Это было на самом деле незаконно, и вопрос для меня сразу был решен: я тут работать не буду. Причем, самое смешное, что я никогда не хотел заведовать сектором. Мне это не нужно, это лишние хлопоты. Я спокойно мог сидеть в Ленинграде и заниматься своим делом, а сектором пусть заведует кто угодно.

Мне стало ясно, что я уйду, и я тут же отовсюду начал получать предложения. Но сложность заключалась в том, что против воли нового директора уйти довольно трудно. Федосеев³⁸ тогда установил мораторий: никого не брать из института. Хотя он Руткевича не любил и хотел его подставить, но вместе с тем официально формально его поддерживал. Эта поддержка заключалась в том, что он запретил другим институтам Академии наук брать людей из ИСИ. Самое приемлемое место мне тогда предложил Замошкин: профессором кафедры Института общественных наук (цековское заведение). Он меня представил ректору, я понравился, да и репутация у меня была достаточно хорошей. И при серьезной кадровой проверке оказалось, что ничего такого в моем досье нет.

В это время я болел, сидел в Ленинграде и в Москву не ездил. А Ядов, который в это время был заместителем по Ленинграду, предупреждал, оказывается, Руткевича: выясните отношения с Коном, так нельзя обращаться с человеком. Он отмахивался. И потом как гром среди ясного неба: я получил официальное письмо, что состоялось решение ЦК о моем зачислении профессором Института общественных наук при ЦК КПСС и Руткевича просят оформить перевод. Только после этого он забеспокоился, отказался это делать, стал сопротивляться.

Я приехал в Москву, зашел и говорю:

— Михаил Николаевич, у вас есть решение ЦК, давайте, оформляйте документы.

— Я не могу этого делать. Зачем вам преподавание, чем вам здесь плохо, сидеть в Ленинграде и никаких забот?

— Это было бы очень хорошо, если бы вы мне это предложили до того, как принимать решение о снятии меня с завсектора. После того как вы решаете без меня, я тоже решаю без вас. У нас уже нет базы для разговоров, кроме того, я не могу использовать партийное учреждение в качестве разменной монеты в торговле с вами, тем более что торговаться не о чем.

— Я ничего не могу сделать, это невозможно, и вообще Международный отдел мной не распоряжается, а Отдел науки против вашего ухода. Идите в Отдел науки.

Я говорю:

— Михаил Николаевич, это вы зависите от Отдела науки. Я человек маленький, я в номенклатуре Отдела науки не числюсь и мне разрешения у них спрашивать

³⁸ Федосеев Петр Николаевич (1908—1990) — философ, академик (1960), вице-президент АН СССР (1962—1967, 1971—1988), член ЦК с 1961 г.

не надо. Поэтому единственное, зачем я мог бы туда пойти — жаловаться на вас, на ваше хамство, на вашу кадровую политику. Этого я делать тоже не хочу: незачем тратить время и нервы, вас за это все равно снимут через какое-то время.

— Но я, — говорит, — не могу.

— Ну, как хотите. Я достал из кармана готовое заявление. Не можете переводом — сделайте «по собственному желанию». Он весь перекопился. Я говорю: через положенные три недели я приеду за трудовой книжкой.

Поскольку перед разговором с ним я выяснил через Ядова, что он не хочет меня отпускать, то я переговорил с ректором Рыженко, и тот сказал, что нет проблем, не хочет — не надо, мы тебя тем же днем оформим. У меня было только одно опасение: не оказаться между двумя отделами ЦК. Об этом я получил консультацию Арбатова³⁹, который сказал: чтобы Руткевичу отменить решение Загладина⁴⁰, он должен обращаться в Сектор философии, Сектор философии должен выходить на Трапезникова, Трапезников должен выходить на секретаря Демичева⁴¹, а Демичев разговаривать с Пономаревым⁴² — только таким образом можно отменить решение Загладина. Даже если это произойдет — не страшно, ты можешь после этого хоть ноги на голову Руткевичу класть и что угодно еще, если тебя оставят на таких условиях. Но этого никогда не произойдет — чиновники на себя никогда не жалуются, ведь любое обращение вверх вызовет вопрос: если это такие ценные кадры, почему они от вас уходят?

Я снова уехал в Ленинград, оставив это заявление, приближался срок и тогда я послал ему записку: Михаил Николаевич, послезавтра я приезжаю за трудовой книжкой, если вы хотите сделать скандал, то пожалуйста, но, если трудовая книжка не будет готова, я пойду к прокурору. Когда я приехал, я получил свою трудовую книжку и все.

Потом, когда уходил Шубкин, он уже использовал этот прецедент. Руткевич его тоже уговаривал: Владимир Николаевич, я знаю, вам здесь лучше. На что Шубкин ему ответил: если бы у меня даже были бы какие-то сомнения, то вы их сейчас развеяли, потому что работать с директором, который лучше меня знает, что для меня хорошо, абсолютно невозможно. Позже Шубкину пытались выкручивать руки в горьком партии, но он им сказал: «Кон молодой и здоровый, а я фронтовик, и если он не может, то как я могу это терпеть. А насчет того, что в Институте до Руткевича работали бездельники, так как вы думаете, при том противодействии, которое вызывает всегда создание новой науки, могла кучка бездельников столько всего создать...?». Так что задержать его тоже не смогли.

А меня все-таки пытались удержать через обком партии. Я снялся с партучета в райкоме, а потом в обкоме спохватились: им то ли Руткевич звонил, то ли из Отдела науки, но срочно дали указание меня не снимать с учета. Но, во-первых,

³⁹ Арбатов Георгий Аркадьевич (1923—2010) — историк и экономист, академик (1974), основатель Института США и Канады.

⁴⁰ Загладин Вадим Валентинович (1927—2006) — историк, журналист, общественный деятель, в 1960—1964 гг. работал в журнале «Проблемы мира и социализма», с 1964 — в аппарате ЦК КПСС, член ЦК (1981—1990).

⁴¹ Демичев Петр Ниллович (1918—2010) — секретарь ЦК КПСС в 1961—1974 гг.

⁴² Пономарев Борис Николаевич (1905—1995) — академик (1962), секретарь ЦК с 1961 г., кандидат в члены Политбюро с 1972 г.

я уже снялся, а во-вторых, это уже не имело никакого значения. Со мной хотели поговорить в обкоме, звонили, просили прийти. Я сказал, что не могу, я болен. В это время я уже не был болен, но решил, а чего я буду с ними разговаривать: я решение принял и все.

Впрочем, когда Руткевич говорит, что никого не разгонял, это правда. Все уходило с громадным трудом, за исключением Левады и сотрудников отдела Бурлацкого (это было предreshено, тут он ни при чем), а все остальные — с трудом, вопреки его сопротивлению. Но он виноват в том, что никто вначале не собирался уходить, я вам серьезно говорю. Более того, балаган всем надоел, все устали от двоевластия, устали от блокады... Отдел науки здесь тоже не виноват: они выбрали человека достаточно реакционного, но в то же время профессионального. Если бы Суслов не задержал Георгия Лукича Смирнова⁴³, который уже почти принимал дела.

М.П.: *И что бы было?*

И.К.: Социология была бы совершенно другая. Никто бы не ушел из Института, все бы работали. С ним можно было работать, он спокойный человек. У нас у всех были с ним хорошие отношения. К нему можно было прийти, обо всем поговорить. И он уже был готов, уже все было решено, но отменилось в последний момент, когда попало на визу к Сулову. Сулов сказал: что это мы будем с Академией наук своими кадрами делиться? И все. И после этого Лукич в ЦК остался. Роль личности в истории. Конечно, чего не было, того не было. А был бы нормальный человек и с авторитетом, и по истории социологии у нас было бы сделано значительно больше того, что опубликовано.

Список литературы (References)

Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / пер. В. М. Карзинкина и Ю. В. Семенова ; общ. ред. Д. И. Чеснокова. М. : Издательство иностранной литературы, 1961.

Becker G., Boskoff A. (1957) *Modern Sociological Theory in Continuity and Change*. New York: Dryden Press.

Документы // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин ; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб. : РХГИ, 1999. С. 440—613.

Documents. Batygin G. S. (ed.) (1999) *Russian Sociology of 1960s in Memories and Documents*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. P. 440—613. (In Russ.).

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. А. Н. Ильинского ; под ред. В. А. Базарова. СПб. : Н. П. Карбасников, 1912.

Durkheim É. (1897) *Suicide: A Study in Sociology*. Paris. (In French).

Из эпистолярного наследия Питирима Сорокина: переписка с И. С. Коном // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 20—35.

⁴³ Смирнов Георгий Лукич (1922—2010) — философ, член-корреспондент (1981), с 1957 г. сотрудник аппарата ЦК КПСС, директор Института философии в 1983—1985 гг.

From the Epistolary Heritage of Pitirim Sorokin: Correspondence with I. S. Kon. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 1998. Vol. 1. No. 2. P. 20—35. (In Russ.).

Козловский В. В. Интервью с доктором философских наук Б. М. Фирсовым // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 4. С. 3—22.

Kozlovsky V. V. (1999) Interview with Doctor of Philosophy B. M. Firsov. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 2. No. 2. P. 3—22. (In Russ.).

Кон И. С. Позитивизм в социологии. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1964.

Kon I. S. (1964) *Positivism in Sociology*. Leningrad: Leningrad University Publishing House. (In Russ.).

Кон И. С. Психология социальной инерции // Коммунист. 1988. № 1. С. 64—75.

Kon I. S. (1988) *Psychology of Social Inertia*. *Communist*. No. 1. 64—75. (In Russ.).

Левада Ю. А. Лекции по социологии. Вып. 1. Информационный бюллетень / Науч. совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований ; Советская социологическая ассоциация ; Институт конкретных социальных исследований АН СССР. № 5 (20). М., 1969а.

Levada Yu. A. (1969a) *Lectures in Sociology*. Vol. 1. Informational Bulletin. No. 5 (20). Moscow. (In Russ.).

Левада Ю. А. Лекции по социологии. Вып. 2. Информационный бюллетень / Науч. совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований ; Советская социологическая ассоциация ; Институт конкретных социальных исследований АН СССР. № 6 (21). М., 1969б.

Levada Yu. A. (1969b) *Lectures in Sociology*. Vol. 2. Informational Bulletin. No. 6 (21). Moscow. (In Russ.).

Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / сост. И. С. Кон ; пер. Ю. А. Асеева. М. : Наука, 1988.

Mead M. (1988) *Culture and the World of Childhood*. Selected Contributions. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / пер. А. Ливановой ; науч. ред. Р. Шпакова. СПб. : Издательство «Нотабене», 1992. Månson P. (1991) *Modern Social Theories: Traditions, Directions, Theorists*. Stockholm: Prisma. (In Swedish).

Основы марксизма — ленинизма : учебное пособие. М. : Государственное издательство политической литературы, 1960.

Fundamentals of Marxism — Leninism: A Handbook. Moscow: Politizdat, 1960. (In Russ.).

Питирим Сорокин: избранная переписка / под. ред. П. П. Кротова. Вологда : Древности Севера, 2009.

Krotov P. P. (ed.) (2009) *Pitirim Sorokin: Selected Correspondence*. Vologda: Drevnosti Severa. (In Russ.).

Пресса в обществе (1959—2000). Оценки журналистов и социологов. Документы / сост. А. И. Волков, М. Г. Пугачева, С. Ф. Ярмолюк. М. : МШПИ, 2000.

Volkov A. I., Pugacheva M. G., Yarmolyuk S. F. (comps.) (2000) *The Press in the Society (1959—2000). Assessments of Journalists and Sociologists. Documents.* Moscow: Moscow School for Political Studies. (In Russ.).

Пруденский Г. А. Свободное время трудящихся в социалистическом обществе // *Коммунист.* 1960. № 15. С. 40—51.

Prudensky G. A. (1960) *Workers' Leisure Time in Socialist Society.* *Communist.* No. 15. P. 40—51. (In Russ.).

Пугачева М. Г. Записки, адресованные в Центральный Комитет КПСС, 1970 год // *Социологический журнал.* 1995. № 3. С. 205—217.

Pugacheva M. G. (1995) *Notes Addressed to the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1970.* *Sociological Journal.* No. 3. P. 205—217. (In Russ.).

Пугачева М. Г. Институт конкретных социальных исследований АН СССР, 1968—1972 // *Социологический журнал.* 1994. № 2. С. 158—172.

Pugacheva M. G. (1994) *Institute for Concrete Social Research of Academy of Sciences of the USSR, 1968—1972.* *Sociological Journal.* No. 2. P. 158—172. (In Russ.).

Пугачева М. Г. Интервью с Игорем Анатольевичем Голосенко // *Социологическое обозрение.* 2001. Т. 1. № 2. С. 82—89.

Pugacheva M. G. (2001) *Interview with Igor Anatoyevich Golosenko.* *Sociological Review.* Vol. 1. No. 2. P. 82—89. (In Russ.).

Пугачева М. Г., Ярмолюк С. Ф. «Война спровоцировала всякие запросы о жизни». Интервью с Г. М. Андреевой // *Социологическое обозрение.* 2002. Т. 2. № 3. С. 78—87.

Pugacheva M. G., Yarmolyuk S. F. (2002) "The War Provoked Different Kinds of Requests to Life". Interview with G. M. Andreeva. *Sociological Review.* Vol. 2. No. 3. P. 78—87. (In Russ.).

Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин ; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб. : РХГИ, 1999.

Batygin G. S. (ed.) (1999) *Russian Sociology of 1960s in Memories and Documents.* Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. (In Russ.).

Семенов В. С. «Наука — выше политики» // *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин ; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк.* СПб. : РХГИ, 1999. С. 428—439.

Semenov V. S. (1999) "Science is Over Politics". Batygin G. S. (ed.) *Russian Sociology of 1960s in Memories and Documents.* Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. P. 428—439. (In Russ.).

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика : Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права, и общественных отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. СПб. : РХГИ, 2000.

Sorokin P.A. (1957) *Social & Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships*. Boston, MA: Porter Sargent Publisher.

Философия и методология истории : сб. статей / под общ. ред. И. С. Кона ; пер. Ю. А. Асеева. М. : Прогресс, 1977.

Kon I. S. (ed.) (1977) *Philosophy and Methodology of History: Articles* / translated by Yu. A. Aseev. Moscow: Progress.

Шибутани Т. Социальная психология / сокр. пер. В. Б. Ольшанского ; общ. ред. Г. В. Осипова. М. : Прогресс, 1969.

Shibutani T. (1961) *Society and Personality: An Interactionist Approach to Social Psychology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Ядов В. А. «Мы все — самоучки в социологии» // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин ; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб. : РХГИ, 1999. С. 42—63.

Yadov V. A. "We are All Self-Taught in Sociology". Batygin G. S. (ed.) (1999) *Russian Sociology of 1960s in Memories and Documents*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. P. 42—63. (In Russ.).

Caprio F.S., Brenner D.R. (1969) *Deviations of Sexual Behavior*. New York: Paperback Library.

Goode W.J., Hatt P.K. (1952) *Methods and Social Research*. New York: McGraw-Hill Kogakusha.

Krech D., Crutchfield R. S., Ballachey E. S. (1962) *Individual in Society: A Textbook of Social Psychology*. New York: McGraw-Hill Book Company.

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.19

Правильная ссылка на статью:

Костенко В. В. Интерсекциональность в количественных социальных науках: эссе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 382—393. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.19>.

For citation:

Kostenko V. V. (2019) Intersectionality in Quantitative Social Sciences: An Essay. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 382—393. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.19>.

В. В. Костенко ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТЬ В КОЛИЧЕСТВЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ: ЭССЕ

ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНОСТЬ В КОЛИЧЕСТВЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ: ЭССЕ

INTERSECTIONALITY IN QUANTITATIVE SOCIAL SCIENCES: AN ESSAY

КОСТЕНКО Вероника Викторовна — кандидат социологических наук, доцент факультета социологии и философии, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; доцент департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: veronika.kostenko@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4560-7530>

Veronika V. KOSTENKO^{1,2} — Cand. Sci. (Soc. Sci.), Associate Professor, Department of Sociology and Philosophy; Associate Professor, Department of Sociology
E-MAIL: veronika.kostenko@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4560-7530>

¹ European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia

² National Research University Higher School of Economics in Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Интерсекциональность за последние годы стала одним из ключевых подходов для феминистских научных работ. При этом вне гендерных исследований данный термин еще недостаточно известен, несмотря на его сильную теоретическую проработку и потенциально большой вклад интерсекционального подхода в понимание неравенств. Хотя гендерная повестка хорошо заметна в публичном дискурсе, для академических исследований она по-прежнему остается нишевой и недостаточно влияет на теоретическое осмысление социальных процессов. Одним из способов донесения этой повестки до широкого круга ученых может стать приложение интерсекционального подхода к количественным данным вообще и к данным массовых опросов в частности.

Ключевые слова: интерсекциональность, теория пересечений, количественные методы, массовые опросы, антикатегориальный подход, интракатегориальный подход, интеркатегориальный подход, интерактивные эффекты, многоуровневое моделирование, феминистская критика

Abstract. Intersectionality has recently become one of the key approaches in contemporary feminist scientific works. However, despite a solid theoretical foundation and a potential for exploring inequalities, little is known about the notion beyond gender studies. Gender agenda is getting more and more visible in the public discourse; however it still represents a niche area and does not have enough impact on the rethinking of social processes. One of the ways to bring this agenda to the attention of a broader academic community may be applying intersectionality within quantitative data in general and public opinion surveys in particular.

Keywords: intersectionality, quantitative methods, opinion polls, anticategorical approach, intracategorical approach, intercategory approach, interaction effects, multilevel models, feminist criticism,

Термин «интерсекциональность» был впервые использован американской исследовательницей Кимберли Креншоу в 1989 г. для описания особого положения чернокожих женщин в Америке, чей опыт не равен опыту белых женщин и чернокожих мужчин, а также не является суммой опыта этих двух категорий [Crenshaw, 1989]. В свою очередь, Патришия Хилл Коллинз многое сделала для развития и популяризации идеи интерсекциональности — в первую очередь благодаря введению понятия «матрица доминирования» (или «матрица власти»). Кроме того, она показала, как метафора «дома» структурирует матрицу неравенств и примеряет с ней большинство [Collins, 1998]. С тех пор интерсекциональный подход развивается в сторону изучения пересечений всевозможных категорий. Спектр исследований, выполненных в данной парадигме, весьма широк: от изучения гомосексуальных мигрантов [Ghavami, Katsiaficas, Rogers, 2016] до уязвимости бездомных женщин в чрезвычайных ситуациях [Vickery, 2018].

Как пишет социолог Мира Ферри, подход или рамка может считаться интерсекциональной, «если она принимает множественность отношений неравенства как норму, видит, что эти отношения взаимно обусловлены, и учитывает то, как они определяют идентичности и опыт, а следовательно — формируют аналитическую позицию индивидов и групп» [Ferree, 2010: 428]. Гендерная исследовательница и психолог Элизабет Коул определяет интерсекциональность как «аналитический подход, который одновременно учитывает значение и последствия множественных категорий идентичности, различия и неравенства» [Cole, 2009: 170]. Поскольку в основе интерсекционального подхода лежит идея «матрицы власти», ключевые теоретики не мыслят этой повестки вне изучения неравенств.

На ноябрь 2019 г. Google Scholar индексирует порядка 4,5 тысяч научных работ, в заголовке которых значится термин «интерсекциональность». Последний теперь понимается намного шире, чем просто пересечение гендера и расы. В русскоязычной литературе также иногда используется термин «теория пересечений» [Аланен, 2018], однако даже с его учетом число использований понятия «интерсекциональность» в русскоязычных научных статьях минимально — меньше сотни.

Ключевая работа, в которой впервые на русском языке было подробно рассказано о данном подходе, — статья Анны Темкиной и Елены Здравомысловой «Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях». В ней подробно объясняется значение и роль интерсекциональности, а также новизна этого подхода: «...Механизмы воспроизводства неравенства — экономического, этнического, гендерного — действуют не изолировано, а взаимно обуславливают друг друга, (вос)создавая комплексную матрицу властных отношений и позиций» [Темкина, Здравомыслова, 2017: 18]. Авторы показывают реальные примеры использования подхода в российском контексте, а также говорят о его мощном эвристическом потенциале для изучения сконструированных ролей в условиях возрастающего классового неравенства в России. Темкина и Здравомыслова также отмечают сложность эмпирического применения интерсекционального подхода и тот факт, что его использование ограничивается преимущественно качественной методологией (особенно в рамках кейс-стади негативно привилегированных групп).

Не менее важная статья Татьяны Гаврилюк и Владислава Бочарова [Гаврилюк, Бочаров, 2018] продолжает работу по укоренению интерсекционального подхода в российских социальных исследованиях, постулируя особый интерес к пересечению категорий класса, возраста и гендера. Целый ряд работ Ирины Тартаковской с коллегами используют эту же аналитическую рамку для изучения пересечения возраста, образования и гендера (например, [Тартаковская, 2015; Ashwin et al., 2013]). Керрин Белл [2018] проводит сложное исследование связи насилия в российской тюрьме и пересечения этничности, расы и гендера.

Тем не менее, как уже было замечено, и российские, и зарубежные работы выполнены преимущественно качественными методами анализа. Выбор качественных методов, как представляется, обусловлен двумя основными причинами: это генезис интерсекциональности — то есть ее происхождение из феминистской теории, где также преимущественно выбираются качественные методы, — а также вопросы категоризации или отказа от нее.

Категоризация и интерсекциональность

Ключевой вопрос интерсекциональных исследований — вопрос категоризации. Дело в том, что для исследования пересечений категорий эти самые категории необходимо сначала определить. Сами респонденты могут не мыслить себя в тех категориях, которыми их наделяют исследователи [Helms, Jernigan, Mascher, 2005]. В социальных науках есть целая дискуссия о приписанных и самоопределяемых категориях [Deacon, 2006; Bailey, Loveman, Muniz, 2013; Daugherty, Jackson, 2017].

Так или иначе, любая категоризация вызывает понятное и ожидаемое сопротивление респондентов. Так, все больше людей не отождествляют себя с бинарными категориями гендера, не говоря уже о таких бесконечно спорных категориях, как раса, миграционный статус и религиозная принадлежность. Вопрос об экономическом статусе/классе/доходе считается одним из самых сложных для категоризации (и последующего объективного измерения) в социальных науках [Diemer et al., 2013]. Как показывает в своей работе Лесли МакКол [McCall, 2005], существует три основных подхода к категоризации: антикатегориальный, интракатегориальный и интеркатегориальный (межкатегориальный).

Антикатегориальный (anticategorical) подход предполагает, что любое деление людей на категории усиливает неравенство, поэтому необходимо отказаться от него в принципе и не использовать категории в социальном анализе. Усиление неравенства связано с использованием «ярлыков» и их легитимацией в научной литературе. «Ярлыки» в исследовании «доказывают», что те или иные группы «хуже» других. Многое зависит от исследовательской позиции, а она также может быть подвержена стереотипам [см. Helms et al., 2005]. Приписывание категорий во многих исследованиях только усиливает критику.

Интракатегориальный (intracategorical) анализ признает существование властных иерархий и их пересечений. Однако в рамках этого подхода предлагается устанавливать связанные с контекстом рамки и изучать некоторую группу (например, бедных женщин в гетто определенного города) изолированно, с использованием качественной методологии.

Третий подход — *межкатегориальный* (intercategorical) — признает не только существование властных иерархий, но и их реальное влияние на возможности людей через механизмы дискриминации. Таким образом, в рамках этого подхода предполагается, что сконструированные категории (например, гендера, расы или этничности) воспринимаются в обществе как реальные, и потому имеют реальные последствия, которые можно и нужно изучать. В противном случае исследователи будут просто игнорировать реальность.

Практические исследования возможны только в рамках интракатегориального и межкатегориального подходов. Как отмечает Нилс Спирингс [Spierings, 2012], последний подход не исключает возможности использования количественных (в первую очередь опросных) данных для интерсекционального исследования неравенств с помощью регрессионного анализа и более продвинутых статистических методов. Единственное реальное препятствие на этом пути имеет скорее эпистемологическую, чем теоретическую или техническую природу: оно связано с феминистской критикой количественных методов.

Совмещающая интерсекциональность и количественные методы

В феминистской традиции существует серьезное недоверие к количественному анализу социальных данных и к фальсифицируемым (в куновском смысле [Кун, 2003]) методам. Это связано с историей развития опросных данных, которые в течение десятилетий опирались на позитивистские теории [McCall, 2005: 1791], а также выполнялись преимущественно мужчинами и были гендерно нечувствительны [Grant et al., 1987]. Авторы, стоящие на данной позиции, полагают, что «интерсекциональность лучше понимать как критическую теорию/подход и не концептуализировать ее как фальсифицируемую теорию в позитивистском смысле» [Else-Quest, Hyde, 2016a: 159]. Несмотря на то, что современные количественные методы включают в себя более широкий спектр данных (административные, сетевые, интернет-данные), феминистская критика позитивизма применима и к ним.

Другим важным источником критики использования количественных техник в рамках интерсекциональной парадигмы является то, что они нередко приводят к генерализации. Многие исследования, основанные на опросных данных, «грешат» тем, что авторы напрямую ассоциируют респондентов с крупной категорией, к которой они принадлежат. Нередко эти категории приписываются самими интервьюерами: например, у респондента не спрашивают о его гендере, а ставят «на глаз»; в американских исследованиях то же самое нередко происходит с расой [Smith, 1997]. Это достаточно сильный аргумент, поскольку в политологии и социологии исследователи действительно нередко делают далеко идущие выводы на основе грубой группировки (например, на три расы, два миграционных статуса, два — три — четыре экономических класса, и т. д.). Однако вместо того, чтобы строго предпочитать количественным методам качественные [Bowleg, 2008], некоторые коллеги предлагают рассматривать эту особенность количественных данных как исследовательскую проблему, а не как приговор. Использование новых, более тонких категоризаций, а также их множественных пересечений — это еще один путь сопротивления существующему способу осмысления отношений власти и доминирования [Spierings, 2012].

Почему важно совмещать количественные методы анализа данных и интерсекциональную оптику? Можно назвать несколько основных причин:

1. Предлагаемый синтез может поспособствовать значительной демаргинализации крупной феминистской теории [McCall, 2008], выходу из гетто [hooks, 2000]. Более того, взаимная интеграция количественной методологии и интерсекциональной теории может значительно помочь преодолению признанных проблем с эмпирической валидностью последней [Nash, 2008].
2. Интерсекциональная теория постепенно обогащается огромным эмпирическим материалом, накопленным опросными и другими количественными исследованиями [Dubrow, 2008].
3. С другой стороны, существующие теоретические подходы к анализу опросных данных также будут обогащены. Если сейчас речь идет о преимущественно позитивистском взгляде (например, пересмотренная теория модернизации), то интерсекциональная рамка влечет за собой более рефлексивные подходы.
4. Взаимная интеграция также предоставит возможность кросс-культурного анализа, а значит — привлечение контекста, о чем так много говорят

- (но мало делают) проponentы интерсекциональности. Многоуровневые модели с переменными на втором (третьем) уровне — особенно в исследованиях миграции, школ, межстрановых сравнений ценностей и установок.
5. Наконец, это также возможность тонких пересечений (интерактивные эффекты), в том числе межуровневых (например, количество школ влияет на образовательные шансы мальчиков и девочек по-разному). Сравнение четырех и более групп.

Интерактивные эффекты как основной метод включения интерсекциональности в количественные исследования

Для социологов, работающих с количественными методами, интерактивные эффекты кажутся идеальным методом для изучения групп, дискриминируемых по множественным основаниям. Данный метод позволяет изолировать «основные эффекты», например, общее влияние гендера от специфических для той конкретной группы, которую они изучают (сочетающей две-три характеристики одновременно). Хотя метод интерактивных эффектов разрабатывается методологами еще с 1980-х годов, особенную популярность он приобрел в 2000-х с совершенствованием компьютеров [см. Jaccard, Turissi, 2003]. В последние годы интерактивные эффекты массово используются в регрессионном моделировании, им учат на базовых курсах статистики, однако долгое время интерпретация этих эффектов была мало связана с социологической теорией. Вместе с тем изолирование влияния каждой социальной категории (основного эффекта) — это ключевой компонент интерсекциональной логики параллельно с исследованием мультипликативного (интерактивного) эффекта [Shields, 2008]. Таким образом, именно в русле интерсекционального подхода можно проинтерпретировать результаты регрессионного моделирования с интерактивными эффектами так, чтобы подтвердить или опровергнуть исследовательскую гипотезу.

Однако не следует думать, что простая замена сложения на умножение в регрессионной формуле сразу сделает исследование интерсекциональным. Леа Уорнер и Стефани Шилдс первыми отметили, что простого умножения эффектов социально сконструированных категорий, таких как раса, этничность, сексуальность, гендер или класс, недостаточно [Warner, Shields, 2013]. Для того чтобы исследование стало интерсекциональным, оно должно соответствовать еще двум условиям: анализировать отношения власти и неравенства, включать социальный контекст, и, кроме того, учитывать текучую природу границ между категориями (то есть один и тот же человек может отождествлять себя с разными категориями в разные моменты жизни). Николь Элс-Куэст и Джанет Хайд подкрепляют эти аргументы примерами из реальных исследований [Else-Quest, Hyde, 2016b]. В первой части той же статьи они отмечают, что «интерсекциональный подход может включать анализ основных, интерактивных и интерсекциональных эффектов» [Else-Quest, Hyde, 2016a: 162]. Под *основными* (additive) эффектами они понимают, например, влияние класса, одинаковое для всех. Под *интерактивными* (multiplicative) имеются в виду категории, появляющиеся в результате умножения двух и более категорий. Например, умножение класса и гендера, если обе эти характеристики бинарны, создает четыре категории: бедные женщины, бедные мужчины, обеспеченные женщины

и обеспеченные мужчины. Наконец, под *интерсекциональными* (intersectional) эффектами они понимают то специальное внимание, которое исследователь должен обратить на контекст, в котором существует одна или несколько из получившихся в результате умножения групп, поскольку опыт каждой из них может быть принципиально разным. Контекстуализация в количественном анализе опросных данных в основном осуществляется при помощи многоуровневого моделирования.

Многоуровневые модели в интерсекциональных исследованиях

Существующие статистические техники дают широкие возможности исследовать проблемы, находящиеся в центре внимания интерсекциональных исследователей, и двух- или трехуровневый регрессионный анализ здесь становится одним из наиболее оптимальных решений [Else-Quest, Hyde, 2016b]. Многоуровневое регрессионное моделирование позволяет учесть влияние контекста и с помощью переменных на групповом уровне смоделировать, какие именно характеристики этого контекста влияют на зависимую переменную. Например, при изучении выбора женщинами своей траектории на рынке труда исследователь может учитывать не только характеристики самой респондентки (переменные индивидуального уровня), такие как уровень образования, брачный статус, наличие и возраст детей, но также и контекст (переменные группового/странового уровня): структура занятости в данном обществе, обеспечение равного доступа на государственном уровне, процент женщин в парламенте и на руководящих позициях [Spierings, 2012].

Габриэль Винкер и Нина Дегеле показывают, как продуктивно может быть разнесение по разным уровням анализа определенных социальных маркеров — например, религиозности [Winker, Degele, 2011]. Добавление предикторов на страновом уровне (например, уровня религиозности в стране вдобавок к личной религиозности индивида) позволяет лучше понять, как устроены социальные структуры и какое давление на членов общества они оказывают.

Включение интерактивных эффектов, особенно межуровневых, дает возможность проверять влияние контекста — например, процент исламского населения может оказывать различное влияние на гендерные установки мужчин и женщин в каждой стране. Таким образом, многоуровневое моделирование с интерактивными эффектами позволяет говорить об интерсекциональности в терминах противостояния (или совпадения) структуры и индивидуальной агентности [Ferree, 2009].

К этой литературе можно добавить, что неиерархические многоуровневые регрессионные модели могут быть даже более уместны для решения таких задач, поскольку в них мы эксплицитно признаем возможное наличие нескольких идентичностей у одного респондента. Например, в миграционных исследованиях возможность учесть характеристики страны происхождения и страны проживания для каждого мигранта позволяет контекстуализировать те находки, которые в противном случае оказывались бы слишком общими, а также сравнивать их между собой. Это значит, например, что установки женщины, эмигрировавшей из Алжира во Францию, могут частично быть похожими на установки алжирцев, оставшихся в стране, частично — на установки французов, а некоторые будут сформированы ее уникальным положением женщины-мигрантки в том конкретном локальном сообществе, в котором она оказалась. Помимо этого, некоторые ее взгляды будут определяться

ее возрастом, социальным положением, брачным статусом и пересечением всех этих категорий. Блестящий пример интерсекционального исследования миграции с учетом характеристик принимающих и отправляющих обществ см. [van Tubergen, Maas, Flap, 2004]. В этом исследовании авторы одновременно учитывают контекст принимающего и отправляющего обществ, а также той мигрантской группы, в которой мигранты живут. Авторы показывают, как у формально идентичных условий возможны противоположные последствия для разных групп.

Приведем еще несколько удачных примеров использования интерсекционального подхода в количественных исследованиях. Майте Тапия и Габриелла Альберти [Tapia, Alberti, 2019] анализируют роль мигрантов в профсоюзных организациях, показывая уязвимость этой группы работников (и особенно работниц) даже внутри той структуры, которая призвана их защищать. Джоан Мерло использует многоуровневое моделирование, чтобы изучать вес людей и его связь с их здоровьем и социально-экономическим положением [Merlo, 2018]. Она показывает, что для эпидемиологии интерсекциональный подход может стать «золотым стандартом», поскольку объясняет намного больше различий, чем традиционные медико-социальные исследования. Лорен Шудде проводит метаанализ интерсекциональных количественных исследований в области образования и показывает их реальные проблемы [Schudde, 2018]. В их числе нечувствительность составителей опросников к феминистской/интерсекциональной оптике, малый размер отдельных групп при множественных пересечениях, трудность статистической интерпретации множественных взаимодействий, взвешивание данных в больших опросных базах.

Заключение

В последние годы интерсекциональность набирает популярность в феминистских и гендерных исследованиях за рубежом и, в значительно меньшей степени, в России, перетекая благодаря своему мощному эвристическому потенциалу в исследовательские сферы, непосредственно не связанные с гендерной тематикой. Как считает Лесли МакКол, «интерсекциональность — это важнейший вклад женских исследований в социальную теорию» [McCall, 2005: 1771]. Этот подход был выработан в русле качественных исследований и в феминистской оптике. Основные работы в данной парадигме используют интракатегориальный подход, то есть изучают одну группу, ограниченную несколькими характеристиками (например, женщины-мигрантки или ВИЧ-инфицированные бездомные). Однако благодаря силе обсуждаемой парадигмы, все больше ученых, непосредственно не занимающихся гендерными исследованиями, применяют интерсекциональную оптику к своим данным. Это не только делает их работы более тонкими и рефлексивными с теоретической и эмпирической точек зрения, но также дает дополнительные импульсы для развития самого интерсекционального подхода. Накопленный объем материалов количественных опросов таков, что у нас уже есть возможность проверить множество гипотез в различных культурных контекстах, учитывая характеристики стран, динамику и множество индивидуальных характеристик респондентов.

Начавшееся в последние годы использование количественных данных в интерсекциональных исследованиях свидетельствует о нескольких тенденциях.

Во-первых, оно выводит феминистскую/гендерную повестку в мейнстримную социологию, что, конечно, может стать выдающимся достижением. Во-вторых, оно предлагает более рефлексивную теоретическую рамку тем социальным исследователям, которые сочувствуют феминистским взглядам, но из-за доминирования позитивистской парадигмы не видят возможностей для сочетания этой повестки с эмпирическими исследованиями вне гендерной темы. В-третьих, оно дает мощный инструмент исследователям неравенств, поскольку позволяет контекстуализировать свои находки, особенно в межстрановых сравнительных работах. К сожалению, в российских социальных науках объединение интерсекционального подхода и количественных методов находится на самом раннем этапе, но я убеждена, что такое положение вскоре изменится, ведь этот путь представляется очень перспективным.

Список литературы (References)

Аланен Л. М. Теория пересечений и другие вызовы теоретизирования детства // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 94—97. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030108>.

Alanen L. M. (2018) 'Intersectionality' and Other Challenges to Theorizing Childhood. *Sociological Studies*. No. 3. P. 94—97. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030108>. (In Russ.).

Белл К. Е. Насилие в местах лишения свободы и интерсекциональность факторов расы/национальности и пола // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12. № 1. С. 132—148. <http://doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.1.132-148>.

Bell K. E. (2018) Prison Violence and the Intersectionality of Race/Ethnicity and Gender. *Actual Problems of Economics and Law*. Vol. 12. No. 1. P. 132—148. <http://doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.1.132-148>. (In Russ.).

Гаврилюк Т. В., Бочаров В. Ю. Интерсекциональность как способ концептуализации гендерного и классового неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 3. С. 537—545. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-537-545>.

Gavrilyuk T. V., Bocharov V. Yu. (2018) Intersectionality as a Way of Conceptualizing Gender and Class Inequality. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 16. No. 3. P. 537—545. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-3-537-545>. (In Russ.).

Кун Т. Структура научных революций. М. : Издательство АСТ, 2003.

Kuhn T. (2003) *The Structure of Scientific Revolutions*. Moscow: AST.

Тартаковская И. Н. Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 84—93. http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_5/Tartakovskaya.pdf.

Tartakovskaya I. N. (2015) The Gender Order Reproduction via Career strategies: Intersectional Analyses. *Sociological Studies*. No. 5. P. 84—93. http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_5/Tartakovskaya.pdf. (In Russ.).

- Темкина А. А., Здравомыслова Е. А. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 5. С. 15—38. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.5.2>.
- Temkina A. A., Zdravomyslova E. A. (2017) Intersectional Turn in Gender Studies. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 20. No. 5. P. 15—38. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.5.2>. (In Russ.).
- Ashwin S., Tartakovskaya I., Ilyina M., Lytkina T. (2013) Gendering Reciprocity: Solving a Puzzle of Nonreciprocation. *Gender & Society*. Vol. 27. No. 3. P. 396—421. <https://doi.org/10.1177/0891243213479444>.
- Bailey S. R., Loveman M., Muniz J. O. (2013) Measures of “Race” and the Analysis of Racial Inequality in Brazil. *Social Science Research*. Vol. 42. No. 1. P. 106—119. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2012.06.006>.
- Bowleg L. (2008) When Black + Lesbian + Woman ≠ Black Lesbian Woman: The Methodological Challenges of Qualitative and Quantitative Intersectionality Research. *Sex Roles*. Vol. 59. No. 5—6. P. 312—325. <https://doi.org/10.1007/s11199-008-9400-z>.
- Cole E. R. (2009) Intersectionality and Research in Psychology. *American Psychologist*. Vol. 64. No. 3. P. 170—180. <https://doi.org/10.1037/a0014564>.
- Collins P. H. (1998) It’s All in the Family: Intersections of Gender, Race, and Nation. *Hypatia: A Journal of Feminist Philosophy*. Vol. 13. No. 3. P. 62—82. <https://doi.org/10.1111/j.1527-2001.1998.tb01370.x>.
- Crenshaw K. (1989) Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics. *University of Chicago Legal Forum*. No. 1. P. 139—167. <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclf/vol1989/iss1/8/>.
- Daugherty J., Jackson R. L. (2017) Identity Politics. Kim Y. Y. (ed.) *The International Encyclopedia of Intercultural Communication*. Hoboken, NJ: Wiley—Blackwell. <https://doi.org/10.1002/97811118783665.ieicc0222>.
- Deacon H. (2006) Towards a Sustainable Theory of Health-Related Stigma: Lessons from the HIV/AIDS Literature. *Journal of Community & Applied Social Psychology*. Vol. 16. No. 6. P. 418—425. <https://doi.org/10.1002/casp.900>.
- Diemer M. A., Mistry R. S., Wadsworth M. E., López I., Reimers F. (2013) Best Practices in Conceptualizing and Measuring Social Class in Psychological Research. *Analyses of Social Issues and Public Policy*. Vol. 13. No. 1. P. 77—113. <https://doi.org/10.1111/asap.12001>.
- Dubrow J. K. (2008) How Can We Account for Intersectionality in Quantitative Analysis of Survey Data? Empirical Illustration for Central and Eastern Europe. *ASK: Research and Methods*. Vol. 17. No. 1. P. 85—100. https://kb.osu.edu/bitstream/handle/1811/69557/ASK_2008_85_100.pdf.

Else-Quest N.M., Hyde J. S. (2016a) Intersectionality in Quantitative Psychological Research: I. Theoretical and Epistemological Issues. *Psychology of Women Quarterly*. Vol. 40. No. 2. P. 155—170. <https://doi.org/10.1177/0361684316629797>.

Else-Quest N.M., Hyde J. S. (2016b) Intersectionality in Quantitative Psychological Research: II. Methods and Techniques. *Psychology of Women Quarterly*. Vol. 40. No. 3. P. 319—336. <https://doi.org/10.1177/0361684316647953>.

Ferree M. M. (2009) Inequality, Intersectionality and the Politics of Discourse: Framing Feminist Alliances. In: Lombardo E., Meier P., Verloo M. (eds.) *The Discursive Politics of Gender Equality: Stretching, Bending and Policy-Making*. London: Routledge. P. 106—124. <https://doi.org/10.4324/9780203881330-14>.

Ferree M. M. (2010) Filling the Glass: Gender Perspectives on Families. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 72. No. 3. P. 420—439. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00711.x>.

Ghavami N., Katsiaficas D., Rogers L. O. (2016) Toward an Intersectional Approach in Developmental Science: The Role of Race, Gender, Sexual Orientation, and Immigrant Status. *Advances in Child Development and Behavior*. Vol. 50. P. 31—73. <https://doi.org/10.1016/bs.acdb.2015.12.001>.

Grant L., Ward K. B., Rong X. L. (1987) Is There an Association between Gender and Methods in Sociological Research? *American Sociological Review*. Vol. 52. No. 6. P. 856—862. <https://doi.org/10.2307/2095839>.

Helms J. E., Jernigan M., Mascher J. (2005) The Meaning of Race in Psychology and How to Change It: A Methodological Perspective. *American Psychologist*. Vol. 60. No. 1. P. 27—36. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.60.1.27>.

hooks b. (2000) *Feminist Theory: From Margin to Center*. London: Pluto Press.

Jaccard J., Turrissi R. (2003) *Interaction Effects in Multiple Regression*. Newbury Park: Sage.

McCall L. (2005) The Complexity of Intersectionality. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 30. No. 3. P. 1771—1800. <https://doi.org/10.1086/426800>.

Merlo J. (2018) Multilevel Analysis of Individual Heterogeneity and Discriminatory Accuracy (MAIHDA) within an Intersectional Framework. *Social Science & Medicine*. Vol. 203. P. 74—80. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2017.12.026>.

Nash J. C. (2008) Re-Thinking Intersectionality. *Feminist Review*. Vol. 89. No. 1. P. 1—15. <https://philpapers.org/archive/NASRI.pdf>.

Shields S. A. (2008) Gender: An Intersectionality Perspective. *Sex Roles*. Vol. 59. No. 5—6. P. 301—311. <https://doi.org/10.1007/s11199-008-9501-8>.

Schudde L. (2018) Heterogeneous Effects in Education: The Promise and Challenge of Incorporating Intersectionality into Quantitative Methodological Approaches. *Review of Research in Education*. Vol. 42. No. 1. P. 72—92. <https://doi.org/10.3102/0091732X18759040>.

Smith T. W. (1997) Measuring Race by Observation and Self-Identification. GSS Methodological Report No. 89. Chicago, I.L.: National Opinion Research Center, University of Chicago.

Spierings N. (2012) The Inclusion of Quantitative Techniques and Diversity in the Mainstream of Feminist Research. *European Journal of Women's Studies*. Vol. 19. No. 3. P. 331—347. <https://doi.org/10.1177/1350506812443621>.

Tapia M., Alberti G. (2019) Unpacking the Category of Migrant Workers in Trade Union Research: A Multi-Level Approach to Migrant Intersectionalities. *Work, Employment and Society*. Vol. 33. No. 2. P. 314—325. <https://doi.org/10.1177/0950017018780589>.

van Tubergen F., Maas I., Flap H. (2004) The Economic Incorporation of Immigrants in 18 Western Societies: Origin, Destination, and Community Effects. *American Sociological Review*. Vol. 69. No. 5. P. 704—727. <https://doi.org/10.1177/000312240406900505>.

Vickery J. (2018) Using an Intersectional Approach to Advance Understanding of Homeless Persons' Vulnerability to Disaster. *Environmental Sociology*. Vol. 4. No. 1. P. 136—147. <https://doi.org/10.1080/23251042.2017.1408549>.

Warner L. R., Shields S. A. (2013) The Intersections of Sexuality, Gender, and Race: Identity Research at the Crossroads. *Sex Roles*. Vol. 68. No. 11—12. P. 803—810. <https://doi.org/10.1007/s11199-013-0281-4>.

Winker G., Degele N. (2011) Intersectionality as Multi-Level Analysis: Dealing with Social Inequality. *European Journal of Women's Studies*. Vol. 18. No. 1. P. 51—66. <https://doi.org/10.1177/1350506810386084>.

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.20

Правильная ссылка на статью:

Ломакин И. В. Чайлдфри или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 394—436. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.20>.

For citation:

Lomakin I. V. (2019) Childfree or Voluntarily Childless? Redefining the conceptual field of studies on non-parenthood in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 394—436. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.20>.

И. В. Ломакин ЧАЙЛДФРИ ИЛИ ДОБРОВОЛЬНО БЕЗДЕТНЫЕ? К ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЮ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ НЕ-РОДИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

ЧАЙЛДФРИ ИЛИ ДОБРОВОЛЬНО
БЕЗДЕТНЫЕ? К ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЮ
КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ
НЕ-РОДИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

CHILDFREE OR VOLUNTARILY CHILDLESS?
REDEFINING THE CONCEPTUAL
FIELD OF STUDIES ON NON-PARENTHOOD
IN RUSSIA

ЛОМАКИН Илья Валерьевич — бакалавр политологии, стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; приглашенный исследователь Департамента социологии, Лундский университет, Лунд, Швеция
E-MAIL: elijah.lomakin@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-6850-6329>

Ilya V. LOMAKIN^{1,2} — Bachelor of Arts in Political Science, Research Assistant at the Laboratory for Comparative Social Research; Visiting Scholar at the Department of Sociology
E-MAIL: elijah.lomakin@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-6850-6329>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Lund University, Lund, Sweden

Аннотация. В данном эссе предпринимается попытка демаркации семантических границ понятий «чайлдфри» и «добровольная бездетность» с поправкой на специфику российского контекста. Автор последовательно описывает общественно-политический контекст российского исследовательского поля, делая особый акцент на консервативных пронаталистских тенденциях последних лет. Рассматриваются истоки концептуального поля не-родительства, а также история соответствующей исследовательской области. В частности, впервые в русскоязычной литературе дается подробное описание Национальной организации не-родителей — ключевого актора для истории чайлдфри-активизма. Далее, основываясь на данных проведенного в 2014—2016 гг. исследования, автор подробно описывает интериоризированную в русскоязычном дискурсе категорию «чайлдфри», а также термин «добровольная бездетность». Намечаются смысловые точки, формирующие каркас данных понятий, и нивелируется тенденция к их отождествлению как в повседневном, так и в академическом дискурсах. Критикуя семантический хаос, присущий русскоязычной практике использования термина «чайлдфри», автор предлагает для эмпирических исследований понятие «добровольная бездетность» одновременно как менее семантически нагруженное, широкое и фундаментальное. Также в статье рассматриваются широко употребляемое в России понятие «чайлдхейт» и явление сожаления о родительстве. Каждому из них автор пытается найти эвристически ценную альтернативу. В заключении через переформулирование обсужденных понятий он пред-

Abstract. The essay is an attempt to distinguish between the semantic notion of “childfree” and that of “voluntary childlessness” taking into account the Russian specifics. The author consistently describes socio-political content of the Russian research field emphasizing the conservative pro-natal trends of the recent years. The paper considers the origins of the conceptual field of non-parenthood and the evolution of the related research area. For the first time in the Russian-language scientific literature, the National Organization of Non-Parents, a key actor in childfree activism, is described in detail. In addition, based on the data of a study conducted in 2014–2016, the author examines the childfree category internalized in the Russian-language discourse (“chayldfri”) and the notion of “dobrovolnaya bezdetnost” (voluntary childlessness). The author also outlines the semantic points framing these notions and leveling off the tendency to equate these notions in the everyday and scientific discourses. By criticizing the use of the childfree notion in the Russian-language practice, the author proposes to apply the notion of voluntary childlessness as the latter one is wider, more fundamental and less complex semantically. The article also explores the widely used notion of “childhate” and the phenomenon of regretting parenthood. The author offers a heuristically valuable alternative to each of them. In conclusion, the author redefines the notions discussed in the article and proposes a conceptual framework for further research on voluntary childlessness in the Russian context.

лагает концептуальную рамку для дальнейших исследований добровольной бездетности в российском контексте, а также намечает перспективные исследовательские проблемы.

Ключевые слова: чайлдфри, сознательная бездетность, добровольная бездетность, чайлдхейт, неохотные родители, сожаление о родительстве, желанная бездетность, не-родительство, концепты

Благодарность. Я благодарю Ольгу Исупову за многолетнее наставничество и помощь развитию проекта на разных этапах. Слова благодарности хочется сказать Ирине Тартаковской, вычитавшей первую версию данного эссе. Я также благодарен участникам секции «Институциональные трансформации в российской семье» X Всероссийской научной конференции памяти Ю. Левады (и лично — председателю секции С. В. Захарову), участникам отдельных секций IX, XI и XII Международной научной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (и лично — М. Г. Муравьевой, Н. А. Мицюк, Н. Л. Пушкаревой) за прямую или косвенную помощь в подготовке разных частей данной статьи. И, конечно, я говорю огромное «спасибо» всем моим информантам, открывшимся и не побоявшимся высказать собственную позицию.

Работа над данным эссе завершена в рамках стажировки в Департаменте социологии Лундского университета (Швеция) и при поддержке Фонда имени Сверкера Острёма. Публика-

Keywords: childfree, intentional childlessness, voluntary childlessness, child-hate, reluctant parents, regretting parenthood, intended childlessness, non-parenthood, concepts

Acknowledgments. The author expresses gratitude to Olga Isupova for the longstanding guidance and assistance in the project at different stages. A special word of gratitude goes to Irina Tartakovskaya for her proofreading of the first version. The author would also like to thank the participants of the section “Institutional transformation in the Russian family” (X Russian Scientific Conference in memory of Yu. Levada (and personally S.V. Zakharov, head of the section), participants of particular sections of XI, XI and XII International Conferences of the Russian Association of Researchers in Women's History and the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (and personally M. G. Muravyeva, N. A. Mitsyuk, N. L. Pushkareva) for their direct and indirect help in preparation of this paper. The author is also thankful to all informants who were extremely open and brave to express their viewpoints.

The work on this essay was completed as part of the internship at the Department of Sociology (Lund University, Sweden) and supported by the Sverker Åström Foundation. The publication is supported by the grant of the Russian President

ция подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук, проект МД-3743.2018.6.

for young Russian scientists (project no. МД-3743.2018.6).

Существует мнение, что сама возможность выбора, участвовать или нет в поддержании функции биологического воспроизводства как одной из функций семьи — базовый статус которой, впрочем, сегодня оспаривается рядом исследователей, — стала возможной лишь во второй половине XX века. Такой выбор часто полагается результатом ряда социальных революций — в частности, сексуальной и контрацептивной (1960-е — 1970-е годы для развитых стран Запада), — зафиксировавших автономизацию сексуальности и репродукции, а также способствовавших нормализации нерепродуктивной сексуальности [Lincoln, Kaeser, 1988; Кон, 2011]. Так, социолог Ольга Исупова говорит, что люди, добровольно отказывавшиеся от рождения детей, «были всегда <...> однако до эпохи сексуальной революции <...> наверное, кто-то, может, не смотрел вглубь себя, а кто-то смотрел, но никогда не говорил об этом вслух»¹. Добровольный отказ от деторождения как выбор существовал всегда, однако его выведение из сферы личного в пространство публичного, политизация и описание в терминах «прав человека» и им подобных пришлось именно на вторую половину XX века на волне разворачивания так называемых политик идентичности (identity politics) [Storr, 2010; Daugherty, Jackson, 2017]. Во время как предыдущие поколения за счет влияния социальных и религиозных норм, а также отсутствия надежной и доступной контрацепции, по достижении порогового возраста вскоре становились родителями, пришедшие им на смену поколения получили возможность «выбирать», рожать или не рожать детей, а также планировать собственную семью без привязки к каким-либо конвенциональным канонам.

Меж тем, во множестве регионов Европы, в Северной Америке и Австралии демографы фиксировали сравнительно высокий уровень бездетности как таковой и в начале XX века, и в XIX столетии. Более того, многочисленные исследования указывают на то, что уровни бездетности в разных странах нередко меняли тренд своего движения вслед за новыми возрастными когортами и поколениями [Kreyenfeld, Konietzka, 2017: 4—6]. Для восточноевропейских стран, например, «широкое распространение окончательной бездетности (permanent childlessness) — относительно недавнее явление», однако форсированно распространяющееся [ibid.: 6]. Тем не менее, пусть бездетность как таковая (не важно, вынужденная или добровольная) в России все больше признается обществом легитимной², на уровне индивидуальных установок эта стратегия по-прежнему довольно маргинальна. В 2008 г. доля россиян, которые вообще не хотели бы иметь детей, по данным ФОМ, составила

¹ Исупова О. Феномен чайлдфри в обществе // Постнаука. 2014. 10 сентября. URL: <http://postnauka.ru/video/31220/> (последний доступ: 27.11.2019).

² Брак, дети, супружеские измены: сейчас и 25 лет назад // ВЦИОМ. 2015. 10 февраля. № 2771. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=609> (последний доступ: 27.11.2019).

порядка 3%—4%³. В 2010-х гг. Россия по-прежнему остается страной с низким уровнем бездетности среди женщин и мужчин [Miettinen et al., 2015: 41]. Последний опрос Левада-Центра о желаемом и ожидаемом числе детей дал показатель в 9% — именно столько россиян собираются остаться бездетными, причем «мужчины и женщины одинаково часто говорят о том, что собираются остаться бездетными»⁴. Однако о возрастающей или убывающей тенденция явления добровольной бездетности в России говорить не приходится ввиду ограниченности имеющихся репрезентативных панельных данных.

Так или иначе, подходы к пониманию семьи как таковой меняются в зависимости от исторического периода, региона, накопленного опыта и множества иных факторов [Coontz, Parson, Raley, 2008]. К примеру, доподлинно известно, что бездетность как таковая чаще встречается в развитых странах и, в частности, в урбанизированных районах. Сами же бездетные чаще принадлежат к экономически благополучной, секуляризованной⁵ и хорошо образованной части населения [Blackstone, 2014: 53]. Тем не менее в данной работе мы не планируем обсуждать причины выбора добровольной бездетности или, например, вопросы социальной стигматизации такого образа жизни. Мы скорее остановим наше внимание на терминологии исследований не-родительства, которая вслед за быстрыми трансформациями общества и семьи также претерпевает изменения.

В последнее десятилетие в российском исследовательском поле появляется все больше исследований, посвященных вопросам добровольного отказа соотечественников от деторождения. Исследователи используют самые разнообразные понятия для определения этого явления, зачастую попросту калькируя западные аналоги. Заимствование концептов не является чем-то негативным и, наоборот, способствует интеграции национальной науки в международные исследовательские дискуссии, препятствует самоизоляции. Однако перенесение концептов из одного академического языка в другой требует особого внимания к семантике и смысловым границам, а также учета локальных особенностей «почвы», на которую заимствованные понятия переносятся. Уточнение понятий и концептов, используемых исследователями, является одной из важнейших теоретических практик, поскольку именно концепты создают базу для формулирования исследовательских проблем и построения теорий.

Итак, в данном эссе предпринимается попытка переопределить семантическое поле концептуального аппарата исследований добровольной бездетности через его терминологическое упорядочивание, преодоление понятийной путаницы. В частности, нами будет проведена более четкая и сообразная российскому контексту демаркация семантических границ между базовыми в русскоязычном дискурсе понятиями исследуемого поля — *childfree* (пер. с англ. «свободные от детей») и *voluntary childlessness* (пер. с англ. «добровольная бездетность»). Мы также рас-

³ Вовк Е. Бездетность и нежелание иметь детей // Фонд «Общественное мнение». 2008. 29 мая. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/d082125> (последний доступ: 27.11.2019).

⁴ Желаемое и ожидаемое число детей // Левада-Центр. 2019. 25 ноября. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/25/zhe-laemoe-i-ozhidaemoe-chislo-detej/> (последний доступ: 27.11.2019).

⁵ Меж тем, критика предписанного воспроизводства проявила себя даже в исламском регионе в рамках локального феминистского дискурса [Abuelnaga, 2018].

смотрим смежные для данного поля понятия *childhate* (пер. с англ. «ненавидящие детей»), *intended childlessness* (пер. с англ. «желанная/намеренная бездетность») и *reluctant parents* (пер. с англ. «неохотные родители»). В завершении мы намереваемся переопределить базовые концепты обсуждаемого исследовательского поля, а также наметить перспективы дальнейших исследований.

Первичные замечания

Следует сразу оговориться, что за более чем 40 лет активного развития поля исследований добровольной бездетности терминологическое разнообразие последнего весьма расширилось. Например, Гилла Шапиро, не пытаясь как-либо систематизировать варианты именованья добровольно бездетных, в 2014 г. отмечала следующие варианты: *voluntarily childless*, *intentionally childless*, *childless by choice*, *unchilded*, *non-mother*, *non-father*, *without child*, *childfree* [Shapiro, 2014: 1]. Однако тогда для своего критического обзора литературы, накопленной за более чем 30 лет изучения добровольной бездетности, Шапиро выбрала именно термин *voluntary childlessness* в свете, как она тогда писала, «неоднозначности» других [ibid.]. Как уже было сказано выше, мы в нашей работе фокусируемся на двух терминах — *childfree* и *voluntary childlessness*, — то есть на тех, что особенно прижились в русскоязычном академическом и публичном дискурсах. Эти русскоязычные дискурсы, стоит заметить, существенно менее развиты, нежели англоязычные, что в первую очередь связано с тем, что последние формировались еще с 1970-х гг.

Отправной точкой для появления данной статьи послужило междисциплинарное исследование, проведенное автором в 2014—2016 гг. под научным руководством PhD Ольги Исуповой и посвященное политической вовлеченности добровольно бездетных в современной России. Целью исследования было выявление вариантов реакций, конструируемых российскими добровольно бездетными гражданами в дискурсивном контексте законодательных инициатив, направленных на регулирование сферы приватного. Основными методами сбора данных выступили глубинные полуструктурированные интервью и мини-групповые направленные дискуссии. Результаты исследования были частично опубликованы [Ломакин, 2016].

За основу в упомянутом выше исследовании было взято предложенное О. Исуповой определение чайлдфри⁶ — «люди, состоящие в браке и живущие полноценной сексуальной жизнью, но целенаправленно принимающие меры для того, чтобы у них не рождались дети» [Исупова, 2010]. Меж тем, в ходе сбора эмпирического материала автор столкнулся с тем, что далеко не все информанты, к кому он по умолчанию обращался как к «чайлдфри», были готовы презентовать себя через этот термин и даже отказывались принимать на себя подобную идентичность. Итогом стало осознание того, что сам спектр понятий, описывающих различные проявления добровольной бездетности, — добровольно бездетные, чайлдфри, чайлдхейт и т. п. — весьма хаотичен. При этом термин «чайлдфри», довольно-таки стихийно ставший центральным, более всего нагружен множеством смыслов, что позволяет интерпретировать его по-разному.

⁶ Здесь и далее, если не указано иное, мы будем при необходимости использовать русскоязычную транслитерацию термина *childfree*, когда говорим о русскоязычных исследованиях добровольной бездетности, а также транслитерацию в кавычках, когда говорим об использовании термина в русскоязычном публичном и академическом контекстах или о самоидентификации информанта, а также в свете соответствующих правил русского языка.

В данной статье будут использованы некоторые данные из упомянутого выше исследования, присутствие которых изначально рассматривалось автором как своеобразные «выбросы», не соответствующие базовым предпосылкам исследования. Так, автор изначально, вслед за другими исследователями [Agrillo, Nelini, 2008; Исупова, 2010], ставил союз «или» между терминами *childfree* и *voluntarily childless*, указывая на их взаимозаменяемость. Однако реальное положение дел оказалось значительно сложнее. Конкретные цитаты из базового исследования будут использованы в иллюстративных целях и для подтверждения хода рассуждений. Структурирование материала было выполнено в форме тематического анализа в программе NVivo 12 Plus.

Основой для данной статьи также послужили наработки автора, связанные с рефлексией исследовательского опыта по изучению добровольной бездетности в России и представленные в рамках ряда всероссийских и международных научных мероприятий в 2016—2019 гг., а также в соответствующих тезисах [Ломакин, 2018ab, 2019].

Не-родительство и пронатализм: российский контекст

Как уже было сказано выше, особое внимание в данной работе мы уделяем локальным особенностям «принимающего» поля, которым в нашем случае является российский контекст. Здесь о людях, добровольно отказывающихся от рождения детей, с той или иной степенью интенсивности говорят уже не первое десятилетие, однако все эти разговоры до 2000-х гг. не были покрыты зонтичным ярлыком «чайлдфри». Еще советская научная литература и публицистика отзывались преимущественно негативно даже о семьях, в которых был всего один ребенок, а сами дети из таких семей считались более склонными к эгоизму или вовсе делинквентному поведению. В целом бездетные семьи и семьи с одним ребенком едва ли полагались способствующими общественному благу [Pankhurst, 1982: 494—495]. Бездетные также облагались специальными налогами [Лебина, 2014: 68].

В 1989 г. Всесоюзный центр изучения общественного мнения задал такой вопрос: «Что бы Вы сказали о супругах, которые могут, но не хотят иметь детей?». Тогда как треть (33 %) респондентов осудили такое репродуктивное поведение, более половины (53 %) все-таки сошлись на том, что «о каждом конкретном случае надо судить отдельно». За последние 25 лет, как показал опрос уже Всероссийского центра изучения общественного мнения, уровень осуждения добровольно бездетных снизился до 18 %, а лояльность стала более распространенной и по совокупности составила 79 %⁷. Проведенный Фондом «Общественное мнение» в 2008 г. опрос также высветил, что «установка на сознательную бездетность достойна как минимум понимания», дав показатели в 27 % осуждавших такой репродуктивный выбор против 60 % без осуждения⁸.

Вообще современный российский контекст можно охарактеризовать как пронаталистский [Basten et al., 2015: 64—66] и сфокусированный на фигуре ребенка,

⁷ Брак, дети, супружеские измены: сейчас и 25 лет назад // ВЦИОМ. 2015. 10 февраля. № 2771. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=609> (последний доступ: 27.11.2019).

⁸ Вовк Е. Бездетность и нежелание иметь детей // Фонд «Общественное мнение». 2008. 29 мая. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/d082125> (последний доступ: 27.11.2019).

или попросту — «детоцентристский»⁹. «Детоцентризм» выливается в том числе и в такие культурные процессы, как распространенная сегодня в российском обществе «идеология „интенсивного материнства“» [Исупова, 2018]. Эта, в некоторой степени фукодианская [см. Фуко, 1996; Михель, 2003], фокусированность на фигуре ребенка актуальна не только на уровне существующих в обществе представлений и стереотипов, но также проявляет себя в ходе рассмотрения и принятия многочисленных законодательных инициатив [Гурко, 2013; Печерская, 2013; Горбачев, 2014; Höjdestrand, 2016; Радина, 2018; Kondakov, 2019; Tolkachev, Vasileva, 2019]. Так, государственная пронаталистская политика несет с собой нетерпимость по отношению к тем, кто по каким-то причинам участвовать в биополитическом проекте «воспроизводства нации» не собирается [Makarychev, Medvedev, 2015; Makarychev, 2018; Stella, Nartova, 2016; Yatsyk, 2019].

Политика защиты так называемых семейных ценностей, сфокусированная на угрозе, которую несет для демографии и морали нерепродуктивный секс, — не новость, и имеет примеры как в истории [Zaretsky, 2007; Self, 2012], так и в современности зарубежных стран [Fábián, Korolczuk, 2017]. Она возникла в ответ на условную угрозу для сложившегося пронаталистского статус-кво, порожденную апологетами *pro-choice*¹⁰ образа жизни — в том числе сторонниками легальных и безопасных аборт, прав гомосексуалов и свободной представленности женщин на рынке труда. Неудивительно, что сторонники не-родительства ощутили на себе значительное сопротивление: отказ от репродукции казался в этом плане значительной угрозой как семье, так и национальной экономике в целом. Схожая концепция существует и в современной российской демографической политике.

Еще в 2006 г. демограф Анатолий Вишневецкий писал об утрате Россией некогда стабильно высокой вероятности рождения первого ребенка и появлении у молодых поколений тенденции к откладыванию рождения первенца. На тот момент он, принимая распространение современных методов контрацепции среди молодежи как «бесспорный факт», не был готов делать прогноз о том, может ли эта тенденция вылиться в добровольный отказ от рождения детей вообще, хотя, основываясь на опыте других стран, отмечал, что «некоторое увеличение в России пропорции ни разу не рожавших женщин вполне вероятно» [Демографическая модернизация. ..., 2006: 146]. В том же году президент России Владимир Путин признал важность решения демографических проблем в стране и обозначил повышение рождаемости, «сбережение народа», в качестве приоритетной задачи¹¹. Так, по мнению отдельных экспертов, 2006 г. стал «рубежом перехода от либеральной политики верти-

⁹ Следует заметить, что концепции детства и отношения к нему меняются от эпохи к эпохе. Например, исследование Карин Калверт, основанное на кейсе США, внятно показало, что единая форма детства никогда не существовала. Более того, на протяжении веков в концепции детства происходили радикальные перемены, менявшие отношение к детям и детству как таковому [Калверт, 2009].

¹⁰ Изначально деление на *pro-choice* и *pro-life* возникло в поздних 1960-х гг. в ходе развития дискуссии о легализации абортов. Термин «*pro-choice*» используется для обозначения как *pro-choice* движения, так и отдельных лиц, поддерживающих это движение, отстаивающее конституционное право женщин на безопасные и легальные аборты. В свою очередь, «*pro-life*» относится к движению и связанным с ним лицам, которые полагают, что любой вид искусственного прерывания беременности нарушает неприкосновенность человеческой жизни, а аборты должны быть признаны незаконными. Подробнее об этом см. [Freed, 2015].

¹¹ Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. 2006. 10 мая. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23577> (последний доступ: 27.11.2019).

кального контракта и минимизации роли государства в решении вопросов семьи и родительства <...> к государственному патронату частной сферы» [Печерская, 2013: 95; см. также: Чернова, 2011; Rivkin-Fish, 2006, 2010].

Рождаемость стимулировалась преимущественно материальными, экономическими мерами, что, как предупреждали демографы, привело лишь к сдвигу «календаря рождений» у тех, кто отложил рождение второго и последующих детей [Вишневецкий, 2007: 164]. В долгосрочной же перспективе данная политика едва ли сработала, поскольку для этого необходимо было бы комплексное воздействие на фундаментальные нормы и репродуктивные установки населения, для которого модель малодетной семьи стала характерной и естественной так же, как она стала приоритетной и для большого числа жителей западных стран [Рыбаковский, 2012; Chernova, 2012; Basten et al., 2015: 56—58]. Более того, пронаталистский вариант семейной политики не учитывает множество повседневных трудностей и дефицитных сложностей, с которыми сталкиваются родители в современной России [Чернова, 2013: 154—155; Гурко, 2013]. Что касается дискурса, то нормативное определение семьи, тесно связанное с идеей деторождения, продолжения рода и т. д., стало все чаще проговариваться в публичном и повседневном дискурсах [Ярская-Смирнова, 2010; Печерская, 2012].

Так или иначе, но в последние годы в России предпринимаются попытки противостоять происходящим и даже произошедшим изменениям, подменить ценности индивидуального выбора фамилизмом, неопатриархатом, гетеронормативностью. «В 1990-е гг. произошли сексуальная, контрацептивная и феминистская революции в России, и с этим нужно считаться как с объективной закономерностью, которую вряд ли удастся переломить очередной консервативной концепцией», — заключала социолог Татьяна Гурко в своей экспертизе спорного и весьма надувшего проекта «Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» [Гурко, 2013: 50]. Упомянутый выше тренд касается не только дискурса публичной власти, но и находит низовую поддержку среди разного рода сообществ и движений [Эссиг, 2014; Höjdestrand, 2016, 2017], а также поддерживается СМИ [Ким, 2017; Радина, 2018].

Во всех описанных условиях добровольно бездетные граждане, с одной стороны, оказываются в «слепом пятне» семейной политики и публичного дискурса, а с другой — в их эпицентре. Фокусированность государственных политик на идее репродуктивного воспроизводства народа замалчивает и одновременно стигматизирует опцию добровольно бездетного образа жизни. Идеино близкий нам фукольдьянский анализ объясняет это следующим образом. Власть во многом концентрируется вокруг живых человеческих тел, которые, в свою очередь, обладают неосозаемыми репродуктивными силами и составляют репродуктивную мощь общества. Мальтузианская брачная пара, практикующая *coitus interruptus* (пер. с лат. «прерванный половой акт») ¹², наравне с инверсивным взрослым ¹³

¹² Прорисованная М. Фуко модель пары, которая получает удовольствие от секса, но для которой последний не имеет «репродуктивной финальности», может быть проецирована на современных добровольно бездетных. Тем не менее нынешняя реальность не ограничивается лишь прерванным половым актом как средством планирования семьи и/или беременности: развитие методов контрацепции — как мужской, так и женской, — а также стерилизации, в том числе и обратной, не стоит на месте.

¹³ Здесь в первую очередь Фуко ведет речь о гомосексуальных людях.

является точкой, где репродуктивные силы общества грозят исчезнуть. Логично, что в условиях пронатализма себя проявляет тенденция по психиатризации и маркированию как извращенного удовольствия любых действий, способствующих «угасанию» репродуктивных сил.

«Сексуальность теперь тщательно скрывается. Она меняет место жительства. Она конфискуется в пользу скрепленной браком семьи. И полностью поглощается серьезностью функции воспроизводства. Секс окружают молчанием. Закон вершит супружеская пара, узаконенная и производящая потомство» [Фуко, 1996: 99—100].

Таким образом, можно утверждать, что нынешние устремления власти ограничить и взять под контроль вопросы репродуктивных решений и репродуктивного (не) здоровья так или иначе отражаются и на жизни добровольно бездетных. Последние, по сути, оказываются выброшенными из только начавшего формироваться поля легитимации нерепродуктивной сексуальности, перекрытого неотрадиционализмом начала нового столетия [Чернова, 2019]. С другой стороны, актуальным в российском контексте остается и социальный контроль над репродуктивной функцией человека.

Истоки концептуального поля не-родительства

Хотя локальным исследовательским кейсом для данного эссе является русскоязычный контекст исследований добровольной бездетности, повествование нам придется начать с событий, происходивших в Северной Америке во второй половине XX в. Именно там и именно тогда формировалось обсуждаемое нами исследовательское поле. Нередко в материалах, посвященных тематике «чайлдфри», можно встретить информацию о том, что сам по себе этот термин был впервые разработан и использован Национальной организацией для не-родителей (National Organization for Non-Parents — NON) в первой половине 1970-х гг. Эта информация подтверждается многочисленными источниками, и упоминание о данной организации в контексте истоков «свободного от детей» взгляда на жизнь конвенционально является правилом хорошего тона. Однако мало кто из исследователей — особенно в русскоязычном контексте — углублялся в специфику и историю данной организации. В контексте данной статьи, заинтересованной, среди прочего, в последовательном разборе понятия «childfree», нам представляется важным заострить внимание на интересах и притязаниях этой организации.

Для начала следует заметить, что Национальная организация для не-родителей возникла в ответ на чрезмерную фокусированность американской жизни того времени на материнстве, репродукции и детстве, словом — в противовес пронатализму общественного уклада. Так, на волне контрацептивной революции и борьбы за репродуктивный выбор активистки Эллен Пек (Ellen Peck) и Ширли Радль (Shirley Radl) основали NON как некоммерческую организацию, ориентированную на «идентификацию и наступление на источники пронатализма, оповещение общественности о преимуществах образа жизни, свободного от детей (childfree lifestyle), и оказание групповой помощи тем, кто избрал подобный образ жизни»¹⁴ [Barnett, MacDonald, 1976: 297].

¹⁴ Постановка вопроса о не-родительстве как о легитимной социальной идентичности также может быть названа частью более широкого тренда политик идентичности, особенно актуализировавшегося в начале 1970-х гг. (см., например, [Hall, 2011]).

Идейные предпосылки NON можно найти в книге главной активистки организации Эллен Пек «Детская ловушка» [Рекс, 1971], вышедшей в 1971 г. и быстро ставшей бестселлером. В течение года после выхода этой книги, в 1972 г. была основана NON. В 1976 г. организация насчитывала 62 локальных ячейки в 31 штате США [Barnett, MacDonald, 1976: 298], а к 1982 г. обзавелась отделениями в ряде других стран, включая Канаду, Англию, Индию и ЮАР, и состояла из порядка двух тысяч членов [Healey, 2016: 132], что в целом не так уж и много. Тем не менее, «вероятно, верным будет утверждение, что NON была первой организованной попыткой бросить вызов именно сильному пронаталистскому давлению в обществе» [Barnett, MacDonald, 1976: 309], и причем достаточно успешной. В NON получали море писем от мужчин и женщин, решившихся на добровольно бездетный образ жизни, которым, как результат этого выбора, приходилось ежедневно противостоять пронатализму общества, доказывая, что выбранный ими путь может и должен быть социально приемлемым. Организация занималась медиа-активизмом, критикуя транслирующие пронаталистский контент каналы и публично поддерживая массмедиа, доброжелательно относящиеся к выбору добровольно бездетного образа жизни. Также NON проводила немало встреч и семинаров, ориентированных на поддержку людей, испытывающих из-за собственного репродуктивного выбора дискриминацию со стороны общества [Healey, 2016: 133—138]. Сравнительно небольшой организации удалось обратить на себя внимание прессы, что вылилось в сотни статей как в общенациональных и местных печатных СМИ, так и на телевидении. Материалы о деятельности NON публиковали такие журналы, как TIME, Newsweek, People, Glamour и Cosmopolitan [ibid.: 140—141] (см. рис. 1).

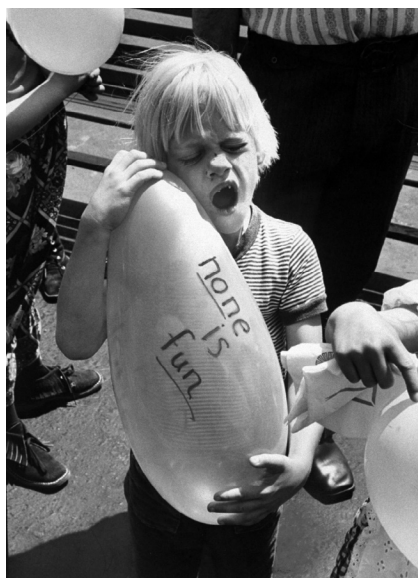

Рис. 1. Ребенок и его подарок на День не-отца (Non-Father's Day) — ежегодную акцию NON¹⁵

¹⁵ Источник: The LIFE Picture Collection / Getty Images.

Меж тем, данная организация нашла и сильное противодействие, причем как со стороны консервативных сил за «семейные ценности», так и со стороны феминисток второй волны. Если причины сопротивления первой группы вполне ясны, то идейные противоречия, которые не-родители обнаружили с феминизмом, более интересны. Несмотря на то, что в конце 1960-х — начале 1970-х гг. радикальные феминистки максимально противостояли первичности представления о женщине как о матери, вопросы репродукции, вынашивания и материнства по-прежнему находились в центре внимания либерального феминизма. В этом смысле полное отрицание репродукции, представленное в риторике NON, столкнуло последнюю с теми, кто полагал материнство в числе базовых тем феминизма [ibid.: 142—143]. Известная феминистка и эссеист Эллен Уиллис критиковала «близорукость» childfree-активистов, обвиняя их в непонимании того, что право не иметь детей и право их иметь по сути своей взаимосвязаны и родственны [Healey, 2016: 143].

Какие внутренние особенности этой организации фиксировали современники? В количественном исследовании Л. Барнетта и Р. МакДональда, базирующемся на опросе действительных членов NON (N = 334), последние определяются как «заметно отличающиеся от американского населения в целом». Так, члены NON были преимущественно молодыми (только один человек из пяти был старше 35 лет) и состоящими в зарегистрированном браке (только один человек из пяти был одинок). Более того, это практически исключительно белые люди с заметно более высоким уровнем образования и чуть более высоким уровнем дохода, нежели у основной массы населения США. И хотя четверть (25 %) респондентов сохраняли приверженность протестантизму, более чем в половине случаев члены NON оказывались агностиками, атеистами, либо попросту не поддерживали тесных связей с традиционными религиозными институтами [Barnett, MacDonald, 1976: 299—302]. Членами организации были как мужчины, так и женщины, однако изначально — в первую очередь в связи с особенностью интересов самой Эллен Пек, — NON с особым вниманием фокусировалась на развенчании мифологии материнства, где женственность и материнство были крепко взаимосвязаны [Healey, 2016: 135]. Соответственно, в центре внимания находились преимущественно женские вопросы.

Ранняя научная литература о NON нередко сравнивала организацию не-родителей с движением Zero Population Growth (ZPG)¹⁶ [Barnett, 1971, 1974] и даже ставила их в один ряд. Членство в этих организациях отчасти пересекалось: так, более четверти (29 %) респондентов-членов NON в проведенном в 1975 г. исследовании сообщили, что они также участвовали в движении ZPG [Barnett, MacDonald, 1976: 299]. Более того, одна из основательниц NON Ширли Радль являлась национальным исполнительным директором ZPG [Healey, 2016: 134], а президент ZPG Джудит Сендеровиц вместе с Эллен Пек выступила соредактором сборника научных и активистских статей о пронатализме и родителстве как добровольном

¹⁶ Движение Zero Population Growth (дословно — движение за нулевой прирост населения) — возникшее в конце 1960-х гг. общественное движение, направленное на повышение осведомленности населения о связи между ростом населения и ухудшением состояния окружающей среды и, как следствие, на продвижение идеи о том, что людям следует обзаводиться семьями меньшего размера. Интеллектуальные корни движения ZPG связываются с классической работой Томаса Мальтуса «Опыт закона о народонаселении» [Мальтус, 1895], а также нашумевшей в конце 1960-х гг. книгой биолога, профессора Стэнфордского университета Пола Эрлиха «Демографическая бомба» [Ehrlich, 1968].

и индивидуальном выборе [Peck, Senderowitz, 1974]. Тем не менее впоследствии обнаружили идейные нестыковки между организациями и их участниками: в то время как члены ZPG имели в своей основной повестке вопросы публичного характера и были ориентированы на глобальное изменение мира (в первую очередь в сферах демографии и экологии), «не-родители» говорили об индивидуальном выборе, правах и в целом были более замкнуты на себе и собственных проблемах. В итоге по мере сворачивания движения за контроль численности населения (population control movement), примерно в 1973—1974 гг. NON стала отдаляться от вопросов энвайронментализма и сфокусировалась на критике наиболее волнующей повестки — пронатализма [Healey, 2016: 136].

Изначально весьма радикальная позиция NON, заключавшаяся в полном отказе от родительства, вызвала широкую дискуссию в американском обществе, ведь под вопрос ставились центральные для него ценности семьи и прокреативности¹⁷ [Healey, 2016: 139—140]. Как результат, NON постепенно смягчила свою позицию в сторону дискурса о репродуктивном выборе, рассматривая не-родительство в качестве одной из опций. К концу 1970-х гг. NON стала высокопрофессиональной организацией, работающей в коалиции с более широким движением за репродуктивную справедливость¹⁸, куда также был интегрирован первоначальный фокус на childfree-активизме [ibid.: 132—133].

Уже в 1978 г. NON была переименована в Национальный альянс за необязательное родительство (National Alliance for Optional Parenthood — NAOP), что было обусловлено рекомендациями благотворительного Фонда братьев Рокфеллеров (Rockefeller Brothers Fund — RBF), который, будучи заинтересованным в проектах по регулированию численности населения, стал одним из центральных доноров для NON [ibid.: 144—146]. Исследование обновленной организации декаду спустя провели уже упомянутые выше Барнетт и МакДональд. Тогда, в 1986 г., они определили членов NAOP как представителей «социального движения и организации, репрезентирующих все возрастающий феномен современного общества — людей, чьи ценности категорически не предполагают наличия детей» [Barnett, MacDonald, 1986: 150]. Представители Альянса виделись авторам статьи особенно сфокусированными на собственных интересах и мыслях, что отчасти свидетельствовало о «психотерапевтической» роли организации: так, для многих участников важнее общественных задач (например, преодоление проблемы перенаселения Земли) все же стоял вопрос поиска социальной поддержки их «свободной от рождения детей» позиции. Вышесказанное, впрочем, не означает, что среди участников NAOP не было интереса в значимых социальных изменениях [ibid.: 157—158]. Вслед за NON NAOP, кажется, впервые в истории последовательно задавала неудобные вопросы существующему порядку вещей и социально одобряемому образу жизни, в котором по стечению обстоятельств между семьей и родительством ставился жирный знак равенства. Особенно актуально это стало в ходе консервативного поворота 1980-х гг.

¹⁷ См., например: Down with Kids. *TIME*. 1972. July, 3. P. 37.

¹⁸ Репродуктивная справедливость (reproductive justice) — аналитическая и прикладная рамка для рассмотрения опыта репродукции; базируется на (1) праве не иметь детей, (2) праве быть родителем, а также (3) праве растить детей в безопасных и здоровых условиях. Термин базируется на двух других концептах — репродуктивные права (reproductive rights) и социальная справедливость (social justice), — и выходит за рамки дихотомии pro-choice/pro-life. Подробнее см. [Ross, Solinger, 2017].

Краткая история систематического изучения не-родительства

Среди прочего, NON — NAOP была ориентирована на продвижение добровольной бездетности как важного фокуса научных исследований. Даже при поверхностном поиске нетрудно заметить, что до 1970-х гг. академическая литература лишь изредка касалась этих вопросов, а бездетность в большинстве случаев ассоциировалась со стерильностью и инфертильностью. Тем не менее известный американский евгенист Пол Попено еще в конце 1930-х гг. отмечал, что «основная масса <...> добровольно бездетных браков мотивирована индивидуализмом <...>, а также инфантильным, гедонистским и часто невротическим отношением к жизни» [Rorup, 1936: 472]. Такой подход по отношению к явлению будет главенствовать в социальных науках следующие три десятилетия.

Впоследствии научная исследовательская практика, в первую очередь североамериканская, показала всплеск интереса к изучению обсуждаемого явления и его переосмыслению. Так, канадская исследовательница Джен Виверс выступила в начале 1970-х гг. со статьей [Veevers, 1973], в которой проблематизировала невнимание академического сообщества к вопросам добровольной бездетности, призвав вывести их из «слепого пятна», а также раскритиковала пронаталистскую оптику занимающихся исследованиями семьи социологов, не дававшую им заметить добровольно бездетные пары. Впоследствии ее книга «Childless by Choice» («Бездетные по их собственному выбору») [Veevers, 1980] стала первой научной монографией, посвященной подробному и фокусированному исследованию добровольно бездетных. Именно исследованию, а не публицистическим заметкам, защищающим свободный от детей образ жизни.

Важно заметить, что NON стремилась занять на этом новом научном поприще важную роль «центрального информационного центра», который бы стал подспорьем для всех заинтересованных в теме исследователей и студентов. Они популяризировали результаты последних исследований через свои новостные бюллетени, приглашали ученых выступить на мероприятиях организации или вовсе войти в консультативный совет NON, создали собственную программу исследовательских ассистентов [Healey, 2016: 139]. Члены организации активно участвовали в исследованиях на правах информантов/респондентов.

С тех пор прошло почти четыре десятка лет, и исследования добровольной бездетности за эти годы претерпели многочисленные изменения. В 2018 г. вышло занимательное исследование, систематизировавшее англоязычные исследования добровольной бездетности за почти 100 лет, с 1920 по 2013 гг. (N = 195). Вся эта совокупность знаний, с точки зрения авторов статьи, обуславливает то, как мы понимаем добровольную бездетность сегодня [Lynch et al., 2018: 14]. Лишь шесть материалов выборки (3%) оказались на временном промежутке с 1920 по 1969 гг. Как было сказано ранее, 1970-е гг. ознаменовали собой всплеск интереса академических исследователей к вопросам добровольной бездетности, пик которого пришелся на 1980-е гг. (39%). 1990-е гг. были достаточно провальными, а 2000-е наметили новую волну внимания к добровольному отказу от прокреации [ibid.: 19—20], которая продолжается до сих пор.

Основная масса материалов в выборке — эмпирические исследования, в выборках которых преобладают граждане стран Северной Америки (57,9%),

с большим отрывом от них идут государства Европы (19,3%), а также Австралия и Новая Зеландия (13,1%). Африка и Азиатский регион в выборке практически не представлены. Последнее свидетельствует о том, что подавляющее большинство исследуемых на предмет добровольной бездетности базируются в ресурсно богатых и промышленно развитых странах [ibid.: 20—21]. Количественный исследовательский дизайн по-прежнему превалирует в исследованиях добровольной бездетности, а используемые теоретические рамки меняются от декады к декаде [ibid.: 22—25].

«Обнаруженное» в 1970-х гг., обсуждаемое исследовательское поле в 1980—2000-х гг. подвергалось самым разнообразным обследованиям (в том числе сравнительным), пытавшимся дать добровольно бездетному образу жизни научное объяснение. В 2000-х гг. был также намечен тренд на изучение следствий добровольной бездетности, включая психологические и социальные проблемы, субъективное благополучие, качество и удовлетворенность жизнью, отношения со значимыми другими, стигматизацию и адаптацию [ibid.: 27—33].

Параллельно с разработкой обсуждаемого исследовательского фокуса менялась и совершенствовалась терминология. Сегодня уже кажется наивным тот факт, что ранние исследования тех же 1970-х гг. могли себе позволить использовать единый термин «бездетные» (*childless*), не учитывая характер бездетности. Меж тем, альтернативы для определения добровольной бездетности пошли сразу по двум путям. Ниже мы проанализируем для российского контекста концепты «чайлдфри» и «добровольная бездетность», наметив некоторые точки демаркации тонкой смысловой границы между ними. Для иллюстрации и верификации последующих рассуждений мы будем использовать высказывания информантов из нашего авторского исследования 2014—2016 гг. С полным списком информантов можно ознакомиться в приложении к данной статье.

Чайлдфри: единомышленники или политические активисты?

Одной из первых и наиболее важных семантических границ, выстроенных во многом с подачи NON, является различие между понятиями *childless* (пер. с англ. «бездетный», «лишенный детей») и *childfree* (пер. с англ. «свободный от детей»). Феминистская по своей сути критика резко оспорила дискриминацию, присутствующую в семантике понятия *childless* [Kreyenfeld, Konietzka, 2017: 7]. Так, *childless*, наравне с другими понятиями, имеющими в своей морфологической структуре суффикс *-less*, утверждалось как опустошающее и делающее прямые отсылки к неблагоприятности: это понятие оказывалось применимым скорее к инфертильным людям, у которых нередко присутствует сильное желание стать родителем [Исупова, 2011]. *Childless* подразумевает у носителя некоторое сожаление об отсутствии у него детей, формирует о нем представление как о человеке, в той или иной степени обездоленном и несчастном, что едва ли соответствует состоянию людей, добровольно отказавшихся от заведения детей¹⁹. Такие трактовки русскоязычного термина «бездетность» улавливали и массовые опросы, представляя общественные стереотипы о бездетности как об обездоленности,

¹⁹ *Childless* в демографическом лексиконе также является антонимом *childed* («детный», «родитель») — термина, впрочем, не столь часто используемого исследователями.

выражающейся в отсутствии положительных эмоций или вовсе цели и смысла жизни²⁰. В свою очередь, термин *childfree* как бы выходит за рамку патологизации бездетного образа жизни и утверждает «свободу от» — от детской обузы и стереотипов существующего матримонимального порядка [Underhill, 1977: 307].

Что касается российских социальных наук, то первое десятилетие XXI в. наметило здесь интерес к изучению вопроса добровольного отказа от деторождения. Этому способствовало в том числе и уже упомянутое выше «демографическое» Послание Президента В. Путина (2006). Многие из научных публикаций первых двух десятилетий текущего века лишь рассказывали о существующем «мировом тренде», пересказывая содержание ряда англоязычных обзорных статей. Те же работы, которые отражали результаты эмпирических исследований, нередко базировались на данных от информантов, рекрутированных через специализированные группы в социальных сетях или блог-платформы по типу «Живого журнала». В последнем на рубеже 2000—2010-х гг. базировалось наиболее популярное в русскоязычном интернет-пространстве «Сообщество русскоязычных чайлдфри» (<https://ru-childfree.livejournal.com/>), которое, среди прочего, становилось предметом рассмотрения социальных ученых [Кузьмина, 2011].

Осмелимся предположить, что изначальные самоидентификация и самоназвание участников сообщества послужили тому, что именно «чайлдфри» стало центральным термином как для публичного, так и для академического дискурсов, пишущих на русском языке. Явление было воспринято как нечто новое, а потому название ему дали *in vivo*. Более того, уже в 2000-х гг. термин *childfree* быстро обрел в отечественном поле широкоупотребимую русскоязычную транслитерацию «чайлдфри». С тех пор то, что вкладывается в эту лексему при ее использовании в русском языке, является отдельным и особым разговором. Но какие смыслы приобрел данный термин в русскоязычном контексте? Рассмотрим несколько стержневых элементов.

Для начала стоит сказать, что «чайлдфри» сегодня подразумевает определенную идентичность, относящую человека к соответствующему сообществу. Базисом этой идентичности является индивидуальный выбор — добровольный отказ от рождения детей. Вот что отвечали наши информанты на вопрос о том, что для них значит быть «чайлдфри».

«Чайлдфри — это осознанный выбор в пользу отказа от деторождения. Именно осознанный, именно тот, к которому человек приходит сама, и именно тот выбор, который она делает не под влиянием каких-то обстоятельств. То есть это она приняла решение, что ей так лучше, ей так выгоднее» (Евгения, 40 лет, чайлдфри).

«Это люди, которые добровольно не заводят детей по каким-то своим соображениям» (Анна, 30 лет, добровольно бездетная).

«Человек, который не хочет иметь детей. Ну вот не хочешь и все! Ты можешь быть каким угодно — богатым или бедным, — иметь какие угодно интересы, но ребенка ты не заведешь никогда. Ты лучше умрешь!» (Виктория, 33 года, чайлдфри).

Казалось бы, о какой идентичности здесь идет речь? Уловить это возможно, когда информанты начинают отказываться от самоидентификации с термином

²⁰ Вовк Е. Бездетность и нежелание иметь детей // Фонд «Общественное мнение». 2008. 29 мая. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/d082125> (последний доступ: 27.11.2019).

по тем или иным причинам (об этом подробнее в параграфе «Добровольная бездетность»), или когда информант самостоятельно относит себя к чайлдфри-сообществу. Так себя показывает второй стержневой элемент — стремление к объединению на основе общности образа жизни.

«Скажем, человек может просто иметь какое-то собственное мнение и его придерживаться, или же он может начать искать себе каких-то друзей по интересам. И вот если ты пытаешься вокруг себя вот найти каких-то людей, которые тебя поддерживают в твоём мировоззрении, ты, наверное, все-таки чайлдфри. <...> Ты себя декларируешь как какой-то элемент общества, социума, какой-то группы, какого-то объединения <...> Я как-то никогда особо не искала никакой информации, я не вбивала запросы типа: «Я чайлдфри, как дальше жить?». То есть это [добровольная бездетность — И.Л.] просто какое-то мое представление о том, как мне сейчас жить. <...> Поэтому я и не считаю, что я чайлдфри» (Ольга, 25 лет, намеренно бездетная).

Одним словом, чайлдфри — это группа единомышленников, объединенная по базовому принципу добровольной бездетности и имеющая потребность в утверждении этой позиции в глазах окружающего общества. Вообще, использованное нами слово «единомышленники» появилось неспроста, а было буквально конденсировано из нарративов: завсегдаитаи и администраторы сообществ чайлдфри часто использовали его для объяснения оснований, на которых зиждутся их сообщества.

«Опять же, там единомышленники. Таким образом, не нужно их искать по всему «ВКонтакте». И там никто к тебе конкретно не обращается: кто-то пишет комментарии, кто-то смотрит. <...> Там очень много [полезных] советов дают. Если напишешь пост с просьбой о помощи, то да, помогут» (Вера, 21 год, чайлдфри).

Наконец, если мы подумаем о том, что все описанное в предыдущих параграфах дает нам для понимания концепта *childfree*, то ответ будет следующим: как минимум, то, что в него изначально был интегрирован спектр смыслов политико-активистского характера. Будучи созданным в лоне организации по защите прав не-родителей для очерчивания социальной группы людей, добровольно отказывающихся от репродукции, а также для ее последующего самоутверждения через отстаивание соответствующих прав, термин по умолчанию содержал в себе политическую идею «свободы», или скорее даже «освобождения» — от пронатализма и навязываемых обществом родительских обязанностей. Примечательно в этом плане, какое пояснение к базовому концепту *childfree* дается в одном из словарей: «термин, используемый в рамках движения добровольно бездетных людей» [Michalos, 2014: 760]. Так, можно помыслить, что и в российском контексте интериоризированный термин *чайлдфри* должен нести с собой схожие, политизированные, смыслы, а его носители — некоторую социально-политическую мобилизованность. Верно ли это ожидание? И да, и нет.

С одной стороны, данная характеристика вменяется сообществам чайлдфри (про)государственным изоляционистским²¹ и пронаталистским дискурсами. Например, депутат Государственной думы Виталий Милонов, неоднократно высказывавшийся против данного явления, замечал, что «любая пропаганда дви-

²¹ Чайлдфри нередко связывается политиками и СМИ с «западным влиянием», формой внешней интервенции.

жения чайлдфри является вредной в обществе <...> это радикальная негативная идеология»²², тем самым утверждая о существовании в России политического движения, представляющего для страны некоторую демографическую угрозу. Общественные pro-life организации, в свою очередь, выступали против чайлдфри-сообществ как содержащих «противоречащую государственной семейной политике» информацию и предлагая их блокировать²³. Не остались в стороне и аффилированные с государством федеральные средства массовой информации²⁴. На уровне этого дискурса обсуждаемые сообщества воспринимаются ровно в том же смысле, в каком они возникли и долгие годы существовали в США и других странах западного мира. Будучи в поиске «врага», виноватого в неудачах демографической политики, (про)государственный дискурс приписывает сообществам чайлдфри ответственность, значительно больше той, за которую они по факту в состоянии отвечать.

С другой стороны, среди членов сообществ чайлдфри, особенно среди их администраторов, очевидно стремление абстрагироваться от приписываемой им характеристики политического свойства, откеститься от любого рода политической вовлеченности их активности в онлайн или офлайн.

«Я не думаю, что как-то буду протестовать, потому что смысла в этом не вижу. Также и не буду заводить нежеланного ребенка и обречать его на несчастную жизнь. Это уже, как минимум, две несчастные жизни» (Анастасия, 33 года, чайлдфри).

Да, безусловно, членов виртуальных тематических сообществ не может не беспокоить политическая повестка, затрагивающая спектр их выбора в рамках индивидуальных репродуктивной и жизненной стратегий (например, инициативы о введении налога на бездетность²⁵ или регулярно возникающие идеи об ограничении или запрете аборт²⁶), однако обсуждение этого не выливается во что-либо оформленное, не порождает коллективного действия. Более того, сама постановка вопроса о якобы существующем в России «движении чайлдфри» приводела информантов в замешательство.

«Понимаете, тут дело в том, что чайлдфри не представляют собой какого-то движения» (Иван, 37 лет, добровольно бездетный).

«Зачем в политику лезть — еще куда не надо лезть! Я всецело за то, что мы собираемся, общаемся. <...> В основном, да, в онлайн, иногда мы выбираемся в офлайн,

²² Годуненко О. «Движение одержимых людей». Милонов назвал чайлдфри-сообщество больным // Life Новости. 2018. 6 ноября. URL: https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/1167186/dvizhenie_oderzhimyykh_liudiei_milonov_nazval_chajldfri-soobshchestvo_bolnym (последний доступ: 27.11.2019).

²³ Астахов П. В России предложили блокировать сообщества чайлдфри в соцсетях // Russia Today. 2018. 6 ноября. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/570815-blokirovka-soobshchestva-chajldfri-socseti> (последний доступ: 27.11.2019).

²⁴ Решетникова Е. Дамы — жесь. Угрожает ли психология чайлдфри российской семье // Российская газета. 2019. 14 марта. URL: <https://rg.ru/2019/03/14/ugrozaet-li-psihologija-chajldfri-rossijskoj-seme.html> (последний доступ: 27.11.2019); Движение «чайлдфри» — «свободные от детей» — набирает обороты в России и Европе // Первый канал. 2014. 28 сентября. URL: https://www.1tv.ru/news/2014-09-28/34043-dvizhenie_chajldfri_svobodnye_ot_detey_nabiraet_oboroty_v_rossii_i_evrope/ (последний доступ: 27.11.2019).

²⁵ Бричкалевич И. Православные активисты предложили вернуть налог на бездетность // Московский комсомолец. 2019. 6 сентября. URL: <https://www.mk.ru/economics/2019/09/06/pravoslavnye-aktivisty-predlozhi-vernut-nalog-na-bezdetnost.html> (последний доступ: 27.11.2019).

²⁶ Королева Е. «Гробы вместо колыбели»: как идут на подпольные аборты // Газета.Ru. 2019. 28 сентября. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/09/21/12665743.shtml> (последний доступ: 27.11.2019).

в формат дружеских посиделок. Но никакой политической организации, общественной организации или еще какой-то это все не несет с собой» (Сергей, 21 год, чайлдфри).

«Мы не ходим на митинги, потому что понимаем, что это [обсуждался ряд инициатив, направленных на регулирование сферы приватного — И.Л.] никогда и не примут, потому что в Думе не дураки сидят. Они понимают, чем это может закончиться: как минимум, криминальными абортами и повышением младенческой смертности» (Виктория, 33 года, чайлдфри).

Таким образом, социально-политическая мобилизованность чайлдфри в российском контексте довольно расплывчата и едва ли имеет какую-либо оформленность. Мы связываем такое положение в первую очередь с контекстом всеобщей деполитизации, являющейся основным трендом истории современной России, начиная со второй половины 1990-х гг. [Журавлев, 2015: 38—42]. И хотя в последние годы гражданская культура в России становится более оформленной (например, на фоне «болотного»²⁷ и «московского дел»²⁸, а также «мусорного кризиса»²⁹), общая неразвитость в отечественном контексте активизма, базирующегося на специфических постматериалистических идеях [Inglehart, 1977], тормозит политизацию добровольной бездетности. Ей не способствует также нехватка навыков ведения аргументированных споров и отсутствие конвенционального языка говорения о политике [Gladarev, 2016]: последний не способен сформироваться всего за несколько лет. Иными словами, в России политическая активность групп «чайлдфри» скорее сконструирована пронаталистской по своей сути пропагандой.

Чайлдфри и семантический хаос

«Они никогда не получают 250 000 рублей за второго ребенка хотя бы потому, что не хотят даже первого. Чайлдфри — люди, сознательно отказывающиеся от того, чтобы продолжать свой род; теперь они есть и в России»³⁰.

Именно с такого определения начинается одна из ранних — и достаточно спокойных по своему накалу — журналистских публикаций о добровольной бездетности в достаточно солидном издании. Несмотря на то, что далее в ней речь идет о людях, объединенных в онлайн-сообщество, в определении значится лишь один объединяющий фактор — отказ от прокреации. Как уже было сказано, это базовый фактор для семантики понятия «чайлдфри», равно как и для всего поля добровольной бездетности. Кажущаяся простота создает ощущение ясности, однако это совсем не так. СМИ, политики, публичные лица, социологи, психологи и прочие эксперты — все они оказываются заложниками ситуации, где центральным для изъяснения термином является именно «чайлдфри». Каждый обращается с ним по-своему, наполняя все новыми и новыми смыслами.

Например, русскоязычные исследовательские работы часто описывают чайлдфри как «феномен», «субкультуру» или вовсе «идеологию». Если описание явления через

²⁷ Сапронова Ю. Что происходило на Болотной площади пять лет назад // РБК. 2017. 6 мая. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/06/05/2017/5909fdd69a7947319336b0bc7> (последний доступ: 27.11.2019).

²⁸ Дело о «массовых беспорядках» в Москве 27 июля 2019 года // Мемориал. 2019. URL: <https://memohrc.org/ru/special-projects/delo-o-massovyh-besporядках-v-moskve-27-iyulya-2019-goda> (последний доступ: 27.11.2019).

²⁹ Никитина О. Мусорный атлас // Коммерсантъ. 2018. 8 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3600872> (последний доступ: 27.11.2019).

³⁰ Родина Е. Добровольно бездетные // Огонек. 2006. 9 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2297306/> (последний доступ: 27.11.2019).

«феномен» очень расплывчато, то рассмотрение чайлдфри через призму идеологии кажется перспективным. Тем не менее качество таких работ по-прежнему оставляет желать лучшего, и достойного исследования, рассматривающего «чайлдфри» как ту же фрагментарную идеологию [Чутков, 2017], пока еще не опубликовано³¹. Исходя из количества и качества имеющихся публикаций, можно сказать, что добровольная бездетность слабо изученной, несмотря на то, что этот социальный аспект вызывает немало интереса у общества, а также сравнительно регулярно возникает в качестве тем учебных исследований, проводимых студентами. Используемая в таких работах терминология, как правило, целиком и полностью заимствуется из зарубежных источников. Как результат — некоторые термины по невнимательности исследователей меняют свое смысловое содержание. Более того, путаница глубоко укоренена в самом дискурсе изучаемых сообществ и продолжает культивироваться.

Размытость данной категории едва ли оставляет пространство для ее сколько-нибудь внятной операционализации, что выливается в разного рода псевдонаучные и/или про-фамилистские тексты, описывающие «чайлдфри» в терминах «демографической безопасности», «экстремизма» и т. п. Более того, даже в англоязычном дискурсе обсуждаемый термин обрел побочные коннотации, ограничивающие его использование в качестве операциональной категории. Например, Эллен Уиллис полагала, что само использование слова *childfree* несет в себе «чувство превосходства» над женщинами с детьми, полагая их «слишком глупыми» из-за того, что они не смогли избежать материнства (цит. по [Healey, 2016: 143]). В свою очередь, Стюарт Бастен писал, что данный термин, помимо его «позитивного» значения (в отличие от *childless*) также может быть проинтерпретирован в значении эмансипации, освобождения от детей, то есть дети им как бы вовсе и не приветствуются [Basten, 2009: 9].

Что касается СМИ, то, по замечанию социолога Анны Шадринной, массовая печать на постсоветском пространстве при разговоре о добровольной бездетности нередко скатывается в психопатологический дискурс и «оценивает однозначно негативно опыт людей, чьи жизненные планы не включают родительство» [Шадринна, 2014: 161—164].

«...» На постсоветском пространстве я заметила непреодолимое желание залезть в чужую жизнь и возмутиться» (Анастасия, 33 года, чайлдфри).

Используя все ту же терминологию, пресса нередко — посредством изоляционистского по своей сути дискурса — позиционирует добровольный отказ от деторождения в терминах «западной интервенции»³² или психиатризует индивидуальный выбор. Тем не менее в последние годы все чаще появляются журналистские работы, стремящиеся избрать понимающую стратегию в отношении добровольной бездетности, — особенно в независимых СМИ³³.

³¹ Меж тем, существуют данные, подтверждающие, что в паре один из партнеров скорее согласится с другим партнером и примет для себя добровольно бездетный образ жизни [Chancey, Dumais, 2009], однако это едва ли говорит о заразительном характере добровольной бездетности.

³² О трансформациях отношения россиян к «Западу» в лице США см. [Sokolov et al., 2018].

³³ Селивирова Е. Чайлдфри: Без паники. Социологический взгляд // Частный корреспондент. 2010. 21 мая. URL: http://www.chaskor.ru/article/chajldfri_bez_paniki_-_sotsiologicheskij_vzglyad_17446/ (последний доступ: 27.11.2019); Прибора И. Мне скоро 30, и я не хочу детей. Это нормально? // Нож. 2019. 20 июня. URL: <https://knife.media/childfree/> (последний доступ: 27.11.2019).

Все упомянутые выше дискурсы, как правило, используют один и тот же термин — «чайлдфри», — наполняя его самыми разнообразными смыслами. То же самое происходит и в английском языке, где сегодня имплементируются все более изощренные формы и без того в базе своей политически заряженного термина: например, *voluntarily childfree* [Mollen, 2006; Miettinen et al., 2015: 35] или *childfree by choice* [Agrillo, Nelini, 2008; Blackstone, 2019].

В академическом и публичном русскоязычных дискурсах термин «чайлдфри» был интериоризирован в чрезмерно расширительном значении, включив в себя множество смыслов. Так, он оказался семантически перегружен и тем самым малопригоден для использования в исследованиях в качестве операционального понятия. В такой форме термин «чайлдфри» едва ли имеет эвристический потенциал. Ориентируясь на более четкие и ясные концепты, следует искать способы абстрагироваться от множественных «шумов» интерпретаций и политической пропаганды.

В исследованиях и журналистских публикациях часто можно прочесть, что *чайлдфри* и *добровольная (сознательная) бездетность* — это одно и то же. Схожую концепцию представляли и некоторые информанты:

«В принципе, *чайлдфри* — это и есть *добровольно бездетные*. Как бы слова-синонимы. <...> Просто *чайлдфри* — это иностранное слово, а *добровольно бездетный*, можно сказать, — *российское*» (Сергей, 21 год, *чайлдфри*).

Однако тот факт, что ряд наших информантов категорически отказались принимать на себя идентичность «чайлдфри», показывает, что этим понятием невозможно объять весь спектр ситуаций добровольного отказа от рождения детей (разве что авторитарно приписывая категории и не считаясь с мнением информанта). Так, мы полагаем, что отождествление терминов *voluntary childlessness* и *childfree* имеет под собой мало оснований и нуждается в пересмотре.

Добровольная бездетность

Деление на *добровольную (voluntary)*³⁴ и *вынужденную (involuntary)* бездетность является простейшей и базовой дихотомией, позволяющей разграничить причины бездетного статуса информанта/респондента [Roy, Schumm, Britt, 2014: 53—61]: если в случае вынужденной бездетности причины часто биологические (в первую очередь речь здесь идет об инфертильности³⁵), то добровольная имеет под собой более широкий спектр оснований, которые в основном связаны с индивидуальным выбором человека. Любое современное исследование, сфокусированное на явлении добровольной бездетности, имеет в своей основе это базовое деление или, как минимум, подразумевает его³⁶.

³⁴ Также в некоторых работах используется прилагательное *intentional* (пер. с англ. «сознательная», «намеренная»).

³⁵ Тем не менее многие ранние исследования включали в категорию вынужденно бездетных незамужних женщин. См., например, [Veivers, 1979: 3]. Это связано также с тем, что причинами вынужденной бездетности могут быть и недоступность партнерства, для многих обязательного при рождении детей, и плохие условия для взращивания детей, и ограничивающие возможности пользования вспомогательными репродуктивными технологиями институциональные условия, и т. д.

³⁶ Конечно, те же данные опросов имеют собственные изъяны, поскольку респонденты совершенно не обязательно доподлинно знают о том, фертильны они или нет [Kreyenfeld, Konietzka, 2017: 7]. И пусть распространение вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) несколько размывло границу между эмпирическим пониманием вынужденной и добровольной бездетности, вопрос остается актуальным: например, в Великобритании и Германии до 5%—10% от каждой возрастной когорты по-прежнему остаются бездетными по биологическим причинам [Berrington, 2017; Tarpe, 2017: 281].

Добровольная бездетность может быть понята, как минимум, в двух смыслах. Во-первых, расширительное понимание представляет ее в качестве одной из стратегий репродуктивного поведения человека. Так, каждый человек, который добровольно делает выбор остаться бездетным в силу тех или иных причин, как правило, не связанных с инфертильностью³⁷, может быть назван «добровольно бездетным». Это аналитически сконструированный зонтичный термин, который покрывает все разнообразие проявлений добровольной бездетности. К примеру, человек, называющий себя «чайлдфри», также в этом смысле является «добровольно бездетным», то есть человеком, живущим полноценной сексуальной жизнью, возможно, состоящим в браке, но целенаправленно принимающим меры для того, чтобы у него не рождались дети³⁸. «Чайлдфри» при этом также сохраняет ряд собственных специфических характеристик, оставаясь включенным в общий смысл добровольной бездетности и являясь одним из ее проявлений.

Вопрос: «Если человек не хочет заводить детей, предпринимает ради этого все действия (контрацепция и прочее), но не состоит в группах чайлдфри, либо просит его так не называть. В таком случае будет ли он чайлдфри?»

Информант: «Формально он и будет считаться. Если человек не заводит детей, ведет себя как чайлдфри, говорит как чайлдфри, тогда он чайлдфри» (Анастасия, 33 года, чайлдфри).

На этом можно было бы остановиться, но мы предлагаем обратить внимание на то, какое определение данная информантка дала «чайлдфри»:

«[Чайлдфри —] просто нежелание заводить детей» (Анастасия, 33 года, чайлдфри).

Такая концепция не подразумевает ничего, кроме индивидуального и добровольного выбора остаться бездетным и его практического исполнения. Подобные высказывания встречались и в других интервью информантов, позиционировавших себя как «чайлдфри» (см. параграф «Чайлдфри: единомышленники или политические активисты?»). Так, мы можем судить о наложении концепта «чайлдфри» на концепт «добровольная бездетность» (расширительное понимание) в свете общности базового смысла, заложенного в них: добровольного отказа от репродукции. Меж тем, как мы уже знаем, «чайлдфри» также несет в себе дополнительные характеристики, а вместе с ними и смыслы.

Во-вторых, можно также выделить узкое понимание добровольной бездетности. Последняя сужается за счет открытого позиционирования себя обществу в качестве человека, добровольно отказавшегося от рождения детей, то есть опять-таки через определенную идентичность. Последняя формулируется фразой «я просто не хочу детей». В отличие от семантики «чайлдфри», для узкого понимания добровольной бездетности не свойственны ни стремление к объединению

³⁷ Впрочем, даже инфертильность в наше время не может считаться полноценным основанием для незаведения детей: развитие различных форм вспомогательных репродуктивных технологий и/или доступность усыновления позволяет закрыть эту лауну. Человеку, не прибегающему к вспомогательным репродуктивным технологиям или усыновлению, приходится как-то обосновывать собственный отказ от пользования этими опциями. Даже гомосексуальность в ряде стран с инклюзивным законодательством в отношении негетеросексуальных людей уже не является автоматическим «обоснованием» бездетности: существует масса способов стать родителем.

³⁸ Так, изначально упомянутое нами в «Первичных замечаниях» определение, данное Ольгой Исуповой «чайлдфри» [Исупова, 2010], в немного переформулированной форме становится весьма удобным при определении добровольно бездетного образа жизни в его расширительном понимании.

в группы единомышленников, ни самоопределение через маркер «чайлдфри», ни тем более социально-политическая мобилизованность. Это не сообщество, а лишь отдельные люди или пары, которые целенаправленно практикуют нерепродуктивный секс и самостоятельно вырабатывают стратегии взаимодействия с «детоцентристским» обществом.

Информант: «Я не говорю, что я чайлдфри, обычно».

Вопрос: «А что ты обычно говоришь?»

Информант: «Я говорю, что я не хочу детей, отстаньте! Потому что на самом деле очень часто — почти каждый день — кто-нибудь об этом что-нибудь говорит» (Снежана, 23 года, добровольно бездетная).

«Нет, нет! Я знаю, что есть сообщества, но нам не нужна поддержка еще кого-то <...> мы так себя не позиционируем, просто для нас это означает жить своей жизнью. <...> Обычно еще людей это название [чайлдфри — И.Л.] сильно коробит. То есть мы просто говорим, что у нас нет детей» (Татьяна, 39 лет, добровольно бездетная).

«Просто некоторые не любят этого слова [чайлдфри — И.Л.], говорят: «Не называйте меня так, я просто не хочу детей». Их право» (Анастасия, 33 года, чайлдфри).

«Добровольно бездетный»³⁹, в отличие от «чайлдфри», — более широкое, но в то же время фундаментальное и максимально очищенное от каких бы то ни было дополнительных смыслов понятие. *Широкое* — потому что включает в себя как людей, для кого принятие решения о незаведении детей является лишь частью собственного мировоззрения, так и тех, кто объединяется в определенные сообщества, используя само это решение в качестве базы для сплочения. *Фундаментальное* — потому что, так или иначе, концепция чайлдфри базируется на аспектах, полностью присущих добровольно бездетным. *Очищенное от дополнительных смыслов* — потому что добровольная бездетность не принимает никаких иных смыслов, помимо одного, выраженного во фразе «я не хочу иметь детей». Одновременно само понятие «чайлдфри», как уже было отмечено, по умолчанию содержит в себе значение борьбы за «свободу от детей».

Отметим, что в русском переводе термина *voluntary childlessness* также может употребляться прилагательное «сознательная». Перевод таким образом не получается дословным и смещает фокус понятия на «осознанность», подразумевает присутствие рации, что отмечалось некоторыми информантами.

«Я не животное: я головой думаю и понимаю, что я детей не хочу вообще никогда» (Виктория, 33 года, чайлдфри).

«Добровольный» определяется классическим словарем под редакцией Сергея Ожегова как «совершаемый или действующий по собственному желанию, не по принуждению» [Ожегов, Шведова, 2006: 169], в то время как «сознательный» — это «намеренный, совершенный по размышлению, обдуманный» [там же: 744]. Первое определение оказывается ближе смыслу *voluntary childlessness*: в его центре именно отсутствие желания, в то время как «сознательность» более свойственна уже упомянутому нами термину *intentional childlessness*. Последнее

³⁹ Здесь речь идет именно о добровольной бездетности в расширительном понимании, то есть о «добровольно бездетном» как о носителе соответствующего репродуктивного поведения. Как некоторый ярлык «добровольно бездетный» в русскоязычном разговорном контексте не устоялся: это поле монополизировано термином «чайлдфри». Как уже было сказано, «добровольно бездетные» будут скорее говорить о себе как о людях, не желающих иметь собственных детей.

выстраивает вокруг отказа от деторождения аргументацию-рационализацию, которая производится умственными усилиями, а следовательно — посредством мыслительного процесса, размышлений. В данном случае рациональные причины превалируют над эмоциональными, и изменение ситуации может привести к рождению у сознательно бездетных людей детей и даже к счастливому родительству. Мы же ведем речь скорее о поле репродуктивных (не)желаний и, в частности, о нежелании иметь детей ни при каких условиях.

Заметим, тем не менее, что употребление термина «добровольный» может выводить нас на кантовское понимание «доброй воли» как некоторого абсолютного начала морали [Гусейнов, 2000]. Поскольку этически добровольный/сознательный отказ от деторождения нередко оспаривается, то использование соответствующего прилагательного может порождать неудобные вопросы.

Наконец, важно также отличать добровольную бездетность от *intended childlessness* (пер. с англ. «намеренная бездетность»). Намеренно бездетные, как и добровольно бездетные, не имеют детей и утверждают, что не намереваются, однако при ответе на вопрос об идеальном числе детей, родившихся у них за всю жизнь, могут назвать число, отличное от нуля [Miettinen et al., 2015: 35]. Намеренная бездетность вполне может быть и формой вынужденной бездетности.

«Я не знаю, можно ли в нашей стране быть бездетным добровольно. Это <...> такая очень сложная формулировка. С давлением общества и прочими подобными пирогами. Просто я для себя самой определяю это так, что мне в данный момент детей заводить не стоит» (Ольга, 25 лет, намеренно бездетная).

Чайлдхейт, или ненавидящие детей

В контексте всего описанного выше интересен нередко употребляемый в общественно-популярном дискурсе о добровольной бездетности термин «чайлдхейт» (от англ. *childhate* — «ненавидящие детей»). В онлайн-дискуссиях, популярных материалах и интервью он часто используется в связке с «чайлдфри»: мол, это разные вещи и их следует различать. Такую позицию проявляют и «практические» примеры: например, встречающееся в дискуссиях шутивное описание «детоненавистников» через стереотип о том, что они занимаются «подбрасыванием лезвий в песочницы». Меж тем, даже поверхностный поиск по базам научного цитирования дает возможность увидеть: если термин *childhate* где-то и встречается в рамках дискуссий о добровольной бездетности, то разве что в русскоязычных публикациях и, как и в случае с *childfree*, употребляется *in vivo*.

В то время как среди завсегдатаев российских онлайн-сообществ чайлдфри распространено отождествление данного термина с семантикой явления добровольной бездетности (и наоборот), в случае с чайлдхейт история поворачивается ровно противоположной стороной: в большинстве своем чайлдфри демонстрировали несогласие с объединением двух этих терминов.

«Мне не нравится, когда путают чайлдфри и чайлдхейт» (Евгения, 40 лет, чайлдфри).

«Нельзя чайлдфри и чайлдхейт смешивать. Их нельзя смешивать, это абсолютно разные вещи! Чайлдфри спокойно относится к чужим детям, но не желает иметь своих. Чайлдфри просто хочет жить в собственное удовольствие — это пока еще не преступление» (Игорь, 26 лет, чайлдфри).*

«Если где-то выступают люди чайлдхейт под вывеской «чайлдфри», то мне кажется, что это смешение понятий случайно, по незнанию. Либо это заведомо введение людей в заблуждение» (Иван, 37 лет, добровольно бездетный).

Но кто же такие эти самые «чайлдхейт»? Численность онлайн-сообществ чайлдхейт даже относительно сравнительно немногочисленных чайлдфри⁴⁰ чрезвычайно мала. В нашем исследовании ни один из информантов не был готов целиком и полностью презентовать себя через призму «чайлдхейт». Тем не менее мы просили их дать определения как чайлдфри, так и чайлдхейт. Буквально сразу, еще в процессе сбора эмпирического материала, очевидным стало, что чайлдхейт большинством исследуемой группы воспринимается в качестве своеобразного антипода или точки постоянной референции.

«Чайлдфри — это люди, которые добровольно не заводят детей, но при этом не испытывают к ним никакой ненависти. А чайлдхейт — это люди, которые питают антипатию к детям, стараются избегать их, не заводят дружбу, допустим, с теми, у кого есть дети» (Анна, 30 лет, добровольно бездетная).

Чтобы оставаться отдельной социальной группой, необходимо постоянно очерчивать и пересматривать собственные границы, особенно если твоя группа флюидна и обитает преимущественно в таком быстро растущем и меняющемся пространстве, как онлайн. Так, чайлдфри выстраивают границу между собой и чайлдхейтерами. Конструирование собственного образа основывалось на модели «мы — они» и имело под собой желание представить себя с наилучшей стороны в ущерб «противнику».

«<...> Я не считаю себя чайлдхейтером, потому что у меня есть такое разделение: чайлдхейт — это тот, кто вредит, подкидывает лезвия в песочницы. <...> Я все же считаю себя чайлдфри, потому что никаким вредительством и какой-нибудь пропагандой адской я не занимаюсь» (Галина, 40 лет, чайлдфри).

Чайлдхейт в глазах многих опрошенных нами чайлдфри отличаются агрессией не только к детям как таковым, но и также к людям, проявляющим «детоцентризм». Причем среди чайлдхейт оказываются и бездетные, и детные. Порой слышны и утверждения о чайлдхейт как о людях с некоторой психологической или какой-либо иной травмой. Так или иначе, далеко не все чайлдфри готовы принимать и тем более разделять столь радикальную позицию по «детскому вопросу», многие осуждают ее и, само собой, видят в этом угрозу для себя самих:

«Чайлдхейт порочат <...> образы чайлдфри, потому что гонения идут как раз-таки на чайлдхейт. Чайлдфри и чайлдхейт — люди объединяют их в одну группу и обоих считают детоненавистниками» (Ксения, 31 год, чайлдфри).

Чайлдфри, безусловно, могут иметь абсолютно искреннее мнение в отношении позиции чайлдхейт, но в то же время через создание этого противоположного себе образа они конструируют себя самих в качестве более «терпимых», «равнодушных», «спокойных», «положительных». Более того, администраторы сообществ признавались, что в онлайн-контексте чайлдхейт вполне себе может быть чем-то напускным:

«Чайлдхейт [— это те, кто] детей ненавидит. Либо второй вариант, что более часто встречается в Интернете, — тролли» (Сергей, 21 год, чайлдфри).

⁴⁰ Крупнейшее сообщество чайлдфри во «ВКонтакте» «Подслушано чайлдфри» имеет порядка 60 тысяч подписчиков.

Отчасти такая позиция объясняет, почему нам в ходе сбора эмпирической базы исследования едва ли удалось выйти на людей, которые бы *напрямую* определяли себя в качестве «чайлдхейт», и, возможно всерьез вести речь о последних вообще не стоит. Меж тем, наша информантка, выражавшая позицию, наиболее приближенную к тому, что описывалось другими как «чайлдхейт»⁴¹, с этим бы не согласилась. Ее точка зрения в хоре порицания со стороны чайлдфри выглядит весьма занимательно:

«Чайлдхейт пытаются бороться как можно сильнее, в Интернете высказывать, на улицах высказывать. Просто для того, чтобы сказать девушкам, что есть выбор. Чтобы они не шли, не обдумав, на какие-то шаги очень важные. <...> Чайлдхейт более открытые и агрессивные. Но агрессия не всегда негативна: иногда она бывает положительной, потому что это необходимо» (Светлана, 20 лет, чайлдфри-чайлдхейт).

Высказывание выше — интересная попытка рационализации своей ненависти к детям и ее переводению в более-менее «социально полезное» русло. Тем не менее с эмпирической точки зрения типичным этот нарратив назвать нельзя: подобное объяснение присутствовало лишь в одном интервью. Так или иначе, но обсуждение «детоненавистников» является инструментом для перманентного выстраивания и переутверждения собственной идентичности в качестве чайлдфри, а также сплочения соответствующей группы единомышленников.

«В нашей группе <...> есть те, кто ненавидит детей. Из-за них все считают, что все мы ненавидим детей. Если человек ненавидит детей, то он не обязательно должен быть чайлдфри! Бывают такие родители, которые заводят ребенка, не желая того, и поэтому они его ненавидят <...> А чайлдфри — это именно тот, кто не хочет иметь своих детей» (Хельгус, 33 года, чайлдфри).

Более того, выстраивание границы между чайлдфри и чайлдхейт — это возможность для первых защитить себя от ударов пронатализма и детоцентристского общества, избежать маргинализации добровольно бездетной позиции, а также ее возвеличивания до уровня детоненавистнической. Иными словами, это попытка сказать, что детей ненавидит кто угодно, но только не чайлдфри. Более того, чайлдхейт также нередко оказывается политическим конструктом в руках оппонентов и алармистских средств массовой информации⁴².

В любом случае жестокие люди существовали всегда, да и отношение к детям менялось от эпохи к эпохе [deMause, 1975; Dunn, 1975; Калверт, 2009; Heywood, 2018]. Телесные наказания детей столетиями были (а для кого-то остаются) ключевым «педагогическим» элементом [Кон, 2012ab], а инфантицид [Михель, 2007] по-прежнему сохраняет актуальность. Современная цивилизация, меж тем, аккумулировала в своей культуре ценность детства и даже в некоторой степени сакрализовала его [Zelizer, 1985], превратила детей в «стержень, вокруг которого

⁴¹ Полностью в качестве «чайлдхейт» данная информантка себя не признавала и указывала на частую изменчивость собственной идентичности.

⁴² См., например: Почему они ненавидят детей: в соцсетях активизировалось движение чайлдхейтеров // РЕН ТВ. 2018. 15 мая. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/302509-pochemu-oni-nenavidiat-detei-v-sotssetiakh-aktivizirovalos-dvizhenie-chajldkheiterov> (последний доступ: 27.11.2019); Игнатенко И. Виталий Милонов призвал обратить внимание на сообщества «чайлдфри» и «чайлдхейт» в социальных сетях // Вечерняя Москва. 2018. 20 ноября. URL: <https://vm.ru/news/345354-vitalij-milovon-prizval-obratit-vnimanie-na-soobshchestva-chajldfri-i-chajldhejt-v-socialnyh-setyah> (последний доступ: 27.11.2019).

организовывается вся жизнь семьи» [Вишневский, 1978: 93]. В этих условиях вопросы жестокого отношения к детям, а также дискурс о нежелании связывать собственную жизнь с родительством или тем более сожаление о подобном жизненном опыте — все это едва ли находит понимание в современном обществе [Curtis, 2013; Mullins, 2018].

Родители нежеланных детей

Здесь не менее важным будет заметить, что среди участников сообществ чайлдфри можно обнаружить немало людей, которые, родив одного ребенка, разочаровываются в своих ожиданиях и, не желая более заводить детей, также стремятся назвать себя чайлдфри. Сообщество же определяет их скорее в качестве «родителей» или «адекватных людей» (в противовес «овуляшкам» и «яжматерям»), при этом «настоящими» чайлдфри не являющихся. Так, администраторы крупных виртуальных чайлдфри-сообществ накладывают определенные ограничения, например, позволяющие только «настоящим» чайлдфри участвовать в призовых конкурсах. Одна из администраторов чайлдфри-сообщества в «Живом журнале» так рефлексировала по поводу его состава:

«<...> Удивительно, что очень много приходит детных. Тех, у кого уже есть один ребенок, а окружающие давят по поводу второго. Эти люди понимают то, о чем мы говорим, и не торопятся осуждать»⁴³.

Для данного явления используется понятие *reluctant parents* (пер. с англ. «неохотные родители» или «родители нежеланных детей»), обозначающее людей, которые идеальным числом детей, родившихся у них за всю жизнь, называют «ноль», хотя сами уже являются родителями. В одном из исследований, основанном на данных Евробарометра, отмечалось, что доля таких случаев чрезвычайно мала — ниже процента [Miettinen et al., 2015: 36]. Число ответов такого рода можно списать как на формулировку задаваемого вопроса, так и на фактор социального (не) одобрения. Более или менее точно определить масштабы явления сожаления о родительстве пока что едва ли представляется возможным.

Будучи табуированными культурой современных обществ, ситуации сожаления о родительстве не проговариваются, что создает психологически трудные условия для носителей статуса «неохотного родителя». Не случайно опубликованное несколько лет назад исследование израильского социолога Орны Донат [Donath, 2017] — в котором она, кажется, одной из первых дала голос женщинам, разочаровавшимся или даже сожалеющим об их родительском опыте, — породило большую дискуссию в Германии и других странах⁴⁴. Исследователи из США замечали, что сожаление о родительстве морально предосудительно, при этом предлагая отделять это в целом внутреннее психологическое состояние от внешних обстоятельств, которые так или иначе могли препятствовать успешному родительству (например, вынужденное жертвоприношение своих временных, материальных

⁴³ Родина Е. Добровольно бездетные // Огонек. 2006. 9 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2297306/> (последний доступ: 27.11.2019).

⁴⁴ Febvre C. After Israeli Study, 'Regretting Motherhood' Debate Rages in Germany. *The Times of Israel*. 2016. June 27. URL: <https://www.timesofisrael.com/after-israeli-study-regretting-motherhood-debate-rages-in-germany/> (последний доступ: 27.11.2019).

и прочих ресурсов, отсутствие и недостаточность вовлеченности партнера в практики воспитания и ухода, и т. д.) [Moore, Abetz, 2019]. Как отмечала в начале века Элис Белчер, культивирующаяся граница между женщинами-матерями и добровольно бездетными женщинами постепенно возымеет «все возрастающее значение для нового тысячелетия» [Belcher, 2000]. В частности, уже упомянутая ранее идеология «интенсивного материнства» [Исупова, 2018] выстраиванию этой границы всецело способствует: родительство начинает носить образ большого труда, который понравится и будет по зубам далеко не каждому. В этих условиях остаться бездетным является сравнительно более выгодной жизненной стратегией, нежели дать жизнь (возможно) нежеланному ребенку.

В современной России альтернативный публичный дискурс также все чаще касается вопросов нежеланного родительства, протестуя против засилья детоцентристской модели. Например, российский рэпер Noize MC (Иван Алексеев) в 2017 году вместе с певицей Монеточкой (Елизавета Гырдымова) выпустили ко Дню защиты детей клип на провокационную песню под названием «Чайлдфри». Несмотря на заглавие, текст композиции посвящен скорее остросоциальной проблеме нежеланных детей и безответственных родителей, а термин «чайлдфри» используется в значении «добровольной бездетности» в ее расширительной форме. Сам автор комментировал премьеру песни следующим образом:

«Огромное количество родителей фактически игнорируют своих детей, не пытаются найти с ними общий язык, не вникают в их интересы и проблемы, а когда потом случается абсолютно закономерный коллапс, виноваты оказываются музыканты с «неправильным репертуаром». <...> Многие современные родители вручают своим детям айпад с двухлетнего возраста и идут заниматься своими делами, а потом удивляются, что подростки подписываются на «паблики смерти»»^{45,46}.

Не удивительно, что представленная в песне достаточно критичная и прямая позиция вызвала дискуссию⁴⁷. Выход за пределы конвенциональной пронаталистской модели и порождаемого ею дискурса в поле альтернативных мнений моментально политизирует вопрос, казалось бы, индивидуального выбора.

Переопределяя концептуальное поле

Итак, не каждый человек, добровольно отказывающийся от рождения детей, является чайлдфри.

ЧАЙЛДФРИ ≠ ДОБРОВОЛЬНО БЕЗДЕТНЫЙ

Это может быть объяснено как его собственной идентификацией, так и его непринадлежностью к сообществу чайлдфри. Соответственно, и явление добровольной бездетности невозможно в полной мере приравнять к явлению чайлдфри, и наоборот.

⁴⁵ Подразумевается дискуссия о якобы существующей в социальной сети «ВКонтакте» секте, причастной к самоубийствам подростков в России. Триггером дискуссии послужила статья «Группы смерти» обозревателя «Новой газеты» Г. Мурсалиевой. Подробнее см. [Архипова** и др., 2017].

⁴⁶ Никитин А. Noize MC приурочил ко Дню защиты детей клип «Чайлдфри» // Афиша Daily. 2017. 1 июня. URL: <https://daily.afisha.ru/news/8708-noize-mc-priurochil-k-dnyu-zaschity-detey-klip-chayldfri/> (последний доступ: 27.11.2019).

⁴⁷ Козлова Н. Спели под протокол. Следователи поищут нарушения закона в песне Монеточки и Noize MC // Российская газета. 2018. 3 октября. URL: <https://rg.ru/2018/10/03/sledovately-poslushaiut-pesniu-monetochki-i-repera-noize-mc.html> (последний доступ: 27.11.2019).

Здесь и далее: ** 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

ЧАЙЛДФРИ ≠ ДОБРОВОЛЬНАЯ БЕЗДЕТНОСТЬ (уз.)

Меж тем, чайлдфри включены в общий смысл добровольной бездетности (в ее расширительном значении как одной из стратегий репродуктивного поведения человека): они лишь одно из ее проявлений, и стоит отметить — одно из самых ярких проявлений.

Добровольная бездетность в расширительном понимании полностью включает в себя добровольную бездетность в узком смысле (то есть индивидов, позиционирующих себя через фразу «я просто не хочу иметь детей» и не объединяющихся в те или иные сообщества, не высказывающих эту позицию вовне), а также частично включает концепт «чайлдфри»: для них обоих добровольная бездетность в расширительном понимании является ключевым элементом. Тем не менее дополнительные характеристики «чайлдфри» остаются за пределом поля добровольной бездетности в ее расширительном понимании (рис. 2).

ДОБРОВОЛЬНАЯ БЕЗДЕТНОСТЬ (уз.) \subset ДОБРОВОЛЬНАЯ БЕЗДЕТНОСТЬ (шир.)
 ЧАЙЛДФРИ \cap ДОБРОВОЛЬНАЯ БЕЗДЕТНОСТЬ (шир.)

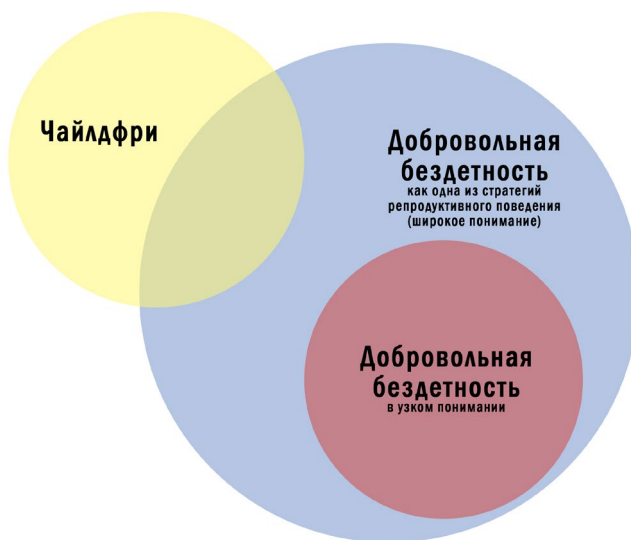

Рис. 2. Соотношение концептов «добровольная бездетность» в узком и расширительном понимании, а также «чайлдфри»

Определяя два этих явления, можно сказать, что *чайлдфри* — это система взглядов, центральной идеей которой является добровольный и осознанный выбор в пользу отказа от рождения детей и которая подразумевает наличие идентичности, связывающей и ограничивающей круг единомышленников по вопросу о репродуктивном выборе. В свою очередь, добровольная бездетность — репродуктивная стратегия человека, выраженная в добровольном отказе от заведения детей в силу некоторых эмоциональных причин, не связанных с фертильностью.

В Таблице 1 мы также приводим список основных терминов, упомянутых нами, их эквиваленты и определения.

Таблица 1. Список основных терминов, их русскоязычных эквивалентов и определений

Оригинальное наименование	Перевод/транслитерация в русском языке	Определение
Childfree	Чайлдфри	Человек, близкий к одноименному сообществу людей, осознанно выбравших отказ от заведения детей в качестве собственной репродуктивной стратегии, рассматривающих этот выбор как часть собственной идентичности и, возможно, отстаивающих свои социально-политические права на него
Voluntarily childless	Добровольно бездетный	Человек, добровольно и в силу некоторых эмоциональных причин, не связанных с infertility, принявший решение остаться бездетным
Intentionally childless	Сознательно бездетный	Человек, осознанно и в силу некоторых рациональных причин, не связанных с infertility, принявший решение остаться бездетным
Intended childless	Намеренно бездетный	Человек, который не имеет детей и утверждает, что не намеревается, однако при ответе на вопрос об идеальном числе детей, родившихся у него за всю жизнь, называют число, отличное от нуля
Reluctant parents	Неохотные родители, родители нежеланных детей, сожалеющие о родительстве	Человек, который идеальным числом детей, родившихся у него за всю жизнь, называет для себя «ноль», хотя сам уже является родителем
Childhate	Чайлдхейт (детоненавистник)	Термин, используемый в русскоязычном дискурсе для определения людей, испытывающих исключительно негативные чувства к детям и атрибутам, связанным с вынашиванием, рождением и/или воспитанием детей

Заключение

В данном эссе мы стремились показать заинтересованному читателю, что семантика исследуемого поля добровольной бездетности сложна и нестабильна, а потому принимающемуся за работу исследователю — как «качественнику», так и «количественнику» — следует быть особенно внимательным при сборе данных. В русскоязычном контексте особенно усложняет эту работу понятие «чайлдфри», которое, как губка, впитывает в себя самые разнообразные смыслы: даже не задумываясь о том, что может быть совершена грубая ошибка, в содержание этого понятия часто включают всех, кто добровольно отказывается от рождения детей. Как результат, «чайлдфри» становится крайне широким и размытым концептом, который каждым понимается по-разному. Исходя из этого, вопрос о грамотной

категоризации добровольно бездетных важно учитывать не только на уровне анализа данных, но и при сборе эмпирического материала, уделяя внимание индивидуальным особенностям и интенциям информантов и не описывая все сообщество через общий маркер «чайлдфри». Авторское исследование на пересечении социологии семьи и политической науки позволило высветить особенность, которая не была до конца очевидной ряду отечественных исследователей: то, что ранее определялось как «чайлдфри», на самом деле описывается термином «добровольная бездетность».

Таким образом, в этой работе мы стремились ориентировать исследователей не-родительства на последовательное, осознанное и соответствующее изучаемому контексту использование упомянутых терминов, принимая во внимание намеченные точки различия между смысловым содержанием понятий. Демаркация семантических границ базовых концептов исследовательского поля критически важна — особенно в локальных контекстах, не всегда корректно воспринимающих концептуальный аппарат, долгие годы формировавшийся в иной языковой и культурной средах. Отсюда же возникает и определенное ограничение: фокусированность основной массы исследований на выборках развитых стран с главенствующей постматериальной культурой ограничивает пределы их использования в отличающихся контекстах, коим является российский контекст. Так, помимо сглаживания различий и сложностей существует опасность генерализации выводов на группы, постоянно проживающие в иных социокультурных условиях.

Мы настоятельно рекомендуем в дальнейшем при изучении явления не-родительства использовать термин «добровольно бездетные», в то время как «чайлдфри» в качестве научной категории сохраняет свою актуальность только для более узкой группы, но никак не в качестве зонтичного понятия.

Также важно понимать, что как социальные исследователи мы получаем от информантов данные об их позициях исключительно на момент проведения интервью. Вполне реально помыслить, что в течение нескольких лет установки того или иного информанта могут существенно измениться. Так, для лучшего понимания явления добровольной бездетности, безусловно, необходимо проводить панельные исследования, к чему в ближайшем будущем автор данной статьи собирается обратиться. Как подсказывают коллеги [Lynch et al., 2018: 34], будущее исследований добровольной бездетности лежит в плоскости качественного и смешанного исследовательских дизайнов, а также критической социальной теории и феминистского анализа как теоретических рамок.

Исследовательские перспективы российского поля добровольной бездетности по-прежнему велики, несмотря на то что последнее по большей части сконцентрировано в онлайн: оно интересно, молодо и по-своему уникально. Российские исследовательские работы часто рассматривают данное явление через призму «феномена», «субкультуры» или «идеологии», лишь изредка выходя на эмпирически подтвержденные объяснения выбора такого образа жизни или последствия его опубличивания, что, вообще говоря, является трендом в мировой науке [ibid.: 28—29]. Со стороны концептологических исследований перспективным видится изучение словоупотреблений корпусными методами для более четкой проработки вопросов, поднятых в данном эссе.

Большее внимание следует уделять изучению мужского опыта бездетности, в том числе и добровольной, так как это поле по-прежнему (в том числе и за рубежом) остается слабо исследованным [Gray, Evans, Reimondos, 2013; Keizer, Dykstra, Poortman, 2010; Nisen et al., 2014]: женщины стабильно занимают большую часть выборок в таких исследованиях. В свою очередь, тренд по изучению родителей, сожалеющих о рождении детей, также имеет далеко идущие перспективы.

Помимо всего сказанного, важно уделять особое внимание тем причинам, по которым белые гетеросексуальные женщины (и пары) среднего класса принимают решение о заведении детей [Morison, 2013]. К сожалению, эвристическая ценность такого фокуса по-прежнему недооценивается, и достаточно многочисленные по своему численному составу социально привилегированные группы выпадают из анализа. Как следствие — их трудно сопоставлять с аттитюдами, выраженными в нарративах меньшинств. Частью последних являются и бездетные люди (как добровольно, так и вынужденно), которые часто представлялись как некоторое отклонение от социокультурно обусловленной нормы. Так, следует избавляться от пронатализма и гетеронормативности в исследованиях добровольной бездетности, поскольку на данный момент первые могут существенно деформировать реально имеющуюся картину. При этом также важно помнить, что исследование всегда несет в себе тот или иной идеологический заряд места и конкретного исторического периода, в который знание было произведено.

Список литературы (References)

Архипова А.**, Волкова М., Кирзюк А., Малая Е., Радченко Д., Югай Е. «Группы смерти»: от игры к моральной панике. М.: Школа актуальных гуманитарных исследований, 2017. <http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2017/1493324735929662.pdf>.

Arkhipova A.**, Volkova M., Kirzyuk A., Malaya E., Radchenko D., Yugay E. (2017) «Death Groups»: From Game to Moral Panic. Moscow: School of Advanced Studies in the Humanities. <http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2017/1493324735929662.pdf>. (In Russ.)

Вишневский А. Г. Россия перед демографическим выбором: выступления и интервью. М.: Издательский дом ГУ — ВШЭ, 2007.

Vishnevsky A. G. (2007) Russia in the Face of Demographic Challenges: Speeches and Interviews. Moscow: State University — Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Вишневский А. Г. Социальное управление рождаемостью // Вопросы философии. 1978. № 6. С. 85—100.

Vishnevsky A. G. (1978) Social Birth Control. *Problems of Philosophy*. No. 6. P. 85—100. (In Russ.)

Горбачев Н. Производство нормативности в дискурсе запрета «пропаганды гомосексуализма» // На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований / ред.-сост. А. А. Кондаков. СПб., 2014. С. 86—100.

Gorbachev N. (2014) Normativity Production in the Discourse around the Ban on «Homosexual Propaganda». In: Kondakov A. A. (ed.) *On the Crossroads: Methodology, Theory and Practice of LGBT and Queer Studies*. Saint Petersburg. P. 86—100. (In Russ.)

Гурко Т. А. О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 33—52.

Gurko T. A. (2013) The Concept of Government Family Policy of Russian Federation over a Period 2025: Suggestions for Improvement. *Sociological Science and Social Practice*. No. 3. P. 33—52. (In Russ.)

Гусейнов А. А. Этика доброй воли // Кант И. Лекции по этике. М. : Республика, 2000. С. 5—36.

Guseynov A. A. (2000) Ethics of the Good Will. In: Kant I. *Lectures of Ethics*. Moscow: Respublika. P. 5—36. (In Russ.)

Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. А. Г. Вишневого. М. : Новое издательство, 2006.

Vishnevsky A. G. (ed.) (2006) Demographic Modernization of Russia, 1900—2000. Moscow: Novoye Izdatelstvo. (In Russ.)

Журавлев О. Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011—2012 // Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011—2013 годов. М. : Новое литературное обозрение, 2015. С. 27—70.

Zhuravlev O. (2015) Inertia of post-Soviet Depoliticization and Politicization of 2011—2012. In: *The Politics of the Apolitical: Civic Movements in Russia, 2011—2013*. Moscow: New Literary Observer. P. 27—70. (In Russ.)

Исупова О. Г. «Чайлдфри», или добровольная бездетность // Демоскоп Weekly. 2010. № 427—428. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender01.php/>.

Isupova O. G. (2010) «Childfree», or Voluntary Childlessness. *Demoscope Weekly*. No. 427—428. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender01.php/>. (In Russ.)

Исупова О. Г. Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении // Неприкосновенный запас. 2018. № 119. С. 180—189.

Isupova O. G. (2018) Intensive Motherhood in Russia: Mothers, Daughters and Sons in School Years' Growing Up. *Emergency Ration*. No. 119. P. 180—189. (In Russ.)

Исупова О. Г. Право хотеть слишком сильно: биотехнологии и репродуктивные желания // Демоскоп Weekly. 2011. № 453—454. <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0453/analit02.php>.

Isupova O. G. The Right to Have a Strong Desire: Biotechnologies and Reproductive Desires. *Demoscope Weekly*. No. 453—454. <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0453/analit02.php>. (In Russ.)

Калверт К. Дети в доме. Материальная культура раннего детства. 1600—1900. М. : Новое литературное обозрение, 2009.

Calvert K. (1992) Children in the House: The Material Culture of Early Childhood, 1600—1900. Boston: Northeastern University Press.

Kim N. V. Женщина в семье: репрезентация семейной политики в российских СМИ до и после 2006 г. // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 1. С. 64—74. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.1.6>.

Kim N. V. (2017) Woman in the Family: Family Policy Representation in Russian Media before and after 2006. *Woman in Russian Society*. No. 1. P. 64—74. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.1.6>. (In Russ.)

Кон И. С. Бить или не бить? М. : Время, 2012а.

Kon I. S. (2012a) To Beat or Not to Beat. Moscow: Vremya. (In Russ.)

Кон И. С. Телесные наказания девочек и мальчиков в России XX — начала XXI в.: повседневные практики и общественное мнение // *Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI — XXI вв.) : коллективная монография / общ. ред. и сост. М. Г. Муравьевой, Н. Л. Пушкаревой*. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012б. С. 164—196.

Kon I. S. (2012b) Corporal Punishment of Girls and Boys in Russia in the XIXth — Early XXI Centuries: Everyday Practices and Public Opinion. In: Muravyeva M. G., Pushkareva N. L. (eds.) *Everyday Violence in the History of Russian Everyday Life, XI — XXI Centuries*. Saint Petersburg: EUSP Press. P. 164—196. (In Russ.)

Кон И. С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011. Т. XIV. № 1. С. 51—65.

Kon I. S. (2011) Three in One: Sexual, Gender and Family Revolutions. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XIV. No. 1. P. 51—65. (In Russ.)

Кузьмина Е. В. Сообщества в Живом журнале — новые коммуникативные возможности для субкультурных групп и общественных инициатив // *Журнал исследований социальной политики*. 2011. Т. 9. № 3. С. 365—390.

Kuzmina E. V. (2011) Communities in Live Journal — New Communication Opportunities for Subcultural Groups and Public Initiatives: From Cultural Products Exchange to Social Problems Discussion. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 9. No. 3. P. 365—390. (In Russ.)

Лебина Н. Мужчина и женщина: Тело, мода, культура. М. : Новое литературное обозрение, 2014.

Lebina N. (2014) Man and Woman: Body, Fashion and Culture. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)

Ломакин И. В. Миграция идей: концепт «чайлдфри» в англоязычном и русскоязычном научных дискурсах // *Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: Материалы XII международной научной конференции : в 2 ч. / отв. ред.: Н. Л. Пушкарева, И. О. Дементьев, М. Г. Шендерюк*. Ч. 2. М. : ИЭА РАН, 2019. С. 113—115.

Lomakin I. V. (2019) Migration of Ideas: Concept «Childfree» in English and Russian Speaking Academic Discourses. In: Pushkareva N. L., Dementyev I. O., Shenderyuk M. G. (eds.) *Men and Women in Migration in the Past and Today*. Vol. 2. Moscow: Institute for Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. P. 113—115. (In Russ.)

Ломакин И. В. Не-родительство в России: Добровольная бездетность в (био)политическом контексте // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур : Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН : в 2 т. / отв. ред.: Н. Л. Пушкарева, Н. А. Мицюк. Т. 2. М. : ИЭА РАН; Смоленск: Издательство СмолГУ, 2016. С. 40—43.

Lomakin I. V. (2016) Non-Parenthood in Russia: Voluntary Childlessness in (Bio)Political Context. In: Pushkareva N. L., Mitsyuk N. A. *Motherhood and Fatherhood through the Prism of Time and Cultures*. Moscow: Institute for Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences; Smolensk: Smolensk State University Publishing House. P. 40—43. (In Russ.)

Ломакин И. В. О семантике некоторых базовых понятий в современных исследованиях не-родительства // Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии», 18—19 апреля 2018 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. М. : АО «ВЦИОМ», 2018а. С. 317—321.

Lomakin I. V. (2018a) On the Semantics of Several Basic Concepts in Contemporary Research on Non-Parenthood. In: Kuleshova A. V. (ed.) *Materials of the VIII International Sociological Grushin Conference «Sociologist 2.0: Transformation of the Profession»*. Moscow: VCIOM. P. 317—321. (In Russ.)

Ломакин И. В. Что мы имеем в виду на самом деле, когда говорим о «чайлдфри»? // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV—XXI веков. Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4—7 октября 2018 г., Нижний Новгород : в 2 т. / отв. ред.: Н. Л. Пушкарева, Н. Э. Гронская, Н. К. Радина. Т. 1. М. : ИЭА РАН, 2018b. С. 225—228.

Lomakin I. V. (2018b) What do We Actually Mean When We Talk about «Childfree»? In: Pushkareva N. L., Gronskaya N. E., Radina N. K. (eds.) *Townswomen and Townsman in the Political, Economic and Cultural Processes of the Russian Urbanization of the XIV—XXI Centuries*. Vol. 1. Moscow: Institute for Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. P. 225—228. (In Russ.)

Мальтус Т. Р. Опыт закона о народонаселении. М. : Издание К. Т. Солдатенкова, 1895.

Malthus T. R. (1798) *An Essay on the Principle of Population*. London: J. Johnson in St Paul's Church-yard.

Михель Д. В. Власть, управление, население: Возможная археология социальной политики Мишеля Фуко // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1. С. 92—106.

Mikhel D. V. (2003) Power, Governance, The Population: A Possible Archeology of Social Policy by Michel Foucault. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 1. No. 1. P. 92—106. (In Russ.)

Михель Д. В. Общество перед проблемой инфантицида: история, теория, политика // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 4. С. 439—458.

Mikhel D. V. (2007) Society in the Face of Infanticide: History, Theory, Policy. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 5. No. 4. P. 439—458. (In Russ.)

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : ООО «А ТЕМП», 2006.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (2006) Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80000 Words and Phraseological Expressions. Moscow: A TEMP Publications. (In Russ.)

Печерская Н. В. Мифология родительства: анализ дискурсивного производства идеальной семьи // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 323—342.

Pecherskaya N. V. (2012) Mythology of Parenthood: Analysis of Discourse Construction of Ideal Family. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 10. No. 3. P. 323—342. (In Russ.)

Печерская Н. В. Перспективы российской семейной политики: принуждение к традиции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4. С. 94—105.

Pecherskaya N. V. (2013) The Prospects of Russian Family Policy: Coercing into Tradition. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XVI. No. 4. P. 94—105. (In Russ.)

Радина Н. К. Независимые медиа и инициативы государственной семейной политики на этапе «пронаталистского поворота» // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 2. С. 295—310. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-2-295-310>.

Radina N. K. (2018) Independent Media and Initiatives in State Family Policy during the 'Pronatalist Turn'. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 16. No. 2. P. 295—310. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2018-16-2-295-310>. (In Russ.)

Рыбаковский Л. Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 49—59.

Rybakovsky L. L. (2012) Demographic Challenges: What Awaits Russia? *Sociological Studies*. No. 8. P. 49—59. (In Russ.)

Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М. : Магистериум, Касталь, 1996.

Foucault M. (1996) A Will to Know. Beyond Power, Knowledge and Sexuality. Moscow: Magisterium, Kastal. (In Russ.)

Чернова Ж. В. Незавершенная гендерная революция // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 222—242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.10>.

Chernova Zh.V. (2019) The Unfinished Gender Revolution. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 222—242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.10>. (In Russ.)

Чернова Ж. В. Семейная политика современной России: гендерный анализ и оценки эффективности // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 44—51.

Chernova Zh.V. (2011) Family Policy in Contemporary Russia: Gender Analysis and Evaluations of Effectiveness. *Woman in Russian Society*. No. 3. P. 44—51. (In Russ.)

Чернова Ж. В. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Chernova Zh.V. (2013) Family as a Political Issue: State Project and Practices of Privacy. Saint Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Чутков С. С. Морфологический анализ идеологии М. Фридена // Политическая концептология : Журнал междисциплинарных исследований. 2017. № 2. С. 211—220.
Chutkov S. S. (2017) M. Freedon's Morphological Analysis of Ideologies. *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*. No. 2. P. 211—220. (In Russ.)

Шадрина А. Не замужем: Секс, любовь и семья за пределами брака. М. : Новое литературное обозрение, 2014.

Shadrina A. (2014) Not Married: Sex, Love and Family beyond Marriage. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)

Эсиг Л. «Сердца геев надо зарывать в землю»: размышления об охоте на гомосексуалов в России // На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований / ред.-сост. А. А. Кондаков. СПб., 2014. С. 3—23.

Essig L. (2014) «Bury Their Hearts»: Some Thoughts on the Specter of Homosexuality Haunting Russia. In: Kondakov A. A. (ed.) *On the Crossroads: Methodology, Theory and Practice of LGBT and Queer Studies*. Saint Petersburg. P. 3—23. (In Russ.)

Ярская-Смирнова Е. Р. «Да-да, я вас помню, вы же у нас неблагополучная семья!» Дискурсивное оформление современной российской семейной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 14—25.

Yarskaya-Smirnova E.R. (2010) «Yes-yes, I Remember You! You are Our Unfortunate Family!» Discourse Formation of Contemporary Family Policy in Russia. *Woman in Russian Society*. No. 2. P. 14—25. (In Russ.)

Abuelnaga Sh. (2018) I'm Not a Mother, Therefore I Don't Exist. *Kohl: A Journal for Body and Gender Research*. Vol. 4. No. 2. P. 197—204.

Agrillo C., Nelini C. (2008) Childfree by Choice: A Review. *Journal of Cultural Geography*. Vol. 25. No. 3. P. 347—363. <https://doi.org/10.1080/08873630802476292>.

Barnett L. D. (1971) Zero Population Growth, Inc. *BioScience*. Vol. 21. No. 14. P. 759—765. <https://doi.org/10.2307/1295945>.

Barnett L. D. (1974) Zero Population Growth, Inc.: A Second Study. *Journal of Biosocial Science*. Vol. 6. No. 1. P. 1—22. <https://doi.org/10.1017/S0021932000009470>.

Barnett L. D., MacDonald R.H. (1976) A Study of the Membership of the National Organization for Non-Parents. *Social Biology*. Vol. 23. No. 4. P. 297—310. <https://doi.org/10.1080/19485565.1976.9988244>.

Barnett L. D., MacDonald R.H. (1986) Value Structure of Social Movement Members: A New Perspective on the Voluntarily Childless. *Social Behavior & Personality: An International Journal*. Vol. 14. No. 2. P. 149—159. <https://doi.org/10.2224/sbp.1986.14.2.149>.

Basten S. (2009) Voluntary Childlessness and Being Childfree. The Future of Human Reproduction: Working Paper No. 5. Oxford: University of Oxford; Vienna: Vienna Institute of Demography, Austrian Academy of Science.

Basten S., Frejka T., Abolina L., Abuladze L., Aksyonova S., Akrap A., Antipova E., Bobic M., Čipin I., Fakeyeva L., Foldes I., Jasilioniene A., Kostova D., Kotowska I., Krimer B., von der Lippe E., Kurylo I., Maslauskaite A., Mikolaj J., Muresan C., Petar V., Potančoková M., Pronko T., Puur A., Rasevic M., Rybińska A., Sakkeus L., Sambt J., Sobotka T., Šprocha B., Stankuniene V., Šťastná A., Strmota M., Stropnik N., Tymicki K., Vishnevsky A., Zakharov S., Zeman K., Zvidrins P. (2015) Fertility and Family Policies in Central and Eastern Europe after 1990. *Barnet Papers in Social Research*. Oxford. Working Paper No. 15—01. URL: https://www.spi.ox.ac.uk/sites/default/files/150306_Barnett_Paper_15-01.pdf (accessed 15.12.2019).

Belcher A. (2000) The Not-Mother Puzzle. *Social & Legal Studies*. Vol. 9. No. 4. P. 539—556. <https://doi.org/10.1177/096466390000900404>.

Berrington A. (2017) Childlessness in the UK. In: Kreyenfeld M. R., Konietzka D. (eds.) *Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences*. Dordrecht: SpringerOpen. P. 57—76. https://doi.org/10.1007/978-3-319-44667-7_3.

Blackstone A. (2014) Doing Family without Having Kids. *Sociology Compass*. Vol. 8. No. 1. P. 52—62. <https://doi.org/10.1111/soc4.12102>.

Blackstone A. (2019) *Childfree by Choice. The Movement Redefining Family & Creating New Age of Independence*. New York: Dutton.

Chancey L., Dumais S. A. (2009) Voluntary Childlessness in Marriage and Family Textbooks, 1950—2000. *Journal of Family History*. Vol. 34. No. 2. P. 206—223. <https://doi.org/10.1177/0363199008330733>.

Chernova Zh. (2012) New Pronatalism? Family Policy in Post-Soviet Russia. *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. Vol. 1. No. 1. P. 75—92. <https://doi.org/10.1353/reg.2012.0010>.

Coontz S., Parson M., Raley G. (2008) *American Families: A Multicultural Reader*. New York: Routledge.

Curtis J. M. (2013) 'We Have a Great Task Ahead of Us!' Child-Hate in Roald Dahl's 'The Witches'. *Children's Literature in Education*. Vol. 45. No. 2. P. 166—177. <https://doi.org/10.1007/s10583-013-9207-6>.

Daugherty J., Jackson R. L. (2017) Identity Politics. In: Kim Y. Y. (ed.) *The International Encyclopedia of Intercultural Communication*. Hoboken, NJ: Wiley—Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781118783665.ieicc0222>.

deMause L. (1975) The Evolution of Childhood. In: deMause L. (ed.) *The History of Childhood*. New York: Harper & Row Publishers. P. 1—74.

Donath O. (2017) *Regretting Motherhood: A Study*. Berkeley, CA: North Atlantic Books.

- Dunn P.P. (1975) «That Enemy Is the Baby»: Childhood in Imperial Russia. In: deMause L. (ed.) *The History of Childhood*. New York: Harper & Row Publishers. P. 383—406.
- Ehrlich P.R. (1968) *The Population Bomb*. New York: Ballantine Books.
- Fábián K., Korolczuk E. (eds.) (2017) *Rebellious Parents: Parental Movements in Central-Eastern Europe and Russia*. Indianapolis, IN: Indiana University Press.
- Freed A.F. (2015) Pro-Choice and Pro-Life. In: Whelehan P., Bolin A. (eds.) *The International Encyclopedia of Human Sexuality*. Hoboken, NJ: Wiley — Blackwell. P. 996—998. <https://doi.org/10.1002/9781118896877.wbiehs376>.
- Gladarev B. (2016) Attempts to Overcome ‘Public Aphasia’: An Analysis of Public Discussions in Russia at the Beginning of the Twenty-First Century. In: Vakhtin N., Firsov B. (eds.) *Public Debate in Russia: Matters of (Dis)order*. Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 167—205.
- Gray E., Evans A., Reimondos A. (2013) Childbearing Desires of Childless Men and Women: When are Goals Adjusted? *Advances in Life Course Research*. Vol. 18. No. 2. P. 141—149. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2012.09.003>.
- Hall S. (2011) *American Patriotism, American Protest: Social Movements since the Sixties*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.
- Healey J. (2016) Rejecting Reproduction: The National Organization for Non-Parents and Childfree Activism in 1970s America. *Journal of Women’s History*. Vol. 28. No. 1. P. 131—156. <https://doi.org/10.1353/jowh.2016.0008>.
- Heywood C. (2018) *A History of Childhood: Children and Childhood in the West from Medieval to Modern Times*. Cambridge: Polity Press.
- Höjdestrand T. (2016) Social Welfare or Moral Warfare? Popular Resistance against Children’s Rights and Juvenile Justice in Contemporary Russia. *International Journal of Children’s Rights*. Vol. 24. No. 4. P. 826—850. <https://doi.org/10.1163/15718182-02404007>.
- Höjdestrand T. (2017) Nationalism and Civicness in Russia: Grassroots Mobilization in Defense of ‘Family Values’. In: Fábián K., Korolczuk E. (eds.) *Rebellious Parents: Parental Movements in Central-Eastern Europe and Russia*. Indianapolis, IN: Indiana University Press. P. 31—60.
- Inglehart R. (1977) *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Keizer R., Dykstra P.A., Poortman A.-R. (2010) Life Outcomes of Childless Men and Fathers. *European Sociological Review*. Vol. 26. No. 1. P. 1—15. <https://doi.org/10.1093/esr/jcn080>.
- Kondakov A. (2019) The Censorship «Propaganda» Legislation in Russia. In: *State-Sponsored Homophobia*. Geneva: ILGA-Europe. P. 213—215. https://ilga.org/downloads/ILGA_State_Sponsored_Homophobia_2019.pdf#page=213.

Kreyenfeld M. R., Konietzka D. (2017) Analyzing Childlessness. In: Kreyenfeld M. R., Konietzka D. (eds.) *Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences*. Dordrecht: SpringerOpen. P. 3—15. https://doi.org/10.1007/978-3-319-44667-7_1.

Lincoln R., Kaeser L. (1988) Whatever Happened to the Contraceptive Revolution? *Family Planning Perspectives*. Vol. 20. No. 1. P. 20—24. <https://doi.org/10.2307/2135593>.

Lynch I., Morison T., Macleod C. I., Mijas M., du Toit R., Seemanthini S. (2018) From Deviant Choice to Feminist Issue: An Historical Analysis of Scholarship on Voluntary Childlessness (1920—2013). In: Sappleton N. (ed.) *Voluntary and Involuntary Childlessness: The Joys of Otherhood?* Bingley: Emerald Publishing Limited. P. 11—47. <https://doi.org/10.1108/978-1-78754-361-420181002>.

Makarychev A. (2018) Beyond Geopolitics: Russian Soft Power, Conservatism, and Biopolitics. *Russian Politics*. Vol. 3. No. 1. P. 135—150. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00301007>.

Makarychev A., Medvedev S. (2015) Biopolitics and Power in Putin's Russia. *Problems of Post-Communism*. Vol. 62. No. 1. P. 45—54. <https://doi.org/10.1080/10758216.2015.1002340>.

Michalos A. C. (ed.) (2014) *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Dordrecht: Springer.

Miettinen A., Rotkirch A., Szalma I., Donno A., Tanturri M.-L. (2015) Increasing Childlessness in Europe: Time Trends and Country Differences. *Families and Societies*. Working Paper Series. No. 33. <http://www.familiesandsocieties.eu/wp-content/uploads/2015/03/WP33MiettinenEtAl2015.pdf>.

Mollen D. (2006) Voluntarily Childfree Women: Experiences and Counseling Considerations. *Journal of Mental Health Counseling*. Vol. 28. No. 3. P. 269—282. <https://doi.org/10.17744/mehc.28.3.39w5h93mreb0mk4f>.

Moore J., Abetz J. S. (2019) What Do Parents Regret About Having Children? Communicating Regrets Online. *Journal of Family Issues*. Vol. 40. No. 3. P. 390—412. <https://doi.org/10.1177/0192513X18811388>.

Morison T. (2013) Heterosexual Men and Parenthood Decision Making in South Africa: Attending to the Invisible Norm. *Journal of Family Issues*. Vol. 34. No. 8. P. 1125—1144. <https://doi.org/10.1177/0192513X13484271>.

Mullins A. (2018) 'Join the Club' or 'Don't Have Kids'? Exploring Contradictory Experiences, Pressures and Encouragement to Have Children in Pronatalist Social Fields. In: Sappleton N. (ed.) *Voluntary and Involuntary Childlessness: The Joys of Otherhood?* Bingley: Emerald Publishing Limited. P. 147—170. <https://doi.org/10.1108/978-1-78754-361-420181006>.

Nisen J., Martikainen P., Silventoinen K., Myrskylä M. (2014) Age-Specific Fertility by Educational Level in the Finnish Male Cohort Born 1940—50. *Demographic Research*. Vol. 31. No. 5. P. 119—136. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2014.31.5>.

Pankhurst J. G. (1982) Childless and One-Child Families in the Soviet Union. *Journal of Family Issues*. Vol. 3. No. 4. P. 493—515. <https://doi.org/10.1177/019251382003004005>.

Peck E. (1971) *The Baby Trap*. New York: B. Geis Associates.

Peck E., Senderowitz J. (eds.) (1974) *Pronatalism: The Myth of Mom & Apple Pie*. New York: Thomas Y. Crowell.

Popenoe P. (1936) Motivation of Childless Marriages. *Journal of Heredity*. Vol. 27. No. 12. P. 469—472. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.jhered.a104164>.

Rivkin-Fish M. (2006) From «Demographic Crisis» to «Dying Nation»: the Politics of Language and Reproduction in Russia. In: Goscilo A., Lanoux H. (eds.) *Gender and National Identity in Twentieth-Century Russian Culture*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press. P. 151—173.

Rivkin-Fish M. (2010) Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia. *Slavic Review*. Vol. 69. No. 3. P. 701—724. <https://doi.org/10.1017/S0037677900012201>.

Ross L. J., Solinger R. (2017) *Reproductive Justice: An Introduction*. Berkeley, CA: University of California Press.

Roy R. N., Schumm W. R., Britt S. L. (2014) *Transition to Parenthood*. New York: Springer.

Self R. O. (2012) *All in the Family: The Realignment of American Democracy since the 1960s*. New York: Hill and Wang.

Shapiro G. (2014) Voluntary Childlessness: A Critical Review of the Literature. *Studies in the Maternal*. Vol. 6. No. 1. P. 1—15. <http://doi.org/10.16995/sim.9>.

Sokolov B., Inglehart R. F., Ponarin E., Vartanova I., Zimmerman W. (2018) Disillusionment and anti-Americanism in Russia: From pro-American to anti-American attitudes, 1993—2009. *International Studies Quarterly*. Vol. 62. No. 3. P. 534—547. <https://doi.org/10.1093/isq/sqy013>.

Stella F., Nartova N. (2016) Sexual Citizenship, Nationalism and Biopolitics in Putin's Russia. In: Stella F., Taylor Y., Reynolds T., Rogers A. (eds.) *Sexuality, Citizenship and Belonging: Trans-National and Intersectional Perspectives*. London: Routledge. P. 17—36.

Storr J. (2010) Identity Politics. In: Jackson R. L., Hogg M. A. (eds.) *Encyclopedia of Identity*. Thousand Oaks, CA: SAGE. P. 367—369.

Tolkachev D. S., Vasileva V. M. (2019) Social Landscapes: A Conservative Turn for Russian Gender and Sexuality Education. In: Jones T., Coll L., van Leent L., Taylor Y. (eds.) *Uplifting Gender and Sexuality Education Research*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 15—46. http://doi.org/10.1007/978-3-030-24205-3_2.

Trappe H. (2017) Assisted Reproductive Technologies in Germany: A Review of the Current Situation. In: Kreyenfeld M. R., Konietzka D. (eds.) *Childlessness in Europe*:

Contexts, Causes, and Consequences. Dordrecht: SpringerOpen. P. 269—288. https://doi.org/10.1007/978-3-319-44667-7_13.

Underhill L. D. (1977) 'Childfree' Semantics. *Science News*. Vol. 111. No. 20. P. 307.

Veevers J. E. (1973) Voluntary Childlessness: A Neglected Area of Family Study. *The Family Coordinator*. Vol. 22. No. 2. P. 199—205. <https://doi.org/10.2307/582108>.

Veevers J. E. (1979) Voluntary Childlessness: A Review of Issues and Evidence. *Marriage & Family Review*. Vol. 2. No. 2. P. 1—26. https://doi.org/10.1300/J002v02n02_01.

Veevers J. E. (1980) *Childless by Choice*. Toronto: Butterworths.

Yatsyk A. (2019) Biopolitical Conservatism in Europe and Beyond: the Cases of Identity-Making Projects in Poland and Russia. *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 27. No. 4. P. 463—478. <https://doi.org/10.1080/14782804.2019.1651699>.

Zaretsky N. (2007) *No Direction Home: The American Family and the Fear of National Decline, 1968—1980*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Zelizer V. A. (1985) *Pricing the Priceless Child*. New York: Basic Books.

Приложение. Список информантов

География информантов охватывает два российских мегаполиса — Москву и Санкт-Петербург, — однако основная масса информантов проживает в Москве и Московской области. Согласно принципу конфиденциальности, имена участников исследования были изменены. Для информантов № 3 и № 4, в соответствии с их пожеланиями, указаны их реальные имена.

Статус «чайлдфри» давался информантам, которые беспрепятственно принимали на себя данную идентичность. Как правило, это были информанты, рекрутированные из специализированных групп «чайлдфри» в социальной сети «ВКонтакте», и в первую очередь это администраторы данных сообществ. Информанты, которые самостоятельно представляли себя в качестве «чайлдхейт», маркировались соответствующим образом. «Добровольно бездетными» квалифицировались информанты, для которых статус «чайлдфри» был либо обременительным, либо синонимичным простому нежеланию иметь собственных детей. Какая-либо политическая активность по поводу их репродуктивного выбора отвергалась или представлялась невозможной. «Намеренно бездетными» (intended childless) обозначались те информанты, которые идеальным числом детей, родившихся у них за всю жизнь, называли число, отличное от нуля. Информанты, идентифицировавшие себя как «чайлдфри», но для которых идеальное число детей, родившихся у них за всю жизнь, отличается от нуля, обозначались звездочкой (*).

№	Имя информанта	Возраст и пол	Сексуальная ориентация	Семейное положение	Взгляды на «детский вопрос»	Уровень образования
1.	Анна	30, жен	Гетеросекс.	В отношениях	Добровольно бездетная	Высшее
2.	Евгения	40, жен	Гомосекс.	Одинока	Чайлдфри	Высшее
3.	Хельгус	33, муж	Гетеросекс.	Сожительство	Чайлдфри	Высшее
4.	Виктория	33, жен	Гетеросекс.	Сожительство	Чайлдфри	Среднее специальное
5.	Анастасия	33, жен	Гетеросекс.	Сожительство	Чайлдфри	Высшее
6.	Светлана	20, жен	Плавающая бисекс-ть	В отношениях	Чайлдхейт	Н/высш.
7.	Татьяна	39, жен	Гетеросекс.	В браке	Добровольно бездетная	Высшее
8.	Вера	21, жен	Гетеросекс.	В отношениях, помолвлена	Чайлдфри*	Н/высш.
9.	Иван	37, муж	Гетеросекс.	В браке	Добровольно бездетный	Высшее
10.	Галина	40, жен	Гетеросекс.	В браке	Чайлдфри	Высшее
11.	Ксения	31, жен	Гетеросекс.	В браке	Чайлдфри	Н/высш.
12.	Игорь	26, муж	Гетеросекс.	Одинок	Чайлдфри*	С/спец.
13.	Сергей	21, муж	Гетеросекс.	В отношениях	Чайлдфри	Н/высш.
14.	Снежана	23, жен	Гетеросекс.	Одинока	Добровольно бездетная	Высшее
15.	Ольга	25, жен	Гетеросекс.	Сожительство	Намеренно бездетная	Н/высш.
16.	Михаил	27, муж	Гетеросекс.	В отношениях	Добровольно бездетный	Высшее
17.	Дмитрий	21, муж	Гетеросекс.	Одинок	Чайлдфри-чайлдхейт	Н/высш.

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.21

Правильная ссылка на статью:

Чеманкова Е. Д. Создание гендера женщинами-полицейскими // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 437—451. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.21>.

For citation:

Chemankova E. D. (2019) "Doing gender" by female police officers. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 437—451. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.21>.

Е. Д. Чеманкова

СОЗДАНИЕ ГЕНДЕРА ЖЕНЩИНАМИ-ПОЛИЦЕЙСКИМИ

СОЗДАНИЕ ГЕНДЕРА ЖЕНЩИНАМИ-ПОЛИЦЕЙСКИМИ

ЧЕМАНКОВА Екатерина Дмитриевна — студент бакалавриата Факультета социальных наук, Департамент государственного и муниципального управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: edchemankova@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1879-3013>

“DOING GENDER” BY FEMALE POLICE OFFICERS

Ekaterina D. CHEMANKOVA¹ — Bachelor Student, Faculty of Social Sciences, Department of Public Administration
E-MAIL: edchemankova@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1879-3013>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. С статье исследуются практики «создания гендера» сотрудниками полиции Вологодской области. Полученные в данной работе данные базируются на интервью с 22 сотрудниками полиции Вологодской области, которые были собраны в феврале 2017 г. Целью исследования было

Abstract. The article explores the practice of “doing gender” by female police officers in the Vologda region. The study is based on the interviews with 22 female police officers working in the Vologda police; interviews were conducted in February 2017. The author examines whether the female police officers are involved in

выяснить, занимаются ли «созданием гендера» женщины-полицейские и какие возможные практики «создания гендера» существуют в полиции Вологодской области. Показывается, что женщины в российской полиции занимаются «созданием гендера» путем воспроизводства «типично женского» или «типично мужского» поведения, считая справедливым разделение труда в полиции на «мужской» и «женский», признавая более ценными ряд «мужских» и «женских» качеств, принимая помощь мужчин-коллег.

gender construction, and what practices they use for that. Findings show that the female police officers are “doing gender” by reproducing typically male or typically female behavior patterns; they consider it fair to divide the labor between men and women, regard certain female and male traits important and accept the help of male police officers.

Ключевые слова: женщины в полиции, создание гендера, этос профессии

Keywords: women in police, gender construction, ethos of a profession

Введение

Работа в полиции является одной из сфер деятельности, которую принято относить к «мужским». В данном случае под «мужской» сферой деятельности мы понимаем не только численное преобладание мужчин в профессии, но и необходимость «создания гендера» в рамках данного вида занятости. Так, в силу существующих гендерных стереотипов женщина зачастую кажется неподходящей кандидатурой на роль полноценного полицейского [Wexler, 1985; Martin, 1996; Brown, 1998; Rabe-Nemp, 2009; Atkinson, 2017]. Несмотря на то, что в последние годы число женщин в полиции существенно возросло, что привело к снижению влияния гендерных стереотипов, в российском контексте полиция пока остается скорее «мужской» работой [Коротких, 2017].

Женщины-полицейские вынуждены выбирать между женственностью и профессиональным признанием, «создавать гендер» в полиции. Под гендером мы понимаем социальный конструкт, который определяет наше поведение в обществе. «Создавая гендер», человек в процессе общения воплощает свои представления о мужественности и женственности (в поведении, внешности), проводит различия между «мужским» и «женским» [Здравомыслова, Темкина, 1998]. Женщины-полицейские могут создавать «женский» или «мужской» гендер. «Женский» гендер в полиции помогает сотрудницам снизить стресс от службы на «мужской» работе, но это снижает шансы на признание их профессионализма. При воспроизводстве «мужской» модели поведения повышаются шансы на признание женщины-полицейского как профессионала. Однако в данном случае сотрудница едва ли будет восприниматься как «женщина», что будет создавать проблемы при взаимодействии с коллективом и населением [Garcia, 2003].

Необходимость находить баланс между социальными ролями женщины и полицейского служит причиной стресса на работе, что впоследствии негативно ска-

зывается на здоровье сотрудниц. Согласно исследованиям, источники стресса женщин-полицейских отчасти отличны от источников стресса мужчин-полицейских [Morash, Haarr, 1995; Chitra, Karunanidhi, 2013; Violanti et al., 2016]. Хотя стресс может быть вызван различными причинами, необходимость «создания гендера» также играет свою роль [Thompson, Kirk, Brown, 2006]. Чтобы быть признанной профессиональным сотрудником, женщине-полицейскому нужно воспроизводить «мужской» гендер, а чтобы уменьшить уровень стресса — «женский» [Wexler, 1985; Garcia, 2003]. В зависимости от выбранной «стратегии» получается, что сотрудница не воспринимается либо как профессионал, либо как женщина [Moore, 1999].

В последние годы существенно увеличилось число женщин в полиции, но их статус в данной организации остается скорее нестабильным. Несмотря на то, что первоначально «создание [мужского] гендера» помогло сотрудницам стать «своими» в полиции, в настоящее время данная практика скорее служит препятствием, являясь причиной стресса и ограничивая женщин-полицейских в рамках определенных подразделений, не пропуская их в другие [Garcia, 2003; Rabe-Hemp, 2009]. Как правило, женщины сосредоточены на «помогающих» должностях (в юридических отделах, на кадровой службе) или же работают в более «женских» сферах, связанных с аналитикой, работой с гражданами (дознание, следствие, работа участковыми, взаимодействие с несовершеннолетними), в которых так называемые женские качества ценятся более высоко [Исупова, 2019]. Ученые не всегда связывают «разделение труда» в полиции с влиянием гендера [Martin, 1980; McCarthy, 2013], но в рамках данных исследований деятельность полиции претерпела существенные изменения в сторону применения более мягких подходов при выполнении большинства рабочих обязанностей, что пока не соответствует положению полиции Российской Федерации в системе силовых ведомств.

Цель данной работы заключается в определении практик «создания гендера» сотрудницами полиции Вологодской области. Создают ли гендер сотрудницы российской полиции? Если да, то каким образом? Стоит обозначить, что гендер каждого человека по-своему уникален и может сочетать в себе как «мужские», так и «женские» черты. Например, женщина может одеваться очень женственно, но при этом часто применять физическую силу [Morash, Haarr, 2012]. Однако в данной работе речь идет скорее не о конкретных качествах одного человека, а о тех стратегиях поведения или ролях, которые помогают женщинам в полиции эффективно осуществлять свою деятельность и успешно адаптироваться к системе. Показывается, что женщины в российской полиции занимаются «созданием гендера» путем воспроизводства «типично женского» или «типично мужского» поведения, признавая справедливость разделения труда в полиции на «мужской» и «женский», путем признания более ценными ряда «мужских» и «женских» качеств, принимая помощь мужчин-коллег. Полученные в данной работе выводы базировались на анализе интервью с 22 сотрудницами полиции Вологодской области, которые были собраны в феврале 2017 года. в г. Вологда и г. Вытегра¹. Всего

¹ Сбор данных осуществлялся О. Г. Исуповой и А. В. Беляниным в рамках проекта фонда Хамовники «Участковый уполномоченный полиции в системе взаимоотношений с местным сообществом: анализ ролевых моделей» (2016), а также в ходе работы (№ 18-05-0049) в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2018—2019 гг. в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

было проведено две фокус-группы (по восемь участниц в каждой) в г. Вологда, два групповых интервью (по два и три участника) и одно индивидуальное интервью в г. Вытегра. Полученные данные проанализированы методом качественного контент-анализа.

Женщины в полиции России

Немного поговорим об истории появления женщин в полиции России, чтобы понять их первоначальную роль в данной силовой структуре. Согласно некоторым источникам, в полиции женщины работали еще в дореволюционной России, хотя их численность была крайне мала и они проходили службу на местном уровне [Гарбуз, 2009]. Впервые женщин было разрешено официально принимать на службу в полицию в Российской Империи в 1916 г. Но женщины не допускались до ряда должностей, им не разрешалось работать с секретными документами [Гаврилина, 2017]. Вовлечение женщин в полицию было вызвано кадровым дефицитом, обусловленным Первой мировой войной и падением престижа государственной службы. Как и во многих европейских странах, вначале женщины скорее принимались на службу в полицию не в качестве полноценных сотрудников, а для оказания поддержки сотрудникам-мужчинам, работы с несовершеннолетними, досмотра женщин, снижения уровня физической агрессии со стороны сотрудников полиции, для ориентации на применение более мягких подходов в деятельности полицейского [Гаврилина, 2017; Martin, 1996; Garcia, 2003].

Ограничения для женщин при работе в правоохранительных органах были сняты после Октябрьской революции. Однако, несмотря на отсутствие формальных ограничений по половому признаку при приеме на службу в советскую милицию, женщина в правоохранительных органах оставалась достаточно редким явлением². С другой стороны, Великая отечественная война способствовала росту числа женщин-сотрудниц милиции. Так, в органах милиции Москвы число женщин за годы войны возросло со 138 человек до 4 тысяч [Герман, Герман, 2009]. Однако наиболее существенный рост числа женщин в полиции произошел в конце 1990-х — начале 2000-х, когда заработная плата в полиции и престиж службы в ней стали стремительно падать. Мужчины, подходящие по требованиям, уже не соглашались работать на предлагавшихся условиях. Чтобы восполнить возникший дефицит кадров, в полиции начали активнее принимать на службу женщин. Например, в Вологодской области до 1990-х годов число женщин было невелико, но уже после данного периода наблюдался рост численности сотрудниц [Исупова, 2019].

На данный момент в некоторых подразделениях полиции доля женщин уже существенно больше доли мужчин. В подразделениях дознания и подразделениях по делам несовершеннолетних доля женщин составляет около 70%, в следственных подразделениях и отделах кадров женщин-сотрудников около 50% [Кузнецова, 2016]. Как бы то ни было, С. Мартин [Martin, 1996] замечает, что увеличение численности женщин в полиции недостаточно для преодоления барьеров, препятствующих полноценному включению женщин в работу этой сферы. Пока вну-

² Исторические аспекты приема женщин на службу в полицию // Женщины в полиции. URL: <http://policewoman.ru/index/istorija/0-4> (дата обращения: 15.12.2019).

триорганизационные установки поддерживают культуру гендерного неравенства, женщины будут сталкиваться с ограничениями, выбирая профессию полицейского. Идея С. Мартин [ibid.] и по сей день актуальна. Как отмечают в своем исследовании Дж. Браун и М. Сильвестри [Brown, Silvestri, 2019], даже с ростом доли женщин в полиции говорить о феминизации полиции пока не представляется возможным, так как рост числа женщин в полиции произошел за счет снижения доли мужчин в полиции, а не за счет трансформации внутриорганизационной культуры, которая осталась практически неизменной.

Как уже отмечалось, полиция остается преимущественно «мужской» сферой занятости. В качестве критериев, свидетельствующих о маскулинном этосе профессии, можно выделить три фактора: численность мужской части коллектива, характер деятельности при выполнении большинства рабочих обязанностей, типа профессионально важных качеств [Moore, 1999]. Так, в настоящее время около 70%-80% кадрового состава органов внутренних дел Российской Федерации составляют мужчины [Кузнецова, 2016]. В Вологодской области доля женщин-полицейских в 2016 г. составляла 25% [Исупова, 2019]. Деятельность полиции отчасти связана с риском, применением силы, носит оперативный характер, зачастую сопровождается высокими нагрузками. Работа в полиции требует от человека стрессоустойчивости, дисциплинированности, решительности и ответственности. То есть тех качеств характера, которые обычно принято относить к «мужским» чертам. В российском обществе также отмечаются следующие барьеры для женщин-полицейских: традиционные представления о «мужском» характере работы в полиции, ожидание маскулинизации женщины в полиции, ожидание отсутствия баланса между семьей и работой у сотрудницы правоохранительных органов, стереотип о недостаточной физической силе женщин для работы в полиции [Коротких, 2017]. В то же время, например, в Великобритании в последние годы акцент в полиции делается на более мягкие подходы в деятельности по обеспечению общественного порядка, что приводит к повышению ценности применения более «женских» подходов в полиции, тем самым благотворно сказываясь на положении женщин в полиции [McCarthy, 2013; Brown, Silvestri, 2019]. Таким образом, мы вполне можем причислить российскую полицию к традиционно «мужским» сферам занятости, несмотря на постепенный рост числа женщин в данной структуре.

«Создание гендера» в полиции

В данной работе мы будем опираться на теорию социального конструирования гендера, которая предполагает, что гендер — это социально достигаемый статус [Здравомыслова, Темкина, 1998]. В отличие от пола, являющегося совокупностью биологических признаков, гендер представляет собой социальный конструкт, проявляющийся при межличностном взаимодействии [Уэст, Зиммерман, 1997]. Выделяют несколько практик «создания гендера». Во-первых, человек может следовать традиционным гендерным представлениям, воспроизводя «мужской» или «женский» гендер в соответствии со своим биологическим полом. Наряду с этим существует возможность «создавать гендер», отличный от половой принадлежности человека. «Создание гендера» означает разделение «мужского» и «женского» на две различные категории, которые не определяются природными

различиями, а искусственно создаются в ходе межличностного взаимодействия [Здравомыслова, Темкина, 1998].

Выбор той или иной модели «создания гендера» будет во многом зависеть от сферы деятельности человека, характера его работы [Ridgeway, Correll, 2004]. Так как полиция представляет собой «мужскую» сферу занятости с маскулинной внутриорганизационной культурой, а работа зачастую требует проявления «мужских» черт характера, у женщин-полицейских есть стимулы «создавать гендер», не соответствующий их биологическому полу. Это может не иметь практически никакого отношения к их личной гендерной идентичности. В данном случае в полиции наблюдается культура гегемонной (доминирующей) маскулинности, в рамках которой больше поощряются «мужские» черты характера, а «женские» рассматриваются как второстепенные, «полезные» только во вспомогательной деятельности. Сохранению культуры гегемонной маскулинности способствует разделение труда в полиции, когда женщины в основном выполняют административную и аналитическую работу, занимаются взаимодействием с гражданами, то есть выполняют более «женскую» работу. При этом не менее важно принятие сотрудницами такой сегрегации, их убежденность в справедливости такого разделения [Rabe-Nemp, 2009]. Таким образом, женщины в полиции могут ощущать, что часть их идентичности не принимается окружением, что вынуждает либо вести себя более маскулинно, либо формировать «общепринятые» различия в стилях деятельности сотрудников и сотрудниц полиции [Wexler, 1985]. Иногда модель мужского этоса профессии полицейского подвергается критике, так как в XXI веке женщины в полиции задействованы на должностях самых разных категорий [Silvestri, 2017], что отвергает стереотип о недостаточной физической силе как барьере для женщин внутри полиции. Однако, как отмечалось выше, в России стереотип о недостаточной физической силе женщин-полицейских продолжает существовать [Кузнецова, 2016].

С. Мартин [Martin, 1980] выделяет два типа женщин в полиции, исходя из модели «создания» ими гендера: женщины-полицейские и женщины-полицейские. В первом случае сотрудницы остаются в первую очередь женщинами, они используют более мягкие подходы в своей деятельности, принимают помощь мужчин-коллег, соглашаются с текущим разделением труда в полиции. Во втором случае ситуация обратная: женщины-полицейские не готовы принимать помощь со стороны мужчин-полицейских, проявляют больше маскулинных черт характера, рассчитывая на признание своего профессионализма. Однако сложности для сотрудниц возникают в любом случае. Если при воспроизводстве «женской» модели поведения женщины-полицейские могут быть оценены как недостаточно компетентные сотрудники, то при воспроизводстве «мужской» модели поведения они могут столкнуться с проблемой взаимодействия с коллегами и с гражданами вследствие нарушения ими гендерно соответствующей их полу (с общепринятой точки зрения) модели поведения [Garcia, 2003].

Создание «мужского» гендера не всегда кажется сотрудницам выигрышной стратегией, если они хотят добиться признания в качестве профессионалов. В исследовании М. Мораш и Р. Хаара [Morash, Haarr, 2012] большинство женщин-полицейских проводили границу между деятельностью сотрудников и сотрудниц

полицейской. Как правило, женщины занимались «созданием гендера», соответствующего их биологическому полу, так как не видели различий в эффективности работы сотрудников полиции разных полов. Отмечалось, что «женские» качества характера и подходы в некоторых ситуациях намного уместнее, чем «мужские». Согласно исследованию [Terpstra, Schaap, 2013], женщины-полицейские не считают, что полицейская работа является сугубо мужской прерогативой. С другой стороны, в исследовании [Rabe-Hemp, 2009] женщины оценивали себя как более компетентных при работе в типично «женских» сферах деятельности (работа с гражданами, несовершеннолетними), где можно проявить больше «женских» черт характера (общительность, заботливость, умение применять «материнский» авторитет, и т. д.). Кроме того, сохранение «женственности» само по себе может быть важным для женщин в полиции [Исупова, 2019].

Также исследователи иногда выделяют варианты создания «смешанного» гендера, объединяющего «мужские» и «женские» черты характера, или же отказа от создания гендера. В первом случае сотрудницы полиции объединяют «мужские» качества с «женскими» таким образом, что «мужские» черты дополняют «женские», но противоречат традиционным представлениям о «женском» поведении [Moore, 1999]. Воспроизводя данный вид поведения, женщины-полицейские включаются в мужские неформальные группы, испытывают минимальный уровень стресса на работе, однако зачастую мужчины-полицейские воспринимают их только в качестве младших коллег. Во втором случае женщины пытаются быть профессионалами, стремятся максимально повысить эффективность своей деятельности, при этом не занимаясь «созданием гендера». В попытке получить уважение и признание коллег при воспроизводстве последней модели поведения женщины испытывают максимальный уровень стресса [Wexler, 1985; Moore, 1999]. С. Мартин [Martin, 1996] утверждает, что «смешанная» стратегия «создания гендера» является одной из наиболее популярных, так как позволяет эффективно пользоваться «женскими» качествами, при этом в случае необходимости проявляя «мужские» черты характера. Хотя именно отказ от создания гендера может способствовать равному призванию мужчин и женщин в полиции [Wexler, 1985].

Затронем вопрос гендерной идентичности женщин-полицейских, от которой также зависит выбор модели «создания гендера». Под гендерной идентичностью мы понимаем внутреннее ощущение человека касательно его принадлежности к определенному полу. Она вырабатывается у индивида в процессе социализации. С точки зрения С. В. Мелкова и А. В. Кудриной [Мелков, Кудрина, 2016], гендерная идентичность отражает все наши мысли, чувства, представления о себе в отношении нашей половой принадлежности. Важно обратить внимание на то, что гендерная идентичность характеризует человека именно с точки зрения его самопозиционирования. Гендерная идентичность изменчива, она может меняться в процессе жизни человека под воздействием различных социальных и культурных изменений, в процессе личностного развития [Словарь гендерных терминов, 2002]. Выбранная профессия и рабочая среда принадлежат к совокупности факторов, влияющих на гендерную идентичность.

Исходя из опыта предыдущих исследований, можно сделать вывод, что сотрудницы полиции в целом выше оценивают свою профессиональную идентичность, чем

гендерную. В работе [Chan, Doran, Marel, 2010] был получен следующий результат: на начальных позициях женщины-полицейские более сфокусированы на построении своей профессиональной идентичности, и только после прохождения определенного этапа они начинают больше внимания уделять определению своей гендерной идентичности. Тем не менее среди женщин-полицейских преобладает феминная гендерная идентичность. Женская модель поведения не подавляется, несмотря на сложности воспроизводства ее в организации, где преобладает маскулинный этос. Это оказалось характерным для всех сотрудниц, вне зависимости от сферы деятельности [Moore, 1999; Ridgeway, 2007; Morash, Haarr, 2012].

Описание исследования

В феврале 2017 г. методом фокус-групп и методом полуструктурированных глубинных интервью по единому гайду были опрошены 22 сотрудницы полиции Вологодской области. Всего было проведено две фокус-группы в г. Вологда (по восемь человек в каждой) и три глубинных интервью в г. Вытегра (одно индивидуальное интервью и два интервью по два и три участника). Выборка формировалась методом «снежного кома», что было обусловлено ограниченным доступом к данной категории респонденток. Респондентки рекрутировались случайным образом среди слушательниц курсов повышения квалификации для сотрудников полиции в г. Вологда и среди всех сотрудниц в г. Вытегра. В центре повышения квалификации присутствовали полицейские из разных районов Вологодской области, что позволило сразу получить данные от сотрудниц нескольких районных отделов полиции. В Вытегре предпочтение отдавалось сотрудницам, занимающим наиболее «неженственные» позиции в полиции — начальница изолятора временного содержания, сотрудница патруля, участковая.

Возраст сотрудниц составлял от 23 до 57 лет. Благодаря включению в исследование информанток разных возрастных групп нам удалось получить более широкие представления о работе женщин в полиции. Высшее образование имели большинство информанток. Сотрудницы различались по семейному положению. В официальном браке состояли девять сотрудниц, десять имели детей, восемь не состояли в браке и не имели детей. Четыре сотрудницы работали в отделе по делам несовершеннолетних, в следственном отделе работали три сотрудницы, как и в центре профессиональной подготовки, в отделе по вопросам миграции, две были из отдела кадров, и две сотрудницы работали в отделе дознания, одна сотрудница работала в подразделении патрульно-постовой службы, одна была из подразделения Госавтоинспекции, одна служила в правовом отделе, одна работала в изоляторе временного содержания, и одна служила в отделе делопроизводства.

Данные были проанализированы методом качественного контент-анализа данных. После открытого кодирования текстов интервью по категориям, отражающим восприятие сотрудницами своей роли в полиции, их отношение к «мужским» и «женским» качествам (поведению) и личный опыт, данные были обобщены и проинтерпретированы.

Методологическим ограничением исследования выступало смещение выборки в сторону некоторых подразделений и отделов полиции, так как женщины-полицейские в Вологодской области преимущественно занимают кабинетные должности. Также мы принимаем во внимание, что данное исследование не может

носить абсолютный характер как в силу географической ограниченности, так и по причине немногочисленности выборки. Данные ограничения вызваны закрытостью полицейской структуры, временными и финансовыми возможностями исследования. Стоит отметить, что интервью проводились в рабочей обстановке, и это могло в определенной степени сказаться на полученных результатах.

Результаты исследования

В рамках исследования было выявлено, что некоторые женщины-полицейские в Вологодской области активно занимаются «созданием гендера», время от времени проявляя выраженное «мужское» или «женское» поведение:

«Ну, есть отдельные экземпляры [о женщинах-полицейских. — Авт.]. Но даже визуально, да? Кажется, что мужчины. Со спины, так уж точно» (21 год, Вологда).

«Да не знаю, я все время дурочкой прикинусь, что мне помощь нужна, вроде прокатывает» (30 лет, инспектор по делам несовершеннолетних, Вологда).

Однако большинство сотрудниц все же пытаются объединить практику «создания гендера» и работу полицейским, лишь в некоторых случаях прибегая к воспроизводству стереотипов о типичном «женском» поведении. Все интервьюируемые гендерно идентифицировали себя как женщин и, как правило, занимались созданием «женского» или «смешанного» гендера. Интересны иногда высказываемые негативные коннотации, связанные с восприятием излишней «женственности» как свойства не лучших сотрудников, как свойства, с которым лично в себе интервьюируемые предпочитают бороться:

«Женщины, они много капризничают, даже по службе. Я все-таки считаю, что женщина на службе, она должна быть выдержанной. Не должно быть этих капризов: “Я порвала колготку, подежурь за меня”. Я даже в рваных колготках дежурю, я ответственный человек, а все-таки есть такие... вот есть прямо такие вот женщины, извилистые» (25 лет, миграционная служба, Череповец).

С. Мартин [Martin, 1999] замечает, что, принимая помощь от коллег-мужчин, женщины-полицейские самостоятельно способствуют тому, что внутри полиции их не будут воспринимать как полноправных сотрудников. Однако в нашем исследовании многие женщины-полицейские говорили, что иногда прибегают к помощи коллег-мужчин, которая оказывается им как уступка «женской слабости», видимо, это адаптивная стратегия, одновременно частично облегчающая тяготы службы и связанная с поддержанием «женской» части гендера на рабочем месте:

«Не знаю, мне помогает [быть девушкой в полиции. — Авт.]. Ну, в принципе, не то что помогает, прям так. Но, не знаю, я обращаюсь, мне не отказывают. То есть, в принципе, понимаешь, что если ты обратишься к мужчине, то он, в принципе, пойдет тебе навстречу. Ну, то есть выйдешь, нужно тебе срочно доехать куда-нибудь, то есть подходишь, спрашиваешь, вот надо срочно. То есть, в принципе, какой-нибудь оперуполномоченный поедет с тобой, съездит. А если бы я была мужчиной и попросила бы подошла, то он сказал бы: “Что?”» (следственный отдел, Вологда).

В ходе интервью также была высказана мысль, что для мужчин-полицейских сотрудницы являются «сестренками». Согласно С. Мартин [Martin, 1996], женщин-полицейских зачастую воспринимают не как равных коллег, а либо как членов семьи, которых надо оберегать и защищать (матерей, сестер), либо в качестве

«соблазнительниц». Такая патерналистская модель отношений свидетельствует о том, что мужчины-полицейские проводят границу между сотрудниками и сотрудницами полиции, ограничивая женщин в рамках этих нескольких социальных ролей, которые наиболее часто приписываются женщинам в обществе.

Гендерные стереотипы о второстепенности женской роли сохраняются и в представлениях о самих себе среди женщин-полицейских. Женщина видится им более слабой, эмоциональной, заботливой, ей «меньше дано» по природе:

«Женщина, она все равно сама по себе слабая. Как бы оно ни было, она все равно женщина, она остается хранительницей очага, дома, и все (смех)» (35 лет, инспектор по делам несовершеннолетних, Вытегра).

«Я более склоняюсь, что женщине меньше дано в плане того, что вот мужчина занимает такие профессии сложные, опер... участковый, для меня это, наверное, самые напряженные такие моменты, соответственно, как-то развивается он... дается ему это развитие лучше» (25 лет, стажер, Вологда).

В результате в полиции отмечается достаточно сильная профессиональная гендерная сегрегация. Помимо распределения мужчин и женщин по подразделениям, даже во время осуществления «полевой» работы существует некое сложившееся разделение обязанностей между сотрудниками и сотрудницами одного и того же подразделения:

«Есть, допустим, участковые... девушки работают участковыми. Вот как раз прослеживается помощь мужчин. То есть если ты работаешь на опорном пункте где-то, ты, допустим, девушка, так вот эти мальчики, которые с тобой, так они все сделают. И они, в принципе, адекватные мальчики. Они всю работу сделают. А получается, всю бумажную работу — ты. Получается, на участковом пункте ты как бы тоже участковый, но при этом они как бы работают, а ты им помогаешь» (34 года, отдел дознания, Вологда).

Кроме того, полностью женского наряда в российской полиции, видимо, не существует. Если женщина-полицейский осуществляет патрульно-постовую службу, то ее напарник — обязательно мужчина. Сами сотрудницы это объясняют в первую очередь соображениями безопасности, ведь физическая сила редко оказывается преимуществом женщин перед мужчинами. Также женщины-полицейские истолковывают сложившуюся ситуацию необходимостью разделения труда в полиции для более эффективного осуществления деятельности. Однако с точки зрения Д. Чан, С. Доран и К. Марел [Chan, Doran, Marel, 2010], данные представления скорее отражают влияние стереотипа о «женском» месте в полиции, которое не предполагает вмешательства в работу по силовому обеспечению правопорядка, то есть «реальную полицейскую работу» [ibid.]. Тем самым женщины отчасти самостоятельно поддерживают в полиции культуру гегемонной маскулинности, сохраняя для себя необходимость «создания гендера», участвуя в этой работе [Rabe-Hemp, 2009]:

«Ну, не то чтобы применять приходилось... В небольшом количестве. В основном нагрузка идет по... Как говорится, по силовому обеспечению — это мужчины. Потому что, во-первых, мужчины более крепкие, более сильные, и, соответственно, их больше боятся. Ну, больше как, психологически» (заместитель начальника изолятора временного содержания, Вытегра).

С другой стороны, некоторые подразделения уже в крайней степени феминизированы, и мужчины не готовы там работать:

«Следователи почти все женщины. У нас тут только один мальчик. И то, сейчас решил — все. Он в следственный комитет ушел» (34 года, дознание, Вологда).

Несмотря на то, что использование физической силы в полиции признавалось скорее «мужской» обязанностью, сотрудницы говорили, что в случае необходимости они не менее эффективно смогут исполнить «силовое обеспечение» деятельности. Также «мужские» качества иногда могли быть оценены как препятствие для эффективного исполнения должностных обязанностей полицейских:

«Вот, есть, я же говорю, иногда проще договориться. Дать объяснения. С мужчинами... Как-то мешают они. Начинают они агрессивны. Вот Вы... [женщины. — Авт.] как-то все более мягко. Все рассказывают, дают объяснения» (32 года, подразделение патрульно-постовой службы, Вытегра).

«Мужики же, они меньше психологи, чем мы. То есть мы же уже видим это. То есть кто на что способен» (55 лет, преподаватель Центра профессиональной подготовки, ранее работала в следствии, Вологда).

Интересно отметить, что сами женщины-полицейские проводят черту между собой и другими женщинами. С их точки зрения, работа в полиции влияет на их поведение, придавая ему куда больше «мужских» черт, чем обычно бывает у «средней женщины»:

«Наверное, не такие [женщины вне полиции. — Авт.]. Потому что взгляд, вот даже когда общаешься с мужчинами... Вот, все равно, взгляд женщины-сотрудника, он отличается от женщины... обычной женщины. Там что-то такое теплое, нежное, а тут уже все равно какое-то... уже свой взгляд» (35 лет, инспектор по делам несовершеннолетних, Вытегра).

Выводы

Вологодская область является регионом Европейской части Российской Федерации, в котором отмечаются средний уровень криминогенности и средние показатели социально-экономического развития в России. Однако Вологодский кейс примечателен тем, что на протяжении некоторого периода в регионе отмечается сравнительно высокое количество женщин в полиции. Данное обстоятельство помогает судить о том, изменило ли включение женщин в полицию в длительной перспективе внутриорганизационную культуру. В настоящее же время доля женщин в полиции Вологодской области приблизительно равна доле женщин в полиции России в целом. С нашей точки зрения, результаты исследования полиции Вологодской области могут быть экстраполированы на северные и центральные регионы Европейской части России, в том числе из-за близости культурных традиций и особенностей развития.

Женщины-полицейские в Вологодской области разделяют существующие в обществе гендерные стереотипы и представления и «создают гендер» в полиции, признавая, с одной стороны, уникальный специфический вклад женщин в деятельность полиции, с другой — принимая помощь мужчин-коллег по многим направлениям деятельности. Сотрудницы предпочитают стратегию создания скорее «женского» или «смешанного» гендера, сохраняя свою женственность и сочетая ее с качествами, необходимыми для успешной работы полицейским [Moore, 1999]. Несмотря на то, что в нашем исследовании сотрудницы отрицали гендерную дискриминацию в полиции, говоря о преобладающей над гендерной профессиональной идентичности, фактически положение мужчин-сотрудников

отличается от статуса женщин-сотрудников. Женщины-полицейские воспринимаются скорее как «младшие коллеги», часто — как вспомогательный персонал (хотя бывают и исключения), которым не стыдно попросить о помощи. Принимая такую поддержку, женщины-полицейские ограничивают свои возможности в рамках полиции, лишь изредка допускаясь до «реальной полицейской работы». Более оперативная и опасная работа пока остается мужской сферой.

Многие сотрудницы выше оценивают стереотипно «мужские» качества, такие как физическая сила, объективность, решительность. Женщина представляется им более слабой физически, более эмоциональной, отчасти более инфантильной, но зато с более развитыми коммуникативными и эмоциональными навыками. Никто из информантов не отрицал, что женщины привносят в деятельность полиции уникальные черты, нехарактерные для стиля деятельности мужчин-полицейских. Ряд «женских» качеств (мягкость, готовность помочь, отзывчивость) в некоторых случаях были оценены более положительно, чем «мужские» свойства. С точки зрения женщин-полицейских, далеко не всегда агрессия и решительность помогают успешно выполнять свои должностные обязанности. Более эффективна способность договариваться, находить компромиссы. Полученные в данной работе выводы сопоставимы с результатами исследования К. Раби-Хемп [Rabe-Hemp, 2009], в котором сотрудницы считали себя более компетентными именно в «женских» сферах деятельности, связанных с работой с людьми. В то же время, в исследованиях Morash and Haarr [Morash, Haarr, 2012] и [Terpstra, Schaap, 2013] было показано, что женщины-полицейские могут и не признавать гендерные стереотипы, оценивая свою компетентность во всех сферах полицейской деятельности.

Исследованные нами сотрудницы полиции Вологодской области считают, что разделение труда на «мужской» и «женский» в полиции оправдано и позволяет повысить эффективность служебной деятельности, обеспечить необходимую безопасность. С другой стороны, женщины-полицейские занимаются в большей степени работой, которая считается в полиции второстепенной и менее престижной. «Силовое обеспечение» остается преимущественно «мужской» сферой деятельности, а женщины обеспечивают помощь в работе с бумагами и сосредотачивают свое внимание на работе с гражданами, социально-незащищенными слоями населения. Признавая данное разделение и соглашаясь с ним, женщины-полицейские способствуют сохранению в полиции культуры гегемонной (доминирующей) маскулинности, при которой все «женское» представляется менее ценным и возникает необходимость продолжать заниматься «созданием гендера», завоевывая уважение коллег-мужчин [Martin, 1996; Rabe-Hemp, 2009].

Однако нами было также отмечено, что некоторые подразделения в полиции Вологодской области отчасти феминизированы, и уже мужчины-сотрудники в них сталкиваются с проблемами взаимодействия. Кроме того, сотрудницы полиции Вологодской области отмечали, что в случае необходимости женщины не менее эффективно будут применять физическую силу, чем их коллеги-мужчины, что согласуется с результатами исследования [Terpstra, Schaap, 2013]. Данные замечания свидетельствуют, что в российской полиции культура гегемонной маскулинности начинает претерпевать изменения, связанные с увеличением доли женщин в полиции в рамках увеличивающегося количества отделов и должностей. В качестве

дальнейшего развития темы представляется интересным изучить практики «создания гендера» в полиции в других регионах России с целью установить возможные различия в разных административно-территориальных единицах.

Список литературы (References)

Гаврилина П. П. Психологические особенности женщин-сотрудников органов внутренних дел // Проблемы теории и практики современной психологии. Иркутск : Издательство ИГУ, 2017. С. 417—420.

Gavrilina P. P. (2017) Psychological Features of Women Employees of Domestic Affairs Organizations. In: *Problems of Theory and Practice in Contemporary Psychology*. Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House. P. 417—420. (In Russ.).

Гарбуз Г. В. Женщины на государственной службе в России в начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2009. № 2 (10). С. 22—28.

Garbuz G. V. (2009) Women in the Civil Service in Russia at the Beginning of the 20th Century. *University Proceedings. Volga Region. Humanities*. No. 2 (10). P. 22—28. (In Russ.).

Герман Р. Б., Герман Р. С. Подготовка кадров для российской милиции в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект) // Вестник КРУ МВД России. 2009. № 4. С. 11—14.

German R. B., German R. S. (2009) Preparing the Personnel (Frames) for Russian Militia at Years of the Great Domestic War (Historian-Legal Aspect). *Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*. No. 4. P. 11—14. (In Russ.).

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. Т. 3. № 4. С. 171—182.

Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (1998) Social Construction of Gender. *Sociological Journal*. Vol. 3. No. 4. P. 171—182. (In Russ.).

Исупова О. Г. Баланс жизни и работы у женщин-полицейских в Вологодской области // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 103—121. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.07>.

Isupova O. G. (2019) Work-life Balance among Police Women in Vologda Oblast. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 103—121. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.07>. (In Russ.).

Коротких В. Н. Отражение гендерных стереотипов о женщинах-полицейских в современном российском социальном пространстве // Общество и право. 2017. № 3. С. 222—227.

Korotkikh V. N. (2017) Reflection of Gender Stereotypes about Female Police Officers in the Modern Russian Social Space. *Society and Law*. No. 3 (61). P. 222—227. (In Russ.).

Кузнецова О. В. Гендерные особенности правосознания у сотрудников органов внутренних дел // Психология и право. 2016. Т. 6. № 2. С. 142—151. <http://dx.doi.org/10.17759/psylaw.2016060211>.

Kuznetsova O. V. (2016) Gender Characteristics of Legal Conscience in Internal Affairs Agencies Staff. *Psychology and Law*. Vol. 6. No. 2. P. 142—151. <http://dx.doi.org/10.17759/psylaw.2016060211>. (In Russ.).

Мелков С. В., Кудрина А. В. Представления о гендере и гендерной идентичности в современном психоанализе // Развитие личности. 2016. № 3. С. 165—186.

Melkov S. V., Kudrina A. V. (2016) Notions about Gender and Gender Identity in Modern Psychoanalysis. *Development of Personality*. No. 3. P. 165—186. (In Russ.).

Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М. : Информация — XXI век, 2002.

Denisova A. A. (ed.) (2002) A Dictionary of Terms in Gender Research. Moscow: Information — XXI Century. (In Russ.).

Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // Гендерные тетради. Вып. 1. СПб. : Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН, 1997. С. 94—125.

West C., Zimmerman D. (1987) Doing Gender. *Gender & Society*. Vol. 1. No. 2. P. 94—125. <https://doi.org/10.1177/0891243287001002002>.

Atkinson C. (2017) Patriarchy, Gender, Infantilisation: A Cultural Account of Police Intelligence Work in Scotland. *Australian & New Zealand Journal of Criminology*. Vol. 50. No. 2. P. 234—251. <https://doi.org/10.1177/0004865815626964>.

Brown J., Silvestri M. (2019) A Police Service in Transformation: Implications for Women Police Officers. *Police Practice and Research*. <https://doi.org/10.1080/15614263.2019.1611206>.

Brown J. M. (1998) Aspects of Discriminatory Treatment of Women Police Officers Serving in Forces in England and Wales. *The British Journal of Criminology*. Vol. 38. No. 2. P. 265—282. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.bjc.a014235>.

Chan J., Doran S., Marel C. (2010) Doing and Undoing Gender in Policing. *Theoretical Criminology*. Vol. 14. No. 4. P. 425—446. <https://doi.org/10.1177%2F1362480610376408>.

Chitra T., Karunanidhi S. (2013) Influence of Occupational Stress, Resilience, and Job Satisfaction on Psychological Well-Being of Policewomen. *Indian Journal of Health and Wellbeing*. Vol. 4. No. 4. P. 724—730.

Garcia V. (2003) “Difference” in the Police Department: Women, Policing, and “Doing Gender”. *Journal of Contemporary Criminal Justice*. Vol. 19. No. 3. P. 330—344. <https://doi.org/10.1177/1043986203254530>.

Martin S. E. (1980) *Breaking and Entering: Police Women on Patrol*. Berkeley, CA: University of California Press.

Martin S. E. (1996) Doing Gender, Doing Police Work: An Examination of the Barriers to the Integration of Women Officers. Paper presented at the Australian Institute of Criminology Conference. First Australasian Women Police Conference.

- Martin S. E. (1999) Police Force or Police Service? Gender and Emotional Labor. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 561. No. 1. P. 111—126. <https://doi.org/10.1177/000271629956100108>.
- McCarthy D.J. (2013) Gendering “Soft” Policing: Multi-Agency Working, Female Cops, and the Fluidities of Police Culture/s. *Policing and Society*. Vol. 23. No. 2. P. 261—278. <https://doi.org/10.1080/10439463.2012.703199>.
- Moore D. (1999) Gender Traits and Identities in a “Masculine” Organization: The Israeli Police Force. *The Journal of Social Psychology*. Vol. 139. No. 1. P. 49—68. <https://doi.org/10.1080/00224549909598361>.
- Morash M., Haarr R. N. (1995) Gender, Workplace Problems, and Stress in Policing. *Justice Quarterly*. Vol. 12. No. 1. P. 113—140. <https://doi.org/10.1080/07418829500092591>.
- Morash M., Haarr R. N. (2012) Doing, Redoing, and Undoing Gender: Variation in Gender Identities of Women Working as Police Officers. *Feminist Criminology*. Vol. 7. No. 1. P. 3—23. <https://doi.org/10.1177/1557085111413253>.
- Rabe-Hemp C.E. (2009) POLICEwomen or PoliceWOMEN? Doing Gender and Police Work. *Feminist Criminology*. Vol. 4. No. 2. P. 114—129. <https://doi.org/10.1177/1557085108327659>.
- Ridgeway C. L. (2007) Gender as a Group Process: Implications for the Persistence of Inequality. Correll S. (ed.) In: *Social Psychology of Gender*. Vol. 24. Bingley: Emerald Group Publishing Limited. P. 311—333. [https://doi.org/10.1016/S0882-6145\(07\)24012-3](https://doi.org/10.1016/S0882-6145(07)24012-3).
- Ridgeway C. L., Correll S. J. (2004) Unpacking the Gender System: A Theoretical Perspective on Gender Beliefs and Social Relations. *Gender & Society*. Vol. 18. No. 4. P. 510—531. <https://doi.org/10.1177/0891243204265269>.
- Silvestri M. (2017) Police Culture and Gender: Revisiting the ‘Cult of Masculinity’. *Policing: A Journal of Policy and Practice*. Vol. 11. No. 3. P. 289—300. <https://doi.org/10.1093/police/paw052>.
- Terpstra J., Schaap D. (2013) Police Culture, Stress Conditions and Working Styles. *European Journal of Criminology*. Vol. 10. No. 1. P. 59—73. <https://doi.org/10.1177/1477370812456343>.
- Thompson B. M., Kirk A., Brown D. (2006) Sources of Stress in Policewomen: A Three-Factor Model. *International Journal of Stress Management*. Vol. 13. No. 3. P. 309—328. <https://doi.org/10.1037/1072-5245.13.3.309>.
- Violanti J. M., Fekedulegn D., Hartley T. A., Charles L. E., Andrew M. E., Ma C. C., Burchfiel C. M. (2016) Highly Rated and Most Frequent Stressors among Police Officers: Gender Differences. *American Journal of Criminal Justice*. Vol. 41. No. 4. P. 645—662. <https://doi.org/10.1007/s12103-016-9342-x>.
- Wexler J. G. (1985) Role Styles of Women Police Officers. *Sex Roles*. Vol. 12. No. 7—8. P. 749—755. <https://doi.org/10.1007/BF00287868>.

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.22

Правильная ссылка на статью:

Порецкова А. А., Сальникова Д. В. Гендерные различия как фактор взаимосвязи цен и их восприятия населением // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 452—466. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.22>.

For citation:

Poretskova A. A., Salnikova D. V. (2019) Gender Differences as a Factor behind the Relationship between Prices and Public Perceptions of Prices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 452—466. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.22>.

А. А. Порецкова, Д. В. Сальникова ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ КАК ФАКТОР ВЗАИМОСВЯЗИ ЦЕН И ИХ ВОСПРИЯТИЯ НАСЕЛЕНИЕМ

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ КАК ФАКТОР
ВЗАИМОСВЯЗИ ЦЕН И ИХ ВОСПРИЯ-
ТИЯ НАСЕЛЕНИЕМ

GENDER DIFFERENCES AS A FACTOR
BEHIND THE RELATIONSHIP BETWEEN
PRICES AND PUBLIC PERCEPTIONS OF
PRICES

ПОРЕЦКОВА Анастасия Анатольевна — магистр политологии, преподаватель и аспирант Департамента политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: poretskova.a@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-1051-7068>

Anastasia A. PORETSKOVA¹ — Master in Political Science, Lecturer and Ph.D. Student, School of Political Science
E-MAIL: poretskova.a@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-1051-7068>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

САЛЬНИКОВА Дарья Вячеславовна — магистр социологии, преподаватель кафедры высшей математики, аспирант департамента социологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: dsalnikova@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0003-1730-1187>

Daria V. SALNIKOVA¹ — Master in Sociology, Lecturer, Chair of Higher Mathematics; Ph.D. Student, School of Sociology, Faculty of Social Sciences
E-MAIL: dsalnikova@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0003-1730-1187>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В статье определена роль гендерного фактора в контексте взаимосвязи цен и их восприятия населением. Выявлены методологические ограничения гендерного фактора в объяснении взаимосвязи цен и их восприятия населением, а также предложены возможные пути их преодоления с точки зрения количественных методов анализа и качественных методов сбора данных. В рамках количественных исследований потенциальным источником смещения в оценках гендерных различий в восприятии цен являются различия в адаптации к изменению цен и динамике реальных доходов у мужчин и женщин. Во избежание недооценки гендерных различий необходимо расширить временной охват анализируемых данных по восприятию цен. В рамках качественных методов сбора данных мы предлагаем сегментирование выборки по следующим параметрам: гендер, особенности восприятия информации и стиль экономического поведения при покупке товаров или услуг. Мы считаем, что предлагаемые в статье методологические улучшения позволяют преодолеть ограничения исследовательских дизайнов, возникающих из-за недооценки гендерных различий при изучении факторов, влияющих на восприятие цен.

Abstract. The article attempts to define the role of gender factor behind the relationship between prices and how the population perceives the prices. The authors describe methodological limitations of the gender factor and propose possible ways to overcome them in terms of quantitative research methods and qualitative tools of data collection. In the quantitative studies a shift in the assessments of gender differences in price perceptions is caused by different levels of adaptation to price changes and real income movement. To avoid underestimation of gender differences, it is important to extend the temporal coverage of the data being analyzed. Within qualitative data collection methods, the sample is divided into subgroups based on the following categories: gender, specific perceptions of information, and economic behavior pattern. The authors consider that the methodological improvements proposed in the article will help overcome the limitations of research design resulted from the underestimation of gender differences when investigating the factors shaping price perceptions.

Ключевые слова: факторы восприятия цены, факторы восприятия инфляции, гендерные различия, референтная цена

Keywords: factors behind price perception, factors behind price increase perception, gender differences, benchmark price

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации профинансированного РФФИ проекта «Факторы различий между динамикой потребительских цен и их оценками населением на примере Москвы и Краснодарского края» (№ 18-311-00215).

Acknowledgments. The article is part of the project “Factors behind the differences between consumer price dynamics and public perception of prices in the Moscow and Krasnodar regions” (no. 18-311-00215); the project was financed by Russian Foundation for Basic Research.

Восприятие цены и его влияние на потребительское поведение продолжительное время оставались предметом исследования маркетологов [Biswas, Wilson, Licata, 1993; Folkes, Wheat, 1995; Kashyap, Bojanic, 2000]. Ключевые направления подобных исследований, как правило, были связаны с объяснением механизма влияния различных способов воздействия на потребителей (акций на товары и услуги, скидок, купонов, рекламных кампаний) на воспринимаемую индивидами цену. В ходе исследований маркетологи приходили к противоречивым результатам, подтверждающим, что влияние инструментов воздействия на восприятие цены потребителями далеко не всегда прямое, а механизм ценового восприятия опосредуется пространством контекстов, в рамках которых потребители принимают решение о покупке товара или услуги, исходя из своей социальной позиции. Социальная позиция, в свою очередь, связана не только с финансовыми возможностями потребителей, но и с готовностью рационально управляться с ценами и комплексно выстраивать свое поведение, учитывая существующий социальный контекст [Бердышева, 2014].

Основные показатели социального контекста включают целый ряд переменных, частично отражающих не только финансовое положение потребителей, но и структуру их расходов: возраст, гендер, доходы, состав семьи и пр.

Благодаря тому, что социальный контекст стал ключевым звеном в объяснении ценового восприятия и, как следствие, потребительского поведения, фокус исследований восприятия цен сместился в сторону экономической социологии.

Экономические социологи рассматривают восприятие цены скорее не как основной инструмент для продвижения товаров и услуг, а как значимый фактор, определяющий поведение потребителей, производителей, сбытовых организаций и государства одновременно. Население при выборе рыночной стратегии поведения руководствуется своим восприятием инфляции. Производители и сбытовые организации в большей степени заинтересованы в высоком платежеспособном спросе и, как следствие, в увеличении продаж и получении дополнительной прибыли. Платежеспособный спрос зависит как от доходов, так и от восприятия населением динамики цен, в связи с чем последствия снижения данного показателя приводят к ухудшению социально-экономического положения населения и росту

социальной напряженности, уменьшению спроса на многие товары и услуги (особенно на товары, спрос на которые эластичный), сокращению объемов производства, снижению доходов предприятий и замедлению темпов экономического роста. Недавние примеры из российской действительности, связанные с экономическими кризисами в 1998, 2008 и 2014 гг., демонстрировали значимость субъективных показателей динамики цен, в том числе в части выбора стратегий поведения игроков на рынке.

Динамика цен также влияет на показатели субъективного благополучия, которые во многих исследованиях используются в качестве предикторов (см., к примеру [Diener, Oishi, Lucas, 2002; Gillham et al., 2011]). Именно поэтому направленные на изучение восприятия населением динамики цен исследования стали востребованными в экономической социологии.

В фокусе данного исследования — гендерные различия как фактор взаимосвязи цен и их восприятия населением. С точки зрения ряда исследователей, гендерные различия — одна из значимых переменных, объясняющих разрыв между динамикой цен и ее восприятием. Например, на данных the EU Consumer Survey for Ireland за 2002—2007 гг. показано, что женщины более склонны к ошибкам в оценке уровня инфляции [Duffy, Lunn, 2009].

В рамках данного исследования определена роль гендерного фактора в контексте взаимосвязи цен и их восприятия населением. Выявлены методологические ограничения гендерного фактора в объяснении взаимосвязи цен и их восприятия населением и предложены возможные пути их решения с точки зрения количественных методов анализа и качественных методов сбора данных. Также в статье рассмотрены возможности и ограничения как качественных, так и количественных методов исследования восприятия цены. Полученные результаты в дальнейшем позволяют не только сформулировать методологические рекомендации для улучшения качества исследований и применения моделей для тестирования взаимосвязи цен и их восприятия населением, но и развить понимание гендерного фактора в качестве объясняющей переменной при изучении экономических процессов.

В первой части статьи рассмотрены исследовательские дизайны существующих работ о влиянии гендерных различий на восприятие цен. Наиболее значимые различия в восприятии обнаружены в исследованиях, посвященных приобретению предметов роскоши и демонстративному потреблению. Кроме того, в ряде исследований были зафиксированы гендерные различия в использовании платформ для интернет-торговли. И, наконец, гендерные различия также проявлялись в восприятии справедливой цены.

Во втором разделе описаны методологические ограничения существующих дизайнов качественных исследований гендерных различий в восприятии цены. Описаны факторы, накладывающие ограничения при проведении гендерных исследований и требующие отдельного учета при сборе данных, — это разница в отношении к процессу приобретения товаров и особенности восприятия информации и его обработки.

Третий раздел посвящен ограничениям соответствующих количественных исследований. В этой части статьи рассматриваются факторы, вызывающие смеще-

ние полученных результатов: различия в референтных ценах у мужчин и женщин, влияние временной перспективы на формирование воспринимаемой цены, роль эффекта адаптации и различия в адаптации финансовой удовлетворенности к доходу среди мужчин и женщин.

В результате рассмотрения ограничений качественных и количественных исследований указанной тематики мы предлагаем варианты операционализации референтной цены в контексте сопоставимости результатов для мужской и женской выборки, а также механизмы учета гендерных различий в адаптации восприятия цены и выявлении их в моделировании.

Факторы, опосредующие влияние гендера на восприятие цены

Как отмечают многие исследователи, при рассмотрении связи между гендером, восприятием цены и потребительским поведением точкой выступает стереотипное мышление, согласно которому женщины более склонны к приобретению товаров — как необходимых, так и ненужных, в то время как мужчины гораздо более чувствительны и к цене, и к выбору продуктовой корзины. В действительности однозначно исследованиями подтверждается только отличие в восприятии цен и потребительском поведении мужчин и женщин. Женщины гораздо более склонны к тому, чтобы планировать список покупок, получать о приобретаемых товарах больше информации, покупать чаще, чем мужчины [Dholakia, 1999].

В то же время мужчины, несмотря на меньшую информированность о товарах и более редкие покупки, склонны ориентироваться на «атмосферу», в которой принимается решение о покупке. Такая «атмосфера» формируется в том числе за счет контекстуальных условий, сопровождающих момент принятия решения о покупке (экстерьер, интерьер, дизайн интернет-портала, униформа продавцов, дизайн ценников и пр.)

Контекстуальные условия направляются на покупателей, цели которых могут быть либо утилитарными, либо гедонистическими. Как правило, согласно проведенным опросам, респонденты по-разному ориентируются на критерии выбора товаров и их цену, качество предлагаемых товаров, репутацию торговой точки, а также функционал товаров, исходя из чего продавцы стремятся создавать либо «гедонистическую», либо «утилитарную атмосферу» в момент покупки. Принятие респондентами решения относительно покупки в «гедонистической атмосфере» приводит к тому, что их восприятие существенно меняется в сравнении с условиями, когда в момент покупки была создана «утилитарная атмосфера»: качество и цены одних и тех же товаров воспринимаются выше.

Женщины в большей степени подвержены влиянию гедонистических контекстуальных факторов. В таких условиях они переплачивают за тот же товар в среднем на 32% больше, чем респонденты, осуществляющие покупки в магазинах с утилитарной атмосферой. Для мужчин создание «гедонистической атмосферы» в торговой точке приводит к тому, что имидж такого места начинает восприниматься существенно выше, чем в условиях, когда создается утилитарная атмосфера. Тем не менее именно в последних мужчины склонны тратить больше, так как цена товаров воспринимается ими существенно ниже, чем в условиях гедонистической атмосферы [Borges, Babin, Spielmann, 2013].

Ряд исследователей отмечают, что контекстуальные факторы, влияющие на восприятие цен, включают в себя не только условия, в которых потребители принимают решение о приобретении товаров, но и визуальное оформление непосредственного отражения цены, то есть сам ценник. Так, была обнаружена связь между тем, в какой цветовой гамме напечатан ценник, и гендером потребителей. Мужчины при одной и той же цене одинакового товара были склонны его приобрести, если ценник был черным, и, наоборот, цена казалась им завышенной, если ценник был красным. Для женщин цвет ценника оказался незначимым фактором в выборе товара, а решения носили скорее прагматичный характер, когда сама цена играла более значимую роль в принятии решения о покупке [Puccinelli et al., 2013].

Одно из объяснений гендерного фактора в восприятии цены заключается в том, что мужчины больше полагаются на внутреннюю референтную цену (то есть на свой опыт совершения предыдущих покупок), а женщины — наоборот, на внешнюю (то есть более подвержены влиянию внешних источников информации о референтной цене) [Choi, Dai, Kim, 2018].

Речь идет о некотором стандарте, с которым индивид сравнивает цену на товар. На основе этого сравнения потребитель делает вывод о справедливости текущей цены. В качестве референтной цены может выступать текущая цена на указанный товар в других точках продажи, либо цена предшествующих покупок данного товара. Рост цен трактуется по-разному в зависимости от соотношения материальных ресурсов участников транзакции. К примеру, случай завышения цены на свои товары мелкими фермерами, получающими низкую прибыль, воспринимается менее негативно. Рост цен на товары повседневного пользования воспринимается более остро по сравнению с ростом цен на товары, приобретаемые по особым случаям (к примеру, в связи с торжественными мероприятиями) [Haika, Łyziak, 2015]. На выборке испанских потребителей выявлен эффект взаимодействия между полом покупателя и предназначением приобретения [Diaz, 2013]. Если товар приобретается для повседневного пользования, то женщины более склонны воспринимать цену как завышенную, чем мужчины. Однако женщины, по сравнению с мужчинами, готовы заплатить больше за товары, приобретаемые по особым случаям.

В то же время при межстрановом сравнении восприятия цены в гендерном разрезе были обнаружены существенные различия между странами Северной Америки, с одной стороны, и европейскими и азиатскими странами — с другой. При анализе восприятия «несправедливой» (завышенной) цены было выявлено, что американские женщины гораздо чувствительнее реагируют на отклонение цены от внутренней референтной, в то время как американские мужчины не ориентируются на свою внутреннюю референтную цену при совершении покупок и, следовательно, реагируют на «несправедливую цену» гораздо в меньшей степени. В европейских и азиатских странах существенных различий между женщинами и мужчинами в определении «несправедливой цены» обнаружено не было [Maxwell et al., 2009].

Методологические возможности и ограничения гендерного фактора в восприятии цен в России: качественные аспекты

Для того чтобы выявить субъективные факторы восприятия цен, которые могут быть упущены в современных исследованиях, а также оценить значимость

и взаимосвязь гендерного фактора с иными, была проведена пилотная серия из 19 полуструктурированных проблемно-ориентированных глубинных интервью, направленных на выявление значимых факторов, которые впоследствии будут использованы при тестировании модели взаимосвязи объективного и субъективного благополучия. Интервью были проведены в период с ноября 2018 г. по март 2019 г. в разных районах Москвы. В рамках выборки максимальной вариации в интервью контролировались следующие характеристики: район Москвы, гендер, образование, доход. Все характеристики были выбраны на основе анализа контрольных переменных по итогам анализа эмпирических исследований. На основе информации, полученной из интервью, и анализа факторов, опосредующих влияние гендера на восприятие цены, были сделаны выводы о том, каким образом можно улучшить сбор качественных данных в рамках изучаемой темы.

Одним из важных ограничений в контексте взаимосвязи гендерных различий и восприятия цены является разница в отношении к процессу приобретения товаров в целом. Ряд исследований показывают, что для женщин, в отличие от мужчин, в рамках экономического поведения важна его «социальная» составляющая. Например, для женщины большее значение имеет живой диалог, наличие вербального контакта между продавцом и покупателем, то есть социальное взаимодействие. Именно этим исследователи объясняют, к примеру, поведенческие различия в приобретении товаров дистанционным способом. При сравнении поведения покупателей-мужчин и покупателей-женщин в интернет-магазинах было обнаружено, что именно мужчины (в силу меньшей значимости реального общения) являются главными пользователями онлайн-услуг, веб-сайтов и т. д. Также было установлено, что женщины чаще воспринимают шопинг в качестве вида досуга, то есть выбор и покупка товаров и услуг не только несут прагматический смысл, но и получают дополнительный уровень оценки — в качестве одного из способов рекреации [Van Slyke et al., 2002].

Другой важный фактор, который необходимо учитывать при тестировании эффекта гендерных различий в рамках механизма взаимосвязи цен и их восприятия населением, это особенности восприятия информации и его обработки. В рамках оценки эффекта гендерных различий как фактора, объясняющего особенности в стратегиях восприятия информации, наибольшей популярностью пользуется модель избирательности (selectivity model) [Meyers-Levy, 1989; Chua, Murray, 2015]. Это имеет прямое отношение к восприятию цены и соотношению объективных и субъективных компонентов, лежащих в основании процесса ее конструирования. В соответствии с данной моделью, женщины воспринимают информацию (в том числе и о цене товара/услуги) в полном объеме, что означает использование как объективных, так и субъективных характеристик товара/услуги в процессе его восприятия. Мужчины же демонстрируют большую избирательность в отборе значимой для них в контексте принятия экономического решения информации. При этом избирательность не тождественна объективности, то есть при принятии решения мужчины более склонны пользоваться эвристическими методами, значительно упрощающими восприятие товара, склонны переоценивать значимость отдельных характеристик, а не всей их совокупности. Данная модель была подтверждена на материале анализа восприятия рекламы продуктов [Darley, Smith, 1995].

Что касается методологического вклада со стороны качественных методов сбора данных, то, прежде всего необходимо обратить внимание на широкий спектр индивидуальных характеристик потребителя, которые учитываются при проведении исследования восприятия цены. В поле зрения исследователя чаще всего находятся основные социально-демографические факторы, например, уровень дохода. Не отрицая того факта, что данный фактор является значимым предиктором, одним из основополагающих при оценке экономического поведения, важно отметить, что подобная практика не позволяет добиться научно достоверных эмпирических результатов. Важное дополнение, которое мы предлагаем вносить на этапе сбора данных, — это блок вопросов, направленных на оценку степени социальной значимости экономического поведения для респондентов. Как было указано выше, многие исследования направлены на выявление роли гендерных различий при формировании принципов, лежащих в основе приобретения товаров/услуг. Поэтому необходим анализ не только «оторванных» друг от друга социально-демографических характеристик, но и составление «портрета» покупателя, а также выявление мотивации, лежащей в основе его покупок (с поправкой на категории товаров и услуг, включенных в эмпирический анализ исследования).

Наша гипотеза заключается в том, что мотивация, лежащая в основе экономического поведения, напрямую влияет на восприятие цены мужчинами и женщинами, но не может быть «измерена» лишь уровнем дохода и иными классическими инструментами оценки поведения на рынке. Необходимо включение блока вопросов, которые отражали бы психологию стиля потребления. Конкретное решение, которое мы предлагаем, — адаптация психологии Б. Ньюмана (модель, разработанная для политического маркетинга) с поправкой на гендерные различия потребителей [Newman, 1999]. В результате данного нововведения мы сможем сегментировать выборку по гендерному признаку, по особенностям стилей потребления товаров и услуг и экономического поведения, а также сможем учитывать особенности восприятия информации, так как данная модель позволяет учитывать психологические особенности респондентов.

Если говорить подробнее о психологической сегментации, то ее отличительной особенностью является поиск и анализ ненаблюдаемых психологических особенностей. Цель данного подхода заключается в том, чтобы демографические факторы не были определяющими при анализе выборки, так как однородные сегменты, выделенные на их основе, могут быть несензитивны к психологическим различиям респондентов [Cwalina, Falkowski, Newman, 2011: 92—93]. В основе данной модели, которая была адаптирована для задач политического маркетинга, было семь когнитивных доменов, подвергавшихся тщательному анализу относительно целевой аудитории. В нашем случае для стратификации выборки необходимо адаптировать когнитивные домены, способные отразить гендерные особенности, влияющие на стиль экономического поведения, восприятие информации при покупке и при восприятии рекламы и т. д.

Не все когнитивные домены, предлагаемые в рамках рассматриваемой модели, имеют прямое отношение к оценке экономического поведения и мотиваций, лежащих в его основе, однако некоторые из них могут быть адаптированы и впоследствии использованы для улучшения гайдов и операционализации интервью.

Высокой ценностью обладают: домен эмоций, который может отражать отношение к «социальной» составляющей совершаемой покупки, а значит влиять и на восприятие цены; домен «текущие события» и домен «личные события» [Newman, Sheth, 1985: 179]. Многие исследования упускают тот факт, что ряд структурных и индивидуальных событий в жизни респондента также могут повлиять на их экономическое поведение, отношение к покупкам, к восприятию цены и др. Безусловно, данный инструмент не решает всех проблем, которые были освещены в рамках данной статьи, однако, по нашему мнению, является логичным шагом к их преодолению при сборе качественных данных.

Методологические возможности и ограничения гендерного фактора в восприятии цен в России: количественные аспекты

В данном разделе мы обозначим ограничения количественных исследований, изучающих эффект гендера на восприятие цен, и предложим вариант уточнения подхода к моделированию различий в восприятии цен между мужчинами и женщинами.

Ряд исследований, изучающих детерминанты восприятия цены, проведены на кросс-секционных данных, то есть данных, имеющих только пространственное измерение. Это эмпирический анализ либо на основе респондентов из одной страны [Choi, Dai, Kim, 2018; Duffy, Lunn, 2009], либо на основе межстрановой выборки [Maxwell et al., 2009]. Во втором случае появляется возможность не только оценить различия в восприятии цен у респондентов с разными индивидуальными характеристиками, но и то, каким образом страновые характеристики (к примеру, уровень инфляции на потребительском рынке, культурные факторы, такие как ценности [Meng, 2011]) влияют на восприятие населением цен. Однако в контексте изучения гендерных различий не менее важно сравнение во временной динамике. Использование данных с ограниченным временным охватом может привести к смещенным результатам, а именно, к недооценке гендерных различий в характере взаимосвязи цен и их восприятия потребителями. Смещение в оценках объясняется различиями в адаптации к изменению цен у мужчин и женщин. Как уже было отмечено ранее, женщины полагаются на внешние источники информации при определении условного «стандарта» цены, в то время как мужчины более склонны опираться на то, сколько они заплатили при совершении аналогичной покупки в прошлом.

Для получения дополнительного эмпирического свидетельства различий в типах референтной цены для мужчин и женщин мы обратились к опросным данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Несмотря на то что в опроснике отсутствуют непосредственно вопросы о восприятии уровня цены на потребительские товары, в частности, в терминах «справедливости», доступен ряд вопросов, направленных на измерение как объективных, так и субъективных экономических показателей. Например, изменение эффекта реальных доходов на восприятие материального положения во временной перспективе отражает изменения в эффекте восприятия цен. Мы взяли для рассмотрения временной период 2000—2017 гг., что связано с доступностью данных по субъективным показателям. Объектом изучения являются респонденты

16 лет и старше. Мы использовали вопрос «Насколько Вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время?» для формирования зависимой переменной. Порядковая шкала показателя, состоящая из пяти категорий, была преобразована таким образом, чтобы более высокое значение переменной означало полную удовлетворенность материальным положением. Ключевой предиктор в модели рассчитан на основе вопроса из отдельного блока опроса для домохозяйств. Это количество денежных поступлений¹ в течение последних 30 дней, приходящееся на одного члена домохозяйства, выраженное в ценах 2017 г. с помощью дефлирования на индекс региональных потребительских цен. Для оценки того, как изменяется эффект реальных доходов на восприятие материального положения, мы включили ключевой предиктор не только за текущий временной период, но и его лагированные значения за предыдущие временные периоды (количество лагов обусловлено средним количеством опросных волн, в которых принимали участие респонденты). Мы дополнительно проконтролировали год опроса, регион проживания респондента, возраст, возраст в квадрате, наличие высшего образования, место проживания (город/село), семейное положение индивида (состоит в браке, гражданском браке или не состоит), статус занятости.

На рис. 1 и 2 представлены результаты моделирования изменения эффекта среднего размера денежных поступлений за 30 дней, приходящихся на одного члена семьи, на удовлетворенность материальным положением для женской и мужской выборки, соответственно. Оценены модели со случайным эффектом, учитывающие панельную структуру базы данных. По оси абсцисс данных графиков указано значение периода, что соответствует значению лага для ключевого предиктора: так, период 0 отражает значение в текущий временной период, период 1 — период времени с лагом «1» и т. д. Значение по оси ординат — эффект ключевого предиктора на удовлетворенность материальным положением.

Как мы видим, с течением времени эффект от увеличения денежных поступлений ослабляется. Это подкрепляет идею о том, что индивиды адаптируются к изменению доходов. Наиболее показательным наблюдением для нашего исследования является то, что для мужчин оценка влияния среднего размера денежных поступлений за 30 дней теряет значимость в краткосрочном периоде (рис. 2 демонстрирует, что доверительные интервалы для эффектов в периоды 3, 4 содержат значение 0). При этом для женщин соответствующий эффект сохраняет значимость на протяжении всего исследуемого периода. Подобные гендерные различия воспроизводятся также при анализе взаимосвязи личного дохода индивидов и удовлетворенности материальным положением². Эти результаты, в частности, отражают различия в типах референтных цен, на которые опираются женщины и мужчины при совершении покупок. Женщины опираются на внешнюю референтную цену, а значит, оказываются менее чувствительными к той сумме денег, которую они потратили на покупки в прошлом. Это, в свою очередь, способствует более продолжительному эффекту реальных доходов на удовлетворенность своим материальным положением.

¹ В моделях используется натуральный логарифм показателя.

² Эти дополнительные результаты предоставляются по требованию.

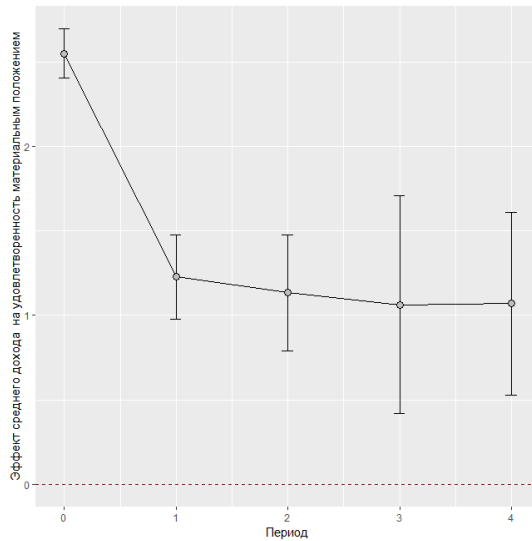

Рисунок 1. Эффект размера денежных поступлений за 30 дней, приходящихся на одного члена семьи, на удовлетворенность материальным положением, среди женщин³

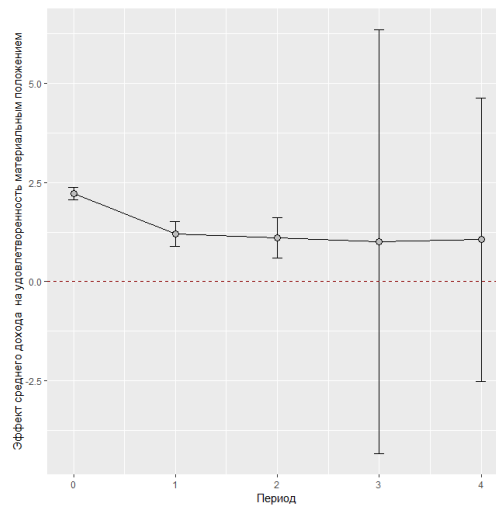

Рисунок 2. Эффект размера денежных поступлений за 30 дней, приходящихся на одного члена семьи, на удовлетворенность материальным положением, среди мужчин⁴

³ Примечание: $N = 60\,870$ (размер выборки, на которой оценивалась модель), эффект по оси абсцисс представлен в терминах отношений шансов (во сколько раз увеличиваются шансы быть более удовлетворенным материальным положением при увеличении предиктора на единицу измерения). Для эффектов приведены 95% доверительные интервалы.

⁴ Примечание: $N = 41\,769$ (размер выборки, на которой оценивалась модель), эффект по оси абсцисс представлен в терминах отношений шансов (во сколько раз увеличиваются шансы быть более удовлетворенным материальным положением при увеличении предиктора на единицу измерения). Для эффектов приведены 95% доверительные интервалы.

В контексте изучения временной динамики восприятия цен можно выделить две содержательные задачи. Первая из них — проанализировать, как изменяющиеся во времени предикторы (к примеру, доход индивида, внешняя информация о ценах на товары) влияют на восприятие динамики цен. Вторая задача — выявить, как связаны ответы респондента на вопросы о том, как он интерпретирует изменения в цене в разные временные периоды. Иными словами, речь идет о том, что восприятие индивидом цен, как и другие субъективные показатели, в текущий период времени само определяет, каким будет восприятие цен у этого индивида в последующий период времени. Исследования подобного авторегрессионного процесса проводились применительно к показателям субъективного благополучия (таким как удовлетворенность жизнью и разными аспектами жизни: семьей, работой и т. д.) и психологического благополучия [Bottan, Perez-Truglia, 2011; Joshanloo, 2019]. Положительная связь между значениями показателя в разные периоды обуславливает относительно стабильные значения индикаторов благополучия во временной динамике. Однако подобные исследования отсутствуют в контексте изучения восприятия цен. Технически протестировать, есть ли зависимость между значениями показателя в разные периоды, возможно посредством включения лагированного значения (то есть значения, зафиксированного в предшествующие периоды) восприятия цен в качестве самостоятельного предиктора в регрессионную модель. Зависимой переменной в такой модели также будет выступать индикатор восприятия цен, но в текущий период. Отдельного внимания заслуживает сравнение зависимости между значениями восприятия цен в разные временные периоды между мужчинами и женщинами. Так как мужчины в большей степени опираются на внутреннюю референтную цену, можно предположить, что у мужчин эта зависимость сильнее, а следовательно — и значения восприятия цен стабильнее во временной перспективе.

Не менее важным вопросом, чем зависимость результатов моделирования гендерных различий в восприятии цен от временного охвата данных, является зависимость оценок гендерных различий от выбора спецификации модели в количественных исследованиях. Как показывает опыт предшествующих исследований по данной тематике, авторы не всегда учитывают, чем объясняется влияние характеристик индивидов на восприятие цены. Гендер не только имеет прямой эффект на восприятие цены, но еще и оказывает опосредующее влияние на характер взаимосвязи других индивидуальных характеристик потребителей и восприятие цены. К примеру, мы на рис. 1 и 2 демонстрировали различия в эффекте адаптации к изменению в размере реальных доходов среди мужчин и женщин. Для того чтобы учесть эти различия, необходимо отразить в спецификации модели эффект модерации. Иными словами, при построении моделей для объяснения вариации в восприятии цены требуется включить переменные взаимодействия между гендером и другими индивидуальными характеристиками — объясняющими переменными восприятия цены. Большинство количественных исследований, изучающих детерминанты восприятия цены, ограничивает то, что гендер используется только в качестве контрольной переменной [Duffy, Lunn, 2009] даже при наличии содержательного обоснования опосредующего эффекта. Тестирование эффекта переменных взаимодействия и их значимости позволит продвинуться

в проверке того, существуют ли гендерные различия в восприятии цен, и объяснении этих различий.

Заключение

В рамках данной статьи были рассмотрены факторы, опосредующие взаимосвязь гендера и восприятия цены. Значительная часть исследований, посвященных анализу влияния гендерного фактора на восприятие цены, указывают на наличие субъективных факторов, опосредующих эту связь, при этом в различных обществах перечень этих факторов различается. В обществах, члены которого ориентируются в первую очередь на социальное окружение, субъективные факторы оказывают более сильное воздействие на связь гендера и восприятие цены, в то время как в обществах, социальные отношения в которых традиционно связаны с происхождением, субъективные факторы не только не оказывают существенного влияния на эту связь, но и сам гендерный фактор не является значимым в восприятии цены. Именно поэтому при анализе исследовательских дизайнов, выполненных на основе эмпирических материалов в обществах, где окружение оказывает более сильное влияние, чем происхождение, мы предлагаем конкретные улучшения касательно методов сбора данных, а именно, сегментирование выборки по следующим параметрам: гендер, особенности восприятия информации и стиль экономического поведения при покупке товаров или услуг. Данные переменные выбраны неслучайно, так как в широком круге эмпирических исследований была показана их значимость при тестировании восприятия цены, восприятия рекламы и т. д.

Мы также обозначили ограничения количественных исследований. Потенциальным источником смещения в оценках гендерных различий в восприятии цен являются различия в адаптации к изменению цен и динамике реальных доходов у мужчин и женщин. Во избежание недооценки гендерных различий необходимо расширить временной охват анализируемых данных по восприятию цен. Для проведения анализа во временной динамике мы предлагаем уточнить спецификацию регрессионных моделей, используемых для объяснения вариации восприятия цен. Важно не только учитывать значения цен и доходов в предшествующие временные периоды как объясняющие переменные, но и включать лагированное значение субъективного показателя — восприятия цен — в качестве самостоятельного предиктора. Такая спецификация позволяет протестировать зависимость между значениями восприятия цен в разные временные периоды. Данная зависимость может различаться по гендерному признаку, так как мужчины и женщины опираются на разные типы референтных цен. Гендер недостаточно использовать только в качестве контрольной переменной при моделировании, для тестирования его опосредующего эффекта имеет смысл включить переменные взаимодействия между гендером и другими индивидуальными характеристиками — объясняющими переменными восприятия цены.

Новизна нашего подхода заключается в том, что мы одновременно рассматриваем как методы сбора данных, так и методы их анализа и обработки, в то время как во многих исследованиях, где предлагаются методологические улучшения, авторы акцентируют внимание только на одном. При соблюдении рекомендаций,

описанных в настоящей статье, открывается возможность улучшить смешанный дизайн (качественные методы сбора данных и их количественный анализ) и прийти к более надежным эмпирическим результатам при изучении объективных и субъективных факторов восприятия цен.

Список литературы (References)

Бердышева Е. С. Что мы знаем о восприятии цены потребителями? Исследования в социологии и маркетинге // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 3. С. 119—148.

Berdysheva E. (2014) What do We Know about Consumers' Price Perception? Research Findings of Studies in Sociology and Marketing Science. *Economic Sociology*. Vol. 15. No. 3. P. 119—148. (In Russ.).

Biswas A., Wilson E. J., Licata J. W. (1993) Reference Pricing Studies in Marketing: A Synthesis of Research Results. *Journal of Business Research*. Vol. 27. No. 3. P. 239—256. [https://doi.org/10.1016/0148-2963\(93\)90029-0](https://doi.org/10.1016/0148-2963(93)90029-0).

Borges A., Babin B. J., Spielmann N. (2013) Gender Orientation and Retail Atmosphere: Effects on Value Perception. *International Journal of Retail & Distribution Management*. Vol. 41. No. 7. P. 498—511. <https://doi.org/10.1108/IJRDM-02-2012-0014>.

Bottan N. L., Perez-Truglia R. (2011) Deconstructing the Hedonic Treadmill: Is Happiness Autoregressive? *The Journal of Socio-Economics*. Vol. 40. No. 3. P. 224—236. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2011.01.007>.

Chua S. M., Murray D. W. (2015) How Toxic Leaders are Perceived: Gender and Information-Processing. *Leadership & Organization Development Journal*. Vol. 36. No. 3. P. 292—307. <https://doi.org/10.1108/lodj-06-2013-0076>.

Choi M., Dai A. Y., Kim K. (2018) Consumer Search and Price Competition. *Econometrica*. Vol. 86. No. 4. P. 1257—1281. <https://doi.org/10.3982/ecta14837>.

Cwalina W., Falkowski A., Newman B. I. (2011) Political Marketing: Theoretical and Strategic Foundations. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315701684>.

Darley K.W, Smith R. E. (1995) Gender Differences in Information Processing Strategies: An Empirical Test of the Selectivity Model in Advertising Response. *Journal of Advertising*. Vol. 24. No. 1. P. 41—56. <https://doi.org/10.1080/00913367.1995.10673467>.

Diaz I. M.R. (2013) Price Assessments by Consumers: Influence of Purchase Context and Price Structure. *International Journal of Consumer Studies*. Vol. 37. No. 1. P. 13—20. <https://doi.org/10.1111/j.1470-6431.2011.01053.x>.

Diener E., Oishi S., Lucas R. E. (2002) Subjective Well-Being: The Science of Happiness and Life Satisfaction. Lopez S. J., Snyder C. R. (eds.) *Handbook of Positive Psychology*. New York: Oxford University Press. P. 63—73.

- Duffy D., Lunn P.D. (2009) The Misperception of Inflation by Irish Consumers. *The Economic and Social Review*. Vol. 40. No. 2. P. 139—163. <https://www.tara.tcd.ie/bitstream/handle/2262/58798/Vol-40-2-Duffy.pdf>.
- Dholakia R.R. (1999) Going Shopping: Key Determinants of Shopping Behaviors and Motivations. *International Journal of Retail & Distribution Management*. Vol. 27. No. 4. P. 154—165. <https://doi.org/10.1108/09590559910268499>.
- Folkes V., Wheat R.D. (1995) Consumers' Price Perceptions of Promoted Products. *Journal of Retailing*. Vol. 71. No. 3. P. 317—328. [https://doi.org/10.1016/0022-4359\(95\)90028-4](https://doi.org/10.1016/0022-4359(95)90028-4).
- Gillham J., Adams-Deutsch Z., Werner J., Reivich K., Coulter-Heindl V., Linkins M., Winder B., Peterson C., Park N., Abenavoli R., Contero A., Seligman M.E.P. (2011) Character Strengths Predict Subjective Well-Being during Adolescence. *The Journal of Positive Psychology*. Vol. 6. No. 1. P. 31—44. <https://doi.org/10.1080/17439760.2010.536773>.
- Joshanloo M. (2019) Investigating the Relationships between Subjective Well-being and Psychological Well-being over Two Decades. *Emotion*. Vol. 19. No. 1. P. 183—187. <https://doi.org/10.1037/emo0000414>.
- Kashyap R., Bojanic D.C. (2000) A Structural Analysis of Value, Quality, and Price Perceptions of Business and Leisure Travelers. *Journal of Travel Research*. Vol. 39. No. 1. P. 45—51. <https://doi.org/10.1177/004728750003900106>.
- Maxwell S., Lee S., Anselstetter S., Comer L.B., Maxwell N. (2009) Gender Differences in the Response to Unfair Prices: A Cross-Country Analysis. *Journal of Consumer Marketing*. Vol. 26. No. 7. P. 508—515. <https://doi.org/10.1108/07363760911001565>.
- Meng J. (2011) Understanding Cultural Influence on Price Perception: Empirical Insights from a SEM Application. *The Journal of Product & Brand Management*. Vol. 20. No. 7. P. 526—540. <https://doi.org/10.1108/10610421111181831>.
- Meyers-Levy J. (1989) Gender Differences in Information Processing: A Selective Interpretation. Cafferata P., Tybout A. (eds.) *Cognitive and Affective Responses to Advertising*. Lexington, MA: Lexington Books. P. 219—260.
- Newman B.I. (1999) *The Mass Marketing of Politics: Democracy in an Age of Manufactured Images*. London: Sage Publications. <http://dx.doi.org/10.4135/9781452233499>.
- Newman B.I., Sheth J.N. (1985) A Model of Primary Voter Behavior. *Journal of Consumer Research*. Vol. 12. No. 2. P. 178—187. <https://doi.org/10.1086/208506>.
- Puccinelli N.M., Chandrashekar R., Grewal D., Suri R. (2013) Are Men Seduced by Red? The Effect of Red versus Black Prices on Price Perceptions. *Journal of Retailing*. Vol. 89. No. 2. P. 115—125. <https://doi.org/10.1016/j.jretai.2013.01.002>.
- Van Slyke C., Bélanger F., Johnson R.D., Hightower R. (2010) Gender-Based Differences in Consumer E-Commerce Adoption. *Communications of the Association for Information Systems*. Vol. 26. P. 17—34. <https://doi.org/10.17705/1cais.02602>.

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.23

Правильная ссылка на статью:

Исупова О. Г. Кому нужен мой ребенок. Рец. на кн.: Шадрина А. Дорогие дети. Сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение, 2017 // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 467—472. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.23>.

For citation:

Isupova O. G. (2019) Who Needs My Child. Book Review: Shadrina A. (2017) Precious Children: The Fall in Fertility and the Rise in the Price of Motherhood in the XXI Century. Moscow: New Literary Observer. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 467—472. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.23>.

О. Г. Исупова

КОМУ НУЖЕН МОЙ РЕБЕНОК. РЕЦ. НА КН.: ШАДРИНА А. ДОРОГИЕ ДЕТИ. СОКРАЩЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ И РОСТ «ЦЕНЫ» МАТЕРИНСТВА В XXI ВЕКЕ. М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ, 2017

КОМУ НУЖЕН МОЙ РЕБЕНОК. РЕЦ. НА КН.: ШАДРИНА А. ДОРОГИЕ ДЕТИ. СОКРАЩЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ И РОСТ «ЦЕНЫ» МАТЕРИНСТВА В XXI ВЕКЕ. М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ, 2017

WHO NEEDS MY CHILD. BOOK REVIEW: SHADRINA A. (2017) PRECIOUS CHILDREN: THE FALL IN FERTILITY AND THE RISE IN THE PRICE OF MOTHERHOOD IN THE XXI CENTURY. MOSCOW: NEW LITERARY OBSERVER

ИСУПОВА Ольга Генриховна — PhD, доцент, старший научный сотрудник, Институт демографии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: oisupova@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4189-2063>

Olga G. ISUPOVA¹ — PhD, Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute of Demography

E-MAIL: oisupova@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4189-2063>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Ключевые слова: материнство, чайлд-фри, сокращение рождаемости

Keywords: maternity, childfree, birth decline

Мне нелегко было писать рецензию на эту книгу. Так случилось, что она затрагивает вопросы, центральные как для моей жизни, так и для академической работы. Если быть точнее, то речь в книге Анны Шадринной [Шадринна, 2017] идет о том самом, о чем я всегда говорила (причем даже акценты, в целом, расставлены примерно так же). Например, в одной из моих наиболее цитируемых статей «Ваш ребенок нужен только вам: социальный смысл материнства в современной России» [Исупова, 2000; Isupova, 2002]. Ее название мне захотелось обыграть в заглавии настоящей рецензии, поскольку со временем стало очевидно, что и самим матерям их дети нужны не любой ценой и, мягко говоря, не до бесконечности. В связи с тем, что в последние десятилетия в нашем обществе распространены идеология интенсивного материнства [Исупова, 2018] и некоторое общественно-нормативное давление на всех женщин по этому поводу, в какой-то степени выгорание в итоге не миновало и меня. Хотя я не жалею о том, что родила своих детей — меж тем, такое часто непроговариваемое и социально неодобряемое чувство также встречается среди матерей [Donath, 2017], — я никогда не соглашусь с тем, что единолично отвечаю за все, что случится в их жизни и что они в ней совершат. Ну, или что раз «никто не заставлял меня рожать», то и никакая «вся деревня», по Маргарет [Мид, 1988], за моего ребенка не отвечает. Нет, по-прежнему для того, чтобы вырастить (каждого) одного ребенка нужна именно «вся деревня», которая в нынешнем неолиберальном обществе от этой ответственности совершенно и иногда довольно агрессивно — в лице отдельных представителей — отказывается.

При всем этом между мной и автором есть очень существенное различие, состоящее в силе репродуктивных желаний. Последние у меня были крайне интенсивными, и именно это отличие от среднего, от «нормы», в свое время заострило мой интерес к данной теме. У автора же «Дорогих детей» они средние, что, как совершенно справедливо подчеркивает ее анализ, в настоящее время — в эпоху господства неолиберальных представлений и соответствующего жизнеустройства — более вероятно в результате приводит к отсутствию у женщины детей. В предшествующую же эпоху («в нашей части света» — до 1990-х годов) такая амбивалентность скорее приводила к их рождению [Rotkirch et al., 2011]. Таким образом, на изучаемую тему мы с Анной Шадринной смотрим с позиций разного жизненного опыта — «матери» и «не-матери».

Интересно, что при всем вышесказанном наши оценки господствующих институциональных особенностей современного материнства в России и Беларуси практически полностью совпадают: «нормой» является основанное на популярном фрейдизме и «народном» психологизме убеждение, что во всех проблемах ребенка — даже уже выросшего — виновата мать. В результате, поскольку в материнстве видят основную «сущность», «предназначение» и роль женщины, ее часто обвиняют и в бедах всего общества в целом. Немного утрируя: если в обществе проблемы, значит — женщины вырастили плохих граждан.

С другой стороны, принято упрекать матерей в том, что если им плохо и у них не все идеально получается, они сами виноваты, ведь материнство — их личный неолиберальный «выбор». И если что-то не так, жаловаться они должны только на самих себя. Получается гипертрофия личной материнской ответственности за де-

тей, из-за опасения не соответствовать общественным ожиданиям приводящая во многих случаях к гипертревожности и гиперопеке. Исторически же, как правило, ответственность за детей всегда была скорее коллективной: за них отвечала не одна женщина, а род, семья или какая-то другая общность [Мид, 1988; Пушкарева, 1997; Ferraro, 2012]. Однако в наше время материнской деятельности придается беспрецедентно сложный и требующий разнообразных и весьма высоких квалификаций характер: мать выступает в ролях учительницы, медсестры, психолога, повара и т. д. Но собственно трудом материнская работа как бы не считается: пока все вышеупомянутое выполняет именно мать, полагается, что делает она это из любви к своему ребенку, а ее навыки и сноровка — «естественны» и сами собой разумеющиеся. Мать должна быть заботливой и самоотверженной одновременно.

Все это все чаще вызывает у рационально рассуждающих женщин сомнение в том, что перспектива материнства лично для них может стать привлекательной. Рациональных причин для родительства в наше время почти нет, остались только эмоциональные. Но насколько бы ни были иногда сильны эмоциональные мотивы в этой области, их недостаточно для оправдания всего того, что общество требует от матери в настоящее время. Помимо физического выживания и здоровья, мать сегодня также отвечает за интенсивное интеллектуальное развитие детей. Все это требует немалых ресурсов и вложений. В то время как мать отвечает за детей неотъемлемо, отец в любой момент может уйти из ситуации — и не то чтобы его никто не осудит, но если ребенка покинет мать, осуждение будет несравнимо сильнее.

Свою книгу Анна Шадрина, несмотря на обилие достаточно глубоко изученной социологической, исторической, психологической научной литературы, называет публицистикой, и это совершенно справедливо. Работа получилась по-публицистически яркой и адресованной широкому кругу читателей: это высказывание услышат многие. При этом некоторым научным стандартам она не вполне соответствует. К примеру, Шадрина достаточно вольно обращается с некоторыми фактами, видимо, полностью полагаясь на описываемого в тот или иной момент автора, а на следующей странице, представляя уже другую работу, может дать противоречивую информацию об одном и том же событии¹. В книге также несколько не хватает принятого в академическом письме «не вполне уверенного стиля», поскольку с полной убежденностью говорить о том, как жили люди в IV и XI вв., довольно сложно — слишком мало свидетельств.

Кроме того, в книге определено не хватает глубины описания первого этапа *интенсивного материнства* (к слову, очень удачный термин²), который для отдельных семей связан с эпохой Возрождения, а для огромного числа дворянских семей — с учением Жан-Жака Руссо [Rousseau, 1979]. Шэррон Хейс не была первой, кто изобрел интенсивное погружение матери в жизнь детей: как минимум,

¹ Когда, например, все-таки была «предельно усложнена процедура развода» в СССР: в 1944 г. или в 1930-е годы, как написано страницей раньше? Ведь и в 1944 г. развод не был полностью запрещен, а был именно предельно усложнен. Если же считать, что это был поэтапный процесс, об этом стоило сказать точнее: мы же знаем, например, что все 1930-е годы сожительство в СССР приравнивалось к браку по своим последствиям и именно в 1944 г. этому был положен конец.

² Термин «материнство» имеет очень широкое контекстное поле и включает в себя все, что связано с этим понятием: это и сама концепция, и физический акт рождения, и репродуктивные решения, и воспитание детей, и многое другое. Термин же «материнствование» передает материнство именно как труд, как процесс выращивания детей.

раньше нее в XVIII веке к этому призывал Руссо. Многие матери, вдохновленные его идеями, начали посвящать себя детям, отказывались даже от услуг кормилиц и занимались образованием своих чад во вполне современном духе. Первую массовую негативную реакцию на чрезмерно властную позицию матери в результате развития процессов такого интенсивного материнства в XIX в., а также разочарование матерей и их детей в таком жизнеустройстве, как считается, выявила критика последователей Зигмунда Фрейда еще в начале XX в. Многие матери были разочарованы тем, что дети выросли не соответствующими вложенным в них усилиям, дети же считали власть таких матерей над ними в детстве неоправданно безграничной. Последнее в результате сформировало образ ненавидимой чрезмерно властной матери, виноватой во всех грехах и проблемах ребенка. В искусстве это отражено, например, в знаменитом фильме Альфреда Хичкока «Психо» (1960). Так, интенсивное материнство имеет довольно давнюю историю, одна из начальных стадий которой сегодня по спирали истории повторяется уже не в узком дворянском кругу, а становится доминирующей для масс населения.

Более того, стоит заметить, что параллельно интенсивному материнству существует еще и «естественное»: в книге они время от времени путаются, хотя по сути представляют собой весьма разные вещи³. Есть и «вертолетное» материнство — когда тщательное наблюдение за ребенком продолжается, но вовлеченность становится дистанцированной: современные средства связи делают при этом контакт с ним менее тесным и допускают участие третьих лиц. Есть, наконец, и «достаточно хорошее материнство» (*good enough mothering*) [Doane, Hodges, 1992], о котором в книге почти ничего не сказано, а ведь его феминистские интерпретации как раз позволяют женщинам с сильными репродуктивными желаниями иметь и растить детей, не соответствуя максималистским ожиданиям общества и даже не стремясь им соответствовать. Есть явные и скрытые практики материнского сопротивления. Вообще, есть многое, что все-таки лучше видно «с другого берега» — то есть человеку, чьи репродуктивные желания оказались неразумно сильны, и он(а) осуществляет материнство еще и на практике.

Как бы то ни было, как я уже писала выше, в главном наши оценки с Анной Шадринной совпадают, и было бы интересно писать такие работы и делать подобные исследования совместно авторам с разной степенью включенности в изучаемый процесс. Это позволило бы теме заиграть еще более разнообразными красками. К примеру, даже месячный опыт общения с двухлетним ребенком в качестве няни показал автору «Дорогих детей», что в этом процессе, кроме очевидных негативных, есть и привлекательные стороны. Демистификация «материнского блаженства» — вещь важная и нужная, ибо его существованием часто оправдывается то, что матери не нужна ничья помощь, что ее труд работой вовсе не является. Однако было бы чересчур смелым утверждать, что материнского блаженства не существует — оно есть, и это показывает жизненный опыт (например, мой и ты-

³ В отличие от интенсивного материнства, как правило, связанного с развитием способностей ребенка и его «человеческого капитала», естественное предполагает прежде всего натуральность процессов взаимодействия матери и ребенка. В наше время часто одна и та же женщина стремится сочетать первое и второе. Однако тут есть противоречия, связанные с тем, что без навязывания ребенку некоторых правил поведения и представлений чаще всего не удастся развить его/ее человеческий капитал. Навязывание же, меж тем, для естественного материнства все-таки неприемлемо.

сяч-тысяч других матерей). Впрочем, это гораздо лучше проявляется тогда, когда материнский труд облегчается многочисленными помощниками; несчастливы же чаще те матери, которые не чувствуют социальной поддержки. Здесь важна как физическая помощь членов семьи или наемных работников, так и степень «чадолюбия» в обществе в целом. Это самое «чадолюбие» общества и доброе отношение к матерям как раз отлично проанализировано автором на примере фильмов и воспоминаний советских времен.

Вывод в конце книги — предположение, что воспроизводство рода человеческого в будущем станет, скорее всего, технологическим — также представляется мне несколько чрезмерно смелым. Учитывая имеющиеся у огромного числа людей более сильные репродуктивные желания, многие [возможно] по-прежнему будут хотеть пройти через все биологические стадии материнства самостоятельно. В то же время ответственность за воспитание и в целом выращивание детей до 18 и более лет — причем рассматриваемая не как труд, а как «естественная любовь», — не имеет ведь никакого отношения к тому, *каким именно образом* человек появился на свет. И здесь понадобятся иные процессы, снимающие с матерей гиперответственность. Последние, к слову, уже идут [Ennis, 2014]. Степень же, до которой упомянутое можно сделать, не гипертрофируя, но и не преуменьшая интересов ребенка, необходимо будет междисциплинарно изучать: и здесь, на мой взгляд, особенно ценной окажется помощь настоящих, а не «народных»⁴, психологов.

В целом же книга Анны Шадринной — это, повторюсь, замечательное, яркое публицистическое и научно-популярное произведение на важнейшую общественную тему. Очень важно, что оно переводит дискурс о сложностях современного материнства из пространств интернет-блогов и обсуждений, а также из чисто академического поля, в пространство одновременно более публичное и менее камерное, специализированное. Работы Шадринной⁵ привлекают и внимание социологов. Последние достаточно часто ее цитируют, во многом благодаря популярному характеру ее письма, ясности и простоте изложения при, в целом, достаточном соответствии социологическим концепциям в рассматриваемой области. Таким образом, книги Анны Шадринной близки к области популяризации науки и в то же время находятся в поле социологии. Такое их положение можно считать уникальной и вполне стратегически выигрышной особенностью.

Список литературы (References)

Исупова О. Г. Социальный смысл материнства в современной России («Ваш ребенок нужен только Вам») // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 98—107.

Isupova O. G. (2002) The Social Meaning of Motherhood in Russia Today (“Only You Need Your Child”). *Russian Social Science Review*. Vol. 43. No. 5. P. 24—43.

⁴ «Народными» психологами, в отличие от профессиональных, я здесь называю людей, получивших лишь поверхностное и недостаточное психологическое образование или не получивших никакого, и, однако, присваивающих себе право учить людей «правильно» обустроить свою жизнь (по аналогии с «народными академиками», например, астрологии, на которых некоторые из них очень похожи).

⁵ Напомним также, что пятью годами ранее Анна Шадринная выступила с книгой «Не замужем: Секс, любовь и семья за пределами брака» [Шадринная, 2014], посвященной женщинам, выбравшим жизнь «solo».

Исупова О. Г. Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении // *Неприкосновенный запас*. 2018. № 119. С. 180—189.
Isupova O. G. (2018) Intensive Motherhood in Russia: Mothers, Daughters and Sons in School Years' Growing Up. *Emergency Ration*. No. 119. P. 180—189. (In Russ.)

Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / сост. И. С. Кон ; пер. Ю. А. Асеева. М. : Наука, 1988.

Mead M. (1988) Culture and the World of Childhood. Selected Contributions / ed. by I. S. Kon; translated by Yu. A. Aseev. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Пушкарева Н. Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России. X — начало XIX в. Невеста, жена, любовница. М. : Ладомир, 1997.

Pushkareva N. L. (1997) Private Life of a Woman in Pre-Industrial Russia. X — Early XIX Century. Bride, Wife, Lover. Moscow: Ladomir. (In Russ.)

Шадрина А. Дорогие дети. Сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке. М. : Новое литературное обозрение, 2017.

Shadrina A. (2017) Precious Children: The Fall in Fertility and the Rise in the Price of Motherhood in the XXI Century. Moscow: New Literary Observer.

Шадрина А. Не замужем: Секс, любовь и семья за пределами брака. М. : Новое литературное обозрение, 2014.

Shadrina A. (2014) Not Married: Sex, Love and Family beyond Marriage. Moscow: New Literary Observer.

Doane J. L., Hodges D. L. (1992) From Klein to Kristeva: Psychoanalytic Feminism and the Search for the “Good Enough” Mother. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Donath O. (2017) Regretting Motherhood: A Study. Berkeley, CA: North Atlantic Books.

Ennis L. R. (ed.) (2014) Intensive Mothering: The Cultural Contradictions of Modern Motherhood. Toronto: Demeter Press.

Ferraro J. M. (2012) Childhood in Medieval and Early Modern Times. In: Fass P. S. (ed.) *The Routledge History of Childhood in the Western World*. New York: Routledge. P. 61—77. <https://doi.org/10.4324/9780203075715.ch3>.

Rotkirch A., Basten S., Väisänen H., Jokela M. (2011) Baby Longing and Men's Reproductive Motivation. *Vienna Yearbook of Demographic Research*. Vol. 9. P. 283—306. <https://doi.org/10.1553/populationyearbook2011s283>.

Rousseau J. J. (1979) *Émile, or On Education*. New York: Basic Books.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.24

Правильная ссылка на статью:

Ломакин И. В. Сожалея о материнстве. Рец. на кн.: Donath O. *Regretting Motherhood: A Study*. Berkeley, CA: North Atlantic Books, 2017 // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 473—478. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.24>.

For citation:

Lomakin I. V. (2019) *Regretting Motherhood*. Book Review: Donath O. (2017) *Regretting Motherhood: A Study*. Berkeley, CA: North Atlantic Books. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 473—478. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.24>.

И. В. Ломакин

СОЖАЛЕЯ О МАТЕРИНСТВЕ. РЕЦ. НА КН.: DONATH O. REGRETTING MOTHERHOOD: A STUDY. BERKELEY, CA: NORTH ATLANTIC BOOKS, 2017.

СОЖАЛЕЯ О МАТЕРИНСТВЕ. РЕЦ. НА КН.: DONATH O. REGRETTING MOTHERHOOD: A STUDY. BERKELEY, CA: NORTH ATLANTIC BOOKS, 2017.

REGRETTING MOTHERHOOD. BOOK REVIEW: DONATH O. (2017) REGRETTING MOTHERHOOD: A STUDY. BERKELEY, CA: NORTH ATLANTIC BOOKS.

ЛОМАКИН Илья Валерьевич — бакалавр политологии, стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; приглашенный исследователь Департамента социологии, Лундский университет, Лунд, Швеция
E-MAIL: elijah.lomakin@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-6850-6329>

Ilya V. LOMAKIN^{1,2} — Bachelor of Arts in Political Science, Research Assistant at the Laboratory for Comparative Social Research; Visiting Scholar at the Department of Sociology
E-MAIL: elijah.lomakin@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-6850-6329>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Lund University, Lund, Sweden

Аннотация. Рецензия знакомит читателя с книгой израильского социолога Орны Донат «Сожалея о материнстве: Исследование».

Ключевые слова: сожаление о родительстве, материнство, Израиль, качественные методы, сожаление, феминизм, пронатализм

Благодарность. Публикация подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук, проект МД3743.2018.6.

Abstract. The review introduces the reader to the book of the Israeli sociologist Orna Donath “Regretting Motherhood: A Study”.

Keywords: regretting parenthood, motherhood, Israel, qualitative methods, regret, feminism, pronatalism

Acknowledgments. The publication is supported by the Russian Federation Presidential Grant for Governmental Support of Young Russian Scientists — Doctors of Science (project No. МД3743.2018.6).

Несколько лет назад израильская исследовательница и феминистка Орна Донат оказалась в центре внимания. Причиной тому послужила ее книга «Сожалея о материнстве», которая уже в своем заглавии зафиксировала провокационное сообщение. В ее фокусе — непроговариваемая и табуированная публичным дискурсом ситуация, когда женщина сожалеет о том, что решилась стать матерью. Нарушив молчание, своей работой Донат породила значительную дискуссию — в первую очередь в Старом Свете.

Последняя вспыхнула в Германии¹, и книга, изначально изданная на немецком языке, в короткие сроки была также переведена на английский, испанский, иврит, итальянский, португальский, французский, польский и даже корейский². Исследование Донат напрямую или косвенно породило множество газетных статей и телевизионных шоу, посвященных вопросу сожаления о заведении ребенка, а также споров в социальной сети Twitter под одноименным хештегом *#RegrettingMotherhood*. Начали выходить и другие издания, посвященные данной тематике [Fischer, 2016]. Весь этот дискурс стал проблематизировать социальные ожидания, направленные на женщину-мать, а также те требования, которые она предъявляет к самой себе. Сторонники одного блока говорили, что современная мать в Германии перегружена заботами и вынуждена самостоятельно справляться со всеми трудностями материнства. Другие же участники дискуссии акцентировали внимание на том, что сегодня существует немало «матерей-ворон» (от нем. Rabenmütter) — сфокусированных на своих интересах и карьере женщин, перекалывающих ответственность за воспитание собственных детей на партнеров и/или детские учреждения.

¹ См. подробнее: Feuvre C. After Israeli study, ‘regretting motherhood’ debate rages in Germany // The Times of Israel. 2016. June 27. URL: <https://www.timesofisrael.com/after-israeli-study-regretting-motherhood-debate-rages-in-germany/> (accessed: 05.12.2019).

² Следует также заметить, что выходу книги предшествовали две англоязычные статьи в журналах Signs и Women’s Studies International Forum [Donath, 2015ab].

Так или иначе, важно заметить, что существует также немало людей, готовых и вовсе вполне безболезненно отказаться от идеи заведения детей. Изучение явления добровольной бездетности (*voluntary childlessness*) в израильском обществе было в фокусе внимания Орны Донат на рубеже 2000—2010-х гг. [Donath, 2010, 2011]. Так, поставленный ею в обсуждаемой книге вопрос «Можно ли сожалеть о том, что стала матерью?» продолжает ее научные изыскания в области социальных ожиданий относительно репродуктивного поведения человека, в первую очередь женщин. В этом контексте ее интересуют и не-родители, и женщины-матери. Опыту последних и посвящена обсуждаемая книга.

Опираясь на 23 интервью (проведены в 2008—2013 гг.) с израильскими женщинами в возрасте от 26 до 73 лет, имеющими различные социально-экономические, профессиональные и образовательные бэкграунды³, Донат не делает каких-либо количественных выводов о том, какая доля матерей сожалеет о материнстве и почему, но скорее представляет голоса женщин, отражающие их собственный опыт. Эти женщины — некоторые из которых уже стали бабушками, — отвечая на вопрос «Если бы Вы могли повернуть время вспять и сохранить при этом свои знания и опыт, которые Вы сейчас имеете, Вы все равно стали бы матерью?», дают однозначный ответ: «Нет». Такая реакция может восприниматься обществом как нечто ненормальное, аморальное или эгоистичное, однако Донат не сторонница навешивания ярлыков. Она прямо заявляет: сожаление о материнстве — это не «феномен» и тем более не показатель «искаженного сознания» женщин. Это альтернативный путь, который априори оказывается «стертым» обществом, а посему — недоступным. Взамен имеющемуся порядку вещей автор предлагает одну из базовых феминистских идей о праве женщины на распоряжение своим телом и самостоятельном принятии репродуктивных решений — словом, придание женщине статуса субъекта.

Важно и разделение, на которое указывает Донат. Так, *сожаление* (*regret*) и *амбивалентность* (*ambivalence*) утверждаются ею как разные вещи. Если сожаление может включать в себя двойственные чувства относительно материнства, то амбивалентность относительно материнства совершенно необязательно предполагает сожаление о нем. Матери могут испытывать двойственные чувства по отношению к материнству, но при этом не сожалеть о своем выборе. Руководствуясь такими установками, Донат отложила в долгий ящик немало интервью с женщинами, которые при всей неоднозначности их отношения к опыту материнства все же не были готовы признать его ошибкой, о которой следует жалеть. В целом исследовательница отмечает, что собирать эмпирические данные было тяжело (в том числе и по причине сильной стигматизации изучаемой темы).

Интерес к книге также повышает израильский контекст исследования с его демографическими особенностями. Израиль, рассматриваемый автором как одна из стран *Запада*, абсолютно лидирует по суммарному коэффициенту рождаемости. В среднем на каждую израильскую женщину приходится более чем три

³ Помимо прочего, это исследование является попыткой дать голос тем женщинам, которые являются матерями подростков или же вовсе выросших детей, способным на ретроспективную переоценку собственного опыта. По мнению Донат, интерес исследователей к ним значительно ниже, чем к матерям новорожденных. Возраст детей информанток Орны Донат составлял от 1 до 48 лет. В совокупности 50 детей пришлось на 23 информантки, пять из них воспользовались методами вспомогательных репродуктивных технологий для того, чтобы забеременеть.

ребенка (3,11), что примерно в два раза больше, чем, например, в Испании (1,31), Финляндии (1,49), Канаде (1,50) или России (1,62)⁴. Так, пронаталистский контекст исследуемого поля способен высветить особенно драматичные нарративы.

Первая глава «Пути к материнству» обрисовывает социальные ожидания относительно материнства в западных странах: Донат фиксирует два противоположных подхода. Первый, который можно назвать эссенциалистским, апеллирует к «природе» женщин и предписанной им судьбе рано или поздно становиться матерями. Второй подход, находящийся на пересечении неолиберализма, капитализма и постфеминизма, говорит о наличии у современных женщин выбора образа жизни и права на принятие репродуктивных решений. Это как бы показывает, что большинство женщин «выбирают» рождение. Меж тем, в нарративах информанток проявляется множество сложностей, которые не вписываются в эти идеальные типы, а порой ниспровергают их, открывая стоящие за рождением ребенка скрытые смыслы.

Вторая глава ведет речь о конкретных социальных нормах, регулирующих сферу материнства. Это устоявшиеся стереотипы о «хороших» и «плохих» матерях, разъясняющих, как себя следует вести, о чем (не) думать, что чувствовать и так далее. Проводя уже упомянутую границу между сожалением и амбивалентностью, Донат вспоминает концепцию Арли Хохшильд и оперирует понятием *правила чувствования* (*feeling rules*) [Hochschild, 1979] в противовес реальным эмоциям матерей. Здесь начинается погружение в исследование сожаления о материнстве. В свою очередь, третья глава уделяет особое внимание сожалению как абстрактной категории (оно, как правило, воспринимается в качестве проблемы, отклонения), а также в более частной форме — сожалению об опыте (не-)материнства. Особенно здесь обсуждается то, как сожаление используется обществом, поощряющем и одновременно требующем прокреативного поведения. В частности, общество конструирует материнство как некоторое благо, получив которое, оборачиваться назад не захочется. Меж тем информантки Донат делятся своими ощущениями относительно преимуществ и недостатков материнства, и в их нарративах конденсируются альтернативные смыслы.

В четвертой главе Донат переходит к подробному рассмотрению того, насколько опыт материнства является, как обещает общество, наполняющим. Здесь информантки скорее говорили о материнстве в терминах опустошения или даже травмы. Более того, перспектива пожизненного — даже когда дети вырастают, — материнства также составляла немалую долю в сожалении о нем. Пятая глава сфокусирована на ограничениях, которые общество выставляет при публичном разговоре о сожалении о материнстве. Также в главе обсуждается выбор, который сожалеющие матери делают для себя: говорить со своим ребенком о собственных чувствах относительно негативного опыта материнства или же всю жизнь хранить молчание?

Наконец, в шестой главе Донат стремится выйти на объяснения сожаления о материнстве. С одной стороны, она рассматривает широко представленное предположение о том, что адаптация и удовлетворенность материнством всеце-

⁴ Fertility Rates (indicator) // Organisation for Economic Co-operation and Development. 2017. URL: <https://data.oecd.org/pop/fertility-rates.htm>.

ло или, по крайней мере, в базе своей зависят от условий, в которых женщины воспитывают своих детей. Автор отмечает, что это предположение было хорошо продемонстрировано реакцией общественности на ее исследование [Donath, 2015b]: полагалось, что сожаление возникает как следствие выбора между социально одобряемым рождением детей и менее принимаемой обществом карьерой. В этих условиях, кстати, особое значение имеет степень участия супруга в воспитательном процессе. Однако выводы ставят под сомнение такую концепцию, полагая ее неполноценной. Донат утверждает, что категорически важно понимать материнство не в качестве роли, но в качестве отношений между людьми, где матери наделены субъектностью. Только таким образом, уверена она, можно понять сущность сожаления о материнстве.

Описываемые в книге Орны Донат тренды актуализируются и в отечественном контексте. Хотя академические работы, посвященные сожалению о материнстве, практически отсутствуют, речь пока что идет об общественном дискурсе. С одной стороны, проблему «нежеланных детей» выявляла молодежная популярная культура последних лет. Выпущенные в 2017 г. рэпером Noize MC (Иван Алексеев) вместе с Монеточкой (Елизавета Гырдымова) композиция под названием «Чайлдфри» и видеоклип к ней в достаточно жесткой форме поставили вопрос о безответственном родителстве в России:

*Послушай мой совет в формате трэ:
Не жди, пока состаришься, скорей умри!
Жаль, что твои родители не чайлдфри, —
Гори в аду, в аду гори!*

С другой стороны, появились публичные заявления знаменитостей о том, что родительство может не приносить человеку ожидаемых эмоциональных дивидендов. К примеру, известная поп-дива Наталья Ветлицкая стала одной из первых отечественных селебрити, публично признавшей, что «даже рождение ребенка не сделало ее счастливой»: «Я думала, что что-то изменится, но нет»⁵. Так, в публичном пространстве возникла альтернатива мнению о том, что «радость материнства» может вести к достижению внутренней гармонии.

Книга Орны Донат — это значимый вклад в исследование людей, которые, являясь родителями, идеальным числом детей, родившихся у них за всю жизнь, называют «ноль». Данное исследовательское поле пока что понятийно достаточно разрознено, и помимо *regretful parents* можно также найти другие определения — например, *reluctant parents* [Miettinen et al., 2015: 36]. Меж тем представляется, что работа Донат, поднимая прежде непроговариваемые аспекты материнства, имеет далеко идущие перспективы приложения. Ее исследование установило научную актуальность изучения тех, кто по тем или иным причинам сожалеет о рождении детей, не получает удовольствия от заботы о детях. Более свежие работы берут исследование Донат за основу для развития собственной аналитической рамки [Moore, Abetz, 2019].

⁵ Наталья Ветлицкая: «Я счастлива, что Вселенная дала мне шанс и силы» // Россия 1. 2019. 23 ноября. URL: https://russia.tv/article/show/article_id/73112/brand_id/62417/type_id/3/ (дата обращения: 05.12.2019).

Можно с уверенностью сказать, что данная работа будет полезна социальным исследователям, занимающимся вопросами семьи и репродукции, представителям междисциплинарного поля гендерных исследований. Определенно также, что эта книга важна для множества матерей, готовых узнать себя в том, о чем повествует Донат. Так, некоторые из них, по словам автора, уже открыли для себя, что они не одни в этом «детоцентристском» мире, и нашли поддержку. В конечном счете книга будет интересна самой широкой аудитории: благодаря доступному стилю изложения и богатству эмпирического материала работа Орны Донат, сохраняя рамку академического исследования, увлекает и удивляет своим нетривиальным содержанием.

Список литературы (References)

Donath O. (2010) Pro-Natalism and Its 'Cracks': Narratives of Reproduction and Childfree Lifestyles in Israel. *Israeli Sociology*. Vol. 11. No. 2. P. 417—439. (In Hebrew).

Donath O. (2011) Making a Choice: Being Childfree in Israel. Tel-Aviv: Miskal-Yedioth Ahronoth Books. (In Hebrew).

Donath O. (2015a) Choosing Motherhood? Agency and Regret within Reproduction and Mothering Retrospective Accounts. *Women's Studies International Forum*. Vol. 53. P. 200—209. <https://doi.org/10.1016/j.wsif.2014.10.023>.

Donath O. (2015b) Regretting Motherhood: A Sociopolitical Analysis. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 40. No. 2. P. 343—367. <https://doi.org/10.1086/678145>.

Fischer S. (2016) The Myth of Mothering Joy: Regretting Motherhood — Why I Would Rather Be a Father. Kiel: Ludwig Buchverlag. (In German).

Hochschild A. R. (1979) Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structure. *American Journal of Sociology*. Vol. 85. No. 3. P. 551—575. <https://doi.org/10.1086/227049>.

Miettinen A., Rotkirch A., Szalma I., Donno A., Tanturri M.-L. (2015) Increasing Childlessness in Europe: Time Trends and Country Differences. *Families and Societies. Working Paper Series*. No. 33. <http://www.familiesandsocieties.eu/wp-content/uploads/2015/03/WP33MiettinenEtAl2015.pdf>.

Moore J., Abetz J. S. (2019) What Do Parents Regret about Having Children? Communicating Regrets Online. *Journal of Family Issues*. Vol. 40. No. 3. P. 390—412. <https://doi.org/10.1177/0192513X18811388>.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИССЛЕДОВАНИЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.25

Правильная ссылка на статью:

Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С., Андреева А. С. Расселение мигрантов в глобальных городах и его детерминанты: Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении. Часть I // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 479—504. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.25>.

For citation:

Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S., Andreeva A. S. (2019) Migrants' settlement patterns in global cities and their determinants: Paris, Singapore, Sydney and Moscow. Part I. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 479—504. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.25>.

Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова, А. С. Андреева РАССЕЛЕНИЕ МИГРАНТОВ В ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДАХ И ЕГО ДЕТЕРМИНАНТЫ: ПАРИЖ, СИНГАПУР, СИДНЕЙ И МОСКВА В СРАВНЕНИИ. ЧАСТЬ I

РАССЕЛЕНИЕ МИГРАНТОВ В ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДАХ И ЕГО ДЕТЕРМИНАНТЫ: ПАРИЖ, СИНГАПУР, СИДНЕЙ И МОСКВА В СРАВНЕНИИ. ЧАСТЬ I

MIGRANTS' SETTLEMENT PATTERNS IN GLOBAL CITIES AND THEIR DETERMINANTS: PARIS, SINGAPORE, SYDNEY AND MOSCOW. PART I

ВАРШАВЕР Евгений Александрович — кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: varshavere@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

Evgeni A. VARSHAVER¹ — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Group for Ethnicity and Migration Research, Senior Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies

E-MAIL: varshavere@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

РОЧЕВА Анна Леонидовна — кандидат социологических наук, ведущий исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-3181-9698>

ИВАНОВА Наталия Сергеевна — магистр социологии, исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

АНДРЕЕВА Альбина Сергеевна — магистр международных отношений, исследователь Группы исследований миграции и этничности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: formulagerona@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1353-5798>

Аннотация. Приводятся результаты сравнительного анализа характеристик расселения этнических мигрантов и их детерминант в глобальных городах (Париж, Сингапур, Сидней и Москва). Статья написана на основании релевантной литературы, а также полевой работы в указанных городах, включавшей экспертные интервью со специалистами по урбанистике и интеграции

Anna L. ROCHEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research, Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-3181-9698>

Nataliya S. IVANOVA¹ — Master of Sociology, Researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research, Research Fellow at the Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

Albina S. ANDREEVA¹ — Master of International Relations, Researcher at the Group for Ethnicity and Migration Research
E-MAIL: formulagerona@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1353-5798>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of a comparative study devoted to the settlement of ethnic migrants and their determinants in the global cities, such as Paris, Singapore, Sydney, and Moscow. The article is based on the relevant literature and field studies conducted in these cities including interviews with experts in the urban studies and migrant integration, observation, in-depth and

мигрантов, наблюдения, глубинные и экспресс-интервью в городском пространстве, в частности в местах резидентной концентрации иноэтничных мигрантов (этномиграционных анклавов). Основной результат — теоретическая схема, описывающая главные детерминанты расселения мигрантов в разных контекстах. Среди основных факторов, объясняющих расселение мигрантов в глобальных городах, — социально-экономические параметры принимающего общества, характеристики миграционной политики, миграционных потоков, вертикальной социальной мобильности мигрантов и их детей, социальная структура пространства, локальная конструкция этничности, государственная и городская резидентная политика, а также резидентный выбор мигрантов и немигрантов. Для каждого случая набор факторов, объясняющий характеристики расселения мигрантов, различается. В статье приводятся детальные описания городов-случаев и показывается релевантный для них набор факторов. Текст статьи разделен на две части, первая публикуется в № 6 (2019), вторая — запланирована в № 2 (2020).

Ключевые слова: миграция, расселение мигрантов, этно-миграционные анклавы, места концентрации мигрантов

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-78-10086) «Анализ механизмов формирования этномиграционных анклавов в российских городах».

express interviews in the urban space, for example, in the areas of residential concentration of non-ethnic communities (ethno-migrant enclaves). The authors propose a theoretical scheme describing the key determinants of migrant settlement in different contexts. The basic factors behind migrant settlements in the global cities are as follows: socio-economic characteristics of the receiving community, migration policy, characteristics of migration flows, characteristics of vertical social mobility among migrants and their children, social structure of the urban space, local construction of ethnicity, state and urban residential policies, and residential choices of migrants and non-migrants. For each of these cases, factors explaining settlement preferences can be different. The article provides a detailed description of each city and depicts a set of factors relevant for each of these case studies.

Keywords: migration, migrant settlement, ethno-migrant enclaves, migrant concentrations

Acknowledgments. The research behind the article is supported by the Russian Science Foundation (project RSF № 18-78-10086) “Analysis of Ethno-Migrant Enclave Formation in Russian Cities”.

Введение

Расселение мигрантов и этно-миграционная анклавизация — тема, хорошо разработанная в зарубежной науке, но практически не тронутая в России. Авторы редких отечественных исследований [Вендина, 2004; Demintseva, 2017; Varshaver, Rocheva, 2018] сходятся во мнении, что мигрантских районов ни в России в целом, ни в Москве в частности нет и что Россия существенно отличается от прочих принимающих обществ. До настоящего момента не предпринимались попытки комплексного изучения характеристик расселения мигрантов в России на международном фоне. В 2018 г. стартовал масштабный проект, поддержанный Российским научным фондом, посвященный расселению мигрантов в России, реальности и потенциалу. Проект подразумевает использование спектра методов социальных наук — от анализа социетальной статистики до математического моделирования резидентного поведения мигрантов и немигрантов. Первой задачей в рамках проекта являлась контекстуализация российского случая зарубежными и создание общей теоретической модели, позволяющей для каждого случая, включая российский, выделять факторы, связанные с расселением мигрантов. Была начата масштабная работа по изучению разнообразных международных контекстов и сопоставлению их между собой и с российским случаем. В данной статье приводятся первые результаты этой работы.

В ходе исследовательских мероприятий были изучены три зарубежных мегаполиса, возможность исследовательских поездок в которые существовала на момент начала работы, проведено пилотное исследование в Москве, выполнено сопоставление случаев между собой и на его основании создана теоретическая модель расселения мигрантов в мегаполисе. Важно отметить, что эта модель была создана индуктивно и в приведенном виде является в большей степени «общим знаменателем» рассмотренных случаев, но не универсальным объяснением расселения мигрантов. Тем не менее работа продолжается: рассматриваются иные страновые контексты (Великобритания, Канада, ОАЭ, Израиль, Швеция и проч.), исследуются различные российские случаи (Красноярск, Екатеринбург, Санкт-Петербург, Волгоград, Астрахань и проч.), детальнее изучается Московская агломерация, анализируется литература, посвященная соответствующим явлениям. Представляется, что полученные результаты имеют научную ценность и на данном этапе, но именно в обозначенном эпистемологическом статусе — как результаты первого этапа исследования.

В каждом из выбранных городов одним из авторов статьи осуществлено полевое исследование качественными методами (экспертные, глубинные и экспресс-интервью, а также наблюдение). На основании его результатов, а также анализа статистики и литературы было дано подробное описание случая. Сходные исследовательские мероприятия проводились в Москве. Далее случаи были сопоставлены в ходе коллективного анализа результатов и представлены в виде статьи. Сложность сопоставления состояла в том, что каждый страновой контекст существенно отстоит от прочих — и в части языка описания явлений, связанных с миграцией и расселением в городе, и в части соответствующей статистики (ее наличия и надежности), и в части собственно ситуации с миграцией и расселением. Это исследование проигрывает по параметру четкости сравнительным исследо-

ваниям, в которых сопоставляются значения сегрегации, посчитанные с помощью индексов на основании сопоставимой статистики, однако именно в этом и состоял вызов — сравнить случаи, которые по многим критериям существенно отстоят один от другого, несмотря на возникающие сложности рядоположить их, выявить сходства и различия и, как следствие, попытаться понять, как устроено расселение мигрантов *per se*.

Статья разделена на две части. В первой части, опубликованной в этом номере, дано описание теоретических подходов, на базе которых было выполнено исследование, приведена методология, указаны ее ограничения, представлены описания случаев Парижа и Сингапура. Во второй части статьи, готовящейся к публикации в № 2 (2020), приведено описание Сиднея и Москвы, дан сравнительный анализ всех четырех случаев, обозначены основные особенности расселения мигрантов в Москве, представлена теоретическая модель, объясняющая расселение мигрантов в глобальных городах.

Подходы к изучению расселения мигрантов

Этническая сегрегация и расселение мигрантов в городах — тема, хорошо разработанная в зарубежной литературе. Классические работы Чикагской школы, посвященные осмыслению взаимодействия представителей мигрантских групп в городе и вошедшие в историю социологии под лейблом «цикл расовых отношений» [Park, 1950], практически сразу обращаются к пространственному аспекту этого взаимодействия. Одной из первых попыток теоретизирования о том, где и почему расселяются мигранты и как это меняется со временем, является теория концентрических зон Берджесса [Park, Burgess, 1925]. Согласно этой теории, мигранты сначала селятся в зонах, прилегающих к центру, где дома находятся в запущенном состоянии (следовательно, цены на жилье самые низкие в городе), а также расположены фабрики с типичными рабочими местами. По мере накопления ресурсов мигранты перебираются в зоны «домов рабочего класса», а затем и дальше — на окраины, где жилье еще лучше. Теория концентрических зон, однако, как показали дальнейшие исследования [Berry, Rees, 1969; Janson, 1980; White, 1988], хорошо описывая Чикаго первой четверти XX в., не подходила для описания других американских и неамериканских городов.

Введение в научный оборот все большего количества случаев расселения мигрантов потребовало создания более строгих, в том числе количественных, описаний расселения мигрантов в городах, и вторая половина XX в. ознаменовалась введением, обсуждением и активным использованием так называемых «индексов сегрегации» — математических показателей расселения тех или иных групп в городе. Показатели сегрегации, впервые предложенные после войны [Jahn, Schmid, Schrag, 1947], почти сразу стали объектом критики и дальнейшей детализации [Cowgill, Cowgill, 1951; Duncan, Duncan, 1955], и за тридцать лет накопилось множество сегрегационных индексов, в 1988 г. редуцированных Мэсси и Дентон к пяти основным измерениям [Massey, Denton, 1988]. Параллельно увеличивался объем литературы, где индексы сегрегации использовались для изучения тех или иных случаев [Zhou, Logan, 1991; Jones

et al., 2015] или сравнения их между собой [Johnston, Poulsen, Forrest, 2007ab], однако до определенного момента [Maloutas, Fujita, 2016] за некоторыми исключениями [Clark, 1988] эти исследования носили дескриптивный характер, не ставя задачу объяснить различия в значении показателей. Также важно отметить, что такого рода исследования ориентируются исключительно на данные переписей и прочей государственной статистики, а значит, в случаях, когда существенная часть миграции — временная или «нелегальная», и в ситуациях, когда государство стремится своих мигрантов «не замечать», описательная мощность этого подхода снижается.

Важная задача в рамках изучения расселения мигрантов — создание общих и частных теоретических моделей, его объясняющих, для чего был использован институциональный подход в урбанистических исследованиях: такие модели предполагали объяснение расселения мигрантов через пространственное неравенство и государственную жилищную политику [Atkinson, Kintrea, 2000; Briggs, 2003; Musterd, Andersson, 2005; Maloutas, Fujita, 2016]. В этих исследованиях было продемонстрировано, что, во-первых, сегрегация мигрантов в городах объясняется участием государства в рынке недвижимости; во-вторых, «социалистические» режимы распределения жилья характеризуются меньшей жилищной сегрегацией, нежели «либеральные» режимы [Arbaci, 2007]; в-третьих, важно расположение социального жилья, и на первый план выходят факторы, ответственные за это расположение, в том числе история пространственного неравенства и различного рода усилия по его смягчению [Skifter Andersen et al., 2016]. В последние годы эта традиция вышла за пределы указанных объяснительных моделей, дополнившись социально-экономическим неравенством, позицией города в глобальном распределении ресурсов и другими факторами [Musterd et al., 2017]. Создание общей объяснительной модели расселения мигрантов в этой традиции столкнулось, однако, с тем, что во многих случаях решающими для расселения мигрантов являются узкоконтекстуальные факторы и урбанистическая история [Tammaru et al., 2015].

Параллельно этому подходу развиваются исследования резидентного выбора [Åslund, 2005] и индивидуальных предпочтений [Zubrinksy, 2006]. Восходя к математическому моделированию сегрегации Шеллинга [Schelling, 1971], эти исследования помещают в фокус желание мигрантов и немигрантов жить с представителями тех или иных мигрантских и немигрантских групп. Среди подтем исследований выделяются, во-первых, установка на проживание с представителями «своей» группы [Raden, 2003], во-вторых, желание избежать соседства представителей тех или иных «чужих» групп [Krysan, 2002], в-третьих, неэтнические факторы резидентного выбора, кроме того, производятся попытки комплексного объяснения расселения через резидентный выбор [Havekes, 2014]. Основной вывод этого блока исследований состоит в том, что этническая сегрегация вызвана неэтнической установкой жить рядом с родственниками и друзьями, которые, однако, зачастую оказываются той же этнической принадлежности. Кроме того, как указывал Шеллинг, а затем и его последователи [Pancs, Vriend, 2007; Urselmans, 2016], пространственная сегрегация может быть результатом слабовыраженных сегрегационных установок.

Методология исследования

Отталкиваясь от указанных подходов, в изучении расселения мы прежде всего обращали внимание на следующие явления. (1) Социальная структура пространства «до миграции» — характеристики застройки, паттерны расселения представителей разных групп, «классовость» пространства, история пространственного неравенства. (2) Характеристики миграционных волн и отдельных групп мигрантов — их постоянность или временность, уровень образования и характеристики занятости, знание языка принимающей страны и фактическое, равно как и воспринимаемое, культурное сходство мигрантов и немигрантов. (3) Государственная миграционная политика — в частности, аккомодация (первичный прием) мигрантов, предоставление тем или иным категориям мигрантов социального жилья, усилия по социальному перемешиванию жителей в зависимости от миграционного статуса. (4) Резидентные установки мигрантских и немигрантских групп. Одновременно с этим мы пытались осмыслить каждый случай в отдельности, в том числе и на основании тех объяснительных моделей, которые предлагались в литературе применительно к каждому из случаев, а также в экспертных интервью.

В качестве объекта изучения и сравнения взяты Париж, Сингапур, Сидней и Москва. Было решено исследовать так называемые глобальные города (ГГ), которые привлекают мигрантов в первую очередь [Benton-Short, Price, Friedman, 2005]. Согласно классификации сети «Глобализация и глобальные города»¹, все выбранные нами мегаполисы относятся к городам альфа и альфа+, аккумулирующим глобальные финансовые и миграционные потоки. На этом этапе исследования было важно не ограничивать себя предварительно заданными основаниями для выборки, поэтому случай должен был удовлетворять минимальным требованиям: во-первых, в составе населения города присутствуют международные мигранты и их дети, во-вторых, существует возможность исследования города на основе синтеза полевых и кабинетных методов. В итоге, однако, набор случаев получился достаточно разнообразным.

В нероссийские города организована исследовательская поездка, предполагавшая серию экспертных интервью, скомбинированных с наблюдением и интервьюированием в городском пространстве, в том числе в местах концентрации мигрантов. Основная часть исследования была проведена зимой-весной 2019 г. В Сиднее проведено 8 экспертных и 40 глубинных и экспресс-интервью, в Сингапуре — 6 экспертных и 20 глубинных и экспресс-интервью, в Париже — 6 экспертных интервью, а затем результаты верифицированы на основании еще 4 экспертных интервью и 30 глубинных и экспресс-интервью. Параллельно этому осуществлялась кабинетная работа. Основная эмпирическая база этой работы — существующие исследования и переписи населения.

Иначе была построена работа по изучению московского случая. Поскольку авторы долгие годы изучали миграцию и интеграцию мигрантов в России, значительной частью информации, которая в других случаях собиралась в ходе глубинных, экспресс- и экспертных интервью, в отношении Москвы они располагали. С другой стороны, изучением непосредственно расселения мигрантов авторы ранее почти

¹ См. подробнее по ссылке: <https://www.lboro.ac.uk/microsites/geography/gawc/> (дата обращения: 10.12.2019).

не занимались, поэтому было осуществлено масштабное исследование, в ходе которого вместе со студентами методами глубинных, экспресс- и экспертных интервью были изучены различные локации расселения мигрантов на территории Москвы и Московской области². Параллельно были проведены экспертные интервью со специалистами по урбанистической истории Москвы. Эти исследовательские мероприятия не являются конечной точкой в рамках исследования Московской агломерации, и ее исследование будет продолжено.

На основании указанных данных создавались описания городов. В части доступности данных случаи существенно различались. Например, если в Австралии по каждой переписной единице в открытом доступе имеется подробнейшая информация (включая миграционные, этнические и религиозные характеристики), в Москве такие данные очень неточны и недооценивают временных мигрантов, а в Сингапуре миграция отсутствует среди тем переписи. Кроме того, для описания разных случаев в разном соотношении использовалась информация, полученная разными методами. В частности, если во Франции в силу значительной изученности вопроса большая часть описания была сделана на основании литературы, в Сингапуре исследования расселения практически полностью отсутствуют, и описание в первую очередь было сделано на основании экспертных интервью, а также полевой работы в городской среде. После описания случаев в предварительном ключе было проведено несколько аналитических встреч, в ходе которых случаи сопоставлялись между собой, выделялось общее и частное, выявлялись факторы, наиболее важные в каждом из случаев, а кроме того — создавалась теоретическая модель, призванная описать расселение мигрантов как таковое. Важно отметить, что наибольшие усилия в ходе этого обсуждения были потрачены на то, чтобы привести изученные случаи к состоянию сопоставимости — при этом необходимо было абстрагироваться от различий в характеристиках используемых данных, миграционной ситуации и дискурсах о миграции в каждом из случаев. В результате были сформулированы широкие обобщения, опасность которых авторы осознавали, но также видели в них единственную возможность движения в сторону ответа на вопрос об устройстве расселения мигрантов вообще. Частным следствием из этого является то, что далеко не всегда в описаниях возможно атрибутировать тот или иной тезис тексту или эксперту, однако, если это оказывалось возможным, ссылка той или иной степени точности приводилась.

Описания случаев

Париж

Историю иммиграции во Франции можно разделить на три периода: до Второй мировой войны, с 1950-х по 1990-е и с 2000-х по настоящее время. В первый период наиболее крупные группы мигрантов состоят из выходцев из соседних стран — бельгийцев, итальянцев, испанцев, немцев и швейцарцев [Histoire de l'immigration..., 2004]. Этот поток прерывается сначала Великой депрессией, а затем и Второй мировой войной. По окончании Второй мировой перед страной вновь встает задача реконструкции экономики в условиях нехватки рабочих рук.

² Авторы выражают благодарность за помощь в сборе данных Я. Богуславской, А. Бойко, Е. Власовой, М. Кандински, В. Козлову, Н. Кононцу, М. Мурадовой, И. Тереховой, И. Токмань, Ю. Чеботареву.

Для восстановления экономики Франция снова привлекает рабочую силу из-за рубежа. В этот период доля итальянцев постепенно снижается за счет роста числа мигрантов из Португалии и стран Северной Африки. В 1970-х нефтяной кризис, к которому затем добавились другие факторы, стал причиной замедления французской экономики и положил начало деиндустриализации: фабрики и заводы в этот период массово закрываются, объемы промышленного производства падают, а доля услуг, напротив, растет. Власти принимают решение закрыть границы для иностранных работников и разрешить въезд только беженцам и членам семей тех мигрантов, которые уже живут в стране. В ответ на эти меры растет незаконная иммиграция, которая принимает разные формы [Tribalat, 1997]. Военные конфликты, политические кризисы, тяжелое экономическое положение, вызванное, помимо прочего, засухой в регионе Сахель, приводят к всплеску миграции из Африки южнее Сахары. Хотя первые группы мигрантов из этого региона появились во Франции еще после Второй мировой войны, с конца 1960-х по 1990-е гг. наблюдается их резкий рост. Новые потоки приезжих включают как бывшие колонии (Сенегал, Мали, Мавритания, страны Гвинейского залива), так и страны, не связанные с Францией колониальным прошлым, — Маврикий, Конго, Гана, Кабо-Верде и проч. Если в 1970—1990-е доля мигрантов во Франции оставалась на уровне 7,5%, то в начале XXI в. вновь наблюдается резкий рост: за 15 лет число мигрантов увеличилось с 4,4 млн в 1999 г. до 6,2 млн (или 9,3% населения) в 2015 г. Среди тенденций внутри потока отмечается рост доли мигрантов из стран Африки (44,6% в 2015 г.), в особенности из Африки южнее Сахары, и продолжает снижаться доля европейских мигрантов, хотя последние все еще составляют вторую крупнейшую группу — 35,4%³ от общего числа иммигрантов во Франции.

Париж — столица страны, а также один из основных индустриальных центров. С начала индустриализации город был центром притяжения внутренних мигрантов, а также стягивал на себя иностранную миграцию. Уже в 1891 г. доля его жителей, не родившихся в Париже, достигала 97%, однако иностранцев среди них было только 10% и в основном они приезжали из Англии, Италии, Бельгии, Германии и Польши⁴. В начале XX в. число иностранных мигрантов в Париже резко растет благодаря беспрецедентному экономическому росту и к 1931 г. достигает 450 тыс. Две трети из них — итальянцы, также в городе селятся бельгийцы, испанцы, поляки, армянские беженцы из бывшей Османской империи, русские — белые эмигранты и бежавшие от погромов евреи. В ходе всех последующих волн Париж остается крупнейшим очагом миграции и даже в период с 1970-х по 1990-е гг., когда число мигрантов стабилизируется в остальной Франции, в Парижском регионе оно продолжает расти. В XXI в. мигранты продолжают селиться в Париже — регион Иль-де-Франс удерживает абсолютное первенство по доле иностранных мигрантов и их приросту: здесь развита экономика, находятся крупнейшие аэропорты, государственные органы по работе с мигрантами (например, офис по делам

³ Immigrés, étrangers. *Institut National de la Statistique et des Études Économiques*. 2010. October 8. URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/3633212> (accessed: 10.12.2019).

⁴ Fourcaut A. Haussmannisation et annexion. Cours: Paris et les banlieues, naissance d'un espace urbain, leçon 1. *Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne*. 2012. URL: http://e-cours.univ-paris1.fr/modules/uoh/paris-banlieues/u1/co/1_1.html (accessed: 10.12.2019).

беженцев), университеты, принимающие больше всего иностранных студентов во Франции, а также крупные фонды социального жилья⁵. Париж отличается разнообразием происхождения мигрантов: если в других крупных агломерациях проживают в основном магрибцы и европейцы, то именно в столице сконцентрированы представители Юго-Восточной Азии и Китая, а также большинство мигрантов из Африки южнее Сахары⁶.

Можно выделить четкий пространственный паттерн расселения разных мигрантских групп по городу и пригородам (см. рис. 1). Если европейские мигранты расселены по агломерации достаточно равномерно и их можно встретить как в центральных коммунах Парижа, так и в пригородах, расположенных во всех направлениях от центра, азиатские иммигранты в большей степени концентрируются в северо-восточных и юго-восточных пригородах. Еще более выражена концентрация магрибских мигрантов: всего в агломерации их около 5 %, в ряде северных пригородов их доля может достигать 15 %, в центральных же коммунах они недопредставлены или практически не живут. В целом территория, где доля магрибских мигрантов выше, — это полоса пригородов, тянущаяся с северо-запада на северо-восток, а также районы к юго-востоку от Парижа.

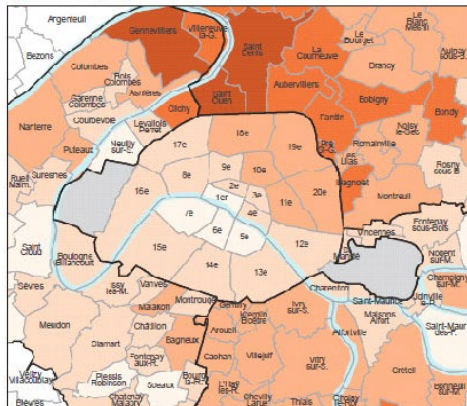
Сходная картина характеризует мигрантов из Черной Африки. Они почти не живут в центральной части города, зато значительно (в пять раз относительно их доли в населении Парижа) перепредставлены на севере, в частности в муниципалитете Сен-Дени, который также характеризуется самой высокой долей магрибцев [Vieillard-Baron, 2016]. Мигранты, таким образом, концентрируются в некоторых частях Парижа, но на уровне муниципалитетов и районов говорить о сегрегации не приходится [Préteceille, 2011]: по состоянию на начало 2000-х ни в одном из них — а всего их 420 — доля мигрантов и их детей не составляла более 50 %. В восьми таких пространственных единицах эта доля колеблется между 38 % и 45 %, в 16 — между 30 % и 37 %, в 164 — от 0 до 7 % — это наиболее часто встречающаяся доля мигрантов первого и второго поколения. Ситуация меняется, если спуститься на еще более низкий переписной уровень (TRIRIS) — из 1126 мелких пространственных единиц уже в 14 мигранты и их дети составляют более половины населения, а в муниципалитете Клиши-су-Буа (департамент Сена-Сен-Дени) эта доля достигает 70 %. Совокупная доля мигрантов, живущих в этих единицах, составляет не более 5 % от их общего количества, и можно говорить о территориях высокой концентрации мигрантов в Париже, но в них живет лишь небольшая часть мигрантов — большинство же расселено в муниципалитетах, где концентрация невысока. Одновременно, однако, муниципалитеты с более высокой концентрацией мигрантов тяготеют к северным, северо-восточным и юго-восточным частям Парижа.

⁵ Fourcaut A. Les territoires de l'immigration au XXe siècle. Cours: Paris et les banlieues, naissance d'un espace urbain, leçon 6 // Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne. 2012. URL: http://e-cours.univ-paris1.fr/modules/uoh/paris-banlieues/u6/co-module_1.html (accessed: 10.12.2019).

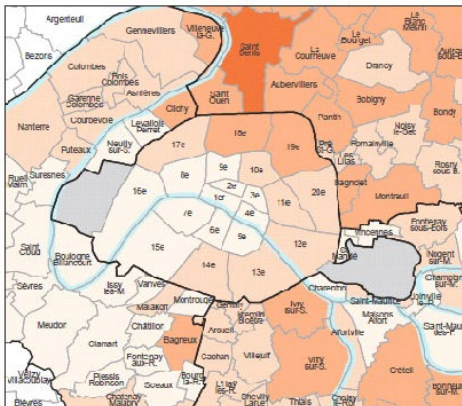
⁶ 5 cartes pour Comprendre ce qu'est Devenue la France d'Aujourd'hui // Atlantico. 2016. July 8. URL: <https://www.atlantico.fr/decryptage/2757191/5-cartes-pour-comprendre-ce-qu-est-devenue-la-france-d-aujourd-hui-laurent-chalard-jacques-levy> (accessed: 10.12.2019).

Доля мигрантов по стране происхождения, 2007 г.

Страны Магриба
 Ср. знач.: Париж - 5%
 Ср. знач.: Иль-де-Франс - 5,1%

Африка за искл. стран Магриба
 Ср. знач.: Париж - 3,1%
 Ср. знач.: Иль-де-Франс - 3,2%

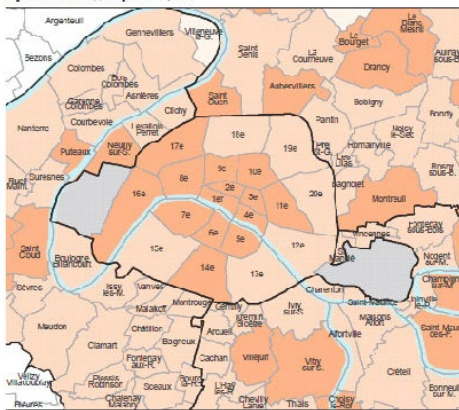

Доля мигрантов в общей численности населения

- более 15%
- от 10 до 15%
- от 5 до 10%
- от 2,5 до 5%
- менее 2,5%

Источник: Перепись населения (INSEE) - 2007

Страны ЕС-27
 Ср. знач.: Париж - 5,2%
 Ср. знач.: Иль де Франс - 4,4%

Азия и Оксания
 Ср.знач.:Париж - 4,3%
 Ср. знач. Иль-де-Франс - 3%

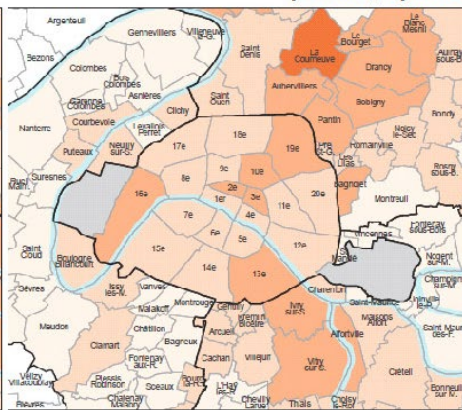

Рисунок 1. Доля мигрантов из различных регионов мира по департаментам Парижа [Veillard-Baron, 2016]

Что собой представляют эти районы и в какой степени районы с высокой долей мигрантов являются одновременно бедными? Для Парижа это в значительной степени так — достаточно посмотреть на карту распределения среднегодовых доходов. Северные, северо-восточные и юго-восточные пригороды — это территории, где в среднем зарабатывают не более 20 тысяч евро в год, и эти цифры существенно контрастируют с западным Парижем и западными его пригородами, где средний заработок в два раза выше [Bidoux, Couleaud, 2017]. Аналогичным образом распределяется доля учеников, не получивших аттестат зрелости: в северных пригородах она может составлять более четверти от всех выпускников, а в восточных в среднем не доходит и до 10% [Couleaud et al., 2016]. Характерно также распределение мигрантов разного происхождения и немигрантов в районах, относящихся к так называемой зоне городской политики (ZUS) Парижа, то есть районам, которым город приоритетно помогает. По данным 2008 г., население таких районов состоит из следующих групп: 46% населения — местные, 35% — мигранты из Турции, Северной Африки и Африки южнее Сахары и их дети, 15% — мигранты из других стран и их дети, 4% — французы из заморских департаментов. 100 наиболее уязвимых кварталов из числа зон городской политики имеют еще более высокую концентрацию выходцев из Африки и Турции — там их доля достигает 43% [Pan Ké Shon, 2011]. Еще более показательны цифры, описывающие этнический состав зон городской политики всего Иль-де-Франс, в которых 50% жителей — мигранты из Северной и Черной Африки и их дети [Bidoux, 2012].

В какой степени можно говорить о резидентной мобильности — переезде жителей таких районов в лучшие части города? Она, вопреки расхожему мнению, высокая — выше, чем в среднем в стране, но для разных групп жителей она выглядит по-разному. Мобильность французов и мигрантов не из Африки не только выше, но и намного чаще идет по восходящей: среди французов, которые жили в 1990 г. в неблагополучном квартале, 63,7% сменили место жительства до 1999 г., из них 69% уехали в «хороший» квартал (не-ZUS). Среди африканских мигрантов, живших в ZUS, место жительства сменили 55,4%. Из них в «хороший» квартал переехали только 40%, 45% переехали в рамках того же квартала, 16% переместились в другой бедный район [Pan Ké Shon, 2009]. В целом вероятность поселиться в неблагополучном квартале в 84 раза выше для тех, кто уже живет в таком же (или том же) неблагополучном квартале. Можно, таким образом, говорить о том, что социально-пространственная мобильность среди мигрантов не является массовой и население бедных районов воспроизводится в том числе и через поколение.

Отдельно следует сказать об имидже мигрантской части Парижа. В научном и политическом дискурсе Франции закрепляется пространственное видение таких социальных проблем, как молодежная преступность, наркотрафик, безработица, нелегальная иммиграция. Конструируется образ пригородов как зоны социальной исключенности, повышенной преступности, инородной — мигрантской — культуры. Районы преимущественного проживания мигрантов начинают называть гетто и территориями беззакония. Этот образ настолько силен, что появляется феномен дискриминации по месту жительства, когда адрес проживания может стать причиной отказа в приеме на работу. Напротив, среди обитателей пригородов укореняется собственный конфликтный нарратив: они жертвы постоянной

дискриминации и произвола полицейских, покинуты государством и обществом, живут без доступа к достойному образованию и работе, являются чужаками в собственной стране. Остро переживая собственную исключенность, мигранты пригородов воспроизводят стигматизацию, которой затем подвергаются: в их дискурсах лейтмотивом проходит мысль о том, что они хотят вырваться из своего квартала, что здесь действительно живут группы риска, но это все — «другие, а не я». Это причудливым образом сочетается с желанием защитить собственный квартал от обвинений со стороны и выражается в конструкциях вроде «У нас нет никаких проблем, СМИ врут» [Avenel, 2009].

Всего за 70 лет интенсивной международной миграции в Париже сложились районы, в которых доля мигрантов выше, чем в других. Более того, эти районы, характеризуясь низким уровнем доходов, плохим школьным образованием, высоким уровнем безработицы и низким уровнем пространственно-социальной мобильности, довольно быстро превратились в территорию воспроизводящейся межпоколенной бедности. Как такое положение вещей сложилось?

Еще до индустриализации пространство Парижа было иерархизировано: зажиточные парижане предпочитали селиться на западе от центра города, центр же хозяйственной активности приходился на географический центр Парижа и на территории, прилегающие к нему с северной и восточной сторон. Современная хозяйственная специализация районов и связанное с ней пространственное районирование восходят, однако, к индустриальной эпохе и связаны с ходом пространственных преобразований Парижа третьей четверти XIX в. В этот период власти проводят масштабную реновацию Парижа, налаживают канализацию, движение, строят престижные кварталы, превращают город в центр культуры и своего рода витрину Франции⁷. Пространство за пределами города остается областью неконтролируемого расселения и хаотичной урбанизации, осуществляемой руками частных предприятий и застройщиков. Жить за городом дешевле — и в части жилья, и в части налогов. Параллельно пригороды привлекают сначала мелкие мануфактуры, а затем и крупные предприятия благодаря наличию дешевой рабочей силы, неосвоенности территорий и невысоких цен на землю⁸.

Размещаются они преимущественно в северном, северо-восточном и юго-восточном направлениях от центра в связи, во-первых, с локализацией ресурсов, необходимых для производств, во-вторых, с тем, что в этих же направлениях располагаются деловые районы центра города и сообщение с ними происходит быстрее всего, в-третьих, с тем, что западный ветер относит фабричный дым дальше от города в восточном направлении, а город с начала индустриальной эпохи пытался регулировать экологические вопросы. Рабочие этих предприятий живут недалеко от рабочих мест, в условиях, оставляющих желать лучшего: в заводских бараках, доходных домах, а также в появляющихся в начале XX в. трущобах — стихийной частной застройке, лишенной коммунальных удобств и административ-

⁷ Horn C. Haussmann and the Buildings of Paris — France. *Urbanplanet*. 2012. December 15. URL: <http://urbanplanet.info/urbanism/the-haussmann-style-2/> (accessed: 10.12.2019).

⁸ Fourcaut A. Haussmannisation et annexion. Cours: Paris et les banlieues, naissance d'un espace urbain, leçon 1. *Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne*. 2012. URL: http://e-cours.univ-paris1.fr/modules/uoh/paris-banlieues/u1/co/1_1.html (accessed: 10.12.2019).

ного управления [Lévy-Vroelant, 2004]. К началу Второй мировой войны неконтролируемое жилищное строительство достигает своего пика. В этих условиях начинается массовая послевоенная иностранная миграция, значительная часть мигрантов оседает в Париже — занимает места на предприятиях и на стройках восстанавливающейся после войны Франции, а селится — в бараках, доходных домах и трущобах.

Миграция иностранцев рассматривалась французами как временная, поэтому они не становились объектами социальной, а тем более жилищной политики. В связи с этим расселять их в социальное жилье, которое сначала в ограниченных количествах, а после войны и массово появлялось в парижских пригородах, изначально не планировалось. Новые жилые комплексы строились большей частью на месте бывших сельскохозяйственных угодий, т. к. свободных и недорогих земель было мало. Это могли быть как зеленые районы вокруг старых индустриальных городов — например, Сен-Дени, Бобиньи, Иври, — так и слабо урбанизированные зоны вокруг небольших деревень, которые осваивали буквально с нуля. Из-за ограниченного бюджета и крайне сжатых сроков новые дома строили крупными, если не гигантскими блоками от 1000 до 10 000 квартир — часто это были целые кварталы однотипных бетонных многоэтажек. Скорость строительства не позволяла продумать гармоничное оснащение новых районов общественными сооружениями, поэтому сначала в них не было ничего, кроме самих жилых зданий: ни школ, ни больниц, ни парков или даже магазинов (хотя некоторое время спустя там появились начальные школы и общественный транспорт).

Кого селили в новых домах? Чаще всего это был рабочий «средний класс» — семьи с детьми, работающие на заводах или других предприятиях и имеющие стабильный доход, квалифицированные кадры среднего звена, а также белые французы, репатриировавшиеся из колоний. Вначале среди них не было ни молодежи, ни пожилого населения. Все они отбирались специальными комитетами доступного жилья и заселялись в качестве арендаторов. Примечательно, что формально мигрантам не было запрещено селиться в этих кварталах, но на практике у них не было возможности туда попасть [Blanc-Chaléard, 2008]. Уже на данном этапе намечилось деление между более и менее образованными группами жильцов: первые воспринимали эти кварталы как промежуточное место жительства и рассчитывали в будущем купить собственный дом, в то время как вторые планировали остаться. Мигрантов же переселяли из трущоб в специально построенные транзитные городки и общежития. Они были построены в разгар Алжирской войны специально для мигрантов из этой страны, поскольку среди них распространялись националистические настроения и власть таким образом хотела их контролировать. Затем же — на волне борьбы с трущобами — в эти городки и общежития переселяли уже разных мигрантов вне зависимости от страны происхождения.

1970-е — время, когда стало понятно, что послевоенные иностранные иммигранты не собираются уезжать, а кроме того выяснилось, что социальное многоэтажное жилье не является местом, где хотел бы жить средний парижанин. Строительство социального жилья прекращается, вместо него вводятся индивидуальные пособия по улучшению жилищных условий. Французы, жившие в социальном жилье, благодаря пособиям уезжают в собственные дома, а на их место заселяют мигрантов

и бедняков из транзитных городков. Кризис 1970-х особенно сильно бьет по промышленности и, соответственно, низкоквалифицированным фабричным рабочим, которыми в первую очередь являются мигранты, и на смену белым французским рабочим в качестве жильцов «больших ансамблей» приходят мигранты. Довольно быстро эти места становятся пространством социальной исключенности. Высокий уровень безработицы, слабое владение французским языком, восприятие жителей этих районов французами в качестве чужаков — все это способствует маргинализации этих пространств. Пригороды превращаются в сосредоточение социальной депрессии и связанных с ней социальных пороков — алкоголизма и наркомании, девиантного поведения и «антишкольной культуры» в молодежной среде. Возможности для вертикальной мобильности жителей этих районов — пространственной и социальной — были сильно ограничены. Достигая трудоспособного возраста, молодежь, плохо учившаяся в школе, не пошедшая в университеты и не имевшая перед глазами моделей успеха в постиндустриальном обществе, сталкивалась с невозможностью устроиться на работу, отчего пригороды замыкались на себе и погружались в еще большую депрессию, а французское общество смотрело на их жителей с еще большим пренебрежением. Выразителями такого отношения были и полицейские, автоматически рассматривавшие жителей таких районов как потенциальных нарушителей [Lareuqnonnie, 2006]. Ответом на это отношение стали сначала митинги и шествия («марш бёров» 1983 г.), а затем и погромы, прозвучавшие на весь мир в 2005 г. — тогда было сожжено порядка 100 тысяч автомобилей. Погромы только усилили общественный антагонизм.

Для изменения сложившейся ситуации с конца 1990-х вводится политика социального смешения. Она предполагает масштабное переустройство и снос социальных кварталов, замену их другими типами жилья, а также резидентное перемешивание населения. Кроме того, на каждый муниципалитет возложена обязанность строить 20—25 % социального жилья, но на данный момент более тысячи муниципалитетов по всей Франции с этой обязанностью не справляются — более того, считается, что некоторые из них предпочитают платить штрафы, лишь бы не привлекать в район «бедность»⁹. Эффективность этой политики лишь предстоит оценить, однако распространено мнение, что в задуманной мере она реализована не будет и этническая сегрегация в Париже в ближайшем будущем не прекратится [Erstein, 2011].

Таким образом, мигранты и их дети — прежде всего из северной и центральной частей Африки — живут в Париже преимущественно в северных, северо-западных и северо-восточных пригородах. Эти пригороды беднее прочих частей Парижа, при этом бедность эта — устойчивая, межпоколенная, а сами пригороды часто справедливо ассоциируются с клубком социальных проблем разного рода. Кроме того, пригороды плотно ассоциируются с иноэтничным мигрантским населением, поэтому, учитывая распространенность расистских установок во французском обществе, негативный образ как районов, так и их жителей усиливается, что ожидаемо рождает противодействие и еще большую социальную и пространственную поляризацию.

⁹ Logements sociaux: une amende quadruplée pour les communes hors-la-loi. *SudOuest.fr*. 2017. November 6. URL: <https://www.sudouest.fr/2017/11/06/logements-sociaux-une-amende-quadruplee-pour-les-communes-hors-la-loi-3923973-5458.php>. (In French).

Сингапур

Сингапур — город и островное государство, расположенное в Юго-Восточной Азии и существующее в нынешнем виде с 1965 г. Основанный в 1819 г. и оставшийся до 1963 г. частью Британской империи, Сингапур быстро вырос из рыбацкой деревушки в крупный портовый город за счет мигрантов — прежде всего из соседних стран региона, Китая, Индии, Малайзии. В 1963—1965 гг. Сингапур входил в состав Федерации Малайзия, получившей независимость от Британии, а в 1965 г. стал отдельным государством. С тех пор Сингапур показал небывалый экономический рост (порядка 6% в год на протяжении 1965—1995 гг.), получив наряду с Тайванем, Гонконгом и Южной Кореей наименование «Азиатского тигра».

На 2018 г. население Сингапура — 5,6 млн человек. Из них граждане составляют 3,471 млн человек, а мигранты разных категорий — 2,2 млн¹⁰, или 39% от живущих или временно пребывающих в стране. В 2015 г. доля граждан и постоянных резидентов, родившихся не в Сингапуре, а в другой стране, составила 46% [Yang, Yang, Zhan, 2017]. Большинство жителей Сингапура — китайцы (76%), на втором месте — малайцы (15%), на третьем — индийцы (7,5%), на все остальные национальности приходится 1,5%¹¹. В силу такой структуры населения Сингапур называют «китайским городом вне Китая» [Warren, 2003]. В Сингапуре действует политика мультирасиализма (*multiracialism policy*), которая кодируется аббревиатурой СМЮ — Chinese, Malay, Indian and Others. Идеологический «слоган» этой политики — «отдельные, но равные» (*separate but equal*) [Yeoh, 2018: 241]. Деление на расы — значимый фактор в жизни жителей Сингапура в разных сферах, от системы образования до расселения. В ID каждого гражданина указано, к какой группе он относится. В Сингапуре четыре официальных языка: английский, китайский (мандарин), тамильский и малайский.

Сингапур был основан в качестве порта в стратегически важном месте: Малаккском проливе. Через него проходили суда, обеспечивавшие торговые сношения между Европой и Китаем. Сингапур стал заменой тех территорий, которые Британия за пять лет до основания города, в 1814 г., передала Нидерландам по договору, заключенному по окончании Наполеоновских войн. Изначально на острове Сингапур находились только рыбацкая деревня и британская торговая фактория. Благодаря удачному расположению и грамотному управлению, Сингапур быстро рос и составил конкуренцию Пинангу и Риану — крупным портам, расположенным по соседству.

Согласно данным первой переписи населения Сингапура, проведенной спустя пять лет после основания британской фактории, в январе 1824 г. в городе насчитывалось 10683 жителя, из них большинство — 4580 человек — составляли малайцы, на втором месте были китайцы (3317), дальше располагались бугисы (народ одного из островов Индонезии; 1925), индийцы (756), 74 европейца, 16 армян и 15 арабов¹². Бум миграции начался во второй половине XIX в. в связи

¹⁰ Population in Brief. *Strategy Group. Singapore*. 2019. September 25. URL: <https://www.strategygroup.gov.sg/media-centre/publications/population-in-brief> (accessed: 10.12.2019).

¹¹ Ibidem.

¹² Formation of the Straits Settlements. *National Library Board. HistorySG: An Online Resource Guide*. <http://eresources.nlb.gov.sg/history/events/57f1cda6-b5e7-4646-bd4f-14cb08181bfe> (accessed: 10.12.2019).

с открытием Суэцкого канала в 1869 г., развитием добычи олова и движением «сельскохозяйственного фронта» в Малайзии. Тогда в Британскую Малайю (совокупность территорий в Юго-Восточной Азии, находившихся под контролем Британской империи, включая Сингапур) стали приезжать мужчины-одиночки из Китая и южного индийского штата Тамилнада. Китайских рабочих привлекали для работы на оловянных рудниках Перака (штат Малайзии) китайские предприниматели [Amrith, 2010], а индусов — европейцы.

В период с 1880 по 1930 гг. население Сингапура увеличивалось в основном за счет миграции, а не естественного прироста [Seng, 2007b]. В 1930-е гг. власти озаботились рисками приезда коммунистов, преступников и большого количества неквалифицированных мигрантов и ввели ограничения, в результате которых был запрещен въезд неквалифицированных мигрантов, введены квоты на въезд мужчин из Китая (а позже — и женщин), а многие безработные мигранты из Китая и Индии были депортированы.

С приобретением независимости в 1965 г. Сингапур делал ставку на индустриализацию, для чего требовалась низкоквалифицированная рабочая сила, которую завозили из-за рубежа. Основным донором была соседняя Малайзия, но в конце 1970-х гг. потребовались новые источники и Сингапур стал импортировать работников из «нетрадиционных стран» (*non-traditional countries*), таких как Бангладеш, Индия, Филиппины, Шри-Ланка, Мьянма и Таиланд [Rahman, 2017]. Миграция низкоквалифицированной рабочей силы из этих стран была удобна тем, что в зависимости от экономической конъюнктуры мигрантов можно было быстро в страну привезти и так же быстро из нее выслать [Yang, Yang, Zhan, 2017]. В 1980-х, в связи с развитием экономики знаний, Сингапур стал привлекать иностранные «talants». Для этого власти Сингапура учредили несколько организаций, представляющих его в других странах и консультирующих желающих переехать, а также начали предоставлять стипендии талантливым иностранным студентам. Начиная с 1990-х гг. Сингапур стал активно принимать высококвалифицированных мигрантов, выдавать им статусы постоянных резидентов и принимать в гражданство. Это вызвало негативную реакцию населения — мигрантов обвиняли в том, что они отнимают работу, из-за них общественный транспорт переполнен, зарплата снижается, а стоимость недвижимости, напротив, растет. В 2013 г. правительство опубликовало доклад (*A Sustainable Population for a Dynamic Singapore: Population White Paper*), в котором указывало, что в силу демографических проблем (старение населения и снижение рождаемости) стране нужны мигранты — на уровне 15 000—25 000 новых граждан каждый год, чтобы к 2030 г. населения Сингапура составило 6,5—6,9 млн человек. Затем, однако, в результате недовольства населения, а также экономического спада 2008—2009 гг. в Азии, власти Сингапура усложнили правила натурализации и получения статуса постоянного резидента.

Общий тренд миграционной политики Сингапура сегодня — привлечение рабочей силы из-за рубежа. При этом высококвалифицированных иностранцев приглашают на постоянное проживание, а низкоквалифицированных — на строго определенное время. Беженцев Сингапур не принимает. Из 5,6 миллионов человек, составляющих население Сингапура сегодня, граждане — 61 %, постоянные резиденты — 9 %, а 30 % — это иностранцы-нерезиденты. Больше поло-

вины последней категории (59%) — мигранты с разрешением на работу (Work Permit; из них 13% — домашние работники), 15% — это неработающие члены семей граждан, резидентов или других иностранцев с визой, которая позволяет привезти члена семьи в Сингапур, 11% — мигранты с визой Employment Pass, 10% — с визой S Pass, 5% — студенты [Yeoh, Lam, 2016]. Согласно данным ООН, среди 1,8 млн жителей Сингапура, имеющих миграционный бэкграунд, первое место занимает Малайзия (1 млн, на втором месте — Китай (380 тыс.), Индонезия (150 тыс.), Индия (138 тыс.), Пакистан (118 тыс.). Однако эти 1,8 млн включают в себя граждан и постоянных резидентов¹³.

Где селятся мигранты в Сингапуре? Жилищный фонд Сингапура устроен особенным образом. С 1960-х в стране существует Совет по жилищному строительству и застройке (Housing and Development Board, HDB). Он активно строит жилье: к 2016 г. 73% жилья в Сингапуре построено государством в лице HDB. В таком жилье проживают 80% сингапурцев. В абсолютном большинстве случаев это дома высокой этажности, расположенные вне исторического центра и построенные во второй половине XX — начале XXI в. Квартиры чаще всего покупаются в ипотеку и находятся в собственности владельцев, оформленной на 99 лет. Остальной жилищный фонд — это частное жилье, относящееся к одному из трех типов: преимущественно современные кондоминиумы, старые и новые бунгало, а также шопхаусы, строившиеся до Второй мировой войны. Кроме того, существует временное жилье, прежде всего общежития, предназначенные исключительно для временных низкоквалифицированных мигрантов. Это могут быть «коммерческие общежития», то есть специально для этого построенные здания разной степени капитальности, где селятся работники разных компаний. Управлением таких общежитий занимаются специальные компании или строительные компании, получившие лицензию. Самое крупное общежитие такого рода в Сингапуре вмещает 25 000 человек. Стандартный формат проживания — комната на 12 человек, с шестью двухъярусными кроватями, без кондиционера. Также в качестве общежитий используются пространства, переделанные из складов или иных помещений прежде промышленного назначения, часто расположенные в непосредственной близости от рабочих мест. Как правило, такие общежития вмещают около 20—30 человек.

Расселение всех категорий жителей Сингапура — от граждан до временных неквалифицированных мигрантов — подчинено правилам, в частности существует расовое квотирование проживания в HDB. Так, в соответствии с правилами 2010 г., в одном доме могут жить не более 87% китайцев, 25% малайцев и 15% индийцев и остальных [Phang, 2018: 118]. Для расселения временных мигрантов сформулированы правила, и тип доступного жилья связан с типом визы, страной происхождения и сферой занятости. Снимать квартиры HDB могут мигранты с S Pass и Employment Pass, а также те мигранты с WP, которые заняты в сфере обслуживания. Кроме того, мигрантам с WP, работающим на производстве, разрешается снимать комнаты с проживающим в квартире хозяином. В 2014 г. были определены правила, согласно которым в доме может жить

¹³ Migration Profiles. Singapore. United Nations Children's Fund. 2014. URL: <https://esa.un.org/migmgprofiles/indicators/files/Singapore.pdf> (accessed: 10.12.2019).

не больше 11 % иностранцев, арендующих квартиру, а в районе — не больше 8 % [Phang, 2018: 119]. Этот тип жилья недоступен для мигрантов-строителей. Мигрантам-строителям, в отличие от занятых во всех остальных сферах, можно жить на строительных площадках. Общежития, а также любое частное жилье, доступны всем иностранцам.

Эти правила в целом соблюдаются, и в результате расселение мигрантов в Сингапуре выглядит следующим образом. Резиденты и новые граждане, равно как и квалифицированные мигранты-нерезиденты, снимающие квартиры в HDB, равномерно распределены по городу. Жильцы кондоминиумов (мигранты и немигранты) тоже не создают мест концентрации, однако иногда селятся вместе, как, например, в восточной части города, где есть отдельные улицы, занятые кондоминиумами со значительным присутствием индийцев, работающих в высокотехнологичных сферах, в т. ч. в ИТ. В таких кондоминиумах доля индийцев может достигать до 80 %.

Неквалифицированные мигранты расселены в зависимости от типа работы. Домашние работники практически без исключений живут у своих работодателей. Строители и работники промышленных предприятий живут в общежитиях и арендуют жилье в частном секторе, преимущественно в шопхаусах (зданиях низкой этажности с коммерческой площадью на первом этаже и жилой — на втором и выше). И то, и другое становится источником жилищной сегрегации, поскольку общежития чаще всего расположены в промышленных зонах, вынесенных на окраины острова, а шопхаусы преимущественно располагаются в районах старой застройки, которая не считается комфортной и где резиденты Сингапура практически не живут.

В результате, если недавние граждане, резиденты, а также временные квалифицированные мигранты в целом живут дисперсно, неквалифицированные мигранты с WP, за исключением работников отдельных сфер, концентрируются в общежитиях на окраине города и в старых районах, в частности в районе Маленькая Индия и Гейлан, и их проживание имеет сегрегационный характер. Как сложилось такое положение вещей?

Можно выделить три фактора, действие которых во взаимодействии с другими факторами разворачивалось в ходе послевоенной истории Сингапура. Во-первых, это локальная конструкция этничности, во-вторых, деятельность государства как регулятора рынка жилья, этничности и миграции, в-третьих, антимигрантские настроения местного, в нескольких поколениях назад тоже мигрантского, населения.

Долгое время Сингапур развивался в соответствии с генпланом, разработанным основателем порта и, соответственно, города, Томасом Раффлзом. Генплан включал в себя этническое зонирование в соответствии с «расовым» принципом: была европейская часть — для европейцев и состоятельных азиатов, а также китайская, индийская и мусульманская, где могли селиться исповедовавшие ислам малайцы и арабы. В результате мигранты из Китая селились в Чайна-тауне, а индийцы — в районе, который получил название Маленькая Индия (Little India). Маленькая Индия, в отличие от Чайна-тауна, до сих является местом концентрации мигрантов. За сто лет, с 1819 по 1911, население города увеличилось со 150 до 185 000 жителей, и сам город пространственно значительно перерос создан-

ный Раффлзом план. Постепенно центральная часть перестала вмещать новых жильцов, и прибывающие мигранты начали селиться на окраинах — в кампонгах (так называют деревни в Индонезии) [Seng, 2007a], арендуя землю и возводя там жилье разной степени основательности. К концу Второй мировой войны на острове был город, окруженный кольцом кампонгов, или, как их называли власти, сквоттерских поселений. Власти не могли контролировать происходящее в кампонгах — ни неформальную экономическую активность, ни политическую деятельность [Seng, 2007a]. Кампонги были провозглашены социальным злом, и им была объявлена война. В 1950-х был принят закон, позволяющий снос зданий, построенных в определенный период времени без разрешения. Кампонги сносили, жители селились в предлагаемые им квартиры, переезжали в другие кампонги или занимали новые земли, основывая таким образом новые кампонги. Задача по «зачистке» кампонгов лежала на Доверительном фонде по улучшению Сингапура (Singapore Improvement Trust), основанном в 1927 г. британским колониальным правительством. В феврале 1960 г. преемником этого фонда стал Совет по жилищному строительству и застройке (Housing and Development Board, HDB). Он оказался эффективнее своего предшественника в плане переселения жителей окраинных кампонгов, их сносу и строительству на их месте новых микрорайонов с многоэтажной застройкой. К 31 марта 1976 г. больше 50 % населения Сингапура жили в государственных квартирах, предоставленных HDB, а сейчас эта цифра достигает 80 %.

В политике расселения присутствует декларируемая государством ценность как социально-экономического, так и этнического смешивания населения. Вопрос об этническом смешивании возник уже в 1960-е гг., когда в Сингапуре произошли сразу две серии расовых беспорядков, представляемых как беспорядки с участием китайцев и малайцев, — в 1964 и 1969 гг. Частично они были связаны с переселением малайцев из районов с их значительным присутствием. С 1969 г., уже в независимом Сингапуре, правительство стало активно строить многоквартирные дома и заселять их таким образом, чтобы малайцы не формировали большинства среди жителей. Однако к 1980-м в городе появились два района — Bedok и Tampines, — в которых малайцы составляли около 30 % населения. В 1989 г. правительство ввело «Политику этнической интеграции» (Ethnic Integration Policy), иными словами, «этнические квоты» на проживание в HDB, в соответствии с которыми в районе могли проживать не более 84 % китайцев, 22 % малайцев и 10 % индийцев и других национальностей (состав населения в Сингапуре на тот момент был таков: 78 % китайцев, 14 % малайцев, 7 % индийцев, 1 % других) [Phang, 2018: 117]). В 2010 г. квота для последней группы — индийцев и других — выросла и составила 12 %. Помимо квот на уровне района есть еще квоты на один многоквартирный блок. В соответствии с правилами 2010 г., в одном доме могут жить не более 87 % китайцев, 25 % малайцев и 15 % индийцев и остальных [Phang, 2018: 118].

Государство все больше участвовало в создании и распределении жилищного фонда, повышался госконтроль за миграционными процессами, а параллельно этому была сформулирована миграционная политика, четко разделившая квалифицированные и неквалифицированные потоки: если квалифицированные

мигранты рассматриваются как потенциальные граждане, неквалифицированные редко могут остаться в Сингапуре и получить постоянный статус резидента или гражданство. Первым была дана возможность селиться по тем же правилам, по которым селятся сингапурцы. Для вторых созданы общежития, вынесенные на окраины города. До определенного момента такое расположение общежитий скорее отвечало удобству работодателей, нежели было сформулированной политикой. В 2008 г. власти пробовали открыть общежитие для нерезидентов в одном из жилых районов (Serangoon Gardens), но столкнулись с недовольством местных жителей: петицию против этой инициативы подписали 1600 человек. Предложенный государством компромисс — перенести входную группу общежития на другую улицу, дальше от жилого комплекса, и селить там только мигрантов, занятых на промышленных предприятиях, китайского и малазийского происхождения (т. е. не строителей из Бангладеш) — жителей не удовлетворил, и в итоге общежитие открыто не было. Это выступление сингапурцев, однако, произошло не на пустом месте и находилось в тренде прочих антимигрантских выступлений: например, правительственный доклад 2013 г. (*A Sustainable Population for a Dynamic Singapore: Population White Paper*) вызвал самый крупный с момента обретения Сингапуром независимости протест, в котором участвовало порядка пяти тысяч человек [Yeoh, Lam, 2016].

Но в какой-то момент власти и общество стали союзниками в деле переноса общежитий на окраины. 8 декабря 2013 г. индийского рабочего в районе Маленькая Индия сбил автобус, доставлявший рабочих обратно в общежитие. Собралась толпа, насчитывавшая около 300 человек, которую к ночи разогнала полиция. Предположительно, эта ситуация была отправной точкой для того, чтобы государство стало стимулировать работодателей размещать мигрантов в общежитиях, удаленных от жилых районов, устройство которых позволяло бы людям их не покидать. Также были приняты правила, согласно которым в одном помещении может проживать не более шести (а не восьми, как раньше) иностранцев, что сделало проживание в шопхаусах экономически менее привлекательным: была создана ситуация, когда все больше неквалифицированных мигрантов стали переселяться из старых районов в центре в общежития на окраинах.

Таким образом, если квалифицированные мигранты, рассматриваемые обществом как потенциальные граждане, за редкими исключениями расселены равномерно по городу, сообразуясь с этническими квотами для домов и районов, временные мигранты в основном живут отдельно — в старых районах, а также в специальных мигрантских общежитиях, вынесенных на городскую периферию. Ключевую роль в создании и поддержании такого положения вещей играет государство посредством этнической, миграционной и жилищной политики, но в части сегрегирования трудовых мигрантов важным союзником государства выступает общество, в котором сильны антимигрантские установки. Кроме того, низкоквалифицированные мигранты живут в центральных районах со старой застройкой, иногда продолжая этническую историю места (район Маленькая Индия), однако в свете новых регуляций и реновационной активности правительства доля проживающих в этих районах от всех мигрантов снижается и значимость этих районов как мест концентрации мигрантов падает.

Список литературы (References)

- Вендина О. Могут ли в Москве возникнуть этнические кварталы? // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3. С. 52—64.
- Vendina O. (2004) Are Ethnic Neighborhoods Possible in Moscow? *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*. No. 3. P. 52—64. (In Russ.).
- Amrith S. (2010) Mobile City and the Coromandel Coast: Tamil Journeys to Singapore, 1920—1960. *Mobilities*. Vol. 5. No. 2. P. 237—255. <https://doi.org/10.1080/17450101003665085>.
- Arbaci S. (2007) Ethnic Segregation, Housing Systems and Welfare Regimes in Europe. *European Journal of Housing Policy*. Vol. 7. No. 4. P. 401—433. <https://doi.org/10.1080/14616710701650443>.
- Åslund O. (2005) Now and Forever? Initial and Subsequent Location Choices of Immigrants. *Regional Science and Urban Economics*. Vol. 35. No. 2. P. 141—165. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2004.02.001>.
- Atkinson R., Kintrea K. (2000) Owner-Occupation, Social Mix and Neighbourhood Impacts. *Policy & Politics*. Vol. 28. No. 1. P. 93—108. <https://doi.org/10.1332/0305573002500857>.
- Avenel C. (2009). La construction du “problème des banlieues” entre ségrégation et stigmatisation. *Journal français de psychiatrie*. No. 3. P. 36—44. <https://doi.org/10.3917/jfp.034.0036>. (In French).
- Benton-Short L., Price M. D., Friedman S. (2005) Globalization from Below: The Ranking of Global Immigrant Cities. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 29. No. 4. P. 945—959. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2005.00630.x>.
- Berry B. J. L., Rees P. H. (1969) The Factorial Ecology of Calcutta. *American Journal of Sociology*. Vol. 74. No. 5. P. 445—491.
- Bidoux P.-É. (2012) Les descendants d’immigrés se sentent au moins autant discriminés que les immigrés. *INSEE Île-de-France à la page*. No. 395. <https://www.insee.fr/fr/statistiques/1292652>. (In French).
- Bidoux P.-É., Couleaud N. (2017) Les quartiers de la politique de la ville en Île-de-France. *INSEE Analyses Île-de-France*. No. 57. <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2658852>. (In French).
- Blanc-Chaléard M.-C. (2008) Migrants et logement en France. *Accueillir*. No. 245. P. 4—7. https://www.revues-plurielles.org/_uploads/pdf/47/245/245_les_immigres_et_le_logement.pdf. (In French).
- Briggs X. D. S. (2003) Re-shaping the Geography of Opportunity: Place Effects in Global Perspective. *Housing Studies*. Vol. 18. No. 6. P. 915—936. <https://doi.org/10.1080/0267303032000135500>.

Clark W. A. V. (1988) Understanding Residential Segregation in American Cities: Interpreting the Evidence. A Reply to Galster. *Population Research and Policy Review*. Vol. 7. No. 2. P. 113—121. <https://doi.org/10.1007/bf00125463>.

Couleaud N., Poncelet T., Capillon J., Ngo Ch., Derosier A., Gilotte O., Didier A., Gauthier L. (2016) Brevet des collèges en Ile-de-France: Réussite à l'examen et inégalités sociales des territoires vont de pair. *INSEE Analyses Île-de-France*. No. 40. <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2421947>. (In French).

Cowgill D. O., Cowgill M. S. (1951) An Index of Segregation Based on Block Statistics. *American Sociological Review*. Vol. 16. No. 6. P. 825—831. <https://doi.org/10.2307/2087511>.

Demintseva E. (2017) Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. No. 15. P. 2556—2572. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053>.

Duncan O. D., Duncan B. (1955) A Methodological Analysis of Segregation Indexes. *American Sociological Review*. Vol. 20. No. 2. P. 210—217. <https://doi.org/10.2307/2088328>.

Epstein R. (2011) Politiques de la ville: bilan et (absence de) perspectives. *Regards Croisés sur L'économie*. No. 1. P. 203—211. <https://doi.org/10.3917/rce.009.0203>. (In French).

Havekes E. A. (2014) Putting Interethnic Attitudes in Context. The Relationship between Neighbourhood Characteristics, Interethnic Attitudes and Residential Behaviour. Ph. D. Thesis. Utrecht: Utrecht University. <https://dspace.library.uu.nl/handle/1874/290127>.

Histoire de l'immigration en France. La contribution des immigrés au développement économique et aux guerres françaises de 1850 à aujourd'hui. Collectif des Luttins. Grenoble, 2004. http://www.preavis.org/formation-mr/Luttins/brochure_immigration_1-0.a5.pdf. (In French).

Jahn J., Schmid C. F., Schrag C. (1947) The Measurement of Ecological Segregation. *American Sociological Review*. Vol. 12. No. 3. P. 293—303. <https://doi.org/10.2307/2086519>.

Janson C. G. (1980) Factorial Social Ecology: An Attempt at Summary and Evaluation. *Annual Review of Sociology*. Vol. 6. P. 433—456. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.06.080180.002245>.

Johnston R., Poulsen M., Forrest J. (2007a) Ethnic and Racial Segregation in U. S. Metropolitan Areas, 1980—2000: The Dimensions of Segregation Revisited. *Urban Affairs Review*. Vol. 42. No. 4. P. 479—504. <https://doi.org/10.1177/1078087406292701>.

Johnston R., Poulsen M., Forrest J. (2007b) The Geography of Ethnic Residential Segregation: A Comparative Study of Five Countries. *Annals of the Association of*

American Geographers. Vol. 97. No. 4. P. 713—738. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8306.2007.00579.x>.

Jones K., Johnston R., Manley D., Owen D., Charlton C. (2015) Ethnic Residential Segregation: A Multilevel, Multigroup, Multiscale Approach Exemplified by London in 2011. *Demography*. Vol. 52. No. 6. P. 1995—2019. <https://doi.org/10.1007/s13524-015-0430-1>.

Krysan M. (2002) Community Undesirability in Black and White: Examining Racial Residential Preferences through Community Perceptions. *Social Problems*. Vol. 49. No. 4. P. 521—543. <https://doi.org/10.1525/sp.2002.49.4.521>.

Lapeyronnie D. (2006) Révolte primitive dans les banlieues françaises. *Déviance et Société*. Vol. 30. No. 4. P. 431—448. <https://doi.org/10.3917/ds.304.0431>. (In French).

Lévy-Vroelant C. (2004) Le logement des Migrants en France du Milieu du 19e siècle à nos Jours. *Historiens et Géographes*. No. 385. P. 147—165. (In French).

Maloutas T., Fujita K. (eds.) (2016) Residential Segregation in Comparative Perspective: Making Sense of Contextual Diversity. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315605661>.

Massey D. S., Denton N. A. (1988) The Dimensions of Residential Segregation. *Social Forces*. Vol. 67. No. 2. P. 281—315. <https://doi.org/10.1093/sf/67.2.281>.

Musterd S., Andersson R. (2005) Housing Mix, Social Mix, and Social Opportunities. *Urban Affairs Review*. Vol. 40. No. 6. P. 761—790. <https://doi.org/10.1177/1078087405276006>.

Musterd S., Marcińczak S., Van Ham M., Tammaru T. (2017) Socioeconomic Segregation in European Capital Cities. Increasing Separation between Poor and Rich. *Urban Geography*. Vol. 38. No. 7. P. 1062—1083. <https://doi.org/10.1080/02723638.2016.1228371>.

Pan Ké Shon J.-L. (2011) Residential Segregation of Immigrants in France: an Overview. *Population and Societies*. No. 477. https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/19145/pesa477.en.pdf.

Pan Ké Shon J.-L. (2009) Ségrégation ethnique et ségrégation sociale en quartiers sensibles. *Revue française de sociologie*. Vol. 50. No. 3. P. 451—487. <https://doi.org/10.3917/rfs.503.0451>.

Panics R., Vriend N. J. (2007) Schelling's Spatial Proximity Model of Segregation Revisited. *Journal of Public Economics*. Vol. 91. No. 1—2. P. 1—24. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2006.03.008>.

Park R. E. (1950) *Race and Culture*. Glencoe, IL: Free Press.

Park R. E., Burgess E. W. (1925) *The City: Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

- Phang S.-Y. (2018) Policy Innovations for Affordable Housing in Singapore: From Colony to Global City. Cham: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-75349-2>.
- Préteceille E. (2011) Has Ethno-Racial Segregation Increased in the Greater Paris Metropolitan Area? *Revue française de sociologie*. Vol. 52. No. 5. P. 31—62. <https://doi.org/10.3917/rfs.525.0031>.
- Raden D. (2003) Ingroup Bias, Classic Ethnocentrism, and Non-Ethnocentrism among American Whites. *Political Psychology*. Vol. 24. No. 4. P. 803—828. <https://doi.org/10.1046/j.1467-9221.2003.00355.x>.
- Rahman M. M. (2017) Bangladeshi Migration to Singapore. A Process-Oriented Approach. Singapore: Springer Singapore. <https://doi.org/10.1007/978-981-10-3858-7>.
- Schelling T. C. (1971) Dynamic Models of Segregation. *Journal of Mathematical Sociology*. Vol. 1. No. 2. P. 143—186. <https://doi.org/10.1080/0022250X.1971.9989794>.
- Seng L. K. (2007a) Black Areas: Urban Kampongs and Power Relations in Post-War Singapore Historiography. *Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia*. Vol. 22. No. 1. P. 1—29. <https://doi.org/10.1355/sj22-1a>.
- Seng L. K. (2007b) Dangerous Migrants: The Representations and Relocation of Urban Kampong Dwellers in Postwar Singapore. Asia Research Centre Working Paper No. 140.
- Skifter Andersen H., Andersson R., Wessel T., Viikama K. (2016) The Impact of Housing Policies and Housing Markets on Ethnic Spatial Segregation: Comparing the Capital Cities of Four Nordic Welfare States. *International Journal of Housing Policy*. Vol. 16. No. 1. P. 1—30. <https://doi.org/10.1080/14616718.2015.1110375>.
- Tammaru T., Musterd S., van Ham M., Marcińczak S. (2015) A Multi-Factor Approach to Understanding Socio-Economic Segregation in European Capital Cities. In: Tammaru T., Marcińczak S., van Ham M., Musterd S. (eds.) *Socio-Economic Segregation in European Capital Cities. East meets West*. London: Routledge. P. 1—29.
- Tribalat M. (1997) Chronique de l'immigration: Les populations d'origine étrangère en France métropolitaine. *Population*. Vol. 52. No. 1. P. 163—220. (In French). <https://doi.org/10.2307/1534513>.
- Urselmans L. (2016) A Schelling Model with Immigration Dynamics. In: Lewis P. R., Headleand C. J., Battle S., Ritsos P. D. (eds.) *Artificial Life and Intelligent Agents. Second International Symposium, ALIA 2016, Birmingham, UK, June 14—15, 2016, Revised Selected Papers*. Cham: Springer. P. 3—15. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90418-4_1.
- Varshaver E., Rocheva A. (2018) Localized Migrant Communities in the Absence of Ethnic Neighbourhoods: A Glimpse into Moscow's Ethnic Cafés. *Urbanities — Journal of Urban Ethnography*. Vol. 8. No. 2. P. 42—58. <http://www.anthrojournal-urbanities.com/wp-content/uploads/2018/11/5-Anna-Rocheva.pdf>.
- Vieillard-Baron H. (2016) Les religions dans les banlieues: territoires et sociétés en mutation. *Géocofluences: Ressources de géographie pour les enseignants*.

<http://geoconfluences.ens-lyon.fr/informations-scientifiques/dossiers-thematiques/fait-religieux-et-construction-de-l-espace/articles-scientifiques/les-religions-dans-les-banlieues-territoires-et-societes-en-mutation>.

Warren J. F. (2003) *Rickshaw Coolie: A People's History of Singapore, 1880—1940*. Singapore: Singapore University Press.

White M. J. (1988) *American Neighborhoods and Residential Differentiation*. New York: Russell Sage Foundation. <https://www.russellsage.org/sites/default/files/AmNeighborhoods.pdf>.

Yang H., Yang P., Zhan S. (2017) Immigration, Population, and Foreign Workforce in Singapore: An Overview of Trends, Policies, and Issues. *HSSE Online*. Vol. 6. No. 1. P. 10—25. https://www.hsseonline.edu.sg/sites/default/files/uploaded/journal_articles/2-peidong.pdf.

Yeoh B. S.A. (2018) Transnational Migration and Plural Diversities: Encounters in Global Cities. In: Liu-Farrer G., Yeoh B. S. (eds.) *Routledge Handbook of Asian Migrations*. London: Routledge. P. 238—249. <https://doi.org/10.4324/9781315660493-18>.

Yeoh B. S.A., Lam T. (2016) Immigration and Its (Dis)Contents: The Challenges of Highly Skilled Migration in Globalizing Singapore. *American Behavioral Scientist*. Vol. 60. No. 5—6. P. 637—658. <https://doi.org/10.1177/0002764216632831>.

Zhou M., Logan J. R. (1991) In and Out of Chinatown: Residential Mobility and Segregation of New York City's Chinese. *Social Forces*. Vol. 70. No. 2. P. 387—407. <https://doi.org/10.1093/sf/70.2.387>.

Zubrinsky Ch.C. (2006) *Won't You Be My Neighbor: Race, Class, and Residence in Los Angeles?* New York: Russell Sage Foundation.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИССЛЕДОВАНИЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.26

Правильная ссылка на статью:

Седова Н. Н. Жизненный успех молодежи — от Москвы до самых до окраин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 505—529. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.26>.

For citation:

Sedova N. N. (2019) Youth's life success: from Moscow to the outskirts. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 505—529. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.26>.

Н. Н. Седова

ЖИЗНЕННЫЙ УСПЕХ МОЛОДЕЖИ — ОТ МОСКВЫ ДО САМЫХ ДО ОКРАИН

ЖИЗНЕННЫЙ УСПЕХ МОЛОДЕЖИ —
ОТ МОСКВЫ ДО САМЫХ ДО ОКРАИН

YOUTH'S LIFE SUCCESS: FROM MOS-
COW TO THE OUTSKIRTS

СЕДОВА Наталья Николаевна — старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; директор по социальным и профессиональным коммуникациям, Всероссийский центр исследований общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия
E-MAIL: nnsedova@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0001-8492-7847>

Natalia N. SEDOVA^{1,2} — Senior Research Fellow, Center for Complex Social Studies; Head of Social and Professional Communications

E-MAIL: nnsedova@wciom.com

<https://orcid.org/0000-0001-8492-7847>

¹ Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Moscow, Russia

Аннотация. В статье анализируются модели жизненного успеха, жизненных целей и стратегий российской

Abstract. The article examines youth models for life success, life purposes and strategies, as well as how young

молодежи, видения инструментов и препятствий для достижения успеха, наличия и характера действия механизмов социальной мобильности, в том числе в разрезе «Москва — регионы». Анализ проведен в сопоставлении представлений молодежи и людей среднего возраста. Эмпирическая база исследования — материалы исследований жизненных установок россиян, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2017 и 2018 гг. Метод сбора данных — фокусированные групповые дискуссии, локации исследования — Москва, Волгоград, Воронеж, Барнаул, села Ярославской области.

Сделан вывод, что в основе модели жизненного успеха российской молодежи лежит (1) материальный достаток и стабильность, от которых отстраивается целый спектр сценариев жизненного успеха; (2) достижение поставленных целей, отражающее стремление молодежи быть субъектом, а не объектом собственного жизненного сценария; (3) гармоничное сочетание работы как основного источника дохода и возможностей для самореализации, саморазвития. Выделены три типа базовых жизненных стратегий российской молодежи: «Быть готовым ко всему» (предполагает отсутствие видения будущего; установки на способность изменяться вместе с ситуацией, на максимально широкий репертуар возможностей в виде знаний, компетенций, связей); «Профессиональная реализация» (подразумевает стремление стать лучшим в своем деле, чтобы обеспечить будущее); «Смена места жительства» (предполагает переезд в крупный мегаполис, другой город). В отношении среднесрочных жизненных целей молодежи

people view the means and obstacles to achieving success, mechanisms of social mobility in terms of the opposition “Moscow — other regions”. Analysis takes into account the differences in the views of young people and the middle-aged Russians. The results of the studies devoted to Russians’ life settings conducted by the Institute of Sociology (Russian Academy of Sciences) in 2017 and 2018 serve as the empirical basis. Data collection method was focus group discussions carried out in Moscow, Volgograd, Voronezh, Barnaul and the Yaroslavl region rural settlements.

Findings show that youth’s model of life success is grounded upon (1) financial income and stability; (2) achievement of the objectives reflecting young people’s desire to be subjects rather than objects of their own life scenarios; (3) a balance between work as the main source of income and opportunities for self-development. Three key life strategies are defined: “Being ready for anything” (no vision of the future; readiness to change as the situation changes; being open to a wide range of opportunities in the form of new skills, knowledge, connections); “Professional fulfillment” (a desire to be the best in what you do to secure your future); “Changing the place of residence” (relocating to a large city, another city). In terms of mid-term life strategies, young people have low levels of reflection, short-term planning horizon, and are limited to work-related issues. The major obstacles to achieving success are nepotism hampering access to professional elevators; a decline in the labor market resulted from poor economic situation; lack of opportunities to obtain the first job experience, start-up financial capital; constantly changing rules of the game.

показан низкий уровень рефлексии, краткосрочный характер планирования, ограниченность сферой работы. Основные препятствия в достижении жизненного успеха зафиксированы в господствующих практиках кумовства, ограничивающих доступ к профессиональным лифтам, сужении рынка труда в результате неблагоприятной экономической ситуации, отсутствии возможностей для получения первичного опыта работы, стартового финансового капитала, постоянно меняющихся правилах игры.

Показаны различия в понимании жизненного успеха и в оценках возможностей для его достижения между молодежью Москвы и регионов. Данное обстоятельство трактуется как долгосрочный тренд, углубляющий социальную дифференциацию групп молодежи «Москва» и «не Москва» по экономическим, социальным и культурным основаниям.

Ключевые слова: молодежь, жизненный успех, жизненные цели, жизненные стратегии, Москва, регионы, социальная мобильность, социальные лифты, коррупция, кумовство, самореализация, достаток, стабильность, путешествия, баланс труда и отдыха

The article describes differences between the perceptions of life success by young people from Moscow and those from the regions. This is a long-term trend deepening social differentiation between the youth groups “Moscow” and “non-Moscow” based on economic, social and cultural aspects.

Keywords: youth, life success, life objectives, life strategies, Moscow, regions, social mobility, social elevators, corruption, nepotism, self-fulfillment, income, stability, travelling, work-leisure balance

Модель жизненного успеха человека — это своего рода модель успеха общества в целом. Заложенное в ней видение/понимание успеха, вкупе с навигированными на него целеполаганием, жизненными стратегиями и тактиками людей, формирует направления социального развития общества. Понимание жизненного успеха обусловлено множественностью факторов объективного и субъективного порядка, начиная от типа общества, этапа его развития и заканчивая социальными и материальными условиями жизни индивида, особенностями его воспитания и социализации. Для общества транзита, переживающего фундаментальные социальные трансформации, которым является современная Россия, особенное значение имеет специфика понимания социального успеха среди молодежи и людей

среднего возраста, определяющих лицо страны сегодня и завтра — в экономике, политике, науке, социальном развитии.

В своем исследовании мы ставили в качестве основных задач определение позиции молодежи в понимании ею жизненного успеха и целей, к которым она стремится, какие жизненные стратегии выстраивает и как они соотносятся с представлениями о жизненном успехе, какие существуют инструменты или препятствия для их реализации; прояснение вопроса о наличии в обществе реально действующих и доступных большинству механизмов социальной мобильности, как вертикальной, так и горизонтальной. Мы также попытались понять, насколько велика дистанция в представлениях о жизненном успехе и возможностях его достижения в Москве и регионах, прорабатывая гипотезу, что эта линия социальной дистанции сегодня является базовой с точки зрения возможностей социальной мобильности, более значимой, чем, например, разрыв в материальном положении. Эмпирическая база исследования¹ позволила также по части вопросов сравнить позиции молодежи с мнениями россиян среднего возраста.

Жизненный успех — основные критерии

Отправной точкой исследования стало выяснение того, что сегодня молодые россияне понимают под жизненным успехом, что стоит для них за этим понятием, что его наполняет. Мы зафиксировали несколько выраженных доминант в восприятии жизненного успеха, первая, самая сильная и часто встречающаяся из которых — **материальный достаток**. Это видение присуще как представителям молодежи, так и людям среднего возраста, вне зависимости от пола, уровня образования, профессии или сферы занятости. Материальный достаток, благополучие занимает ключевое место в описании образа жизненного успеха во всех проведенных дискуссиях; воспринимается как некое основание, от которого «отстраиваются» другие сценарии жизненного успеха (базис для семьи, саморазвития, развлечений и т. п.). Или же как некий знаменатель успешности, к которому приводятся другие стратегии (например, работа оценивается как хорошая, если приносит определенный доход). Во многих случаях описание успеха достатком и ограничивается, эта составляющая вытесняет собой все другие.

«Чтобы я мог снабдить своих детей чем могу» (Гаврилов-Ям, Ярославская область, молодежь, 2017).

«Когда есть хорошая работа — платят много денег, и она тебе нравится» (Заячий Холм, Ярославская область, молодежь, 2017).

¹ Статья основана на первичных материалах исследований жизненных установок россиян, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2017 и 2018 гг. Метод сбора данных — фокусированные групповые дискуссии. Полевой этап исследования 2017 г. прошел в сентябре-октябре, его участниками стали представители молодежи 18—28 лет: в Москве (две группы — студенческая и работающая молодежь); Волгограде и селах Гаврилов-Ям и Заячий холм в Ярославской области (работающая молодежь). Второй полевой этап проведен в августе-сентябре 2018 г. с работающей и студенческой молодежью 18—28 лет в Москве (две группы), с работающими городскими жителями 30—45 лет в Москве, Воронеже и Барнауле. При выборе точек опроса акцент делался на представленность жителей столицы, крупных городов и сельских поселений. Среди студентов контролировалась представленность учащихся разного профиля (гуманитарного, технического, естественного), среди работающих — представленность работников бюджетной сферы и коммерческого сектора, самозанятых и индивидуальных предпринимателей. Все группы (пять групп в 2017 и пять групп в 2018 г.) — смешанные по полу, всего в исследовании 2017 г. приняли участие 86 респондентов. Отбор участников осуществлялся случайным образом по квотам, инструментарий и модерация дискуссий выполнены автором. Соблюдена преемственность инструментария в 2018 г. по отношению к 2017 г.

«Это когда любимое дело приносит достаточное количество денег, чтобы о них не думать при покупках в магазине, при замыслах, чем заняться» (Москва, студенты, 2017).

«Финансовое положение немаловажно... Я думаю, что финансы — это всё» (Барнаул, средний возраст, 2018).

Представление о достатке «заземлено» на семью, которая описывает образ будущего большинства респондентов. Возможность ее содержать, обеспечивать — главная «тревожная кнопка» участников дискуссии, особенно мужчин. Семья является безусловной самоценностью для представителей всех групп респондентов, но во главе угла — ее материальное благополучие. О взаимопонимании, поддержке в семье, о семье как «тыле» и т. п. говорится в разы реже, эти разговоры ограничиваются декларированием стремления к «счастливой семье». Тогда как разговоры о материальном положении семьи, необходимости ее поддержать — развернуты, насыщены подробностями, детальным описанием ожидаемых сложностей и т. п.

«Понятие „семья“ для меня, допустим, в будущем — это жена, дети, дом, уют. Чтобы это всё существовало, я как глава семейства должен всё это содержать: финансовая часть, стабильная работа, успех в этом, хороший заработок» (Волгоград, молодежь, 2017).

«Семья — это жена, ребенок, о которых надо заботиться. Ребенка обучить и вырастить. И дальше отдать на обучение, пристроить куда-то на работу, замуж выдать. И что-то оставить им. А для чего тогда все эти накопления и так далее» (Москва, студенты, 2017).

Материальный достаток фигурирует как главный критерий успешности среди молодежи и людей среднего возраста, при этом доминирование этого критерия в большей степени выражено в нестоличных поселениях. Вне столицы понимание достатка имеет предельно **конкретные измерения** — респонденты перечисляют статьи своих текущих семейных расходов, которые должны быть покрыты, чтобы они считали себя успешными; называют конкретные суммы ежемесячных доходов. При этом суммы доходов, к которым приравнивается жизненный успех, ориентированы на средний доход по региону проживания или текущую зарплату. В провинции, даже городской, материальный достаток может описываться такими конкретными измерениями, как автомобиль или даже бытовая техника, что резко контрастирует со столичными представлениями о материальном достатке. Такие характеристики материального достатка, как «достаточно, чтобы не голодать», «в пределах нормы» и т. п., также резко различают взгляд на успех в регионе (где простое выживание — это уже успех) и в столице.

«Автомобили, желательно два — у мужа или жены, и чтобы не перебиваться с копейки на копейку, с зарплаты на зарплату, должно быть отложено на черный день» (Заячий Холм, Ярославская область, молодежь, 2017).

«Чтобы было каждый день что-то покушать, оплатить коммунальные услуги, интернет, одеться, обуться. Обустроенность должна быть дома, чтобы зимой тепло, летом — хорошо» (Волгоград, молодежь, 2017).

«Ну хотя бы средняя зарплата по Ярославской области, и хватит» (Заячий Холм, Ярославская область, молодежь, 2017).

«Чтобы в доме было всё удобно для того, чтобы приготовить еду, играть. Потому что не у всех сегодня есть какие-то бытовая техника, которая бы помогала в быту» (Барнаул, средний возраст, 2018).

«Достаток — достаточно для того, чтобы не голодать, небольшие средства» (Барнаул, средний возраст, 2018).

«На первом месте машина. Если у тебя дорогая иномарка, значит состоялся» (Воронеж, средний возраст, 2018).

В Москве, по сравнению с нестоличными и особенно малыми поселениями, представления о доходе, который можно считать критерием жизненного успеха, отличаются — и не столько суммами, сколько пониманием благополучия **как возможностей** и представлениями, на что именно этого дохода должно хватать, **расходами, выходящими за пределы повседневных трат**. Здесь фигурирует, например, возможность купить жилье в ипотеку, делать накопления и вложения в дорогостоящие приобретения, просто не думать о деньгах. В отличие от провинции, где используется даже отсылка к образу успеха как отсутствию голода («чтоб не голодать», «чтобы было что покушать»).

«Жизненный успех — это, я думаю, как для многих, богатство» (Москва, работающая молодежь, 2018).

«Состоявшийся человек не ограничивает себя в деньгах. Материально не зависит ни от кого. Все, что он хочет» (Москва, работающая молодежь, 2018).

«Достаточное количество денег, чтобы о них не думать» (Москва, студенты, 2017).

«Стабильный доход, чтобы хватало отложить, во что-то дорогостоящее вложиться» (Москва, студенты, 2017).

«Я в это понятие включаю не сумму денег, лежащих на счетах, а именно возможности человека. Например, когда жена приходит и говорит, а что ты мне не покупаешь шубу. Или ты хочешь поменять машину, ты идешь, меняешь машину» (Москва, средний возраст, 2018).

«Если проблемы со здоровьем, а у тебя есть миллион на операцию, и спокойно даешь эти деньги близким, друзьям, родственникам» (Москва, средний возраст, 2018).

Среди критериев жизненного успеха, связываемых респондентами с материальной стороной жизни, отдельное место начинают занимать **путешествия**. Для одних (прежде всего, столичных жителей) это зарубежные поездки, экзотические страны, для других (регионы) — поездки по стране, в соседние города. Но так или иначе мобильность и впечатления от новых мест сегодня прочно входят в обиход успешности.

«Путешествия, то, что ты в разных странах бываешь, то, что ты многосторонний, и знаешь там культуру. Раз, два или три раза в год путешествовать куда хочешь, изучать страны» (Москва, работающая молодежь, 2018).

Вторая доминанта в понимании жизненного успеха, характерная в большей степени для молодежи — **достижение поставленных целей**. Причем этот критерий успешности характерен для всех групп молодежи — от сельской до столичной, работающей и студенческой. **Быть успешным — это значит ставить цели и достигать их**, активно «заряженный» критерий, предполагающий возможность долгосрочного планирования, наличия ресурсов и инструментов для достижения целей. Через такое понимание жизненного успеха транслируется стремление мо-

лодежи управлять своей жизнью, быть **субъектом, а не объектом собственного жизненного сценария.**

«Нужно всегда стремиться, чтобы быть лучше других, чтобы ты сам добивался в своей профессии успеха. И если человек дойдет до такого, он достиг жизненного успеха» (Москва, работающая молодежь, 2018).

«Жизненный успех — это когда человек получает то, что он хотел долгое время, и получает это по-крупному» (Москва, работающая молодежь, 2018).

«Человек, добившийся всех поставленных целей и задач. Человек, считающий, что он сделал в своей жизни максимум, и стремящийся расширять этот максимум до конца жизни» (Москва, работающая молодежь, 2018).

«Я считаю, что каждый человек должен добиться всего сам, тогда будет жизненный успех» (Волгоград, молодежь, 2017).

«Для меня жизненный успех — добиться того... добиться своих целей, своих планов, осуществить всё, что я поставила перед собой на протяжении моей жизни, так скажем. То есть цели, планы — для меня это жизненный успех» (Гаврилов-Ям, Ярославская область, молодежь, 2017).

«Это реализация своих ранее поставленных целей. Добился сам, понимаешь, как устроена нынешняя жизнь. Будь то открытие собственного бизнеса или покорение Эвереста» (Заячий Холм, Ярославская область, молодежь, 2017).

«Если он осуществил свои задумки или достиг своих намеченных целей» (Москва, студенты, 2017).

«Успешный человек — когда ты знаешь, что хочешь в жизни, ты поставил себе цель, к ней идешь, несмотря ни на что» (Москва, студенты, 2017).

Третья доминанта жизненного успеха — это **баланс, гармоничное сочетание материального благополучия с сильной составляющей самореализации, саморазвития.** Этот критерий — скорее столичная вишенка на торте. Для молодежи Москвы критически важно, чтобы жизнь не ограничивалась только работой, была насыщенной, разнообразной, дающей возможность получать новые знания, приносящей удовольствие. Нередко данный критерий жизненного успеха буквально формулируется участниками московских дискуссий как баланс между работой и личной жизнью. Среди нестоличных городских респондентов такая «продвинутая» характеристика жизненного успеха встречается заметно реже, ее иногда называют как некоторый элемент *must have*, однако не обсуждают, не раскрывают видение подробно.

«Добиться наивысших результатов в своей сфере или в сферах, при этом совмещать в жизни *work-life balance*. То есть, иметь и работу, и личную жизнь, и чтобы все это совмещалось» (Москва, работающие студенты, 2018).

«Я считаю, что человек, который добился успеха в жизни, — это человек, который занимается любимым делом и совмещает это с работой» (Москва, студенты, 2017).

«Самореализация. В образовании, в остальном, в изучении языков... Нужно не бояться делать то, что боишься делать — танцы, вокал, в общем — самореализация» (Волгоград, молодежь, 2017).

«Саморазвитие. Когда человек ищет себя в каком-то любимом деле и развивается в этом направлении» (Гаврилов-Ям, Ярославская область, молодежь, 2017).

Нередко в числе критериев жизненного успеха возникает **карьера.** Ее внимание носит гармонизированный и гуманистический характер, практически

не предполагает такой составляющей как «власть», а формирует образ **поступательного развития, движения вверх, развития и реализации человека**. Карьера сама по себе не цель, а только **инструмент** для достижения других целей, прежде всего материальной обеспеченности и саморазвития. Карьера нередко определяется как хорошая, интересная работа, как **профессиональный успех**. Если для молодежи в этом вопросе важнее продвижение, развитие, некое «нарастание», некоторые количественные измерения, то для людей среднего возраста акценты смещаются к качественным аспектам — содержанию, интересу, признанию профессионализма со стороны окружающих, коммуникационной среде. Важно обратить внимание, что карьера и работа по-разному воспринимаются в качестве мерила жизненного успеха в столице и за ее пределами. В провинции ценности развития, роста актуализированы среди молодежи, тогда как средние возраста сводят успешность в работе к достатку. В столице же качественные составляющие работы и карьеры как критерий успеха важны для людей среднего возраста, а материальная составляющая подразумевается как что-то, само собой разумеющееся.

«Жизненный успех — это подняться по карьерной лестнице, учиться дальше, более высокое образование. Чтобы потом осуществить свои планы» (Гаврилов-Ям, Ярославская область, молодежь, 2017).

«Карьера — хорошая зарплата, классные проекты интересные, новые знакомства, новое общение» (Москва, средний возраст, 2018).

«Профессиональная состоятельность. Я бы сюда включил два момента. Первое — дело, которым человек занимается, приносит ему удовлетворение, ему нравится то, что он делает. И второе — это признание со стороны окружения» (Москва, средний возраст, 2018).

«Когда ты профессионал в своей области, не глядя, ночью разбуди, и он сделает, как надо. Это багаж знаний и накопленный опыт, который он может передать кому-то или изложить в книге, в статье» (Москва, средний возраст, 2018).

Важными критериями жизненного успеха, особенно в средних возрастах (но, хотя и реже, и среди молодежи), являются такие социальные измерения, как **востребованность** в разных ипостасях — как работника, как личности, как члена семьи, а также **социальный статус**. Среди молодежи критерий как составляющая жизненного успеха меньше актуализирован.

«Жизненный успех — это то, что ты востребован, в плане рабочего, в плане мамы, жены, а вообще в плане человека» (Барнаул, средний возраст, 2018).

«Востребованность человека на протяжении всей его жизни, в профессии, для любимых людей, для родственников, чтобы человек чувствовал себя нужным в этой жизни» (Воронеж, средний возраст, 2018).

«Востребованность, то есть когда ты нужен в семье, на работе. Нужны твои знания и жизненный опыт, что это все нужно, что это не впустую ушло, что распространяется на других» (Москва, студенты, 2018).

«Жизненный успех — это когда тебя люди поддерживают, когда за тобой стоят» (Москва, средний возраст, 2018).

«Жизненный успех заключается в статусе человека, который занимает в обществе» (Москва, средний возраст, 2018).

Несколько реже, но также встречались мотивы определения жизненного успеха через понятия **гармонии, внутреннего комфорта**, общей удовлетворенности течением жизни.

«Детей может не быть, родители могут рано уйти, ты можешь быть один. Но когда ты с собой в гармонии, тогда можешь найти работу, ты тогда можешь найти друзей, тогда можешь сделать всё» (Воронеж, средний возраст, 2018).

«Внутренний комфорт. Дело в том, что для любого человека, и для меня в том числе, чем измеряется — если я удовлетворен внутренне, то есть душевно, то, я считаю, что я этого достиг» (Воронеж, средний возраст, 2018).

«Гармония — это состояние, наверное, при котором ты чувствуешь, что ты все делаешь правильно» (Москва, работающая молодежь, 2018).

Жизненные цели: от модели успеха к собственным планам

В исследовании отдельное внимание уделено тому, как формируются сегодня жизненные стратегии, в какой степени они соотносятся с представлениями о жизненном успехе, какие инструменты или препятствия для реализации собственных планов видят респонденты. Характер перехода в дискуссиях от обсуждения более общего понятия жизненного успеха к **собственным жизненным стратегиям** показал, что в большинстве случаев молодые респонденты задумались над предложенным вопросом впервые, **он слабо отрефлексирован**. Спонтанные ответы носят оттенок усредненных «нормальных» пожеланий (хорошая работа, хорошая семья). За декларируемыми целями в подавляющем большинстве случаев не стоит конкретного плана действий или даже представлений о ключевых этапах и сроках достижения этих целей, необходимых ресурсах. Многие вообще не могут сформулировать свои жизненные цели даже в первом приближении. Такая ситуация является общим местом как для провинциальной, так и для столичной учащейся молодежи.

«Вообще очень сложно сказать, что важно через 10 лет. Но в целом, наверное, заниматься интересным делом. И, наверное, не испытывать какую-то нужду» (Москва, студенты, 2018).

«У меня нет планов на 10 лет. У меня все по обстоятельствам» (Москва, студенты, 2018).

«Я не знаю, за 10 лет многое может измениться. Не знаю, хочу быть свободнее, наверное. Путешествовать больше» (Гаврилов-Ям, Ярославская область, молодежь, 2017).

«Я в принципе пока особо не задумывался, но возможно всё» (Москва, работающая молодежь, 2018).

Чаще всего в качестве жизненной цели упоминается **работа, дающая стабильный заработок, достаточный для покрытия текущих расходов**. Применительно к собственным жизненным стратегиям «любимая, интересная работа» звучит реже чем «работа со стабильным доходом». Стабильность (заработка и жизни в целом) выступает в качестве главной жизненной цели для нестоличной молодежи, как городской, так и сельской. В Москве тревожность, вызванная нестабильностью, и соответствующие жизненные планы на ее «нейтрализацию», встречаются реже; при этом если в провинции выражен запрос на стабильность «минимума»

(«чтобы хватало на коммунальные услуги»), то на московских дискуссиях этот минимум дополнялся более высокими запросами.

«В плане — любимая работа, которая будет доставлять определенный заработок, которого будет хватать на коммунальные услуги...» (Волгоград, молодежь, 2017).

«Это когда я спокойно могу знать, что завтра я буду на той же работе, завтра у меня будут деньги. Чтобы я могла питаться, заниматься танцами» (Гаврилов-Ям, Ярославская область, молодежь, 2017).

«Стабильный заработок, при этом не ограничиваться на выбор профессии в одном направлении, потому что чтобы развиваться, надо открывать что-то новое. В рамках одной специализации, мне кажется, это невозможно. Поэтому надо пробовать новое, но стараться, чтобы по финансам хватало, чтобы был прожиточный минимум, и чтобы путешествовать можно было» (Москва, студенты, 2018).

Другой образ желаемой работы связан с возможностью получить **руководящую должность**, при этом другие параметры работы в представлениях респондентов часто «обнулены», не упоминается конкретная профессия, сфера деятельности, набор компетенций, уровень заработка и т. п. **Ключевое требование — не быть «простым рабочим»**. Этот жизненный ориентир очень ярко выражен в ходе дискуссий с московской молодежью, как работающей, так и учащейся. В провинции он тоже был обозначен, но заметно реже, к тому же статус «должностного запроса» здесь ниже (если в Москве это директор организации, руководитель собственного бизнеса, то в провинции — линейный руководитель).

«Я бы хотел открыть какое-нибудь свое личное дело, чтобы не то чтобы не работать, а не зависеть от начальства» (Москва, студенты, 2018).

«Хочу продвинуться по карьерной лестнице, прям, может, стать директором (школы) в ближайшее время. Или открыть какую-то свою школу частную» (Москва, работающая молодежь, 2018).

«Реализовываться в карьере и двигаться вперед, конечно. Ну, чтобы должность» (Москва, работающая молодежь, 2018).

«Ну, допустим, директор какого-то отдела. Ну, во, желательно, конечно, можно сказать, свой бизнес открыть» (Москва, работающая молодежь, 2018).

«Мне бы хотелось не быть простым рабочим, хотя бы со средним специальным образованием, чтобы занять хоть какую-то руководящую должность. Хотя бы добиться хоть чего-нибудь, чтобы не работать день и ночь...» (Москва, студенты, 2017).

«Должность — какая-нибудь высшая руководящая... даже не знаю. Там будет видно. Определимся. Из высшего руководящего состава, где-нибудь в управлении закрепить себя в своем» (Заячий Холм, Ярославская область, молодежь, 2017).

Таким образом, в жизненных целях, которые молодежь ставит для себя на ближайшее десятилетие, в качестве главного маяка вырисовывается работа, дающая ключ, во-первых, к стабильному доходу, а во-вторых — к независимости, свободе от начальства. Есть еще и третье обстоятельство, благодаря которому сфера профессиональной занятости попадает в фокус жизненных стратегий — **возможность чувствовать себя востребованным, нужным**. Этот мотив звучал на московских дискуссиях среди студенческой молодежи — эта группа, вкладывает сегодня существенные ресурсы, прежде всего временные и финансовые, в свое профессиональное образование, и потому наиболее чувствительна к возможному грядущему фиаско в профессии.

«Востребованность, чтобы через 10 лет меня разрывали на части. Еще одна вещь — это частично превзойти тех, кто меня обучал. Если не превзойти, то хотя бы быть на одном уровне, написать учебник, какую-нибудь работу в соавторстве» (Москва, учащиеся, 2018).

«Через десять лет я вижу себя востребованным специалистом на рынке труда, у которого стабильный доход есть, в общем, я смогу содержать свою семью» (Москва, студенты, 2017).

Самостоятельную ценность в глазах молодежи имеет такая жизненная цель, как **отдельное жилье**. Желаемый образ семьи — двухпоколенная семья, проживающая отдельно от поколения бабушек и дедушек. Соответственно, наличие жилья для такого отделения — важнейшая цель. Однако **конкретного пути достижения этой цели у многих из тех, кто ее перед собой ставит, нет**. Искомые заработки в большинстве случаев не предполагают «запаса», достаточного для приобретения недвижимости (актуальный запрос — стабильный доход для покрытия текущих расходов, с минимальным «навесом» для накопления). Впрочем, у работающей московской молодежи кейсы с наличием ресурсов (причем сформированных самостоятельно) все же встречаются.

«На самом деле у меня квартирный вопрос, я живу с родителями, поэтому хотелось бы через 10 лет иметь собственную жилплощадь. Для начала хотя бы однокомнатную» (Москва, работающая молодежь, 2018).

«Главным своим достижением я считаю, что у меня лежит хорошая сумма в банке на сегодняшний день. Через два года я планирую покупать себе квартиру. Естественно, в ипотеку» (Москва, работающая молодежь, 2018).

«Самое главное, я хочу, чтобы была собственная квартира, даже не в ипотеку взять, а как бы накопить... С ипотекой, с такими процентами... На первых порах хоть какая-нибудь» (Москва, студенты, 2017).

Ранее обозначенный тренд на мобильность и путешествия как мерило успеха проявляется и при постановке собственных жизненных целей. В большинстве случаев речь идет о том, чтобы **«попутешествовать»**, однако звучат и вполне определенные намерения строить свою жизнь в другом месте, в другой стране. В то же время очевидно, что часто эта цель минимально проработана с точки зрения инструментов ее достижения и в плане критериев ее результативности выглядит скорее как мечта, нежели как выбранный фарватер для конкретных действий.

«Одна из моих будущих профессий должна быть такой, что не надо сидеть в офисе на месте, а свободная работа, когда можно в любой точке мира путешествовать. Сел и поехал» (Москва, студенты, 2018).

«Я хотел бы посетить все страны, и хотя бы в нескольких из них пожить. Потому что мир не заканчивается на МКАДе. После посещения стран я придумаю, что я бы хотел делать в этих странах, и вернуться в какую-нибудь из них» (Москва, студенты, 2018).

«У меня цель — путешествия. Когда нет постоянного места жительства. По России всякие города. Возможно, это будет не всю жизнь мою, но в какой-то период, хотелось бы так» (Волгоград, молодежь, 2017).

«Хотел бы получить по специальности работу где-нибудь в Европе, ну, за рубежом. И вывезти свою семью туда же» (Москва, работающая молодежь, 2018).

В обсуждении собственных жизненных целей многие респонденты говорили о своем желании **продолжить образование** (получить первое высшее, второе

высшее). При этом конкретного применения этому образованию респонденты пока не видят, оно мыслится как **некая страховка, возможное подспорье**. Под влиянием тиражируемых стандартов непрерывного и дополнительного образования молодежь готова тратить время (а многие — и деньги) на образование «впрок», не до конца понимая его возможную практическую ценность для себя. Практически никогда не идет речи о приобретении конкретных профессиональных компетенций, необходимых для выполнения какой-либо работы, ведения бизнеса; запрос ограничен получением «корочки».

«Вот сейчас я получаю образование, и в соответствии с ним я вполне могу добиться дохода, который позволяет удовлетворять базовые потребности, и даже больше. Мне интересно то, чему я сейчас обучаюсь» (Москва, студенты, 2018).

«Я планирую закончить свою учебу полностью со всеми высшими образованиями. Диплом о высшем образовании. А лучше два. Там, где я работаю, мне это нужно, чтобы расти по карьерной лестнице. Как минимум начальником цеха какого-нибудь» (Гаврилов-Ям, Ярославская область, молодежь, 2017).

«Через десять лет я хочу быть человеком с высшим образованием и со стабильной работой. С дипломом в педагогической сфере. Диплом, чтобы реализовать себя» (Заячий Холм, Ярославская область. Молодежь, 2017).

«Высшее образование. Не знаю пока, какое. Пусть будет. Я буду что-то знать» (Заячий Холм, Ярославская область, молодежь, 2017).

«Я бы хотел приобрести важные связи и два образования. Потому что одно образование, конечно, хорошо, но два лучше. Мне нравится развиваться. Для достижения возможных целей. Просто если у тебя есть возможность куда-то больше продвинуться, чем в одной сфере, почему бы не заняться этим?» (Москва, студенты, 2017).

В наибольшей степени стремление к «корочкам» свойственно сельской молодежи, которая видит в дипломе условную «волшебную палочку», гарантирующую в будущем хорошую работу, доход. Напомним, что среди московских студентов, напротив, проявляется тревожность в отношении того, что они могут оказаться невостребованными. В этом смысле показательны широко распространенные среди московской молодежи **установки на саморазвитие и укрепление уверенности в себе** как ресурс для решения жизненных задач. Уверенность в себе становится серьезным подспорьем (если не альтернативой) профессиональному образованию.

«Уверенность в себе — это мой ресурс. Не бояться что-либо менять в своей жизни, не бояться действовать, не бояться воплощать свои мечты» (Москва, студенты, 2018).

«Человек сам себе придумывает все это, что я не могу, все это против меня, кризис и вообще пойду, дома полежу на диване. Я считаю, что можно в любой момент всегда добиться всего, что захочешь» (Москва, работающая молодежь, 2018).

«Цель — получить международное признание тоже в своей сфере, и никогда не останавливаться в саморазвитии. Чем дальше ты идешь, тем дальше идет планка. Чем больше у тебя самоуверенности, тем дальше идет цель» (Москва, работающая молодежь, 2018).

В целом можно констатировать, что большинство представителей молодежи не планирует, не выстраивает собственных жизненных стратегий. Немногие имеют конкретный план действий, конкретные шаги и механизмы достижения поставленных целей и задач на период, превосходящий год.

Горизонт планирования носит краткосрочный характер («живу одним днем», «не загадываю») — ограничивается промежутком от месяца до года, реже планируется будущее на среднесрочную перспективу — четыре-пять лет. Более длительное жизненное планирование свойственно единицам. Причины краткосрочности планов: отсутствие стабильности в положении дел как в стране, так и в профессиональной сфере («в любой момент может все поменяться»), неуверенность в завтрашнем дне, в своем положении («сегодня работа есть, а завтра нет»).

Суммируя выраженные в ходе дискуссий позиции, можно выделить укрупненно несколько **базовых жизненных стратегий молодежи**.

1. **Стратегия «Быть готовым ко всему»** — отсутствие видения собственного будущего и жизненных планов для многих не проблема, воспринимается как естественная ситуация. Залогом спокойного восприятия того, что у их будущего нет даже примерного образа, является уверенность в своей способности изменяться вместе с ситуацией, адаптироваться под нее. Соответственно, целью становится обеспечение себе максимально широкого репертуара возможностей — знаний, компетенций, связей («Время у нас такое переменчивое, нужно быть готовым к этому»). Данная стратегия в столице дополняется установками на саморазвитие в плане постановки целей, обретения уверенности в себе, готовности меняться и т. п.
2. **Стратегия «Профессиональная реализация»** — стать лучшим в своем деле, чтобы обеспечить будущее. Адепты этой стратегии готовы жертвовать своим свободным временем, досугом, общением, начать «вкалывать», и такой видят свою ближайшую жизненную перспективу.
3. **Стратегия «Смена места жительства»** — переезд в крупный мегаполис, другой город. Часть респондентов в качестве возможного сценария рассматривали переезд в другую страну. Причины: отсутствие возможности профессиональной самореализации, угроза безработицы, низкая заработная плата по специальности (в сравнении с другими регионами).

Жизненные планы: ресурсы и барьеры

В ходе фокус-групповых дискуссий разговор об успехе и жизненных целях продолжался обсуждением того, как молодежь оценивает свои возможности для реализации поставленных задач, какие видит причины, могущие помешать воплощению задуманного в жизнь.

Дискурс этой части обсуждений выстраивался вокруг **проблем, связанных с возможностями для трудоустройства, нахождения работы по специальности, с достойной оплатой труда**. Важный фактор профессиональной самореализации, особенно в малых городах — существенные ограничения возможностей для тех, кто не обладает «нужными связями» по причине тотально распространенного **кумовства** (оно стало в нестоличных группах главным лейтмотивом дискуссий). В Москве кумовство как препятствие для реализации собственных стратегий упоминается реже в силу больших масштабов и разнообразия на рынке труда, скорее, здесь чаще говорили о связях как об имеющихся условиях успешной самореализации.

«Каким бы ты ни был умным, хорошим, старательным, трудолюбивым и т. д., если есть „блат, сестл“ (шутка юмора), то этот человек спокойно займет твое место, место,

на которое ты метишь. Возможно, от тебя не будет зависеть, когда твою цель возьмет кто-то другой» (Волгоград, молодежь, 2017).

«У меня есть, допустим, мой карьерный план — на какую должность, куда я устраиваюсь на работу, а туда, не секрет, устраиваются по связям, и таких связей у меня может не быть» (Гаврилов-Ям, Ярославская область, молодежь, 2017).

«На хорошие должности берут только по связям» (Волгоград, молодежь, 2017).

Если для большинства респондентов в нестоличных поселениях связи и кумовство при профессиональном продвижении (точнее, отсутствие связей) — это препятствие, то для некоторых из них и еще в большей степени для москвичей связи — это искомый инструмент для реализации своих жизненных целей, для «смазки» социального «лифта».

«У меня вскоре может появиться возможность устроиться кое-куда» (Москва, учащаяся молодежь, 2018).

«Ну, касаясь трудоустройства у меня есть некие связи, которые помогут мне пробиться» (Москва, студенты, 2017).

«Из ресурсов у меня, как я считаю, достаточное количество знакомых и несколько очень хороших друзей из нужных сфер, есть несколько очень влиятельных» (Москва, работающая молодежь, 2018).

«У меня есть знакомые в плане сетевого маркетинга, и еще знакомые есть, которые вещами занимаются. Они могут и опытом, конечно же, поделиться, и, возможно, пристроить, к себе куда-то взять» (Москва, работающая молодежь, 2017).

При этом у кумовства много граней: оно является препятствием не только для тех, кто реализовывает себя как наемный работник, но и для тех, кто мыслит и действует в формате собственных бизнес-стратегий. Без связей и вступления в коррупционные схемы, по общему мнению, формирующемуся в ходе дискуссий, невозможно преуспеть не только на рынке труда, но и на любом другом рынке.

«В основном рынки у нас — армян, азербайджан, кто русский человек там — могут давить, давить, давить, пока не выдавят. У нас на рынке торгуют те, у кого есть какие-то связи» (Заячий Холм, Ярославская область, молодежь, 2017).

«Трудновато развивать бизнес, потому что, так сказать, тому занеси, этому занеси, там еще что-нибудь. Ну, в общем именно нужно и на ресторан капитал скопить, и еще скопить капитал, чтоб тебе разрешили его открыть. Давление бизнеса со стороны чиновников» (Москва, работающая молодежь, 2018).

Реализация профессиональных стратегий, особенно в нестоличных поселениях, сильно осложнена такими проявлениями сложной экономической ситуации, как **сужение рынка труда и высокая конкуренция специалистов**. Рынок в восприятии значительной части молодежи для них закрыт, занят другими. В результате многие меняют полученную профессию сразу после окончания учебы.

«На высоких должностях сидят взрослые люди, которым уже давно пора на пенсию. Ты не поднимешься, пока этот человек не уйдет оттуда. И даже на заводе возможно так. Везде» (Гаврилов-Ям, Ярославская область, молодежь, 2017).

«У нас молодой человек выходит из любого университета, ему идти некуда. Все места уже заняты. Новые предприятия почти не открываются, а все, что есть, уже заняты. Все меняют свою специализацию. То есть выпускаются по одной профессии, а потом меняют, уходя в сферу обслуживания» (Волгоград, молодежь, 2017).

«Нет вакансий. Рынок переполнен людьми, и фраза, что проблемы у людей — это новые люди, выпускающиеся из вузов, может быть немного абсурдна, но отчасти. Потому что людей много — мест мало» (Волгоград, молодежь, 2017).

Осложняет ситуацию **отсутствие опыта работы у молодых специалистов**, из-за чего они попадают в замкнутый проблемный круг «отсутствием опыта — невозможность устроиться на работу — отсутствие опыта». Низкий уровень жизни, отсутствие финансового запаса, отсутствие серьезной финансовой поддержки со стороны родителей (особенно в малых поселениях) не дают молодежи пользоваться возможностью набираться профессионального опыта на малооплачиваемых позициях. Нередко ответственность за отсутствие у них опыта работы молодежь возлагает на систему профессионального образования, которая не предполагает освоения конкретных навыков и овладения компетенциями, а ограничивает выпускника теоретическими знаниями.

«Из ресурсов — в отличие от одногруппников и тех, кто учится, у меня имеется практика» (Москва, работающая молодежь, 2018).

«На Западе образование более профильное. Я вот много учебных учреждений закончила, но найти работу... А там колледж если закончил, то сразу пойдешь по специальности» (Москва, работающая молодежь, 2018).

«Ты приходишь устраиваться на работу, у тебя спрашивают стаж полтора года. Откуда он, если ты закончил учебу? Всё» (Заячий Холм, Ярославская область, молодежь, 2017).

«Несовершенство высшего образования, когда нам пихают теорию, но у нас по сути нет никакой практики. Выходит готовый специалист, он не может никуда устроиться, потому что у него нет опыта работы даже на самых банальных низших должностях» (Москва, студенты, 2017).

Как для тех, кто реализуется в качестве наемного работника, так и для тех, кто планирует и уже развивает собственный бизнес, серьезным препятствием является **недостаток финансов**. При этом при обсуждении этой проблемы практически не упоминаются такие возможности ее решения, как кредиты (на образование, на развитие бизнеса и т. д.); если у респондентов и есть понимание того, как они будут решать эту проблему, то решение связано с помощью со стороны близких (родителей, супругов). Отсутствие стартового капитала для многих делает труднодоступной и стратегию переезда на другое место жительства.

«Нужно постоянно совершенствоваться, а программы, по которым осуществляется обучение, — далеко не дешевые. Чтобы повысить квалификацию, чтобы самосовершенствоваться, может не хватить денег» (Волгоград, молодежь, 2017).

«Финансы, стартовый капитал должны быть. Ну, для того чтобы открыть школу и сад, вклад должен быть гораздо больше, чем открыть торговую точку» (Заячий Холм, Ярославская область, молодежь, 2017).

«Хочешь изучать язык, предположим... Тебе надо какую-то сумму на курсы, причем немалую. Хочешь пойти обучиться этому, опять-таки... опять все упирается в деньги, и эти суммы растут в геометрической прогрессии» (Москва, работающая молодежь, 2018).

«Из-за того, что все платное, очень часто люди не доходят до какой-то своей цели» (Москва, работающая молодежь, 2018).

Особое место в тревогах респондентов относительно того, что может им мешать в реализации жизненных целей, занимают **постоянно меняющиеся**

правила игры — как в законодательной сфере, так и в сфере непосредственной экономической деятельности, конкретных договорных отношений.

«Мешать может политика государства нашего. Все что угодно может быть. Повысят ставку кредитов. Финансовый кризис грянет, я не знаю. Решат библиотеки сократить. Абсолютно все что угодно» (Москва, работающая молодежь, 2018).

«Если брать квартиру в ипотеку, то возможно повышение процентной ставки по ипотеке до запредельных возможностей, когда я уже не потяну, допустим, нужно будет искать вторую, третью, четвертую работу, чтобы оплачивать» (Москва, работающая молодежь, 2018).

«Придумают какое-нибудь новое правило для частного предпринимательства, урежут рамки бизнеса и так далее, и тому подобное. Ты хочешь, но ты этого не можешь» (Москва, работающая молодежь, 2017).

В связи с этим отметим важную тенденцию, на которую обратили внимание авторы доклада «Признаки изменения общественных настроений и их возможные последствия» С. Белановский, М. Дмитриев и А. Никольская — переключение россиян на внутренний локус контроля. В их исследовании 94% респондентов заявили, что больше не полагаются на государство, а полагаются только на себя. Вывод базируется на гипотезе, что государство не смогло помочь людям в ходе экономического кризиса, и они вынужденно начали полагаться на собственные силы. При этом идет отчуждение от государства и стремительный рост индивидуализации ожиданий индивидов, стремящихся к счастью и самореализации [Белановский, Дмитриев, Никольская, 2018: 21].

В нашем исследовании в 2018 г. также зафиксированы выраженные установки респондентов на внутренний локус контроля в вопросах, связанных с возможностями реализации собственных жизненных планов. Не только молодежь демонстрирует внутренний локус контроля, его же придерживаются и респонденты средних возрастов, когда комментируют возможный успех своих жизненных планов, подчеркивая, что все здесь зависит от них, а главные риски — это собственное нежелание, изменение приоритетов и т. п.

«Мои цели ни от чего (внешнего) не зависят» (Москва, учащаяся молодежь, 2018).

«Человек сам себе придумывает все это, что я не могу, все это против меня, кризис... и вообще пойду, дома полежу на диване. Я считаю, что можно в любой момент всегда добиться всего, что захочешь» (Москва, учащаяся молодежь, 2018).

«Главное, чтобы поддерживали близкие люди, что бы ни происходило, а остальное все — это сила воли, упорство, целенаправленность» (Москва, учащаяся молодежь, 2018).

«Мне вообще без разницы на внешние обстоятельства, на условия, я себе свои условия создам, и буду в них жить. Вот так» (Воронеж, средний возраст, 2018).

Апелляции к государству, постоянно меняющему правила игры, уклоняющемуся от ответственности за благополучие граждан, минимальны. Вывод, озвученный одной из респонденток, стоит за позицией многих участников дискуссий: **«наше государство — препятствие для простого человека».**

«Я обожаю Россию, но наше сегодняшнее государство является препятствием для обычного простого человека, препятствие огромное» (Воронеж, средний возраст, 2018).

«Мне может помешать в работе, в построении карьеры и так далее то, что могут резко возрасти цены или подорожает в том числе жилье. И той зарплатой, которую я буду получать, мне уже не будет хватать» (Москва, учащаяся молодежь, 2018).

«Раньше говорили людям: ты делай свое дело как следует, и больше ни о чем не думай. Страна о тебе позаботится, у тебя все будет. Сейчас никто тебе ничего такого не скажет. Ты должен впахивать, как папа Карло, и мечтать» (Москва, средний возраст, 2018).

«Государство мало чем помогает. То налоги увеличиваются, то курс доллара, евро растет вместе с ними и ценами. И цены почему-то не понижаются. Поддержки не чувствуется. Только от самих людей» (Москва, средний возраст, 2018).

«Человек в критических условиях жизненных находится, в очень сжатых рамках, государство ему не позволяет жить в этих условиях. Оно вроде как формально ту функцию выполняет, но на самом деле у человека появляется какая-то мнимая возможность, и это еще хуже делает. Либо поддерживай, либо не поддерживай. Это то же самое, что подаяние: человек лежит голодный, я ему 50 рублей дал, я спокоен. Вроде я формально выполнил свой долг — все хорошо. То же самое делает государство» (Москва, средний возраст, 2018).

При этом если возникает недовольство, то выходом для него становится желание уехать из страны в более благополучное государство.

«Россия не соответствует статусу правового государства. Легче развиваться в той стране, где ты уверен, что твои права не будут как-то ущемляться, ты сможешь получить защиту от государства, от властей» (Москва, учащаяся молодежь, 2018).

«Иногда очень хочется бросить всё, сдать имеющуюся недвижимость и уехать в другую страну, типа Черногории, что-то спокойное. От опасения развязывания войны до каких-то невообразимых вот этих налогов, препятствий малому бизнесу» (Воронеж, средний возраст, 2018).

«Самое важное, чтобы не закрыли границы. Если что, всегда можно быстрее реализовать все цели не здесь, а в другой стране. Самое важное, чтобы была всегда возможность уехать, что бы ни происходило в стране» (Москва, учащаяся молодежь, 2018).

Россия — страна возможностей?

В дискуссиях мы особое место уделили обсуждению ситуации в стране в целом как общего фона, некоторых объективных обстоятельств, в которых формируются представления людей о жизненном успехе и путях его достижения. **Ключевой негативный маркер текущего положения дел в стране — неблагоприятная экономическая ситуация, обеднение населения, безработица.** Такой страна видится прежде всего жителям нестоличных поселений, однако и москвичи включают экономические трудности и низкий уровень жизни в характеристики сегодняшней России. Подчеркиваются тренды на рост цен, в том числе на продукты первой необходимости, снижение материального благополучия социально уязвимых категорий (пенсионеры, студенты). В целом ситуация определяется как «люди для экономики, а не экономика для людей».

«Единственная ассоциация, которая у меня на данный момент есть с Россией, — это вечное безденежье, кризисы, коррупция, плохая медицина. Нестабильность. Даже в той же самой работе» (Волгоград, молодежь, 2017).

«Инфляция — очень огромная наша проблема. Сколько я езжу, ни разу не видел, чтобы что-то упало в цене. Бензин. Хлеб тот же самый, молоко. Каждый день только

дороже. Зарплата остается на том же уровне. И, соответственно, безработица по всей стране» (Волгоград, молодежь, 2017).

«У основной массы населения стабильно меньше денег становится. В частности, в рабочих профессиях. Мы уже настолько привыкли к росту цен, что не замечаем. Я не знаю, сколько молоко стоит, потому что на прошлой неделе, может быть, было дешевле, а сейчас уже 2 рубля прибавили. Я уже привыкла, что его поднимают» (Барнаул, средний возраст, 2018).

«У нас в Воронеже сколько позакрылось, вспомните: „Сигнал“, ТМП, сколько у нас заводов было. А всех сократили... Ну что это такое, ну что это? Сейчас у нас люди для экономики, то есть за счет обычных людей существует экономика в государстве. За счет взиманий всяких, налогов» (Воронеж, средний возраст, 2018).

Дискуссии 2018 г. спонтанно, по инициативе респондентов выходили на обсуждение вопроса о **пенсионной реформе**. Тема обсуждалась в сугубо негативном ключе, повышение пенсионного возраста всеми воспринимается как наступление государства на права человека. И в целом как характерный пример того типа перемен, которые сегодня происходят в российском обществе — по инициативе государства, нежелательных, ведущих к ухудшению и без того неблагоприятной ситуации.

«Никто меня в 60 лет не будет держать на работе, и перспективы у меня будут самые плачевные. Я себе на пенсию не заработаю, потому что „белые зарплаты“ — это не мой вариант. Пугает необеспеченная старость» (Воронеж, средний возраст, 2018).

«Чтобы пенсионный возраст повышать, надо дать возможность тем же самым 40-летним людям устраиваться на работу. Их же никто не возьмет» (Воронеж, средний возраст, 2018).

«Предлагают какой пенсионный возраст? Вы представляете, что такое 63 года? У меня на даче сосед умер в 63 года. И они же говорят, что для нашего блага. Какого блага?» (Воронеж, средний возраст, 2018).

Респонденты фиксируют не просто ухудшение материального положения людей, а те его проявления, которые свидетельствуют о **достижении некой критической точки, рубежа**, сведения смысла жизни людей к простому выживанию. Внешним проявлением этой рубежности выступает фокусировка на единственной задаче — поиске денег для жизни. Показательно, что такие оценки дают в том числе и молодые москвичи.

«Страна подавленная в последнее время, выживающая, то есть люди, которые живут в ней, — основная масса не живет, а выживает» (Москва, работающая молодежь, 2017).

«Иногда у людей просто нету денег, они живут ради денег: деньги, деньги, деньги, потому что без денег ничего не сделаешь» (Заячий Холм, Ярославская область, молодежь, 2017).

«Раньше были рынки, базары, и бабушки шли туда и закупались. А сейчас негде экономить. На пенсию они не живут, они выживают. У меня сердце кровью обливается, когда бабулька стоит у корзины с гнилыми фруктами и выбирает. Это бред вообще» (Барнаул, средний возраст, 2018).

«Система построена так, что не дает людям жить. Если ты получаешь зарплату 15 тысяч, и 7 должен отдать за коммуналку, на что у тебя остается жить? Это не жить, а существовать» (Воронеж, средний возраст, 2018).

При этом формируется колоссальный **разрыв в уровне доходов** и в целом уровне жизни различных групп населения, воспринимаемый как социальная несправедливость².

«Государство не следит за очень важным моментом — это соотношение богатых и бедных людей в обществе, тем самым разрушая свою собственную стабильность. Я бы все-таки у богатых все-таки больше отнимал, через налоги бедному отдавал» (Москва, средний возраст, 2018).

«Расслоение общества. Нет такого равенства, как раньше было. Есть бедные, есть богатые. Это ведет к совсем другим ценностям. Безнаказанность какая-то появилась у людей» (Москва, средний возраст, 2018).

Вторая группа негативных характеристик, образов, ассоциаций формируется вокруг **феномена коррупции**, которую молодежь воспринимает как всепроникающую, неизживаемую, тотальную, развивающуюся. На этот смысловой стержень «нанизываются» связанные проблемы — кумовство во всех сферах, незаконные поборы, безнаказанность. Коррупция как главный маркер сегодняшней России в равной степени часто упоминается во всех группах — от сельского поселения до Москвы.

«У нас даже судьи говорят, что законы пишут так, чтобы можно было где-то как-то... Один сможет оплатить и не сесть в тюрьму по неосторожности, а другой не сможет и сядет» (Барнаул, средний возраст, 2018).

«Люди, которые стоят у кормушек, очень хорошо кушают из них, и ничто их не сдерживает. Тут нужны судебные перемены. Я за смертную казнь» (Воронеж, средний возраст, 2018).

«Главврачи и так далее, они настолько умеют забрать себе некоторые деньги, откаты. Деньги, выделенные на здравоохранение, на 30 % разворовываются» (Воронеж, средний возраст, 2018).

«Сейчас у меня Россия у меня ассоциируется с коррупцией. Везде. Всех чиновников пересадили» (Гаврилов-Ям, Ярославская область, молодежь, 2017).

«Прцветает коррупция, просто везде, повально, это нормой стало своеобразной. Человек уже и не задумывается об этом, участвует» (Москва, студенты, 2017).

«Наша страна коррупционная очень, поборов, денег и все... Кошельки люди набирают, страна не развивается» (Москва, работающая молодежь, 2018).

Как производный от ведущих негативных тенденций в экономике и коррупции в сознании молодежи формируется образ **страны, теряющей контроль над собственной жизнью и благополучием**.

«Страна перестает развиваться так, как развивалась раньше. Меньше внимания уделяют проблемам в стране» (Гаврилов-Ям, Ярославская область, молодежь, 2017).

² Это подтверждают свежие данные исследований Тома Пикетти и его соавторов о неравенстве в России, согласно которым по уровню неравенства Россия опережает европейские страны, и даже Китай; почти половина всех доходов сконцентрирована в руках 10% самых состоятельных россиян. См.: Капелюшников Р. Почему с неравенством не нужно бороться? // Republic. Мнения. 2017. 4 сентября. URL: <https://republic.ru/posts/86142> (дата обращения: 16.12.2019).

Р. Капелюшников подчеркивает, что статданные не отражают всех особенностей явления неравенства, и оно в конечном счете может быть оценено со знаком «плюс». Однако мы исходим из признания факта его существования и негативного социального влияния, опираясь на отражение данного феномена в общественном мнении, в том числе мнении участников групп.

«Россия сегодня — не уверена в завтрашнем дне. Это ужасно, потому что у нас нет практически ни одной сферы, где было бы 100 % идеально организовано, и от этого немножко страшно» (Москва, работающая молодежь, 2017).

Важным маркером современного этапа развития страны является **разрыв между Москвой и остальной страной**, разделение России на два мира — Москва и «не Москва». Причем этот разрыв носит не только экономический характер, но переходит в социокультурную дифференциацию. Респонденты подчеркивают, что такое различие является признаком именно сегодняшнего дня, в отличие от ситуации, характерной для советского периода. Дистанция между Москвой и остальной страной негативно воспринимается не только жителями нестоличных поселений, но и москвичами, у которых помимо сочувствия провинции еще и велико раздражение в связи с постоянным притоком в Москву мигрантов со всей страны и из-за рубежа, вызванным обеднением населения.

«Из Москвы, Питера приезжают сюда и говорят, что у нас здесь время остановилось. Не знаю, почему, именно Уральские горы. Там жизнь движется, какие-то реформы, как-то для людей. А здесь все стоит на месте, замерло. Страна одна, вроде все едино, но регионы почему-то развиваются по-разному» (Барнаул, средний возраст, 2018).

«Все сосредоточено вокруг Москвы, все стремятся туда, все денежные средства в эту Москву. На втором месте — Питер. Радиально-кольцевая система. В центре — Москва, все остальные города по степени все дальше и дальше. Бедствуют. Развития города нет. Без денег. Без населения. Все население уезжает в эпицентр, в Москву» (Волгоград, молодежь, 2017).

«Москва и приближенные к ней другие города и области похожи на Древний Египет. Москва — это фараон, а близлежащие города и области — это как рабы, которые ее подкармливают и все ей дают» (Заячий Холм, Ярославская область, молодежь, 2017).

«Россия стала очень неоднородной. Разные ценности, стремления, даже разные вкусы в оформлении улиц города» (Москва, студенты, 2017).

«Ты можешь найти и реализовать себя только в таких миллионниках, как Москва. Другие города не развиты, поэтому многие едут искать себя здесь. Я бы хотела, чтобы Россия была такая, то есть Москва — Москва, пускай это будет Иваново — Иваново, такие же условия, как в Москве» (Москва, работающая молодежь, 2018).

Еще один аспект, который, по нашему мнению, важен для понимания общей ситуации, влияющей на жизненные стратегии молодых россиян и людей среднего возраста, — текущий информационный контекст. Его оценки весьма критичны и могут быть сведены к некому общему образу **инструмента манипулирования общественным сознанием**. Это считается, с одной стороны, в официальных сообщениях, характеризующих ситуацию в стране как благополучную («инструмент притупления бдительности»), а с другой стороны — в потоках негативной информации, которая усиливает тревожность населения («инструмент запугивания»). Питательную среду для этого, своеобразный информационный «гумус» создает перенасыщенное информационное поле, в котором человеку трудно ориентироваться, отделять важное от неважного, что делает его уязвимым.

«Меня не покидает ощущение, что у нас потемкинские деревни. Нам говорят, что у нас все замечательно, все замечательно, а на самом деле этого нет. Того, что говорят» (Заячий Холм, Ярославская область, молодежь, 2017).

«Посмотрите наш телевизор. НТВ — там убивают, душат, грабят. На другом мусолят — кто-то кого-то изнасиловал. Третья программа — самолет упал. Жертвы. Раньше такого не было. Мне кажется, этим делом просто отвлекают от экономики людей» (Заячий Холм, Ярославская область, молодежь, 2017).

«Мне кажется, все газеты, все новости — абсолютно... там пишется и показывается то, что выгодно властям» (Москва, учащаяся молодежь, 2018).

«Градус информированности людей повысился. Обилие информации приводит ко всяким депрессиям, всему прочему. Нужно очень быть собранным человеком, чтобы понимать, что происходит, оставаться в тех коридорах, которые тебе требуются, чтобы сохранять внутреннее спокойствие, двигаться дальше, развиваться» (Москва, средний возраст, 2018).

«С телевидения льется много непонятного. А у меня мама считает, что если по телевизору что-то сказали, то так оно и есть. Она этому верит беспрекословно» (Москва, средний возраст, 2018).

В московской молодежной среде такое негативное восприятие «России информационной» усиливается за счет опасений, связанных **с ощущением тотального контроля над населением**, невозможностью для граждан открыто высказывать собственное мнение, опасениями за собственную безопасность.

«Я считаю, что наше правительство нас очень сильно контролирует. Я себя чувствую, как в полицейском государстве» (Москва, работающая молодежь, 2017).

«Смотрю новости, видя все со стороны, сейчас у нас почему-то идет... запрет даже свободы слова, ты даже если чего-то хочешь сказать, если что-то хочешь сделать — ты выйдешь, тебя повяжут, и ты будешь ехать в „бобике“. Даже сейчас, как бы это глупо ни звучало, отслеживается в социальной сети. Ты поставил лайк, высказал свое мнение, после этого через три дня тебя уже нашли. У нас же свободная страна, мы должны отстаивать свое мнение, мы должны пытаться, пробовать сделать наш же мир лучше, где мы сами будем жить» (Москва, учащаяся молодежь, 2017).

В пандан к такому восприятию текущей ситуации еще один признак, фиксируемый респондентами, — долготерпение населения и невозможность повлиять на текущую ситуацию, достучаться до власти, донести свое мнение и получить на него адекватную реакцию, пробиться через бюрократическую систему, создающую, по мнению участников дискуссий, иллюзию обмена информацией, видимость работы для неработающих институтов.

«Мы миримся вот с ситуациями, что для людей ничего хорошего не делают. А у нас выбора нет. У нас люди также устраивают митинги, но это все проходит мимо. Просто выбора нет у людей. Никто не слушает наше мнение» (Волгоград, молодежь, 2017).

«Все врут, пишут бумажки, которых не существует. Мы врем, что мы учим детей, дети врут, что они учатся, родители врут, что они их воспитывают. В общем, все мы немножечко во вранье погрязли. А правительство врёт, что оно заботится о народе» (Воронеж, средний возраст, 2018).

Говоря о возможных переменах в стране, участники фокус-групповых дискуссий были довольно осторожны, мнения «за» и «против» перемен разделились примерно поровну. Но в целом дискуссии 2018 г. отличаются от дискуссий 2017 г. более свободным оперированием понятием «перемены», более выраженными запросами на существенные изменения, вплоть до смены власти (тогда как в 2017 г.

чаще подчеркивалось, что изменения не должны носить радикального характера, не должны привести к смене власти; высказывались страхи в связи с возможным уходом В. Путина с поста президента страны). Сравним цитаты дискуссий 2017 г. и спонтанно развернувшейся дискуссии 2018 г. в Воронеже.

2017:

«Я не говорю, что Путин идеален, но смена власти может привести Россию к краху» (Гаврилов-Ям, Ярославская область, молодежь, 2017).

«Сейчас нет какого-то человека, который пришел бы на место президента и что-то изменил, поэтому для меня большой страх, если вместо Путина придет какой-нибудь Навальный. Это будет крах. Вот тогда надо уезжать из России» (Москва, студенты, 2017).

«Страшно, что действительно придет человек к власти, который еще хуже сделает, еще больше разгромит. Процветать коррупция будет, и вообще тебя уже будут отслеживать» (Москва, студенты, 2017).

2018 (Воронеж):

«Смена правительства. Вот так вот снести, и новое, всех заново посадить. И с позитивом это надо сделать, не со злобой какой-то, а просто взять, и все поменять» (Воронеж, средний возраст, 2018).

«Стыдно правительству должно быть, уйти должно в отставку, если у тебя не получается, а вы 20 лет там протираете. Вот это и есть перемены» (Воронеж, средний возраст, 2018).

«Что надо что-то менять в государстве, наверно, может, даже в строе нашем, я не знаю. Нельзя чтобы все оставалось так же, мне кажется, хуже будет. А то, может быть, как на Украине получится» (Воронеж, средний возраст, 2018).

Однако, несмотря на очевидную актуализацию вопроса о переменах, в том числе во власти, нельзя полностью согласиться с выводом авторов вышеупомянутого доклада о «готовности к быстрым и рискованным переменам в сочетании с запросом на абстрактную справедливость», растущем стремлении населения «искать нереалистичные социально-экономические решения, игнорируя их риски и возможную цену» [Белановский, Дмитриев, Никольская, 2018: 35]. Напротив, участники дискуссий демонстрировали попытки взвешенного подхода. Нынешняя ситуация перенасыщенного информационного поля, воспринимаемая гражданами как признак манипулирования их сознанием, придает им дополнительной осторожности и взвешенности. Например, ставя вопрос о неравенствах в доходах разных групп россиян и справедливости, они не предлагают «взять и поделить», а в пределах своих представлений о возможных инструментах социального «выравнивания» ищут рациональные решения, например, через налоговую систему. Что касается вопроса о смене власти, то спонтанная дискуссия вокруг него, цитаты из которой приведены выше, развернулась только в одной группе из пяти; остальные были сдержаны в оценках; радикальные установки отсутствовали, несмотря на явное разочарование властью на фоне пенсионной реформы.

Отношение к переменам, зафиксированное в ходе дискуссий, ближе к выводу В. Петухова, констатирующего «не отрицание стабильности как общественного блага, тем более в стране, пережившей в своей новейшей истории множество

катаклизмов, а скорее понимание исчерпанности реализуемой властями в данный исторический момент инерционно-охранительной парадигмы общественного развития». Запрос на перемены в такой интерпретации носит «не амбициозный и не радикальный характер», «максимально деидеологизирован и деполитизирован», «связан в основном с социально-экономическими реалиями сегодняшнего дня и проблемами, беспокоящими россиян в наибольшей степени» [Петухов, 2018].

Выводы

Подводя итоги, зафиксируем несколько ключевых выводов. В основе «пирамиды» жизненного успеха молодежи и россиян наиболее активного трудоспособного возраста лежит материальный достаток, помноженный на его стабильность, выступающий в роли основания, от которого «отстраиваются» другие сценарии жизненного успеха (семья, работа и карьера, саморазвитие, развлечения и т.п.). Критерии достатка заметно отличны в Москве и за ее пределами. Вне столицы достаток имеет конкретные материальные измерения (автомобили, бытовая техника и т.п.), ориентирован на средний уровень дохода по региону, имеет главным признаком стабильность. Для москвичей достаток — это возможность не только обеспечивать текущие потребности, но и делать накопления, вложения. Общий для всех критерий необходимого уровня достатка — обеспеченность семьи, которая символизирует образ будущего большинства респондентов, выступает социальным воплощением материального успеха. Вторая доминанта в понимании жизненного успеха — достижение поставленных целей, отражающее стремление молодежи быть субъектом, а не объектом собственного жизненного сценария. Третья доминанта — гармоничное сочетание работы как основного источника дохода и возможностей для самореализации, саморазвития. Факультативно в числе критериев жизненного успеха фигурирует карьера (как инструмент достижения других целей, свидетельство поступательного развития и реализации человека), востребованность, социальный статус, внутренняя гармония человека, а также путешествия.

В отличие от общей, скорее теоретической модели жизненного успеха, понимание собственных жизненных целей на ближайшие 5—10 лет отрефлексировано значительно слабее; жизненное планирование в целом носит **краткосрочный характер** (прежде всего, из-за **нестабильности** общеэкономической ситуации, **неуверенности** в завтрашнем дне). Основной приоритет — **работа со стабильным заработком, достаточным для покрытия текущих расходов**. Второй эшелон целей также связан с работой — достижение руководящих позиций, профессиональное признание и востребованность, путешествия как возможный инструмент географической навигации в поиске будущего места работы и жительства, укрепление уверенности в себе (как ресурс достижения других целей, в том числе профессиональных), продолжение обучения.

Суммируя выраженные в ходе дискуссий позиции, можно выделить укрупненно следующие **базовые жизненных стратегии**. Первая стратегия — **«Быть готовым ко всему»**. Отсутствие видения будущего в этой парадигме — естественно; залог успешности — способность изменяться вместе с ситуацией, адаптироваться под нее; инструмент — максимально широкий репертуар возможностей (знаний, компетенций, связей). Вторая стратегия **«Профессиональная реализация»** под-

разумеает стремление стать лучшим в своем деле, чтобы обеспечить будущее. Третья — «**Смена места жительства**», она предполагает переезд в крупный мегаполис, другой город.

Профессиональная самореализация — основной канал достижения жизненного успеха, перекрытый для многих **кумовством**, господствующим повсеместно и ограничивающим доступ ко всем профессиональным лифтам, от рабочих профессий до предпринимательства, от государственных предприятий и бюджетной сферы до коммерческого сектора. Наиболее сильное негативное воздействие кумовство имеет на жителей нестоличных поселений. Для москвичей связи — скорее фактор, способствующий, нежели препятствующий жизненным планам; многие расценивают и накапливают связи как важнейший ресурс. Препятствиями для реализации жизненных планов, помимо кумовства, закупоривающего социальные лифты, являются **сужение рынка труда и высокая конкуренция специалистов** в результате неблагоприятной экономической ситуации, недостаток возможностей для получения **первичного опыта работы для молодежи, недостаток финансов** (на жилье, образование, развитие бизнеса, переезд и т. д.), **постоянно меняющиеся правила игры**.

Исследование ярко демонстрирует те различия в представлениях о будущем, в понимании жизненного успеха, в возможностях для получения и использования образования для социального продвижения, которые есть сегодня между центром и регионами, и подтверждает одну из основных гипотез исследования. Чем дальше от Москвы, тем реже молодежь говорит о развитии и самореализации, о карьерном росте, тем конкретнее и приземленнее видение жизненного успеха, который сводится к таким простым вещам, как работа, позволяющая прокормить семью, отдельное жилье, машина. Люди мыслят в горизонте полугода, максимум года, неуверенность в завтрашнем дне в условиях по сути депрессивного экономического положения многих регионов делает думы о саморазвитии скорее розовыми мечтами, чем конкретными планами. Молодежь получает образование, но оно далеко не всегда имеет инструментальную ценность, его не во что конвертировать — работа в дефиците, а доступ к дефициту осуществляется через связи и знакомства. Социальные лифты, прежде всего в регионах, неожиданно заканчиваются забитыми дверями, а заменяет их институт связей и кумовства. И это закрепляет тренд к разделению страны на два лагеря, все более дистанцирующихся друг от друга по экономическим, социальным и культурным основаниям — «Москва» и «не Москва». Здесь сегодня пролегает линия социального разлома — в видении и в возможностях, которая сегодня делит страну на два мира.

Список литературы (References)

Белановский С., Дмитриев М., Никольская А. Признаки изменения общественных настроений и их возможные последствия. М. : Комитет гражданских инициатив, 2018. URL: <https://komitetgi.ru/news/news/3902/> (дата обращения: 15.12.2019).
Belanovskiy S., Dmitriev M., Nikolskaya A. (2018) Signs of a Change in Public Sentiment and Its Possible Consequences. Moscow: Committee of Civil Initiatives. URL: <https://komitetgi.ru/news/news/3902/> (accessed: 15.12.2019). (In Russ.).

Петухов В. В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 40—53. <https://doi.org/10.31857/S013216250002784-5>.

Petukhov V. V. (2018) Dynamics of the Social Attitudes of the Russia's Citizens and Making of a Public Demand for Change. *Sociological Studies*. No. 11. P. 40—53. <https://doi.org/10.31857/S013216250002784-5>. (In Russ.).

